

You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice

Title: Russkij rečevoj uzus

Author: Pêtr Červinskij

Citation style: Červinskij Pêtr. (2018). Russkij rečevoj uzus. Ternopol' :
Izdatel'stvo "Krok".

Uznanie autorstwa - Na tych samych warunkach - Licencja ta pozwala na kopiowanie, zmienianie, rozprowadzanie, przedstawianie i wykonywanie utworu tak długo, jak tylko na utwory zależne będzie udzielana taka sama licencja.

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Пётр Червинский

РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ УЗУС

Пётр Червинский

РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ УЗУС

Тернополь
Издательство «Крок»
2018

Рецензент:

Профессор, доктор филологических наук Ярослав Вежбиньски
(Лодзинский университет)

Червинский П.: Русский речевой узус. – Тернополь: Крок, 2018. – 428 с.
ISBN 978-617-692-505-7

Монография представляет работы автора, посвященные разным аспектам такого узуального проявления языка, которое далеко не всегда находит свое отражение в издаваемых словарях и грамматиках, хотя и является тем, что, следует признавать более или менее общезначимым и общеупотребительным. Сфера такого использования, определяемая как речевой узус, рассматривается не только в привычных формах ее бытования в разговорной речи и просторечии (литературном, прежде всего), но также и в сленге, в том числе молодежном, некоторых жаргонах и других так называемых формах языкового подстандарта, или маргинатива. Объектом описания и определения становятся как лексико-семантические, номинативные, фразеологизованные (фразематические), так и структурно-словообразовательные, эмоционально-экспрессивные, коммуникативные, прагматические, стратегические особенности русского речевого узуса, в том числе и в сопоставлении (главным образом с польским языковым материалом). С представлением важных мировоззренческих, концептуальных и дидактических положений и связей характеризуемого предмета.

ISBN 978-617-692-505-7

© Piotr Czerwiński, 2018

Оглавление

Номинативно-семантические проекции

"речевого" сознания.....	7
Семантика узуальной лексемы: модели речевого словоупотребления, структуры типических ситуаций.....	7
Слова-сигналы в когнитивных моделях высказывания (коммуникативные предметно-тематические проекции)	27
Номинативные мотивационные коды и контрастивное изучение речевой узуальной семантики (польско-русские соответствия)	35
Концептуальные и речевые клише как мотивирующая основа знаков-лексем языкового сознания.....	45

Структурно-мотивационные элементы

речевой узуальности.....	59
Суффиксальные образования как способ маркированной социально-оценочной характеристики	59
Суффиксальные формы субъективной оценочности в узуальном аспекте (тематическая группа родственных отношений).....	82
Суффиксы субъективной оценки как элементы структуры слова в контексте занятий по русскому языку.....	98
Однокоренные лексемные формы – суффиксальные образования и лексикализации	114
Суффиксы субъективной оценки и социальный аспект экспрессивности в языке (в отношении лиц).....	124
Суффиксальные образования с -л(а) существительных как формы субъективирующего отображения лиц.....	134
Домашне-семейные и коммуникативно-средовые формы личных имен современного русского речевого узуса	189

Речевая позиция *НЕ*-приятя.....

Речевая стратегия <i>НЕ</i> - и позиция говорящего в языке второй половины XX века	211
Узуальное <i>НЕ</i> - в языке XXI vs. XX века. Диалог коммуникативно-речевых состояний?	233
Образования с <i>не</i> - в контексте социально-политических изменений конца XX века	245

Маргинальные проявления	255
Современный сленг – кодовые снижения и экстремальности как средства экспрессии.....	255
Жаргоны и сленг в аспекте оформления лексического значения слова	264
Номинативы молодежного сленга: Коммуникация и предметный мир маргинального	293
Имплицитность и оценочность речевых словоупотреблений.....	317
Использование общеупотребительных лексем в интимных контекстах и речевых ситуациях.....	322
Золотые нити серебряных струй: мотивационные основания одного маргинального номинатива ('мужское семя').....	351
Некоторые аспекты дидактики	395
Обучение речи и языку: процесс как форма и коммуникативная типология говорящего	395
Речевой русско-польский тезаурус: “Диалог” номинаций в учебных целях	414
Работы и публикации автора по теме.....	427

Пётр Червинский (Piotr Czerwiński), профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Силезского университета, специалист в области семасиологии, этносемантики, этимологии, семантического языка фольклорных традиций, автор учебников, словарей, монографий, компьютерных курсов. Имеет более 500 опубликованных научных работ (в Польше, России, Германии, Венгрии, Чехии, Словакии, Болгарии, Испании, Румынии, Литве, Белоруссии, Украине, Грузии, Латвии; около 100 из них помещено в Интернете, в международных журналах гуманитарного профиля). Основные (книжные) публикации: “Семантический язык фольклорной традиции”, “Семантика слова в системе стихотворного целого (на материале поэзии С. Есенина и Д. Кедрина)”, “Ступени Храма. Этапы этнического сознания. Эскиз модели Священной еврейской истории” (серия из пяти книг), “Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации”, “Наречие. Дидактический словарь”, “Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические аспекты этносемантики”, “Семантико-операциональный язык для диалога с машиной”, “Словари толкования сновидений. Заметки к строению интерпретативной модели”, „Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц”, „Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные”, „Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц”, „Патетизмы советского официоза в аспекте модулятивной семантики”, „Формы и виды бега русской ментальной действительности: семантика узуальных мотивов и обстоятельств”, „Пространства в снах. Семантика ориентационных мотивов”, „Пространства в снах. Типология”, „Парадигматика знаков сна. Параметры семантической единицы”, „Парадигматика знаков сна. Описание системы”; а также написанные в соавторстве: “Логика курса «Русский язык»”, “Русский язык. Введение”, “Русское произношение и правописание”, “Теория и практика русской речи”, “Толковый словарь иностранных слов. Общеупотребительная лексика”, “Большой толковый словарь иностранных слов” (в 3-х тт.), “Энциклопедический мир Владимира Даля” (в 6-ти тт.), “Иностранные слова и словосочетания с ними” (в 2-х частях), “Лингвопсихологический учебник здоровья”, “Иноязычная лексика русского языка (с методикой дидактической игры и творческих заданий)”, “Мой язык и компьютер. Этимологический словарь иноязычной лексики русского языка” (в 2-х частях), “Metaphern des russischen sexuellen EGO. Ein linguopsychologisches Wörterbuch des aktuellen Sprachgebrauchs” (серия выпусков), “Наречие. Семантика, правописание, речевое употребление” (в 2-х частях), “Аспекты лингвопсихологической диагностики партнерских отношений”, “Язык сознания в его вербальных и невербальных реализациях”, “Метафоры русского сексуального EGO: концептуальный подход к описанию лексики и составлению словаря”. Научные интересы связаны с этнолингвопсихологическими проблемами языка и сознания: сопоставительная лексикология, словообразование, ономастика, язык политики и средств массовой коммуникации, язык поэзии и художественной литературы, современный речевой узус, развитие речи и интеллекта, прогрессивные методики обучения. Персональный сайт автора: <http://piotr-czerwinski.narod.ru>, <http://czerwinski.ucoz.net>

НОМИНАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ "РЕЧЕВОГО" СОЗНАНИЯ

Семантика узуальной лексемы: модели речевого словоупотребления, структуры типических ситуаций

Создаваемый и воссоздаваемый ежедневно речевым сознанием концептуальный мир – объект и предметное поле взаимодействий и ориентаций – устроен каким-то определенным парадигматическим образом, исследование которого должно быть предметом лингвистики, внешней лингвистики, по известному определению Ф. де Соссюра [1]. Исследование этого мира, через семантику, семасиологию, семиотику, идеографию, психолингвистику, прагмалингвистику, теорию речевых и коммуникативных актов, давно уже и успешно ведется [2]. В лингвистике собран и подготовлен достаточный материал, теоретический, методический и практический, дающий основания для построения, в частности, семантической типологии языков с выведением характеризующих черт того или иного, специфического для отдельного языка, языкового типа [3], с определением характерного для него лингвоэтнопсихологического способа (способов) восприятия, моделирования и семантических предпочтений [4].

Способ этот, предопределяющий перцептивную базу речевого субъекта, закладывается в его сознание в результате неоднократных и сходствующих речевых узуальных воздействий, посредством и вследствие интерпретирующей способности, заложенной в самом семантическом поле дискурса. Воспринимаемый человеком мир, для современного человека в особенности, давно уже стал не столько предметным, сколько информационным полем, с типичными, характерными для информационного поля критериями и параметрами мотивации, интерпретации и оценки [5] – с информацией, воспроизводящейся и хранящийся средствами языкового кода.

Этносемантический, по своему существу, способ восприятия и интерпретации информации актуализирован в речи, в повседневном коммуникативном взаимодействии, другими способами, проецирующими и определяющими узус речевого, коммуникативными сферами и средами обусловленного, словоупотребления. Изучение разговорной речи, городского просторечия, других форм современного речевого узуса [6] не затрагивает обычно вопросов лексической узуальной семантики, а если касается

их, то более в традиционно лексикографическом, описательно-дефинитивном виде.

Существующие, появившиеся в последнее время, словари жаргонной и арготической лексики [7] могут, скорее, определяться как справочно-общедоступные и приблизительные, а не научные и лингвистические издания. Лексический фонд, представляемый ими, требует и большей подробности, и большей дефинитивной точности, не говоря опять же о том, что узуальная и коммуникативная специфичность характеризуемых лексем как словоупотреблений в них не отражается, и надо хотя бы отчасти владеть соответствующей формой речи, чтобы понять и примерно представить речевой узуальный *specificum* той или иной единицы.

Однако не эти формы речи и не их лексический фонд будут избранным нами предметом, хотя, возможно, отчасти, в силу открытости взаимодействующих коммуникативно-речевых сфер, законы, и даже сами лексемы, могут пересекаться. Объединяет и то и другое некая общая узуальная плоскость, общее поле семантического и информационного действия, в связи с чем то, что касается речевой узуальной сферы, распределяющейся и одновременно входящей в различные сферы действия разговорной речи и просторечия, будет неизбежно затрагивать сферы проявления и действия современных возрастных и социальных жаргонов, городского арга, или сленга, хотя эти формы речи не были и не могли быть предметом анализа, поскольку автор задавался проблемой описания общеупотребительной и повсеместно распространенной, узуально не ограниченной и не ограничиваемой, коммуникативной сферы.

Следует, однако, оговориться: при общей известности и широкой распространенности изучаемые словоупотребления, в рассматриваемой их узуальной специфике, представляют в значительной своей части область в коммуникативном и социально-ролевом отношении не нейтральную, и потому говорящими, тяготеющими к книжно-разговорным и литературно-образованным формам речи, как правило, избегаемую. Эта область – коммуникативно характеризующая речевого субъекта, точнее целую группу (группы) субъектов, и в речи представителей литературно-образованной книжной формы может встречаться как средство речевой и ролевой стилизации или игры [8].

Вместе с тем это никак не жаргон, не сленг, не городское арга как таковое, и не просторечие в чистом виде. Это даже не форма речи (хотя и форма в известном смысле), это, чтобы как-то определить, особый срез,

особый аспект проявления разговорного просторечия, определяемого, дифференцируемого в отношении и с точки зрения позиции говорящего. Позиции общей и единой для всех, и потому проявляющей, продуцирующей, формирующей и свой собственный, специфический речевой узуальный тип, собственную область речевого словоупотребления. Позиция эта следствие и проявление особого типа ментальности, имеющего свое общее в социальной психологии массового сознания, в едином экзистенциально-коммуникативном и аксиональном пространстве, в специфическом, ориентированно-групповом и массовом, деперсонализированном образе жизни и еще более в соответствующем отношении к ней, что вырабатывает и складывает в сознании речевого субъекта специфическую позицию обусловленности, зависимости, “вписанности”, принадлежности, ролевого тождества своего и других месту в социальном пространстве.

Сказанное имело бы большее и исключительное отношение к социальной психологии, если бы затрагиваемая позиция не выражала себя в специфической ориентированности речевых узуальных словоупотреблений, в коммуникативных моделях, структурах и формах. Позиция эта, определяющая речевого субъекта как своего рода функциолему и производное – константу социального локатива, – имеет также и более явный и очерченный вид, что делает ее характеризующей и распознаваемой по признаку “тип говорящего”. Это позиция консумптива-акцептора при отсутствии мотивации к персонализации “эго”. Смысл ее состоит в получении-достижении как состоянии и социальном месте. Отмеченная статальность такого консумптива-акцептора с мотивируемо-групповой ориентацией к роли влияет на категориальное оформление системы речевых проявлений (системоценностных вербативов), что выражается в особой заряженности, специфической ориентированности узуальных лексем. Однако не только в этом. Ориентированность себя проявляет и в семантической организации – в структуре, моделях и насыщении соответствующим образом отмеченных и заряженных узуальных лексем. Речь оказывается пронизанной парадигматикой консумптивно-акцепторного выбора. То, как мыслит, как представляет себя и мир говорящий, вернее, то, как мыслит и представляет его (мир) в нем его (говорящего) “я *другого*” – ориентированного, направленного в нем, внутри него, вовне, вне себя, к взаимодействию и общению, с *другими*, такими же, по его (этого “я *другого*” в нем) представлению, как и он, – определяет, прежде всего, семантику речевых узуальных словоупотреблений, складывающуюся, в конечном

итоге, в виде отраженных для вербального кода моделей и форм типических ситуаций, стереотипов и установок.

Особенностью определяемой позиции является принципиальная непроницаемость ее для *иного* – взгляда, позиции, отношения, коммуникативная неспособность кросс-позиционного взаимодействия, невозможность включения и восприятия информации, организованной в парадигматике иной коммуникативной системы. Непроницаемость – как следствие отсутствия, онтологического и аксионального, знания о возможном другом, не консумптивно-акцепторной групповой ролевой ориентации.

Такая речь имеет и своего носителя, и это не столько социальный, сколько психолого-“возрастной” и когнитивный тип, вернее совокупность позиционно, ментально сходных ролевых и коммуникативных типов. Носителем этой речи оказывается достаточно широко распространенный гуманитарно не образованный ювенильный тип – человек без позиционно-коммуникативных знаний и “возраста”, точнее постоянно в одной недозрело устремленной и иллюзорной поре, совокупность представлений и опыт которого ограничивается знанием типических ситуаций и социально-групповых установок, с моделями вероятного реагирования и возможных последствий в соответствующих ситуациях.

Поскольку взаимодействие данного типа с окружением и в окружении происходит в условиях в основном такого же постоянно воспроизводящегося речевого узуса, речь и вербальный код становятся средствами и проявления и, тем самым, обнаружения и распознавания типа.

Узус данного типа, специфическая коммуникативная область речевого его проявления, оказывается не безразличным к речи как таковой, к просторечию, разговорной речи, другим узуальным формам. Его (данного узуса) речевые модели и формы конституционно и по природе представляются сходными с другими речевыми узуальными моделями и формами, выступая по отношению к ним как типологические. Изучение узуса данного типа, тем самым, будет способствовать пониманию речевого узуса как такового, определению закономерностей его функционирования и существования, еще, к сожалению, не исследованных.

Отличительная черта речевой узуальной лексемы, коль скоро речь будет все же о ней, на примере охарактеризованного узуального типа, состоит, по-видимому, в большей, по сравнению с языковым своим прототипом, подробности, близости, по характеристике А.А. Потебни, значения, в ситуативной его заряженности и предопределенности. Речевая узуальная

лексема-словоупотребление содержит в своих значениях снятый и обращенный образ, заряд ситуации (ситуаций), нередко психологически и аксионально, оценочно ориентированный. В семантической структуре ее воплощает себя не столько то, что именно называется словом (это иногда не всегда даже актуализированное исходное, само собой разумеющаяся и нередко не определенная “пресуппозиция”), сколько то, чем является, что собой представляет данное называемое для говорящего, в ролевом и субъективно-заинтересованном его обращенном мире.

Подобной ориентированности может подвергнуться практически всякое слово, но словарь собственно узуальных лексем тематически обусловлен и ограничен. Это словарь предметной области межличностных отношений, поскольку основу всей определяемой ориентации составляет проекция “я” в отношении к своему “я другого”, заключающаяся в необходимости доказать (постоянно доказывать) себе (и другим) наличие у себя, для себя, необходимого и значимого (в социальных глазах) социального ролевого места, по крайней мере существование подобного права на него для себя. “Я не хуже других”, “другие такие же и ничем не лучше меня” – основания подобной ориентации. Из этого следуют значимые проекции категорий недоданности, обойденности, (не)обладания, поражения (достижения).

Ущербность профессионально-деятельностной и дигнитативно-публичностной самореализации, в силу редуцированных к тому социальных условий, приводит к практически полному замещению ее самореализацией коммуникативно-контактной (в ближайшей среде) и, как продолжение ее и следствие, в сфере интимной – партнерские отношения, эротические контакты и связи, перетягивающие в этом случае на себя, объективно невозможный в общественной сфере, смысл собственной социальной “стоимости” и значимости для “эго”.

Семантическая структура такой узуальной лексемы, в составе функциональных своих проявлений – значений-семем – по природе своей отлична от семантической структуры лексемы языковой. И, прежде всего, в силу тематико-предметной и типически-ситуативной, а не денотативной предопределенности. Узуальная лексема принципиально не дефинитивна, она релятивна, передавая не представление о предмете, а отношение к нему, и потому с большим трудом поддается структурно-семантической дифференциации, в различных “значениях” возможного словоупотребления.

Принцип рассматриваемой идеи – не что оно есть, а чем является – можно показать на примерах. Скажем, известное русскоязычное замечание *Одни любят маму, а другие компот* можно интерпретировать и в отношении глагольной семантики – ‘предпочитать’, ‘выделять среди других (другого)’, ‘ощущать зависимость и привязанность’, и, вместе с тем, в отношении того, чем является (может являться) для человека сама *любовь* – чувством ли, определяющим необходимость защищенности и контакта, эмоциональным переживанием, или ощущением удовольствия от того, что приятно.

Диапазон семантики русского слова *любить* допускает и то и другое (и еще многое, также известное всем носителям языка). То, чем является (из того, что способно, иногда только потенциально, собой называть), становится средством самопроекции и узнавания для субъекта (взаимодействующих субъектов), а семантика слова, по отношению к языковой лексеме представляющая собой актуализацию значений (иногда только потенциальных), ситуативно привязанная и обусловленная, становится встроенной в ситуацию, развивая нередко свои смысловые потенции дальше, определяясь узусом речевого словоупотребления.

“Любить” узуально привязывается в одном случае к ситуации с “мамой”, “маму любить” – *кто не любит маму?; маму надо любить; как же ее не любить-то?; кого и любить, как не маму?; только плохой человек (ребенок, дитя) не любит маму*, – с одной стороны. И – ну, надо же, *маменькин сынок (дочка), все еще маму любит! да куда там тебе (ему), ты ж (он) еще мал (сопляк), маму любит; он у нас девок (женщин) не любит, он (все еще) маму любит; он не дорос еще до настоящей любви, он только маму любит; он (муж) не меня (жену), маму любит; любишь маму – вот и иди (ступай) к своей маме; что ж это за жена, которая не мужа (своих детей), одну только маму любит* и пр., – с другой, передающих два (а может, и три) разных значения узуальной лексемы (далеко не единственных) и два (или три) различных позиционно-ролевых отношения к субъекту любви к (своей) маме.

Равным образом, во втором случае – “любить компот” – глагол конструктивно привязывается к ситуации с *компотом*, обрастая представлениями иного порядка: *компот* – как дежурное третье блюдо, то, “чем записывают”, стандартный – общепитовский, интернатовский, столовский, больничный, детсадовский, пионерлагерный и т.п. – обед. Трудно представить, чтобы компот подавался, к примеру, на званом обеде, праздничном вечере,

в веселой компании пьянствующих приятелей, в ресторане, на свадьбе, во время интимного угощения тет-а-тет. Из этого следует и узуально-речевая характеристика – отношение к субъекту такой *любви* как к человеку, скажем, лишенному воображения и обойденному в детстве, в сексуальном и эротическом отношении эмоционально не зрелому, объекту иронии и насмешки со стороны разбитных приятелей.

Релятивность при денотативной иногда безразличности узуальной лексемы можно показать еще на таком известном примере: На вопрос *Ваши хобби?* – ответ *Хобби в армии* и обыгрывание затем в различных речевых ситуациях: *Ее хобби в армии; У нее хобби в армии; Что, небось, хобби в армии? Как там твое хобби, которое в армии?* – словоупотребление, денотативно неверное, но релятивно вполне (узуально) достаточное: любимое занятие; то, что доставляет удовольствие, радость; то(т), кого (что) любят, любимый; с кем проводят все свободное время, досуг; что (в данном случае кто) доставляет радость.

Представление о релятивности как о способности проявлять заряженное лексическое значение для речевого субъекта, нередко пренебрегая или, во всяком случае, не актуализируя, денотативную его (лексического значения) сторону дает обращение к ассоциациям. Слова-реакции на слово-сигнал неизбежно будут состоять из таких, которые подразумевают денотативные связи, в какой-либо части к семантике слова обращены, и, равным образом, из таких, которые передают одно только субъектное отношение к денотату, иногда даже одно только, нередко ситуативное впечатление, связанное с переживанием и значением (значимостью) его только для “эго”, при этом чаще, однако, не индивидуальным, а типизированным и ориентированно-групповым.

В статье **Отец** из “Русского ассоциативного словаря” [9], к примеру, можно встретить реакции, мотивируемые лексико-семантически, фразеологически (в часто встречающихся или устойчивых словосочетаниях), культурным контекстом (названия литературных произведений и фильмов) и релятивно – субъектно и типизированно, с ориентацией на “я *другого*”.

Отец: мать 93; родной 56; семейства 32; мой 30; добрый 15; дом, сын 13; папа 11; строгий, хороший 8; и сын, старый 7; мужчина, ребенка, семья 6; друга, любимый 5; детей, дома, отчим, Сергей 4; больной, и мать, одиночка, пришел, седой, семьи, сильный, суровый 3; алкоголик, батя, доброта, друг, крестный, любит, мама, машина, молодец, муж, народов, нет, отец, родители, русской демократии, солдата, умер, ум-

ный, усы, ушел 2; банка, беглец, близкий человек, близко, Бог, болеет, большой, борец, бородатый, брат, бросить, был, великодушный, видеть, владелец, внимательный, вредный, вышел, гад, гений, глава, глава семейства, глава семьи, глаза, гордость, Горио, гуляет, двоих детей, денег, дети, дипломат, длинный, долг, дорогой, дочь, дурак, единственный, есть, жалость, забота, завод, защита, злой, злость, и дети, испуг и т.д.

Отношение может быть эмоционально заряженным и положительным – родной, мой, добрый, папа, хороший, старый, любимый, друг, доброта, любит, близкий человек, близко. Может быть эмоционально заряженным негативным – вредный, гад, дурак, злой, злость, испуг, крутой, подлец. Может быть подчеркнуто безэмоциональным и отстраненным – не мой, не отец, отчим, непонимание, не родной. Может обозначать известные проявления, обусловленное внешностью, поведением, чертами характера, состоянием, положением говорящего в отношении *отца*.

В любом из возможных случаев не лексико-семантического, фразеологического или общекультурного (контекстного) проявления возможно увидеть позицию говорящего – чем является данный предмет (поскольку с этим он у него ассоциируется) для него в актуализированно-ролевом отношении, в плоскости тех категорий социального локатива и консумптива-акцептора, о которых было сказано ранее.

Единым и общим для многих реакций будет неизбежно ювенильное отношение “снизу” [10], со стороны того, кто получает, а не дает, со стороны не отца и нередко того, кто актуализированно переживает по поводу не такого отца либо, напротив, эмоционально поддерживает его для себя как того, от кого исходит необходимый контакт и защита.

Отец в словарном своем значении – “мужчина по отношению к своим детям”, устар. “о том, кто заботится о ком-л. (находящемся в зависимости, подчинении), покровительствует кому-л.” [11] – узуально (в том узусе, о котором речь) становится знаком наличия либо отсутствия необходимой и должной эмоциональной и материальной поддержки, защиты, обеспечения, а также, возможно, препятствия, раздражающей помехи, бдительного контроля и проч. Данные проявления можно рассматривать как реализацию трех, по крайней мере, узуальных значений одной общей речевой узуальной лексемы *отец*.

Типические ситуации, обобщаясь, закрепляются в определяемых опытом значениях узуальных лексем. Мир отраженного в известной пред-

метной области, актуальной для самопроекции и самореализации речевого субъекта (в предметной области “межличностные отношения”), оказывается устроенным, организованным и моделируемым, с заряженностями и притягиваниями (значениями узуальных лексем), определяемыми ролевыми и типологическими различиями – кто именно говорит и что он собой представляет как экспликативно-психологический тип.

Интересующий нас материал обычен в высказываниях, предполагающих речевые структуры и формы актуализированного самопредставления говорящего. В тех высказываниях, в которых, если не ведущим, то актуально задействованным оказывается заявление о себе, в которых присутствует и неизбежно себя обнаруживает самоэкспликация, с необходимостью мотивации поведенческой и субъективно-реляционной позиции “эго”.

К разряду таких высказываний относятся устные повествования самореализации – о значимых для “эго” событиях, о своей жизни, своих удачах и поражениях, о встреченном счастье, любви, о том, что имело экзистенциальный и/или эмоциональный смысл для субъекта. Позиция сведущего, пережившего, имеющего опыт и знающего, утверждающего свою правоту, доказывающего правомочность, оправданность, правильность своего поведения, отношения, оценки – все это мотивирует обращение к средствам аргументированно общезначимого, что объективно приводит, в пространстве рассматриваемого нами узуса, к использованию речевых узуальных лексем, узуально типизированных конструкций, моделей и построений. Материал, дающий возможность для широких и многообразных обобщений подобного рода, представляют собой молодежные (но и не обязательно) письма в газету.

Возьмем для примера и сопоставления несколько таких эпистолярных начал, поскольку зачином письма пишущий мотивированно стремится повернуть в нужную ему сторону потенциально читающего, и, следовательно, само начало неизбежно и объективно будет узуально отмеченным (материалом послужили публикации в российской газете “Двое” 1996-98 гг.):

“Здравствуй, “Двое”! Хочу написать о своей печальной судьбе. Может, кому-то покажется смешным, ведь в 17 лет жизнь только начинается, но за эти годы я уже многое пережила, в том числе и любовь.” (1996, № 5)

“Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Зачем пишу? В общем-то, сам не знаю. Может быть, так станет легче. Началось все в 90-м году, когда я пошел в секцию карате. Занимался там 2 года, параллельно учась в институте.” (1997, № 7)

“Здравствуйтесь, “Двойняшки”! Почему решила написать вам? Потому что мне так надо выговориться. Мне 21 год. Было детство, была веселой девчонкой, дружила со всеми, училась неплохо, ходила на уроки пения. В классе училась с одним мальчиком, в дальнейшем дружба переросла в большее.” (1998, № 1)

“Здравствуйтесь, любимые “Двойняшки”! Не думала и не гадала, что буду вам писать. Просто тяжело на душе. Второй час ночи, муж с отчимом еще вчера уехал на рыбалку, с собой взяли три бутылки вина, дочка спит.” (1997, № 8)

Ретроспективно-актуализированная форма начала с необходимостью мотивировать обращение в газету с письмом предполагает особую доверительность, основа которой – желание “выговориться”, чтобы выслушали, посочувствовали, прониклись, поняли и не осудили. Отсюда необходимые формулы такого зачина: *хочу написать о своей печальной судьбе; может быть, так станет легче; так надо выговориться; тяжело на душе*, – предполагающие эмоциональную актуализацию “эго” с отмеченностью состоянием, ищущим выхода и переживаемым как персональное, но вслед за этим, уже в последующих фразах, переходящие к апелляции “я другого”, хотя и по-разному. То, что волнует и беспокоит *меня*, должно иметь общезначимый смысл и характер, должно стать понятным, чтобы быть воспринятым. Средством объективации переживания становятся утверждения социального контекста, ментального речевого узуса, предполагающие внутренне мотивированную реакцию типа (во фразах возможного собеседника): *понятно, а как же иначе, известное дело, это всякий поймет*. Что составляет предмет таких знаний, ибо это нас будет интересовать в первую очередь?

Четыре эпистолярных зачина тремя способами объективируют индивидуальное состояние. Первый – апелляцией к установкам: *в 17 лет жизнь только начинается; о какой печальной судьбе может в этом возрасте идти речь, это просто смешно*, – и, соответственно, их замещением на другие, те, которые бы оправдывали позицию и эксплицируемый, объявляемый вид речевому субъекту: *переживания от возраста не зависят, и в юном возрасте человек может многое пережить; любовь – очень сильное*

переживание; несчастная любовь может причинять большие страдания; кто любил, тот знает, что такое жизнь, тот старше того, кто этого чувства не знал. Подобный способ можно назвать установочно-апеллятивным и манипулирующим.

Второй способ представлен двумя последующими зачинами. Основу его составляет повествование о событиях актуального прошлого, подготовивших настоящую ситуацию и отчасти ее создавших. Это событийно-ретроспективный и утверждающий способ. Основу его составляют темпорально-этапные маркеры в сочетании с фразовыми и лексемными единицами ментального речевого узуса – слова и словосочетания, отмечающие всегда не случайное и значимое время событий (для всех носителей данного узуса как известных либо для говорящего, в основном его “я другого”, как вехи, этапы его актуального прошлого, результировавшегося в теперешнем его состоянии, требующем разрешения и выхода) в сочетании с интересующими нас узуальными единицами: *началось все, секция карате, параллельно (учась), институт* – из одного письма и – *21 год; (было) детство; (была) веселой девчонкой; дружила (со всеми), училась неплохо; (ходила) на уроки пения; мальчик из (одного с девочкой) класса; дружба (между мальчиком и девочкой в школе); (в дальнейшем) переросла в нечто большее* – из другого.

Третий способ – в последнем эпистолярном зачине. Его особенность состоит в ситуативной актуализации настоящего с целью придать ему характер повторяющейся и не случайной эмоциональной и субъективной значимости: *такова моя жизнь, постоянно одно и то же, обычное дело, ничего другого не знаю (не видела) и т.п.* Это способ, который можно назвать актуальностно-ситуативным и эмоциональностным. Он также предполагает использование узуальных лексем и фразеологизованных сочетаний, однако с другой смысловой и экспрессивной нагрузкой, актуализирующим, проявляющим ситуативное состояние субъекта: *(второй час) ночи, муж, отчим, муж уехал, рыбалка, вино (три бутылки).*

Три названных способа равным образом могут и часто присутствуют одновременно в структуре одного и того же речевого дискурса. В связи с типологией говорящих скорее возможно было бы говорить о тех или иных сочетаниях и комбинациях способов. Способ представляет мотивацию и интенцию говорящего, меняющиеся на протяжении текста. В связи с семантикой узуальной лексемы способ взаимодействует с предметно-апеллятивным характером затрагиваемой говорящим темы, при этом не

столько темы как таковой, сколько интерпретируемой и специфическим образом воспринимаемой субъектом, отражаемой им и им воспроизводимой под углом зрения и в повороте своего релятива, своего понимания и отношения к известным предметам и положениям.

Важно, иными словами, не что есть *муж* или был *институт* или было *детство*, а то чем является то, другое и третье в каждом отдельном типическом случае, поскольку то, чем является *муж*, *институт* и *детство* для одного, не то же оно для другого и третьего. Однако значения эти, значения релятивные по своему существу, не персонально-индивидуальны, они узуальны (для языка) и типологичны (для психосемантики).

Узуальность их определяется типической ситуацией, знакомой каждому говорящему, но не для каждого экспликативно-коммуникативного типа субъектов представляющей интерес. Не каждый в своих речевых высказываниях, даже потенциально, будет использовать всякий возможный, известный ему узуальный смысл. Что-то он будет намеренно избегать, что-то употреблять как включения и стилизацию, своего рода цитирование, или несобственно-прямую, чужую речь, что-то будет на периферии его (со)знания как далекое, чуждое и несвойственное – ему, его ближайшему окружению, тем, кого он считает своими.

Возможно поэтому говорить о понятийно-предметных узуальных системах (и подсистемах), выбор лексем, и лексико-семантическое узуальное насыщение внутри которых определяются релятивом, исходной коммуникативно-экспликативной позицией говорящего, проявляющей его собственный вовне направленный тип (тип его “я *другого*”, тип его представлений о “я” коммуникативном и внешнем), а также ориентированно-средовую (ориентированно-групповую) его принадлежность.

Для одной такой подсистемы, скажем, значимыми и репрезентативными окажутся лексемы (и фразеологемы) типа *муж*, *рыбалка*, *вино*, *дочь*, *отец*, *отчим*, *дискотека*, *гулять*, *доучиться (в школе)*, *концерт (рок-группы)*, *школьный вечер*, *(не) приносить зарплату (домой)*, *пускать в ход кулаки*, *жить вместе*, *покупки*, *туфли*, *свадьба*, *платье*, *нечем кормить*, *второго родить*, *одеваться красиво*, *быть хозяйкой в (своем) доме* и пр., – представляющие, однако, не выбранный перечень общеупотребительных словосочетаний и слов, а специфическим образом организованное предметно-ментальное, релятивно-ориентированное тематическое пространство типических ситуаций, своего рода парадигматику экзистенциально-го чувства, самоосознания, самовосприятия и самопроекции. Такая интер-

претация узуальных лексем (и фразем) требует обязательных дефиниций, задача и смысл которых раскрыть значение заложенного в них релятива, поскольку возможное и предполагающееся их значение не может быть следствием или же продолжением общеизвестных значений словарно-языковых.

Для другой узуальной системы перечисленные лексемы (фраземы), в одной своей части, будут не актуальны, не попадая в тематическое пространство данной системы, в другой же части – возможны и даже более или менее вероятны в ней, но по-другому предметно и тематически организованы, встречаясь, используясь в других для нее коммуникативных и речевых моделях, с другим узуальным значением, с предыдущим, как правило, не совпадающим. Из выбранного (второго по счету письма) это хотя бы такие: *секция карате; институт; параллельно учиться; деньги; тренировки; “карманные” расходы; ремонт квартир (в качестве подработки); тренер; (работать) в баре охранником; сидеть, попивая кофе; стойка (бара); спиртные напитки; бутылочка пива; драка; солидный клиент; отсидка; собирать деньги с ларьков; вышибать долги; армия; собственный “бизнес”; шеф; квартира, машина, дача и пр.*

Изучение узуальных систем, таким образом, в перспективе, при достаточной определенности и полноте, способно дать представление о коммуникативных средах и контактно-речевых группах – еще одном синхроническом срезе функционирования языка, помимо известных стилевых и вариантных проекций – литературный язык / разговорная речь / просторечие / диалекты, жаргоны, арго, сленг.

Существенным, и иногда имеющим также и типологическое значение, представляется распределение узуальных лексем (и фразем) по проективным планам – общий, ретроспективный, актуально-ситуативный. *(Было) детство, учиться (в школе), дружить, ходить в институт – плана общего. Пошел в секцию карате – занимался там два года – параллельно учился в институте – нужны были деньги на тренировки – стал с друзьями ремонтировать квартиры – тренер предложил работать по вечерам в одном из баров охранником и т.п., – событийно-ретроспективный. Второй час ночи – муж на рыбалке – с собой взяли три бутылки вина; я одна – дочка спит – ей 11 месяцев, – актуально-ситуативный.* Проективные планы могут влиять и отчасти определять значения узуальных лексем (фразем), сохраняя, однако, при этом их узуальность, не переводя ее в план контекстно-ситуативной и индивидуальной семантики.

Простым и наиболее общим, обычно не пересекающимся (или отчасти пересекающимся) узуальным подразделением будет, по-видимому, противоположение мужского и женского предметного и тематического узуального когнитивно-ментального и релятивного мира. То, чем будут в своих речевых словоупотреблениях интенционально значащие и заряженные слова, для одних, тем не будут они для других, по самому исходному характеру предметно-тематического разделения мира, при простом обучении в среде, при первых знакомствах ребенка с собой и окружающим миром, через внушаемые и трактуемые ему правила и установки, в ролевом и позиционном соположении в большей либо меньшей степени полярно заряженные.

Однако противоположенное представление мужского и женского способов узуального видения и представления знаково-релятивного мира отнюдь не исчерпывает возможных других, вплетающихся, вписывающихся, усложняющих, а нередко и перевешивающих эту полярность, узуально-интерпретирующих, мотивационных и экспликативных способов. Возможны другие, нередко общие, параллельные, типы и способы. Выделение и анализ их – предмет особого разговора, однако иметь их в виду при описании узуальных значений представляется необходимым. Описываемые парадигматические системы поэтому не полны, не вписаны, не соотнесены, они “без места” при внетипологическом представлении узуальных лексем, но и бессистемное их представление составляет задачу, имея собственный концептуальный и репрезентирующий смысл.

Для иллюстрации описания узуальных лексем в аспекте поставленной задачи выберем для начала список возможных для подобного представления слов из двух представленных уже ранее зачинами писем – второго и последнего, – интересующий нас материал для них, по причинам опять-таки типологическим, более характерен:

Армия, бесплатный проезд, бомжи и алкоголики, вино, водка – спирт, гулянки – компании, девочки, девушка, деньги, друзья, ехать на учения, зарабатывать честно, инженер-строитель, институт, квартира – машина – (дача), контузия, ларьки, льготы, машина, пиво, подруги, работа в баре охранником, работа на стройке мастеров, ремонтирование квартир, секция карате, смотреть телевизор, собственный “бизнес”, солидный клиент, судимость, танковые войска.

Армия, боится меня (ее) потерять, быть вместе, вино, влюбиться, гулять, двое детей, деньги, до конца месяца не хватает, дочка, еда, жена, жить вместе, жить у его родителей, зарплата, концерт (рок-) группы, куртки, любящий – понимающий – нежный, мать двоих детей, муж, не заглядывать в кошелек, ночь, одеваться красиво, одежда, отчим, поверить (ему), познакомить, пойти работать (о женщине замужем), работать, радоваться жизни, ребенок, рыбалка, сапоги, симпатичная – худенькая – темноволосая – кареглазая, слепая любовь, туфли, увидеться, угаснуть в грязи, четырнадцать лет, чтоб у дочери был отец, школа.

Каждая из перечисленных узуальных лексем (и фразем) будет иметь общий план – проекцию внеобусловленного типом значения и типологическую модификацию, обуславливаемую парадигматикой типа.

К примеру, *армия* в общеузуальном значении (в рассматриваемом предметно-тематическом поле “партнерские и межличностные отношения”) может быть определена как ‘период и место, темпорально-локальное состояние – нередко насильственное пребывание достигающего совершеннолетия юноши в течение обычно двух лет, в изоляции от привычной среды, в условиях исключительно мужского, не слишком благожелательно настроенного, нередко даже озлобленного окружения, связанный с серьезным ограничением экзистенциальной свободы и необходимостью подчинения тем, кто облечен соответствующими правами стоящего сверху лица’. *Пойти в армию, попасть в армию, (не) уйти от армии, его ждет армия, по нему армия плачет, вернуться из армии, быть в армии, провозжать в армию, готовить(ся) в армию, угодить (загреметь, загудеть) в армию, оттрубить в армии* и т.п. – своего рода фраземы, словосочетания, реализующие такое значение.

Типологические модификации представленного значения для двух выбранных типов получают примерно следующий вид:

армия – место и время, дающие нередко возможность пересидеть, уйти от проблем и/или ответственности, форма и средство на какое-то время оторваться от прошлого, выйти из какой-то игры; место, где можно освоить какую-нибудь специальность (шофера, строителя, повара) и пребывание в котором может давать отдельные льготы;

армия – период вынужденной и продолжительной разлуки с любимым (любимой, мужем, женой), чреватый возможностью его (ее)

потерять, встретить его (ее) потом чужим (чужой), изменившимся (изменившейся).

Позициями мужского и женского не исчерпывается представленное противоположение двух значений: *армия* – как средство разрешения проблем, возможна и для женского варианта (*отправить парня в армию* – избавиться от него на время, освободить квартиру, уйти от него, завести другого); *армия* – как время, период разлуки равно могут быть актуальны как для мужского, так и для женского типа узуальных систем.

Значения актуализируют себя в сочетаниях, опять-таки узуально устойчивого и полуфразеологизованного характера, проявляя “ассоциативный” и релятивный смысл узуальных лексем – через валентностные их, сочетаемостные свойства апеллируя к перцептивной и порождающей базе носителей языка, к знанию ими типических, соответствующих ситуаций, знанию ими того, чем является данное, после того, в представлениях, что оно есть. *Зарабатывать деньги, приносить домой деньги, сорить (швыряться) деньгами, просить денег, (не) хватает денег, дурные деньги, отдавать все деньги, требовать деньги, забирать все деньги, не считать деньги, отсчитывать деньги, отстегивать деньги, собирать деньги, любить деньги, знать цену деньгам* (знать, что такое деньги) и проч. – представляют в сознании носителя, прежде всего, различные возможные ситуации с *деньгами*. При этом *деньги* существенны не как предмет, а как средство и знак: средство приобретения, получения, достижения, обладания возможностями – разрешающее и предоставляющее, определяющее социальный статус и место, доминантную роль, и знак и признак – характеризующие, определяющие свойства, достоинства, недостатки лица.

В одном случае деньги оказываются средством к существованию, средством поддержки необходимого экзистенциального минимума. В другом – средством самоутверждения и достижения значимости в собственных глазах и в глазах окружающих. В третьем – препятствием к установлению желаемых отношений в браке. В четвертом – способом подчинить, развратить, уничтожить другого и проч. Упоминание этих, в общем-то общеизвестных и, казалось бы, само собой разумеющихся во многом вещей, необходимо не для того, чтобы показать, что есть разное, а для того, чтобы сказать, что то, что проговорено и известно на *деньгах*, и что, отчасти во многом и составляет смысл идеи типических ситуаций, а с ними моделей и форм узуальных словоупотреблений, вовсе не так очевидно и обозначенно

для сознания носителей, а тем более системно и типологически, для многого остального.

Это многое остальное не очевидно и скрыто, его предстоит еще обнаружить и представлять, поскольку оно нередко присутствует в голове как полуосознанный, не всегда рефлекслируемый автоматизм, как само собой разумеющееся и по-разному у разных людей реагируемое, переживаемое, а не концептуально осмысленное значение, которое опять-таки, в свою очередь, не просто мало и плохо осознаваемый узуальный смысл, а элемент, единица такой же мало осознанной и плохо известной ему, самому носителю, и другим, парадигматической узуальной системы в его голове.

Чем, например, являются *семья* или *муж* для автора последнего из приведенных в качестве иллюстрации писем? Каким узуальным значением, а не общеязыковым, они для нее обладают? Не обязательно проводить психологическое исследование для этого и дело тут вовсе не в психологии (хотя проблемы подобного рода не исключаются и, в общем-то, закономерны), – достаточно обратиться к используемым и сочетаемым друг с другом словам, к вербальному, речевому ряду, который не индивидуален, не психологичен, а стандартно типичен, в своих моделях и их значениях, для многих таких же носителей речевого узуса:

Второй час ночи, а мужа нет дома (семейной жизни нет, пренебрегает женой); *хорошо, когда муж американец, об этом можно только мечтать* (обеспеченная и спокойная жизнь); *муж на рыбалке* (предпочитает жене мужскую компанию, пренебрегает своей женой); *муж в мужской компании пьет пиво / вино* (с женой ему не интересно, пренебрегает своей женой); *влюбилась в 14 лет* (по неопытности, слишком рано, не чувствуя дома родительской заботы, тепла); *познакомилась с ним на дискотеке / на концерте рок-группы* (возможно, любовь с первого взгляда; возможно, случайная связь); *в 15 лет стала матерью* (по неопытности, доверившись, слишком рано); *она с ним гуляет* (у них интимные отношения); *ему идти в армию* (расставаться с возлюбленной; возможно, ее потерять); *жить у (его, ее) родителей* (ничего не иметь своего, зависеть от них, быть им обязанным); *семья у (него, нее) большая* (у молодых возможны материальные трудности, нелады, проблемы); *муж говорит, чтоб жена не работала* (настоящий мужчина, много зарабатывает, умеет вертеться); *муж приносит зарплату жене* (заботливый и хороший муж, семьянин); *муж не при-*

носит домой зарплату (плохой семьянин, мот, гуляка и пьяница); *муж приносит зарплату жене, а потом ее сам же и забирает* (хочет казаться хорошим, делает вид, что хороший, а на самом деле другой, на жену и семью ему наплевать; не воздержан в своих желаниях, слабостях, дурных привычках); *жена не дает мужу зарплату* (боится, что тот ее пропьет, глупо истратит, не на что будет жить); *муж пускает в ход кулаки / дает волю рукам / бьет жену* (несчастливая у нее, тяжелая семейная жизнь, муж груб); *молодым помогают родители / им многое покупают родители* (молодые (финансово) несамостоятельны, не могут сами себя обеспечивать, полностью еще зависимы от них; родители хотят поддержать молодых, чтобы их семья не распалась, чтобы стали на ноги, доучились, могли вырастить и воспитать ребенка, детей); *родители молодым не помогают* (недовольны браком; равнодушны, настроены неприязненно); *мать вышла замуж вскоре после смерти отца / быстро сошлась с другим* (отца не любила; равнодушна к детям; думает о себе); *не называть отчима (свекра, тестя) отцом / папой* (не признать его как близкого себе человека); *муж хочет (второго) ребенка* (любит детей; хочет упрочить свои отношения с женой, боится ее потерять); *одеваться красиво* (беззаботная обеспеченная и спокойная жизнь, достаток, благополучие; умение себя подавать); *быть хозяйкой в своем доме* (чувствовать себя уверенно, удовлетворенно, ни от кого не зависеть); *ребенок растет без отца* (семья не полноценна; ребенок не получает всего, что нужно); *дочь без отца* (эмоционально обойдена); *сын без отца* (сын не получает должного воспитания, нет мужского влияния, растет изнеженным, избалованным); *жена – прислуга* (позволяет мужу так с собой поступать; таков уклад, так принято, трудно, порой невозможно это переломить); *жена – любовница* (муж не уважает жену, относится к ней с пренебрежением; жена для него еще и сексуально привлекательный и желанный объект; жена умеет быть привлекательной и желанной для мужа); *жена – кормилица* (муж не в состоянии обеспечивать семью; не в состоянии сам о себе заботиться, муж – паразит, живет за ее счет, пользуется ею, ее использует).

Представленный фрагмент вербализованных сочетаний – моделей-клише, лексическое наполнение которых вариативно, – определяет искомым узуально-лексемный смысл, связан с ним и вращается вокруг него. Муж в данной парадигматической узуальной системе предстает как ‘сред-

ство экономического и финансового жизнеобеспечения, источник (плохой / хороший) достатка, спокойной и независимой, благополучной и обеспеченной жизни'. *Семья* – как 'то, что призван муж (мать, отец) содержать, форма и средство его (ее) к себе прикрепления, по отношению к которой у него (у нее) должны быть обязанности и частью чего – принимающей, получающей, направляющей получение – является данный субъект (как жена и / или дочь); в случае же если он (она) этих обязанностей должным образом не выполняют, надо оставить такого мужа (такую мать, отца, отчима) и найти другого – выйти (снова) замуж, создать другую семью'.

Парадигматическая система такого узуса концентрична: есть центр (*я, муж, ночь, дочь*), есть окружающее (*мать, отчим, его родители*), есть обеспечивающее (*работа, зарплата, еда, одежда*), есть параллельное (*концерт, дискотека, друзья, знакомые*) и есть обладающее (*американцы, богатые, "новые русские", те, кто имеют; красиво одеваться, достаток, беззаботная жизнь*). Все так или иначе распределяется между этими пятью концентрическими кругами, в соотношениях одно относительно другого приобретая свой узуальный смысл – смысл того речевого узуса, который был охарактеризован в начале по признаку категории консумптива-акцептора в предметной области "межличностные и партнерские отношения".

1999 г.

Примечания:

1. Соссюр Ф. де: *Заметки по общей лингвистике*. Москва, 1990.
2. К числу наиболее известных по данной проблеме следует отнести такие работы: Караулов Ю.Н.: *Общая и русская идеография*. Москва, 1976; *Психолингвистические проблемы семантики*. Москва, 1983; *Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики (сб. обзоров)*. Москва, 1984; Кацнельсон С.Д.: *Речемыслительные процессы*. [В:] „Вопросы языкознания”. 1984, № 4; *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Москва, 1985; *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. Теория речевых актов. Москва, 1986; Арутюнова Н.Д.: *Аномалии и язык (к проблеме "языковой картины мира")*. [В:] „Вопросы языкознания”. 1987, № 3; Иванов Вяч. Вс.: *О языке как модели мира*. [В:] Интеллектуальные процессы и их моделирование. Москва, 1987, с. 142-153; Караулов Ю.Н.: *Русский язык и языковая личность*. Москва, 1987; *Язык и когнитивная деятельность*. Москва, 1989; Колшанский Г.В.: *Объективная кар-*

тина мира в познании и в языке. Москва, 1990; Леонтьев А.А.: *Языковое сознание и образ мира*. [В:] *Язык и сознание: Парадоксальная рациональность*. Москва, 1993, с. 16-22; Янко Т.Е.: *Описания мира и речевые действия*. [В:] *Логический анализ языка: Язык речевых действий*. Москва, 1994, с. 99-106.

3. Проблема, вытекающая в частности из таких известных работ: Будагов Р.А.: *Сравнительно-семасиологические исследования. (Романские языки)*. Москва, 1963; Гак В.Г.: *Сравнительная типология французского и русского языков*. Ленинград, 1977; Гак В.Г.: *Сопоставительная лексикология*. Москва, 1977.

4. Проблемы, поставленные в работах: *Этнопсихолингвистика*. Москва, 1988; Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.: *Национально-культурная специфика художественного текста*. Москва, 1989; *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. Москва, 1993.

5. Наиболее очевидно подобную постановку можно встретить в книгах: *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва, 1987; Дейк Т.А. ван: *Язык, познание, коммуникация*. Москва, 1989.

6. *Русская разговорная речь*. Москва, 1973; *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. Под ред. Е.А.Земской. Москва, 1981; *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*. Под ред. Е.А.Земской. Москва, 1981; *Городское просторечие*. Москва, 1986; *Разновидности городской устной речи*. Москва, 1988.

7. *Словарь воровского языка*. Тюмень, 1991; *Толковый словарь уголовных жаргонов*. Москва, 1991; *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона*. Москва, 1992; Быков В.: *Русская феня*. Смоленск, 1994 и др.

8. О творческом отношении к форме речи в пределах, рамках разговорной речи и о возможных в ней средствах речевой игры – *Русская разговорная речь. Общие вопросы...*, с. 7-8.

9. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А. и др.: *Русский ассоциативный словарь*. Кн. 1. Москва, 1994, с. 107.

10. Словарь составлен на основании анкетирования студентов, в возрасте 17-25 лет.

11. Словарь русского языка в 4-х томах. Москва, 1983.

Слова-сигналы в когнитивных моделях высказывания (коммуникативные предметно-тематические проекции)

Коммуникативное взаимодействие носителей общей национальной и когнитивной культуры протекает в условиях постоянно актуализируемых концептуальных структур, нередко имеющих вербально предопределенный и узнаваемый характер¹. Их предопределенность и узнаваемость обуславливается и обеспечивается входящими в их состав, значимыми в своих конструкциях и моделях, вербальными компонентами, своего рода сигнализаторами предметного смыслового кода. Восприятие и понимание высказывания, рассматриваемое в рамках речевого контекста и речевого опыта говорящего / слушающего, обычно осуществляется на основе предопределенных условиями общения и тематически закрепленных когнитивных моделей, распознаваемых носителями общей коммуникативно-речевой сферы и общего языкового узуса благодаря вербальным сигналам, связанным между собой и потому довольно просто, посредством ассоциаций, извлекающим из сознания почти готовые когнитивные и речевые структуры и стереотипы. Способ и путь их действия со всей очевидностью связан с системой ценностей² и системой знания индивида.

Характер проявляемых такими сигналами когнитивных структур может быть различен и, в зависимости от коммуникативной среды и позиции говорящего, проецировать разное. В этой связи возможны разные типы характеризуемых ими речевых когнитивных моделей, как и разной роль самих слов-сигналов, в них входящих и их составляющих, – как в отношении места в структуре, так и с точки зрения степени закрепленности в ней.

Особенность слов-сигналов состоит в том, что это не просто слова, более или менее постоянно встречающиеся в составе устойчивых сочетаний – речевых штампов, шаблонов, клише и стереотипов, – закрепленные в их составе и потому известные и предсказуемые как их компоненты и композиты. Если такие слова ведут себя как более или менее обязательные элементы структуры данной устойчивой речевой единицы, то слова-сигналы относятся, прежде всего, к ассоциативной, а не структурной сфере и через структуру себя проявляют, в составе и сочетаниях более или менее привычных и распознаваемых в своих позициях слов. Подобные единицы менее жестки, чем речевые штампы-клише, хотя их сигнальность более значима в смысловом и коммуникативном отношениях. Перед нами,

следовательно, два разных типа речевых единиц: готовые коммуникативные формулы (стереотипы речи), с одной стороны, и стереотипы речевого сознания, с другой, ведущие и проявляющие себя по-другому³.

Степень самой сигнальной значимости, а также когнитивной и ситуативной определенности слов-сигналов может быть различна. Это еще одна причина, которая усложняет разграничение стереотипов речевого сознания и стереотипов речи. Особенность первых, по сравнению со вторыми, состоит в имплицитности когнитивного и оценочного значения, которое, представляя собою то, что называют обычно фоновым знанием⁴, составляют опору воздействующей функции в акте коммуникации.

Рассмотрим несколько сопоставимых случаев: структурно значимые слова в составе различных по своей природе речевых сочетаний.

1. “Этой весной я пыталась покончить жизнь самоубийством, все было серьезно, я не хотела что-то продемонстрировать этим, просто не хотела жить, не видела смысла. Но мне помогла моя подруга. Она дала мне веру и надежду, что я еще в силах что-то изменить. “Подожди еще немного, может, еще и выглянет твое солнце, и ты вновь обретешь счастье”, – говорила она. Но даже и теперь я все еще живу с навязчивой мыслью – а зачем? Увы, ничего не меняется, и солнца не видно.” (газета “Двое”, 1996, № 5, с. 12)

Интересующие нас единицы в отрывке: *(пыталась) покончить жизнь самоубийством; все было серьезно; что(-то) продемонстрировать этим; (просто) не хотела жить; не видела смысла; дала (мне) веру и надежду; он (она, ты, я) (не) в силах (еще, уже) что-нибудь изменить; подожди (еще) немного; еще выглянет солнце; обретешь (еще) (свое) счастье; навязчивая мысль; ничего не меняется.*

Все эти единицы в когнитивном и оценочном отношениях малозначимы, слова в их составе представляют собой компоненты речевых устойчивых единиц, различных по своей коммуникативной природе. Внеситуативными, значение которых не обусловлено речевыми условиями и ситуацией, будут: *(пытаться) покончить жизнь самоубийством* (безоценочная, констатирующая, сообщающая о намерении, действии); *что(-то) продемонстрировать этим; (не) хотеть жить; дать веру и надежду; (не) в силах что-нибудь изменить; еще выглянет солнце; обретешь (еще) (свое) счастье; навязчивая мысль* (оценочные, характеризующие эмоционального проявления и состояния субъекта). Ситуативно обусловленными, смысл которых полностью будет зависеть от ситуации, являются три:

все было серьезно; подожди (еще) немного; ничего не меняется. Общий смысл этих единиц состоит в эмоциональной актуализации событийного следствия-выхода.

2. “В августе я отдыхала на турбазе, где познакомилась с одним довольно симпатичным парнем лет 18-19. Мы стали очень хорошими друзьями, но не более. Потом расстались, уехали в город. Два месяца назад, чисто случайно, встретились на дискотеке. После дискотеки он пригласил меня в кафе, за шампанским мы просидели почти до утра. Он современный парень, у нас совпадают интересы в музыке, книгах, одежде и т.п. Когда он провожал меня домой, я осмелилась и спросила, сколько ему лет. ... Через 2-3 недели мы снова встретились на дискотеке, и вновь сидели в этом же кафе. ... С того времени мы стали довольно часто встречаться.” (“Двое”, 1997, № 7, с. 6)

Единицы для рассмотрения: *отдыхать на турбазе; познакомиться с парнем; мы стали (с ним) друзьями, но не более (= мы с ним только друзья; нас с ним связывает (одна) только дружба, не более; это только дружба, ничего другого и пр.); потом (мы) расстались (разъехались по своим городам, по домам, каждый к себе, к своим обычным делам, семьям); встретились чисто случайно; встретились (познакомились) на дискотеке; после (этого, чего, дискотеки, концерта, кино, работы и пр.) он пригласил меня (ее) в кафе; было шампанское (конфеты, шоколад) – за шампанским, с шампанским, он угощал меня шампанским, мы пили шампанское (шампанское – как угощение, + угощение); мы просидели с ним до утра; он современный парень; интересы у нас совпадают; музыка, книги, одежда (как увлечения и признаки стиля, вкусов, пристрастий, привязанностей, выбора); он провожал меня (ее) домой; я спросила его; ему столько-то лет; через какое-то время мы снова встретились; мы встретились там же; мы стали с ним (с ней) теперь (с того времени) часто встречаться.*

Единицы данного отрывка отличны от предыдущих. Это единицы когнитивной и аксиональной природы – в вербальном своем оформлении выступающие как проекции предметно-тематической, событийно-ситуативной значимости. Для них характерна не столько вербальная, сколько ассоциативно-предметная и тематически ориентированная закреплённость, проявляющаяся нередко на речевом и вербальном уровне не полностью, композиционным пунктиром, упоминанием или даже

намеком. Для вербального уровня значимыми оказываются не речевые конструкции, а слова, выступающие для воспринимающего сознания в роли сигналов. Слова эти значимы не лексическими своими значениями, а как сюжетные схемы возможных типических ситуаций, знаки и имена этих схем, способных к развертыванию.

Слова-сигналы, представляя собою свернутые, имплицитные ситуации, знаки их, могут разворачиваться в речи в виде характеризующих словосочетаний, в составе значимых компонентов высказывания – предложения, простого и сложного, в составе фрагмента текста и в композиции текста, служить основой диалогового единства, основой логической, тематической, семантической связи реплик диалога между собой, быть основой повествования, его нарративной структуры. Видимо, и определение слов-сигналов, как своеобразных и разных в типологическом отношении коммуникативных и прагматических единиц, должно быть принципиально отличным от определения слова как единицы языковой системы.

Одна из особенностей слова-сигнала – в его ориентации на сочетаемость. Реализация, уточнение значения обозначаемой (подразумеваемой) ситуации должны опираться на продолжение – слово, лексико-тематическую и понятийную группу, поскольку подобных значений может быть несколько.

Турбаза – (по)знакомиться, встретиться, отдохнуть вместе с кем-нибудь, повстречать, поехать, – как место контакта, знакомства, встречи, совместного времяпрепровождения, отдыха с кем-нибудь как потенциальным партнером (обычно из среды молодежи и важно нередко, что противоположного пола). И *турбаза* – вернуться на, набрести на, не найти дороги к, (не) отдалиться от, видеть вдалеке, спуститься к, – как место-объект, исходное и конечное, привала и отдыха на туристском маршруте. Денотативно одно, но ситуативно и когнитивно различное, прежде всего, в отношении типа самих представляемых единиц. Слово *турбаза*, следовательно, становится словом-сигналом и единицей в предполагаемом сочетании, в речевой когнитивной проекции, которое не обязательно будет реализовано в речи, но которое контекстно и ситуативно будет определено.

Возможна не только синтагматическая, в пространстве дискурса, проекция слова-сигнала, возможно и парадигматическое для него соотношение, вертикальная ассоциативная связь, которые дополнительно определяют его как единицу. *Турбаза*, как единица-сигнал в первой своей те-

матической ситуативно-предметной проекции (место контакта-встречи с партнером вне привычных, обыденных городских условий, на отдыхе, в отпуске, на каникулах) и во второй (место привала и отдыха на туристском маршруте) сочетаются с разным набором слов – тематических компонентов, образуя в речевом сознании говорящих более или менее устойчивые парадигматические ряды: *турбаза – санаторий – дом отдыха – пансионат – база отдыха – спортивно-туристский лагерь*, с одной стороны, и *турбаза – отель – мотель – лагерь – бивак – домик в горах – шале*, с другой. Пересечения при этом возможны, но оказывающиеся на пересечении слова в сигнальном своем отношении различны и тематически, по направлениям основного значения (для *турбазы*), далеко не всегда совпадают. Слова вертикального ряда, каждое, имеет собственную направленность и сигнальную выраженность, смещая значение в собственном направлении, по своему предметно-тематическому и ситуативно-смысловому каналу. Из первой группы *турбаза* – тяготеет к “молодежному” и “спортивному” варианту контакта-встречи, *санаторий* – более к “адультерно-семейному” и(ли) “пожилому”, *дом отдыха* – преимущественно к “женскому” и(ли) раздельному, без семьи, одному (одной), *пансионат* – к отмеченно специализированному (после болезни, на реконвалесценции, оздоровительной реабилитации; для ответственного работника); *база отдыха* – непродолжительному, открытому и наименее специализированному из всех; *спортивный туристский лагерь* – наименее “цивилизованному”, на природе, на воздухе, в палатках, в лесу и т.п.

Обусловленные значениями сюжетные схемы могут себя проявлять в составе высказывания, различаясь нередко значительно. В результате чего парадигматически близкие и соотносимые единицы в синтагматическом отношении оказываются не соотносимыми, актуализируя в реализациях оттенки собственного, имманентного для себя речевого смысла.

В составе интересующих нас единиц можно встретить нередко представляющиеся необходимыми говорящему оценочные ограничители и уточнители, которые могут входить в состав такой единицы. В приведенном тексте (2) это *мы стали (с ним) друзьями, но не более* (= *мы с ним только друзья ...*) – “ничего между нами не было, никакой вероятной в подобных случаях связи”. И без ограничителя ср. совсем другой смысл: *мы (после этого) стали (с ним) (большими) друзьями*, – единица, предполагающая иной сюжет, не соотносящийся с данным.

Два месяца назад (опять, снова, после расставания) встретились чисто случайно на дискотеке, – конструкция, представляющая собой объединение трех когнитивных моделей (схем) контакта и встречи: встретились снова (после разлуки, через время, после перерыва) + встретились (чисто) случайно (актуализация случайности, неожиданности произошедшей встречи) + встретились на дискотеке (актуализация места случайных и легкомысленных, чреватых неприятными последствиями молодежных контактов и связей). Необходимый говорящему уточнитель чисто случайно становится в составе контаминированной единицы одновременно и характеризующим: попадание на дискотеку – событие для нее не типичное, она избегает обычно подобных сомнительных мест.

Ср. сходный пример развертывания когнитивной схемы слова-сигнала (*встреча с объектом*) на дискотеке, из другого текста:

“Однажды, когда мне было еще 18 лет (сейчас мне уже 21), я пошел со своим другом на дискотеку. В общем-то я не большой любитель всего этого, но что-то подтолкнуло в тот день туда пойти. Мы прошли в зал, народу было немного, только-только начали собираться. Вдруг мой друг ... сказал, что на улице идут разборки из-за какой-то девчонки. Он позвал меня туда посмотреть. Мы, конечно, пошли ... придя домой после дискотеки, я весь вечер думал о ней, как-то запала она мне в душу. Даже, глупый, возомнил, что это мой идеал.” (“Двое”, 1997, № 5, с. 22)

Говорящий упорно подчеркивает единичность, случайность своего попадания на дискотеку: *однажды, это было давно, я был тогда молод и глуп (тогда мне было еще 18 – сейчас мне уже 21), с другом (за компанию, возможно, по его настоянию), и прямо, сообщая свое отношение, – в общем-то я не большой любитель всего этого, с мотивацией неосознанной, интуитивной, но актуальной случайности – но что-то подтолкнуло в тот день туда пойти. Именно в тот день – и именно в тот день и происходит встреча с ней, с почти идеалом.*

Незнакомому с подобными местами не очень будет понятно предметно-смысловое, конкретное, наполнение слов *всего этого* (при *в общем-то я не большой любитель*). Воспринимается только общий оценочный ряд: *всего этого* – это когда что-то разное и нехорошее, оценочное *всего* (в данном случае как *всякого без разбору*) и *этого* (*это* – обычно то, о чем не принято, не хочется говорить напрямую в силу его сомнительной цен-

ности). Оценочны и *любитель*, и *не большой*, и в *общем-то* – но их природа отлична от когнитивной заряженности *дискотеки*.

Дискотека в развертывании предстает, таким образом, как место, куда приходят, где собираются, где есть зал, как общее место, и где возможны конфликты, где (в пограничном пространстве перед) происходят также не слишком приятные выяснения отношений, в основном из-за девушек, и где музыка, танцы оказываются далеко не самым важным событием, а только поводом, средством чего-то другого и более важного, определяющего ее (*дискотеки*) коммуникативное, проявляемое в речи значение.

Таков приблизительный и далеко не полный смысл когнитивной схемы (тематического набора нескольких схем), словом-сигналом, распознаваемым определителем которой (которых) становится *дискотека*, в других своих соотношениях и связях способным стать элементом речевого сознания представителей определенной культуры и субкультуры.

1999 г.

Примечания:

1. Структур, воспринимаемых и понимаемых после работ Т.А. ван Дейка как концептуальные фреймы дискурса: ван Дейк Т.А.: *Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов*. [В:] ван Дейк Т.А.: *Язык, познание, коммуникация*. Москва, 1989.

2. Ценностный подход к проявлениям речевого сознания и народной культуры особенно характерен для польской лингвистики. См., напр.: Puzynina J.: *Język wartości*. Warszawa, 1992; Puzynina J.: *Jak pracować nad językiem wartości?* [W:] *Język a kultura*. Т.2. Wrocław, 1992; Laskowska E.: *O wartościowaniu w języku potocznym*. Bydgoszcz, 1992; *Nazwy wartości: Studia leksykalno-semantyczne*. Lublin, 1993; Niebrzegowska S.: *Świat wartości sennika ludowego*. [W:] Niebrzegowska S.: *Polski sennik ludowy*. Lublin, 1996.

3. Единицы речевого и языкового сознания в их отношении к единицам сознания когнитивного, равно как и сами типы сознания в их отношении друг к другу, еще недостаточно определены. См., напр., в работах: Гальперин П.Я.: *Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления*. „Вопросы философии”, 1977, № 6; Зимняя И.А.: *Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания*. [В:] *Язык и сознание: парадоксальная реальность*. Москва, 1993; Петренко В.Ф. *Введение в экспериментальную психосе-*

мантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. Москва, 1983; Караулов Ю.Н.: *Русский язык и языковая личность.* Москва, 1987.

4. Крюков А.Н.: *Фоновые знания и языковая коммуникация.* [В:] *Этнопсихоллингвистика.* Отв. ред. Ю.А. Сорокин. Москва, 1988.

Номинативные мотивационные коды и контрастивное изучение речевой узувальной семантики (польско-русские соответствия)

Способ изучения языка, способ подхода к его внешним проявлениям и проекциям может, по-видимому, чтоб не сказать, что должен, совпадать со способом самих этих проявлений – способом его экспликации, соответствовать во многом ему и с ним соотноситься. Аналитические основы грамматики, грамматические категории и классы, тематические и понятийные группы, семантические поля, компоненты лексических значений (семы), будучи средством языковых описаний, одновременно можно рассматривать как средство и способ языковой экспликации и постижения, тем самым, языковой экспликативной природы, как средство его (языка) самовыражения и его самообъявления во вне.

Сложное взаимодействие способа самопредставления языка с нашими, метаязыковыми, о нем представлениями, результирующее в определении природы сходств и различий между национальными языками, представляет собой во многом вращение вокруг концепции экспликативного способа восприятия и интерпретации мира, вокруг этнопсихического способа ориентации в нем. Универсальное, типологическое и индивидуальное в отражении и передаче данного способа для отдельно взятого языка, взятое в системно-парадигматическом своем представлении, позволило бы говорить о природе того субъективного в понимании Э. Бенвениста [1], которое составляет центр – экспликативный психический центр языка в отношении к национально отдельным своим проявлениям в существующих языках. Фактически речь – об еще одном его, национально-психическом экспликативе субъекта, – субъекта в понимании субъекта языка, как категории, и в понимании субъекта как говорящего и носителя языка, в процессе говорения, речи с категориальным субъектом идентифицирующегося.

В данном случае можно, по-видимому, говорить и об антропоцентризме языковой экспликативной природы. Язык субъективен (в понимании субъективности Бенвениста) и антропоцентричен – как тождество и самождество человеку, вербализуемый его представитель, репрезентант.

Изучая язык с позиций категорий традиционной и когнитивной грамматики, когнитивно-ментальных тематических и понятийных групп, семантических признаков (сем), мы рассматриваем язык как объект, воплощающий, отражающий способы восприятия, интерпретации и ориента-

ции человека (субъекта) в мире, как объект во многом извне. Возможен, однако, еще один способ, не исключающий, но дополняющий названный – изучение языка "изнутри", от него самого, с позиции саморепрезентации его, языка – как субъекта, с позиции субъекта языка в своем самопроявлении в нем самом.

Природа многих явлений, связанных с экспликацией, может быть понята лучше и лучше интерпретирована и описана с позиции проявления в них через язык национального его субъекта. Одной из подобных сфер представляется сфера речевого узуса, речевой узуальности. Одним из удобных и релевантных способов ее описания – номинативные мотивационные коды, внутренне воплощающие и отражающие в себе тот второй, "субъектный" способ описания и представления языка.

Сопоставительное (контрастивное) изучение семантики языков, и особенно семантики близкородственных языков, традиционно проводится, основываясь на методе семного, компонентного представления значения слова [2], обычно в пределах одной какой-нибудь лексико-тематической группы, на материале сопоставляемых, эквивалентных слов и групп слов. Подобный анализ нагляден, достаточно гибок и точен, но фрагментарен, не позволяет объемно представить закономерно встречающуюся, парадигматическую специфику данного языка, представить его семантический тип в отличие от другого, с ним сопоставляемого.

Трудность в освоении и овладении языка, едва ли не основная и едва ли не более осязаемая при изучении языков близкородственных, с наличием общих, однако при этом смещаемых и семантически расходящихся, асимметричных корней, – в употреблении слова, в речевой его узуальности. Речевой узус – сфера лексико-синтаксических проявлений, сфера моделей, автоматизмов, организуемых на основе ситуативно актуализированных, ситуативно привязанных, закрепленных клише, с валентостно замещаемыми и обусловленными местами, занять которые может в процессе речи только возможное, допускаемое слово – лексема как речевая узуальная единица. В условиях речевого узуса действуют мотивации со следами ассоциативных связей и предпочтений интересующего нас национального его, который поэтому и может исследоваться по основаниям данных связей, себя отражающих, воплощающих, в первую очередь, в своем речевом узуальном, общем, едином, в проекции языка к его синхронии, в проекции языка на сегодняшнее, в своем активно действующем живом.

Субъект своего языка национально устроен, организован, по уровням и системно. Наблюдение семантических между языками различий и сходств возможно, по-видимому, не только идеографическое [3], не только поведенчески речевое [4] и этнокультурное [5], подобное наблюдение возможно по основаниям номинативных мотивационных кодов, отражающих, воплощающих проективные уровни человека. В речевом проявлении, в речевой экспликации, при отражении, функционировании, использовании языка, так или иначе, всегда присутствует, отражает себя концепция человека, по основаниям сходств и различий которой возможно сопоставительное (контрастивное) изучение языков – близкородственных, языков-вариантов (диалектов, жаргонов), других речевых проявлений, – наиболее ярко, активно и живо себя проявляющая в речевом узуальном словоупотреблении.

Всем этим был обоснован и выбор темы, и ее актуальность. Материалом служили лексемы речевого словоупотребления с характерными для речевого узуса ассоциативными воплощениями кодовых проявлений "уровней человека".

Отражение номинативных мотивационных кодов в речи дает себя обнаружить весьма регулярно. Пожалуй, это одна из наиболее характерных черт речевого узуса. Типичная для него психологическая оценочность, субъективно-субъектная коннотативность (природу которой необходимо специально исследовать) возникает и создается нередко как следствие кодовых перемещений – снижений и расширений, прежде всего. Русское *отвали, вали отсюда* 'уходи' (польское *walnąć, walić* 'ляпнуть, ляпать', *walnąć w łeb* 'ударить'), польское *spadaj, wpaść na chwilę* (ср. *упасть на голову, упасть на хвост, падай* 'садись') – помимо закрепленно различных значений в корнях соответствий должно обращать на себя внимание также характером узуального способа представления человека, по основанию которого сопоставление между данными языками возможно – совпадением общего и асимметрией различного – человека как падающее дерево и человека как камень, – кодовых уподоблений в своем основании, по которому (основанию) возникает и создается оценочность, особым образом воплощающая себя коннотативность, через восприятие и оценку "человека как дерево", "человека как камень". Перед нами типичный для речевого узуса случай кодового снижения – как средства оценки (не следует думать, однако, что человек здесь уподобляется камню и дереву, человек здесь бе-

рется не в целом, а только в отдельной и малой части себя, на уровне не полного, "низшего" кодового своего проявления).

В основе номинативных мотивационных кодов лежит представление о человеке как микрокосме, в своем устройстве, организации, в своей креативной экзистенциальности повторяющем макрокосм, вселенную, универс. В основе названных кодов лежит представление о матрице, устремленной по уровням в пересечениях клеток-ячеек вглубь к бесконечности, в пределах интересующего нас рассмотрения ограниченной некоторым числом характерной n -ности, кратной себе самой.

Номинативные мотивационные коды могут рассматриваться как основания значений и категорий грамматики, в них проявляться и в них себя отражать. Предметность, процессуальность, атрибутивность, к примеру, как семантические обоснования частей речи (имени существительного, глагола и прилагательного), разряды имен существительных и прилагательных, значения процессуальности для глаголов и др. можно представить в значениях номинативных мотивационных кодов. Что́ есть фактически действие, состояние, свойство, обозначаемые глаголом, как категорией с общим значением процессуальности? или конкретность, одушевленность, вещественность, собирательность / множественность для существительных? или качественность и относительность для прилагательных? – если не разные проявления в кодах? Разные – поскольку на разных уровнях матрицы и для разных экстенсимально проекций. Различия в грамматике, которые не приходится объяснять, поскольку они грамматическому объяснению не поддаются, хотя грамматически себя проявляют в характере связей и форм, валентностей, функционировании, участии в построении предложений и пр., различия, наблюдаемые и отмечаемые, возможно, получают свое объяснение в номинативных мотивационных кодах, активно себя обнаруживающих в семантических формах и коннотациях речевого узуса.

Язык (= человек) во всей своей экзистенциальной и психофизической полноте дает основания выделять семь кодов, семь кодовых проявлений, затем повторяющих, проецирующих себя вглубь и вширь, по вертикали и горизонтали матричного своего представления. Семь кодов, себя отражающих в парадигматике и синтагматике, в функциональном и грамматическом, хотя не все эти семь себя обнаруживают равным образом, одинаково, в речевом узуальном, поскольку узус выбирает и предпочитает обычно проекции вниз, от кода собственно человеческого, к кодам его со-

ставляющих. В этом отношении коды представляют собой соотносимые уровни большего-меньшего, включенного и включающего.

Порядок кодов от нижнего к верхнему следующий:

1. Инструментальный код, механистичный и минеральный – мир твердых предметов, тяжестей, грузов, масс и стихий, неизменных объемов и форм, пространства, физических данностей, неподвижностей, мир, в котором возможны и происходят, под влиянием гравитации и физических действий, только течения и падения, появления и разрушения – минералы и вещества, кости, камни, вода и кровь в человеке.

2. Вегетативный код – растения, увеличение, рост, развитие, формирование, созревание, старение, фазы, а также, сюда же, и обладание (посессив), принадлежность, владение, генерация, дерево (древо жизни и древо генеалогическое), род, рождение, смерть, возрождение, время, точнее движение во времени, независимое от желания и воли, – все то, что растет, увеличивается и движется в человеке (ногти, волосы, физиологические процессы).

3. Транзитивный код – птицы, рыбы и гады – ход, движение, внешние признаки, потенциально способные к изменениям, обусловленным их природой, но не регулируемым и не контролируемым волей; застывания, перемещения необусловленного характера – как движение в человеке клеток и масс, как сезонные перелеты птиц, как неосознанные инстинкты, влечения.

4. Эмотивный код – витальный, животный, витальных, животных сил, спонтанные проявления и состояния, движимые переживаниями и эмоциями, страстями и чувствами ("в человеке проснулся зверь"), не управляемые, не контролируемые рассудком или контролируемые как сопровождение либо потом, по свершении, – человек выступает как пациент, как объект охватившего эмотива.

5. Агентивный код – осознанных целенаправленных действий, видимых и обнаруживаемых вовне, мир акций, целей, свершений и достижений, мир действующего, осознающего себя человека, – человек-агент, созидатель, активный производитель.

6. Ментальный код – образы и представления, обобщения, ментальности, трансценденции, души, идеи, эгрегоры; продукты, пространства, ландшафты ума и воображения, инфосферы и ноосферы;

модальности, модусы, измерения, все, что не презенс, не настоящее время.

7. Каузативный код – причины и следствия, внешние и духовные силы, высшие силы, время как таковое (Хронос), судьба, провидение, предчувствия, знаки.

Применительно к языку, для того чтоб представить семантику кодов и их "грамматический" смысл, в одной из проекций, возможно увидеть такое соотношение: 1. Формы (течения и падения, топосы и формативы). 2. Развития и обладания (генеративы и посессивы). 3. Признаки (внешнего) скрытых (внутренних) свойств (атрибутивы). 4. Спонтанные проявления и состояния (статальности). 5. Действия (акциональности). 6. Ментальности. 7. Причинности и модальности.

В кодовых переходах, смещениях, в узусе проявляет себя различие экстенционального и интенционального, дифференцирующего позицию что и позицию как: что называется как предметное данное и через что, через какое другое, какой "предикат", своего рода тема и рема, исходное / актуальное, но не коммуникативные, как в синтаксисе, а номинативные и номинативно-мотивационные. Процедура их различения и размещения по уровням матрицы – дело сложное, поэтому ограничимся только таким примером: *человек камень (камень, не человек; с каменным сердцем); лицо как камень, каменные черты, выражение лица, застыть как камень и – камнем упасть, пойти на дно камнем*. При общности внешней, общности номинативного основания кодовой темы (*камень*) рематически, в актуализации, очевидны различия в кодах: 3-го кода – внешние признаки внутренних свойств – для *человека-камня*; 2-го кода – становления, роста, омертвления, умирания, "вырастания в камень" (ср.: *лес, дерево – камень, каменный лес, каменный уголь = лес*) и 1-го кода, кода "падения" (*упасть камнем*). Все три примера – случаи кодового снижения: человеческое (5-го кода и акциональное, агентив) – в атрибутиве (3), генеративе (2) и формативе (1).

Равным образом *кость, кости* в примерах: *до 25 лет кости еще растут; сегодня у меня все кости болят; кинуть кость 'снизойти, отделаться чем, нехотя пойдя на уступки' либо 'бросить что как объект раздора'*; *кинуть кости* (в просторечии 'сесть куда-нибудь, занять какое-то для сидения или лежания место') – различаются в кодовом отношении и по интенционалу и по экстенционалу. *Кость* *человечья* и *кость животного*; *кости* вегетатива, как то, что растет (2-го кода), и *кости* спонтанно пережи-

ваемого состояния, как то, что болит (4-го), *кость* – как предмет, орудие, то, что кидают (1-го).

Кодовые смещения речевого узуса могут быть параллельно соотносимыми, эквивалентными по языкам (польскому, русскому), во всех своих номинативно-мотивационных возможностях представляя сопоставимые пары, в характере наблюдаемых снижений отслеживающие некое общее и, возможно, различное. И могут быть асимметричными, не соотносимыми, не эквивалентными.

Примером соотносимых эквивалентных могут служить номинации *молодого* / *młodego* в русском и польском посредством нескольких видов кодового снижения, на материале которых можно увидеть одновременно субъектно-оценочное, характеризующее номинативно-мотивационное, "кодовое" отношение субъекта к объекту, его восприятие-интерпретацию – номинативную и мотивационную "концепцию называемого человека". *Молодой* / *młody* – *зеленый* (*молодо-зелено*) / *zielony* (2), *желторотый* / *żółtodziób* (3), *молокосос* (*молоко на губах не обсохло*) / *młokos* (4), *сопляк* / *smarkacz* (4).

Вегетатив (2) – *зеленый* / *zielony*, передавая идею (не)зрелости; транзитив внешних признаков, потенциально способных к своему изменению (3) – *желторотый* / *żółtodziób* – и эмотив состояний, спонтанных, не зависящих от сознания, воли (4) – *молокосос* / *młokos*, *сопляк* / *smarkacz*, определяющий *молодого* как неполноценного, не способного к действиям, находящегося в зависимости от витальных, животных потребностей, – дают представления о различиях коннотаций, обуславливаемых разностью кодовых соответствующих снижений. При этом вегетатив и транзитив выглядят более безобидно в силу мотивационной близости семантике называемого: *молодой* – "человек растущий, не полностью зрелый, неопытный" (ср.: *зеленый* / *zielony* и *желторотый* / *żółtodziób*).

К параллельно-эквивалентным можно отнести (с оговорками в узусе и характере словоупотребления, но это предмет отдельного рассмотрения) такие обозначения человека, его частей и того, что ему принадлежит: *szyszka* / *шишка*, *gruba ryba* / *крупная рыба*, *złota rączka* / *золотые руки*, *barachło* / *барахло*, *bufory* / *буфера*, *cap* / *козел*, *banan* / *банан*, *baran* / *баран*, *mimoza* / *мимоза*, *kapusta* / *капуста* ("деньги"), *lipa* / *луна*, *szarancza* / *саранча* и т.п.

Асимметричность возможна нескольких видов. Со смещением, сдвигом значения и мотивации в паре: *szumowina* / *пена* ('подонки, отбросы

общества' / 'пустое, неважное, результат пустоопорожненной деятельности'); *dziad / дед* ('оборванец, нищий' / 'опытный молодой человек; солдат конца срочной службы'); *agent / агент* ('шутник, остро слов' / 'пройдоха, умелец, жулик'); *agregat / агрегат, aparat / аппарат* ('оригинал' / 'какой-либо механизм, машина, мотор; половой член'); *balagan / балаган* ('беспорядок' / 'цирк, номера, фокусы, безобразия'); *balet / балет* ('оргия' / 'что-либо необычное, из ряда вон выходящее, фокусы' – *устроили мне тут балет, к чему весь этот балет?*), *barłog / берлога* ('грязная постель, кровать' / 'плохая квартира, темная, неприбранная, неудобная; нора') *cegła / кирпич* ('толстая неинтересная книга, не находящая сбыта' / 'диссертация'). С замещением имени (формы): *stołek / кресло* (начальника), *bigos, paszтет / каша* (заварить кашу), *kałmuk / азиат, bagno / грязь, bażant / навлін, beczeć / реветь, beton / долдон, bryka / тачка, but / валенок, buchnąć / вывалить, стянуть, стащить, psu na budę / псу, кому под хвост.*

И, наконец, безэквивалентная асимметричность: *asfalt, bambus* 'темнокожий', *żółtek* 'желтолицый, косоглазый', *flądra* 'проститутка, шлюха', *fisza* 'важная особа', *bomba* 'сенсация', *bryndza* 'нужда, бедность', *buda* 'школа'; *wrona* 'ротозей', *sорока* 'балаболка' и т.п.

Сопоставительное изучение узуальных речевых словоупотреблений по основаниям номинативных мотивационных кодов может дать представление о психологических свойствах и признаках воплощенного в языке и воплощаемого в речи национального его речевого субъекта, об особенностях восприятия человека, отношения к нему, коннотируемых признаках "концепции человека", воплощаемой в узусе языка.

Показательным для сопоставительного исследования представляется в частности собственно "кодовый" материал, дающий возможность увидеть и отследить характер отражения, отпечаток "кода" в одном и другом языке (по предварительным наблюдениям, для русского речевого узуса более характерен 4-й код с переходом в 3-й, для польского – 2-й с переходом в 3-й; агентные оперативы (5-го) – в польском, каузативы падений, случайности, случаи (1-го) – в русском).

Сопоставления по номинативам 2-го кода (вегетатива) показывают значительную асимметричность и безэквивалентность для русского таких, например, узуальных лексем, как польские *ananas* 'тип, фрукт', *bambus* (*pieprzenie w bambus, zrobić kogo w bambus* 'ерунда; обман'), *bananowa młodzież* 'золотая молодежь', *cykor* 'трус' (*mieć, złapać cykora* 'бояться, трусить'), *dynie* 'груди', *fiol / fiołowaty* 'человек со странностями, с приве-

том' / 'вздорный, нелепый', *ni z gruszki ni z pietruszki* 'ни с того ни с сего', *gruszki na wierzbie* 'пустые обещания', *grzyb* 'старый хрыч', *pójść na grzyby* 'быть отстраненным за ненадобностью', *grzybieć* 'стареть', *sprać / zbić kogo na kwaśne jabłko* 'сильно избить', *złote jabłko* 'золотое дно', *groch z kapustą* 'кавардак', *kokosu* 'большие доходы', *koperczaki* 'любезности', *kwiatek* 'сюрприз, неожиданность', *ładne kwiatki* 'ничего себе', *lebioda* 'хиляк', *malina* (*wpuścić kogo w maliny* 'обмануть', *dziewczyna jak malina* 'как маков цвет'), *malinka* 'синяк от поцелуя взасос', *migdałiść się* 'прижиматься друг к другу' (ср. *миндальничать* 'церемониться'), *ogórek, ogór* 'мужской половой член' (*огурец* 'нос', *нос как огурец, нос огурцом* в русском), *oliwa* 'пьяница', *naoliwić się, naoliwiony* 'напиться', 'пьяный', *pieprz* и многочисленные и многозначные его производные. И в русском – *персик* 'девушка, юноша с нежной кожей, с первым пушком', *лопух* 'олух, растяпа', *малина* 'притон, сладкая жизнь', *клубничка* 'нечто скабрёзное, с оттенком непристойной двусмысленности", *изюминка* 'нечто привлекательное, обращающее на себя внимание', *развесистая клюква* 'чепуха, бред, вранье'.

Разработка парадигматики и синтагматики представленных явлений даст возможность увидеть и сопоставить существенные особенности узальной семантики двух близкородственных языков.

1999 г.

Примечания:

1. Benveniste E.: *De la subjectivité dans le langage*. [In:] *Problèmes de la linguistique générale*. Paris, 1966.

2. Толстой Н.И.: *Из опытов типологического исследования славянского словарного состава*. [В:] „Вопросы языкознания”. 1963, №1, 1966, №5; Толстой Н.И.: *Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии*. [В:] *Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов* (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации. Москва, 1968; Гак В.Г.: *Сопоставительная лексикология*. Москва, 1977; Васильев Л.М.: *Принципы семантической классификации глагольной лексики*. [В:] *Семантические классы русских глаголов*. Свердловск, 1982; Попова З.Д., Стернин И.А.: *Лексическая система языка*. Воронеж, 1985; Стернин И.А.: *Лексическое значение слова в речи*. Воронеж, 1985.

3. Караулов Ю.Н.: *Общая и русская идеография*. Москва, 1976; Морковкин В.В.: *Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке)*. Москва, 1977; Бертельс А.Ф.: *Разделы словаря, семантические поля и тематические группы слов*. [В:] „Вопро-

сы языкознания”. 1982, № 4; Кашеева М.А., Устинова И.П.: *К вопросу о системности смысловых структур слов одной тематической группы*. [В:] Слово и предложение в структурно-семантическом аспекте. Ленинград, 1985.

4. Караулов Ю.Н.: *Русский язык и языковая личность*. Москва, 1987; Формановская Н.И.: *Речевой этикет и культура общения*. Москва, 1989; *Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи*. Москва, 1991; Караулов Ю.Н.: *Ассоциативная грамматика русского языка*. Москва, 1993; Земская Е.А.: *Категория вежливости в контексте речевых действий*. [В:] Логический анализ языка. Язык речевых действий. Москва, 1994, с. 131-136.

5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.: *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Москва, 1973; *Национальная культура и общение*. Москва, 1977; *Национально-культурная специфика речевого поведения*. Москва, 1977; Норман Б.Ю.: *Вторичная семантическая мотивация как национально-культурный компонент языкового сознания*. [В:] Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание. Москва, 1991; Сорокин Ю.А., Морковина И.Ю.: *Национально-культурная специфика художественного текста*. Москва, 1989; *Язык. Сознание. Этнос. Культура*. Москва, 1994.

Концептуальные и речевые клише как мотивирующая основа знаков-лексем языкового сознания

В языковой и знаковой действительности окружающего человек ориентируется при помощи знаков-слов. Способ подобного рода ориентации обусловлен знанием того уровня языковой семантики, который соприкасается со знанием социальным¹ и эмпирическим². Слова являются как мировоззренческие концепты, структурирующие языковое сознание говорящего в определенным образом ориентированных отношениях, соотносимых и связываемых между собой наподобие сети³, мотивирующими основаниями узлов которой можно считать категории в понимании когнитивистов⁴. На вербальном уровне речевого употребления основания подобного рода не всегда понятны и объяснимы, будучи автоматичны для носителей языка и/ли чуждо не свойственны тем, для кого данный язык является иностранным. Национальная специфичность, нанизываясь на универсально общее, не ощущается в своих смещающих эту общность оттенках либо не воспринимается как таковая совсем. Особенности национального способа видения и интерпретации внеречевой действительности не случайно поэтому стали предметом пристального внимания лингвистов в последнее время⁵, поскольку способ восприятия и когнитивного объяс-

¹ Широкая область исследований социальных знаний в связи с языковой семантикой (см., напр., работы: *Язык и социальное познание*. Москва, 1990; Баранов А.Н., Добровольский Д.О.: *Структуры знаний и языковая онтологизация в значении идиомы* // Исследования по когнитивным аспектам. Тарту, 1990; Крюков А.Н.: *Фоновые знания и языковая коммуникация* // Этнопсихоллингвистика. Москва, 1988), в связи с проблемами соотношения языка и культуры, лингвокультурологии (Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. *Язык и культура*. Москва, 1973; Воробьев В.В. *Лингвокультурология. Теория и методы*. Москва, 1997).

² Проблемы, которые можно было бы определить понятием лингвистической гносеологии (Витгенштейн Л.: *Философские исследования* // Новое в зарубежной лингвистике. Москва, 1985. Вып. XVI; фон Вригт Г.Х.: *Логико-семантические исследования*. Москва, 1986; Барт Р.: *Семиотика. Поэтика*. Москва, 1989 и др.)

³ Ассоциативно-вербальная сеть как потенция речевой способности и языковой компетенции говорящего (Караулов Ю.Н.: *Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности* // Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Москва, 1994).

⁴ Обзор представлений подобным образом понимаемых категорий см., напр., у Дж. Р. Тэйлора: Taylor J.R.: *Linguistic Categorization Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford University Press 1995.

⁵ Апресян Ю.Д.: *Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира* // Семиотика и информатика. Вып. 28. 1986; *Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре*. Москва, 1988; *Логический анализ языка. Культурные концепты*. Москва, 1991; Яковлева Е.С.: *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*. Москва, 1994; Степанов Ю.С.: *Константы: словарь русской культуры*. Москва, 2001 и др.

нения внешнего по отношению к языку обуславливает процессы его реализации в речи с последующим восприятием и объяснением речевого высказывания как семантической единицы и знака, а слова – элементы, их составляющие, оказываются в мировоззренческом отношении ориентированными, становясь представителями и, одновременно, знаками определенным образом отображенной и организованной в языковом сознании действительности.

Представить эту действительность или отдельный ее фрагмент через слова на основе данных о слове как о языковой системной лексеме – задача вряд ли осуществимая, необходимо обращение к контекстам типичного для него речевого использования, словоупотреблений, идиоматики, культурно и социально обусловленных реализаций. Слова в этом случае становятся знаками отмеченного смыслового пространства, структурную и мотивирующую основу которого создают семантические форманты как некие ориентиры отображенных в языковом сознании предметных сущностей внешнего⁶, отмеченных категориальными, эмотивными, волитивными, ценностными и социально-оценочными показателями данной концептуально-вербальной системы.

Языковое и речевое сознание определенного социума (ибо об этом речь) можно представить, тем самым, как отмеченную своими особенностями когнитивно-оценочную парадигмосистему, выражающую и обнаруживающую себя в словах как знаках-слепах и репрезентантах некоего набора идей, составляющих мотивирующую (интерпретирующую и побуждающую к проявлениям) основу и выполняющую функции ориентира в собственным образом отображенной и представляемой ею же, т.е. данной парадигмосистемой, действительности. Действительность в этом случае оказывается в чем-то схожей с действительностью сновидений, обнаруживая черты воображаемой реальности, с элементами внешнего, но управляемого, ориентируемого и насыщаемого сознанием обобщенного, существующего объективно, потусторонне и внешне по отношению к наблюдателю и, тем самым, участнику субъекта.

Эта сложная, но отнюдь не случайная взаимосвязь реального и воображаемого, языкового и когнитивного, объективного и субъективного, осознаваемого и неосознанного, явного и неявного, яви и сна речевого сознания данного языкового социума обнаруживает себя в когнитивно от-

⁶ Подобно тому как это обобщенно представлено, например, в когнитивной грамматике Р. Лангакера в понятийной системе доменов, схем, профилирования, лэндмарка и фона: Langacker R.W.: *Foundations of Cognitive Grammar*. Stanford University Press 1987, 1991.

меченном способе интерпретации передаваемых лексемами образов сна как знаков отображаемой и мотивируемой ими действительности. Объектом анализа в данной статье будут именно такие знаки-лексемы из ментально ориентированной «Энциклопедии сновидений»⁷, в лексемах и их интерпретациях передающей особенности мировоззренческих, оценочных и речевых представлений современных носителей русского языка.

Отобранные из этого словаря лексемы, тематически обусловленные отношением к *приобретению, получению, завершению, достижению* (идея *везения и успеха-удачи* в делах), будут анализироваться с точки зрения составляющего их ядро смыслового форманта и реализации этого смыслового ядра в поддерживающих и определяющих его ценностный смысл (как мотивирующая основа) типичных для русского языкового сознания речевых клише. Статья представляет собой, тем самым, попытку смыслообразующего (как словообразующего) анализа внутренней формы речевой узуальной лексемы как единицы языкового (речевого) сознания на лексико-семантическом материале, не прямо связанном с речевой узуальностью, опосредованном знаками-образами ценностно ориентированных ментальностных представлений.

Рассмотрим для иллюстрации небольшой фрагмент изучаемого словаря, скажем, первые четыре буквы: А – Г. Выберем из него те лексемы, которые определяют предметную область *приобретения-достижения*, сгруппировав их по основаниям предметного категориального означаемого с определением мотивирующих основ переноса. В «Энциклопедии сновидений» это такие лексемы:

алфавит – к успешному завершению дела (перечислять устно или письменно буквы алфавита – к непредвиденным трудностям);

альбом (если приснился мужчине) – скорый успех и приобретение новых друзей;

амбар – полный – к богатству, пустой – к бедности; засыпать зерно в амбар – к счастливому завершению ранее начатого дела;

антилопа – знаменует собой ускользающую мечту: достижение ваших целей окажется гораздо более трудным делом, чем вы предполагаете;

апельсин – есть апельсины – знак скорой радости; видеть апельсины, но по какой-либо причине их не есть – вы можете упустить заманчивую возможность;

⁷ Энциклопедия сновидений. Тула, 1993.

аркан – если аркан набрасываете вы – у вас прекрасные шансы добиться победы или успеха, но нужно проявить житейскую хитрость (если на вас – сильный удар от врага);

арык – исполнение самого невероятного (на первый взгляд!) желания;

аттестат – приснившийся аттестат, вручение аттестата – хороший знак, предвещающий блестящие перспективы, успешное завершение начатого дела;

багаж – нести или везти тяжелый багаж – к успеху в планируемом деле (если багаж везет или несет кто-то, но не вы – то вам предстоят неприятные хлопоты);

банк – видеть во сне здание или его внутренние помещения предвещает материальные потери, неудачи; сдавать деньги в банк – в недавних ваших поступках вы проявили легкомыслие и неосторожность; получать деньги в банке – вам вскоре крупно повезет, вы добьетесь успеха в любви, уважения в обществе и т.п.;

банка – пустая – препятствие вашим замыслам, а наполненная чем-либо – успешную их реализацию;

барак – вы живете в бараке – неожиданное препятствие в каком-либо деле;

баран – препятствие на вашем пути, которое вы преодолеете без ущерба для себя;

богатство – (выпавшее на вашу долю – к неразделенной страсти, которую лучше попытаться побыстрее погасить, сменив объект вашего вождения); если разбогател кто-то другой, – неожиданный успех в делах или выигрыш в лотерее;

бревно – препятствие в ваших делах; поэтому если вы удачно перепрыгнули через бревно, то вам повезет; и наоборот, если вы споткнулись и упали – обстоятельства окажутся сильнее вас;

бутон – распускающийся бутон означает скорое исполнение самого заветного желания;

бутылка – полную – хорошо: вы преодолеете все препятствия в любви, добьетесь успеха в делах; если же бутылка пустая, то вам предстоит утомительная борьба с разнообразными невзгодами;

вагон – ехать в вагоне поезда или трамвая – быстрое, но не легкое достижение намеченной цели;

вафли – есть вафли – к получению выгодного предложения (угощать кого-нибудь – быть обманутым);

венок – плести или надевать на голову – достижение успеха, завоевание авторитета;

верблюд – при достаточном терпении ваша цель будет достигнута;

волейбол – если вы участник – успеха вы добьетесь, в противном случае ваши старания, а возможно, и жертвы, будут напрасны;

вязание – вы вяжете – тщательная подготовка вашего плана обязательно обеспечит ему успех;

гвоздь (гвозди) – к скорому достижению цели (забывать – к семейному счастью);

генерал – неожиданный успех в деле, считавшемся безнадежно испорченным;

гнев – охвативший вас – затянувшееся дело, которому было отдано вами много сил и хлопот, получит неожиданное завершение;

гора – вы обзрываете гору – к упорядочению ваших дел;

горизонт – ясный далекий горизонт – предшествует неожиданному прекрасному положению, которое вы вскоре получите;

горнолыжник – стремительно спускающийся с крутого склона – промедление в деле, которое вы задумали или начали, невозможно: все может рухнуть; только быстрота и натиск вас приведут к цели.

Каждый из представленных знаков-лексем проявляет при толковании некую мотивирующую основу – обобщенную и ценностно ориентированную. Возможно ли рассмотрение этой основы как основы не только ментальной, но и языковой? Ядерный смысл искомого мотивирующего основания, формируется, как представляется, языковым сознанием, следуя как результат обобщения речевого узуального опыта. На основе типичных словоупотреблений, проявляющих себя в составе устойчивых сочетаний и речевых клише, создается представление о категориальном предметном ядре значения данной лексемы, соотносимом с ядром ее лексического значения, которое (предметное категориальное ядро) становится далее своего рода формантом в образовании нового, ценностно ориентированного смысла-интерпретации, в данном случае для образа сна, раскрывающего структуру значения определяемой ментальностной парадигмы – системоценностных представлений современных носителей русского языка в культурных и географических рамках России конца XX века. Та, в свою очередь, т.е. ментальная ценностно ориентированная парадигма,

способна влиять и влияет на смысл и характер контекстов и словоупотреблений, на порождение, понимание и восприятие речи, определяя и обуславливая ее прагматическую, коммуникативную, а следовательно и генеративно-перцептивную природу и базу для данного языкового сознания.

Подразделим представленные знаки-слова на группы в зависимости от характера предметного (внешнего) категориального основания. К первой группе относится *алфавит*. Мотивирующим основанием для того, что он обозначает (успешное завершение дела), становятся представления о порядке и полноте (все буквы в своем наборе); о знаниях, грамотности, об умении (знающий алфавит умеет читать и писать). Порядок, полнота и (исходные) знания, таким образом, три семантических основания первой группы, – ‘исходный порядок в своей полноте как единое’ (организация и, тем самым, код мира социума).

В сознании представителя социума присутствует некий образ предмета, представляющий собой его сжатую перцептивную форму, его компрессив, обобщение опыта – средство и способ взаимодействия и проявления себя в этом социуме для индивида, в его когнитивном и ценностном поле. Средствами сжатия и хранения такой информации становятся речевые концепты-клише, извлекаемые из сознания в связи с ситуациями и контекстами и заряженные, в том числе и в ценностном отношении, в зависимости и в связи с ситуациями и контекстами. Выводимые признаки – порядка, полноты и (исходных) знаний (для *алфавита*) – как раз и являются основаниями таких компрессивов, обращенных к контекстам и ситуациям с алфавитом: *Да это же азбука (алфавит); Да он и алфавита не знает; (расположить что-нибудь) в алфавитном порядке (по алфавиту); Пойди выучи алфавит для начала; Тебя еще алфавиту (надо) учить; Он уже алфавит знает (о малом ребенке); Сам выучил алфавит; В школе, в пятом классе, алфавита не знают!; Э, да тут весь алфавит (собрался, представлен), как я посмотрю; Будем вызывать по алфавиту; Как будем решать – по алфавиту?; Алфавит надо знать, как же ты будешь потом, когда вырастишь, алфавит – это главное в каждом деле и пр.*

Из таких речевых клише, ситуативных высказываний, хранящихся в памяти, складывается представление об алфавите как о том, что знать просто необходимо, чтобы чего-то добиться, что-то из себя представлять, что это знание обязательное и самое первое, общее и исходное для всего, что алфавит – это все вообще буквы, следовательно, он абсолютен и по-

лон, и что расположены они в определенном порядке, смысл которого не объясним, но обязателен и всеобщ, и всё вообще или очень многое имеет свой алфавит и располагается по алфавиту. Из этих знаний выводится ценностная модель-клише 'алфавита' как чего-то крайне необходимого, и потому толкование его как знака во сне приобретает весьма конкретный и ценностно-ориентированный в приведенной системе характер: 'к успешному завершению дела' (если видеть во сне алфавит), значит есть все необходимое и в должной, оперативно требуемой полноте, одобряемой и общественно признаваемой как *мое* знание, умение, грамотность и достоинство.

Вторая группа представлена словом *альбом* с мотивирующим основанием вокруг 'эмоционально заряженных и перебираемых светлых воспоминаний, связанных с теми, кто дорог и близок', и которое можно представить признаками эмоционального выбора (набора), верности и поддержки. Актуализируемые речевые контекстные концепты клише: *листать (перелистывать) альбом; любимый альбом; написать (оставить на память) в альбом; показывать (свой) альбом*. Альбом перелистывают, вспоминая; перелистывание альбома успокаивает эмоционально, давая ощущение поддержки, добра, теплоты; семейный альбом показывают только тому, кому доверяют, кого выделяют и любят, рассматривают как родного и близкого человека, кого включают (имеют виды включить) в семью. Отсюда понятным становится объяснение *альбома* как знака сна: мужчине – скорый успех и приобретение новых друзей (то, что связано с идеей верности, надежности и поддержки); женщине – в ее жизни появится мужчина, который принесет ей счастье (идея эмоциональности, теплоты, доброты, любимого и близкого, надежного, верного человека).

Третью группу составляют слова *амбар* и *банк*. Общим мотивирующим основанием для них будут идеи объемности, емкости, значимого внутреннего пространства, которое надо наполнить (и наполнять), пустота которого, вычерпанность – знак несчастья, беды и голода, а полнота, наполненность – знак изобилия и достатка. Ведущие признаки – емкость (большой объем), наполнение и участие (приложение сил) со стороны наполняющего. Речевые концепты-клише: *наполнить амбар, засыпать в амбар, полный амбар, пустой амбар, амбарный* (т.е. очень большой) *замок, целый амбар, запереть амбар, сложить (свезти, свалить) в амбар, хранить(ся) в амбаре; зерно, хлеб, пшеница; амбарная* (толстая, жирная и

откормленная) *крыса, мышь, амбарный* (такой же толстый, откормленный) *кот*, охотящийся, к тому же, на амбарных крыс и мышей.

Для *банка*: *сходить в банк (за деньгами), сложить (деньги) в банк, хранить (деньги) в банке, банковские проценты, счета, ограбить банк, напасть на банк, нападение на банк, ограбление банка, банковский служащий* (чистый, выбритый, холеный), *работник банка, директор банка* (очень богатый, хотя и нечистый на руку человек, махинатор), *народный банк, сдать валюту в банк, государственный банк* (надежный), *коммерческий банк* (ненадежный, хотя для кого-то, может, и более выгодный), *лопнувший банк, банк лопнул; У меня что тебе, банк?* (когда просят денег, много или постоянно).

Четвертую группу образуют слова *банка, бутылка*, с общим мотивирующим основанием, сходным отчасти с основанием третьей группы: также *емкость (объем), предполагающий наполнение и, следовательно, возможность состояния полного или пустого, из которых полное – хорошо, приятно, а пустое – плохо, досадно и неприятно*. В отличие от третьей группы наполнение в данной случае не предполагает участия со стороны субъекта, субъект ее, напротив, (потенциально) опустошает. Можно выделить, таким образом, три мотивирующих признака: *емкость, наполненность и обусловленность*. Последний признак требует пояснения: состояние (полное или пустое) *банки, бутылки* обуславливает фактически состояние субъекта, имеющего к ней отношение, определяет его зависимость от него (ср. известное определение пессимиста и оптимиста по показателю взгляда, зависимой обусловленности от того, как они себе представляют одну и ту же бутылку как наполовину пустую или наполовину полную).

Речевыми клише-концептами будут: *крутить, закатывать банки* (консервирование, подготовка к зиме, нередко считаемая числом закатанных банок и определяющая, тем самым, достаток и обеспеченность закатавших: голод, рост цен не так страшны), *поставить банки (столько-то банок) на стол* (к приему гостей), *дать банку (банок) в дорогу (домой)* (взрослым детям, родственникам, знакомым – как эквивалент обмена, внимания, доброты, любви, заботы, щедрости), *разбить банку* (трагедия), *банка взорвалась (испортилась, лопнула), банки с вареньем; банки с тушенкой, сгущенкой, черной (красной) икрой, банка растворимого кофе* (все это – как признаки распределителя и достатка, то, чего нет у других).

Для бутылки: выпить столько-то бутылок, сходить (сбежать, послать) за бутылкой, нет денег на бутылку, на бутылку (у них) не хватает, поставить бутылку, без бутылки не разберешься (о неясном запутанном деле), за бутылку все сделают, тут бутылка нужна (чтоб расплатиться), без бутылки не разберешься (иронически о сложном деле, требующем приложения усилий), удавится за бутылку (о горьком пьянице), бутылки сдавать, спать на бутылках (о студенческой жизни), собирать бутылки (о нищете), очередь за бутылками (сдавать бутылки), прийти (в гости) с бутылкой, бутылка шампанского, ящик бутылок (коньяка, другого дорогого напитка – в качестве взятки высокопоставленному лицу за услугу), дать бутылкой по голове (в драке).

Пятую группу составляют слова *антилопа, баран, верблюд, генерал, горнолыжник, богатство*, мотивирующая основа которых заключается в идее носителя свойств обладания, силы и передачи. Увиденное сообщает увидевшему о свойстве, к которому он может оказаться причастен или уже причастен, но об этом не знает, и что может быть также свойством его самого, вынесенным из него во вне и им теперь наблюдаемым, видимым.

Антилопа в сознании русскоязычных ассоциируется с чем-то далеким и экзотическим, сильным, красивым, стремительным, исчезающим, стадом, объектом для хищников, стройностью, таинственностью черных глубоких глаз, женственной красотой и изяществом. Отсюда признаки – ‘ускользающая мечта и трудность в достижении целей’.

Баран – с представлениями об упрямом, глупом, тупом, кучерявом, безвредном, негибком, до которого туго доходит, которого убедить невозможно, которому объяснить что-либо почти безнадежное дело, но которого можно легко обмануть, подсунуть ему вместо одного другое. *Баран* связан с идеей ворот, удивленным стоянием, непониманием: *Уставился как баран на новые ворота; Стоит как баран; Пялится (вылупился) как баран. Два барана* – также с идеей моста (переправы): два барана встречаются на мосту и один другого не хотят пропустить, стоят, тупо сцепившись рогами, пока оба не падают в воду. *Баран* потому препятствие, досадное, раздражающее своей тупостью, но легко, без труда устранимое, нередко само себя устраняющее.

Верблюд ассоциируется с медленным, но упорным продвижением к цели, выносливостью, способностью долго обходиться без самого необходимого, потому и значение знака *верблюда* во сне напрямую оказывается

связанным с названным кругом представлений о нем: при достаточном терпении ваша цель будет достигнута.

Генерал – высокий чин, высокое социальное положение, беззаботность и обеспеченность, а также представительность, важность (*свадебный генерал; Какой солдат не мечтает стать генералом; генеральский чин; дослужиться до генерала*), само появление которого, милостивое согласие достаточны для разрешения самых неразрешимых вопросов. Его непререкаемый авторитет и барственное могущество всё сами решают.

Генерал – прежде всего, и есть барин, вельможа, заменивший в сознании русских боярина: *генерал Топтыгин, подать прошение генералу, на подписи у генерала, генерал всё решает, ведет себя как генерал, ты что, генерал?* (также барин), *тоже мне генерал (барин) нашелся!* и пр., – в современном сознании получивший развитие: *генеральская дача, квартира, пенсия, дочь, жена, должность; генеральский паек, обеспечение, сынок; муж у нее генерал; выйти замуж за генерала.*

Отсюда легко понять неожиданный успех в деле, считавшемся безнадежно испорченным, следующий из появления во сне всемогущего генерала.

Значение *горнолыжника* предполагает необходимость выкладываться, проявление силы, стремительности, быстроты, собранности, физической формы и концентрации. *Горнолыжник* – это стремительный, головокружительный, захватывающий дух спуск с горы, скок, наводящий на мысль о преследовании, от которого надлежит убежать, о лавине, стремящейся вслед, посему и значение его связывается с невозможностью промедления: промедление в деле, которое вы задумали или начали, невозможно: все может рухнуть; только быстрота и натиск вас приведут к цели.

Богатство потому оказывается в пятой группе, что для русскоязычного представления оно почти что то же, что *генерал*: некая знаковая идея наделенности и обладания, но внешних, то, к чему можно стремиться, но что реально нельзя получить. Богатство, обладание им, к тому же, опасны, потому что богатство и стремление к нему создают неудобства, порождают неловкость. Богатым быть нехорошо, богатый связан, богатому есть что терять. Богатства легко лишиться, богатства могут лишить, лучше ничего не иметь, чем иметь, а потом утратить. Богатство создает беспокойство, это хлопоты и несчастья. Богатство требует умения, надо быть всегда начеку. Богатый человек нехорош и всем неприятен. Богатству завидуют, желая его себе, считая, что тот, у кого оно, его не достоин.

Нужда и богатство всегда рядом живут: *Богатство спеси сродни; Богатство – вода, пришла и ушла; Глупому сыну не в прок и богатство; Не с богатством жить, с человеком; Мужик богатый, что бык рогатый; Не проси у богатого; У богатого черт детей качает; Богатому не спится: богатый вора боится; Богатому черти деньги куют; У богатого богатинны пива-меду много, да с камнем бы его в воду.*

Честно богатства приобрести нельзя, это случай, выигрыш, нередко плохо кончающийся для того, кому он выпал: *дурное богатство; богатые (тоже) плачут; не помогло и богатство; от трудов праведных не наживешь палат каменных.*

Посему приснившееся *богатство*, выпавшее на вашу долю, – к неразделенной страсти, которую лучше попытаться побыстрее погасить, сменив объект вашего вожделения. Зато если разбогател кто-то другой, ваш сон сулит вам неожиданный успех в делах или выигрыш в лотерее. Богатство, следовательно, хорошо как внешнее, как то, что есть у другого (других), оно хорошо как идея. Общность *богатства с генералом* обнаруживается и в объединяющей их идее неожиданности успеха.

Шестая группа представлена *апельсином* и *вафлями*, с мотивирующей основой ‘желанный объект вкусового восприятия (ощущения)’: то, что желают, что приятно на вкус, но что не всегда достижимо. *Апельсин* – экзотический и не повседневный плод, связанный с представлением о празднике, детстве, угощении, столе; плод солнечный, теплый, прихотливый, капризный, нежный. Посему есть *апельсины* – знак скорой радости; видеть, но по какой-то причине не есть – вы можете упустить заманчивую возможность.

Вафли, как и конфеты, тоже не повседневный продукт и еда особого случая, также связанная с представлением о детстве и празднике, желанности (вафельное мороженое, которое могут дать, но могут не дать). Отсюда и представление: есть их – к получению выгодного предложения; угощать кого-нибудь ими – быть обманутым (т.е. не получить самому, отдать принадлежащее тебе кому-то другому).

Седьмая группа – *аркан, вязание, гвоздь* – связана с представлениями о ‘средстве осуществления’, о том, чем надо воспользоваться, чтобы способствовать достижению цели. *Аркан*, при этом, средство поймать, притянув, находящееся на расстоянии и поэтому не достижимое для руки. Управление им требует умения и ловкости, отсюда прекрасные шансы добиться победы или успеха, но нужно проявить житейскую хитрость. Спо-

способность *аркана* быть использованным кем-то другим ведет к тому, что, если аркан набрасывается или брошен на вас – ожидайте сильного удара от врага.

Вязание связано с представлением о кропотливой, старательной, требующей продумывания и умений работе, отсюда и смысл – тщательная подготовка вашего плана обязательно обеспечит ему успех.

Гвоздь – всегда очень нужный, просто необходимый предмет в хозяйстве, основа всего, без чего нельзя, без чего все может рухнуть (*гвоздь и подкова*), на что все вешается, чем все крепится, – *гвоздь сезона, как гвоздь в башке, засела гвоздем в голове* (мысль), *повесить на гвоздь, гвоздь из родного дома, как гвоздь в доске* (сидеть, не выходить, не двигаться с места), *человек-гвоздь, гвозди бы делать из этих людей* (о крепких, негибаемых, твердых и твердолобых), *гвоздить*. Потому и обладание *гвоздем* (гвоздями) – к скорому достижению цели; *забивать гвоздь* (гвозди) – к семейному счастью.

Восьмая группа – *арык, бутон, гора, горизонт* – имеет основой ‘динамически осуществляемое ожидание’ и связана с представлениями о том, что составляет идею и смысл стремления в себе самом. *Арык* – как надежда воды в пустыне, обретение влаги в сухом и жаждущем, прокопанный, прорытый и долгожданный, отсюда и связь с исполнением самого невероятного (на первый взгляд!) желания.

Скорое исполнение желания в распускающемся *бутоне* отмечает идею радости и восхищения, связанных с ожиданием нового и расцвета, распускания цветка.

Гора создает идею порядка, упорядочения дел только в случае, если во сне вы обзрываете гору. Если вы поднимаетесь на гору – вас ожидают досадные неудобства в предстоящей поездке; если спускаетесь – приятные, хотя и незначительные известия. Подобное положение подчеркивает актуализируемую и желаемую внесубъектность *горы*: хорошо обзрывать гору, смотреть на нее со стороны и издали, любоваться ей как ландшафтом, но не входить на нее, не взбираться (*Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет*), быть от нее подальше.

Гора приятно притягивает, сопрягаясь с идеей желаемого достижения, но без участия со стороны субъекта. *Гора* в участии связывается в сознании с трудностями, стеснениями, подниматься в гору хуже, чем спускаться с горы, хотя и в спуске нет ничего, кроме идеи освобождения от неудобств.

Горизонт сопрягается с тем, что должно открываться, что предстает как ясное и широкое, что внешнее и далекое и что притягивает своим простором и перспективой: ясный далекий горизонт, увиденный вами во сне, предшествует неожиданному прекрасному предложению, которое вы вскоре получите. Его открывание не зависит от прилагаемых усилий, оно дается в видении: *открытые горизонты; расширить свой горизонт; там, за горизонтом.*

Девятая группа представлена словами *аттестат* и *венок*. Мотивирующая основа – ‘позитивно оценочная отмеченность’. *Венком* награждают, венчают, отмечая успех, победу, как лучшего среди других претендентов. *Аттестат* вручается и присваивается по достижении результатов. И то и другое становится знаком высокой значимости, нового статуса получающего лица: *получить аттестат, аттестат зрелости, сдать экзамены на аттестат; наградить венком, венком победителя, увенчанный.* Перед сдавшим на аттестат, обладателем аттестата, завершившим учебу, открываются новые возможности, отсюда и соответствующее значение: хороший знак, предвещающий блестящие перспективы, успешное завершение начатого дела. *Венок* отмечает идею признания, одобрения, поощрения со стороны других, вполне логично поэтому рассматриваясь как знак достижения успеха, завоевания авторитета.

Десятая, и последняя, группа достаточно многочисленна: *багаж, барак, бревно, вагон, волейбол*. Она отмечает идею ‘приобретения (либо потери) через участие’. Это группа субъективного опыта, связанного с идеей привычного действия и привычного получения результата. Посему важны для сновидения последовательно идеи несения *багажа* для себя; проживания, жизни в *бараке* (если вам приснилось, что вы живете в бараке); удачного перепрыгивания (если вы удачно перепрыгнули) через *бревно*; езды в *вагоне* поезда или трамвая; участия в *волейбольном* матче. Участие в привычном действии при этом дает субъекту одно, а его неучастие (участие других) или плохое участие – другое.

Представленные десять групп, в зависимости от сферы своего проявления для субъекта, объединяются в пять: 1) эмоциональные состояния и переживания – *э м о т и в ы*, включающие значения и образы первых двух групп (*алфавит* и *альбом*); 2) действия, или *а к т и в ы*, включающие значения и образы третьей, четвертой, седьмой, девятой, десятой группы, и потому наиболее многочисленные (*амбар, банк; банка, бутылка; аркан, вязание, гвоздь; аттестат, венок; багаж, барак, бревно, вагон, волейбол*);

3) свойства – атрибутивы – значения и образы пятой группы (*антилопа, баран, богатство, верблюд, генерал, горнолыжник*); 4) ощущения – сенситивы – значения и образы группы шестой (*апельсин, вафли*); 5) возможности, ожидания – потентивы – значения и образы группы восьмой (*арык, бутон, гора, горизонт*).

Соотнесение представленных оснований и групп с субъектными сферами дает возможность увидеть и выстроить на последующих этапах анализа, в частности, отображаемую языковым сознанием, при посредстве типичной для него системоценностной парадигмы, внутреннюю концепцию человека – то существенное в мировоззренческом и всяком ином отношении продуцирующее ядро, которое неизменно, хотя далеко не прямо, себя отражает при коммуникативном вербально-речевом проявлении представителя данного языкового ментального состояния.

2003 г.

СТРУКТУРНО-МОТИВАЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РЕЧЕВОЙ УЗУАЛЬНОСТИ

Суффиксальные образования как способ маркированной социально-оценочной характеристики

Интенсивно развивающееся в последнее время направление в лингвистике, связываемое с аксиологией, или оценочностью, ставит на видное место проблемы социальной оценки и социальной характеристики объекта, связывая это далеко не в последнюю очередь и отнюдь не случайно с языковыми процессами и явлениями, особенно ярко себя обнаружившими в конце XX века⁸. Наглядность и очевидность этих процессов, необходимо добавить, определяется не тенденциями или особенностями собственно языка, ставшего вдруг другим, приобретшего нечто новое или усилившего в себе нечто прежнее, некую эмотивную составляющую. Определяется она объявлением, выходом на поверхность – публичностью и опубликованием того, что до конца XX века было неофициальным, неявным, составляя сферу не отмечаемого, хотя и распространенного и общеизвестного, бытования языка⁹. О новизне в этом смысле необходимо поэтому говорить,

⁸ Из большого количества литературы на тему оценочности достаточно упомянуть хотя бы такие работы: Арутюнова Н.Д., *Аксиология в механизмах жизни и языка [w:] Проблемы структурной лингвистики 1982*, Москва 1984, с. 5-23; Столярова Э.А., *Лексико-семантическое поле оценки в разговорной речи [w:] Словарные категории*, Москва 1988, с. 186-191; Стернин И.А., *Оценочность слова в языке и речи [w:] Исследования по семантике*, Уфа 1990, с. 20-28; Маркелова Т.В., *Функционально-семантическое поле оценки в современном русском языке*, «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология», 1994, № 4, с. 12-19; Маркелова Т. В., *Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке*, «Филологические науки», 1995, № 3, с. 67–79; Родионова С.Е., Родионова А.Е., *Эмоционально-оценочное значение пренебрежительности и средства его выражения в современном русском языке [w:] Семантические категории в русском языке: Сб. науч. статей*, Уфа 1996, с. 84-96; Вендина Т.И., *Семантика оценки и её манифестация средствами словообразования*, «Славяноведение», 1997, № 4; Космеда Т., *Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки*, Львів 2000, 350 с.; Вольф Е.М., *Функциональная семантика оценки*. Изд. 2-е, доп., Москва 2002, 280 с.

⁹ Данной проблеме, в частности, посвящены исследования в коллективной монографии *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, 2-е изд., Москва 2000, 480 с.; в сборнике научных статей *Русский язык сегодня*, отв. ред. Л.П. Крысин, Москва 2000, 596 с. (вып. 1 и последующие); см. также Лаптева О.А., *Живая русская речь с телеэкрана*, Москва 2001, 520 с.; Валгина Н.С., *Активные процессы в современном русском языке*, Москва 2003, 304 с.; Шапошников В.Н., *Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении*, изд. 2-е, испр. и доп., Москва 2006, 288 с., с литературой в этих источниках; Кормилицына М.А., *Усиление личностного начала в русской речи последних лет [w:] Русский язык сегодня. Вып. 3*, Москва 2003 и др.

имея в виду средства массовой информации, публичные выступления, язык политики, возможно, отчасти, тексты художественной литературы (отчасти, поскольку в значительно большей мере и степени, чем ранее) и, конечно же, язык Интернета, в том его понимании, которое предполагает коммуникативный обмен. Не случайно поэтому об оценочности и социальной оценочности все более пишется в языкознании на материале СМИ, языка политики и всего того, что было в этой связи перечислено¹⁰.

Связывается все это нередко, и опять не случайно, с усиливающимися процессами демократизации, или либерализации, литературного языка, интерпретируемыми все так же нередко и не случайно в связи и в контексте с так называемой жаргонизацией, т.е. проникновением в речь в ее массовых, официальных, публичных (как общественно значимых) формах явлений, особенностей и элементов широко понимаемого подстандарта, включая в него просторечие, сленг, социальные, профессиональные, возрастные жаргоны, арго, языки уголовной среды, маргинальных групп, субкультур и т.п. То есть всего того, что в традиционном языкознании принято обозначать в понятиях ненормативности и не общей употребительности (ограниченности), видя во всех этих сферах тот экспрессивно-эмоциональный, не сдерживаемый рамками языкового стандарта, а потому и неограниченный, свежий к тому же поэтому, потенциал, который, с одной стороны, наделяет способностью существенным образом эмоционально усиливать речевое воздействие, а с другой, позволяет, раскрепощая, более полно и впечатляюще проявлять субъективные стороны и личное отношение говорящего¹¹. Что, не в последнюю, если не в первую, очередь,

¹⁰ На эту тему в последние десятилетия написано очень много, представим лишь некоторые подобного типа исследования: Косиков Г.К., *Идеология. Коннотация. Текст* [w:] Барт Р. S/Z. Москва 1994, с. 277-302; Воробьева О.И., *Политическая лексика: Семантическая структура. Текстовые коннотации*, Архангельск 1999, 95 с.; Жельвис В.И., *Инвектива в политической речи* [w:] *Русский язык в контексте культуры*, Екатеринбург 1999, с. 114-151; Дроняева Т.С., *Фасцинативные сигналы в информационном тексте* [w:] *Публицистика и информация в современном обществе*, под общ. ред. Г.Я. Солганика. Москва 2000, с. 187-204; Трошкина Т.П., *Словообразовательные средства создания оценочности в языке СМИ* [w:] *II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы. В 2 т.*, под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева, Казань 2003, т. 1, с. 102-104; Малярчук У.О., *К вопросу о словообразовательных репрезентантах оценочного значения в медиатекстах*, «Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского». Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 25 (64), № 4, часть 1, 2012, с. 79-84.

¹¹ См., к примеру, такие работы: Grabias S., *Środowiskowe i zawodowe odmiany języka – socjolekty* [w:] *Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Lublin 2001, s. 235–253; Grabias S., *Język w zachowaniach społecznych*, Lublin 2003; Chomko J., *Жаргон, арго, сленг...* [w:] *Русистика и современность: Языкознание 3*, red. М. Bobran, Rzeszów 2003, с. 27–33; Żurek M., *Оценочные слова в общем русском жаргоне* [w:] *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 3. Opis, konfrontacja, prze-*

предполагает оценочность с отражением в речи позиции не только и даже не столько индивидуального «Я», сколько «Я» социального, определенной социальной позиции и социальной группы.

Возникновение и усиление подобных тенденций, точнее было бы говорить пробивание их на поверхность, сдерживавшихся до конца XX века, устраняясь последовательно из публичных форм проявления литературного языка, заслуживает особого к себе отношения. В известном смысле эти тенденции, сопровождаясь активным вторжением разговорности в официальную нормативную сферу, перед этим ее избегавшую, противопоставляясь ей на протяжении всей предыдущей истории современного языка, начинают собой отмечать какой-то новый этап нормативного языкового существования, обращая мысль к представлению о новом содержательном качестве эволюции языка. Подобным образом воспринимаемое широкое представление требует подробных и обстоятельных подтверждений с обращением к материалу речевого употребления в сферах общественной речи, однако не это было и не это могло быть предметом данного короткого рассмотрения. Отмечая тенденцию к усилению разговорности¹², не обязательно ведущую к изменению существовавших до последнего времени норм, поскольку вторжение разговорного низа в сферу, если и не высокого, то официального, предполагает не изменение его качества, а появление какой-то смешанной формы языкового употребления, – отмечая такую тенденцию, следовало бы говорить не о норме, а о ее проявлении в недостаточно строгих условиях, создаваемых общественными причинами. И как такую форму общественной, в первую очередь массовой, коммуникации, а

kład, red. I. Łuczaków, J. Sokołowski, Wrocław 2003, с. 341–346; Chomko J., *Młodzieżowe argot a kultura (na podstawie nazw osób w języku rosyjskim [w:] Studia Wschodniosłowiańskie*, t. 5 2005, s. 185–193; Червинский П., *Жаргоны и сленг в аспекте оформления лексического значения слова [w:] Лексика подстандарта. Т. 2: Современные жаргоны и их описание*, ред. А. Зых, М. Надель-Червиньска, Катовице 2009, с. 21–45.

¹² О разговорности как категории, о просторечии как подсистеме в системе языка, в различных значениях и аспектах, см., к примеру: *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*, Москва 1981; Hołówna T., *Myślenie potoczne*, Warszawa 1986; *Разновидности городской устной речи*, Москва 1988; Markowski A., *Kategoria potoczności w języku i opisie języka [w:] Język a kultura, t. 5: Potoczność w języku i kulturze*, red. J. Anusiewicz, F. Nieckuła. Wrocław 1992, s. 55–59; Habrajska G., *Potoczność w rozumieniu potocznym [w:] Język a kultura, t. 5: Potoczność w języku...*, s. 29–35; Химик В.В., *Современное русское просторечие как динамическая система [w:] Стилистическая система русского языка. Сборник статей*, Санкт-Петербург 1998; Химик В.В., *Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен*, Санкт-Петербург 2000; Lubaś W., *Rola słownictwa potocznego w polszczyźnie ostatniego dziesięciolecia [w:] Słownictwo współczesnej polszczyzny w okresie przemian*, red. J. Mazur, Lublin 2000; Bartmiński J., *Styl potoczny [w:] Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Lublin 2001, s. 115–134; Lubaś W., *Polskie gadanie: podstawowe cechy i funkcje potocznej odmiany polszczyzny*, Opole 2003; Warchała J., *Kategoria potoczności w języku*, Katowice 2003.

не появление нового в своем качестве литературного языка, данные речевые и узуальные обстоятельства, видимо, следует воспринимать. Тем не менее, обстоятельства эти, выводя на поверхность из сферы частного в сферу публичного некие бывшие «теневыми» стороны эмоциональности и оценки, теневыми не для языка, но для общественного его проявления, придают им при этом какое-то новое качество. Социально-индивидуальное, как групповое и средовое, отдельных не бывших официальными групп, касаясь сферы жаргонов, сленга и просторечия, выходя из них в сферу публичного взаимодействия, становится, как неизбежное следствие, продолжая быть тем, что есть, одновременно и чем-то другим, меняя характер первичной своей оценки. Средовая и групповая ее ограниченность остается, меняя и преобразуя охват, а тем самым и расширяя ее характер.

Следует, видимо, отличать, по крайней мере, три равнодействующих в этом процессе – то, что касается новых общественных отношений, связываемых с изменениями системы общественных ценностей и находящихся затем свое воплощение в языке (в публичном его проявлении); то, что касается массовой коммуникации и ее новых сторон, предполагающих разобобщение – проникновение в нее социального группового (частного) как псевдообщего; и то, что касается новых неновых оценочных форм для публичного языка, новых в нем для него как публичного и неновых, поскольку известных как средства социально-индивидуализирующей оценки. Это последнее и будет нас интересовать, отмечая в себе как системоценностный, так и концептуально-ментальный и психологический (социально и индивидуально) слепок, заряд и след тенденций происходящего.

На переломе этих общественно значимых коммуникативно-концептуальных позиций, или, как это стало принято в последнее время определять, социокультурных, системоценностных парадигм¹³, пришедшихся, может быть не случайно, на рубеж, двух веков, XX-го и XXI-го, возникает, представляющаяся внешне как индивидуализирующая, способ-

¹³ О парадигмах культуры: Руднев, В.П., *Словарь культуры XX века*, Москва 1999; специально, с подробным разбором проблемы, см. диссертацию Бакач Н.Б., *Культурная парадигма как объект социально-философского анализа*. Дис. канд. филос. наук, Волгоград 1998, <http://nanobukva.ru/b/wert/bakach_n_b_-_kul'turnaja_paradigma_kak_ob'ekt_social'no-filosofskogo_analiza.html> (доступ: 21.10.2013); с исследованием проблемы в связи с анализом русского языка XX века: Покровская Е.А., *Русский синтаксис в XX веке*, Ростов-на-Дону 2001, 436 с.; Wierzbński J., *Языковой монументализм в России XX века (Диахроническая экспликация научных парадигм)*, Łódź 2012, 263 с.

ность публичного для себя проявления социального человека, на деле же и по существу, через речь и сознание, делающая его ограниченным представителем не данного национально-культурного коллектива в целом, но интересов, оценок и мнений тех или иных его социальных позиций и групп.

Происходит, тем самым, не индивидуация (sic!) форм публичного проявления общественного сознания, в пространстве массовой коммуникации, как можно было бы ожидать, а их социо-маргинация, при которой общественное, не переставая быть общим, становится средством реализации позиций и интересов его пограничных и средовых групп, что, отчасти, для языка, находит свое выражение в процессе, отмечаемом исследователями как жаргонизация. Не последнюю, если не первую и не ведущую, роль в этом процессе, для опять же общественного сознания и восприятия, играет сложившийся и продолжающийся складываться в соответствующем направлении, общественно себя проявляющий, новый публичный язык, воплощая в себе тенденции так называемой приватизации общественных отношений, при которой общественное становится средством реализации для частного, используясь в общественной деятельности ради него. Отмечая, если не отличительной и определяющей, то очень типичной и постоянно заметной чертой этого языка социально-характеризующую оценочность, попробуем разобраться в том, что и как она из себя представляет на материале сравнительно небольшой, но весьма выразительной группы довольно употребительных в последнее время в языке публичного проявления суффиксально оценочных образований. Это слова, определяемые нередко как формы слов¹⁴, с суффиксами типа *-к(а)/-очк(а)*, *-ок/-ик/-чик*, *-ишк-*, *-ушк-*, *-ец*, *-иц(а)/-ц(а)*, *-к(о)*, *-ошк(а)*, *-очк(а)*, *-ул(я)*, *-ун(я)*, *-ус(я)*, *-ин(а)*, *-иц-* и пр., а также как разговорные или просторечные, т.е. стилистически сниженные, синонимы мотивирующих слов, образуемые с

¹⁴ Проблеме разграничения данных образований в российском языкознании уделялось внимание в 60-е и 70-е годы прошлого столетия: Новикова Л.С., *К вопросу о именах существительных с суффиксами эмоциональной оценки [w:] Синтаксис современного русского языка*. Сб. 40, вып. 6, Тюмень 1968; Никитевич В.М., *К вопросу о категории оценки в русском языке*, «Филологические науки», 1960, № 3; Осипова Л.И., *О словообразовательной классификации уменьшительно-оценочных образований имен существительных в современном русском литературном языке*, «Ученые записки МОПИ», 1969, т. 228, вып. 15; Копосова Н.А., *Особенности грамматического развития субъективно-оценочных образований имен существительных [w:] Грамматическая лексикология русского языка*, Казань 1978, с. 47-56. Ср. также: Лыкова П.А., *О границах между словоизменением, формообразованием и словообразованием в русском языке*, «Филологические науки», 1981, № 3, с. 48-55. В современном языкознании деминутивы и аугментативы рассматривают обычно как формообразования, не меняющие лексического значения слова.

помощью суффиксов стилистической модификации¹⁵ типа *-ин(а)*, *-к(а)*, *-аг(а)*, *-уг(а)*, *-ух(а)*, *-ах(а)*, *-ох(а)*, *-ак*, *-ук*, *-аиш*, *-ан*, *-ец*, *-от(а)*, *-ур(а)* и др.

Из всего возможного разнообразия слов и/или форм слов (для предлагаемого рассмотрения такое их разделение не будет иметь значения) типа *мелодийка*, *компанийка* и *компашка*, *сельсоветец*, *мультишка*, *животина*, *ужастик*, *хлопотуля*, *деляга*, *миляга*, *бедолага*, *рыбёшка*, *гадюшник*, *бомжатник*, *конвертик*, *лимончик*, *наследничек*, *депрессуха*, *порнуха*, *чернуха*, *скучища* и *скукотища*, *алкаш*, *крохотуля*, *лапуля*, *лапуся*, *лапёха*, *грязюка*, *хребтина*, *уродина*, *обормотина*, *комнатуха*, *квартирёха*, *смехота*, *срамота*, *водяра*, *немчура*, *старикан*, *мужлан*, *стыдоба*, *дурашка*, *мамашка*, *папашка*, *папик*, *пахан* и т.д. (не все из которых, впрочем, типичны для современных публичных контекстов, и это одно уже заставляет задуматься над вопросом, какие и почему), – из всего этого многообразного изобилия отберем для анализа одну небольшую группу. Ею будут образования с суффиксом *-уг(а)*, типа *жадюга*, *пьянчуга*, *бандюга*, *ворюга*, *подлюга*, *хамлюга* и пр.

Причин такого отбора видится несколько. Прежде всего, их немного, подобных слов, или форм слов, или стилистических, разговорно и просторечно сниженных модификационных синонимов. В связи с чем рассмотрение может быть обозримым и различающим. Группа эта неоднородна, как в стилистическом, так и в словообразовательном отношении, что позволяет увидеть и выделить важные для стоящей задачи дифференцирующие особенности. Неоднородна она и в отношении современного публичного узуса, что дает возможность отметить его, для него характерные и сопровождающие, черты. Различными предстают в этой группе также и отношения, при образовании, мотивирующего и мотивированного, что имеет значение при определении видов и свойств заключаемой в этих образованиях социально-характеризующей оценки.

В результате такие явления, категории и мотивы, как речевой субъект, позиция речевого субъекта, номинация, предикация, характер коммуникативной среды, оценка социальной группы-среды, ее социально- и индивидуально-психологические (индивидуально-типажные) проявления и характеристики, наряду с наблюдением, в первую очередь интересующим языкознание, общеупотребительного и ограниченного, узуального, потенциального и окказионального, с их тенденцией к выходу, расширению, распространению данной словообразовательной группы как типа, с опре-

¹⁵ *Русская грамматика, т. I*, Москва 1980, с. 216.

делением соответствующих моделей создания данного вида слов и форм слов, становятся, если и не вполне понятными, то прояснимыми. Равно как и то, что касается коммуникативной и семантической, а тем самым, и аксиологической их обусловленности, выражаемой в структурной основе (точнее было бы говорить структурно-смысловой), касаясь аспектов социального и психологического характера.

Все это можно затрагивать, а при большем объеме также решать, на основе отобранного в своем законченном виде, а потому обозримого, материала. Из чего, в дальнейшем, можно предполагать постановку вопросов социально-оценочного языкового использования в определенных эмоционально-интенциональных контекстах, базирующегося на аранжировке суффиксов субъективной оценки в составе включающих их в себя лексических единиц.

Первое, на что следует обратить внимание в связи со сказанным, с тем чтобы перейти к основному предмету предпринимаемого рассмотрения, оставив его, это первое, в стороне, заключается в установлении действующих в интересующей группе словообразовательных механизмов. Смысл их состоит а) в разграничении $-y_2^1$ - и $-y_2^2$ - для состава разбираемых слов и б) в различении словообразовательных типов (подтипов), или моделей, для этих $-y_2^1$ - и $-y_2^2$ -. Оттолкнемся в таком объяснении от имеющегося в грамматиках и словарях, взяв для этого только два источника, не углубляясь в проблему.

Согласно «Русской грамматике»¹⁶ образования с ударным суффиксом (суффиксальным словообразовательным морфом) $-y_2(a)$ характерны для существительных общего рода а) со значением лица – производителя действия, образованных от глагола (*ханать* – *хануга*) и б) со значением лица, характеризующегося признаком, названным мотивирующим словом в образованиях от прилагательных (*подлюга*, *хитрюга*, *пьянюга*), продуктивных в разговорной речи и просторечии, с фамильярной окраской, а также чередованием парно-твердых согласных с мягкими и возможным усечением основы (*жадный* – *жаднюга* и *жадюга*); в) для стилистически сниженных синонимов мотивирующих существительных, характеризующихся разговорностью, фамильярностью и более сильной оценочной экспрессией по сравнению с производящим, при сохранении его родовой характеристики (*ворюга*, *зверюга*¹⁷, *тварюга*), со смягчением парно-твердых (*шофёр* >

¹⁶ Русская грамматика, т. I..., с. 157, 174, 217.

¹⁷ Хотя о сохранении родовой характеристики при слове *зверюга* (ж.р. или общ.р.) в 1-м знач. (о крупном и опасном животном, *звере* м.р.) говорить не приходится, так же как и при слове

шоферюга), чередованием |ц| с |ч| (*пьяница* > *пьянчуга*), нерегулярным усечением мотивирующих основ (*банд(ит)* > *бандюга*) и продуктивностью в разговорной речи и просторечии.

«Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка» Т.Ф. Ефремовой¹⁸ выделяет **-уг¹**- как достаточно регулярную и продуктивную словообразовательную единицу, образующую стилистически сниженные синонимы мотивирующих существительных (*грязюга, парнюга, тварюга, хватюга*), с теми же чередованиями и усечением производящих основ, и **-уг²**- как достаточно регулярную, но непродуктивную (свойственную лишь просторечию) словообразовательную единицу, образующую имена существительные общего рода, обозначающие лиц по их признакам или действиям (обычно с презрительно-уничижительным оттенком) и присоединяющуюся к основам имен существительных (*вор – ворюга*), прилагательных (*хитрый – хитрюга*) и глаголов (*хáпать – хану́га*), с теми же чередованиями и усечением основ. В указанном словаре, тем самым, слова типа *ворюга* воспринимаются как существительные общего рода (в отличие от «Русской грамматики»), определяясь не как стилистически сниженные синонимы мотивирующих существительных (типа *тварюга, хватюга*), а как обозначения лиц по их признакам и действиям, что вряд ли оправдано.

Следуя логике обоих источников и обобщая, не будет ошибкой, по-видимому, предположить, что при несомненном стилистическом сходстве подобных образований, определяемых как разговорные и просторечные с фамильярным оттенком возможного уточнения в сторону пренебрежительной уничижительности, их можно подразделить на слово- и формообразования. Первые предполагают морфологический переход (трандукцию) от глаголов и прилагательных к существительным общего рода (см. а и б при «Русской грамматике»), вторые – образование стилистически сниженных и усиленных экспрессивно синонимов (модификацию), без изменения лексического значения и с сохранением родовой принадлежности.

И те и другие, и трандуктивы и модификативы, отличаясь лишь морфологическими особенностями на переходе от производного к производящему (не формальными, не стилистическими, не экспрессивными, не смысловыми), с точки зрения восприятия, а тем самым и языкового созна-

портретюга (ж.р.) от *портрет* (м.р.). Подобное сохранение имеет место, по-видимому, при сущ. со знач. лица.

¹⁸ Ефремова Т.Ф., *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*, Москва 1996, с. 472.

ния носителей языка (интересовала именно эта их сторона), вряд ли можно рассматривать как две разные группы образований. В контексте стоящей задачи *хануга*, *ворюга*, *подлюга*, *зверюга*, *хамлюга*, иными словами, не с выделенных на основе грамматики позиций (а, б, в) или *-уг¹*- и *-уг²*- слова-ря Т.Ф. Ефремовой следовало бы различать. И хотя показательным для каких-то задач может быть составление немногочисленных в целом образований (список открыт, поскольку *-уг¹*- продуктивная, а *-уг²*-, хотя и непродуктивная, но, как свойственная для просторечия, в нем может быть таковой, единицы), с количественным убыванием от первого ряда к третьему:

от существительных *бандюга* < *банд(ит)*, *ворюга* < *вор*, *грязюга* < *грязь*, *жидюга* < *жид*, *журналюга* < *журнал(ист)*, *зверюга* < *зверь*, *мастерюга* < *мастер*, *нахалюга* < *нахал* (возможно, также, что от *нахаль(ный)*), *парнюга* < *пар(е)нь*, *переводюга* < *перевод(чик)*, *портретюга* < *портрет*, *пьянчуга* < *пьян(и)ц(а)*, *речуга* < *речь*¹⁹, *садюга* < *сад(ист)*, *сволочуга* < *сволочь*, *слесарюга* < *слесарь*, *стервюга* < *стерва*, *тварюга* < *тварь*, *хватюга* < *хват* (возможно также, что от *хват(ать)*), *шоферюга* < *шофёр* (представленных в большем числе);

от прилагательных *блатнюга* < *блатной*, *вреднюга* < *вредный*, *грязнюга* < *грязный*, *жадюга* < *жад(ный)* (но, возможно, также от *жад(ин)а*), *жаднюга* < *жадный*, *отчаюга* < *отчая(нный)*, *подлюга* < *подлый* (не исключено также и образование от *подл(ец)*), *пьянюга* < *пьяный*²⁰, *хитрюга* < *хитрый* (возможно, также, что и от *хитрец*);

от глаголов²¹ *матерюга* < *материться*, *развалюга* < *развалить(ся)*, *хамлюга* < *хамить (хамлю)*, *хануга* < *ханать*, *дерюга* < *драть*, *пичуга*²² < *пикать*, *пикнуть*, –

¹⁹ В словаре Т.Ф. Ефремовой, видимо не совсем правомерно, *речуга* дается как образование с помощью *-уг¹*- от слова *река* (с. 472).

²⁰ Так, по крайней мере, дается *пьянюга* в *Русской грамматике*, однако стоит задуматься над вопросом, *пьянюга* – это тот, кто пьян или пьяный, т.е. напившийся человек, или все же, скорее, экспрессивное обозначение *пьяницы*, как постоянно пьющего? Тогда, по-видимому, более вероятным будет предположить образование от существительного, с усечением основы *пьян(ица)*, тем более что есть поддерживающее его такое же разг.-сниж. *пьянь (подзаборная)*. *Пьянюга* при этом будет синонимично и вариативно к *пьянчуга*, отличие между которыми видится в большей экспрессии первого, отчасти в силу меньшей его употребительности, отчасти подобно паре *жадюга / жаднюга*, в которой первое также сильнее второго, видимо, в силу большей фонематической близости корню *жад(ать)*, *жажд(ать)* и следующей из этого не опосредованности или меньшей (как в случае с *пьянюга – пьянчуга*) его опосредованности для первого.

²¹ Такие единичные отглагольные образования с *-уг(а)*, как *дерюга* (от *драть*), *пичуга* (от *пикать*, *пикнуть*), видимо, следует в этом ряду не учитывать, в силу утраты ими связи со своим мотивирующим и, что из этого следует, неочевидности их экспрессивного оформления.

²² Данное слово, равно как и предыдущее (*дерюга*), не будет предметом нашего рассмотрения в силу стертости для языкового сознания его образовательной связи с производящим.

не это сопоставление должно привлекать внимание при рассмотрении вопросов социальной характеристики и/или оценки, а, к примеру, такое, которое бы предполагало распределение по условной отчасти шкале перехода от общеупотребительных, хорошо известных и освоенных в языке через образования употребления ограниченного, при этом не безразлично какого, к редко употребительным, потенциальным, окказиональным и единичным. То есть к тому, что, открывая выход подобных образований к их продуктивности, к языковому ресурсу на их основе, давало бы одновременно то впечатление свежести и новизны, которое, в силу нестертости, непривычности, способно было бы содержать отпечаток актуализированного, последнего времени, а потому и живого, как живо воспринимаемого, действующего и осознаваемого оценочно-характеризующего социализированного заряда. С одной стороны, для слов с соответствующим суффиксом (суффиксальным морфом) $-yг(a)$, как $-yг^1-$ или $-yг^2-$, не случайно для данного времени в отношении именно данных слов, как показателей его актуальных оценочно-концептуальных тенденций. А с другой стороны, для самого суффиксального морфа $-yг(a)$, также по небезразличной причине для актуального времени действующего в каком-то себя проявившем ряду.

Простым примером такого ресурсного проективного действия, по-разному в отношении времени актуализирующего оценочность морфа $-yг(a)$ и одновременно показывающего смещающиеся временные акценты оценочных концептуальных тенденций (социально-психологических, следует также добавить), можно считать различие, наблюдаемое в образованиях *шоферюга* и *слесарюга*, сюда же *речуга* и *мастерюга*, с одной стороны, несколько подутративших свою актуальность времени, скорее, 60-70-х, начала 80-х годов, и *сadyга*, с другой, приобретшим свою актуальность с начала 90-х и ее до сих пор не утратившим. Или такие, как *журналиюга* или *бандюга*, актуальные ранее и теперь, но меняющие (первое) либо характер сопровождающей их социальной оценки в силу реалий последнего времени, либо (второе), наряду с переакцентировкой оценки, по той же причине реалий времени, смещающие также характер обозначаемого. *Бандюга* советского времени, т.е. в первую очередь хулиганствующий антиобщественный элемент либо вор или расхититель общественного добра, это не тот *бандюга*, который от группировок, из рэкетиров, наемных убийц и мафиозных структур последнего времени. Этот второй намного опаснее, невыносимее и труднее, что неизменно связывается с характером сопровождающей его социальной оценки.

В связи со сказанным, актуализирующим возможное представление об образованиях с *-уг(a)* как ко времени, так и к оценочности, обусловленной смыслом, включающим характеризующий компонент, попробуем в некотором приближении представить различия определяемых единиц в каких-то группах, более или менее наглядно отображающих те впечатления, которые следуют из их узуальности. Впечатления эти далее позволят установить особенности собственно интересующей нас в данной статье природы экспрессивного разговорного слоя, обусловливаемого социально-психологической подоплекой действующей и способной меняться во времени концептуально-валюативной оценки, связываемой нередко и неслучайно с системой себя проявляющих, хотя и не прямо, общественно принимаемых ценностей. Ценностей иногда групповых, становящихся либо способных стать на какое-то время общими, равно как и ценностей, остающихся групповыми и не меняющих своего подобного статуса, но вдруг почему-то, опять же в какое-то время, либо ведущих себя как общие, либо в речи какого-то определенного социально-психологического типажа, а потому не случайно, способных себя проявлять как псевдо- или навязываемо-общие. Такова во многом природа находящегося в постоянном движении живого разговорного языка, в условиях начинающей действовать либерализации официальной формы открывающей шлюзы, выводя на поверхность публичного восприятия, обозрения, обсуждения и употребления то, что до этого было не явно или не так явно, поскольку, как неофициальное, не всеобщее и не повсеместно.

В ряду отобранных для рассмотрения единиц можно было бы говорить, если не о возможной для них шкале, от большей к меньшей, употребительности, поскольку такое решение трудно было бы признавать однозначным, то, по крайней мере, о вероятных регистрах, уровнях или степенях, подобной предполагаемой шкалы. Попробуем, опираясь на опыт контекстов (не одного лишь последнего времени), а также на данные национального корпуса русского языка, не вполне последовательно и приблизительно, в некотором теоретическом приближении, представить возможное узуальное распределение по ступеням активности для языкового сознания, скажем так, в интересующей нас группе слов. Предлагаемое распределение имеет смысл не само по себе, а потому его не следует воспринимать с позиции фактологической достоверности, цель его состояла бы в том, чтобы постараться увидеть, на основе каких смысловых и оценочно-ценностных социальных критериев одни единицы оказываются узуально более значи-

мыми по сравнению с другими и какие и сколько таких переходов и подразделений по группам могло бы быть, с установлением возможного смысла таких переходов и подразделений.

Первую группу можно представить как группу большей или меньшей общей употребительности, без специального разграничения по регистрам шкалы. К ней возможным представляется отнести слова *бандюга*, *ворюга*, *жадюга*, *зверюга* (о звере и человеке, но с разной для них оценкой), *нахалюга*, *парнюга*, *подлюга*, *пьянчуга*, *тварюга*, *хамлюга*, *хапуга*, *хитрюга* и *шоферюга*. Внутри этой первой группы распределения заслуживают а) получающие оценку на основании осуждаемых общественных проявлений (*бандюга*, *ворюга*, *зверюга* (о человеке), *хапуга*); б) негативно характеризующиеся в поведенческом отношении в условиях интерперсональных контактов (*жадюга*, *нахалюга*, *подлюга*, *тварюга*, *хамлюга*, *хитрюга*); в) оцениваемые с позиции навязчиво-раздражающего типажного проявления – неодобряемого по каким-то причинам поведенческого типажа (*пьянчуга* и *шоферюга*); г) объекты эмоционального восприятия (*зверюга* (о звере), *парнюга*). Из чего следуют социальные (а), поведенческие индивидуальные (б), поведенческие типажные (в) и эмоциональные (г) группы возможных критериев, распределяющиеся далее в показателях субъектной открытой (языкового субъекта), субъектной скрытой (речевого субъекта) и референциальной (определяемого объекта) сфер.

Вторую группу, представляемую, как и первая, с позиций большей или меньшей общей употребительности, в отличие от первой следовало бы определить в отношении выражения не столько общей, сколько отмеченно групповой, а потому ограниченной, социальной оценки (сказанное требует дальнейшего прояснения). К ней можно было бы отнести единицы типа *вреднюга*, *жидюга*, *журналюга*, *переводюга*, *садюга*, *сволочуга*, *слесарюга*, *речуга*. Слова в этой группе далее можно подразделить на такие, которые а) предполагают высокую степень эмоциональной негативной оценочности как проявления не просто не одобряемые, но либо мешающе-раздражающие, вызывающие личную (*вреднюга*), либо общественно обусловленную озлобленность (*жидюга*), либо как проявления последовательно деструктивного, направленного на других, эгоизма (*садюга*, *сволочуга*); б) предполагают насмешливо-неприятную и/или пренебрежительную оценочность, обуславливаемую социально заряженной раздраженностью, вызываемой действием не преодолеваемых при взаимодействии с соответствующими объектами раздражителями (*журналюга*, *сле-*

сарюга, речуга – в значении долгая, насыщенная официозными фразами, либо просто утомительная в своих навязчивых и приподнятых проявлениях речь)²³.

Третью группу составили бы образования не слишком частотные и/или не общеупотребительные (с допущением потенциальных слов): *отчаяюга, грязюга, грязнюга, переводюга, пьянюга, портретюга, стервюга*. В силу редкой употребительности слов этой группы трудно было бы дать их в дальнейшем подразделении, увидев нечто еще помимо свойственной им эмоциональной, хотя и различной, заряженности, сопровождаемой модулятивными аппликатурами фатического усиления. Внимания при этом заслуживают (в контексте общей задачи) функции собственно *-уг(a)* при каждом из этих слов:

отчаянный, т.е. такой, который не считается с возможностью поражения, утраты, с риском > *отчаяюга* – *-уга* модулятивного усиления неотвратимости угрожающих следствий, выводящейся из того, что сосредоточено для объекта оценки в себе (его бесконтрольность, нежелание рассчитывать свои силы, учитывая обстоятельства и возможности, своего рода субъектный результативно-акциональный дисфункционализм);

грязь, воспринимаемая и определяемая как то, что мешает и раздражает, не давая нормально себя проявлять при необходимости какого-то передвижения, положения, пребывания и/или действия > *грязюга* – *-уга* модулятивного усиления эмоционально-сенситивного восприятия, связываемого с представлениями о нарушении условий неискаженно комфортного проявления «Я», – объектно-обстоятельствственный дискомфортатив;

грязный, равно как и *пьяный*, > *грязнюга, пьянюга* – *-уга* модулятивного усиления эмоционально-сенситивного неприятия характеризующего (как расстроено-дестабильное) состояния субъекта – объектно-субъектный (объект восприятия и субъект состояния) дискомфортатив;

²³ В данном месте следовало бы обратить внимание на то, что далеко не всегда в употреблении и контекстах указанная оценочность может быть актуализированной. Особенность современной, в том числе и не только теперь разговорной, но и публичной речи состоит нередко в использовании изначально и по словообразовательным признакам отмеченно обозначенных и окрашенных слов ради так называемого стёба либо в силу инерции, не задумываясь, не придавая значения и не вкладывая в это оценочный смысл, потому только что так стало принято говорить. Отметив эту особенность, мы не будем в нее углубляться, что потребовало бы обращения к совершенно иному материалу, выходя к тому же за рамки стоящей задачи.

переводчик > *переводюга*, также модулятивного усиления, осуществляющий свои профессиональные, по определению, действия, если не автоматически, то рутинно, привычно, не вкладывая и не добавляя в них от себя ничего, оцениваясь (если оцениваясь, а не просто в кругу своих так называясь) как типичный поэтому представитель определенного круга не чересчур озабоченных своей деятельностью лиц, – объектно-акциональный типажный функтив;

портрет > *портретюга*, возможно (если не просто пустое эмоциональное, в том числе и самодовольное, усиление) как (слишком) большой, вызывающий своим видом, бросающийся в глаза, излишне подчеркивающий не обязательно оправданную значительность изображенного, – *-уга* насмешливо-иронического модулятивного усиления (не)соответствия роли, значения и исполнения для артефакта, – его агентный (для рисовавшего) и/или объектный (для нарисованного) функциональный дисвалюатив;

стерва > *стервюга* – *-уга* эмоционального усиления последовательно доставляющих неприятности и/или приносящих вред внутренних качеств субъекта, – активно блокирующий деструктурирующий субъектный дисфунктив.

Функции *-уга*, как это следовало бы из приведенных фрагментов возможного представления, обращались бы (минуя общее для всех фатическое модулятивное усиление эмоционального и/или сенситивного перцептива), при фузионном взаимодействии с семантикой остального в составе лексемного целого, вокруг идеи:

1) возможных нежелательных последствий того или иного типично воспринимаемого проявления какого-либо лица, что ведет к ощущению нестабильности функционального положения при вероятном взаимодействии с ним;

2) нарушения того же функционального положения в аспекте удобства и/или отсутствия лишних препятствий, усложняющих реализацию каких-либо действий лица;

3) появления или создания обстоятельств дискомфорта, вызываемых периодическим, наблюдаемым в данный момент или привычным дестабилизирующим состоянием того или иного объекта;

4) мешающе-раздражающего эмоционально оцениваемого дисвалюатива, предполагающего обесценивание объекта либо его сомнительность

вследствие неравновесного нарушения им своих внешней и внутренней стороны;

5) такого же эмоционально оцениваемого, но при этом блокирующего, дисфункционального при контакте с объектом, дисвалюатива.

Функции эти можно свести к сочетаниям в разных пропорциях и комбинациях признаков, на основе которых реальным виделось бы описание привносимых в лексемное целое обстоятельств как номинативной, так и предикатной характеристики слов с морфом *-уга*, включая эмоциональную, сенситивную и перцептивную составляющие. Такими признаками были бы, в первую очередь, проективные следствия того, что мешает и/или раздражает, блокирует, нарушает стабильность, соотношение внутреннего и внешнего, создает неудобства, вызывает эмоциональное и/или физическое отторжение и пр., укладываемые в категории как упомянутых, так и нет дисфункциона, дискомфорта, дисвалюатива, дестабилизатора, дисбаланса, функциона для типажа. Ведущим во всем этом в отношении *-уга* было бы общее представление о неприятии, дезакцептации, дискомфорта, объекта оценки, как его неспособности соответствовать подключающимся взаимодействиям при контакте с другими. Неспособность эта имеет различный характер и вид в зависимости от реализаций, т.е. лексемного наполнения.

Четвертую группу в ряду рассматриваемых можно было бы определить как образования, характерные в употреблениях для какой-либо коммуникативной среды: *блатнюга, мастерюга, матерюга, хватюга*²⁴. В этом месте следовало бы оговорить само понятие такой коммуникативной среды, в известном смысле условное, поскольку дело тут в общем не столько в среде, понимаемой привычно как круг по каким-то признакам определяемых говорящих, типа студенческая, молодежно-подростковая, фабрично-заводская, рабоче-строительная, торговая, медицинская, журналистская, административная, музыкальная, правовая, уголовная и т.п., которую можно и следовало бы, но не как единое целое все же, рассматривать, с определением свойственных ей внутренних признаков, отличающих данную от других. Дело тут в коммуникативно-психологических показателях, характеризующих некоторый внутренне обуславливаемый типаж, его от других отличающих. Иными словами, если одни говорящие, допустим в какой-то

²⁴ Сюда же можно было бы отнести и характерное для своей среды *переводюга*, что отмечало бы вероятность двойственного (если не более) положения некоторых из разбираемых лексем.

среде, предрасполагающей, в силу ее коммуникативно-реальных особенностей, к употреблению той либо иной лексемы, ее привычно используют, то другие, пусть в той же среде, намеренно либо нет, могут ее, в тех же контактных условиях, в реализациях не предполагать. Внутренним механизмом такого выбора либо, напротив, не выбора и избегания, будет имеющийся, заключенный в данной лексеме, в морфемном (с помощью *-уга*) ее оформлении, коммуникативно-эмоциональный, соответствующим образом оценивающий, заряд, подходящий для одного, но не говорящего, а коммуникативно-психологического типажа, и не подходящий, не свойственный для другого.

В контексте сказанного *блатнюга* предполагает такую оценку того, кто *блатной*, которая допускает возможность усиленного в нем проявления признаков дисконтакта, пренебрежительно отстраненного отношения к другим с демонстративно-бравирующим представлением своей исключительности, подчеркиваемым чуть не на каждом шагу. Указанное оценочное отношение будет типично тем и тому, кто чувствует на этой основе свою обойденность, задетость, неполноту, неисполненность и недостаточность. В силу ли того, что, не будучи таковым, испытывает, переживает чувство недовосполнения (возможно, желая обладать, если не идентичными, то подобными свойствами), либо, вследствие опыта, возможно остаточно, ощущает неполноту, не позволяющую ему при возможном контакте ощущать свою адекватность.

И в том и в другом из указанных случаев задетость становится следствием ангажируемой в контакт с блатными (блатным) самоидентификации, что не должно и не может быть свойством любого взаимодействующего с ними, в силу контактных условий, лица, но только такого, которому данное обстоятельство свойственно в соответствии с его коммуникативно-психологическим типажом. Ангажируемая в контакт с блатными самоидентификация, предполагая интериоризацию небезразличия к свойствам блатного (блатных), обнаруживает свойственную несамодостаточность, контактно-психологическую неуверенность в собственных силах, с внутренним поиском, обычно не реализуемым, поддержки со стороны какого-то числа авторитетных других, коррелирует к такой неуверенности и подобному поиску. Данное свойство и будет тем признаком, который характеризует внутреннюю основу определяемого коммуникативно-психологического типажа, одного из возможных для контактирующей с

блатными среды (без дальнейшего уточнения ограничимся здесь таким ее представлением).

Аналогичным образом, с определением соответствующих признаков типажа для среды, в которой контакты с мастером (на заводе, фабрике), матерящимся, хватом, имеют небезразличный смысл, с уточнением свойств как следствий такого небезразличного для данной среды контакта, можно бы было представить три остальных единицы в составе четвертой группы (*мастерюга, матерюга, хватюга*). Однако поскольку подобное представление предполагало бы более или менее обстоятельное определение самой такого рода среды, прежде чем подвести к желаемому результату, а это отнюдь не просто, опустим его. Непростота задачи вызывается коммуникативной неоднородностью того, что привычно воспринимается в категориях социума как среда. Если в случае с *мастером-мастерюгой* на фабрике или заводе, на стройке либо где-то еще, такая среда может как-то более или менее как рабочая восприниматься, соответствующим образом более или менее едино представляясь затем в типажах, то с матерщинником или хватом подобного единообразия не получается. Среда бытового общения, к которой их можно было бы относить, переносимая далее и проникающая в своих единицах к тому же в другие коммуникативные среды, далеко не едина в возможном своем составе. С точки зрения коммуникативно-средовых выборов и предпочтений, в которых и проявляют затем себя далее типажи. По этой причине оставим данный вопрос без внимания, обратившись к еще одному важному последствию для изучаемого материала. Речь пойдет о различении, распределении, в нем того, что следует от называющего, манифестирующего свою социальную или общественную (соответствующим образом также нередко оценивающую) позицию, говорящего как субъекта, и что следует в нем от того, кого так называют как референта, объекта такой позиции и/или оценки, с возможным дальнейшим объединенным следствием того и другого по основаниям не всегда осознаваемого проявления внутренних свойств субъекта, включаемых в нем в условиях коммуникативно-психологического контакта, переживаемого им в корреляции с объектом, в ангажируемой с ним связи. Сказанное можно представить в виде своеобразного треугольника манифестации (для субъекта), референции (для объекта) и экстраполяции (для субъекта в его к объекту связи):

Манифестация,
объявление
социальной по-
зиции
говорящего,
называющего;
своего рода
презентация, ин-
дикация,
означение,
через скрытое
представление
«Я отношусь к
тем,
кому свой-
ственно /
несвойственно
то и то...»

Референция
как представле-
ние и
социально-
оценочная характери-
стика
объекта
соответствующим
образом:
объект для меня,
говорящего,
есть «Тот, кто,
обладая такими-
то
свойствами, явля-
ется
тем-то и тем-
то...»

Экстраполяция
как проявление,
обычно не осо-
знаваемое,
психологиче-
ской сферы
субъекта, не
обязательно индиви-
дуальных, возможно
типажных,
характеристик,
нередко это
скрытые
механизмы
компенсации,
вытеснения,

опасений,
пережитых,
не отработанных
ущемлений и
травм

В связи с отмеченным ранее и представленным в виде обобщения в схеме естественным образом возникает вопрос, в какой мере рассматриваемые суффиксальные образования с морфом $-uz(a)$, равно как и каким-то возможным другим, способны передавать то или иное социально-оценочное характеризующее отношение и не являются ли три выделенных в представленном треугольнике стороны в их значениях манифестации для субъекта, референции для объекта и экстраполяции для субъекта, в его проявлении через объявляемое социальное отношение к объекту, тем неизменно общим, которое сопровождает, способно сопровождать, любое заряженное высказывание.

Вопрос, на который следовало бы отвечать положительно. Безусловно, да, все эти три стороны равным образом могут себя проявлять в других, далеко не только сопровождаемых морфами, соответствующими лексемами оформляемых высказываниях. Проблему в связи с рассматриваемым морфом (либо каким-то другим) следовало бы решать, по крайней мере, в двух не случайных и заостряющих ее актуальность до контекстуальных употреблений аспектах, – с кругом каких лексических единиц, потому что далеко не со всеми, данный морф формирует лексемные образования, что это за единицы, какова их семантика и возможный оценочный потенциал. Это первое. И второе – что именно вносит в имеющиеся лексемные образования, в оценочном, смысловом и субъектно-психологическом отношении данный морф. Что, в свою очередь, ведет к необходимости постановки и разрешения еще одной важной проблемы – в какого типа контекстах можно привычно встретить и ожидать появления того и другого лексемного образования с данным морфом, каким может быть по своим социальным и психологическим характеристикам такой узувальный контекст. Отчасти в своих рассуждениях этих сторон мы касались. Для более полного представления необходим обстоятельный, опирающийся на широкое исследование подобных контекстов, разбор. В качестве возможной иллюстрации возьмем лишь несколько примеров из национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru):

Разбросать вещи, разбить бейсбольной битой технику... Реально садюга училка. Сука. [Сегодня в топе блогов история учительницы (блог) (2008)]

Взяв Кудинкина за шиворот, садюга охранник поволок его к ведущей из подвала металлической лестнице. [Ольга Некрасова. Платит последний (2000)]

Мать родную продаст, брата замочит. Садюга конченый. Об этих беспредельных харях вы все хорошо знаете. [Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи (2000)]

У власти бандиты, король — некрофил, педофил, садюга! [Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой (1998)]

И паренек крайне нехотя двинулся восвояси, но не отрываясь все-таки от туш, в глазах у него плясали кровавые поросята. Садюга! Не для еды эти животные, понял? [Игорь Мартынов. ВДНХ (1997) // «Столица», 1997.08.12]

Это же надо — назвать меня своей родственной душой! Сам садюга, и меня туда же! Ишь ты, кур убиваю не ради мести, а ради поддержки своих мыслей! [Дмитрий Липскеров. Сорок лет Чанчжоэ (1996)]

В позиции субъекта следует отметить остро-оскорбленное, задетое отталкивание, неприятие насилия, жестокости со стороны доминирующего обладателя власти и силы, бесконтрольной, безнаказанной, не ограничиваемой внутренним императивом проявляющего. «Я отношусь к тем, кому не свойственно подобное, кто не приемлет грубого, ни чем в себе не сдерживаемого проявления безоглядного насилия». Объект оценивается не просто как асоциальный, не способный к сдерживающей саморегуляции, взрывоопасный в проявлениях, деструктор, но занимающий доминирующую, ведущую позицию, пользующийся ею, уничтожающий психологически всех тех, кто оказывается в зависимости от него, находящий в этом источник упоения для себя.

Экстраполируется при этом неизменная (не обязательно индивидуально-личная) позиция зависимого, испытывавшего нечто подобное, с подобным проявлением сталкивавшегося, с ним знакомого, как с травмирующим и ожидаемым, не слишком редким, опытом, переживанием и социальным знанием. Не было бы преувеличением сказать, что и сама такая экстраполяция, и названная острая позиция субъекта, при употреблении в контекстах *садист(ка)* вместо *садюга*, вряд ли нашла бы отображение, при сохранении, следует добавить, той же референции в обоих случаях. С по-

мощью морфа -уга, тем самым, не просто усиливается, но находит свой выход и свое выражение субъектная сфера.

Полуторку мотало и бросало по полустепному бездорожью — шоферюга, опаздывая в часть к ужину, даже не оглядывался, ибо то черное, обугленное, с потрескавшейся кожей, что ему навязали, не имело никаких шансов дотянуть до самой ближней деревни. [Илья Бояшов. Танкист, или «Белый тигр» (2008)]

— Сам козел, — сообщила Маня, стряхивая с себя стеклянную пыль. — За козла ответишь, — налился красной шоферюга. Я испугалась, только драки мне не хватало. [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)]

Волчок возился с машиной месяца три, но в конце концов поставил ее на колеса, и она еще долго бегала в некрытом и крытом виде, пока один отвязанный командировочный шоферюга не утопил ее в местной речушке. [Александр Логинов. Мираж (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.12.21]

Шоферюга повернул блистательно — не притормаживая, не пытаясь разглядеть помеху слева. [Марианна Баконина. Девять граммов пластита (2000)]

А двадцать пять тысяч долларов — «на дороге не валяются», как сказал этот здоровый русский шоферюга из Питера. [Владимир Кунин. Кыся (1998-2000)]

Шоферюга многое знал из того, что не следовало бы, а еще больше догадывался о делишках Жженого, в том числе и о сотрудничестве с уголовкой. [Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)]

Шоферюга наострил уши, был всегда начеку, опасался, как бы не дать маху. [Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)]

Слева вышел хмурый, плохо выбритый парень непонятной национальности, одетый простовато и неряшливо, — типичный колхозный шоферюга. [Сергей Таранов. Мстители (1999)]

Мужчины последовали за ней, причем небритый шоферюга — последним. [Сергей Таранов. Мстители (1999)]

Уже я дослуживал, живой и невредимый, как в роте появился Чумаков — отсидевший в дисбате шоферюга. [Олег Павлов. Степная книга (1990-1998)]

Какой-то шоферюга завернул спустя час, наткнулся на эту кровию, погнался — и тогда только поступил сигнал, когда попался ему первый на трассе свистун. [Олег Павлов. Степная книга (1990-1998)]

Он был *шоферюга*, вывозил мусор от «чэка», «кагэбэ» — потому ему и дали комнатку для него, меня и мамы в нашем «Городке Чекистов»! [Николай Коляда. «Мы едем, едем, едем в далёкие края...» (1995)]

Обыкновенный *шоферюга* тифлисского разлива, обожаящий долгие тифлисские застоля, добрый, легко воспламеняющийся и чудовищно дремучий. [Булат Окуджава. Упраздненный театр (1989-1993)]

Шоферюга в этих контекстах воспринимается как выдавший виды, знающий цену себе и окружающим шофер, смотрящий на мир из своего собственного, ему понятного и хорошо им освоенного мирка, нередко как лихой, лишенный, в допускающих такое проявление условиях, сдерживающих тормозов, капризный, взбалмошный, бравирующий и пользующийся своим особым положением, предполагающим, довольно часто, безысходную, а потому искательную, от него зависимость, от его воли, настроения, характера, желаний либо нежеланий, при этом знающий одновременно свое место и умеющий прикидываться, будучи послушным воли более сильного, стоящего над ним, а потому способный к адаптации и перемене социальных мест.

Тем самым, снова возникает образ доминатора, в отличие от предыдущего (в *сadyge*), скромно-латентного в не располагающих к тому условиях, не склонного вместе с тем к самоконтролю, психологически и эмоционально подавляющего зависимого, доминатора, беспардонно пользующегося своим социальным и профессиональным, положением и возможной властью. В слове *шофер* подобных наполнений обнаружить никак не удастся, а предполагаемые контексты не будут резонировать к не располагающей к таким значениям семантике данной лексемы.

Тем самым, в отличие от предыдущего слова (*сadyга*), суффиксальный морф *-yга* для *шоферюга* расширяет не только и даже не столько субъектную, сколько объектную, референтную сферу, что необходимо связывать с семантикой производящей лексемы: в *сadyсте* изначально заложены соответствующие характеризующие объектные составляющие, чего нельзя сказать о *шофере*. Подобные расширения в их сопоставлениях и различиях могли бы составить предмет специального изучения.

Как следует из сказанного, *-yг(a)*, равным образом как и другой какой-то модифицирующий в оценочном и характеризующем отношении суффиксальный морф при слове, способен исполнять не только подчеркивающую, выделяющую или усиливающую во вкладываемую оценку роль, но и служить индикатором более сложных, лексемно-семантически и узу-

ально обусловленных оценочных обозначений коммуникативно-типажного и социально-психологического характера, что должно следовать, а потому и изучаться, исходя из материала комбинаторных сочетаемостей как внутри лексем, с учетом их семантики отдельно и в группах, так и в условиях широко понимаемых типичных контекстов употребления.

2013 г.

Суффиксальные формы субъективной оценочности в узуальном аспекте (тематическая группа родственных отношений)

Слова, называющие людей по виду семейно-родственных связей (*мать, отец, брат, сестра* и т.п.), также как и личные имена, с точки зрения образования форм субъективной оценки отличаются значительной степенью продуктивности. Однако проявляют себя при этом по-разному, не симметрично и не всегда однозначно в отношении используемых при их образовании формантов. Немалую трудность поэтому для не носителя языка составляют не только эта их непоследовательность и неоднозначность, но и само производство таких субъективно-оценочных форм и, прежде всего, их речевое использование, представляющие собой для носителей данного языка сферу не осознаваемого и потому с трудом рефлекслируемого автоматизма.

Какие формы возможны, какие из них и в какой мере активны, какие стилистически ограничены и в каком отношении? Когда, в каких коммуникативных условиях, при каком обращении или использовании и с какой субъективно-оценочной характеристикой уместна та или иная из допустимых форм? Какую окраску и какой тип субъективного отношения проецирует тот или иной экспрессивно-оценочный или модификационный суффикс и отчего может зависеть его не всегда однозначная роль?

Эти и другие вопросы неизбежно могут возникнуть при обучении языку и в процессе его речевого использования. При этом грамматики, словари, учебная литература не содержат на них ответа. Напрасно искать по этим источникам соответствующих субъективно-оценочных форм в их более или менее полном объеме. Словари и грамматики эти формы фиксируют непоследовательно и только самые распространенные, поскольку это явления, в первую очередь, речевого узуса, а также потенциальной и субъективно-индивидуальной сферы языкового использования. Активность их к тому же обусловлена семейно-бытовой сферой (Сухих, Зеленская 1997, 1998), относясь к коммуникативным событиям внутрисемейного типа общения (Борисова 2005: 15), с которыми не носителям языка, если и приходится сталкиваться, то обычно случайно и спорадически, с позиции внешнего наблюдателя и редко участника и изнутри. Собственные внутренние привычки, узуса своего языка, накладываясь на другой, иностранный, мешают понять и увидеть его речевую и экспрессивно-модификационную

специфику. Интерференция в этой сфере, не наблюдаемой, не выражаемой, не осознаваемой, осваиваемой на самых ранних этапах овладения родным языком, неизбежно поэтому очень сильна и активна. Конфронтативное представление в связи с этим такого материала имеет особый смысл, позволяя выделить в нем то существенное, что без сравнения с другим языком могло бы быть неощутимым и незаметным.

Неоднозначный и показательный материал для сравнения представляют собой уже сами исходные формы рассматриваемых обозначений, отображающие внутреннюю симметрично-асимметричную двойственность русского и польского представлений, воплощаемую также и далее, в дериватах. Здесь же, в исходных, в первую очередь и, видимо, не случайно, – в отношении женских обозначений. Так, если соотношения *отец / ojciec*, *сын / syn*, *брат / brat*, *внук / wnuk*, *внучка / wnuczka*, *дед / dziad*, *муж / mąż*, *жена / żona*, *зять / zięć*, *сестра / siostra*, *тётка / ciotka*, *тесть / teść*, *тёща / teściowa* можно признать как соотношения более или менее симметричные, то *мать / matka* и *дочь / córka*, с одной стороны, и *бабка / babka*, с другой, уже требуют объяснений в отношении различий форманта и стилистических маркеров – офиц. и неофиц., разг., неодинаково себя проявляющих в двух языках.

К этому необходимо добавить асимметрию различения / неразличения в обозначениях типа *дядя / wuj, stryj* (одно и два) *невестка / synowa, bratowa*; *племянник / siostrzeniec, bratanek*; *племянница / siostrzenica, bratanica*, с одной стороны, и *свёкор, тесть / teść*; *свекровь, тёща / teściowa*, с другой, и проблему вторых значений (названия не родственников), не полностью совпадающих в отношении семантики и употребления для русского и польского языков, прежде всего для таких слов, как *брат / brat*, *дед / dziad*, *тётка / ciotka*, *дядя / wuj*, *бабка / babka*.

Таким образом, на первом этапе анализа выделяется следующий комплекс параметров описания обозначенных слов: 1) словообразовательная и узуально-стилистическая нагрузка формантов; 2) отсутствие либо наличие номинативных дифференциаций линии мужского и женского (*дядя / wuj, stryj*), а также прямого и бокового (*невестка / synowa, bratowa*; *племянник / siostrzeniec, bratanek*); 3) различия стилистических маркеров – узуальных сфер; 4) последующая и связанно-обусловленная семантика (использование анализируемых слов в качестве обращений и обозначений не родственников). Параметры соответствуют аспектам, взаимодействующим между собой в отношении каждого – форманты, номинация, узус, се-

мантика – и предполагают на следующих этапах, деривативных шагах, для себя уточнения и расширения применительно к уровню усложнения состава морфем.

Для перечисленных слов в отношении русского и польского языков, в первую очередь, и это довольно наглядно, характерна различная, точнее не полностью совпадающая в своих результатах, в определенном смысле асимметричная, роль суффикса *-к-* / *-k-*: русскому нейтральному несуффиксальному слову *мать* соответствует польское нейтральное суффиксальное *matka*, также как русскому несуффиксальному *дочь* – польское суффиксальное *córka*. И в этом месте, впрочем, как далее и в других, можно отметить внутреннюю тенденцию к симметрично-ассимметричному разбеганию, требующему в своих деривативных и стилистических соотношениях комментария для русского и для польского языков, в чем-то имеющих общее, но различающихся затем в продолжениях и результатах.

Обратим внимание прежде всего на *-к-* / *-k-* с его наличием либо отсутствием в отношении женских названий по вертикали (исходные и нейтральные) и горизонтали (последующие, хотя не всегда производные, не нейтральные):

<i>мать</i> – <i>матка</i> (устар.)	<i>matka</i> – <i>mać</i> (вульг.)
<i>дочь</i> – <i>дочка</i> (разг.)	<i>córka</i> – <i>córa</i> (книжн.)
<i>бабка</i> – <i>баба</i> (разг.-сниж.)	<i>babka</i> – <i>baba</i> (разг.-сниж.)
<i>тётка</i> – <i>тётя</i> (неофиц.)	<i>ciotka</i> – <i>ciocia</i> (разг.)
<i>внучка</i> – <i>внука</i> (устар.)	<i>wnuczka</i> – <i>wnuka</i> (устар.)
<i>невестка</i> – <i>невеста</i> (др. знач.)	<i>0</i> – <i>niewiasta</i> (др. знач., устар.)

Польский язык последовательно использует суффикс *-k-* для образований исходно-нейтральных, вытесняя несуффиксальные формы в сферу узуальных и стилистических модификаций. В то время как в русском подобной последовательности не наблюдается. Центральные женские обозначения – *мать* и *дочь* – несуффиксальны, при наличии общей тенденции исходных нейтральных образований с суффиксом *-к-* для последующих, чересступенчатых (*бабка*, *внучка*), боковых (*тётка*) и свойственных (*невестка*) родственных связей и отношений. Центр, тем самым, женская вертикаль ведущего отношения *мать* – *дочь*, оказываются выделенными и акцентированными, что в большей степени и в первую очередь касается слова *мать*, суффиксального образования с *-к-* в том же значении в современном литературном языке не предполагающего: *матка* в значении ‘мать’, как устаревшее слово, простонародное и областное.

Вместе с этим возникает проблема, типичная как для русского, так и для польского языка, легко оборачивающейся и с трудом различимой в использовании самими носителями номинативной двойственности, затрагивающей неизбежно вопрос о роли суффикса *-к-* / *-k-*. Проблема касается слов *бабка* / *babka* и *тётка* / *ciotka*. Свойственная им узуальная двойственность симметрично отображается в такой же, хотя и несколько модифицированной, двойственности слов *дед* / *dziad* и, возможно, отчасти русского *дядя*. Двойственность эта связана с тем, что слова с суффиксом *-к-* / *-k-* для *бабка* / *babka* и *тётка* / *ciotka* закрепляются за узуальной сферой, определяемой по словарям как официальная и одновременно с этим неофициальная и(ли) разговорная, предполагая рядом стоящие и также определяемые как неофициальные и(ли) разговорные формы *бабушка* / *babcia* и *тётя* / *ciocia*. Особенность данных номинативных форм состоит в том, что характеризуемые как основные и исходные *k*-суффиксальные *бабка* / *babka* и *тётка* / *ciotka* не могут быть нейтрально использованы в присутствии или в обращении к определяемому этими словами лицу. Такое их употребление было бы воспринято как грубо невежливое. Использование их нормально предполагает необходимую отстраненность и отвлеченность, т.е. неконтактность, речевой ситуации, что, видимо, и нашло свое отражение в словарях как помета офиц., неофиц., разг. Контактное же употребление таких форм, как *бабушка* / *babcia*, *тётя* / *ciocia* (в присутствии, в обращении или в разговоре о них), определяется как неофиц. и разг.

Не было бы, тем самым, преувеличением сказать, что нейтральных обозначений в указанных случаях нет, есть коррелятивная номинативная пара форм (*бабка* – *бабушка* / *babka* – *babcia*; *тётка* – *тётя* / *ciotka* – *ciocia*), употребление каждой из которых регулируется показателем коммуникативной отстраненности / близости, т.е. модусом узуальности.

К сказанному необходимо добавить возникающую для *баба* – *бабка* – *бабушка* / *baba* – *babka* – *babcia* словообразовательно-номинативную тройственность, получающую не совсем симметричное воплощение в формах *дед* – *дедка* – *дедушка* / *dziad* – *dziadek* (*dziadzio*) с соотношением *0* / *-к-* / *-ушк-* и *0* / *-к-* / *-cia* (*-dzio*, *-ek*). Несуффиксальная форма предполагает обозначением для *баба* / *baba* ‘замужняя деревенская женщина; старая женщина’, т.е. в первом определении – не родственница. Интересующее нас значение ‘мать отца или матери’ в древнерусском языке определяется как второе, т.е. последующее (Срезневский 1958: I, 35). То же отмечает для XIX в. и В. Даль, замечая «более уптрб. умал. *бабка*, *бабушка*» (Даль 1955:

I, 32). В современном языке это значение оттесняется еще далее, определяясь, в частности, в «Словаре русского языка в 4-х томах» (МАС) уже как пятое, с дополнительным ограничением «обычно с именем собственным, разг., *баба Маня*» (МАС: I, 53).

За значением ‘мать отца или матери’, определяемым для рассматриваемой группы слов как первое, закрепляется в современном языке, таким образом, суффиксальная форма с *-к-*, т.е. *бабка*. Но толкуется это значение при этом неоднозначно: в МАС с отсылкой к *бабушка*, как основному, но без помет; в «Большом толковом словаре русского языка» (БТС) – также с такой отсылкой, однако с пометой для *бабка* как разг.-сниж.; «Тематический словарь русского языка» (ТС) толкует *бабка* как основную форму, с пометами офиц. и разг., а *бабушка* – как неофиц., что представляется более точным и дифференцированным определением.

И, наконец, третья форма *бабушка*, как следует из уже сказанного, для современного языка может быть определена в интересующем нас значении как основная, исходная (первое значение по всем словарям), но неофиц., разг., т.е. не нейтральная, соотносимая с офиц. и разг. *бабка*.

В связи со сказанным о номинативно-словообразовательной тройственности русских форм *баба – бабушка – бабушка* возникает вопрос о соотношении формантов *0 / -к- / -ушк-* (для польского языка это были *0 / -k- / -sia* в данном конкретном случае). При возможном его расширении можно было бы говорить о словообразовательном типе, хотя не без необходимых ограничений и оговорок: *дочь – дочка – дочушка, тётя – тётка – тётушка, мать – матка – матушка, дядя – дядька – дядюшка, дед – дедка – дедушка, зять – зятька – зятюшка, свекровь – свекровка – свекровушка, свёкор – свекорко – свекорушко, тесть – тетька – тетьюшка, тёща – тёщка – тёщушка*. Поскольку подобная тройственность в большей степени и последовательности характерна для русского языка, обратимся далее только к русскому материалу, сопоставление с польским, требующее пространных включений и комментариев оставив на будущее.

Решение вопроса о соотношении формантов, если бы оказалось возможным, предполагало бы выводом, по крайней мере, следующие два следствия, интересные и показательные в отношении семантики выбранной тематической группы в ее номинативных проекциях (названия лиц по родственным связям), семантики в определенном смысле внутренней, имплицитной, скрытой, но потому и проявляющей себя на морфемно-словообразовательном уровне: 1) какую, если не только формальную, опи-

рающуюся на тип основы, подгруппу представляют собой слова, способные объединяться тройственным соотношением *0 / -к- / -ушк-*, отделяясь от тех, которые подобным соотношением как более или менее регулярным, хотя и возможным в каких-то случаях²⁵, не охватываются (*отец, сын, брат, внук, внучка, сестра, племянник, племянница*); 2) каким значением обладают словообразовательные форманты *0 / -к- / -ушк-* применительно к *баба – бабка – бабушка* и той подгруппе, в которой они себя проявляют в соотношениях (*дочь, тётя, мать, дядя, дед, зять, свекровь, свёкор, тесть, тёща*).

Указанные два следствия, при условии их разрешения, могли бы открыть возможность в дальнейшем для рассмотрения скрытых аспектов семантики родственных отношений в русском и польском, а затем и других, языках, с учетом последовательно наблюдаемых и выявляемых отличий и сходств, а также дать ключ к анализу последующих образований в данной группе, с другими суффиксами и от других основ, возможно также с определением и выводом для значений формантов, воспринимаемых как субъективно-оценочные, стилистические и узуально-модификационные.

Заслуживает внимания при таком рассмотрении обращение к ближним и коррелирующим значениям анализируемых номинативно-словообразовательных форм. Для *баба* это были бы ‘деревенская (обычно замужняя) женщина; любая женщина; неопрятная женщина; жена, интимный партнер мужчины; бабушка (в речи детей)’ (см. БТС), ‘слабый, нерешительный мужчина, мальчик’ (МАС). *Бабка* – ‘бабушка; знахарка, ворожея’ (БТС), ‘старая женщина, старуха; повивальная бабка’ (МАС). *Бабушка* – ‘мать отца или матери; пожилая родственница; старая, пожилая женщина’ (БТС), ‘старая женщина, старуха’ (МАС). У Даля и у Срезневского (для *баба*, двух других форм у Срезневского нет) даются те же значения, только в другом порядке. У Даля для *баба* сема ‘замужняя’ выносится на первое место, а затем только следует уточнение ‘низших сословий’, у Срезневского данная сема (‘замужняя’) присутствует как единственная при ‘женщина’. И, наконец, еще одно немаловажное обстоятельство: все три слова во всех своих возможных обозначениях лиц – и *баба*, и *бабка*, и *бабушка* – узуально закреплены и(ли) эмоционально окрашены.

Отвлекаясь от видов, порядка, оттенков и экспрессивно-стилистических модуляций, можно было бы вывести следующую закономерность: несуффиксальная форма *баба* отмечает гендерную реляцию

²⁵ Типа *сынка, сынушка, братка, братушка, сестёрка, сестёрушка* как форм специфических.

‘женщина в отношении к мужчине; женское при мужском, женское зрелое, репродуктивное, родившее и рождающее’. У Даля дается показательное в этом отношении примечание к *баба* «особ. после первых лет, когда она была *молодкою, молодницею*». *Баба*, тем самым, фактически, отмечает родовую ступень женского полноправия в роде-социуме, со всей очевидностью, после рождения у нее ребенка, детей. Суффиксальная форма *бабка* характеризует ролевое отношение родового общего – ‘женское родовое знающее, приобщенное к родовому сакральному’. Суффиксальная форма с *-ушк-* (*бабушка*) – ролевое отношение родового ближнего, или внутреннего, непосредственно своего, т.е. *бабка* (родовое общее), но *своя*.

В связи со сказанным *-к-*, применительно к данным номинативным формам, можно бы интерпретировать как формант, отмечающий изменение статуса, вывод на следующую ступень – общего родового или последующего по линии рождающего и(ли) продуктивного. И, соответственно, *-ушк-*, по-настоящему *-уш-* (не эквивалент ли польского *-uś?*), поскольку *-к-* (*-уш-* + *-к-*) уже проявил значение в форме *бабка*, – как формант, для ступени последующего (*мать матери, мать отца*), отмечающий смысл, значение близкого и своего²⁶.

Показательно, что указанные соотношения можно заметить и во фразеологии (паремиологии), ср.: *Кто бабке не внук*, т.е. всякий; *Не к лицу бабке девичьи пляски* или *У всякой бабки свои ухватки*, отмечающие отстраненность, всеобщность, с одной стороны, и *Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит*; *Хороша дочь Аннушка, коли хвалит мать да бабушка*. *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*, предполагающие близость, освоенность, приобщенность, с другой. *Бабушка*, прежде всего, *своя*, в то время как *бабка* – всякого (плюс к этому также внеконтактность / контактность форм с суффиксами *-к-* и *-ушк-*).

Тройственность соотношения *0 / -к- / -ушк-*, если отвлечься от связи с семантикой корня *бaб-* и вывести на представление типа, опираясь на выбранный тематический материал (обозначения лиц по виду родственных отношений), можно было бы интерпретировать как первичную, т.е. исходную, и как вторичную, появляющуюся по аналогии и не в полной мере отображающую первоначальный смысл. К первой группе, как представляется, следовало бы отнести из названных ранее *тётя – тётка – тётушка*, *мать – матка – матушка*, *дядя – дядька – дядюшка*, *свекровь – свекровка*

²⁶ Ср. выведенную нами на основе фольклорного материала закономерность соотношений суффиксов *-к-* / *-ушк-* / *-еньк-*, с семантикой все того же близкого, своего (приобщенного) для *-ушк-* (Червинский 1987)

– свекровушка, свёкор – свекорко – свекорушко; отчасти дочь – дочка – дочушка, дед – дедка – дедушка, зять – зятька – зятюшка; а также такие довольно яркие в указанном отношении примеры, как *батя – батька – батюшка* и *мама – мамка – мамушка*. Примерами для второй могли бы послужить соотношения *тесть – тетька – тетьюшка, тёща – тёщка – тёщушка*, сохраняющие некую общую для типа тенденцию, но выводящие ее как бы в плоскость различий не столько оттенков значения, сколько эмоциональной окрашенности.

Возможны несколько видовых проявлений у соотношения *0 / -к / -ушк-*, имеющих отношение не столько к формантам, сколько к тематическим распределениям, дополнительным смыслам, действующим в группе свойства-родства, хотя и не только в ней. С одной стороны, возможны такие пары, как, скажем, *тётя – дядя* и *свёкор – свекровь*, представляющие собой вид более или менее чистых и парных узуально-модификационных соотношений. С другой, слова типа *мать* и *дочь*, *дед* и *зять*, модификация форм которых предполагает непарность (нет пары по этому показателю для *мать – отец*, для *дочь – сын*, для *дед – баба*, для *зять – невестка*) и узуальную и экспрессивно-эмоциональную не параллельность: *мать – матка – матушка*, *дочь – дочка – дочушка* или *дед – дедка – дедушка*, *зять – зятька – зятюшка* совсем не то, что *тётя – тётка – тётюшка* или *дядя – дядька – дядюшка*. С еще одной стороны, такие формы, как *батя* и *мама*, допускающие в ряде случаев очевидную лексикализацию, семантическое и узуальное обособление форм: *батя – батька – батюшка*, *мама – мамка – мамушка* могут значительно различаться в значениях и употреблении между собой. И, наконец, такой вид, как *дева – девка – девушка* (– *девочка*), определяющие позицию молодого добрачного женского в родесоциуме, не с точки зрения родства-свойства, могущие служить примером значительного расхождения, вплоть до лексемного обособления форм.

Пара *тётя – дядя* не полностью симметрична, по крайней мере, в определениях по словарям. В МАС и ТС исходной и основной признается форма *тётка* (в ТС сопровождаясь пометами офиц. и неофиц., *тётя* – как неофиц., в МАС *тётя* как разг., *тётка* – без помет). В БТС обе формы даны без помет, но *тётя* определяется как исходная (*тётка* содержит отсылку к *тётя*). Узуальную корреляцию этих форм можно было бы уподобить по данному отношению рассмотренной ранее, выведя соответствие: *бабка* так относится к форме *бабушка*, как *тётка* к *тётя*. Соотношение же *дядя – дядька* интерпретируется совершенно иначе. В интересующем нас

значении ‘брат отца или матери’ по всем источникам исходной формой признается *дядя*, а *дядька* толкуется как фамильярное (БТС), разг. уничижит. (МАС), ТС этой формы, как эмоционально окрашенной, не дает. Иными словами, роль суффикса *-к-* в этом случае разная: *-к-* при мужском оказывается не тем же самым, что *-к-* при женском. Посмотрим, однако, на то, что их может объединять. Обратимся для этого к значениям близким и смежным.

В МАС *тётка* определяется, помимо того, что она 1. Сестра отца или матери, как || Жена дяди (необходимо добавить – не *дядьки!*); 2. *Прост.* Взрослая женщина вообще, а также обращение к женщине, более старшей по возрасту; *тётя* – разг. то же, что *тётка* (в 1 знач.) и то же, что *тётка* (во 2 знач.), с указанием «обычно в языке детей». В БТС *тётка* 1. = Тётя (1 зн.); 2. *Пренебр.* Обо всякой взрослой женщине; *тётя* 1. Сестра отца или матери по отношению к племянникам; 2. *Разг.* О знакомой женщине среднего возраста, с пометой «только в сочет. с уменьш. формой собственного имени» (*тётя Даша*, к примеру); 3. Незнакомая женщина, с указанием «в речи детей». *Дядя* в МАС, соответственно, 1. Брат отца или матери. || Муж тётки (и опять же – не *тёти!*); 2. *Разг.* Взрослый мужчина вообще, а также обращение к мужчине, более старшему по возрасту. || с определением. *Шутл.* О рослом, сильном мужчине. *Дядька* 1. *Разг. Уничиж.* к дядя. 2. *Разг.* Взрослый мужчина вообще. 3. *Устар.* Слуга в дворянских семьях, приставлявшийся для надзора за мальчиком, а также служитель в дореволюционных мужских закрытых учебных заведениях. Лицо (обычно унтер-офицер), которому поручалось обучение новобранца в царской армии. Толкование этих форм в БТС существенным образом от приведенных не отличается.

Для данной пары, тем самым, ведущим и основным, стилистически и узуально нейтральным, соотношением будет несуффиксальная форма *дядя* и суффиксальная – *тётка*. Суффикс *-к-* у *дядя* отмечает модификацию к эмоциональному понижению и(ли), что, в общем-то, в словообразовательном отношении, аналогично, к отстранению (ср.: *дядька* – взрослый мужчина вообще или уничижительно и фамильярно о *дяде*, в его присутствии и обращении к нему такая форма была бы очень резкой, насмешливо-пренебрежительной, грубой), а также тенденцию, для современного языка устарелую, к ролевому смещению и обобщенности в роде-социуме (*дядька* – слуга, воспитатель мальчика, старший и опекун). Для пары *тётка* – *тётя* вторая, несуффиксальная форма дает своего рода встречный по отно-

шению к соотношению *дядя – дядька* эффект, предполагая не отстранение и обобщенность, а эмоциональное и ролевое сближение (от *тётка* к *тётя*) – в обращении к ней, в ее присутствии, в речи детей о незнакомой женщине среднего возраста, т.е. возраста матери и отца, родителей, воспитателей, старших по восходящей и первой ступени.

Из сказанного не следует противоположение *дядя* – близкий и свой, а *дядька* – чужой, сторонний. Также как неправомерно было бы говорить, что *тётка* – общее и(ли) отстраненное обозначение родственницы и женщины возраста матери и отца, а *тётя* – то же самое, но только близкая и своя. Отличия эти не семантически и действуют лишь узуально, а узуальное различие этих форм (см. БТС) для *тётка – тётя* можно было бы охарактеризовать как тенденцию к аналогии, обратному уподоблению их формам *дядя – дядька*, характерному для новейшего времени. В русском языке целый ряд выражений иронически обыгрывает двойственный характер кажущейся близости *дяди*: *Добрый дядя* (о человеке, щедром за чужой счет); *На (чужого) дядю (для дяди) работать*; *для дяди делать что-л.* (работать, делать без выгоды для себя); *Надеяться на (доброе) дядю* или *на чужого дядю* (рассчитывать на то, что дело будет сделано кем-то другим или сделается само собой). В определенном смысле несуффиксальная форма *дядя* лежит вне этого противоположения, семантика близости-отстраненности имеет в этом случае, по-видимому, не столько словообразовательный, сколько лексический смысл. Само значение слова двойственно, объединяя признаки своего непрямого, не прямо близкого, близкого не первой степени, бокового, отчасти стороннего (взрослый мужчина поколения родителей как представитель своего родового, семейного социума), снимая в нем, как в постороннем, опасность чужого и неприязненного (при обращении к нему, разговоре о нем, в отношении младших, детей). Эмоциональное и стилистическое значение в суффиксе *-к-* имеет отчасти характер вторичный и сопровождающий.

В форме *дядька*, по сравнению с *дядя*, подчеркнуто и ощутимо значение социально более низкого: *дядька* – слуга при мальчике, служитель, воспитывающий. Ср. в том же смысле, аналогичные лексикализованные формы с суффиксом *-к-* в русском языке, фигурирующие теперь как устарелые: *Ванька* – извозчик, *Васька* – мальчик на побегушках, приказчик, *Гапка*, *Манька*, *Парашка* – женские слуги при доме, *девка* горничная, работница в барском доме, *чернавка* – в том же значении, *мамка* – кормилица, *бабка* – повитуха, знахарка. Наличие суффикса *-к-* в этих формах от-

нюдь не случайно, но, как нам кажется, оно тесно связано, взаимодействует с семантикой, обусловленной узусом применимости слова, в определенном смысле сплавляясь с ним. Семантику формы с *-к-* в каждом подобном случае следует соотносить со значением формы без *-к-* (*дева, мама, баба* и пр.), в которых семантический признак более низкого статуса, неполноправия, зависимости, подчиненности, социальной несамостоятельности уже обозначен. *Дева* – женщина до замужества, т.е. неполноправная, не хозяйка, не мужняя, зависимая от отца и в роде отца. *Мама* – не только, а первоначально не столько ‘мать’, сколько ‘няня, кормилица’ (у Срезневского, т.е. для древнерусского языка – только ‘кормилица, мамка’). *Баба* – замужняя женщина, в первую очередь низших сословий, крестьянка.

Обратимся к примерам иного рода. Существуют слова, внутри рассматриваемой тематической группы, для которых наличие *-к-* нетипично и(ли) же представляет собой узуально и эмоционально обусловленный вид речевого употребления, вторичного и развивающегося по аналогии. К ним относятся *муж, отец, внук, сын, брат, сестра*, в основном мужские обозначения, из которых только *сын* и *брат* имеют *к-*суффиксальные формы *сы́нка* и *бра́тка* – современные разговорно-сниженные, фамильярно-ласкательные, малоупотребительные и словарями не отмечаемые. Отсутствие *к-*суффиксальных форм у этих слов, безусловно, связано с типом основы: не мягкая (как в *мать, дочь*, хотя *ж* в *мужь* и *ц* в *отць* исторически были мягкими, а *-ьць* в последнем слове праславянский суффикс), ударная флексия у *сестра́* (не как в *ба́ба, дядя, тётя*, с ударениями на основе). Можно предположить, что характер основы в данном случае также был не без значения, но это не будет иметь отношения к нашему рассмотрению, достаточно констатировать не случайность отсутствия *к-*суффиксальных форм для какой-то группы.

Вместе с тем в том же интересующем нас материале есть также слова (помимо рассмотренных), имеющие формы с суффиксом *-к-* и соотносимые с нессуффиксальными, для которых характер соотношения *-к-* / *0* может позволить лучше понять определяемую роль форманта. Это *ба́тька, матка, дедка, дочка, жёнка, детки*. Суффиксальные формы этих слов нередко лексикализуются, отходя от значения нессуффиксальной формы. И в то же время, не меняя значения, как экспрессивные формы, они типично используются, определяясь не только эмоцией говорящего, но и, едва ли не в первую очередь, условиями употребления, будучи характерны для узуса той или иной среды, того или иного вида межличностных отношений. Ха-

рактар таких последующих значений и узурально-коммуникативных предопределений может дать материал к пониманию смысла словообразовательного форманта.

Рассмотрим соотношения форм указанных слов. *Батя* в МАС: *Прост.* и *обл.* Отец; *батька* – *Прост.* и *обл.* Отец; *батюшка* – 1. *Устар.*, *обычно почтит.* Отец. 2. *Разг.* Ласк.-фам. обращение к собеседнику. 3. *Разг.* Священник. У Даля специальных различий в значениях между формами не отмечается, указывается на старинный и областной их характер, а также «почтительно и ласкательно (*батя*), привет всякому стороннему человеку, смб. *батя*, *батяня* батька и брат, братаня, приятель, товарищ. || Старший по чину или званию говорит иногда младшему *батюшка*, давая понять, что снисходит к нему, но что они, впрочем, не ровни». Интересен там же в рассматриваемом отношении пример: *У меня, молодца, четыре отца, пятый батюшка*, Бог, царь, духовник, крестный и родитель. *Батюшка*, тем самым, как бы, если в ряду других и в первую очередь, тот из старших мужских наставников, покровителей, который ближе всех остальных. В БТС: *Батя* 1. *Трад.-нар.* Отец. 2. *Фам.* Священник, поп. 3. *Разг.* О командире воинского подразделения. *Батька* 1. *Трад.-нар.* = Батя (1-2 зн.). 2. На Украине, в Белоруссии и на юге России во время Гражданской войны: глава вооружённых формирований. *Б. Махно. Батюшка* 1. *Трад.-нар.* = Отец. | О Боге или царе. 2. Священник. 3. *Нар.-поэт.* О чем-либо дорогом, жизненно необходимом, важном. *Хлеб-батюшка. Амур-батюшка.* 4. = Батенька (ласк.-фам. обращение к собеседнику).

Выразительна и отдельна, тем самым, форма с *-ушк-* (*батюшка*), отмечая идею контакта и приближения, особой, внешне отображаемой, ищущей и почтительной, почитающей, близости, близости устанавливаемых, завязываемых, подчеркнутых отношений к тому, кто обозначается корнем слова. Отсюда и ролевой характер (модели рода и социума) в традиционно-обрядовых текстах, в фольклоре форм типа *матушка, батюшка, детушки*. Суффикс *-к-*, как представляется, отмечает семантику близости равному и(ли) стороннему. Это форма контакта не ищущего, уверенного в установленной связи и поэтому внутренне непосредственного, освобожденного. Отсюда возможность использования ее о третьем лице, вне его присутствия, либо о нем при нем, но как об освоенном, сообщаемом другому. В формах *матка, дедка, дочка, жёнка, детки* указанные оттенки употребления, связанные, с одной стороны, с вторичной семантикой лексикализации и эмоционально-экспрессивными и стилевыми (среды, реги-

стра) сопровождениями речевого узуса, с другой, хорошо заметны. Укажем только на некоторые особенности названных форм. У Даля *матка*, кроме прямого значения матери: || баба, женщина; || самка (кобыла, пчела); || предводитель в игре; || женская утроба, череву; || плодник (у растений); || источник чему-либо, место рождения, происхождения, корень и пр. В БТС 1. Самка-производительница у животных; 2. Внутренний женский половой орган; 3. = Маточник; 4. *Нар.-разг.* = Мать; 5. *Нар.-разг.* О вожаке, предводителе в некоторых играх. Значение у *матка* (по сравнению с *мать*) выходит более широкое, общее, гиперонима, вне контакта, не привязанное, не личное – по роду и родовое.

Дедка в МАС дается как уничиж. и ласк. к *дед*. У Даля *дедушка* или *дедка*, почетное прозвание домового (отличие контактно-ищущей и внеконтактной, освоенной формы), в то время как *знахарь* или *колдун* – *дедок* (ср. коррелят того же значения, ‘знахарка, колдунья’: *бабка*, т.е. в данном случае -к- женского соответствует -ок, а не -к- мужского).

Дочка в МАС во 2-м знач. «В обращении пожилого или взрослого человека к молодой женщине, девушке, девочке». В БТС также *Маменькина дочка* (о слишком избалованной, изнеженной девочке, девушке), *дóчушка* дается как усилит. У Даля различия в формах специально не оговариваются, но показательны употребления форм во фразеологии: *По матери дочка пошла. Материна, отцава дочка* (свое и близкое, для себя, в отношении себя) и *Дочь, чужое сокровище. Холь да корми, учи да стереги, да в люди отдай. Сын в дом глядит, дочь из дому* (свое для других, в чужой род). И *дóчка* или *дочкá, дочу́ха* (обл.) свинка, молодая свинья, т.е. самка (ср. в коррелятивном знач. самки – *матка*). Суффикс -к- в данном случае (*дочь* – последующее и младшее) отмечает близость внутренне своего, своего как данного (потому и контакта не ищущего). Контактная форма *дóчушка* в этой связи не то же, что *матушка* или *батьюшка* как ролевые, с оттенком почтения, а эмоционально усиленная форма особо подчеркнутой внутренней близости.

Форма *жёнка* по своему характеру тяготеет к семантике -к- в словах *мамка, дядька, бабка*, обозначая (у Даля) женщину, бабу, жену и вдову простолюдина, *арх.(ангельское)* поденщица, отмечая, тем самым, как бы понижение статуса и роль зависимого. Однако не полноправна, зависима от мужа была и *жена*, поэтому -к- усиливает и закрепляет регистровое снижение семантикой внеконтактной, освоенной (свойской) близости. В

современном языке форма *жёнка* определяется как разг.-прост. и фам.-ласк., подчеркнутой непосредственности, свойскости употребления.

И, наконец, *детка*, *детки* можно рассматривать в том же ключе, в отличие от *дети* и *детушки*. В БТС *детка* – разг. обращение к ребенку; одно из названий личинок и куколок пчел (корреляция к *матка*), также и в МАС; *детки* – ласк. дети; об отростках, молодых побегах растений. У Даля тенденция сохраняется: различия между формами нет, но из фразеологии следует особая близость у *детки* (как в *дочка*). Обращает внимание также значение || В виде ласки, приветов младшему, подчиненному, а от духовного лица всем мирянам (корреляция к *батюшки*). *За мною, детки; вперед деточки, детушки!* привет и одобрение солдатам. Младшее, неполноправное, близкое как свое зависимое проявляет себя в семантике слова (*дети*, *дитя*). Суффиксы *-к-* и *-ушк-*, в свою очередь, определяют значение употребления, акцентируя ту или иную форму внутренне своего и потому к нему нисходящего (*детки*) или контактно ищущего и(ли) контакт устанавливающего (*детушки*).

Значения анализируемых форм, тем самым, как представляется, обуславливаются лексическими значениями слов, неоднозначно определяющих тип родовых отношений – женское или мужское, полноправное или зависимое, старшее или младшее. Словообразовательные форманты *-к-* и *-ушк-*, присоединяясь, отмечают тип и характер степени приближения – общего внеконтактного (*-к-*) или контактно близкого (*-ушк-*), распределяясь затем узуально и семантически.

Затронутые различия суффиксально себя выражающих форм-обозначений родства в лексико-семантическом, узуальном и экспрессивном соотношениях проявляют себя и далее, для других суффиксальных форм, с другими формантами-суффиксами. Различия эти, лексикализуясь в отдельных случаях, закрепляясь коммуникативно и узуально в отношении социально и экспрессивно обозначаемого ими лица и(ли) среды речевого использования, воплощают, с одной стороны, семантику категорий, определяющих комплексы представлений родства, а с другой, релятивную, внутреннюю, не осознаваемую семантику самих формантов, лишь на поверхностном уровне воспринимаемую как показатели субъективной оценки и эмоциональности, определяемые по грамматикам и словарям как ласкат., уничижит., фам, груб., пренебр. и т.п. И то и другое в данной статье могло быть в самом общем виде только намечено, на примере соотношений *0 / -к- / -ушк-* для некоторых слов из группы родства. Дальнейший ана-

лиз, с определением самих указанных категорий и вероятных значений формантов, потребует более обстоятельного углубления в материал и широкого привлечения сопоставительных данных.

В заключение хотелось бы лишний раз обратить внимание на то, что если между формами, скажем, такими, как *дева – девка – девушка – девочка – девонька – девчушка – девчонка – девчоночка* существует как узуальное, так и смысловое отличие, то оно не случайно и не исчерпывается различиями субъективной оценки. За этим стоит что-то большее и системное. Так же как, если *братик* – обычно маленький или младший брат по отношению к старшему и нередко в речи взрослых, обращенной к нему, а *браток* – редко ‘брат’, но гораздо чаще дружески фамильярное обращение равного к равному в мужской среде, то как объяснить это, исходя из того, что *-ик* и *-ок* определяются по грамматикам как морфы одного общего суффикса? Так же как трудно определить, а тем более объяснить узуальное и смысловое различие в формах *сестрица, сестричка, сестрёнка, сеструха, сеструня, сестрёнок, сёстронька* и т.п., исходя из даваемых по грамматикам характеристик соответствующих формантов, определяемых нередко как уменьшительные, ласкательные или ласкательно-уменьшительные. Чем объяснить то, что форма *панка* вовсе не коррелирует, как может показаться на первый взгляд, с формой *мамка*, расходясь с ней как узуально, так и эмоционально и семантически? Или то, что, скажем, такие пары, как *дядя – дядюшка, тётя – тётушка* предполагают обозначением родственника (родственницу), а *дядя – дяденька, тётя – тётенька* – лицо, скорее, стороннее и незнакомое, в то время как *дядечка, тётечка* может быть как тем, так и другим при типичном употреблении. Эти и другие вопросы, легко возникающие в связи с очевидными соотношениями форм, невозможно решить, опираясь на существующие словарные определения и грамматические характеристики, необходим системный и категориальный анализ всего материала – участвующих в создании соответствующих форм лексических единиц и формантов.

2007 г.

Литература:

Борисова 2005 – И.Н. Борисова, *Русский разговорный диалог. Структура и динамика*. Москва.

БТС – *Большой толковый словарь русского языка*. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 2000.

Даль 1955 – В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. I-IV, Москва.

МАС – *Словарь русского языка в четырех томах*. Гл. ред. А.П. Евгеньева. Москва, 1981-1984.

Русская грамматика. Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I-II, Москва, 1980.

Срезневский 1958 – И.И. Срезневский, *Материалы для Словаря древнерусского языка*. Т. I-III, Москва.

Сухих, Зеленская 1997 – С.А. Сухих, В.В. Зеленская, *Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализации*. Краснодар.

Сухих, Зеленская 1998 – С.А. Сухих, В.В. Зеленская, *Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса*. Краснодар.

ТС – Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин, *Тематический словарь русского языка*. Под ред. В.В. Морковкина, Москва, 2000.

Червинский 1987 – П.П. Червинский, *Словообразовательные и лексико-синтаксические типы языковых единиц в народной песне*. [w:] Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1987, № 3, с. 112-117 // "Творчество и коммуникативный процесс" - Creativity & Communication Process (<http://www.nicomant.org>). Вып. Третий. Т.1 (1999).

Суффиксы субъективной оценки как элементы структуры слова в контексте занятий по русскому языку

Одну из особенностей при освоении иностранного языка, прежде всего близкородственного, каковым является русский по отношению к польскому, можно определить как особую чуткость к структуре слова при нередко обманчивом и потому неуверенном отношении к ее мотивирующему основанию и, тем самым, семантике слова в целом. Структура слова, его строение играют в определенном смысле роль вводящего компонента, подсказывая, при условии знания ее строевых составляющих – префикса, корня, суффикса, что может данное целое собой представлять. Процесс такого определения лексического значения имеет обычно характер осознанный, слово воспринимается по структурным его частям и, если есть к тому же подсказка контекста, может интерпретироваться во многих случаях более или менее правильно. Стихийный опыт такого знакомства с языковым материалом постепенно накапливается, и, будучи положительно подкрепляем, составляет источник эмоционального отношения при обучении языку. Потенциал подобного отношения можно использовать методически, организовав работу с учетом сознательного и направляемого взаимодействия с материалом. Намеренное обращение к структуре слова при этом должно иметь характер не самоцельный, а вспомогательный, открывая путь для последующей работы со словом – с точки зрения семантики, функций, употребления, сфер использования, отношения к другим словам.

Очень трудно, если вообще возможно, через обращение к слову, группе и даже массиву слов, в их структурных, функциональных и смысловых отношениях, увидеть, а тем более дать понять естество языка, составляющее основу управляемых регуляций его использования, не наблюдаемых явно, но определяющих для говорящего его речевую способность. Выявление этих регуляций, включение их в процесс обучения – цель желательная, но вряд ли явным образом достижимая. Подвижность, капризная хаотичность, случайность, нематериальность, непроявляемость, субъективность – все эти признаки, даже при самом выверенном и всестороннем решении, делают выполнение подобной задачи отдельным в своих результатах от самого объекта, т.е. от языка. Сочетание явного и неявного, видимого и невидимого, формы и содержания, составляя ведущую антиномию языка и его природу, будучи включено в процесс обучения, может дать больше, чем отношение или / или – или только явное и сознательное, или

только само в себе регулирующееся и неявное усвоение материала. Осознанное и методически направляемое, подобное соотношение достигаемый результат может только усилить, способствуя лучшему усвоению языка, который, для того чтобы лучше начать использовать, необходимо не только и даже не столько знать, сколько в себе почувствовать. Структура слова, как то, что является внешним для внутреннего, средством связи формы с ее содержанием, может служить хорошим дидактическим инструментом для воспитания подобного чувства, в отношениях и связях со структурами многих слов предоставляя возможность неявно и постепенно усваивать невыразимую экспликативную сложность языкового использования.

Обращение к языку в развивающих целях, более или менее пристальное, не может иметь характер всеохватывающий и целостный, такое обращение всегда фрагментарно. Но эта фрагментарность должна давать возможность в частичном и малом, если не увидеть, то почувствовать целое, природу действующего и отражаемого в малом общего существа. Обращение к структурной составляющей слова довольно полно служит достижению такого эффекта. Природа морфемного и словообразовательного значения¹; соотношение основной, простейших и комплексных словообразовательных единиц²; специфика словообразования как особой подсистемы внутри языка, определяемая его связями с соседними подсистемами³ – лексикой (словообразование – средство создания номинативных единиц языка), морфологией (для построения новых слов в нем используется арсенал средств, подобный тому, который используется для построения словоформ), синтаксисом (структура производного слова может быть уподоблена синтаксической конструкции)⁴; особый характер соотношения парадигматического и синтагматического⁵, – все это содержит в естественном виде неоценимый внутренний потенциал соотношения выраженного и невыраженного, определенного и размытого, релятивного и безотносительного, объективного и субъективного, центрального и периферийного в языке, приобщая к его природе и делая словообразование своеобразным нервным узлом, в котором сходятся едва ли не все центробежные и центростремительные силы языкового устройства.

Объем статьи и ее цели не позволяют развить затронутой важной и интересной проблемы – места и роли структурно организуемых единиц и систем языка в их отношении к его существу, проявлениям и свойствам, что ведет за собой различие их места и роли при его освоении, ограничимся поэтому только ее заявлением и на примере одного небольшого фраг-

мента, имеющего отношение к словообразованию, постараемся показать дидактические возможности соотношения внутреннего языкового устройства и языкового владения – соотношения, имеющего для нас, прежде всего, методологический и концептуальный характер. То, как устроен язык, как он себя проявляет, как функционирует и как действует, в конечном итоге, должно быть внутренней, не обязательно осознаваемой основой его постижения и ему обучения, в этом, собственно, и состояла основная методическая идея данной статьи. Идея, для которой все остальное служило лишь иллюстрацией.

В качестве таковой был выбран (не намеренно) периферийный при обучении языку материал, но весьма, как представляется, показательный и интересный в отношении носителей польского, изучающих русский язык, в отношении русского речевого узуса, а также возможностей рассмотрения соотношения формы, значения и функции, применительно к части и целому – морфеме и слову. Материалом этим были субстантивные образования от существительных с субъективно-оценочными значениями, с суффиксом *-ок/-ик/-чик*, если конкретно. Выбранный материал отнюдь не исключает поиск аналогичных возможностей – дидактических, функциональных, системных и узуальных – у любого другого языкового материала, отобранного по какому-то внутреннему его, объединяющему конструктивному признаку. Важны идея и принцип – то, что есть в данном материале, его регулирующее и организующее, и то, ради чего и как он может использоваться в учебном процессе.

Первое, на что можно и следует обратить внимание студентов, это на соотношение русских и польских субъективно-оценочных образований, нередко по смыслу не совпадающих, типа *грибок* и *grzybek*, *бобок* и *bobek*, *желобок* и *żłóbek*, *żłobek*, *дубок* и *dąbek*, *зубок* и *ząbek*, *денёк* и *dzionek*; *королёк* и *królik*, *конёк* и *konik*, *поясок* и *pasek*, *ремешок* и *rzemyk*, *rzemuszek*, *мотылёк* и *motylek*, *ветерок* и *wietrzyk*, *волчок* и *wilczek*, *человечек* и *człowieczek*, *чайничек* и *czajniczek*, *замочек* и *zameczek*; *столбик* и *słupka*, *столтик* и *stolik*, *stolek*, *ромбик* and *rombek*, *лобик* и *łebek*, *билетик* и *bilecik*, *пакетик* и *pakietek*, *дождик* и *deszczuk*, *плащик* и *plaszczuk*, *перчик* и *pieprzyk*, *зайчик* и *zajczek*; *моторчик* и *motorek*, *баранчик* и *baranek*, *рукавчик* и *rekwawek*, *суставчик* and *stawek*, *жбанчик* и *dzbanek*, *бубенчик* и *bębenek*, *диванчик* и *dywanik*, *тюльпанчик* и *tulipanek*, *тулупчик* и *tułupek*, *тунельчик* и *tunelik*, *вагончик* и *wagonik*, *жетончик* и *żetonek*, *помидорчик* и *potidorek*, *портфельчик* и *portfelik*.

Выделив суффиксальные эквивалентные пары русским *-ок(-ёк,-ек)/-ик/-чик* польские *-ek/-ik(-uk)*, следует еще раз подчеркнуть, что структурное (корни, суффиксы) совпадение русских и польских слов не обязательно предполагает их совпадение семантическое (*желобок* и *żłóbek, żłobek*, *бубенчик* и *bębenek*, *диванчик* и *dywanik*, *портфельчик* и *portfelik*). За этим сходством, не всегда симметричным, скрываются далеко не столь очевидные и с трудом уловимые, но существенные для владения языком, отличия, не только корневой, но и суффиксальной природы. К этому следует готовить и это в дальнейшем стараться показывать на материале.

Следующим этапом мог бы быть грамматический комментарий, объясняющий характер соотношения основы и варианта суффикса в русском языке:

-ок (-ёк, -ек) – возможен после твердых губных, твердых и мягких переднеязычных и сонорных согласных, шипящих и [j], в том числе после сочетаний “гласная + согласная”, “сонорная + согласная” и *ст, сд*: *грибок, городок, браток, басок, возок, шумок, табунок, котелок, бугорок, пенёк, зятёк, флигелёк, пиджачок, телёночек, утюжок, чаёк, листок, гвоздок*; после *ц* в *месяцок* (просторечное);

-ик – после мягких губных, переднеязычных и сонорных и после шипящих (кроме случаев с чередованием *к-ч, г-ж, х-ш, н(н')-ш* (*гребень – гребешок*), где возможен только *-ок*), в том числе после сочетаний согласных (без ограничений): *лобик, садик, слоник, прутик, арбузик, коврик, дождик, гвоздик, зайчик, рублик, ковшик, лещик, окказиональное футуристик*;

-чик – после [j] и сочетаний “гласная + губная или сонорная согласная”: *сарайчик, рукавчик, тулупчик, костюмчик, стаканчик, самоварчик, стульчик*^б.

Указанные соотношения можно сделать предметом самостоятельного определения, предложив студентам установить, от чего зависит появление *-ок, -ик* или *-чик* в русских образованиях с учетом характера производящей основы. Такое задание можно представить в виде таблицы:

-ок(-ёк,-ек)	-ик	-чик
погребок, ястребок, колобок, коробок, кузовок, жерновок, боровок, островок, ледок, следок, медок, передок,	кубик, клювик, садик, огородик, пароходик, ёжик, чижик, ножик, рассказик, тазик,	чубчик, рукавчик, заливчик, проливчик, мотивчик, трамвайчик, попугайчик, сарайчик, альбомчик, костюмчик,

ободок, холодок, городок, флажок, обшляжок, шажок, снежок, пирожок, утюжок, творожок, возок, полозок, узелок, мелок, котелок, уголок, комок, шумок, дымок, орден, ленок, кленок, блинок, табунок, горбунок, бегунок, стригунок, сынок, вьюнок, жарок, парок, сахарок, веерок, номерок, катерок, квасок, часок, лесок, адресок, парусок, платок, шматок, браток, кабачок, табачок, чурбачок, пиджачок, казачок, запашок, смешок, грешок, женишок, стишок, лопушок, борщок	кораблик, рублик, козлик, ослик, холмик, домик, гномик, томик, краник, клопик, снопик, словарик, комарик, сухарик, шарик, матрасик, пёсик, матросик, солдатик, салатик, халатик, братик, портретик, ломтик, бантик, кантик, рантик, франтик, фантик, бинтик, винтик, ботик, животик, котик, плотик, ротик, чёртик, крестик, шестик, листик, хвостик, мостик, кустик, шарфик, пуфик, калачик, кирпичик, младенец, лучик, ключик, мячик, карандашик, грошик, лещик, прыщик, хрящик	кабанчик, барабанчик, болванчик, балаганчик, чемоданчик, стаканчик, чуланчик, романчик, карманчик, рестораник, фонтанчик, сарафанчик, господинчик, магазинчик, блинчик, мандаринчик, апельсинчик, графинчик, кувшинчик, фургончик, бидончик, купидончик, газончик, флакончик, балкончик, талончик, баллончик, бульончик, укропчик, самоварчик, ликёрчик, сувенирчик, заборчик, коридорчик, журнальчик, автомобильчик, стульчик

После определения основного блока соотношений имеет смысл расширить полученные представления за счет дополнительных сведений, которые также можно вводить посредством заданий и комментария к ним:

1) в ряде случаев возможны непродуктивные морфы *-ышек*, *-ешек*, *-енёк*: *колышек*, *клинышек*, *воробышек* (с усечением основы), *краешек*, *куманёк*, *муженёк*;

2) от некоторых основ существуют синонимичные образования с разными морфемами: *часок* и *часик*, *лоскуток* и *лоскутик*, *таганок* и *таганчик*, *стулик* и *стульчик*, *шкафик* и *шкафчик*, *супик* и *супчик*, *пустырик* и *пустырёк*;

3) кроме немотивированных слов в качестве мотивирующих выступают: для слов с *-ок* – существительные с суффиксами *-ан*, *-ун*, *-ак*, *-ик*, *-ник*, *-ок*, *-аш*, *-иш*: *пузанок*, *горбунок*, *протачок*, *половичок*, *работничек*, *звоночек*, *кружляшок*, *катышек*; для слов с *-ик* – слова с суффиксами *-ец*, *-ач*, *-арь*, *-ист*: *рубчик*, *толкачик*, *словарик*, *туристик*; для слов с *-чик* – слова с суффиксами *-ан*, *-ун*: *лобанчик*, *скакунчик*⁷.

Задания к этому блоку определения соотношения суффиксов и основ могут быть, например, такие:

1. Определите суффиксы в следующих словах: *колышек*, *катышек*, *камешек*, *клинышек*, *пельмешек*, *орешек*, *олешек*, *воробышек*, *оладышек*, *пупырышек*, *краешек*, *куманёк*, *муженёк*, *паренёк*, *клубенёк*, *поршенёк*, *огонёк*, *окунёк*, – если возможны однокоренные к ним *кол* – *колок* – *околыш*; *катить* – *каток* – *катыш*; *камень* – *камушек* (вариант к *-ышек*) – *каменюка* (прост.) – *каменка* – *каменный*; *клин* – *(за)клинить* – *клинок*; *пельмень* – *пельменьчик* (разг.) – *пельменок* (прост.) – *пельменик* (прост., возм. при обращении к детям); *орех* – *орешник*; *олень* – *оленёк* (разг., возм. как назв. другого животного); *воробей* – *воробейка* (разг., фолькл.) – *воробушек* (вариант к *-ышек*) – *воробчик* (редк.) – *воробка* (прост.); *оладья* – *оладушек* (вариант к *-ышек*) – *оладка* (разг.) – *оладик* (прост.); *пупырь*; *край* – *крайчик* (редк.); *кум* – *кума* – *кумушка* – *кумовья*; *муж* – *муженька* (прост., ирон.) – *мужья*; *парень* – *парнишка* (разг.) – *парниша* (прост.); *клубень*; *поршень*; *огонь*; *окунь* – *окушок* (редк.). Список однокоренных после “если” можно использовать и для подсказки, и для вариативных заданий с определением суффиксов, объяснением различий в значении слов, характера их окраски, сферы употребления.

2. Обратите внимание на существование в русском языке парных образований с *-ик* / *-ок*: *годик* и *годок*, *листик* и *листок*, *цветик* и *цветок*, *кустик* и *кусток*, *братик* и *браток*, *мёдик* и *медок*, *носик* и *носок*, *мысик* и *мысок*, *ротик* и *роток*, *котик* и *коток*, *лобик* и *лобок*, *полик* и *полок*, *зубик* и *зубок*, *хлевик* и *хлевок*, *горбик* и *горбок*, *гробик* и *гробок*, *задик* и *задок*, *перёдик* (редк., в речи, обращенной к детям) и *передок*, *гвоздик* и *гвоздок*, *дождик* и *дожжок* (простонар., диал.), *божик* и *божок*, *глазик* и *глазок*, *пазик* и *пазок*, *тазик* и *тазок*, *разик* и *разок*, *соколик* и *соколок*, *холмик* и

холмок, коник и конёк, попик и попок, волик и волок, зверик и зверёк, а также зверок, мирик и мирок, лесик и лесок, волосик и волосок, шестик и шесток, мостик и мосток, холстик и холсток, хомутик и хомуток, прутик и пруток, валик и валёк, а также валок, киселик и киселёк, фитилик и фитилёк, пузырик и пузырёк, столбик и столбок, пудик и пудок, прудик и прудок, чижик и чижок, коржик и коржок, хрусталик и хрусталёк, стволик и ствол, нолик и нолёк, домик и домок, ломик и ломок, снолик и снопок, серпик и серпок, коврик и коврок, дворик и дворок, топорик и топорок, усик и усок, болтик и болток, чёртик и черток, бортик и борток, куличик и куличок, лещик и лещок;

***-ок** (-ёк, -ек) / **-чик**: голубок и голубчик, огурок и огурчик, ангелок и ангельчик, теремок и терёмчик, хохолок и хохольчик, бугорок и бугорчик, бугаёк и бугайчик, пузанок и пузанчик, казанок и казанчик, блинок и блинчик, свистунок и свистунчик, вьюнок и вьюнчик, кабанок и кабанчик, костерок и костёрчик, тенорок и тénорчик, рукавок и рукавчик, буравок и буравчик, стакашек и стаканчик, кармашек и карманчик, тюльпашек и тюльпанчик, барашек и баранчик, кафташек и кафтанчик, сарафашек и сарафанчик, плавунок и плавунчик, стригунок и стригунчик, прыгунок и прыгунчик, скакунок и скакунчик;*

*и **-чик** / **-ик**: чубчик и чубик, помидорчик и помидорик, самоварчик и самоварик, кранчик и краник, нарывчик и нарывик, укропчик и укропик, шурупчик и шурупик, сувенирчик и сувенирик, тракторчик и тракторик, кефирчик и кефирик, заборчик и заборик, амурчик и амурик, портфельчик и портфельик, пенальчик и пеналик.*

Попытайтесь определить, в каких случаях различия в парах определяют оттенки субъективно-оценочного, а в каких семантического характера, влияя на лексическое значение слова (формообразовательная / словообразовательная функция суффикса).

Задание это для выполнения окажется трудным, поэтому цель его будет не эвристическая, а познавательная. Необходим вспомогательный материал – контексты употребления слов, словарные дефиниции, характеристика степени употребительности, сфер речевого использования. Контрастность форм и тонкие стилистические и смысловые отличия, как правило, не заметные или мало заметные и с трудом ощущаемые носителем языка, позволяют глубже войти в семантику и стилистику русского языка, почувствовать его экспрессивно-эмоциональную специфичность. Сравнение с польскими аналогичными формами, не менее разнообразными, но

действующими и проявляющими себя по-другому, позволит почувствовать сходное и различное в таком, казалось бы, общем явлении, как выражение субъективной оценки, отображающей себя в значениях уменьшительности, ласкательности, уничижительности, экспрессии сочувствия, близости, подчеркнутой вежливости, насмешки, иронии, издевки.

3. Определите взаимосвязь завершения (финали) мотивирующей основы и варианта суффикса (морфа) **-ок** (-ек), **-ик** или **-чик** в образуемых формах *шарабанчик*, *мальчуганчик* и *мальчугашек*, *уланчик*, *балаганчик*, *ладанчик*, *казанок*, *сазанок* и *сазанчик*, *фазанок* и *фазанчик*, *пацанок* и *пацанчик*; *лизунок* и *лизунчик*, *ползунок* и *ползунчик*, *крикунок* и *крикунчик*, *сосунок*, *трясунок*; *землячок*, *червячок*, *здоровячок*, *бодрячок*, *тюфячок*, *сквознячок* и т.п. (Соответственно также и с другими словами с имеющимися в виду финалями *-ан*, *-ун*, *-ак*, *-ик*, *-ник*, *-ок*, *-аш*, *-иш* для **-ок**; *-ец*, *-ач*, *-арь*, *-ист* для **-ик** и *-ан*, *-ун* для **-чик**).

Можно видоизменить задание, предложив образовать соответствующие формы с **-ок** (-ек), **-ик**, **-чик** от слов: *баклажан(чик)*, *хулиган(чик)*, *цыган(ок)* и *цыган(чик)*, *майдан(чик)*, *пармезан(чик)*, *розан(чик)*, *павиан(чик)*, *таракан(чик)* и *таракаш(ек)*, *старикан(чик)*, *тукан(чик)*, *лацкан(чик)*, *план(чик)*, *капкан(чик)*, *аркан(чик)*, *истукан(чик)*, *аэроплан(чик)*, *обман(чик)*, *лиман(чик)*, *доберман(чик)*, *талисман(чик)*, *гетман(чик)*, *банан(чик)* и реже *банан(ок)*, *топчан(чик)*, *платан(чик)*, *братан(чик)*, *каштан(чик)* и *каштан(ок)*; *щелкун(чик)*, *говорун(чик)*, *валун(чик)*, *хрипун(чик)*; *мышьяк (-чок)*, *пустяк (-чок)*...

Материал задания дает возможность обратить внимание на различие таких понятий, как морфема и морф, формообразующие и словообразующие аффиксы, мотивирующая основа и словообразовательный формант, подготовив почву для определения на следующем этапе словообразовательного значения, стилистики и семантики слова и структурных его элементов.

Есть также смысл обратить внимание на вопросы правописания – зависимости *о* или *е* от ударения в слове (отсюда *-ок* и *-ек* определяется как один морф), а также на обусловленность *ё* позицией после мягкого, в том числе и *|j|* (*-ок* / *-ёк*), предложив задание со словами (расстановка ударения, образование уменьшительных форм и т.п.):

– *сапожо́к*, *очажо́к*, *рычажо́к*, *бережок*, *лужок*, *плужок*, но *овра́жек*, *поро́жек*; *паучок*, *рюкзачок*, *лучок*, *кулачок*, *дурачок*, *пяточок*, *грузовичок*, *сундучок*, *каблучок*, *язычок*, но *перёдничек*, *праздничек*, *племянни-*

чек, разбойничек, родственничек, гривенничек, пряничек, ящичек, осколочек, ребёночек, утёночек; корешок, посошок, но монашек, горошек; внучок, но внучек;

– чаёк, кофеёк, ручеёк, князёк, стебелёк, флигелёк, кренделёк, кошелёк, василёк, тенёк, пенёк, стерженёк, ларёк, янтарёк, якорёк, хорёк, зятёк, гусёк.

Пристальное внимание к структуре слова, еще до рассмотрения семантики, дает возможность обратиться к явлениям морфонологии – чередованиям, сходным в своей основе с польскими, но различающимся нередко в своих проявлениях (*к – ч, г – ж, х – ш*), а также к возможности правильного определения морфемного состава слова, что обуславливает адекватное понимание его значения. Можно предложить внешне сходные и поэтому не всегда различаемые формы, построив с ними задания типа:

- определите, *-чик* или *-ик* используется в словах (если он там есть) *жеребчик, рубчик, красавчик, бубенчик, мерзавчик, живчик, счастливчик, голубчик, немчик, молодчик, господчик, купчик, гостинчик, любимчик, мизинчик, заусенчик, кончик, пончик, чепчик, хлопчик, мальчик, пальчик, лифчик, рябчик, толкачик, куличик, кирпичик, мотивчик, слюнявчик, херувимчик, родимчик, огурчик, одуванчик, органчик, пузанчик, тушканчик, султанчик, фонтанчик, венчик, младенчик, леденчик, птенчик, магазинчик, погончик, фистончик, фургончик, блондинчик, чехольчик, скандальчик, колокольчик, водевильчик, бокальчик, приборчик, узорчик, ларчик;*

- объясните правописание *и, е* или *о* на конце перед *к* в словах, определив, где это элементы разбираемого суффикса, а где чего-то другого: *жавороночек, вертопрашек, фартушек, дурашек, бурачок, букашек, рюмашек, кумушек, братишек, рыбочек, тапочек, сучочек, соловушек, соловьюшечек, сыночек, жеребёночек, фартучек, ручек, игрунчик, шалунчик, балунчик, хлебушек, рёбрышек, веночек, щеночек, щёлочек, паучок, пучок, щелочок, щелчок, щелчок, брелочек, цыплёночек, козлёночек, образочек, чулочек, ромашек, простачок, первачок, росточек, бардачок, березничек, багажничек, бумажничек, переулочек, пупочек, тучек, футлярчик, бульварчик, помпончик, батончик, галстучек, барончик, бульончик, счётчик, буфетчик, сигнальчик, валютчик, паучочек, пучочек, смушек, рубашек, ковшик, ёришк, шалашик, подвальчик, старикашек, старушек, рамочек, хлевушок, петушок, малышок, крепышок, малышек, малышик, пастушок, пастушек, лягушек, лягушечек, простушек, толстячок, ивнячок, особнячок, тючок, крючок, смычок, троячок, русачок, трюкачек и т.п.*

Ответы можно предложить разбить по группам аналогичных явлений:

- *жавороночек, вертопрашек, фартушек, жеребёночек, фартушек, веночек* – графическое *е* в морфе *-ок* разбираемого суффикса (не под ударением);

- *дурашек, букашек, рюмашек, кумушек, рыбочек, тапочек, ручек, тучек* – беглое *е* в формах родительного падежа множественного числа женского рода;

- *бурачок, щелочок* – *о* морфа *-ок* разбираемого суффикса;

- *братишек, соловушек, рёбрышек* – беглое *е* в формах родительного падежа множественного числа мужского или среднего рода;

- *сучочек, сыночек* – *е* морфа *-ок* в образованиях, мотивированных словами, уже содержащими *-ок* или *-ик* (усиленная степень ласкательности);

- *игрунчик, шалунчик, балунчик* – *и* морфа *-чик* разбираемого суффикса;

- *хлебушек* – *е* морфа *-ушок* (орфогр. *-ушек*), существительных мужского рода I скл. (безударный суффикс *-ушк-*, имеющий ласкательное значение) и т.п.

Переходя к этапу, предполагающему работу с семантикой, можно предложить задание на определение слов с суффиксом субъективной оценки из ряда:

частик, эластик, хлюпик, нытик, мистик, ролик, чудик, дистрофик, гульфик, график, понтифик, хлыстик, хлястик, портик, кортик, кнутик, лютик, четверток, вороток, восток, контрастик, жестик, ужастик, активистик, юмористик, архивистик, текстик, артистик, перстик, бюстик, хлюстик, фертик, конвертик, поэттик;

артишок, вершок, балычок, баилычок, бычок, тычок, початок, голосок, квасок, подпасок, вихорок, обморок, юморок, вечерок, знаток, парусок, виток, биток, моток, напёрсток, куток, лапоток, молоток, сочок, качок, сюртучок, сачок, клочок, светлячок, косячок, мешок, гребешок;

кобчик, субчик, разведчик, рядчик, заказчик, расстегайчик, хозяйчик, господчик, чурбанчик, воланчик, баллончик, бидончик, хулиганчик, мальчуганчик, родимчик, лимончик, бадминтончик, волейбольчик, футболчик, разборчик, запорчик, заторчик, приказчик, задорчик, грузчик, доказчик, парходчик, кумирчик и пр.

Выполнение этого задания может потребовать семантического и стилистического (экспрессивность, окраска, сферы употребления) комментария, что подготовит работу с семантикой слова и его элементов.

Работу с семантикой можно начать (обращая внимание на контрасты и соответствия либо несоответствия – как методический принцип) с характеристики субъективно-оценочных значений, выражаемых разбираемым суффиксом. В “Русской грамматике” выделяются уменьшительное, ласкательное, уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное, увеличительное субъективно-оценочные значения у образований, характерных для разговорной речи⁸.

Есть смысл обратить внимание на целый ряд проблем узуального, семантического и грамматического (структурно-словообразовательного) характера, возникающих в этой связи:

1) уменьшительное и ласкательное значения можно встретить в словах раздельно и в совмещении, что без речевого контекста едва ли можно установить, ср.: *братик* (то ли маленький брат, то ли ласкательно о нем), *ручка, лобик, карманчик, костюмчик* (если речь о ребенке, то уменьшительное, а если нет, то либо ласкательное, либо то и другое);

2) уменьшительное значение совмещается как с ласкательным, так и с уничижительным, что крайне важно не смешивать в употреблении типа *зайчик / хозяйчик, сиропик / попик, супчик / типчик, голубчик / господчик, чёртик / фертик, прыщик / хлыщик* (Отчего может зависеть уничижительность с учетом семантики вторых слов в парах?);

3) увеличительное значение характерно для суффиксов *-ин(а)* и *-ищ-* (*рыбина, ротище*), и при этом с уничижительностью не совмещается (хотя возможен оттенок иронии и издевки); уничижительность совмещается с уменьшительностью, без которой, согласно определению в “Русской грамматике”, не существует, что может служить интересным поводом для размышления над природой самой оценки⁹;

4) далеко не всегда возможно точно определить значение, привносимое суффиксом субъективной оценки, необходимо (помимо знания речевого узуса, обращение к которому в условиях польской аудитории невозможно) опираться на лексическое значение слова в целом и речевой контекст;

5) слова с субъективно-оценочными значениями очень активны, широко используются, обладают высокой частотностью и продуктивностью, являясь средством живой экспрессии и украшения разговорной речи, но

они и коварны: неумелое их использование может свидетельствовать о безграмотности, невладении литературными нормами, бестактности, бескультурье, примитивизме и незнании языка;

б) ряд субъективно-оценочных образований высокочастотен и узואлен, но не меньшая и вполне допустимая их часть составляет сферу редко встречающихся, малоупотребительных, ограниченно употребительных и потенциальных форм, словарями никак не фиксируемых, но легко возникающих в речи по существующим продуктивным типам, что создает, с одной стороны, условия для проявления творческого умения и мастерства, а с другой, может стать причиной досадных ошибок и коммуникативных промахов.

Из сказанного естественным образом напрашивается вывод о том, что овладение указанным средством (формами субъективной оценки) в определенном смысле весьма желательно, поскольку отмечает высокую степень речевой способности и умения говорящего, однако ведет к нему не отвлеченное знание, собственно говоря, даже вообще и не знание, а языковое чувство, формирующееся в результате нацеленно ориентированного и тренингового обращения с языком. В определенном смысле язык при таком подходе становится объектом постоянной интеллектуальной игры – с контрастами, столкновением внешних сходств при внутренних неподобиях, большим количеством многосторонне определяемого материала. Его количество, начиная откладываться и упорядочиваться, работает в первую очередь на подсознательную и эмотивную составляющую, что не менее важно при овладении языком, чем сознание и когниция, и чему, по самой природе своей, хорошо способствует материал экспрессивный и субъективно-оценочный.

После такой преамбулы возможно обращение к семантике. Рассматриваемый материал содержит в этом отношении большие возможности. С его помощью раскрываются интересные соотношения оттенков значения и вариаций формы, мотивирующего и мотивируемого, производящего и производного, семантических компонентов внутреннего выражаемым компонентам структуры внешнего, потенциального и реального, субъективного и узואльного, устаревшего и новейшего, разговорного и просторечного. Приведем лишь некоторые задания из возможных.

Суффикс *-ок/-ик* в русском языке используется для образования существительных, называющих “предмет (преимущественно неодушевленный), похожий по внешнему виду (например, цвету, форме, расположе-

нию) или по какой-либо функции на предмет, названный мотивирующим словом”: *глаз – глазок* (у растения), *язык – язычок* (у замка, ботинка), *кулачок* (деталь механизма)¹⁰. Значение это в грамматике определяется как значение подобия. Рассматривавшийся суффикс субъективной оценки в морфах *-ок* и *-ик* имеет, тем самым, омонимом (либо вторым значением – предмет для обсуждения на занятии) *-ок/-ик* подобия. Равным образом морф *-чик* суффикса *-ок/-ик/-чик* субъективной оценки имеет омонимом морф *-чик* суффикса *-щик/-чик* носителя процессуального признака при отглагольных образованиях (*резчик, разносчик*) или *-ик/-чик* стилистической модификации в просторечных новообразованиях (*субчик* от *субъект, шизик* от *шизофреник*). Подобное явление для словообразования не случайно, ср. многозначные *-ин(а), -к(а), -ец, -иц(е), -уш(а), -ул(я), -ух(а)*, имеющие соотношения значений субъективной оценки со значениями носителя признака.

Однако отличие между *-ок/-ик* подобия и *-ок/-ик* субъективной оценки могут быть вовсе не очевидны. К тому же отмеченные ранее синонимичные парные образования с этими морфами типа *часик* и *часок, ротик* и *роток* также порождают проблему их семантического и стилистического, а тем самым и узуального, в употреблении, различения. Затронутая проблема дополнительно усложняется тем, что в отдельных случаях происходит утрата связи с производящей основой, в результате чего такие слова, по определению Е.А. Земской¹¹, могут рассматриваться как непрямые, хотя и членимые (типа *малина, смородина, пир, белесый, понедельник* – производные в диахронии и непрямые в синхронии).

Исходя из сказанного (что есть смысл рассматривать как комментарий), можно предложить такие, к примеру, задания и вопросы:

Кубок и *кубик, браток* и *братик, коток* и *котик, зубок* и *зубик, садик* и *садок, задик* и *задок, носик* и *носок, лобик* и *лобок, глазик* и *глазок* и т.п. В чем состоит семантическое и узуальное отличие в парах слов? Сколько и каких может быть значений у каждого? Можно ли их словообразовательные форманты рассматривать как морфы единого суффикса?

Лубок, бобрик, росток, свисток, порошок, любисток, горшок, рогалик, хрусталик, кролик, карлик, суслик, дурик (в просторечном выражении *сделать что-либо дуриком, т.е. на дурачка*), *мазурик, персик, тушканчик*. Можно ли выделять элементы *-ок/-ик/-чик* как словообразовательные форманты, т.е. рассматривать эти слова как производные, а не только членимые?

Столик (журнальный), *фонарик* (электрический), *слоник* (насекомое, черепашка), *ёришк* (прическа), *ёжик*, *ножик*, *коржик*, *нолик* (в *подстричь под нолик*, *играть в крестики, нолики*), *крестик* (*поставить крестик*), *сударик*, *гусарик* (детский башмачок), *казачок* (танец), *шесток* (*каждый сверчок, знай свой шесток*), *пестик* (тычинки и *пестики*), *сеймик*, *шарик* и *Шарик*, *Тузик* (клички собаки, ср. *Дружок* или котенок *Пушок*). Можно ли рассматривать *-ик* (*-ок*) в этих словах как морф уменьшительного значения? И если нет, то сохраняется ли значение уменьшительности как оттенок, остаточное значение, или утрачивается? Было ли оно там изначально или *-ик* имело другое значение? Какое? (для сравнения можно дать польск. *guzik*, *marszałek*, *stolek*, *lebek*, *walek* и т.п.)

Чернопузик, *желтопузик*, *чернозобик*, *толстолобик*, *долгоносик*, с одной стороны, и *рогатик*, *пузатик*, *женатик*, *касатик*, *усатик*, *зубатик*, *волосатик*, *полосатик*, *головастик*, *рыжик*, *ушастик*, с другой. Можно ли выделить *-ик* как словообразовательный формант в этих словах? С каким значением, если да? Что следует считать словообразовательным формантом, если нет? Как образованы эти слова, если они производные и какие из них являются производными?

Уменьшительными или ласкательными представляются Вам значения суффикса в словах *арбузик*, *карапузик*, *букварик*, *скверик*, *виноградик*, *полик*, *Толик*, *потолочек*, *замочек*, *ситчик*, *атласик*, *мизинчик*, *ломтик*, *фаянсик*, *бантик*, *кантик*, *старичок*, *сваток*, *судачок*, *березнячок*, *поясок*, *кушачок*?

Какие значения могут иметь, на Ваш взгляд, суффиксы в следующих словах: *должок*, (*речной*) *трамвайчик*, *авансик*, *среднячок*, *женишок*, (*солнечный*) *зайчик*, *матросик*, (*оловянный*) *солдатик*, *слушок*, *стишок*, *запашок*, *душок* (*рыба с душком*), *рубчик*, *зубчик*?

Можно ли считать широко употребительные в разговорной речи формы типа *документик*, *килограммчик*, *винегретик*, *бутербродик*, *километрик*, *вопросик*, *денёк* формами подчеркнуто-вежливой окраски, как замечает “Русская грамматика”¹² или точнее было бы этот экспрессивный оттенок определить как-то иначе? Как? (Ср. подобные употребления в польском: *chlebek*, *papierek*, *pilocik*, *razik*, *sklepik*, *torcik*).

Рассматриваемые суффиксы, нередко заканчивая в своих производных последовательность форм в цепочке, дают возможность ставить вопросы соотношения и мотивации в словообразовании. Примером того, как это можно использовать в ходе занятий могут служить такие задания:

1) Выберите правильное направление мотивации:
ворот – воротник – воротничок – подворотничок
ворот – воротник – под воротник – подворотничок
ворот – воротник – подворотник – подворотничок

Объясните свой выбор, значения формантов, участвующих последовательно в словообразовании, значения получаемых на каждом шаге слов.

2) *Росток – отросток – выросток – заросток – предросток – переросток – приросток – недоросток – проросток – сросток – отросток.*
(Возможны ли образования с другими приставками? Какими?)

Является ли общим значение суффикса *-ок* в словах из приведенного списка? Имея общий корень *рост*, образованы ли эти слова от него как от слова? Если да, то в какой последовательности? Если нет, то как они тогда образованы? Постройте словообразовательные пары (цепочки) с участием каждого из этих слов, определите значение словообразовательных формантов, способ словообразования и семантику каждого слова. Являются ли эти слова представителями общего словообразовательного типа? Какого? Покажите его.

В небольшой по объему статье трудно было показать все возможности дидактического использования структурных элементов слова, даже на примере одного только суффикса, их можно было только наметить. Остались почти без внимания узуальные, стилистические и смысловые стороны и проекции затрагиваемого явления, поскольку их объяснение требует обстоятельных комментариев. В ходе занятия следует обращать на это внимание. Немалую помощь в этом вопросе мог бы оказать заранее подготовленный материал, в идеале – пособие, подготовленное с ориентацией на использование структурных элементов слова. Такое использование, которое позволяет включать в контекст обучения не только системные, но и стилистические, узуальные и семантические стороны изучаемых языковых явлений. Показать возможности такого использования на материале суффиксов субъективной оценки, включающих в себя, при заинтересованном и нетривиальном подходе, очень многое для понимания, видения и воспитания чувства изучаемого языка, – и было задачей предпринятого нами исследования.

2006 г.

Примечания:

1. О словообразовательном значении см., напр.: И.С. Улуханов, *Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания*. 3-е изд., Москва, 2004, с. 10-11.

2. Е.А. Земская, *Строение системы синхронного словообразования*. [В:] Е.А. Земская, *Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь*. Москва, 2004, с. 99.

3. См.: В.В. Виноградов, *Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии*. [В:] В.В. Виноградов, *Избранные труды. Исследования по русской грамматике*. Москва, 1975.

4. Е.А. Земская, *Строение системы...*, с. 100.

5. См. об этом: И.С. Улуханов, *Словообразовательная семантика...* (Глава четвертая: *Парадигматические и синтагматические связи в словообразовательной семантике*); Е.А. Земская, *О парадигматических отношениях в словообразовании*. В: Е.А. Земская, *Язык как деятельность...*, с. 100-109.

6. *Русская грамматика*, т. I, Москва, 1980, с. 208.

7. Там же.

8. Там же.

9. О природе оценки и особенно применительно к норме, в том числе и признаку физического размера и отношения к оцениваемому объекту в этой связи, см. у Е.М. Вольф, *Функциональная семантика оценки*. 2-е изд., Москва, 2002, с. 47 и след.

10. *Русская грамматика...*, с. 205.

11. Е.А. Земская, *Понятия производности, оформленности и членности основ*. [В:] Е.А. Земская, *Язык как деятельность...*, с. 130-139.

12. *Русская грамматика...*, с. 209.

Однокоренные лексемные формы – суффиксальные образования и лексикализации

В лексемных обозначениях женского и мужского добрачного обращает на себя внимание довольно явная несоотнесенность значений и форм. На материале русского языка эта особенность себя проявляет, в первую очередь, в том, что, если обозначения женского в основном группируются вокруг единиц с корнем *дев-*, а суффиксы, присоединяемые к корню, имеют как слово-, так и формообразовательное значение, то параллельные обозначения для мужского передаются словами разных корней. Вторая особенность состоит в семантических несоответствиях, характере не сходящихся коннотаций и, что из этого следует, в различиях функциональной природы. И третья особенность, касающаяся только женских обозначений, определяется ролью суффиксов, присоединяемых к корню *дев-*. По природе своей это суффиксы субъективной оценки (*-ушк, -очк, -иц*), и таковыми они в отношении других лексем выступают. Здесь же они создают синонимы – различающиеся оценочно и узуально лексеммы, часто не соотносимые с точки зрения производящего – производного с другими подобными парами слов.

Единицы с названным корнем *дев-* представляют собой как самостоятельно функционирующие лексеммы – *дева, девка, девѣца, дѣвица, девушка, девочка*, формы, в отдельных случаях (в диалектах, в просторечии, в простонародной речи) лексикализирующиеся, приобретающие самостоятельное значение – *деваха, девуля, девуня*, так и формы субъективно-оценочные и стилистические – *девчонка, девчоночка, девчушка, дѣвонька, девчурка, девчурочка, девчура, девчуха, девушечка, девоня, дѣвонька, дѣвонечка, девунечка, девоха, девуха, девчá, девица, девчица, девчиница* и т.п.

Черта эта, равно как и множественность суффиксальных образований наблюдается не только в русском, но и в других славянских языках. Еще одну общеславянскую особенность составляет и то, что непроизводное слово *дева* либо вышло из употребления и устарело (*dziewa* в польском, к примеру), либо является редким, книжным, поэтическим и устарелым (в чешском, словацком, болгарском, русском). Основным и нейтральным обозначением женского молодого добрачного становится производное слово – *девушка* в русском, *dziewczyna* в польском, *děvče* в чешском, *dievča* в словацком, либо, как, напр., в болгарском, наряду с производным *де-*

во́йка, слово иного корня – *момá* (ср. *holka*, *holčička* в чешском, наряду с *děvčátko*, в значении ‘девушка’).

Из этой особенности следует специфическое соотношение значений и форм у лексем с корнем *дев-*, а также их суффиксальных формантов, отличающее их от таких же других – обозначающих женское и лицо и относящихся к той же тематической группе половозрастных и социально-ролевых отношений в родовом коллективе. Интересующее нас применительно к корню *дев-* в своих проявлениях (*дева* – *девка* – *девушка* – *девица* – *девушка*) суффиксальное соотношение *-0-* / *-к(а)* / *-ушк(а)* / *-иц(а)* / *-очк(а)* там, где оно возможно в словах указанной тематической группы, при других корнях дает далеко не всегда совпадающие, с точки зрения словообразовательного значения, результаты. Представим сказанное в таблице:

<i>дева</i>	<i>девка</i>	<i>девушка</i>	<i>дэ́вица</i>	<i>девушка</i>
<i>баба</i>	<i>бабка</i>	<i>бабушка</i>	-	<i>бабочка</i>
<i>мама</i>	<i>мамка</i>	<i>мамушка</i>	-	<i>мамочка</i>
<i>тётя</i>	<i>тётка</i>	<i>тётушка</i>	-	<i>тёточка</i>
<i>мать</i>	<i>матка</i>	<i>матушка</i>	-	<i>маточка</i>
<i>дочь</i>	<i>дочка</i>	<i>дочушка</i>	-	<i>дочечка</i>
<i>сестра</i>	<i>сестёрка</i>	<i>сёструшка</i>	<i>сэ́стрица</i>	<i>сёстрочка</i>
<i>дама</i>	<i>дамка</i>	<i>дамушка</i>	-	<i>дамочка</i>

Более или менее сходные экспрессивные соотношения суффиксов субъективной оценки, такие, как, скажем, в формах слов *лапа* – *лапка* – *лапушка* – *лапочка*, *рука* – *ручка* – *ручушка* – *ручечка*, *голова* – *головка* – *головушка* – *головочка*, *река* – *речка* – *речушка* – *речечка* или *Ваня* – *Ванька* – *Ванюшка* – *Ванечка*, *Катя* – *Катька* – *Катюшка* – *Катечка* и т.п., можно усматривать в формах с корнями *мам-*, *доч-*, *дам-*.

Слова с корнем *сестр-*, при оценочно-семантическом сходстве, требуют стилистического комментария: *сестёрка*, *сёструшка*, *сёстрочка* – редкие и ограниченные в употреблении, *сэ́стрица*, прежде всего, ‘монашенка’.

Слова с корнем *тёт-* отличаются в паре *тётя* и *тётка*, представляя различие разговорно-бытовой и официально-нейтральной форм (подобное паре *бабушка* – *бабка*).

Слова и формы с корнем *баб-* и *мат-* представляют ряды семантических и стилистических проявлений, имеющих индивидуальный характер, не повторяющийся у других. *Баба* – в первую очередь, женщина из простонародья, как форма обращения к бабушке (матери матери или отца) ха-

рактируется стилистической сниженностью. *Бабка* – если то же, что бабушка, то официально и отстраненно, а в речи близких неуважительно. *Бабушка* – то же, что бабка, но неофициально. *Бабочка* (прежде всего насекомое) – шутливо по отношению к бабе, применительно к бабушке неупотребительно.

Показательно, что экспрессивные формы от *бабки-бабушки* представляют собой в основном образования от корня *баб-*: *бабуля, бабуся, бабаля, бабуня* и т.п., объясняясь обычно как суффиксальные формы от слова *бабушка* с усечением основы.

Соответственно, *мать* – основное и официальное обозначение женщины по отношению к детям; *матка* (если в том же значении) – областное, простонародное и устарелое; *матушка* – народно-поэтическое и устарелое; *маточка* – устарелое и простонародное.

Тем самым, рассматриваемые суффиксальные морфы, действуя в группе слов, обозначающих лиц либо реже предметы (одушевляемые или атрибуты лица – *лапушка, речушка, ручечка, головушка*), в первую очередь, являются морфами субъективной оценки, и только в отдельных и редких случаях произведенные с их участием формы способны, лексикализуясь, создавать семантические и стилистические проекции, значительно отстоящие как друг от друга, так и от форм, получаемых с помощью тех же суффиксов, но от других корневых основ.

В наибольшей мере сказанное касается слов с корнем *дев-* и *баб-* – основных и противопоставляемых проявлений женского в русском языке (как и в других славянских): женского добрачного (*дев-*) и женского в браке (*баб-*). Суффиксы, о которых речь (*-к(a), -ушк(a), -очк(a); -иц(a)* для *дев-*), присоединяясь к корню, создают различные и не совпадающие между собой в результатах семантические и стилистические последствия, как в отношении каждого из двух этих корней, так и в отношении этих корней ко всем прочим.

Особенность, которая позволяет говорить об изолированной позиции обозначаемых корнями *дев-* и *баб-* представлений, отнюдь не случайной и связанной с моделью устройства своего родового мира-социума (в языковой картине мира соответствующий фрагмент). Тех представлений, которые внутри себя дают возможность раскрыть родовые и этнокультурные представления о женском – добрачном и брачном (закрепленные и сохраняющиеся в языке), их отношении между собой, а через коррелирующее сопоставление с лексемами мужского добрачного и послебрачного отра-

зять отличия гендерного характера. На сопоставительном материале с лексемными формами-соответствиями в других славянских языках такое отличие было бы еще более показательным.

Имеет смысл обратить внимание на одну существенную особенность противоположения женского брачного в *баб-* и добрачного в *дев-*, отображаемую в представленных формах. Значимые отличия форм с первым корнем проходят между попарными соотношениями *баба* – *бабочка* (замужняя женщина из простонародья и ласково-уменьшительно или шутливо о ней) и *бабка* – *бабушка* (мать матери или отца). Суффикс *-очк-*, иными словами, имеет формообразующее значение, а суффиксы *-к-* и *-ушк-*, давая семантически соотносимые пары, действуют в отношении к *баб-* как суффиксы словообразовательные, проецируя в отношении к женскому в браке смысл статусно-ролевой: *баба*, *бабочка* – замужняя женщина как таковая; *бабка*, *бабушка* – старшее родовое свое, как старшая мать, мать матери или отца.

Применительно к формам с *дев-* картина выглядит по-другому. *Дева* – *девка* – *девушка* – *девица* выступают как разные в узуальном, контекстном, оценочном и стилистическом обозначении одного – незамужней женщины, прежде всего, молодой. В то время как *девочка*, в первом и основном значении, ребенок женского пола, т.е. лицо, воспринимаемое как бы вне отношения к браку, вне связи с ним. Противопоставление проходит, тем самым, между суффиксами *-0-* / *-к-* / *-ушк-* / *-иц-*, с одной стороны, и *-очк-*, с другой.

Таким образом, если для *баб-* противопоставление в соотносимых парах *баба* – *бабочка* / *бабка* – *бабушка* предполагает признак статусно-ролевого различия и воплощаемого суффиксом *-к* перехода (*баба* > *бабка*), то для *дев-* таким отличием будет различие возрастное, а основной соотносящейся парой, воплощающей его для современного языка, будет пара, представленная двумя суффиксальными производными – *девушка* / *девочка* (*-ушк* / *-очк*).

Синонимия лексем с корнем *дев-*, различающихся между собой суффиксально, дает возможность поставить вопрос, с одной стороны, о признаках, закрепляемых в этих формах, дифференциальных и релевантных для женского молодого добрачного, а с другой, о роли и значении участвующих в их образовании суффиксальных морфов (*-0-* / *-к-* / *-ушк-* / *-иц-* / *-очк*), с предполагаемым переносом смысла их действия на другие лексем.

Толковые словари современного языка, указывая на то, что *дева* – это то же, что *девушка*, определяют данное слово как устаревшее, поэтическое, подчеркивая, тем самым, его стилистический и периферийный характер. В древнерусском языке, где это слово использовалось наряду со словами *девка* и *девица*, значение определялось как женское не вступившее в брак, с особым подчеркиванием, как следует из контекстов, признака девственности, т.е. внебрачности, вне физической близости и полового контакта с мужским. Этот же признак, как основной у данного слова, подчеркивается и в словаре Вл. Даля (XIX век) [1: 508], причем без каких-либо дополнительных стилистических характеристик. По замечанию Даля, *дева* более употребляется в значении ‘девственница’. Отсюда вполне допустимое, с точки зрения смысла, и существующее в современном языке как устойчивое выражение *старая дева*, т.е. женщина немолодая, не вышедшая замуж. Равным образом как вполне возможны, осмысленны и существуют в поэтическом языке сочетания *юная дева*, *молодая дева*. В то время как сочетания определений, указывающих на возраст, с другими словами того же корня не так привычны, могут иметь иное значение или быть коннотативно отмеченными. *Старая девка* может указывать либо на немолодую работницу в барском доме (как устар.), либо на немолодую и опытную проститутку. *Юная девка*, *молодая девка* – первое словосочетание будет избыточным, второе подчеркивать возраст, возможно работницы (устар.). *Старая девица* – то же, что *старая дева*, но разговорно. *Юная девица*, *молодая девица* – в целом избыточны, но могут акцентировать возраст, имея в виду особенности проявления (незрелость). *Старая девушка* – выражение необычно и иронически, в особом контексте, будет синонимом *старой девы*. *Юная девушка*, *молодая девушка* – выражения, особо подчеркивающие возраст.

Тем самым, если в слове *дева* признак возраста (молодая, не старая) не акцентирован, но важно отношение к браку, к мужскому – вне значимой социально связи и отношения физической близости с ним (в современном языке это последнее не акцентируется), то другие слова, оставаясь в пределах того же смысла, будут иметь в качестве ведущего признака какой-то свой. Поскольку *дева* – слово производное и устаревшее, а все остальные, являясь суффиксальными образованиями от него, современные, смещение, перенос, акцентация смысла с того, что обозначалось исходно, на то, что обозначалось впоследствии, в производных и закрепилось для бо-

лее позднего состояния языка, может иметь значение для представления в нем женского молодого добрачного.

Обратимся для выяснения сказанного к определениям словарей. Слово *девка* толкуется в современных толковых словарях как стилистический (устар. и разг., прост.) синоним нейтрального слова *девушка* в значении ‘лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке’ (т.е. в общем значении для всех слов с этим корнем), а также как устар. ‘крестьянская девушка’, ‘служанка, горничная’ либо груб. ‘развратная женщина, проститутка’.

Данное слово, тем самым, акцентирует признаки социальной позиции низа, зависимости, несамостоятельности, подчиненности (ср. устар., до начала XX века: *дворовая девка, крепостная девка, крестьянские бабы да девки, купить / продать девку*; у Вл. Даля: *девка* низшего сословия).

В «Словаре древнерусского языка (XI-XIV вв.)» контексты, приводимые для иллюстрации, представляют *девку* как объект брачно-торговых манипуляций (за деньги, за плату, дары) и сексуальных воздействий со стороны мужчины (растление, нарушение девства, внебрачный ребенок). Второе значение – дочь, которая также оказывается по отношению к родителю той, кого он отдает или кого у него берут себе в жены, причем ее желание или нежелание в этом вопросе значения не имеют: *Аще девка не въсхоцет замужь: то оць и мти силою дадоуть* [З: 149]. *Девка*, тем самым, то женское, достигшее физической зрелости, не состоящее в браке, которое не полноправно, зависимо, подчинено, объект волевых, физических и социально-статусных манипуляций со стороны обладателя, прежде всего, мужчины, старшего по положению и возрасту.

Девѣца, нар.-поэт. *дѣвица*, также дается как стилистический (устар. и разг.) эквивалент нейтрального и современного *девушка*, никакими другими значениями и пометами не сопровождаясь. Акцентируемые в данной лексеме признаки позволяют вывести устойчивые выражения с данным словом, типичные контексты употребления, а также, косвенно, данные древнерусского словаря. В качестве примеров устойчивых выражений приводятся следующие: *скромная девица, бойкая девица, невинная девица, красная девица* (о скромном молодом человеке); *сидеть в девицах, оста(ва)ться в девицах* и производные – *девичья память* (короткая), *девичий стыд*.

К этому можно добавить также устойчивые и типичные сочетания *веселая девица, разбитная девица, вести себя как девица, вспыхнула* (зару-

мянилась, покраснел(а), пошла пятнами от стыда) как девица, (вполне) современная девица, девица как все, ничем не примечательная девица, вот уж девица (скромник), наивная девица, глупая девица и т.п.

Вл. Даль дает в своем словаре такие пословицы: *Сиди, девица, за тремя порогами (запорами). В клетках птицы, а в теремах девицы. Не смейся, братец, чужой сестрице: своя в девицах! По девице и тряпица (тафтица) Господи помилуй, чтоб девицы любили – ан уж и бабы не сладят! Девичья память да девичий стыд – до порога, а переступила, так и забыла. У тебя память девичья. Девичьи (женские) думы изменчивы. Орехи – девичьи потехи.*

Из всего этого следуют признаки, связываемые, в первую очередь, с поведением и проявлениями женского молодого добрачного, обуславливаемыми положением и возрастом (воля в определенных границах, свобода от обязательств, накладываемых браком, но подчинение воле родительской) – клетка, терем, орехи, короткая память, скромность, веселость, незнание, глупость, наивность, неумение себя вести и т.п.

В «Словаре древнерусского языка» специфичность употреблений со словом *девица* определяется из контекстов позицией в родовом коллективе-социуме в ряду *жены, вдовы, черницы, матери* (также *съ младенци*), *сестры, дочери, попадьи*, в противоположении мужскому – *сыновья* (как те, с кем девиц надлежит *сочетати* браком), *юноши* (как равное, хотя и первое, по социальному положению), *отроки, старцы, юноты* (юноши), *и женимыя съ двцами*. Девицы также объект растлевания, творения блудного, те, к которым не должно *въходить*, те, кого должно либо не должно *видети* (в зависимости от намерений по отношению к ним), *яко дъщерии, краснамъ соуземъ зело двцамъ*. Но при этом девица – *дасться на блоудъ, хранить дв(с)тво, погубить то* и, тем самым, в отличие от *девки*, не просто объект, мнения и желания которой не спрашивают. *Девица*, скорее, субъект, пусть неразумный, воспитываемый, в доме хранимый и наблюдаемый, т.е. не полностью самостоятельный, однако же наделенный волей, способный к поступкам и действиям, проецируя в своем значении, в первую очередь, социально-ролевое и поведенческое женского молодого добрачного.

Девушка, как уже отмечалось, слово нейтральное и основное для современного русского языка. К тому же и относительно позднее (в словарях отмечается с 1731 г. [4: 235]). В «Русском семантическом словаре», дающем наиболее полную его дефиницию, оно определяется в составе пяти

значений [2: 188, 310, 327, 334, 347], которые можно представить как своего рода параметры. 1) Возраст: «Лицо женского пола в возрасте между отрочеством и юностью»; 2) Ролевая позиция, состояние (через социально, а также физически значимое отношение к мужскому и браку): «Лицо женского пола, достигшее половой зрелости, но еще не вступившее в брак, сохранившее девственность»; 3) Отношение близости, интимный и личный контакт (освоенная пара мужскому и равному): «Возлюбленная, любимая или невеста (разг.)»; 4) Зависимость, подчиненность (социально-правовая позиция) «Молодая горничная, служанка в барском доме (устар.)»; 5) Сфера коммуникативных взаимодействий: «Обращение к молодой женщине, вообще упоминание о таком лице (разг.)». Необходимо добавить, что, в первую очередь, – со стороны мужчин(ы) и старшего (старших), женского в том числе, либо с его ролевой позиции.

Будучи для современного русского языка наиболее емким, поскольку нейтральным, обозначением молодого добрачного женского, *девушка*, как следует из устойчивых словосочетаний и типичных употреблений данного слова, может быть воспринята как объект любования, наблюдения, оценивания и, тем самым, любви: *милая девушка, красивая девушка, приятная девушка, хорошенькая девушка, забавная девушка, веселая девушка, любимая девушка, девушка моей мечты* (из названия фильма), *девушки любят (не любят) кого (парня), чтоб девушки любили, нравиться / не нравиться девушкам.*

Девушка – объект ухаживания и интереса со стороны мужского, самостоятельный, своевольный, себе на уме, которому необходимо понравиться, который необходимо освоить, завоевать, подчинить. Пословицы с этим словом из словаря Даля внутренне отмечают указанный признак: *Все девушки красны, все хороши, а отколь берутся злые жены? Девушка не травка, не выростет без славки. Чего девушка не знает, то ее и красит. Лакома овца до соли, коза до воли, а девушка к новой любви.*

Обобщая и сопоставляя с выведенным для слов *девка* и *девица*, можно было бы заключить, что в качестве основного признака *девушка* воспринимается как потенциальный объект освоения в отношении мужского, в первую очередь, равного, т.е. незанятого и ищущего.

Объем не дает возможности показать проекции признаков у других лексем данного корня, а также их отношения к мужским коррелятам. Ограничимся лишь короткими замечаниями, прежде чем сделать выводы.

Признак возраста в слове *девочка* ('ребенок или подросток женского пола') закрепляется за этим словом, по-видимому, как явление более позднее. Даль в своем словаре отмечает данное слово как экспрессивную форму, наряду с *девчура* (умалит.), *девчонка* (презрит.). Интересно, что в словацком языке в лексеме *dievča*, общей для 'девушка, девочка', возраст не отражается. В современном языке, в качестве синонима к слову *девушка*, *девочку* отмечает юность, неопытность и та незрелость, которая требует заботы, защиты, опеки, сочувствия со стороны старшего (старших), в том числе и мужского. (Ср. проекцию подобного сочувствующего отношения, но накладывающегося на другой семантический компонент, и не в лексемах, а в формах слов: *деточка*, *Ванечка*, *Любочка*, *мамочка*, *нянечка*, *папочка*, *тётечка*, и потому невозможную в значении женского или мужского старшего в роде – *бабочка* от *бабы*, не *бабушки*; *дедочка* – не привычная и специфичная форма от *деда*).

Мужские лексемные соответствия (*парень*, *юноша*, *мальчик*, *молодец*, *детина*), в первую очередь, не однокорневые слова. Значения мужского молодого добрачного в своих проявлениях предстает не как общее, а как разные состояния. Соответствия женскому на семантическом уровне не наблюдается, пары *юноши* и *девушки*, *парни* с *девками*, *девица* с *молодцем*, *мальчик* и *девочка* – объединения внешнего соположения родовых социальных ролей, не симметричных для женского и мужского значений. В лексемах *парень*, *детина*, *молодец* в качестве основного отображается волевой компонент способности проявления в действии, характеризуемом признаками не социально-структурного, родового, семейного, а своего, т.е. мужского добрачного (импульсивность, спонтанность, сила, неуправляемость, потенциальная деструктивность). В лексемах *юноша*, *мальчик* – позиция социальной роли и знания либо незнания, умения / неумения.

Мужское молодое добрачное, тем самым, воспринимается внутренне как агент обретающего себя родового начала, способного к проявлению в разных формах (своего рода поиск), что выражается в разности не однокорневых лексем. В отличие от такого же женского, воспринимаемого как единое и оборачивающегося к мужскому разными сторонами.

С этим последним связано, по-видимому, отчасти и то, что оформляется эта аспектуальность по отношению к называемому субъекту (позиция *Я* языка, антропоцентрический принцип) не в виде разных изначально лексем, а в виде оценочно-экспрессивных форм, оформляемых с помощью суффиксов *-0-* / *-к-* / *-иц-* / *-ушк-* / *-очк-* (*дева*, *девка*, *девица*, *девушка*, *де-*

вочка). Формы эти становятся самостоятельными лексемами, только впоследствии, с развитием языка. Лексикализации экспрессивных форм могут подвергаться в отдельных случаях и другие слова той же тематической группы (ср.: *мамка* ‘нянька’, *дядька* ‘воспитатель’, *бабка*, *бабушка* и *баба*, *бабочка*, *тётя*, *дяденька*, *девонька* чаще при обращении к посторонним или о них). Но далеко не так последовательно, многообразно и выразительно, что еще раз подчеркивает особую позицию рассмотренных слов с корнем *дев-* в их не случайных и значимых соответствиях.

2008 г.

Литература:

1. Даль В.И.: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. I, Москва, 1955.

2. *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений*. Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I. Москва, 1998.

3. *Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.)*. Гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. 3, Москва, 1990.

4. Черных П.Я.: *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. I. Москва, 1999.

Суффиксы субъективной оценки и социальный аспект экспрессивности в языке (в отношении лиц)

Предмет настоящей статьи составляют явления языковой периферии, представленные экспрессивными образованиями. Подобные единицы, определяемые как морфологически и семантически производные, заставляют, по замечанию О.Н. Ляшевской, «вспомнить о принципиальной неполноте словаря». [Ляшевская 2004: 277] Из чего следует, в силу их производности, а тем самым и выводимости смысла, вполне естественное для них отсутствие последовательного и полного описания в словарях и грамматиках. Периферийность, к этому следовало бы добавить принадлежность меняющейся стихии речи, в соединении с производностью делают данные единицы с точки зрения лингвистического описания объектом не просто не первостепенным, но и неясным, нечетким и переменчивым. На эти свойства объективной природы накладываются особенности также и субъективные – сложившиеся наборы квалификаторов подобных образований в виде помет типа ласк., уменьш., пренебр., увелич., отображающие признаки слишком объемные, чтобы служить показателями сколько-нибудь конкретного экспрессивного смысла. Признаки эти, как справедливо отмечает А.Б. Пеньковский, к тому же не удовлетворяют требованиям целостности, согласованности и непротиворечивости. [Пеньковский 2004: 74-75]

Определение указанных категорий в системе – задача, с учетом сложности характера и природы субъективной оценки, на далекую перспективу. Решение ее может быть успешным при условии самого пристального внимания к тому, что и как, каким образом единицами с помощью суффиксов субъективной оценки передается. Внимания, порождаемого не столько стремлением увидеть сходства и аналогии, с тем чтобы объединить экспрессивы в группы себе подобных, сколько определить различия, дифференцировать там, где привычно увидеть сходство. Выработке такого дифференцирующего подхода могла бы служить, с одной стороны, историческая, а с другой, узуально-средовая сопоставительная ретроспектива, дающая возможность увидеть закономерный характер развития экспрессивных (хотя и не только) смыслов, отображаемых в интуитивно воспринимаемых единицах.

Одна из особенностей экспрессивных форм состоит в их социально-исторической обусловленности периодами ломки и перемен. Динамика и интенсивность общественной жизни, социально-политические сдвиги со-

провожаются исключительно эмоциональным к ним отношением, на что указывал в свое время С.И. Карцевский в связи с явлениями в языке после 1917 г. [Карцевский 2000: 217] и что неизбежно влечет за собой проявление в публичной речи форм речевой экспрессии, типичных и характерных в периоды социальной стабильности для сфер субъективно-индивидуального выражения (устная разговорная речь, просторечие, сленг, жаргоны).

Явление это – экспрессивизация форм публичного выражения в связи с периодами бурной социальной активности, обусловленная вторжением в язык средств массовой информации форм и средств непубличной речи, отмечается также и в отношении русского языка конца XX века, определяясь в нем как либерализация, демократизация, жаргонизация, предполагающие сближения или смешения официальных форм выражения с субъективными, индивидуальными, средовыми, неофициальными. Социализация индивидуального, объективизация субъективного, провоцируемые периодами общественного накала и передаваемые средствами, в том числе суффиксально-оценочных, экспрессивов, ставят исследователя перед вопросом о социальном аспекте и компоненте подобных форм в языке. А тем самым, в дальнейшем, с опорой на различие этого и других аспектов и компонентов, предполагают вопрос о системе оценочных категорий, отображаемых в экспрессивах и обусловленных, как прямо, так и не прямо, природой субъектов речи и социальных сред.

Социально ориентированная оценочность связывается, едва ли не в первую очередь, с обозначением лиц, на что обращает внимание также Н.С. Валгина, говоря об активных процессах современного языка, и что находит свое отражение в суффиксальных образованиях [Валгина 2003: 149]. По наблюдениям А.М. Селищева над «языком революционной эпохи» (1917-1926 гг.), такими образованиями часто становятся образования с уменьшительными суффиксами, способные выразить «ироническое, вообще отрицательное отношение к предметам или явлениям». [Селищев 1928: 151] Уменьшительность, связываемая с умалением, уничижительностью и следующие из этого презрение, пренебрежение обуславливают, по замечанию А.Б. Пеньковского, «не отрицательную оценку, а обесценение». [Пеньковский 2004: 76] Тем самым, оценочность, так или иначе, обуславливается характером субъективно интерпретируемой значимости, воплощающей себя через представление о норме и шкале оценок, неразрывно связываемой с природой объектов и развертывающейся в сторону увели-

чения и уменьшения количества данного признака (см.: [Вольф 2002: 48-49]).

Величина, количественность, единичность и/ли собирательность, передаваемые суффиксами, в соединении с природой обозначаемых словами объектов, с «нормативными» представлениями о них, способны служить параметрами передаваемой оценки. Так, нейтральные обозначения *солдат*, *матрос*, *офицер* в соединении с суффиксами – *солдатня*, *матросня*, *офицерня*, *офицерьё*, *солдатик*, *матросик*, *офицерик*, *офицерок*, *солдатушка*, *солдатишка*, *матросишка*, *офицеришка* – становятся характеризующими. В силу уничтожающей различия собирательности (-ня, -ьё), уничижающей уменьшительности (-ик, -ок), пренебрежительной фамильярности (-ишк-), по отношению к тому отдельному (*солдат*, *матрос*, *офицер*), воспринимаемому и действующему в расчлененном, организованном множестве (*солдаты*, *матросы*, *офицеры*), которое, передаваясь в виде нерасчлененной массы (*солдатня*, *матросня*, *офицерня*), выглядит недостойно; а в силу значения, в нем заключенного ('обеспечивающий общественную защиту и безопасность мужчина, взрослый, опытный, зрелый, находящийся, по роду деятельности, вне системы родственных отношений'), не предполагает экспрессии, уместной и употребительной в сфере семейной и бытовой (ср.: *ребятня*, *детвора*; *бабьё*, *мужичьё*; *братик*, *внучек*, *сынок*, *сынишка*, *братишка*, *плутишка*, *лгунишка*, *шалунишка* – оценочные, но по-другому).

Из этого следуют, применительно к социальным аспектам оценки, позиция, роль, отношение – равного к равному или неравному и зависимому, и сфера – свое / несвое, домашнее и семейное, родственное и близкое или чужое, общее, внешнее по отношению к знакомому и домашнему миру.

Не претендуя на далеко идущие обобщения, поскольку их можно было бы сделать только в системе целого значений и видов оценки, обратим внимание на одну характерную, по крайней мере для русского языка, черту – связанность (точнее историческую выводимость) ряда экспрессивно отмеченных суффиксальных образований с представлениями социального низа.

Сказанное касается в первую очередь ряда образований с суффиксальными морфами -к(а) и -ишк-. Известные и типичные формы зачина челобитного обращения, построенные по схеме «такому-то и такому такой-то и такой-то рабски, низайше челом бьет» в первой части имеют, как правило, полную и развернутую форму имени, титула, с соответствующими определениями и эпитетами, уважаемого и старшего по положению, воз-

расту и родственному отношению лица, в то время как во второй – сокращенные и *к*-суффиксальные формы, с определениями другого рода (*убогий, жалкий, грешный, недостойный, вечный раб твой* и пр.):

«Гсдрю моему свету млстивому ко мне ко[р]ми[ль]цу дядюшке Василью Володомеровичю вечной и неотступной раб племян|ничишко твои Федка Бородин рабски челом бью...»²⁷ [Грамотки 1969: 10]

Дядюшка и племянничшко, Василь Володимирович и Федка Бородин; если у дядюшки – дом, с ближними и с детьми, у племянника – детишки, домишко, женишка (жена), сынишка Мишка:

«а изволишь гсдрь мои о мне вскормленике своем напомним и я в Кузмодемьянску з женишкою и з детишками... по том тебе гсдрю своему и сншком Мишкою рабски челом бью гсдрю моему дядюшке». [Грамотки 1969: 10]

Суффиксальное различие положения, точнее подчеркнуто уважительного отношения младшего к старшему, переходит с обозначения лиц на то, что имеет к каждому из них отношение, оставаясь в пределах дома – дети, чада и домочадцы, дом, или того, что такое соотношение, от младшему к старшему устанавливает и передает, отмечая его позицию просящего и зависимого:

«к тебе гсдрю своему и послал в великой пость рыбки небольшое осетрь да лосос свежие и то принятол или нет про то гсдрь мне ни от ког не ведомо»; «пожалуи гсдрь не презри ншего прошенишка». [Грамотки 1969: 13]

Суффиксации с помощью *-к-* и *-ишк-* подвергается весьма ограниченное число лексических единиц. Практически это те слова, которые были указаны – обозначения лиц в их прямом отношении к пишущему как его детей и жены, т.е. те, кто составляет с ним его родовое семейное целое, принадлежит ему по закону и праву, своего рода его социальное Я, а также то, что, исходя от него, обращено к адресату, старшему и уважаемому, в данном случае дядюшке. В этом отношении показательны два последних примера – *не презри нашего прошенишка* (от меня, подчиненного, просящего, недостойного, к тебе, моему благодетелю, старшему и достойному) и *рыбки небольшое* (по-видимому, количество или число). А *рыбка* эта – осетр да лосось, т.е. рыба не маленькая, но дело не в величине, дело в том,

²⁷ Цитируется без ятей и ук.

что она от меня тебе, т.е. как форма передает отношение, становясь проявлением моего тебе услужения и внимания как к старшему. Для ряда форм, передаваемых суффиксом *-к-*, такое значение обнаруживает тенденцию к лексикализации (*девка* ‘прислужница’, *дядька* ‘воспитатель, прежде всего крепостной’, *мамка* ‘кормилица’). Такие употребления закрепляются как самостоятельные значения, в современном языке устарелые.

Явление это, в целом достаточно хорошо известное, обращает на себя внимание еще двумя, уже мало знакомыми, сторонами. Во-первых, для каких корневых основ и каких лексем оно характерно, поскольку затрагивает очень узкую группу слов? А во-вторых, как меняется, в какую сторону и в какое значение в современном языке переходит, что начинает обозначать, для сохранившейся *к-*суффиксальной формы, то, что как устарелое фигурировало в лексеме как семантика услужения, зависимости, социального низа и подчинения. Сохраняется ли она или полностью исчезает и, если не исчезает, то будет ли иметь отношение к интересующему нас социальному компоненту и, если да, то какой принимает для современного языкового состояния вид?

Прежде чем поискать ответ на эти вопросы, стоит, как представляется, обратить внимание, в связи с формами с суффиксом *-к-*, еще на некоторые особенности, имеющие отношение к рассматриваемому предмету. С одной стороны, действующая как схема и для современного языкового сознания четко осознаваемая и закрепленная пара – герои гражданской войны и народные образы *Василий Иванович* (Чапаев) и *Петька* (не *Петр*); *Петька* и *Анка* (пулеметчица, не *Анна*); а также *Павка* (Корчагин), наряду с *Павел*; *Данька* (не *Даниил*, из фильма «Достояние республики»); герои Отечественной войны *Любка* (Шевцова), *Серезжка* (Тюленин), но *Уля* (не *Улька*) Громова, *Олег* (не *Олежка*) Кошевой. С другой, такие использования личных имен в значении нарицательных, характерные для дореволюционной России, как *Ванька* ‘извозчик’, *Васька* ‘мальчик на побегушках’, *Филька* ‘слуга’, *Параска*, *Палашка*, *Малашка* ‘дворовая или сенная девушка’, *Гапка* ‘девка из простонародья’, с переходом на животных – кот или козел *Васька*, кошка *Мурка*, коза *Машка* и даже предметы – *васька* ‘подставка для разувания сапог’, *котька* ‘денежная купюра с изображением императрицы Екатерины II’, *бабка* ‘копыто у лошади; сдоба’, *девка* ‘у поморов – подставка на барках’, *фомка* ‘лом’. И, наконец, третье свидетельство, своего рода социализирующей, значимости привычно экспрессивных для современного представления суффиксов: «С подросткового возраста Д. [де-

вушку] начинали звать по имени, сначала с уменьшительным суффиксом *Машка*, затем с аугментативным *Маиуха*, затем только полным именем *Марья*.» [Славянские древности 1999, 2: 37]

Приведенные в трех группах примеры отчасти дают возможность увидеть динамику вертикали, во времени, и горизонтали, в связи с другими значениями, семантического развития суффиксов субъективной оценки в отношении социального компонента, а отчасти ставят очередные вопросы. Пара *Василий Иванович* и *Петька*, а затем *Петька* и *Анка*, закреплены в языковом сознании именно в этих формах. Трудно себе представить Чапаева под именами *Васька*, *Вася*, *Василий* или, скажем, *Иваныч*, а *Петьку* и *Анку* – как *Петр*, *Петруха*, *Петрушка*, *Анна*, *Аня*, *Анюта*, *Нюра* или как-то еще. Значимость формы следует, как нетрудно заметить, из субординации отношений – *Василий Иванович*, потому что он командир, руководитель, начальник, а *Петька*, поскольку он его ординарец. Но можно ли было бы сделать вывод из этого, что первоначальное социальное противопоставление верха и низа переходит в языке XX века в противопоставление административного подчинения? Такой вывод был бы неправомерным.

Сказанное касается формы *Василий Иванович*, по имени-отчеству принято называть старших по возрасту и положению, в том числе и начальников, руководителей, неофициально также и командиров. Формы же типа *Петька* и *Анка* отнюдь не свидетельствуют о подчиненности лиц по званию, рангу, профессиональному и социальному положению. До начала 20-х гг. XX века свидетельствовали, потом уже нет. Не сохраняются ли тогда в этих формах черты предыдущего состояния по инерции, тем более вероятной для переходного периода гражданской войны, что в отношении формообразовательных оттенков значения суффиксов не ощущаемой?

Однако и это решение не представляется удовлетворительным – на фоне *Павки* Корчагина и *Даньки*, других героев гражданской войны, в паре со старшими не выступающими, и отмечающими в себе тенденцию иного рода. Чем отличается форма *Павка* Корчагин от *Павел* Корчагин для того же лица? Или *Любка* Шевцова от *Любови* Шевцовой, *Сережка* Тюленин от *Сергея* Тюленина? Поскольку в романах и в языковом представлении эти герои и фигурируют, и существуют, в отличие от *Петьки* и *Анки*, в обеих формах своих имен? Дело, как представляется, тут не в том, что они молодые, по крайней мере, не только в том (*Ульяна* Громова, их ровесница, почему-то не стала *Улькой*).

Приведенное в цитате из словаря «Славянские древности» представление о возрастной и фазовой отмеченности уменьшительного суффикса -к- (фаза первой инципирующей ступени, за которой следует форма с -ух(а) и только потом, на третьей ступени, полная форма) следовало бы, расширив, вывести в плоскость иной системы соотношений. В рассматриваемых формах с -к- актуализируется первая ступень, первая фаза, но не возраста инициации, а степени близости к говорящему и адресату. Формы *Павка*, *Любка*, *Серезка* ближе для восприятия и понимания слушающего, читающего, пишущего и говорящего, чем *Павел*, *Любовь*, *Сергей*. Там и тогда они ближе, где, по контексту и отношению, близость эта актуализируется. Однако не просто ближе, и это следует подчеркнуть, а социально ближе – как представители простого народа, близкие и свои. Включается, тем самым, аспект социализирующей позиции наблюдателя, имеющей отношение к личной сфере говорящего, которая, будучи подвижна, „в некоторых ситуациях ... расширяется настолько, что в нее входят и незнакомые говорящему люди, его «ближние»”. [Апресян 1997, 293]

Поскольку личная сфера говорящего устроена как бы кругами, имея свое ядро и постепенно отдаляющуюся периферию, она способна, заключать в себе идею фаз, или ступеней близости. Как самое ближайшее для нее в языке XX века формируется представление о социально близком, о своем, опирающееся, с одной стороны, на -к(а) зависимого и низов (*Ванька*, *Васька*, *Филька*), а с другой, на фазовость начала, первого (*Машка – Машуха – Марья*). В 20-х гг. XX века в этом значении акцентируется компонент ‘свой, поскольку простой и из трудового народа’ (*Павка* Корчагин, *Петька*, *Анка*), на базе которого в дальнейшем (30-40-е гг.) усиливается значение ‘близкий (нам) по (общей) цели, по духу, по идеологии, свой герой и герой как все остальные, не выделяющийся и не отрывающийся от масс’, с тем чтобы в 50-60-х гг. акцентировать семантику ‘свой – как мое второе я, мой герой, тот, кто мне близок по духу – как друг и брат, тот, кому можно поверить самое сокровенное’ (ср. подчеркнуто проницательные формы *Серезка* с Малой Бронной и *Витька* с Моховой Булата Окуджавы).

Указанная семантика, точнее одно только ее направление, один вероятный путь, развивалась в синтетическом объединении признаков, с нейтрализацией и переоформлением одних и усилением других компонентов. Та социальная экспрессия, о которой писал В.В. Виноградов в связи с именами собственными, становившимися нарицательными, с ее пренебре-

жением к простонародью: *пентюх* (из *Пентелей, Пантелей*), *агафон*, *фефела* (*Феофила*), *андроны*, *фофан* (*Феофан*), *фалалей*, *фетюк* (*Феотих*), *Филя* (в *простофиля*), *Филька*, *Яшка*, *Савоська* и т.п. [Виноградов 1999: 501, 578, 580], выводится из социально обусловливаемой узуальной ассоциативности личных имен. Но она же, как явление, соотносится и тесно связывается нередко с уменьшительной (-к-) или увеличительной (-ух-) формой, обусловливаемой в узусе также и социально.

Социальная экспрессия способна меняться, будучи обусловлена преобладающим для данного времени (нередко идеологически ангажированным) типом позиции говорящего. Различие этих типов порождает возможность различного, вплоть до противоположного, экспрессивного насыщения суффикса. *Вор Гришка Отрепьев*, *Гришка-Расстрижка*, как в песне о нем [Астахова 1951, II: 43], а с ним и *Маринка Юрьюрьевна* (Мнишек), как и *Скорлутка вор Скорлатого сына* (см. [Пеньковский 2004: 377]) – потому что вор и злодей, лже-герой, присваивающий себе не свое, лезущий из низов наверх, стремящийся взять, получить, присвоить по социальному положению ему не положенное (как в пословицах *Не по Сеньке шапка* или *Пустите Дуньку в Европу*). Потому-то и царь – *Бориска* (Годунов), поскольку не царских кровей, или *Гришка* Распутин (но также, уже без социальной оценки, – *Григорий*).

И наряду с этим, явно окрашенным негативно, другое, вызывающее к себе равным образом двойственное и сочувствующее отношение – разбойники *Ванька Каин*, *Стенька Разин* (также *Степан*, но *Емельян* Пугачев, хотя и выдававший себя за царя, *Емелька* он только в речи представителей социального верха), потому что еще и герои. И позитивное – *Ванька Ключник*, *Васька Шибанов*, в которых -к-, отмечая позицию социального низа и подчиненности своему господину или царю, вместе с тем имеет характер цитированного использования – с позиции, в речи господ. От пренебрежения к вору, присваивающего чужое, в том числе имя (*вор* здесь от слова *врать*) и унижения человека-раба, через сочувствующее отношение к героизму униженного – будь то до смерти преданный своему господину и назначению раб и слуга (*Ванька Ключник*, *Васька Шибанов*) или сопротивляющийся тому и другому разбойник, борец с социальной несправедливостью, развивается в XX веке сначала позитивно окрашенное отношение к герою как своему, социально близкому, а затем, во второй половине того же столетия – как к человеку близкому – ближайшая позиция в личной сфере говорящего.

Показательно и не случайно также и то, что значение ‘свой, ближайший’ присутствовало в формах, отмечавших низ, того, кто обслуживает, слугу – *девка* ‘дворовая, горничная’, *дядька* ‘воспитатель мальчика в барском доме’, *мамка* ‘кормилица’, *Васька*, *Филька*, *Фомка*, *Яшка* и пр. – не просто слуги, но свои, ближайшие среди крепостных, те, кто ближе других, свои и одновременно младшие, опекающие и заботящиеся. Также как кошка *Мурка*, кот или козел *Васька*, коза или корова *Машка* – свое животное, близкое, самое близкое из всех остальных.

Модель перехода отмеченных экспрессивных смыслов для суффикса -к- можно было бы передать в последовательности двух совмещенных линий: 1) социальный низ – слуга, подчиненное – предмет-орудие и 2) младшее по отношению к старшему – первое в возрастной иерархии – первое близкое и свое, с реализующей себя в языке заменой, обусловленной социальной позицией говорящего, оттенка презрения, пренебрежения, осуждения сочувствием и включением в ближайший круг своего.

Объем не позволил сколько-нибудь подробно представить затронутую проблему, емкую и не исследованную по своему существу. В заключение хотелось бы еще раз обратить внимание на соединение в суффиксах субъективной оценки экспрессивных признаков социального, возрастного, семейного, родового, зависимого, младшего, меньшего, своего, а также значений характера действия и назначения объекта по отношению к называемому лицу. С этим последним и связывается отчасти выборочность круга соединяемых с суффиксами основ: *девка*, *дядька*, *мамка* содержат смысл, который такие, как *тетка*, *бабка*, *дедка*, не называющие в одном из своих значений человека зависимого или слугу, не имеют, хотя и полностью совпадают с первыми как суффиксальные формы. Однако это предмет уже отдельного разговора.

2005 г.

Литература:

1. Апресян Ю.Д.: *Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира*. // Семиотика и информатика. Вып. 35. Москва, 1997, с. 272-297.
2. Астахова А.М.: *Былины Севера*. Т. II. Москва – Ленинград, 1951.
3. Валгина Н.С.: *Активные процессы в современном русском языке*. Москва, 2003.
4. Виноградов В.В.: *История слов*. Москва, 1999.
5. Вольф Е.М.: *Функциональная семантика оценки*. Москва, 2002.
6. *Грамотки XVII – начала XVIII века*. Москва, 1969.

7. Карцевский С.И.: *Язык, война и революция.* // Он же: *Из лингвистического наследия.* Москва, 2000, с. 215-266.
8. Ляшевская О.Н.: *Семантика русского числа.* Москва, 2004.
9. Пеньковский А.Б.: *Лексикографические пометы терминов субъективной оценки.* // Он же: *Очерки по русской семантике.* Москва, 2004, с. 73-83.
10. Пеньковский А.Б.: *Русские персонифицирующие именованья как региональное явление языка восточнославянского фольклора.* // Он же: *Очерки по русской семантике...*, с. 370-394.
11. Селищев А.М.: *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926).* Москва, 1928.
12. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь.* Т. 2. Москва, 1999.

Суффиксальные образования с *-л(а)* существительных как формы субъективирующего отображения лиц

В самом начале, в качестве предварительного и подводящего уточнения, видится необходимым дать пояснение отмеченному в заглавии, чему, собственно, будет посвящена работа и о чем пойдет речь впоследствии с привлечением материала и более полным и основательным представлением. При этом, если в отношении суффиксальных образований с *-л(а)* существительных особого предварения не потребуется, поскольку это слова типа *мазила, громила, вышибала, запевала* и пр., описываемые в грамматиках как образованные от глаголов разговорные и просторечные, в основном экспрессивные, обозначения лиц и, как правило, общего рода, то вторая часть указанного пояснения требует.

Что и почему мы будем, определяя отмеченным образом, называть под формами субъективирующего отображения лиц? Вопрос этот видится для предлагаемой работы принципиально важным и не случайным.

Особенность указанных образований, с позиции стилистической, помимо отмеченной разговорности, заключается в том, что определяются они как слова-характеристики²⁸, как такие, которые, будучи произведенными от глаголов, содержат в качестве обязательного компонента отрицательную оценку действия²⁹. Выделяя среди таких существительных слова «узуальные (типа *объедала, мазила, надувала, надоедала, судила, зубрила, заводила, дрýchала*) и существительные, реализующие потенции этого типа (*приставала, скулила* и т.п.)», Е.А. Земская отмечает, что, применяясь в наиболее типичных и узуальных случаях «для наименования лиц по действию, отрицательно оцениваемому говорящими», они вместе с тем в живой разговорной речи, как употребления не узуальные, «могут использоваться как средство шутки: Ты у меня *прибирала*/ а я буду *покупала*// Согласна? ... У нас есть специальные *выступалы*// ... Чего ты развопился? ... (иронич.) Какой *вопила*//»³⁰.

В связи с чем возникает вопрос об их общей природе. Всегда ли это характеризующие слова, или слова-характеристики? Всегда ли и исключительно ли негативно оценочные? А если нет, то что за ними может стоять?

²⁸ Е.А. Земская: *Словообразование как деятельность*. Москва 2009, с. 66.

²⁹ Е.А. Земская: *Словообразование*. В: Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев: *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. Москва 1981, с. 95.

³⁰ Там же.

Сфера их воспринимается как такая, которая, предопределяясь особенностями форманта³¹, связываясь с не литературными в строгом определении формами языка, с живой разговорной речью в открытых ее проявлениях, предполагающих выход как в просторечие, так и в жаргоны и сленг, сопровождаясь эмоциональностью, экспрессивностью, аффективностью, предполагает не столько номинативный, сколько оценивающий и субъективный характер. Слова подобного рода, относясь к составу средств экспрессивного словообразования³², используются говорящими в речи (на что обращают внимание многие авторы) не столько для называния предметов и лиц, т.е. в исходно номинативной функции, сколько для передачи с их помощью своего отношения, выражения чего-то помимо и сверх, т.е. сопровождающих номинацию коннотаций.

Вместе с тем, используясь в функции, называемой экспрессивной, позволяющей говорящему в употребляемом им слове нечто выразить и передать, это передаваемое нечто далеко не единственным образом и далеко не всегда дополнительно укладывается, по нашему представлению, в то, что принято обозначать как субъективное отношение. Субъективным, равно как и отношением, оно, несомненно, является, но если глубже и более основательно, присматриваясь к имеющемуся материалу в различных его проявлениях, а не только поверхностно описательно, подходить, это лишь часть того, что в словах подобного рода можно, в том числе и исходно, до употребления в речи, отметить. Так же как и экспрессивность и сниженность, будучи достаточно общим для них представлением, видимо, требуют необходимого уточнения. Всегда ли это экспрессивность и сниженность, опуская вопрос о том, какими они могут быть и что собой представляют?

То самое нечто, что говорящий с помощью слов подобного рода, в конечном счете, передает, далеко не всегда к тому же и вовсе не обяза-

³¹ Форманты подобного рода определяются как специфические для разговорной речи: «В РР нет специфических приставок, но функционирует целый ряд специфических суффиксов. Основная особенность этих суффиксов – экспрессивность и сниженность». (Там же, с. 82) Разбираемый нами суффикс относится к транспозиционным (переводящим слово из одной части речи в другую) и становится в ряд таких, как -'аг(а): здоровяга, миляга, шустряга; -'уг(а): толстюга, жирнюга, хитрюга; -'иш: глупыш, крепыш; -ак: слабак, серяк; -ач: тонкач; -ух(а): большуха, вруха; -ул'(а): вреднуля, капризуля; -ах(а), -ох(а): забываха, растеряха; выпивоха, пробивоха; -л(а): прибирала, заводила, мазила, приставала. (Там же, с. 111)

³² «Экспрессивным словообразованием мы называем ту сферу словообразования, которая отражает столь свойственную РР [разговорной речи] тенденцию к повышению эмоциональному, аффективному способу выражения ... охватывает в первую очередь ту область словопроизводства имен существительных и прилагательных, которую принято называть "формы субъективной оценки"». (Там же, с. 86)

тельно связывается с его субъективным намерением. И это заложенная в языке привычная, себя повторяющая и понятная закономерность. Используя то или иное слово, построенное по модели, имеющейся в языке, но по модели потенциально нагруженной, предполагающей заряженность дополнительными характеристиками, включенной в какой-то специфический ряд и потому ангажированной, говорящий не столько передает то, что по данному поводу думает, как воспринимает обозначаемое им явление или объект и как к ним относится, сколько вольно или невольно присоединяется к существующему в несознании говорящих регулятивному полю. К чему-то, что, проявляясь в словах, находится вне их и, собственно, вне языка, но что составляет, разыгрывая себя в ситуациях коммуникативного взаимодействия, существенную их особенность. И заряженных этим слов, и предоставляющего подобного рода возможность в различных формах своего проявления языка, и, соответственно, коммуникативного взаимодействия в различных его ситуациях.

Определить это нечто, но только отчасти, можно было бы словом *регистр*, если не вкладывать в это понятие представления о коммуникативных типах речи, принятого в коммуникативной грамматике, или трех речевых регистрах, репродуктивном (изобразительном), информативном (сообщающем) и генеритивном (обобщающем) с их подрегистрами³³, а обратиться к "музыкальному" пониманию, причем, скорее, в инструментально-органном, его проявлении³⁴.

То, о чем речь, и также только отчасти, можно было бы определять и как *модус*. И опять же, если не опираться на принятое в языкознании сугубо синтаксическое понимание модуса в противопоставлении *диктум* (Ш. Балли) и *пропозиции*, как объективного содержания в сообщении, субъективной его переменной, выражающей «отношение значения предложения к

³³ Г.А. Золотова: *Говорящий и текст*. В: Г.А. Золотова, Н.К. Ониненко, М.Ю. Сидорова: *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва 1998, с. 29-30.

³⁴ Ср. *регистр*: «участок звукового *диапазона* муз. инструмента или певческого голоса, занимающий определенное положение по высоте (обычно различают высокий, средний и низкий р.)», а также «в муз. инструментах – группа труб (напр., в органе) или язычков (в фисгармонии, аккордеоне и т.п.) одинакового тембра». Соответственно, *диапазон*: «звуковой объем певческого голоса, муз. инструмента, звукоряда, мелодии и т.п., определяется интервалом между самым низким и самым высоким звуком голоса, инструмента и т.п.», а *тембр* – «окраска или характер звука голоса, муз. инструмента, зависящие от того, какие *обертоны* сопутствуют основному звуковому тону». *Обертоны*: «ряд дополнительных тонов, возникающих при звучании основного тона (и звучащих выше его), придающих звуку особый оттенок или тембр, позволяющий отличать, напр., один голос или муз. инструмент от другого (ср. *унтертоны*)». *Унтертоны*: «ряд дополнительных тонов, возникающих при звучании основного тона (и звучащих ниже его)». (*Словарь иностранных слов*. Москва 1982)

действительности (модальность), оценку достоверности сообщаемого говорящим, коммуникативную задачу высказывания и эмотивное отношение говорящего к сообщаемому»³⁵. В литературе предмета внимание уделяется, в первую очередь, эксплицитному модусу, проявляемому в диалоге³⁶. Особенность не случайная, поскольку языкознание интересуется, в первую очередь, средствами выражения, а не тем, что не выражено и подразумевается или не подразумевается, с отнесением ли его к внутренней речи либо чему-то еще. Имплицитный модус, отмечаясь и выявляясь, оговаривается исследователями в его вероятных значениях, вписываясь в семантику употребляемых слов, однако трудно было бы говорить о его достаточно ясном для них представлении, но не в значениях, сводимых к проекциям субъективной модальности, а в отношении к сфере присутствия и проявлений.

Говоря о модусе и отказываясь, применительно к разбираемому нами предмету, от принятого в исследованиях по синтаксису его понимания как отношения говорящего к высказываемому им же суждению (положению дел), следует вспомнить также логическое представление о модусах силлогизма как его разновидностей, отличающихся количественной (общие или частные) и качественной (утвердительные или отрицательные) характеристиками входящих в него посылок. Вполне понятно, что такое представление о модусе от интересующего нас предмета будет весьма далеко.

Применить затронутое понятие, если все же начать о чем-то таком говорить, можно было бы, опираясь не на логическое и не на синтаксическое о нем представление, а, скорее, на философское. В философии *модус* толкуется как преходящее свойство предмета, которое в одних условиях

³⁵ *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва 1990, с. 401. Н.Д. Арутюнова выделяет на этой основе четыре плана, или типа значений, эксплицитного модуса – перцептивный (сенсорный), модусов чувственного восприятия (*видеть, слышать, чувствовать, замечать*); ментальный – полагания (*думать, считать*), сомнения и допущения (*сомнительно, возможно*), истинностной оценки (*верно, неверно, невозможно, невероятно*), знания (*знать, быть известным*), незнания, сокрытия и безразличия (*не знать, неизвестно, все равно, не существенно*), общей аксиологической оценки (*хорошо, плохо, дурно, скверно*), эмотивный, модусов эмоционального состояния и отношения (*грустно, жаль, противно, радостно*) и волевый, модусов желания и волеизъявления (*хотеть, требовать, приказано, велено*), необходимости (*необходимо, нужно*). См.: Н.Д. Арутюнова: *Язык и мир человека*. Москва 1999, с. 411.

³⁶ По замечанию М.В. Всеволодовой, значения модуса эксплицируются только в ситуации, когда говорящий опасается, что адресат может неправильно идентифицировать имплицитно выраженный модус (М.В. Всеволодова: *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса*. Москва 2000, с. 305); О не эксплицитном модусе Н.Д. Арутюнова замечает следующее: «Во внутренней речи не эксплицируется модус полагания (*думаю, полагаю, считаю*)». (Н.Д. Арутюнова: *Язык и мир человека...*, с. 411); «Порожденный диалогом эксплицитный модус выражает отношение адресата к реплике говорящего» (Там же, с. 409); «...в области модуса и модальности редко рассматривается имплицитное существование субъективных значений». (О.Н. Копытов: *Модус на пространстве текста*. Хабаровск 2012, с. 123)

проявляется, а в других не проявляется, противоположное неотъемлемому, неотчуждаемому свойству его в атрибуте, присущему во всех состояниях и при любых условиях, без которого он не может ни существовать, ни мыслиться. Модус трактуется как состояние, единичное проявление субстанции, как то, что существует в другом и представляется через это другое. Каждый модус включен в бесконечную цепь причин и следствий. Философское понятие модуса подразумевает также способ существования, вид (разновидность) и характер бытия или события. Так, *modus vivendi* – это образ жизни и способ существования тех или иных субъектов; *modus procedendi* – это характер мер, предпринимаемых для достижения цели.

Модус, по Гегелю, есть вовне-себя-бытие абсолютного, совершившийся переход абсолютного в противоположное без возвращения в себя – лишенное целокупности многообразие форм и определений содержания, «прозрачное внешнее», «показывание самого абсолютного». М. Хайдеггер выделял модусы времени («бытие-всегда-уже-в-мире», «забегание вперед», «бытие при»), модусы бытия мира («бытие-в-мире», «бытие с другими» и др.), модусы экзистенции (забота, страх и др.)³⁷.

Тем самым, с одной стороны, регистр, как возможность переключаться и переходить в какое-то более низкое либо высокое, в отношении того, о чем и что говорится, положение, предоставляющее способность для говорящего себя соответствующим образом проявлять, оценивая и воспринимая, и не только оценивая, с этой новой позиции себя и не только себя. А с другой стороны, не только и даже не столько регистр. Поскольку в разбираемом случае мы подходим к процессу общения и говорения, производства речи, с точки зрения не одного лишь обмена и передачи какой-либо информации, что становится не то, чтобы не существенным, но не ведущим и не основным, но и, едва ли не в первую очередь, со стороны исполнения и игры. Исполнения как проигрывания, отыгрывания и разыгрывания принимаемых на себя говорящим ролей. Менее ответственного, более свободного, менее погруженного в смыслы и более расположенного к меньшей серьезности, скажем так, коммуниканта. Или, что также возможно и вполне допустимо, с принятием на себя действующего в каком-либо субколлективе механизма определенных реакций. Реакций на окружение, воспринимаемое и характеризующее и с этим оцениваемое как мало до-

³⁷ О.А. Останина, Д.В. Пивоваров, В.С. Бернштейн: *Модус*. В: *Гуманитарная энциклопедия* // gtmarket.ru/concepts/7016 [дата обращения: 01.11.2017]

стойное для подключения к нему и ангажированного в нем для себя проявления.

Нечто подобное можно увидеть и с этим вывести, на что также обращают внимание исследователи языка, в отношении таких форм речевого субъектного проявления, как жаргоны и сленг. Не любые жаргоны, но те, которые имеют в себе не столько секретную, укрывающую, криптолаллическую, задачу и с этим функцию, сколько коммуникативно-сигнальную, дающую возможность своим говорящим уйти от сдерживающих их в общественно обусловленном проявлении, для них ограничивающих и не всегда принимаемых, а потому неудобных, правил и норм, в коммуникативную сферу раскрепощенного и узнаваемого, эмоционально близкого и приятного взаимодействия, включающего их в круг таких же *своих*.

Такое общение, в этом совместном для тех, кто свои, регистре, будет иметь характер не столько информативного, сколько сближающего и контактирующего, в первую очередь, взаимодействия. Не столько поэтому взаимодействия коммуникативного, сколько включающего, асертивного, имеющего в качестве определяющей и ведущей разряжающую, освобождающую, релаксативную, и неизбежно защитную функцию, предполагающую уход и перенесение-переход. Уход от незащищенного, поскольку общего для всех и, тем самым, открытого, эмоционально и психологически не заряженного, пустого и обедненного, к тому же еще дополнительно ограничивающего, накладывающего свои требования в виде правил и норм, пространства взаимодействия, в принимающую их защищенную нишу, близкую им в эмоционально-потребностном отношении.

Применительно к определенному ранее философскому представлению о модусе такое перенесение и переход будет предполагать не просто способ взаимодействия с остальными в пределах общего с ними ситуативного положения *своего*, но и способ общего с ними существования, как вид и характер в нем, событийного в том числе, бытия. И как *modus vivendi* (образ жизни и способ существования субъектов), и как *modus procedendi* (характер мер, предпринимаемых для достижения целей), и как, по М. Хайдеггеру, «бытие при», в отношении модусов времени, «бытие с другими», в отношении модусов бытия мира, с неизбежными проявлениями модусов экзистенции, снимающими названные им заботу и страх и дающими вместо них и взамен нечто свое и другое, что охарактеризовывать и определять не задача лингвиста.

В таком отношении понимаемый модус следует воспринимать, применительно к средствам общения, поскольку об этом в лингвистике, в первую очередь, речь, как характер предоставляемой в данном жаргоне и сленге (как сигнальном коде и языке) заряженности, ангажированности, аранжированности и наполненности имеющихся в нем и используемых при взаимодействии единиц. Такой их заряженности и наполненности, которые предоставляют возможность, являясь для этого подготовленными и организованными, удовлетворять необходимые, в эмоциональном и психологическом отношении, потребности.

Тем самым, модус, воспринимаемый и понимаемый как некое *поле* (употребим этот термин за неимением лучшего), в которое входит, включаясь в него говорящий, когда уходит или отходит, либо сиюминутно и временно отклоняется, используя ту или иную необходимую ему для данного случая единицу (все здесь сказанное в отношении движения следует понимать метафорически), – тем самым, такое поле, предполагая собственный в своих наборах тембральный регистр, имеет, с одной стороны, стоящего за ним речевого и языкового субъекта, как образ и как модель. В то время как то же самое поле, с другой стороны, не будучи просто эмоционально и психологически заряженным, пронизанным этим зарядом полем, но полем пронизывающим, содержит в своем составе наборы, и не только наборы, а также и регуляторы соответствующего использования, своих единиц. Как обеспечивающие данному говорящему переход к необходимому эмоционально-коммуникативному состоянию.

И тогда упомянутый модус в таком понимании можно увидеть как субъективирующее для говорящего отклонение, предоставляющее ему вместе с тем возможность субъективирующего отображения, как себя самого, так и, через себя самого, и всего остального. Поскольку поле данного его отклонения-модуса не только заряжено, но и составлено для него, насыщено средствами необходимого выражения.

Видимо, не будет чем-то несообразным предположить, что, если не регистр в указанном смысле, то модус у каждого сленгового или жаргонного проявления как языка будет, поскольку способен им быть, свой собственный и специфический, похожий и не похожий на модусы остальных. И это еще одна характеристика модуса, как "отклонения" и *состояния*, – быть похожим и не похожим на другие такие же модусы, составляющие в своей наборе (по Гегелю) «лишенное целокупности многообразие форм и определений», «прозрачное внешнее», через «показывание самого абсо-

лутного». То многообразие форм, которое, в имеющемся для данного национального языка наборе (в коммуникативных его проявлениях), предоставляет возможность своим говорящим входить в них по необходимому выбору для себя, уходя от того, что общественно обязательно, и потом, по реализуемой в результате такого ухода потребности, также и выходить. Процесс, который, что понятно и объяснимо, производится говорящим при соответствующем, допускающем данный регистровый модус, контакте с другими, «бытии при» них, ему близких контактно «других», при посредстве насыщенных и заряженных соответствующим образом единиц речевого, субъективирующего, поскольку также «себя-отображения».

В указанном отношении, не привязываясь строго к терминологии, как, впрочем, и не предлагая ее, руководствуясь мыслью о передаче стоящего за ней содержания в не прикрепленном к единственной форме движении, то, о чем речь, можно было бы характеризовать и как представление о *модуле*. В понимании меры, коэффициента и величины, подводящем к близкому в физике (ср. модуль упругости), математике (модуль перехода как постоянный множитель, на который нужно умножить логарифмы одной системы, при данном основании, чтобы получить логарифмы другой системы, при другом основании), технике (унифицированный узел радиоэлектронной аппаратуры, оформленный как самостоятельное изделие и выполняющий определенную функцию в различных устройствах), строительстве и архитектуре (условная единица (обычно размер одного из элементов сооружения), используемая для координации размеров частей сооружения и всего комплекса, приведения в гармоническое соответствие размеров целого и его частей), а также и астронавтике (составная часть космического корабля, способная совершать самостоятельный полет)³⁸.

С переводом всего того, что выделено нами разрядкой, в системно-функциональную сферу живого и действующего языка как способность того или иного, отклоняющегося от нейтрально не заряженного и не ангажированного чем-то специальным, использования. И тогда такую способность, обеспечиваемую набором предоставляемых для этого средств, в составе этих средств, можно было бы представлять и как модуль.

Как модуль, с одной своей стороны, подразумевая и предполагая, с другой, также то, что, образуясь от так понимаемого *модуля*, подводит к

³⁸ См. определения *модуля* в *Словаре иностранных слов...*, с. 318-319.

мысли о *модуляциях*. В музыкальном их восприятии, как переходах из одной тональности в другую (о чем была речь при регистрах). В том, что, будучи переливами, изменениями высоты и окраски голоса, придает выразительность речи (если не иметь в виду высоту и окраску голоса и не одну только выразительность речи, а понимать под этим изменение и перелив в иное тональное для говорящего состояние). В том, что в физике объясняет себя как «изменение какого-л. параметра периодических колебаний высокой частоты (механических, электрических и т.д.) под воздействием других колебаний существенно более низкой (модулирующей) частоты»³⁹.

Все это также вполне может быть применимо в отношении тех особенностей затрагиваемого языкового объекта, о которых речь. В контекст и русло указанных здесь представлений, вполне в них укладываясь, ложится то, что, определяясь в языкознании как модификации (видоизменения, преобразования чего-л., характеризующегося появлением новых свойств), используется как термин в так называемом модификационном словообразовании, при характеристике словообразовательной модификации, словообразовательного модификационного значения, модификационных суффиксов (суффикса), что может иметь к разбираемому свое отношение. Поскольку, если понимать под словообразовательной модификацией, как указывается в «Русской грамматике», добавление «к основному значению мотивирующего слова некоторого дополнительного элемента смысла», а среди суффиксальных существительных выделять «модификационные значения женскости, невзрослости, подобия, собирательности, единичности; субъективно-оценочные значения; сюда же относятся существительные с суффиксами стилистической модификации»⁴⁰, типа -'аг(а) (*итормяга, ветряга*), -'уг(а) (*жарюга, зверюга*), -ениј(а) (*чепухенция, бумаженция*)⁴¹ и др., – то, с пониманием модификации не только и не единственно как словообразовательного, но и, шире, общеязыкового явления, вполне укладывалось бы все это в то, о чем речь.

Вместе с тем следует помнить, и это будет иметь отношение к разбираемому как материалу, так и предмету, что в словообразовании различаются модификационные и транспозиционные словообразовательные значения. Отличия между ними заключаются в том, что, если первые всегда относятся к той же части речи, что и производящее, то вторые переводят

³⁹ *Словарь иностранных слов...*, с. 319.

⁴⁰ *Русская грамматика*. Москва 1980, с. 183.

⁴¹ Е.А. Земская: *Словообразование*. В: Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев: *Русская разговорная речь...*, с. 110.

его в другую часть речи, ее изменяя. Говоря о них в ключе экспрессивности, Е.А. Земская отмечает, что «Большая часть таких производных [т.е. служащих целям экспрессивизации речи, по ее же определению, – П.Ч.] лишь модифицирует значение производящего. Такие производные выражают разные оттенки положительной или отрицательной оценки (ласку, уничижительность, одобрение и т.п.), а также обозначают уменьшительность или увеличительность, т.е. имеют размерно-оценочные значения. Их принято называть модификационными»⁴².

При том, что и модификационные, и транспозиционные типы равным образом могут служить и служат средствами экспрессивности, они к тому же нередко формально не различаются. Ср. упомянутые ранее -'аг(а), -'уг(а), а также -ух(а), -ул'(а) в таких проявлениях, как *штормяга* (от сущ. *шторм*), *ветряга* (*ветер*), *жарюга* (*жара*), *зверюга* (*зверь*), *житуха* (*жизнь*, *жизнь*), *бабуля* (*бабушка*, *баба*), *мамуля* (*мама*), с одной стороны, и *здоровяга* (от *здоровый*), *миляга* (*милый*), *хитрюга* (*хитрый*), *толстюга* (*толстый*), *большуха* (*большой*), *вруха* (*врать*), *вреднуля* (*вредный*), *капризуля* (*капризный*)⁴³, с другой.

Модификационность и транспозицию, воспринимая как свойство живого и действующего национального языка, следовало бы, видимо, уточнить. Поскольку то, что в словообразовании можно увидеть и наблюдать на основе и в виде формально себя проявляющих элементов, определяя и уточняя их в им надлежащих значениях, в языке в его функционально-коммуникативных проявлениях и связанных с этим действиях все это не будет столь очевидным. При том, что, как представляется и что не будет чем-нибудь неожиданным предположить, то, что обнаруживает себя на суффиксально-морфемном уровне в словообразовании, должно быть следствием и проявлением общего в языке механизма, связываемого с возможностью к видоизменению, преобразованию чего-либо. Механизма, характеризующегося появлением новых свойств при сохранении исходной формы и/или субстанции (модификация), равно как и с изменением ее таковой, с переходом и переводом в некую новую в субстанциональном своем отношении форму либо все тот же регистр (транспозиция).

Если представить в этой связи национальные языки как стереоскопически множественные в функционально-коммуникативных формах своего проявления образования, имеющих для себя типичные смыслы и с ни-

⁴² Там же, с. 109.

⁴³ Примеры взяты оттуда же, с. 110-111.

ми вербальные средства отображения, то названные модификационность и транспозицию можно рассматривать и определять в отношении изменения вида и перехода в ту либо иную подобную "языковую" форму. То, что было и есть предметом стилистики и социолингвистики, исходя из подвижности языка как набора множественных средств выражения при наличии в нем регистров, модусов, модулей, тембров, диапазонов, модуляций и пр. (в указанном понимании), ничто не мешает интерпретировать как "инструмент" (не только обмена-общения), который, давая возможность своим говорящим, "играя" на нем, занимать всякий раз какое-то экспликативное положение, предполагает это как изменение вида с добавлением новых свойств (модификационность) и как переход к какой-либо новой форме отображения (транспозиция).

Связывается все это как допускаемая и реализуемая регулярно возможность с наличием в национальном языке социолектов в виде жаргонов и сленгов (с учетом также и диалектно себя проявляющих свойств) при восприятии их как существующих в нем, и при этом не обособленно, коммуникативно-функциональных форм. Не столько самостоятельно действующих, сколько предполагающих *транспозицию* как способ ухода и/или перехода с обращением для говорящего к чему-то другому, к какому-то новому полю, полю *субъективирующего отображения*, по сравнению с нейтрально используемым языком⁴⁴.

Но не только, поскольку помимо социолектных и диалектных возможностей такой же и переход (транспозицию), и изменение вида с добавлением новых свойств, т.е. *модификационность*, предполагающую, если не поле, то *способ* субъективирующего отображения и с этим заряженности, предоставляют и то, что называют применительно к русскому языку *просторечием*, и то, что определяют словом *дискурс*, научный, публицистический, политический, идеологический, пропагандистский, фольклор-

⁴⁴ В его, необходимо добавить, информативной функции, хотя данное положение следует воспринимать, скорее, как обобщенно теоретическое, имея в виду сопоставление с отражением заряженным и ангажированным, если не прямо и непосредственно экспрессивным. Ср. известное замечание Р.М. Блакара, которое можно повернуть и в интересующем нас отношении: «Произнеся одно-единственное слово, человек, как кажется, вынужден занять «позицию» и «осуществлять воздействие» ... *социальное воздействие* использующего язык *определяется* здесь *по его результатам или последствиям, совершенно независимо от того, является ли результат преднамеренным или нет*». (Р.М. Блакар: *Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте)*. В: *Язык и моделирование социального взаимодействия*. Москва 1987, с. 92) Тем самым, не столько в преднамеренности и субъективной заданности, сколько в изначальном наличии и автоматизме использования языковых средств заключается данное положение как возможность к последующей реализации.

ный, художественный, какой-то другой. И то, в конечном разборе, что в языкознании представляют как средства эмоционально-экспрессивной окраски и субъективной оценки в пределах не только различных в функциональном отношении коммуникативных форм, но и самого общенародного, а с этим и литературного языка.

Все то, в своем результате, что в суффиксальном, в частности, словообразовании, но не только в нем, а также в лексике, морфологии, синтаксисе, обнаруживает себя как проявление исходно имеющегося в языке механизма, поскольку заложенного в природе им пользующегося человека. Как возможность и способ такого вербального и не только вербального поведения и проявления, которые предполагают способность, изображая, повторяя и претворяя для данной задачи и положения, что-либо соответствующим образом отображать, имеющимися в распоряжении говорящего средствами. Передавать при таком своем отображении не только необходимо информативное, но и не исключительно информативное, а также и не информативное содержание, связываемое с движением не только по вертикали вниз и вверх, регистровой либо другой, но и по горизонтали, в различного рода модусные, модульные, полевые, модуляционные и транспозиционные стороны.

Поскольку заложена возможность такого движения и перемещения в видах и способах отображения в самой человеческой природе, модификационность и транспозиция используются говорящими не столько и далеко не всегда как сознательное, сколько как автоматическое, а потому интуитивное и импульсивное действие. Действие, которое следует воспринимать как исходно имеющееся в генеративной и перцептивной базе носителей языка, руководящей процессами порождения и восприятия речи, себя в них проявляющей и обнаруживающей, как ей свойственный, характерный для нее механизм.

Исследователями русского просторечия, а также жаргонов и сленгов, неоднократно отмечалась и отмечается, определяемая ими обычно как коммуникативная, особенность пользователей как носителей соответствующей формы национального языка. Не обязательно носителей в прямом понимании этого слова, но, в первую очередь, тех, кто, прибегая, сознательно или нет, к данной форме языкового отображения, занимает особую экспликативную, скажем так, позицию. В своей речи в целом либо только с помощью и на основе включаемых в свою речь подстандартных средств.

Отмечая особенности просторечной среды в интересующем ее как исследователя коммуникативном аспекте, предполагая стоящего за просторечным высказыванием языкового и речевого субъекта как говорящего, Г.А. Золотова высказывается следующим образом: «Для просторечной среды характерна и бедность речевых ресурсов, и повышенная экспрессивность при крайней ограниченности средств ее выражения, нередко «субстандартных», и неосознанность сочетания разностильных элементов, при отсутствии выбора, да и самой проблемы выбора. ... Такие субъективные факторы, как ослабленная рефлексия, отсутствие интереса к выразительным возможностям языка, материализуются в речевых построениях, где стилистические, смысловые, коннотативные ареалы языковых элементов не работают или достигают эффекта, не предполагаемого говорящими»⁴⁵.

Указанные в приведенной цитате повышенная экспрессивность при ограниченности средств выражения, неосознанность сочетания разностильных элементов, ослабленная рефлексия, отсутствие интереса к выразительным возможностям языка, наблюдаемое в построениях, где стилистические, смысловые и коннотативные ареалы достигают эффекта, не предполагаемого говорящими, – все это, равно как и что-то другое, не одним просторечием обусловленное, оборачивается средствами «расширения стилевого пространства» также и литературной речи. По ее замечанию, «...такие включения, инкрустации, вкрапления, с различными коммуникативно-психологическими мотивациями, наблюдаются и в дружески-фамильярном разговоре, в словесной «игре», шутке, и в деловом выступлении в своем профессиональном кругу, и в средствах массовой коммуникации»⁴⁶, «...их использование обусловлено непринужденностью общения ... чувством языкового доверия к собеседнику, языкового партнерства. Степень привычности их, осознанности их инородного звучания, их экспрессивной роли ... различна в зависимости от уровня языкового развития личности ... В средствах массовой коммуникации ... образ потенциального

⁴⁵ Г.А. Золотова: *Язык и говорящая личность*. В: Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова: *Коммуникативная грамматика...*, с. 16. В.В. Химик, в свою очередь, характеризует просторечие как городскую, массовую, популярную, низкую речь, представляющую собой специфическую сферу «обиходного, устно-разговорного, нелитературного, по преимуществу экспрессивного и часто вульгарного общения». (В.В. Химик: *Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен*. Санкт-Петербург 2000, с.10)

⁴⁶ Г.А. Золотова: *Язык и говорящая личность*. В: Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова: *Коммуникативная грамматика...*, с. 16.

языкового партнера создает стилевыми красками сам говорящий-пишущий»⁴⁷.

В связи с чем правомерен вопрос, точнее два совмещенных вопроса. Если такого рода включения, с различными коммуникативно-психологическими (что следует подчеркнуть) мотивациями, наблюдаются и в дружеском разговоре, и в словесной игре, и в деловом выступлении, и в средствах массовой коммуникации, будучи связаны с непринужденностью, чувством доверия, языкового партнерства, фактически создавая и обеспечивая их, при осознании их инородности, экспрессивности и пр., – то, во-первых, почему все это возможно с помощью подобного рода «субстандартных», будь то просторечных, жаргонных, сленговых, средств? В свою очередь, во-вторых, для чего, ради каких таких, пусть и различных, коммуникативно-психологических мотиваций, в том числе и каких-либо прагматических целей, говорящие к ним прибегают?

Поставив эти вопросы, оставим их без ответа, поскольку не в изучении коммуникативно-психологических и прагматических сторон говорения состояла задача. Их акцентуация необходима была для того, чтобышний раз показать, что, будь то регистры, модуляции, тембры, диапазоны и пр., сводимые к средствам модификации и транспозиции, находятся в том, что содержит в себе таковую возможность. Достижимую изменением вида и приобретением новых, смещаемых, свойств либо свойств, но перемещаемых, в инородное поле и форму. Тех свойств в их отображении в средствах, которые говорящим предоставляют, предполагая, способность занять позицию дружественности, игры, насмешливой пренебрежительности, иронии, доверительности, непринужденности, языкового, равно как и другого какого, партнерства. Позицию, которая, в конечном итоге, может в отдельных своих проекциях, где-то потом, совмещаясь, сходясь, давать представление о говорящем как «не о себе», как об отстраненно «другом» (в его таком *поле* и *модусе*), маскирующемся, наряжающемся и с помощью речи с самим собой и своим собеседником (собеседниками) играющим. Что это как не транспозиция и модифицируемый применяемыми средствами переход?

Исследователи таких форм языка, как сленги и просторечия⁴⁸, отмечая свойственные им общеупотребительность, так и, в целом, открытость,

⁴⁷ Там же, с. 17.

⁴⁸ Форма множественного числа в данном случае значима, обуславливая выделение разных социолектов, относимых исследователями к понятию сленга (молодежный сленг, армейский сленг, общий сленг), равно как и старшего и младшего просторе-

как черты, характерные для той и другой, определяют их часто со стороны экспрессивной, представляя ее нередко как неизменно свойственную особенность⁴⁹. Следующую из условий неофициального, непосредственного и личного взаимодействия в акте коммуникации, предполагающем возможность эмоционального проявления для говорящего.

В наиболее значительной, поскольку едва ли не специфическими чертами самого общения заданной, степени это касается сленга. Многими исследователями отмечается эта его специфичность, обусловленная собственным отношением к разговорной речи, литературному языку, просторечиям, жаргонам, а также и диалектам. Занимая своего рода промежуточное, вбирающее их в себя при заимствованиях и курсирующее между этими формами положение, сленг существует едва ли не в первую очередь для того, чтобы на нем говорящие имели возможность определенным образом

чия, просторечия-1 и просторечия-2 (см. подробно об их различии в работе: Л.П. Крысин: *Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка*. Москва 1989, с. 56-66). С добавлением к этому просторечия-3, сближающегося по своему характеру, а возможно, также тождественного тому, что у разных авторов определяется такими терминами, как *открытое аргю*, *общий жаргон*, *интержаргон*, *общенациональный жаргон*, *общий сленг*, *общенациональный сленг*, *жаргонизированная разговорная речь* и т.п. См. об этом А.Т. Липатов: *Социолекты в их понятийно-смысловом многообразии*. В: А.Т. Липатов: *Сленг как проблема социолектики*. Москва 2010, с. 11-19. О просторечии-3 пишет О.В. Загоровская, замечая об этом следующее: «...предложенное Л.П. Крысиным двухчастное членение русского просторечия уже не вполне соответствует современной языковой действительности ... в современном русском языке в настоящее время активно функционирует еще одна социальная разновидность нелитературного языка, носителями которой являются люди, имеющие законченное высшее образование, но широко использующие в своей речи не только единицы, нарушающие различные виды языковых норм русского литературного словоупотребления ... но и норм морально-этических (грубовато-просторечную, грубую и инвективную лексику). Подобная социальная разновидность русского языка может быть названа «просторечие-3»... так называемый «общий жаргон» ... правомерно рассматривать как особую, специфическую (по признаку происхождения) и инновационную часть современного просторечия, в том числе «просторечия-2» и «просторечия-3»...». (О.В. Загоровская: *Типологические разновидности национального русского языка*. В: „Известия ВГПУ”, № 3 (268), 2015, с. 98) Показателен в этом отношении также взгляд В.А. Салаяева, определяющего *сленг* как промежуточное звено между *жаргонно-арготической сферой* и *общим просторечием*, «особый лексико-фразеологический слой, составляющий основу современного просторечия, который включает слова и выражения, некогда бывшие достоянием ограниченной субстандартной сферы употребления, но впоследствии перешедшие в общий обиход, где подверглись семантической и экспрессивно-стилистической обработке». [Разрядка моя – П.Ч.] (В.А. Салаяев: *Два источника и две составные части русского сленга*. В: Социальные варианты языка. Нижний Новгород, 2002, с. 105)

⁴⁹ А.П. Ондрус, к примеру, эту особенность рассматривает как функцию, определяющую характер подобного языка, подразделяя социолекты на экспрессивные (жаргоны высших слоев классового общества, сленги – военные, студенческие и пр.) и конспиративные (воровское аргю, аргю ремесленников и торговцев, детское аргю). (А.П. Ондрус: *К вопросу о характеристике и классификации социальных диалектов*. В: „Вопросы языкознания”. 1975, № 5, с. 113)

выразиться и через это *выразиться*, присоединившись к имеющемуся в языке речевому потоку, занять насмешливо-ироническое, несерьезное, полусерьезное, отстраняющее и дистанцирующее от называемого положение⁵⁰. Оценить его, в результате, как мало или не слишком достойное, в наиболее общих случаях, сколько-нибудь пристального и привязывающего по этой причине внимания.

Отчасти это позиция мировоззренческая, чтобы не говорить философская, предполагающая, с одной стороны, подмечающе-цепкий, критический и пренебрежительно-снисходительный взгляд на все существующее. При том, что в то же самое время, с другой, позиция эта связывается с внутренней установкой не останавливаться, не задерживаться на том, что говорящего окружает. Не принимать близко к сердцу и не привязываться ни к чему из того, что можно воспринимать как какую-то ценность, в первую очередь в социальном и общепринятом отношении. Но не позиция обесценивания, а, скорее, неприятия системоценностных установлений имеющегося общественного бытия. Неприятия не столько демонстративно-подчеркнутого, сколько раскрепощенно-пренебрежительного и высвобождающего, дающего возможность не втягиваться, не входить, не участвовать, не напрягаться (выражаясь таким языком) и, минуя, походя, пренебрегать.

Отчасти это также позиция психологическая, позволяющая уходить, отстраняясь, от накладывающих ограничения общественных установлений и норм. Но уходить, солидаризуясь с другими, входя с ними в поддерживающий и, тем самым, защитный контакт. С теми, кто, занимая ту же позицию и так же смотря на вещи и к ним относясь, использует при общении тот же распознаваемо значимый для своего окружения язык.

Реализует себя эта позиция насмешливого отстранения с помощью средств-экспрессивов, заряженных необходимым для этого эмоционально-и концептуально-оценочным образом. Говоря об этой черте, А.Т. Липатов

⁵⁰ Ср. в этой связи хорошо известное в литературе вопроса и едва ли не наиболее точное и полное определение сленга В.А. Хомяковым, подчеркивающее его связь с просторечием: «Общий сленг – это относительно устойчивая для определенного периода, широко распространенная и общепонятная социально-речевая микросистема в просторечии, весьма неоднородная по своему генетическому составу и степени приближения к фамильярно-разговорной речи, с ярко выраженной экспрессивной коннотацией вокабуляра, представляющей часто насмешку над социальными, этическими, языковыми и другими условиями и авторитетами». (В.А. Хомяков: *Три лекции о слэнге*. Вологда 1970, с. 39) Важно и то, что это общепонятная и широко распространенная (в отличие от жаргонов) система, и то, что социально-речевая, и неоднородная по составу. Существенна ее близость с фамильярно-разговорной речью и, безусловно, если не в первую очередь, ярко выраженная экспрессивность, связываемая с насмешкой над социальными, этическими и языковыми авторитетами.

отмечает, что при сходстве семантико-стилистических признаков у сленга и просторечия, таких, как уничижительность, пейоративность, эмоционально-экспрессивная коннотативность, «эмоциональная насыщенность у сленга все-таки особенная: она выступает здесь в форме грубоватой экспрессивности, иронически-пренебрежительной или шуточной образности»⁵¹.

При этом, что показательно и не случайно, исследователь интерпретирует сленг одновременно в социально-коммуникативном и индивидуально-личностном отношениях, определяя его как «нестандартный элемент социолекта и идиолекта», представляющий собой «фрагмент лексики национального языка»⁵². Иными словами, как средство группового распознаваемого выражения и проявления, общего у данного говорящего с другими, и вместе с тем своего для себя, самовыражения и проявления, основанных на общеупотребительном языковом материале, который, используя, служит эмоционально-экспрессивным задачам преобразующей переработки.

Применительно к обозначаемой им, как он это называет, «образно-выразительной, метафорической и синонимической сущности сленгизмов-экспрессем», к видам подобной переработки А.Т. Липатов относит «И окказиональное словотворчество с целью создания экспрессивов; и преднамеренное искажение, деформацию исконной формы узуальных слов, служащих моделью для вновь создаваемых сленгизмов; и использование экспрессивно выраженных иноязычных лексем, приспособленных для речевой коммуникации; и усиление коннотативного эффекта в узуальных лексических единицах», что и «присуще широкому спектру экспрессивной деривации»⁵³.

Мы не случайно в качестве подтверждения развиваемой мысли привлекли столь развернутую цитату. С тем чтобы лишний раз обратить внимание на то, что сленг как форма речевого отображения и выражения существует как средство особого рода экспрессии, и эта экспрессия, заданная ранее определенной позицией и отношением говорящего, реализует себя в перечисленных способах деривации. Различного рода преобразованиями исходной формы существующих узуальных слов, их переделками, в том числе словообразовательными и семантическими, не говоря о помещении

⁵¹ А.Т. Липатов: *Сленг как речевое явление маргинальной подсистемы языка*. В: А.Т. Липатов: *Сленг как проблема социолектики...*, с. 72-73.

⁵² Там же, с. 73.

⁵³ Там же.

их изначально в насмешливо-иронический и пренебрежительно-отстраненный контекст, указанная коммуникативная цель, соответственно, и достигается.

На эту особенность указывает также В.В. Химик: «Сленг – это практически открытая подсистема ненормативных лексико-фразеологических единиц разговорно-просторечного языка, его стилистическая разновидность, или особый регистр, предназначенный для выражения усиленной экспрессии и особой оценочной окраски (обычно негативной)»⁵⁴ [разрядка моя – П.Ч.]. Для того, чтобы понять, что такое и чем является, собственно, сленг, как разновидность и как регистр разговорно-просторечного языка, получается, следует выявить, что это за особый регистр, предназначенный для какого рода экспрессии и особой, обычно негативной, оценки. Без опоры на материал, в теоретическом повороте и отношении, этот особый регистр, усиленную экспрессию и особого рода оценочность можно представить в виде проекций упомянутой ранее мировоззренческой позиции, следующей из психологически обусловленных сопровождений.

Сказанное неизбежно подводит к мысли о том, что, будучи открытой и проницаемой системой, потенциально заимствующей и вбирающей в себя все, что можно из общеупотребительного и общепонятного (хотя и не только) ради достигаемого эффекта преобразовать, сленг становится объективно тем "языком", в котором, смешиваясь, попадающие в него элементы различимы и не различимы. В отношении, необходимо добавить, того, откуда они в нем оказались, и того, в каком преобразованном виде и образе в нем теперь предстают. Узнаваемые, но в новом наряде своем, "знакомые незнакомцы". Собственно говоря, едва ли не в этом особенность сленга и состоит и, пожалуй, на этом и строится его экспрессивная роль, задача и функция, что во многом можно считать чертой типичного для современного города живого речевого употребления.

Поскольку, как уже отмечалось, типичной чертой живого современного городского словоупотребления следует неизбежно считать как взаимопроникновение, так и недостаточно четкое разграничение обусловленных в социальном и стилистическом отношении единиц⁵⁵, для целей дан-

⁵⁴ В.В. Химик: *Поэтика низкого...*, с. 14.

⁵⁵ Говоря об этой особенности, А.Т. Липатов замечает следующее: «В богатом спектре внелитературной лексики переходы и переливы одного стилистического пласта в другой настолько зыбки и неустойчивы, настолько тонки и трудно уловимы, что без достаточной условности не представляется возможным провести между ними линию разграничения. ... Из-за функциональной близости арготизмов, жаргонизмов и сленгизмов ... в условиях речевой коммуникации происходит их постоянное смешение, замена одного другим – и как терминов, и как функцио-

ного рассмотрения этим разграничением, как известной условностью, во многом исследовательской, можно было бы и имело бы смысл отчасти и пренебречь.

Пренебречь, исходя из условий обыденно-повседневного, предполагающего лично не индивидуальный, поскольку типологически общий, но при этом субъективированный характер отображения, маркируемый как в эмоциональном, так и в оценочном отношениях. Что создает, как следствие, такое употребление речевых единиц, при котором они, проходя предварительно коммуникативно и прагматически обусловленную, во имя заданной экспрессивности, обработку, сначала стирают и смазывают, а потом также могут терять, изменяясь, свой специфический, в отношении исходного социолекта, характер.

Отчасти же потому, что подобного рода обработанный их характер может служить и нередко служит все тем же средством оценочности и экспрессивности, при которых вкрапления в повседневную речь элементов, распознаваемых как уголовные, профессиональные, молодежные, просторечные либо др., ощущаемые в речи как таковые, становятся в силу этого своего положения значимыми, приобретая свойственную для них при общем употреблении стилистическую и тоновую, тональную, нагрузку.

По этой причине можно считать, что в живом разговорном и повседневном употреблении в речи, будь то их маргинальный характер, в силу отмеченности «своим для себя языком», а потому включаемый как своего рода "заимствуемый" ради целей им свойственной либо приписанной выразительности, будь то переставший или уже переставший быть таковым, с одной стороны, оказывается одновременно и важен, и не важен. С другой, в свою очередь, он же, в составе и совокупном эмоциональном, оценочном и экспрессивном "звучании" целого, начинает, отыгрывая, исполнять украшающую либо акцентную роль. Для себя характерную, как своим источником, так и не только источником, поскольку в общей речи, а также, возможно, что в данном контексте⁵⁶, предопределенную и обусловленную.

нально-речевых единиц. Поэтому зачастую бывает трудно отличить их друг от друга – и не только носителям языка, но и профессиональным лексикографам». (А.Т. Липатов: *Проблемы демаркации аргю, жаргона и сленга*. В: А.Т. Липатов: *Сленг как проблема социолектики...*, с. 19-20.)

⁵⁶ Применительно к словообразованию на эту особенность современной разговорной речи обращает внимание Е.А. Земская, характеризуя по признаку конситуативности: «Неузуальные слова обычно творятся по требованию данной определенной конситуации. ... их можно назвать конситуативными. ... В РР высоко продуктивны такие производные, в которых со словооб-

Обобщая все до этого в теоретическом повороте представленное, к выбранному для последующего анализа материалу хотелось бы подойти как к живой разговорной стихии, без уточнения, с одной стороны, того обстоятельства, где, в какой именно форме, сленге, просторечии, жаргонах, разговорной речи, может встретиться и типично встречается то или иное слово. Поскольку ничто не мешает предположить, что этой формой потенциально может быть каждая. В то же самое время, с другой, и об этом также уже говорилось, воспринимаемую говорящими либо ими лишь ощущаемую отмеченность слова с точки зрения его источника (в тех случаях, когда это возможно) как слова уголовного, просторечного, молодежного и т.п., имеет смысл, несомненно, учитывать. Поскольку на этой отмеченности, обыгрываясь и включаясь в коммуникативный контекст⁵⁷, может строиться и нередко строится, достигаясь закладываемый в словоупотребление экспрессивный эффект.

В связи с этим назвать ли данное проявление и особенность, характерную для современной живой разговорной стихии, регистром, модусом, стилистической разновидностью или чем-то другим, представляется не суть важным. С таким же и, может быть, несколько большим успехом его можно видеть как нечто похожее, за неимением лучшего, на своего рода тембр⁵⁸ с его обертонами или, еще точнее, унтертонами. Если вкладывать в

разовательным элементом связано лишь какое-то общее значение (например, лица, предмета или действия), а конкретизация этого значения задается конситуацией и контекстом. Вот некоторые типические примеры...: ... Они у меня *августовочки*! (родились в августе); ... Так вы *не норвежились*? (не ходили на неделю норвежского кино)». (Е.А. Земская: *Словообразование*. В: Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев: *Русская разговорная речь...*, с. 71-72) Подобное производство по требованию, в данном месте и в данный момент, без которых значения слова никак не понять, можно рассматривать как еще одну из особенностей повседневного речевого общения. Будь то сленгового, будь то разговорного или просторечно-разговорного, демонстрирующего его мобильную, нормативными ограничениями не стесняемую, открытость, позволяющую подходить к тому, что имеется в языке, как к запасу строительных элементов, используемых как для создания нового, так и для преобразования существующего ради достижения экспрессивно-оценочной цели.

⁵⁷ Имея его в виду, коммуникативный контекст использования, при анализе выбранных единиц мы будем характеризовать их вне допустимо возможных контекстных употреблений, исходя из задачи, поставленной как лексикологическая, исследование в высказываниях и контекстах понимая как нечто другое и самостоятельное, требующее своих подходов и своего операционного "языка".

⁵⁸ Не случайными и показательными в интересующем нас отношении представляются дополнительные и производные значения заимствованного из французского языка слова *timbre*, помимо прямого и первого 'колокольчик; колокол' и второго 'тембр', также 'клеймо, штемпель; печать' и в прилагательном *timbré* 2) 'звонкий, звучный'; 3) *разг.* 'тронутый, придурковатый'. Значения, отображающие то, о чем речь, – отмеченное своего рода 'клеймом' и 'печатью' смещение, тембровый сдвиг, 'звучащего' (в речи) в своеобразную 'придурковатую тронутость', принимаемую как позиция на себя (не вкладывая в эту "придурковатость" никакого негативного

это, говоря метафорически, звучащий насмешливо-отстраненный *прищур*, молодежный *прикид*, надеваемую речевую маску.

Не вдаваясь на данном начальном этапе в подробности, требующие, как уже было сказано, аналитически углубленного приближения к предмету и языковому материалу, однако имея при этом о нем представление, то, о чем речь, было представлено как субъективирующее отображение лиц потому, что, с одной стороны, разбираемые слова (но не только они), затрагивая при своем том или ином употреблении в речи не столько собственно субъективную сферу языкового субъекта как говорящего, сколько связанный с субъективными сферами отражения упомянутый модус, модуль, тембральный регистр. Тот тембральный (остановимся на этом определении) регистр, который, не будучи свойствен и принадлежит субъекту, не проявляясь в типических случаях как *ego* субъективное отношение, соизвучен при употреблении ему, а также автоматичен и импульсивен, позволяя ему как говорящему подключиться к некоему флуктуирующему, модулятивно-тоническому способу выражения. Способу, существующему не в языке, хотя средствами языка обеспечиваемому, а в ментальной и речевой среде какой-либо группы, совместной с ним, или всех говорящих как носителей данного языка.

В то же самое время, с другой своей стороны, подобного рода слова, как в употреблениях в речи, так и до них, не будучи собственно средствами называния (хотя это также им свойственно), сколько средствами определенного экспликативного положения, занимаемого говорящим по отношению к обозначаемому, становятся тем, что дает возможность ему подобное положение воплотить. А тогда то, что они называют, оборачивается способом не столько самого называния, сколько отображения указанного экспликативного положения для говорящего. Что и связывалось бы, в конечном итоге, с позицией, отчасти системоценностной (как отстраненно отталкивающейся), отчасти социально-оценочной, отчасти мотивационной и эмотивной, отчасти какой-то другой (все эти виды и части могут по-разному в употреблениях и в самих единицах себя распределять, что может стать предметом своего рассмотрения), которую, т.е. позицию, используя в своей речи то или иное заряженное соответствующим образом слово, говорящий, намеренно или нет, начинает, в объективном своем результате, отображать. Присоединяясь, что следовало бы, уточняя, добавив, входя,

смысла и лишь имея в виду отход, уход и отклонение от нормы принятого, т.е. все тот же "прикид" и пренебрегающую нормой, снимающую ответственность, освобождающую дураковатость).

подключаясь, к модулятивному полю манифестирующих себя речевых проявлений, внутри которого имеются как свои собственные миниполя, регистры и подрегистры, так и, что неизбежно, свойственные им эмотивно заряженные номинативные смыслы и отношения.

Интересующая нас в аналитическом отношении типологическая модель существительных с транспозитивным суффиксом *-л(a)*, как это было заявлено в самом начале, предполагая указанную возможность для слова субъективированного отображения как экспликативной позиции говорящего, так и его отношения к называемому, будет связываться, наряду с другими факторами, на которые предстоит обратить внимание в последующем, с семантикой производящей основы глагола, от которой данное существительное образовано. Однако прежде чем перейти к рассмотрению производящих глаголов в их семантических характеристиках, влияющих на образуемые существительные, следует сделать несколько предварительных замечаний общего свойства.

Согласно «Русской грамматике» (оттолкнемся в своем описании от содержащихся в ней нормативно-словообразовательных данных), интересующие нас существительные с суффиксом *-л-* (фонемат. *|л|*) могут быть общего, среднего и мужского рода и обозначают одушевленный либо неодушевленный предмет, производящий действие, названное мотивирующим словом, или предназначенный для его выполнения.

В качестве мотивирующих выступают глаголы несовершенного вида, главным образом I и II класса с инфинитивной основой на *-а* (*надувать* – *надувала*, разг., *трепать* – *трепала* и *трепало*, спец.); возможны также отдельные образования, мотивированные глаголами других классов и подклассов: *поддавать* – *поддавала* (прост.), *приставать* – *приставала* (разг.), *стричь* – *стригала* (спец., устар.), *скрести* – *скребло*, *грызть* – *грызло* (спец.), *тянуть* – *тягло*, *сидеть* – *седло*, *стоять* – *стойло*, *бить* – *било*, *мыть* – *мыло*, *мять* – *мяло*.

Среди мотивирующих глаголов встречаются немотивированные, с суффиксальными морфами *-и₁-*, *-ва-*, *-а₃-* (*ловчила*, *сушило*, *покрывало*, *выжимала*). Невозможны образования от глаголов I класса с морфом *-ива-*.

Конечная гласная инфинитивной основы сохраняется везде, кроме слов: *сидеть* – *седло*, *трепать* (языком) – *трепло*, *тесать* – *тесло*, *пойло*, *стойло*, *сверло* (с наложением суффиксального морфа на согласную основы глагола *сверлить*). В *стричь* – *стригала*, *мазать* – *мазила* (разг.), *прихлёбывать* – *прихлебала* (прост.), *опахивать* – *опахало*, *дышать* – *дыхало*,

тянуть – *тягло*, *погрузить* – *грузило* наблюдаются преобразования основ⁵⁹.

Поскольку не все слова в этой группе будут предметом данного рассмотрения, но только такие, которые называют лиц, необходимым видится еще одно важное замечание, дающее возможность, с одной стороны, ограничиться выбранными единицами, а с другой, увидеть и показать их в соотношении с формально себе подобными. Обратимся к «Русской грамматике»:

«Существительные с суф. -л- по формальному и семантическому признакам группируются на два подтипа.

1) «Лицо – субъект действия»: а) «лицо, названное по характерному обычно выполняемому действию», с экспрессией неодобрения: *надувала*, *опивала*, *хныкала*, *заводила*, *громила*, *вортила*, *кутила*, *зубрила*, *ловчила* (все – разг. или прост.); б) «лицо, названное по профессии или занятию»: *меняла*, *зазывала* (прост.), *запевала*, *вышибала* (устар. и прост.); устар.: *стригала*, *трепала*, *подсыпала*, *подметала*.

2) «Орудие, приспособление для производства действия»: *поддувало*, *черпало*, *пугало*, *мерило*, *точило*, *давило*, *бродило*. Сюда же – некоторые спец. и прост. названия частей тела: *дыхало*, *правило* ‘хвост’, *нюхало* ‘нос’, *хлебало* и *хапало* ‘рот’.

Отдельные образования называют помещения (*стойло*); животных (*прилипало* и *прилипала* – рыба), совокупность предметов (*тягло*, с.-х.). Семантически обособлено *начало*. Некоторые глаголы дают образования разных подтипов: *трепло* и *трепало* (оба – лицо и приспособление), *прилипала* (лицо) и *прилипало* (животное).

Слова 1-го подтипа – II скл. общ. р., кроме слов муж. р. *меняла* и *строчила* и сред. р. *трепло*, относящегося к I скл. Все слова 2-го подтипа – сред. р. I скл.

Примечание. В просторечии сущ. 1-го подтипа могут выступать также как слова муж. р., имеющие в некоторых формах флексии I скл.: *дурило*, *чудило*, *хныкало* при обычных *дурила*, *чудила*, *хныкала*...»⁶⁰.

Первое, на что следует обратить внимание в приведенной цитате, заключается в том, что предметом анализа будут слова первого подтипа, разделяющиеся на две подгруппы: а) лиц, называемых по характерному обычно выполняемому действию, с пометами разг. и прост., и б) лиц,

⁵⁹ *Русская грамматика*. Москва 1980, т. I, с. 149-150.

⁶⁰ Там же, с. 150.

называемых по профессии или занятию, с возможными для них пометами прост. и устар. По какому критерию производится подразделение представленных в данном подтипе лиц на а) и б), «Русская грамматика» не указывает. Будет ли это обусловлено семантикой самого существительного или может быть связано также с семантикой мотивирующего глагола, не определено.

Вторым наблюдением было бы то, что, с одной стороны, слова интересующего нас подтипа формально соотносятся с подтипом, предполагающим обозначение неодушевленных предметов, орудий, приспособлений для производства действия в основном, а также помещений, животных, совокупностей приспособлений, с исключительной позицией слова *начало*. И при этом, с другой стороны, в ряде случаев, как указывается в Грамматике, некоторые глаголы дают образования разных подтипов (*трепло* и *трепало*, *прилипала* и *прилипало*), что можно рассматривать как допускаемую вариативность, обнаруживающую себя также и в материале.

В связи с чем правомерен вопрос, предполагающий действующую в данной группе слов неслучайность и подобный по своему характеру перед этим поставленному: обусловлено ли это значением существительного или (и также?) его мотивирующего глагола? И, в развитие сказанному, проявляет ли эта особенность себя как более или менее последовательная и/или продуктивная либо как нерегулярная, непродуктивная и ограниченная? Вопрос, который в этой второй, развиваемой, части будет связываться, в том числе, если не в первую очередь, с неузуальными образованиями в данном подтипе, предполагая выход в открытое поле живого речевого словоупотребления.

Вариативность, о которой перед тем говорилось, и это будет еще одним наблюдением на основе данных в Грамматике, затрагивает, согласно ей представленному в примечании, как родовые (между общим, как основным для подтипа, и мужским, дополнительно, родом), так и флексийные показатели (*дурило* и *дурила*, *чудило* и *чудила*, *хныкало* и *хныкало*). Эта особенность, определяясь как стилистическая, характерная, согласно Грамматике, для просторечия (для просторечия-1, 2 или 3, либо это разграничение будет неважно?), с выходом в живое употребление повседневно-обыденной речи с размытыми и неясными распределениями форм языка, с их частыми переходами и проникновением, с одной стороны, становится неразрешенно открытой. В то время как, с другой, снова ставит вопрос как о том, обусловлено это самим существительным или предполага-

ет себя в мотивирующем глаголе, так и о том, какова может быть, если имеется, экспрессивная роль у таких вариантов. Различаются ли они и различают ли что-либо при употреблении? И если может так оказаться, что различают, то что именно и когда, в каких допустимых либо только окказиональных случаях?

Существенными представляются также важные для нас замечания относительно продуктивности либо непродуктивности типа и непосредственно выраженных в Грамматике стилистических характеристик:

«Существительные 1-го подтипа (п. «а») и 2-го подтипа обнаруживают продуктивность. Новообразования 1-го подтипа характерны для разг. речи и просторечия и представляют собой экспрессивные наименования лиц: нов. *доставала, задавала, завирала* (разг. неодобр.), разг. *забивала* (о футболисте); окказ. *сдирала* (от прост. *сдирать* – ‘списывать на уроке’, Л. Кассиль). Продуктивность 2-го подтипа – слабая, обнаруживается в спец. терминологии, например *крутило* ‘часть газовой плиты’»⁶¹.

Слова разбираемого подтипа, следовательно, определяются как продуктивные, что, впрочем, касается п. «а», т.е. названий лиц по характерному обычно выполняемому действию, не названий лиц по профессии или занятию, и рассматриваются как типичные для разговорной речи и просторечия, будучи наименованиями экспрессивными. И как таковые сопровождаются в «Русской грамматике» пометами нов., разг. неодобр. и окказ., что лишний раз подтверждает отмеченную перед этим открытость данного ряда.

И, наконец, еще одно, уже чисто формальное, замечание на основе Грамматики, которое можно было бы и не учитывать, если бы не вероятная, если таковая себя обнаружит, вариативность, вполне возможная в просторечии и допустимая в сленге, которая может отыгрывать в нем свою экспрессивную роль, касающаяся типичных для данной группы слов ударений:

«Ударение (акц. тип А): в суц. на *-ила, -ило* – на последнем слоге основы, независимо от ударения глагола: *давить* – *давило*, *мазать* – *мазила* (разг.), *мерить* – *мерило*; в суц. на *-ала, -ало* – на том же слоге основы, что и в инфинитиве: *обирать* – *обирала* (разг.), *дыхать* – *дыхала* (прост.), *брызгать* – *брызгало* (исключения: *пугать* – *пугало*, *дышать* – *дыхало*); в *грызло, пошло, стоило* и *тягло* – на корне. Несколько слов при-

⁶¹ Там же.

надлежит к акц. типа С (*мы́ло, -у, -а́м*) и D (*сверло́, -у́, -ам; седло́, тесло́, скребло́, трепло́*)»⁶².

Т.Ф. Ефремова в своем Словаре (обратимся к нему для сравнения) разбираемую группу слов подразделяет по трем суффиксально себя выражающим основаниям – с суффиксальным морфом **-1.Л¹-**, **-АЛ²-** и **-ИЛ¹-**, давая им следующую характеристику:

«-1.Л¹-

См. также **-ал², -ил¹-**

Достаточно регулярная и в словах разговорной речи продуктивная словообразовательная единица, образующая имена существительные общего рода со значением лица, которое постоянно или обычно выполняет действие, названное мотивирующим глаголом, например: *вышиба́ла, громи́ла, запева́ла, зубри́ла, подмета́ла, чуди́ла.*

Присоединяется к основе мотивирующих инфинитивов, непосредственно примыкая к гласным финалям, как: *кути́ть – кути́ла, меня́ть – меня́ла, объеда́ть – объеда́ла.*

Ударение падает на мотивирующую основу (на слог, предшествующий словообразовательному суффиксу).»⁶³

«-АЛ²-

См. также **-1.л¹-**

Нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном общего рода со значением лица, которое характеризуется действием, названным мотивирующим глаголом: *стрига́ла.*

Присоединяется к основе мотивирующего глагола, причем в роли мотивирующей выступает основа настоящего времени: *стричь, стрижу́ – стрига́ла.*

Словообразующий суффикс ударен.»⁶⁴

«-ИЛ¹-

См. также **-1.л¹-**

Нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном общего рода со значением лица, которое характеризуется признаком, названным глаголом: *мази́ла.*

⁶² Там же.

⁶³ Т.Ф. Ефремова: *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*. Москва 1996, с. 244-245.

⁶⁴ Там же, с. 40.

Присоединяется к основе мотивирующего инфинитива, причем финаль *-а-* при этом отсутствует, а ей предшествующая парная твердая согласная чередуется с соответствующей мягкой: *ма́зать – мази́ла*.

Словообразующий суффикс ударен.»⁶⁵

Тем самым, Т.Ф. Ефремова подразделяет разбираемые нами слова по их достаточной регулярности либо нерегулярности в зависимости от варианта суффиксального морфа, соотнося это с различиями в мотивирующих основах – инфинитива либо настоящего времени (в «Русской грамматике» это явление объясняется преобразованиями в основах). Продуктивность при этом приписывается как свойство, характерное для слов разговорной речи. Кроме того, она относит данную группу к общему роду всю целиком, в то время как в «Русской грамматике» *меняла* и *строчила* были отнесены к мужскому. На экспрессивность и просторечный характер, видимо, предполагаемые изначально для общего рода, она не указывает.

Оттолкнемся в своих рассуждениях от заложенной в данной группе слов неизбежной глагольности, передаваемой в процитированных перед этим источниках как название лиц по характерному обычно выполняемому ими действию либо профессии или занятию, которые также содержат в себе указание на обычно осуществляемое действие данным лицом. Т.Ф. Ефремова, в свою очередь, что также, видимо, не случайно, различает, в зависимости от варианта суффиксального морфа, значение «лица, которое постоянно или обычно выполняет действие, названное мотивирующим глаголом» (для *-l.l¹-*), «лица, которое характеризуется действием, названным мотивирующим глаголом» (для *-al²-*) и «лица, которое характеризуется признаком, названным глаголом» (для *-ил¹-*). Причем в двух последних из перечисленных случаев дает по одному только примеру.

В связи с чем имеет смысл задуматься над вопросом, что означает, с одной стороны, номинация для лица, которое постоянно или обычно выполняет действие (т.е. по действию в его совершении), в то время как с другой, для лица, которое характеризуется действием или признаком, называемым глаголом. Насколько это действительно в реализациях ощутимо, равно как и то, насколько это разграничение последовательно себя проявляет и что оно может собой представлять непосредственно в материале.

Прежде чем то и другое из сказанного, найдя свое подтверждение в материале, будет рассмотрено при анализе, имеет смысл обратить внима-

⁶⁵ Там же, с. 186.

ние на еще одну черту отглагольных образований, отмечаемую Е.А. Земской как специфическая особенность разговорной речи. Говоря о подобного рода наименованиях лиц по действию, она замечает следующее: «Это может быть действие, характерное для лица (тогда производное слово выступает как характерологическая номинация), или просто выполняемое им в данный момент, действие профессиональное или непрофессиональное. Специфическая особенность РР состоит в том, что в ней свободно образуются наименования лиц по действию, актуальному для данного акта общения, но которое не является ни типической характеристикой, ни профессиональным занятием лица. ... Например: Ко мне *поздравляльщики* приходили/ помнят о моем дне рождения// ... Пока я болел/ моя *заменяльщица*/ аспирантка/ занятия вела//»⁶⁶.

При этом, как отмечается далее, в подобной функции наиболее продуктивными оказываются существительные на *-льщик*. С одной стороны, потому, что, соотносясь с узуальными производными с другими суффиксами типа *читатель* (библиотеки), *чтец* (лицо, профессия которого выступать с публичным чтением), *чтица* (та, которую нанимают для чтения) и *читальщик*, *читальщица*, они способны, будучи неузуальными, подчеркивать действие, актуальное для говорящего в данный момент. С другой стороны, будучи тесно связаны с глаголом, они сохраняют в структуре имени показатели глагольного вида, обычно несовершенного: *доставляльщик*, от *доставлять*, при узуальном *доставщик* (*доставить*)⁶⁷.

Выполняя функцию качественной характеристики лица по действию, они становятся в ряд с существительными с другими суффиксами, выступающими преимущественно как слова-характеристики, а не как нейтральные наименования лиц по действию⁶⁸. Среди таких существительных, сообщается далее, имеются слова с разной семантикой. При этом существительные на *-ла* (*-ала*, *-ила*) используются для наименования лиц по действию, отрицательно оцениваемому говорящими. Среди них называются существительные узуальные (*объедала*, *мазила*, *надоедала* и пр.) и существительные, реализующие потенции данного типа (*приставала*, *скулила* и т.п.)⁶⁹.

⁶⁶ Е.А. Земская: *Словообразование*. В: Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев: *Русская разговорная речь...*, с. 93-94.

⁶⁷ Там же, с. 94.

⁶⁸ Там же, с. 95.

⁶⁹ Там же.

Что касается существительных с суффиксом *-льщик*, то, как определяется это в «Русской грамматике», помимо того, что это слова, называющие лиц по производимому действию, они характерны, как продуктивные, для профессиональной терминологии и разговорной речи⁷⁰.

Тем самым, как следует из указанных нами источников, отглагольные существительные некоего общего ряда, среди которых оказываются образования на *-ла*, определяются как наименования лиц по выполняемому действию, типичному, профессиональному либо нет, которое может служить в отношении этих лиц их более или менее постоянной либо случайной и актуальной, для данного случая, характеристикой и, рядом с этим, оценкой, как правило, отрицательной. Как узуальные, так и неuzuальные образования свою продуктивность они обнаруживают в профессиональной и разговорной речи, иллюстрируя лишней раз упомянутую ранее отнесенность к живому обиходному употреблению, что, как представляется, не в последнюю очередь может быть связано с осязаемой в них глагольностью и непосредственной связью с определяемым действием.

Сказанное в отношении их семантики можно представить приблизительно в следующей схеме:

- Лицо, определяемое по действию – постоянно им выполняемому,
 - обычно им выполняемому,
 - актуальному для говорящего,
 - характеризующему,
- по характеризующему действию-признаку,
- оцениваемое, как правило, отрицательно по данному основанию.

Указанные в схеме признаки, видимо, могут действовать и себя проявлять как по отдельности, так и в каких-либо сочетаниях.

Не случайной в рассматриваемом отношении видится связь с производящим глаголом и, соответственно, обозначаемым им действием (среди слов данной группы образования от глаголов, обозначающих состояния, не обнаружилось), которая может себя проявлять в разной степени. Это последнее обстоятельство следует как из названных характеристик, так и из приводимых цитируемыми авторами примеров. Не говоря о примерах, поскольку о них еще будет впоследствии речь, представленные характеристики в отношении близости к действию можно было бы расположить по

⁷⁰ Русская грамматика..., т. I, с. 144-145.

степени их нарастания от действия-признака через постоянно выполняемое, затем обычно выполняемое к актуальному для данного акта общения.

Вопросы, которые следуют из подобного описания и которые можно было бы на живом материале представить в каком-либо виде, если не до конца разрешить, заключались бы в следующем:

1) Действительной ли оказывается в своих проявлениях указанная перед этим степень отображения действия при наименовании лица, с учетом названных распределений в виде действия-признака, действия, выполняемого постоянно, обычно и (либо) актуально?

2) Обнаруживают ли себя в живом материале указанные распределения последовательно или нет и, если себя обнаруживают, будь то последовательно или нет, то каким образом могут себя и в каких сочетаниях, при условии их возможности, проявлять?

3) Всегда ли рассматриваемые образования с *-л(а)* могут определяться как характеризующие в отношении к называемому ими лицу и каковой может быть в смысловом отношении данная характеристика?

И, наконец, еще одно, следующее из предыдущего в п. 3:

4) Действительным, обязательным и насколько последовательным можно считать то обстоятельство, что такие образования используются для наименования лиц по действию, оцениваемому говорящими отрицательно? Или такое их представление может иметь как свои различные проявления, так и какие-то на этой основе особенности?

Оставаясь при высказанном и в заглавии обозначенном соображении о том, что разбираемые образования на *-л(а)* представляют собой примеры субъективирующего отображения, а не столько наименования, и при этом не всегда и не обязательно негативно оценивающего и/или характеризующего, следовало бы обратить внимание на то, что при подобном подходе и таком восприятии разбираемых слов их семантика и характер отношения к обозначаемому переводятся в иную интерпретирующую плоскость. Ту, в которой себя проявляет рассматривавшееся перед тем экспликативное положение говорящего, как позиция, им занимаемая в отношении обозначаемого, с помощью данного слова при соответствующем словоупотреблении, лица. Поскольку, как представляется, не в том, чтобы назвать, и даже не в том, чтобы оценить, а тем более негативно, и охарактеризовать, состоит его не всегда им до конца для себя осознаваемая коммуникативная в ее проявлении цель. Видимо, трудно предполагать, имея в виду характер речевого повседневного словоупотребления, в чем именно эта цель состоит,

не говоря о том, всегда ли и действительно ли это цель, учитывая моделирующий и регулятивно себе подчиняющий характер живого общения. Не приписывая и не воспринимая стоящее за разбираемым предметом как цель, неизбежно придется иметь в виду то само собой разумеющееся и понятное обстоятельство, что что-либо сказанное, произнесенное кем-то в процессе общения, сознательно или нет, звучит именно так не случайно, поскольку содержит в себе изначальный заряд, пусть не всегда говорящими до конца рефлексированный и ими осознаваемый, но ощущаемый и чувствуемый. Ощущаемый и чувствуемый в том достаточном для них отношении, чтобы данное слово в данном месте и в данное время употребить. И это еще один признак и показатель того, что было названо нами субъективирующим отображением. Отображением общего, имеющегося в языке и речевых его проявлениях и механизмах, в виде моделей и форм, в разбираемом случае, того или иного словоупотребления.

И тогда между тем, что было представлено на основе просмотренных нами источников, и тем, о чем было сказано и перед тем говорилось, противоречия нет. Это два разных подхода и, соответственно, две разных, применительно к разбираемому предмету и материалу, его стороны. Сторона названия, при подходе с точки зрения номинативной функции слова как определяющей и основной, в ее отношении к себя выражающему при том говорящему. С его экспрессивно-эмоциональными, характеризующими и оценивающими сопровождениями *со-названия*, т.е. коннотациями. И сторона исполнения, отыгрывания и разыгрывания, точнее разыгрываемого с помощью слов в их употреблении в речи себя-исполнения, субъективирующего, поскольку все же, но при этом не до конца и не только, себя, отображения, поскольку как вне себя, так и до себя в языке и речи имеющегося. При подходе, необходимо добавить и уточнить, к языку не как средству одного только обозначения внешнего, но как к оркестровому по своему характеру инструменту, предоставляющего возможность для говорящих, на нем играя и подключаясь к общей игре, себя в исполнении через созданные на нем другими произведения отображать.

Отвлекаясь от музыкальных метафор, следует в разбираемом случае говорить о подходе к языку в его проявлениях в речи, реально производимых и потенциальных, как к воссоздаваемой повседневно, воспроизводимой и создаваемой системе средств выражения не всегда до конца представляемых, но ориентирующих, регулирующих и ощущаемых говорящими положений. Себя по отношению к кому-то другому или другим, друго-

го, других, в отношении себя. Тех положений и тех отношений, которые позволяют прочувствовать, иногда пережить, иногда обозначить, но не прочувствовать и не пережить, себя в отношении прочих и прочих в каком-либо отношении для себя, как внутренне действующий, задающий, выступающий и становящийся метой для говорящего, ориентир. На данный актуальный в его проявлении в речи момент, равно как и в некоей своей протяженности.

Данное представление не может быть чем-нибудь необычным и не должно удивлять, поскольку, если, по словам Р.М. Блакара, „В значительной степени мы живем и действуем *внутри* «мира языка»”, а согласно с процитированным им Э. Кассирером, человек – это «знаковое существо»⁷¹, то это проживание и действие внутри языка разве не будет также и проживанием и действием себя самого в прочувствованном, если не осознаваемом и обозначенном четко и ясно, положении по отношению к таким же проживающе-действующим в том же мире *внутри* языка остальным? А как «знаковое существо», если иметь в виду положение *внутри* «мира языка», человек предстает применительно к действующей в нем самом, готовой к проявлению в речевом исполнении, знаково-инструментальной природе. Как инструмент к исполнению, как исполнитель, играющий на инструменте по нотам как знакам, имевшимся до него, как то, что звучит при таком исполнении и как подключаемый к общему исполнению и исполнениям, бывшим, происходящим в данный момент, равно как и будущим.

Не случайно поэтому Р.М. Блакар говорит о необходимости изучать язык и его функционирование как составную часть более обширного социального контекста, ставя цель исследовать его включенным в социальную матрицу и контекст, оговаривая входящей в это общее поле задачей «проанализировать язык и функционирование языка в составе социальной и политической деятельности или поведения, структурирующих нашу повседневную жизнь и управляющих ею»⁷².

В приведенной цитате интерес в отношении выбранного предмета и материала будет представлять положение о социальной матрице и таком же контексте в их отношении к социальной деятельности и поведению, которые, по его словам, структурируют повседневную жизнь и управляют ею. С тем добавлением, что то же будет предполагаться и в обратную сто-

⁷¹ Р.М. Блакар: *Язык как инструмент социальной власти...*, с. 88.

⁷² Там же, с. 89.

рону, т.е. не только социально обусловленное в том или ином отношении поведение и деятельность управляют повседневной жизнью, ее структурируя, но и повседневная жизнь способна задавать, структурируя, формы того или иного в социальном отношении обусловленного поведения и проявления. Равно как и то, что, если язык выступает и может исследоваться и рассматриваться как инструмент, будь то социальной власти, будь то чего-то такого же социально другого, то и использующий его, "играющий" на нем говорящий, как субъект, подключаясь, также становится тем и таким инструментом, который можно исследовать с тех же самых, в его отношении к языку-инструменту, сторон.

И, наконец, последнее замечание, прежде чем перейти к представлению материала. Отмеченная ранее в суффиксе *-льщик*, а также в изучаемом *-л(а)*, близость к глаголу и передаваемому им действию, наводит на мысль о формально себя выражающей и не случайно воспринимаемой особенности. Последовательно дающее себя ощутить через омонимичное совпадение с формой прошедшего времени женского рода глаголов (*катала, брюзжала, водила, меняла* и пр., как существительное и как глагол) присутствие *элевого*, скажем так, поскольку отображаемое в *-л-*, элемента обнаруживает себя и в некоторых других отглагольных образованиях⁷³. Таких, к примеру, как *враль, коваль, строгаль* (с суффиксом *-аль*), *паяльник, будильник, молчальник, висельник (-льник), страдалец, скиталец, сиделец, кормилец (-лец), сиделка, гадалка, жуужжалка, скакалка, хрипелка (-лка), гибель, метель, убыль, прибыль (-ель/-ль), пряталки, догонялки, гляделки (-лки), устарелый, стылый, линялый, запоздалый, усталый (-л-), вихлявый, вертлявый, трухлявый (-ляв-), говорливый, болтливый, бурливый, бережливый (-лив-), рисовальный, вязальный, спальный, родильный (-льн-), освежительный, оскорбительный, оправдательный, привлекательный, утомительный (-тельн-), читабельный, транспортабельный (-абельн-), в том числе и с учетом одного из наиболее продуктивных суффиксом *-тель*: *читатель, смотритель, воспитатель, губитель, любитель*.*

Не вдаваясь в историю происхождения *-л-* как суффикса и как суффиксального элемента в составе других, поскольку не в этом дело и не в этом искомая суть, не стремясь ни к каким на этой основе возможным теоретическим обобщениям, оставаясь в пределах предмета и материала, сов-

⁷³ Понятно, что не только *-л-*, но и другие суффиксальные элементы могут предполагать свою отглагольность, хотя бы такие, к примеру как *-н-* или *-т-* в словах типа *данный, тленный* или *колотый, полотый* и др. Речь о том, что через *-л-* указанная отглагольность себя проявляет, в силу наличия в формах бывшего элевого причастия, более выразительно.

падение с причастными по своей изначальной природе образованиями названных форм у глаголов прошедшего времени на *-л(а)* стоит и можно было бы перевести в аспект восприятия говорящими действующего в них языка. Посмотреть на данную особенность с позиции их языкового, если не осознания, то ощущаемого впечатления. Поскольку это будет тем поворотом, который положен в основу предлагаемого рассмотрения.

Так, если первоначально глагольное *-л(а)*, как причастная форма в перфекте, отображало в своей семантике состояние по действию: др.-рус. *азь есмь читал(а)*, то характером внутренне заключенного в ней начального впечатления, изменяясь во времени, своим неосознаваемым следом заключенное исходное в нем содержание может отчасти и сохраняться. Поскольку общим смыслом своим перфектная форма передавала пребывание (*есмь*) в состоянии (*...ла*) по действию, выраженному глаголом (*читати*), т.е. длящееся как состояние по настоящий момент. Получается, что совершенное в прошлом действие актуальным своим концом на момент отражения проявляет себя в виде переживаемого в настоящий момент состояния. Ср., но не в перфекте, восприятие совершаемого либо уже совершенного действия как длящегося, происходящего внутренне "на глазах", состояния, напр., в современном английском типа *I am reading, I was reading, I have been reading*, равно как и подобные формы в другие языках.

Тогда понятным, с точки зрения забытых, поскольку древних, грамматических форм отражения, может стать и то, что исследователями в их объяснениях образований на *-ла* воспринимается как характеристика называемого таким словом лица, в том числе и, исходя из глагольной семантики, негативно оценивающая, и как признак по действию в приведенном Т.Ф. Ефремовой для такой иллюстрации слове *мазила*.

Все перед этим сказанное, не претендуя на то, чтобы в своем обобщении давать объяснение имеющемуся в современной семантике и современном сознании носителей языка, служило одному только тезису. О субъективирующей, с одной стороны, и отображающей, с другой, специфичности некоторых существующих в языке образований и форм. При неизменном условии их последовательно моделирующего и действующего продуктивно, т.е. воспроизводимого более или менее регулярно и постоянно, характера в отношении генеративно-перцептивной базы носителей языка, выражая себя в порождении и восприятии речи для каких-либо групп типичных, как в разбираемом случае, словоупотреблений. Субъективирующая и отображающая эта особенность может основываться, помимо после-

довательно себя проявляющей и внутренне ощущаемой носителями семантики словообразовательных моделей и свойственных этим моделям образований, также в семантике скрытой. Точнее было бы говорить, не основываясь, а уходить корнями, поскольку ничто не исчезает бесследно, в грамматикализованную некогда в прошлом семантику, утратившую свою непосредственность и актуальность, реликтовую и следовую, но остающуюся где-то в не ощущаемом глубоком ядре языка и его механизмов.

Отходя, по вполне понятным причинам, от такого мало что объясняющего для современного восприятия и к тому же зыбкого представления о природе разбираемых явлений, обратимся теперь к материалу.

Названная как продуцирующая, действующая последовательно и довольно активно в живом разговорном употреблении особенность разбираемой группы слов, заключающаяся, как уже ранее говорилось, в неузуальных образованиях, дает основание утверждать, что между тем, что воспринимается как узуальное, и тем, что трудно признать таковым, не только имеется открытая, ничем не препятствуемая, граница, но и в пропорции между тем, что узуально, и тем, что неузуально, вряд ли можно усматривать какое-либо подобие. Неузуального в этой группе видится много больше, чем узуального. С одной стороны, продуктивность подобного рода можно и следовало бы воспринимать как открытую, регулярно себя обнаруживающую потенцию к производству образований, которые по этой причине следует определять как потенциализмы. При том, что с другой, та же самая и в таком своем регулярно открытом виде особенность может служить упоминавшемуся не раз положению о субъективирующем отображении, в его механизме открытой к использованию потенциальности.

В группе выбранных слов к более или менее несомненно узуальным на *-ал(а)* можно было бы отнести, с опорой на «Грамматический словарь русского языка», такие, как *прихлебала, вышибала, поддавала, приставала, доставала, запевала, подпевала, приживала, опивала, выпивала, надувала, обдувала, зазывала, обжигала, стригала, надоедала, объедала, воображала, подстрекала, насекала, хныкала, выжимала, подлипала, прилипала, обирала, задирала, обдирала, обжирала, подметала*⁷⁴; *меняла, подгоняла, притворяла*⁷⁵. Все они, будучи обозначениями лиц, за исключением *меняла* и *вышибала*, определяются как слова общего рода (названные два – мужского) и одушевленные. Помимо этого, если к обозначениям лиц

⁷⁴ А.А. Зализняк: *Грамматический словарь русского языка*. Москва 1977, с. 194-195.

⁷⁵ Там же, с. 196.

по профессии⁷⁶ можно было бы отнести такие, как *вышибала* (в определенном смысле условно и прост. или разг.-сниж.), *запевала* и *подпевала* (оба в 1-м значении), *зазывала* (устар. и не перен.), *стригала* и *насекала* (оба устар.), *подметала* (в 1-м значении и разг.), *меняла*, – то все остальные из перечисленных используются для негативно-оценочной характеристики.

Соответственно к более или менее узуальным из слов на *-ила*, с опорой на тот же словарь, отнести можно было бы *заправила*, *здоровила*, *заводила*, *зудила*, *чудила*, *жила*⁷⁷, *мазила*, *верзила*, *бузила*, *скусила*, *громила*, *зубрила*, *мудрила*, *воротила*, *кутила*, *ловчила*, *строчила*, *страшила*⁷⁸. В этой группе имен существительных мужского рода будет больше: *заправила*, *здоровила*, *громила*, *воротила*, *кутила*. Остальные – также общего рода. Что касается наименований лиц по профессии, то, с точки зрения современного языкового узуса, таковые не наблюдаются (*мазила*, замененное словом *мазальщик*, проф. и устар., см. предыдущую сноску).

Особого отношения, с точки зрения образования, требуют *здоровила*, сомнительно, чтобы образованное от глагола *здороветь*, скорее, от прилагательного *здоровый* в значении ‘сильный, большой’, и *страшила*, с вариантом *страшило*, *страшилище*. Хотя имеется также глагол *страшить* в смысле ‘пугать кого-л.’, данное слово, скорее, соотносится с существительным *страх* и прилагательным *страшный*, поскольку, согласно «Большому толковому словарю», *страшила*, *страшило*, *страшилище* «Разг. Тот, кто (то, что) пугает своим безобразным, уродливым видом, громадными размерами и т.п. || Тот, кто (то, что) вызывает в ком-л. страх»⁷⁹. С учетом единиц подстандартной и незуальной лексики таких слов не отглагольного образования будет больше, что может свидетельствовать о расширении действия данной модели, предполагая, тем самым, и рассуждения в данном ключе, затрагивающие как проблематику потенциализмов в их реализа-

⁷⁶ В профессиональных языках, по замечанию Е.А. Земской со ссылкой на данные Л.А. Шкатовой, таких наименований в 20-е годы было намного больше. Впоследствии наблюдается рост продуктивности отглагольных имен на *-щик*, *-льщик*, вытесняющих обозначения с *-л*-, ср.: *квасила* – *квасильщик*; *замочило* – *замачивальщик*, *мазила* – *мазальщик*, *мазильщик*, *насекало* – *насекальщик*. (Е.А. Земская: *Словообразование как деятельность*. Москва 2009, с. 114; Л.А. Шкатова: *Развитие ономаσιологических структур (на примере наименований лиц по профессии в русском языке)*. Иркутск 1984, с. 99)

⁷⁷ Поскольку производящее имеет форму глагола *жить*, *-ил-* в слове *жила* можно рассматривать как результат совмещения морфов мотивирующей основы и словообразовательного форманта.

⁷⁸ А.А. Зализняк: *Грамматический словарь...*, с. 195.

⁷⁹ *Большой толковый словарь русского языка*. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург 2000, с. 1277.

циях, так и переосмысления вопросов характеризующей отглагольности либо не отглагольности.

Представленный перечень слов, относимых к разряду более или менее несомнительных как узуальные и не подстандартные, в основной своей массе общего рода и разговорные, с пометами разг., прост., разг.-сниж. (не разговорными, или нейтральными, из не проф. и не устар., можно считать *запевала* и *подпевала* в хоре, т.е. в 1-м значении, и *меняла*), – перечень этот можно расширить за счет приводимых как узуальные в «Русской грамматике» и в цитировавшихся работах Е.А. Земской характерные для РР, но в ней получившие распространение также такими: *трепала* и *трепало* (оба устар.), *подсыпала* (устар. и проф.), *дры́хала*; *судила*, *растеряла* (вариант *растеряха*), *водила* (о плохом шофере), *подвывала* (о том, кто поддерживает чужое мнение), *варила* (о сварщике). Как новообразования, с пометой нов. даются в Грамматике упомянутые ранее и отмеченные в «Грамматическом словаре» *доставала* и *задавала*, а кроме этого *завирала* (разг. неодобр.), разг. *забивала* (о футболисте); окказ. *сдирала* (от *сдирать* в смысле ‘списывать у кого-л. в школе’).

Оттолкнемся в своем анализе первоначально от приведенных слов, с тем чтобы проследить на последующих, неuzuальных, сомнительно узуальных, относительно новых, последнего времени, а также жаргонных, сленговых (в том числе и обценных), т.е. не вполне разг. или еще не вполне разг., по крайней мере, не находящихся своего отражения в грамматиках и словарях литературного языка, те особенности, проявления и тенденции, которые характерны для лексических единиц на *-ла* как таковых, т.е. в общем и целом. Добавив к этому также то обстоятельство, что с учетом отмеченной перед этим открытости, потенциальности, а также подвижности, склонного к постоянному расширению, изменению, включению нового и его потом исключению, современного живого словоупотребления указанные стилистические характеристики сколько-нибудь существенного значения в отношении стоящей задачи иметь не будут.

Определение лиц с помощью слов на *-ла*, как и, впрочем, не только их, опирается, в первую очередь, на характер действия, обозначаемого в производящем глаголе. Иными словами, если *водила* – это ‘тот, кто водит или ведет машину’, *кутила* – ‘тот, кто обычно кутит’, *вышибала* – ‘тот, кто вышибает’ и т.п., то восприятие и, соответственно, далее характеристика и оценка лица происходит по данному действию, как типичному для него проявлению или признаку. В связи с чем анализ можно начать с представ-

ления характера мотивирующих разбираемые обозначения действий, воспринимаемых и оцениваемых с позиции говорящего.

Глаголы, выступающие в качестве производящих для выбранных единиц, с опорой на те их значения, которые действуют в полученных от них производных, можно было бы распределить в указанном отношении по таким основаниям:

1) Оцениваемая не позитивно деятельность либо поведение, проявляющие себя в действиях, производимых лицом, и приписываемые ему как свойство, постоянное либо временное (актуальное):

а) направленные на окружение и нарушающие в каком-либо отношении порядок, дестабилизирующие его (дестабилизативы): *бузила* < *бузить* (устраивая скандал, шум, драку), *заводила* < *заводить* (других, организуя что-л., нарушая, возможно, при этом порядок), *задирала* < *задирать(ся)* (затевая драку, скандал), ²*запевала* (то же, что *заводила*) < ¹*запевала* < *запевать* (в хоре), *заправила* < *заправлять* (верховодить, руководить, организуя что-л. не одобряемое), *подстрекала* < *подстрекать* (к безобразиям, беспорядкам);

б) направленные на себя и представляющие собой недостаток, дурную привычку, черту, нередко пренебрегая при этом удобством, мнением, состоянием, желанием либо нежеланием окружающих (дефективны): *воображала* < *воображать* (о себе слишком много), *выпивала* < *выпивать* (злоупотреблять алкоголем), *дрыхла* < *дрыхнуть* (долго и беспробудно несвоевременно спать), *завирала* < *завираться* (говоря неправду), *задавала* < *задаваться* (будучи слишком высокого мнения о себе), *зубрила* < *зубрить*, *кутила* < *кутить*, *мазила* < *мазать* (делая промахи, промахиваясь, плохо и неумело) и *мазаться* (пачкаясь), *мудрила* < *мудрить*, *обжирала* < *обжираться* (много есть, возможно также объедая при этом других), ¹*объедала* < *объедаться*, *опивала* < *опиваться*, *растеряла* < *растерять*, *скулила* < *скулить* (жалуясь, ноя), ²*строчила* < *строчить* (писать слишком быстро и неразборчиво), ²*трепала* < *трепаться* (много болтая), *хныкала* < *хныкать*, *чудила* < *чудить* (ведя себя необычно и странно, а также выдумывая что-нибудь);

в) направленные на другого либо других, производимые им во вред, за их счет, нарушающие их спокойствие, удобство, достоинство, права, неприкосновенность, не считаясь с ними (пертурбативы): *выжимала* < *выжимать* (из кого-л. что-л. для себя, в свою пользу), *вышибала* < *вышибать*

бать (выгоняя посетителей), *громила*⁸⁰ < *громить* (разбивая, уничтожая чужое добро), ²*доставала* < *доставать* (надоедая, приставая, мешая), *жила* < *жить* (скряжничать, зажимать, не давая другому), *зудила* < *зудить* (надоедая другим), *надоедала* < *надоедать* (своими приставаниями), *надувала* < *надувать* (обманывая других), *обдирала* < *обдирать* (сдирая с других), *обдувала* < *обдувать* (получая обманом), *обирала* < *обирать* (забирая у других), ²*объедала* < *объедать* (других), *подгоняла* < *подгонять* (кого-л.), *прилипала* < *прилипать* (надоедая другим), *приставала* < *приставать* (надоедая другим), *судила* < *судить* (осуждая других);

г) направленные на себя, совершаемые в свою пользу, ради собственной выгоды, нередко не считаясь с другими, пренебрегая их интересом и (в том числе и общественной) пользой (утилитативы): *воротила* < *воротить* (делами, преследуя сугубо личные интересы), ¹*доставала* < *доставать* (добывая что-л. не всегда одобряемым путем), *ловчила* < *ловчить* (изворачиваясь, не всегда благовидно, ради собственной пользы), *подвывала* < *подвывать* (кому-л. ради своих интересов и выгоды), ²*поддавала* < *поддаваться* (кому-л. ради чего-л.), *подлипала* < *подлипать* (подлизываясь к кому-л., желая понравиться), ²*подпевала* < *подпевать* (кому-л. ради собственной выгоды), *приживала* < *приживаться* (живя за чужой счет), *притворяла* < *притворяться* (преследуя свои цели), *сдирала* < *сдирать* (списывая у кого-л.).

2) Постоянно и регулярно осуществляемая деятельность как занятие или профессия лица (оперативы), оцениваемые нередко как низкие или малодостойные: *варила* < *варить* (о сварщике), *водила* < *водить* (о водителе автомобиля), *забивала* < *забивать* (мячи, о футболисте), *зазывала* < *зазывать* (приглашая куда-л.), *запевала* < *запевать* (в хоре), *меняла* < *менять* (деньги, купюры), *квасила* < *квасить*, *насекала* < *насекать* (делая насечки), *обжигала* < *обжигать*, ¹*поддавала* < *поддавать* (мяч в игре), *подметала* < *подметать* (в том числе и о том, кто выполняет неквалифицированную работу), ¹*подпевала* < *подпевать* (в хоре), *подсыпала* < *подсыпать*, *стригала* < *стричь* (овец), ¹*строчила* < *строчить* (писать для кого-л. где-л.), ¹*трепала* < *трепать* (волокно).

⁸⁰ *Громила* в «Большом толковом словаре» определяется в трех значениях: *Разг.* 1. Вор, взломщик (т.е. тот, кто "громит" замки, помещение). 2. Участник погромов, грабежей, убийств и т.п. (тот, кто "громит", разрушая, уничтожая, грабя и убивая). 3. О человеке грубом, большой физической силы, способном к насильственным действиям (т.е. к тому, чтобы *громить*). Во всех этих трех значениях можно видеть признак того, что было определено как пертурбатив. Подобным образом могут рассматриваться и другие глаголы с учетом рассматриваемых образований от них.

Не попавшие в данное представление слова *верзила* (от устар. *верзать*, *вёрзить* ‘вязать’, в букв. знач. ‘длинная веревка’⁸¹), в силу утраченной мотивации, а потому и не воспринимаемое как отглагольное, а также *здоровила*, от прилагательного *здоровый*, *прихлебала* < быть *при хлебе* у кого-л. (питаюсь и живя за его счет), *страшила*, ранее упоминавшееся, независимо от характера своего происхождения и отсутствующей или уже не воспринимаемой отглагольности, могут быть соответствующим образом определены. Слово *верзила* относилось бы к группе, охарактеризованной как дефективы, так же как *здоровила* и *страшила*. В свою очередь, *прихлебала* характеризовалось бы как пертурбатив. Из чего можно сделать вывод о том, что, при активном действии осознаваемых связей разбираемых слов со своими производящими, семантическое влияние словообразовательного типа оказывается настолько сильно, что подчиняет себе слова, такую связь со своими производящими как отглагольную не имеющие либо ее потерявшие.

Интерес, в отношении сказанного применительно к получившимся семантическим группам, представляет также, если не определение, то наблюдение над тем, как проявляют себя те слова, которые как общеупотребительные и узуальные в словарях литературного языка отражения не находят, определяясь в источниках либо как подстандартные, будь то жаргонные, сленговые, просторечные (различение для разбираемой задачи мало существенное), либо как потенциальные и незуальные, возможные в разговорной речи и в ней себя отражающие, либо нигде не фиксируются, а тем самым, и не определяются.

Обратимся к характеристике данного круга лексем. К подстандартным из собранных по различным источникам слов, включая живое разговорное словоупотребление, можно было бы отнести не так много, хотя и довольно активных, частотных и употребительных: *бухала* (алкоголик, пьяница, выпивоха) < *бухать* (пить алкоголь, неумеренно, в больших количествах), *долбала* и *задолбала* < *долбать*, *задолбать* (утомлять, утомить, надоедать, надоесть разговорами, повторением, приставаниями), *дрочила* < *дрочить* (мастурбировать), *замочила* и *мочила* (убийца, обычно по заданию) < *замочить*, *мочить* (убить, убивать, избивать до крови), *катала* (карточный шулер, мошенник) < *катать* (обманывать, надувать, в первую очередь, в карты), *кидала* (мошенник, аферист, обманщик, ненадежный человек) < *кидать* (мошенничать, обманывать, надувать), *лепила* (врач, ме-

⁸¹ М. Фасмер: *Этимологический словарь русского языка*. Москва 1986, т. I, с. 298-299.

дицинский работник в тюрьме или лагере) < *лепить* (ставить печать, штамп на справке), *терпила* (потерпевший в автокатастрофе, аварии, в жаргонной речи представителей правоохранительных органов) < *потерпеть*, *имонала* < *имонать* (производить обыск).

Не оговаривая специально происхождение, поскольку это не было предметом нашего рассмотрения и интереса, можно бы было попутно отметить, что, если *мочила* и *замочила*, а также *катала*, *кидала*, *лепила*, *имонала*, войдя, и довольно давно, в разговорно-обиходную повседневную речь, восходят к тюремно-лагерному жаргону, то остальные стоило бы воспринимать как единицы молодежного (*дрочила*, *долбала*, *задолбала*) либо общего сленга (*бухала*), границы между которыми не очевидны и проницаемы.

Что касается распределения приведенных подстандартных слов по выделенным ранее семантическим группам, вопрос этот не представляется столь ясным и очевидным. Действует в этом случае совместное модифицирующее проявление, будь то общего или молодежного сленга, равно как и криминального по своему происхождению языка, откладывающее свой отпечаток не столько на сами используемые в речи слова, сколько на самый ее характер, связываемый с насмешливо-пренебрежительной отстраненностью говорящего как от предмета речи, так и, в первую очередь, от называемого, отображаемого им при этом лица.

Однако, если отвлечься от данного, пусть и важного, представления, в определенном смысле условно, с опорой, скорее, на смысл производящих глаголов, чем на сами от них производные, можно было бы распределить их примерно следующим образом (говоря о них не как о единицах жаргонов и сленгов, а как об имеющих соответствующее происхождение и отпечаток современных разговорно-обиходных словоупотреблениях):

дефективы: *бухала*, *дрочила*, *терпила*;

пертурбативы: *долбала* и *задолбала*, ²*замочила* и ²*мочила* (драчун), *кидала*, *имонала*;

оперативы: ¹*замочила* и ¹*мочила* (убийца), *катала*, *лепила*.

Не представленными, тем самым, оказываются дестабилизативы и утилитативы, видимо, свойственные все же, скорее, по своему характеру разговорно-оценочной речи как таковой и не типичные для языков подстандарта. Особенность не случайная, если учитывать упомянутый ранее в отношении них модулятив, предполагающий несколько смещенную, по сравнению с общепривычной, систему оценок и начинающую себя прояв-

лять в современном употреблении в речи. Ту систему, которая была предложена Н.Д. Арутюновой⁸² и предполагавшую подразделение на 1) сенсорно-вкусовые, или гедонические, оценки, разбираемых объектов никак не касающиеся; 2) психологические, с распределением на а) интеллектуальные (*интересный, увлекательный, скучный, банальный*); б) эмоциональные (*радостный – печальный, веселый – грустный*); 3) эстетические (*красивый – некрасивый*); 4) этические (*моральный – аморальный, добрый – злой*); 5) утилитарные (*полезный – вредный*); 6) нормативные (*правильный – неправильный, нормальный – ненормальный, здоровый – больной*); 7) телеологические (*эффективный – неэффективный, удачный – неудачный*).

Отвлекаясь от того, что перечисленные виды оценки предполагают в качестве объектов, в первую очередь и в основном, предметы неодушевленной природы, а не лиц, можно было бы, с определенной долей натяжки и оговорками относительно сомнительной их чистоты, выделенные ранее дестабилизативы и дефективы характеризовать в отношении нормативных и частично этических, а пертурбативы, утилитативы, оперативы – в отношении интеллектуальных, эмоциональных и утилитарных, возможно также, отчасти, телеологических и нормативных. С добавлением к сказанному, что многое будет зависеть не только от семантики данного слова в каждой из групп, но и, едва ли не в основном, от его речевого употребления. Получается, что представленная система на разбираемом материале не срабатывает, это особые виды и формы оценки и оценочного проявления, в связи с чем разумным видится поиск других критериев и дифференцирующих оснований.

Задумываясь над таковыми возможными основаниями и несколько забегая при этом вперед, можно было бы говорить о стоящем за всем этим, если не прямо концепцией, то таким восприятием человека, которое предполагает (необходимо добавить, что в целом и в основном) изолятивное с точки зрения говорящего, неудовольствующее, раздраженно-пренебрежительное и обезличивающее отношение. То отношение, которое, с одной стороны, неизбежно, хотя далеко не прямо и непосредственно, следует из обозначения, отображения человека (с учетом введенного ранее субъективирующего представления) не столько как индивидуализируемого лица, сколько как обобщенно-обезличенного исполнителя действия (от глагола и тем более с близкой через *-ла* соотнесенностью с формой гла-

⁸² Н.Д. Арутюнова: *Оценка в механизмах жизни и языка*. В: Н.Д. Арутюнова: *Язык и мир человека...*, с. 198-199.

гола), порученного, положенного, надлежащего к совершению. В то же самое время как, с другой стороны, из того, что следует, будучи свойственным, из природы современной сленгово-жаргонизированной речи, проникнутой далеко не всегда приятным и одобрительным чувством к близкому как таковому, особенно если не относимому к узкому кругу своих. И что можно, соответствующим образом определяя, считать исходной модулятивной позицией субъекта, подобным способом себя в таком языке выражающего.

Сказанное в отношении "отглагольного" обозначения человека, не вдаваясь в подробности и обстоятельства, проиллюстрируем лишь на одном и при этом нейтральном примере. Возьмем для этого слово *учитель*. Если кого-либо называют *учителем*, имея в виду выполняемую им профессионально работу, типа *Это наш новый учитель; Он хороший учитель; работать учителем; сельский учитель; известный учитель; никуда не годный учитель; учитель по названию, по призванию* и пр., – то, независимо от нейтральности, позитивности либо негативности отношения, лица называемого так в его индивидуальности, особенности, отличии от других "не видать". Человек предстает в обобщенно-обезличенном виде привычно действующего и себя соответствующим образом и только с такой своей стороны проявляющего агента. Это не что иное, как категоризирующее, по виду деятельности, обозначение, а тем самым, и восприятие человека, следующее из того, что заложено, так или иначе, в самом языке как системе средств выражения.

То же можно отметить и при других значениях того же слова. Ср. *Вождь и учитель рабочего класса, трудящихся масс* (устар., советского официоза и пропаганды); *Великий учитель* (непререкаемый авторитет, тот, за кем следуют все остальные); *Духовный, религиозный, моральный учитель; учитель в науке, какой-нибудь области; высокое имя учителя* (наставник и воспитатель); *То же мне учитель нашелся!* (претендующий на то, чтобы воздействовать на кого-то, давать советы, учить, поучать, наставлять). Во всех этих случаях человек фигурирует и предстает в отрыве от собственной индивидуальности, делающей его неповторимым лицом, т.е. опять же и обобщенно, и обезличенно.

В известном смысле можно бы было сказать, что, если не обобщенно, то отстраненно, и если не обезличенно, то все же не индивидуализированно, а через выполняемое, совершаемое, осуществляемое действие, в поведении и проявлениях, общих и сходных у него с такими же и ему подоб-

ными, предстает человек в разбираемом материале при характерном для него субъективирующем отображении.

К открытому (необходимо добавить) ряду встреченных невузальных словоупотреблений можно было бы отнести такие, распределив их, весьма условно и в целях чисто иллюстративных, по степени большей либо меньшей распространенности (более распространенные в каждой группе подчеркнуты):

- *брюзжала, бурчала, волочила, выбивала, выступала, гáвкала, долбила, дурила, ебала, забодала, забурила, забывала, зажимала, заикала, засирала, икала, канючила, клюкала, клянчила, ковыряла, крякала, крутила, мудила, нудила, обсирала, погоняла, подтирала, помывала, понукала, прибирала, проверяла, разводила, сволочила, сморкала, сочиняла, сучила, трёкала, трюкала, хапала, хárка́ла, хитрила, хлю́пала, хрю́кала, шныряла, шустрила;*

- *виляла, воняла, вопила, выдирала, вытворяла, вытирала, догоняла, дразнила, жевала, загоняла, задолбила, заебала, заметала, замывала, закрывала, занудила, запирала, зашибала, мутила, обзывала, обпивала, обтирала, обувала, отбирала, подбирала, поджигала, подтирала, пожирала, придирала, прижимала, проедала, протира́ла, раздавала, распекала, распивала, то́ркала, хватала, чёркала, чертила, чихала, ша́ркала, швыряла, шептала, ширяла, шуришала, шутила;*

- *бормотала, бря́кала, бу́ркала, бу́хала, воркотала, зажигала, обжимала, обижала, оттирала, припевала, раскидала, распевала, смоктала, хлёпала, хря́пала, шва́ркала, швы́ркала, шмыга́ла, шо́ркала;*

- *ворчала, дёргала, жрала, замотала, замутила, молотила, обливала, облежала, отирала, препирала, припирала, сжирала, торчила, хлопотала, шерстила, ши́ркала;*

- *бе́гала, бродила, выбегала, вызывала, забирала, закидала, залепила, кричала, копила, мотала, накопила, начиняла, обнимала, плевала, подсыпала, разметала, убегала.*

Представленные ступени различной степени употребительности во многом видятся относительными и подвижными. Более или менее осязаемым и объективным критерием можно считать семантику производящего то или иное слово глагола, подсказывающую такой ее вид и с этим такое потенциально оценивающее отношение, которые могут служить представлению о том, что подобного рода слова обычно в соответствующих ситуациях обозначают.

Прежде чем обратиться к этому, еще одному, подразделению наблюдаемой в связи с разбираемым материалом семантики, проявляющей свойственный им смысловой и оценивающий состав, дифференцируемый по характерным для них основаниям и определяющим признакам, представляется небезразличным и показательным установить, в каких соотношениях и каким вероятным образом данная группа встречаемых в употреблении в разговорной речи, но определяемых как незуальные, единиц проявляет себя применительно к выделенным ранее семантическим подразделениям.

Возможное распределение их по этим группам может, с одной стороны, свидетельствовать о действии общих смысловых механизмов, проявляющих себя не только среди узуальных, но и не вписанных в узус, зафиксированный лексикографическими и грамматическими источниками, тем более, что это источники не самого последнего времени. Из чего будет следовать, если такое себя обнаружит, неизменный либо, напротив, варьирующийся и мобильный характер моделирующего в своих смысловых и оценочных далее проявлениях языка.

В то же время с другой, позволить, сопоставляя с подобным распределением единиц узуальных, как вывести вероятные в каждой такой семантической группе подгруппы, так и увидеть то общее и различное, что объединяет и разделяет между собой единицы, уже закрепленные и зафиксированные, и единицы, подобным статусом не отмечаемые. Из чего, в свою очередь, может следовать вывод о соответствующем действии, проявляемом в живом речевом употреблении, все тех же названных механизмов не останавливающегося в своем развитии языка.

Охарактеризованное в своих следствиях подразделение видится следующим, возможно, что не единственным, образом, но, занимаясь живым и активным материалом, характеризующимся целым рядом исследователей как неоднозначно диффузный, с учетом его отношения и обменной открытой связи с просторечием, сленгами и жаргонами, вряд ли можно было бы, изначально закладывая, ожидать чего-нибудь определенного, жесткого и неподвижного⁸³. В связи с чем, настаивая на наличии выделяемых в своих смысловых критериях групп, то же самое не следует ожидать от их насыщения, которое может быть и не единственным и неоднозначным.

С учетом отмеченных оговорок из ранее приведенных в их различении по степени употребительности единиц (отделены знаком //, --- означа-

⁸³ О диффузности, неочевидности, зыбкости, размытой подвижности границ в отношении разговорного языкового материала пишет, в частности, В.В. Химик: *Русская разговорно-обиходная речь в лексикографическом представлении*. В: „Филологический класс”, 1 (35) / 2014, с. 61-62.

ет отсутствие) к дестабилизативам можно было бы отнести: --- // вытворяла, мутила (тот, кто мутит воду, подбивая, подговаривая к недовольству, нарушению порядка) // зажигала (инициирующий буйное веселье, общий подъем, беспорядок) // замутила // ---.

И, соответственно, к дефективам: брюзжала, бурчала, дурила, ебала, забурила, забывала, заикала, засирала, икала, кдюкала, ковыряла, мудила, обсирала, ²разводила (от разводить канитель, муру), сморкала, сочиняла, трёкала, трюкала, хёркала, хлюпала, хрюкала // воняла, вопила, догоняла (иронически, о том, кто не сразу соображает, (не) догоняет по поводу сказанного), жевала (от жевать, долго вымучивать мысль), ¹зашибала (от зашибать, т.е. выпивать), обтирала (отирающийся при ком-, при чем-л.), подбирала (чего-л. за кем-л., обычно окурков с земли), пожирала (всего, что только можно), проедала, протирала (от протирать штаны, в ожидании чего-л., в нудном занятии чем-л.), распивала, чёркала, чихала, шептала, ширяла, шуришала, шутила // бормотала, брёкала, буркала, бухала, воркотала, распевала, смоктала, хлёпала, шёркала // ворчала, жрала, отирала (от отираться при ком-л., при чем-л.), торчила, хлопотала // бёгала, бродила, выбегала, кричала, мотала (от мотаться, бегать туда и сюда, нередко впустую), обнимала, плевала, убегала.

К пертурбативам: волочила, выступала, гáвкала, долбила, забодала, зажимала, канючила, кля́нчила, кря́кала, кря́кала, нудила, погоняла, понукала, сволочила, сучила, шныряла // выдирала, дразнила, загоняла, задолбила, заебала (от выражения заебал (ты меня своей простотой), надоел), занудила, обзывала, обпивала, обувала (мошенник), отбирала, поджигала, придирала, прижимала, распекала, тёркала, шёркала, швыряла // обжимала, обижала, раскидала, хря́пала, шва́ркала, швы́ркала // дёргала, замотала (тот, кто замотал, заматывает что-л., не имея обычая возвращать), молотила (от молотить (кулаками), драться), обливала, обплевала, препирала, припирала, сжирала, шерстила, шёркала // забирала, закидала, залепила (от залепить кому-л. что-л.), начиняла (от начинять, не предохраняясь, делать беременной), подсыпала, разметала.

К утилитативам: выбивала, крутила, ха́пала, хитрила, шустрила // виляла, ²зашибала (от зашибать (деньгу), зарабатывать), подпирала (поддерживающий кого-л.), хватала // шмы́гала // --- // копила, накопила.

И, наконец, к оперативам: подтирала, помывала, прибирала, проверяла, ¹разводила (разводящий в армии) // вытирала, заметала, замывала,

замыкала (замыкающий строй в армии либо двери, ворота где-либо), *запирала*, *раздавала*, *чертила* // *отпирала*, *припевала* // --- // *вызывала*.

В качестве общей тенденции, характерной как для узуальной, так и не узуальной лексики, можно отметить значительно большее отображение в группах дефективов и пертурбативов, с меньшим участием утилитативов и оперативов и еще более с меньшим дестабилизативов. То же можно отметить и в отношении лексики подстандартной, представленной незначительным в целом, хотя и активным, числом. Названная тенденция видится не как исключительная особенность разбираемой группы слов, но как черта разговорного просторечия в целом, типичная также и для жаргонов и сленгов, имея в виду открытое, не профессионально и социально отмеченное и ограниченное, тем самым, употребление. Оценочность и отношение к отображаемому в таком типе речи лицу концентрируется, в первую очередь, на тех признаках, которые свойственны дефективам и пертурбативам, утилитативам в меньшей, оперативам еще более в меньшей степени и, видимо, спорадически дестабилизативам.

В этой связи интерес представляет возможный характер признаков в каждой из перечисленных групп. В дефективах, с точки зрения семантики, это могут быть проявления:

а) связанные с издаванием звуков, способных вызывать неприятные ощущения, раздражение, пренебрежение, насмешку, снисходительно-ироническое отношение, отталкивание, неприязнь, недовольство и пр., типа *брюзжать*, *бурчать*, *заикаться*, *икать*, *трёкать*, *трюкать*, *хлюпать*, *хрюкать* // *шуршать* // *бормотать*, *брякать*, *буркать*, *бухать*, *воркотать*, *распевать*, *смоктать*, *хлёпать*, *шоркать* // *ворчать* // ---;

б) связанные с издаванием звуков, сопровождаемых к тому же действиями, вызывающими названные перед тем ощущения, – *сморкаться*, *харкать* // *вонять*, *вопить*, *чихать* // --- // --- // ---;

в) связанные с действиями, создающими неудобства, нарушающими представления о норме и/или спокойствие и права других, в том числе самого говорящего, раздражающими своей навязчивостью, повторениями, немотивированностью, необоснованностью, глупостью, несвоевременностью, нежеланием считаться с другими, принимать их в расчет, вызывающими поэтому неудовольствие и неприязнь, – *дурить*, *ебать*, *засирать*, *мудить*, *обсирать*, *разводить* (канитель, муру) // *обтираться* (при ком-л.), *подбирать*, *пожирать*, *проедать*, *протирать*, *шутить* // --- //

жрать, отираться, хлопотать // бегать, бродить, выбегать, кричать, мотаться, обниматься, плевать, убежать;

в) связанные с особенностями и/или привычками, а также характером, поведением, типичными для лица, способными создавать и вызывать то, что названо перед этим, – *забуриваться, забывать, клюкать, ковыряться, сочинять* (т.е. выдумывать) // *(не) догонять, жевать* (слова, мысли, повторяясь, говоря одно и то же), *зашибать, распивать, чёркать* (невыразительно писать), *шептать* (говорить слишком тихо, невнятно, себе под нос), *ширять* (себе в жилу наркотик) // --- // *торчать* (от наркотика) // ---.

В группе пертурбативов можно отметить такие подразделения:

а) связанные с действиями, вызывающими неудовольствие своей навязчивостью и создающими неудобства другим, а также унижающими достоинство совершающего, делающего, тем самым, из себя объект пренебрежения, насмешки и пр., – *волочиться* (за кем-л., за юбками, девками), *канючить, клянчить, шнырять // шаркать // раскидывать* (вещи повсюду), *хряпать, шваркать, швыркать // замотать, сжирать* (что только можно), *ширкать // начинять* (делать беременной);

б) связанные с действиями, в основном речевого характера, при которых лицо слишком много себе позволяет, слишком много на себя берет, не считаясь с мнениями, отношением, состоянием, восприятием, спокойствием остальных, – *выступать* (выпячиваясь, выставляясь, громко, нахально о чем-л. заявляя), *гавкать // --- // --- // --- // ---;*

в) связанные с действиями назойливо-утомительного, надоедающего, выматывающего характера, направленными обычно на кого-то, по отношению к кому-л., – *долбить, забодать, кракать, крякать, нудить // задолбить, заебать* (надоесть), *занудить, придирааться, распекать, торкать, швырять(ся) // --- // дёргать* (кого-л. без конца), *препираться // ---;*

г) связанные с действиями, нарушающими права других, препятствующими им в достижении чего-л. либо их унижающими, – *зажимать, погонять, понукать, сволочила* (от *сволочь*, быть *сволочью* по отношению к другим), *сучила* (от *суки*, быть *сукой*, дрянью по отношению к другим) // *выдирать* (у кого-л. что-л.), *дразнить, загонять* (кого-л.), *обзывать, обпивать, обувать* (обманывать, надувать), *отбирать, поджигать, прижимать // обжимать, обижать // молотить* (кулаками), *обливаться, облевывать* (кого-л.), *припирать* (кого-л. в угол), *шерстить* (обыскивать)

// *забирать* (у кого-л. что-л.), *закидывать*, *залепить*, *подсыпать* (кому-л. что-л.), *разметать* (раскидать всех вокруг).

В группе утилитативов возможны такие подразделения:

а) связанные с активными действиями повторяющегося обычно характера, выявляющими предосудительную настойчивость, упорство, неумеренные аппетиты их совершающего ради приобретения им чего-л., достижения какой-л., как правило меркантильной, цели, – *выбивать*, *хатать* // *зашибать* (деньгу), *хватать* // --- // --- // ---;

б) действия, связанные с ловкостью, увертками, уловками, хитростями, обманом, ради собственной выгоды, возможно за счет других, не принимая в расчет их удобство, мнения, интересы, – *крутить*, *хитрить*, *шустрить* // *вилять*, *подпирать* (кого-л.) // *шмыгать* // --- // ---;

в) нередко скрытые действия, связанные с характером их совершающего и обнаруживающие его прижимистость, скарденность, сконцентрированность на себе, безразличие и полное отсутствие внимания и интереса ко всем окружающим, – // --- // --- // --- // --- // *копить*, *накапливать*.

В группе оперативов:

а) действия, связываемые с уборкой, мытьем, наведением чистоты, за кем-л., после чего-л., и, тем самым, принижающие того, кто их совершает, к тому же если им это делается обычно и регулярно, – *подтирать*, *помывать*, *прибирать* // *вытирать*, *заметать*, *замывать* // --- // --- // ---;

б) действия, связываемые с контролем, наблюдением, слежением за другими, сопровождением их в какой-л. деятельности или занятиях, – *проверять*, *разводить* (военнослужащих) // *замыкать* (строй), *запирать*, *раздавать* // *отпирать* // --- // *вызывать*;

в) действия, имеющие однообразно утомительный, с точки зрения говорящего, либо несамостоятельно подчиненный характер, – // --- // *чертить* // *припевать* // --- // ---.

И, наконец, в группе дестабилизативов:

а) действия, обнаруживающие не подчиняющийся нормам характер их совершающего, не умеющего или не желающего себя контролировать, не выставляться, держать себя в руках, что может вызывать недовольство у окружающих, – // --- // *вытворять* // --- // --- // ---;

б) действия, связываемые с желанием либо не обязательно зависящей от лица способностью, подогревая имеющуюся обстановку, подбивать к проявлению недовольства других, – // --- // *мутить* (воду) // --- // *замутить* // ---;

в) действия иницирующего характера, связываемые с организацией какого-л. шумного мероприятия, буйной затеи, – // --- // --- // *зажигать* // --- // ---.

Узуальные и подстандартные единицы укладываются в те же самые смысловые подразделения, что и приведенные неuzuальные, поэтому их распределение мало бы что дополняло.

Обобщая выведенные подгруппы значений, можно сказать, что в группе дефективов представлены проявления и действия, обнаруживающие своего рода втянутость в них совершающего. Отталкивающе-навязчивый их характер, негативно оцениваемый со стороны говорящего, следует из того, что тот, кто соответствующим образом обозначается, выглядит так, как если бы был охвачен неуправляемой стихией, внутренним механизмом, монотонной моторностью его себе подчинившего действия или привязанности, управляющих им и заставляющих его, подчиняя его себе, так себя проявлять. В группе пертурбативов, соответственно, можно было бы говорить о такой же преследующей субъекта навязчивости, висящей на нем и подчиняющей его себе, с тем отличием от дефективов, что эта навязчивость и повторяемость имеет преследующий характер с его стороны, переходящий, распространяющийся и направленный на других. Если неуправляемая втянутость дефективов, будучи обращенной, в первую очередь, на самого совершающего, становится раздражающей, надоедливой и мешающей как воспринимаемое следствие и результат, то в отношении пертурбативов она выступает движущей силой его такого же раздражающего и надоедливого проявления, но обращаемого им на других. Из чего можно сделать вывод о внутреннем оценочно-семантическом сходстве обеих названных групп при отличии направленности – на себя и с этим, как следствие, с выходом на других, от себя, для дефективов, и на других изначально, как следствие действующего в себе и через себя неуправляемого внутреннего моторного механизма.

В подобной паре соотношений находятся утилитативы и дестабили-зативы, обнаруживающие, в отличие от двух предыдущих, иной характер проявляемых действий для совершающего, следующий не из того, что некая сидящая в нем стихия себе его подчиняет, завладела им, понуждая именно данным образом себя проявлять, а из того, что он такой человек, что так себя, а не иначе ведет по причине собственных свойств и особенностей, своего "дурного" характера, выбранных и поставленных целей и предпочтений. В одном случае преследуя собственный интерес и не взирая

на остальных либо не принимая в расчет их возможные интересы, удобство и мнения (утилитативы). В другом случае не обращая внимания на вероятные следствия, поддаваясь сиюминутным или себе характерным желаниям что-нибудь необычное, увлекательное, воодушевляющее осуществить (дестабилизативы). Раздражающая либо просто не вполне одобрительно воспринимаемая назойливость будет следствием подчинения, поддаваемости, неуправляемости со стороны себя самого. Это собственный выбор и своя воля для совершающего.

В группе оперативов, стоящей по этой причине отдельно, следовало бы говорить об осуществляемых совершающим действиях, в том числе как его постоянном занятии или профессии, обнаруживающих зависимость его подчиненность от кого-л. или чего-л. и, тем самым, несамостоятельность, предопределенность и предназначенность, обусловленность осуществляемой деятельностью, как человека и как лица.

В результате выходит, что отмеченный и оцениваемый часто неодобрительно и негативно характер действий и проявлений, свойственных для субъективирующим образом отображаемого в речи с помощью разбираемых номинативов лица, определяется в своем следствии а) как не зависимый или зависимый от него самого; б) как направленный на него, а с этим распространяющийся на остальных от него, либо направляемый им самим на других. С дополнительным различием в первой паре признаков в отношении а¹) обусловленный внутренне, со стороны подчиняющего себе моторного механизма привычек, привязанностей, непреодолимых желаний, соблазнов и пр., либо б¹) обусловленный внешне, со стороны кого-л. или чего-л., как подчиняющее обстоятельствам, лишаящее самостоятельной воли, предназначение, преднамеренность и неизбежность.

Во всех этих случаях отображаемое в речи лицо, воспринимаясь, оценивается, будь то сознательно или нет, как поддающийся, не самостоятельный, зависимый и подчиненный объект, а потому отстраненный и опредмечиваемый, если и не лишенный собственной воли, то не способный разумно и рассудительно себя контролировать и собой управлять, не нарушая спокойствия, интересов, желания, мнения, пользы других и вызывая нередко с их стороны насмешливо-пренебрежительное и иронически-снисходительное к себе отношение.

Отмеченные особенности представляются следствием, с одной стороны, значений производящих глаголов для разбираемой группы слов, в силу своей омонимичности с формой женского рода прошедшего времени

на *-ла*, дополнительно с глагольной семантикой близко связанной. В то же время с другой, и это делает данную группу слов еще более в указанном отношении обусловленной, названные особенности следуют из модулятивно-регистровой, тональной и оценочной природы того, о чем говорилось и что отмечается многими авторами в отношении современного просторечного словоупотребления, а также жаргонов и сленга.

Говоря о глагольной семантике производящих анализируемые единицы, их можно было бы подразделить на несколько групп (выведенное и ранее сказанное отчасти приходится для задач этого нового обобщения повторить).

Осуждаемые действия:

- совершаемые назло или во вред кому-л., за его счет либо не в его пользу;
- вызывающие раздражение либо унижающие достоинство совершающего;
- как занятие или профессия, в том числе оцениваемые как низкие или малодостойные;
- оцениваемые субъективно и передаваемые как повторяющиеся или типичные для совершающего, либо такие, которые, вызывая раздражение у говорящего, могут потом повторяться и, тем самым, предполагают либо создают прецедент (что объясняется отчасти их по внешнему виду первоначально причастным характером, впоследствии формой женского рода прошедшего времени на *-ла*, по крайней мере, омонимичными с ними, а потому и внутренне ассоциирующимися);
- приписываемые как определяющие поведение совершающего, поглощающие, втягивающие, абсорбирующие его.

К этой группе можно было бы отнести такие глаголы и приглагольные состояния (положения): *бодать, бормотать, бурчать, бухать, вилять, вонять, воображать, воркотать, ворчать, выбегать* (вперед), *выбивать* (доставать), *выдирать, выжимать, вызывать, выпивать, вытворять, вытирать, вышибать, догонять* (понимать), *долбать, доставать* (как в значении кого-л., так и что-л.), *ебать, жевать, жрать, забивать* (мяч), *забирать, завираться, загонять, задаваться, задирать(ся), задолбать, заебать, зажигать, зажимать, зазывать, заикаться, закидать, заметать* (за кем-л.), *замотать, замывать, замыкать, запевать, запирать, засирать, зашибать, икать, катать* (обжуливать в карты), *кидать, ковы-*

*рять(ся), кричать, кракать, крякать, менять, мотать, надоедать, наду-
вать, насекать, начинять, обдирать, обжигать, обжимать, обжирать,
обзывать, обижать, обирать, обливать, обнимать(ся), обпивать, обпле-
вать, обсирать, обтирать, обувать (обманывать, надувать), объедать,
опивать, отбирать, отираться, отпирать(ся), плевать, погонять, подвы-
вать, подгонять, подбирать (за кем-л. либо что-л.), поддавать(ся), под-
жигать, подлипать (прилипать), подметать, подпевать, подпирать, под-
стрекать, подсыпать, подтирать, пожирать, помыть (мыть полы),
понукать, препираться, прибирать, придирааться, приживать(ся), при-
жимать, прилипать (к кому-л.), припевать, припирать, приставать,
притворяться, быть (жить) при хлебе, при хлебах (у кого-л.), протирать,
раздавать, разметать (кого-л.), раскидать, распевать, распекать, сди-
рать, сжирать, смоктать, сморкаться, сочинять, стричь, трепаться,
убегать, хлопотать, чихать, швырять, шептать, ширять(ся), шмонать,
шнырять, шуришать.*

Действия, передаваемые в глаголах *бегать, брякать, буркать, бұхать, дёргать, клюкать, кракать, смóркáть, торкать, трёкать, трю-
кать, хáркáть, хлёпать, хлюпать, хныкать, хрюкать, хряпать, чёркать, шаркать, шваркать, швыркать, ширкать, шмыгать, шоркать*, – можно было бы определять, соответственно, как

- вызывающие насмешку либо раздражающие, своим процессом ли-
бо повторяемостью (надоедливые, занудливые, назойливые, вторга-
ющиеся в сферу субъекта, нарушающие его представление о норме –
в субъективном отображении, передаче, оценке).

В свою очередь, еще одна, третья, группа действий, признаков и проявлений, отображаемых в глаголах, а с ними некоторых существительных и прилагательных, что ранее уже отмечалось, определялась бы в далее следующем представлении.

Таковыми словами были бы *бродить, бузить, устар. верзáть, вёрзить* ‘вязать’ (для *верзила*, в букв. знач. ‘длинная веревка’, согласно М. Фасмеру), *варить* (о сварке), *водить* (автомобиль), *волочить(ся), воротить, гро-
мить, долбить, дрочить, дурить, жилишь, забуриваться, заводить(ся),
задолбить, залепить, замочить, занудить, заправлять, замутить, здоро-
вый* (для *здоровила*), *зубрить, зудить, канючить, клянчить, копить, кру-
тить, кутить, лепить, ловчить, мазать, молотить, мочить, мудить,
мудрить, мутить, накопить, нудить, разводить, быть сволочью* (и *своло-
чить*), *скулить, вызывать страх, быть страшным, а также страшить,*

строчить, быть сукой, потерпеть (в аварии), *быть потерпевшим, торчать, хитрить, чертить, чудить, шерстить, шустрить, шутить*⁸⁴.

Данная группа определялась бы как такая, которая содержит:

- оттенок насмешливо-снисходительной отстраненности в отношении совершаемых действий (признаков, состояний) как повторяющихся, либо втягивающих, либо раздражающих, и поэтому неодобряемых, либо привязывающих совершающего к кому-л. или к чему-л., делая его зависимым и лишая самостоятельности;

- с чем связывается отмечавшийся ранее признак (как неизбывное свойство) предназначения, предопределенности, предначертания.

Называемый по такому обычно им выполняемому действию или действиям (свойственным признакам, положениям) субъект характеризуется, в результате, как тот, кому положено, выпало, так получилось, чтобы *водить, подметать, подтирать, (но)терпеть, быть здоровым* (в смысле физической силы и роста) и пр. То есть, фактически, как "предмет", назначаемый к совершению данного действия, переживанию в себе содержащегося в нем признака как состояния (опредмечивание, так же как следствие отстраненности). И, тем самым, лишенный самостоятельности, в первую очередь волевой, собою не распоряжающийся и зависимый от обстоятельств.

По выделенным основаниям, опираясь на них, можно было бы говорить о моделирующих, накладывающихся на сознание носителей, путях возможных не только имеющихся, но и последующих, т.е. потенциальных, субъективирующих (как это было нами определено) отображений обозначаемых лиц, а также о связанной с этим концептуальной области их восприятия и отношения к ним (в том числе и оценочного). Определялись бы данные основания по своим, для них характерным, признакам в отношении отображаемых с их помощью лиц, соответственно, как поглощающие и втягивающие в себя (абсорбирующие, *абсорптивы*), как привязывающие к себе, лишая свободы воли и выбора (*предистинативы*), повторяющиеся и тянущиеся (*итеративы*), раздражающие, мешающие, вызывающие неудовольствие (*ирритативы*).

Что касается названных прилагательных и существительных, в таких словах, как *здоровила, отчасти мудила* (если соотносить это слово с *мудьями* и *мудаком*, не исключительно с глаголом *мудить*), *сволочила, страшила*,

⁸⁴ Не все слова из возможных нашли свое отражение в трех описанных группах, но, как представляется, в достаточном для стоящей задачи числе.

сучила, – содержащийся признак в них проявляет себя как неизбежное, неизбывное, неотвратимое свойство в отношении обозначаемого лица, "тянущееся" за ним как постоянное в нем "состояние". И это была бы семантика названного перед тем *итератива*.

Признаки эти, будучи следствием значений производящих глаголов в виде ощущаемого либо осознаваемого характера передаваемых ими действий, в их восприятии говорящим как субъектом речи и языка, можно представить как составляющие его перцептивный узитатив, речевую привычку сознания и восприятия, часть его перцептивно-генеративной базы как носителя языка.

Отмечаемая в номинативах подобного рода по отношению к отображаемому референту-лицу опредмечиваемость в соединении с застывшей процессуальностью становится внутренним основанием характеристики и субъективной оценки. С чем тесно связывается упоминавшееся неоднократно на протяжении данной работы представление о носителе современной разговорно-обиходной и сниженной речи, близко связываемой с просторечиями, сленгами и жаргонами, предполагающем свое особое отношение к объектам обозначения в виде насмешливо-снисходительной, иногда иронической, ерничающей или ехидствующей отстраненности⁸⁵, с оттенком подтрунивания и издевки, с позиции (экспликативной, а также модулятивно-регистровой и тонической) «не мое», «со мной не связано, ко мне не относится», в отношении, в том числе и поскольку предметно-несамостоятельное, и к той форме и видимости, которая «человек».

2017 г.

⁸⁵ В.В. Химик, вслед за другими авторами, называет подобное отношение, находящее свое выражение в языке, *стёбом* и *остранением*: «...взгляд, ориентированный не на ближайшие результаты *блатного* остранения (переоценка общечеловеческих ценностей, бравада, снижение, вульгарность) и не на одни только конкретные асоциальные смыслы («воровство», «обман», «насилие», «убийство» и др.), а на сам механизм остранения и порождения новых номинативных и коннотативных единиц, позволяет увидеть универсальность и плодотворность действия этого приема ... тем более, что конечные результаты остранения в мире криминального языка, в молодежных подъязыках и в сленге так или иначе проявляются и в общеупотребительном литературном языке ... отправитель [подобного рода речи – П. Ч.] ... кроме общего номинативного содержания ситуации передает сложную гамму эмоций, экспрессию оценки, отчуждения от стандартов, избавления от условностей, а также выражает насмешку, иронию, эпатаж, т.е. все модусы, которые позволяют говорящему «расцветить унылую действительность». И, цитируя И.И. Ревзина, объясняет, что «...прием остранения сводится к отталкиванию от общенародного языка, в частности к такому разрыву скрытого и стертого отношения между означаемым и означающим, которое воспринимается на фоне этого отношения». (В.В. Химик: *Поэтика низкого...*, с. 65-66; И.И. Ревзин: *К семиотическому анализу тайных языков*. В: Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Москва 1962, с. 33). См. также: Л.А. Радзиховский, А.И. Мазурова: *Сленг как инструмент остранения*. В: *Язык и когнитивная деятельность*. Отв. ред. Р.М. Фрумкина. Москва 1989, с. 126-137.

Домашне-семейные и коммуникативно-средовые формы личных имен современного русского речевого узуса

Среди большого количества сокращенных образований⁸⁶ от личных имен, получаемых в основном в результате неморфемного усечения⁸⁷ и(ли) суффиксации, основную массу составляют, что не случайно, формы ласкательные и уменьшительные (*Саша, Саня, Шура, Сашенька, Сашечка, Санечка, Сашуня, Сашуля, Сашик, Сашок, Шурик, Шурочка, Санёк* и т.п.). Значительно меньшим и редким числом представлены увеличительные (*Иринья, Ирища, Анища, Ванище, Алёшище*) и с ними другие (*Глаха, Ваняха, Катюха, Костюха, Варюха, Игорёха, Натала*), характеризующиеся обычно как формы стилистической модификации с оттенками разговорности, просторечности, фамильярности или оценочной экспрессии⁸⁸.

Личное имя, как сфера индивидуального обозначения человека, пожалуй, как мало какая другая подвергается экспрессивной и стилистической модификации, субъективно-эмоциональной коннотации и оценочности. С этим связано и обилие форм, нередко не общеупотребительных и потенциальных, реализуемых в разговорной и, как следствие, в художественной речи. В самом этом явлении нет ничего ни удивительного, ни странного. Если задуматься над номинативно-референциальной природой личного имени, в соотношении с другими обозначениями человека, вывод следует очевидный: личное имя – наиболее близкая и в наибольшей мере связанная с личностью, индивидуально отмеченная форма ее названия. Стандартной фразой *У него / у нее / у меня / у такого-то есть имя!* задето подчеркивается не что иное, как индивидуальность, особенность персонального бытия, стерты другими обозначениями в речи у собеседника. Все остальные формы, по самым различным номинативным признакам⁸⁹,

⁸⁶ Некоторые имена способны иметь до ста сокращений, определяемых иногда, впрочем, не совсем правомерно, как варианты имен (*Справочник личных имен народов РСФСР*. Под ред. А.В. Суперанской. Москва 1979, с. 17).

⁸⁷ Или аббревиатурного усечения, см.: И.С. Улукханов: *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. Москва 1996, с. 33-35.

⁸⁸ *Русская грамматика*. Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Москва 1980, т. I, с. 217.

⁸⁹ В «Русском семантическом словаре» выделяется целый ряд таких оснований с дальнейшими подразделениями: по отношению к расе, национальности, территории, месту; по интеллектуальному, интеллектуально-эмоциональному и т.п. состоянию, свойству; по свойствам природы, чертам характера; по социальному свойству; по окказиональному состоянию; по характерному или разовому действию, поступку, функции; по профессии, специальности, роду занятий; по физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию; а также оценки и обращения. (*Русский семантический словарь*. Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва 1998, т. I.)

типизируют и обобщают, делая из того, кого называют, ролевую позицию, представителя, социальное или функциональное место, а не персону, лицо.

Парадоксальность личного имени, по крайней мере для языков европейского культурного ареала, состоит в том, что, при очевидной внешней немотивированности, а тем самым, и непривязанности по отношению к обладателю и культурно обусловленной неиндивидуальности (имя каждого, как правило, традиционно, т.е. общее имя), оно становится, преодолевая оба эти барьера, индивидуальным обозначением знакомого нам человека, прочно и однозначно связываясь в нашем сознании именно с ним. Не место здесь рассуждать на тему, каким собственно образом удастся эти немотивированность и обобщенность, заключенные в личном имени, референциально, т.е. применительно к называемому лицу, сознанию преодолеть, хотелось бы подчеркнуть только, что обилие экспрессивных и стилистических форм у личного имени во многом есть следствие преодоления данного парадокса. Преодоления, в первую очередь, внешнего и коммуникативного, поскольку вербального.

Интимная сфера ближайшего окружения нередко предполагает и допускает, что во многом, если не в основном, касается личных имен, использование в качестве обозначений конкретно данного человека подчеркнуто индивидуальных номинативных образований – кличек, прозвищ, нетиповых производных форм личного имени⁹⁰. Стремление к подобному роду индивидуализации имени-обозначения – явление, хотя и нередкое, в целом, однако, как представляется, ограниченное. Воспитанием, темпераментом и средой, точнее типом⁹¹ данного говорящего, его отношением к речи и человеку, людям вообще. Видимо, в силу того, что имя не только вербальная персональная оболочка лица, но и, в не меньшей степени, социальный знак⁹², манифестирующий принадлежность его обладателя «одновременно к нескольким сообществам: социальному, этническому, религи-

⁹⁰ См. специально посвященные данной теме работы: Л.А. Сергеева: *Об аксиологической природе прозвищ*. В: *Номинация в ономастике*. Свердловск 1991; Т.В. Нестерова: *Прагматика обращений-антропонимов в семейной сфере*. Канд. дисс. Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, Москва 1999; А.В. Занадворова: *Прозвища и обращения в семейном речевом общении*. В: *Русский язык сегодня*. Отв. Ред. Л.П. Крысин. Москва 2000.

⁹¹ Здесь, видимо, следует говорить о коммуникативно-психологических типах субъектов, воплощаемых, в частности, в способе речемыслительной деятельности, в не индивидуальных, стереотипных (типовых) особенностях говорения, восприятия и реагирования. Тема, практически не исследуемая в лингвистике. Косвенно данной проблеме посвящена работа автора: П. Червинский: *Обучение речи и языку: процесс как форма и коммуникативная типология говорящего*. In: *Respectus Philologicus*. 2003, Nr. 3 (8), s. 55-65.

⁹² Б.А. Успенский: *Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе*. В: Б.А. Успенский: *Избранные труды*. Москва 1996, т. 2, с. 187.

озному, кровнородственному», отмечающий характер «взаимоотношения между семейно-приватной и внеположными ей сферами»⁹³. В силу всех этих причин абсолютная индивидуализация имени, делающая его закрытым для внешнего социума, явление не типичное. Выполняя в речи функции характеристики, персонификации и оценки лица в коллективе, функцию установления контакта⁹⁴, обозначения и указания на лицо, привлечения внимания⁹⁵, будучи средством дифференциации отношений⁹⁶, прозвище, личная форма имени, тяготея к индивидуализации и исключительности, остаются, что неизбежно, в противном случае приписываемые им функциональные признаки были бы не распознаваемы, в пределах общего и типического, того, что составляет совместное коннотативно-ассоциативное поле носителей данного языка, тем самым, и представителей данного узкого коллектива. Даже так называемые разовые прозвища, являясь объектом языковой игры, создаются в рамках типичных и общих вербально-структурных и коннотативных моделей⁹⁷.

Исследовательская проблема, в данной связи и в первую очередь, состоит не столько в том, чтобы выяснить, насколько и в какой мере индивидуальное, использующееся как разовое или как более или менее постоянное в данном относительно замкнутом языковом коллективе (семья,

⁹³ И.А. Разумова: *Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История.* Москва 2001, с. 56.

⁹⁴ Л.А. Сергеева: *Указ. соч.*

⁹⁵ А.В. Занадворова: *Указ. соч.*

⁹⁶ И.А. Разумова приводит такое свидетельство: „Множественность наименований – показатель и средство дифференциации отношений: «Мне нравится, когда меня называют Анна, но так меня называют нечасто. Чаще всего папа. А мама меня называет Анюта, брат и тетя Люба – Анютка, а сестра – Аня» (Анна, 18 л.). А вот вариации того же имени в другой семье: «Меня зовут Аня, дядя меня называет Анчок, двоюродный брат называет меня Анчутка, а муж моей сестры вообще называет меня Анчоусом...» (И.А. Разумова: *Указ. соч.*, с. 58). Официальная полная форма (*Анна*) отмечает отношение отца к своей дочери как к взрослому и ответственному уже человеку, с подчеркиваемой, необходимой с точки зрения говорящего, дистанцией, при этом важно, что не всегда, но чаще всего. Сокращенная форма *Анюта* обозначает близость со стороны заботливой матери, как старшей и опытной. *Анютка*, как форма более непосредственная, снимает материнское отношение воспитательницы. *Аня* – нейтрально-разговорная и общедоступная форма, отмечающая нейтрально-доброжелательный тон отношений со стороны сестры. Формы второго рода (*Анчок*, *Анчутка*, *Анчоус*) подчеркивают благожелательно-игровой характер общего отношения к девочке как младшему члену семьи.

⁹⁷ „Имя попадает в фокус внимания, становится объектом языковой игры. Называние составляет часть процесса общения. Спонтанно создается «разовое» прозвище. ... Муж жене, которая долго спала днем: *Ну что выспалась / Ёня-споня? ... Лидуха-Поздно-Домой-Приходуха...*» (А.В. Занадворова: *Указ. соч.*, с. 262). И *Ёня-споня*, и *Лидуха-Поздно-Домой-Приходуха* образуются как по моделям образования слов (*соня*, *доня*, *тихоня*, *Моня*, *Лёня*, *Тоня*; *стыдуха*, *разруха*, *старуха*, *поруха*, *голодуха*, *вековуха*, *сеструха*, *Маруха*, *Катюха*), так и по моделям удваиваемого, утраиваемого и т.п. составления слов в фольклоре, в сатирических песнях, в дразнилках (*Дуня-тонкопряха*, *Маша-растеряша*, *Андрей-воробей-не гоняй-голубей*).

компания, как формы ближайшего окружения), соотносится с общеизвестным и общепринятым, сколько в том, чтобы определить, описать его, этого общего и типического, коннотативный характер. Для наглядности на примерах. Интересующая нас проблема заключается в том, чтобы определить, почему и когда возможна, уместна и используется форма, скажем, *Васяха*, когда *Васюха*, когда *Васёха*, когда *Васенда*, *Васяша*, *Васята*, *Васюра*, *Васечка*, *Васенька*, *Васюшка*, *Василёк* и почему для одних имен возможны и(ли) частотны одни наборы формообразований, а для других другие, у одних имен таких форм, принимаемых как типовые и узуальные, довольно много, но много по-разному, в известном смысле для каждого имени собственным, индивидуальным числом, с частотными показателями актуальности и экспрессивными признаками, а у других таких форм очень мало. И, наконец, в связи со сказанным, что, помимо общего экспрессивного признака, выражаемого в виде коннотативного показателя словообразовательного форманта, все-таки различает такие сходные и однотипные формы между собой (прежде всего оттеночно и узуально), как *Ванюша*, *Валюша*, *Катюша*, *Васюша*, *Манюша*, *Ксюша*, *Костюша*, *Котюша*, *Петюша*, *Федюша*, *Санюша*, или *Андрюха*, *Маруха*, *Сергуха*, *Петруха*, *Павлуха*, *Машиха*, *Варюха*, или *Дуняха*, *Саняха*, *Вадяха*, *Маняха*, *Витяха*, *Ромаха*, *Дмитряха*, *Лиляха*, или *Сашок*, *Санёк*, *Нинок*, *Валёк*, *Димок*, *Верок*, *Ленок*, *Лизок*, *Лидок*, *Людок*, *Витёк*, *Игорёк*, *Риток*; или *Вовик*, *Павлик*, *Гаврик*, *Гарик*, *Жорик*, *Петик*, *Федик*, *Костик*, *Котик*, *Ромик*, *Наташик*, *Нинашик*, *Алик*, *Эдик*, *Додик*, *Володик*, *Вадик* и пр. Поскольку, при сходстве, существенным образом различает. Действие и проявление этих различий обусловливается сочетанием признаков отчасти неосознаваемой семантики имени (этимологии?), отчасти национально-культурной традицией наречения и употребления, отчасти устроенностью (структурой и типом основы), отчасти историческим временем, социальной средой, а на семейно-приватном уровне – действием сложившихся выборов и предпочтений. Названные признаки при этом, выполняя функцию мотивирующих оснований, привлекались бы в качестве средства выявить и описать искомое – характер действующих в сфере личных имен и характерных для русского языка, его современного речевого узуса не (вполне) осознаваемых коннотативных и ассоциативно-экспрессивных моделей.

Объектом анализа в настоящей статье, в рамках указанной исследовательской проблемы, были две противопологаемые группы форм личных имен, разделяющихся, помимо естественным образом свойственной им

экспрессивной окраски, сферой, или типичной средой предпочтения, ближайшего – домашне-семейного и группового (компании сверстников) – коммуникативно-контактного окружения. Объединяющими признаками указанных сфер являются непосредственность, близость, постоянство, активность контакта. Признаком различающим – вид эмоциональных, устанавливаемых и действующих как типовые, межличностных отношений, точнее отношений к объекту обозначения формой имени. В сфере семейной этот вид отношений можно было бы определить как аффилиативный, т.е. включающий и поддерживающий, от позднелат. *affiliatio*⁹⁸ ‘усыновление’. Для молодежно-подростковой, а также мужской или женской, компании (уличной, школьной, дворовой, студенческой, рабочей, фабричной) таким ведущим было бы отношение конгрегативности, т.е. объединения в группу, от лат. *congrego, congregatum* ‘соединять, собирать’; *grex, gregis* ‘группа, общество, круг’. При общности признака акцептации и включения между семьей и компанией можно увидеть отличие в характере адаптивного действия, направляемого на объект. Для семьи это, прежде всего, освоение и привязанность. Для компании, группы ровесников – присвоение и слияние (нивелирующее избыточную индивидуальность, точнее было бы – индивидуумность, включение в свой общий круг). Чувство психологической защищенности в первом случае возникает из ощущения создаваемой близкими, также старшими, оболочки, как следствие обеспечивающих защиту, установленных и продолжающихся, облекающих и непосредственных связей; во втором – из ощущения общности типологических сходств, принадлежности, единения в группе.

Следует также оговорить объект названия в его ролевом отношении к остальным представителям коллектива. Для семьи это позиция младшего, реже равного (сын, дочь, внук, внучка, младший брат, сестра, племянник, племянница и т.п., а также их ролевые возможные заместители). То есть отношения, в первую очередь, асимметричные и симметричные⁹⁹ во вторую. Для компании это могут быть отношения как равного к равным, так и зависимого, или рядового, к доминирующему, лидирующе-

⁹⁸ Смысл термина базируется на трех семантических основаниях – п р и н я т и я в группу нового члена, еще одного лица; взаимной привязанности и связи его с другими; стремления к установлению и поддержке близкого с ним контакта (взаимная акцептация, отношение близости как выражение потребности в защищенности, эмоциональной и социальной включенности, групповой принадлежности). См. толкование термина *afiliacja* в *Słownik wyrazów obcych PWN*. Warszawa 2004, s. 11-12.

⁹⁹ Деление ситуаций общения на симметричные и асимметричные см.: Л.П. Крысин: *Речевое общение и социальные роли говорящих*. В: *Социально-лингвистические исследования*. Под ред. Л.П. Крысина и Д.Н. Шмелева. Москва 1976, с. 49.

му (доминирующим) и наоборот. Тем самым, как симметричные (в первую очередь), так и нет (во вторую). То есть порядок, по сравнению с отношениями в семье, прямо обратный.

Различие отношений в двух типах так называемых малых групп¹⁰⁰, каковыми являются в данном случае семья и компания, и интересовавшее нас, прежде всего, в отношении названных признаков аффилиатива и конгрегатива, неизбежно должны отражаться и отражаются в языке. Утверждение это не требует доказательств, и лингвистическая наука в последнее время начала подходить к изучению языков малых групп (см. цитируемые в сносках работы). Предмет настоящей статьи, находясь в данном русле, с одной стороны, более частен и узок, поскольку затрагивает один только вид явлений, характерных для таких языков – употребления форм личных имен. С другой стороны, напротив, более широк и обобщающ, поскольку формы личных имен служат средством определения видов и форм выражения (применительно к суффиксам) семантики эмоциональности и экспрессивности в языке. А с третьей, может показаться несколько проблематичным, поскольку следует еще разобраться в том, насколько и можно ли вообще признавать типовыми эмоциональные отношения в группе к называемому формой личного имени человеку, а также могут ли и должны ли отображаться подобные отношения в форме имени с помощью суффиксальных средств. Не утверждая прямо ни того ни другого, попробуем разобраться в этих вопросах на языковых примерах. Отчасти в этом и состояла задача. В том, чтобы определить, имеется ли между формой (формантом) и характером свойственной данному коммуникативному окружению типовой экспрессивности некая связь и, если имеется, то каким образом она себя проявляет.

Первым заданием в связи со сказанным было бы выявление узуально отмеченных аффилиативными и конгрегативными предпочтениями форм имен из ряда по горизонтали (образований от одного для них общего имени) и из ряда по вертикали (образований того же типа, с общим для форм формантом). Рассмотрим возможные производные двух мужских и

¹⁰⁰ Социологии и социолингвистике малых (семейных) групп, в частности, посвящены работы: С. Kirkpatrick: *The Family as Process and Institution*. New York 1955; E.W. Burgess, H.J. Locke, M.M. Thomes: *The Family: From Institution to Companionship*. New York 1963; В.Л. Ружже, И.Н. Елисеева, Т.С. Кадибур: *Структура и функции семейных групп*. Москва 1983; М.С. Мацковский: *Социология семьи: Проблемы теории, методологии, методики*. Москва 1989; Л.П. Крысин: *О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса)*. В: *Язык и личность*. Отв. Ред. Д.Н. Шмелев. Москва 1989; Л.А. Капанадзе: *Семейный диалог и семейные номинации*. Там же; Е.Ю. Кукушкина: *«Домашний язык» в семье*. Там же.

двух женских имен в указанном отношении. Не все из них, необходимо заметить, равно частотны и употребительны, многие редки, ограничены, потенциальны, окказиональны, что как раз не мешает им быть формами групповых предпочтений и проявлять соответствующую для таковых окраску и экспрессивность.

Андрей: *Андрюша, Андрюшка, Андрюшенька, Андрюшечка, Андрюшик, Андрюшкин, Андрюшник, Андрик, Андрейка, Андрейкин, Андрейчик, Андреюшка, Андреюшечка, Андреюшенька, Андреечка, Андреенька, Андря, Андра, Андрюня, Андрюнька, Андрюнечка, Андрюнюшка, Андрюнице, Андрюнина, Андрюха, Андрюся, Андрюська, Андрусик, Андрусенька, Андрусенький, Андруся, Андруська, Андрусенька, Андрёха, Андрёшка, Андрёшенька, Андрёшечка, Андряха, Андряшка, Андряшечка, Андряшенька, Андрястый, Андрея, Андреястый, Андрёня, Андрёнька, Андрёнечка, Андрёшенька, Андроня, Андроха, Андронька, Андронечка, Андронюшка, Андрошка, Андрошенька, Андрошечка, Андрюхан, Андрюшаня, Андрюшанька, Андрюшанечка, Андряян, Андрюка, Андрёка, Андряха, Андраха, Андряка, Андряся, Андряська, Андряськин, Андрясенький, Андрястенький, Андрява.*

Формами конгрегатива в ряду перечисленных могли бы быть, с определенными оговорками и пояснениями, те, что подчеркнуты. Все прочие могли бы составить группы различных эмоциональных оттенков аффилиатива (но не только домашне-семейного), внутри которого обнаруживает себя тенденция структурно-цепочечного (словообразовательных типов) притягивания. Ряд производных, выступая в роли исходных, формирует последовательности, передаваемые однотипными суффиксами эмоционально-оценочных вариаций: *Андрюша – Андрюшка – Андрюшенька – Андрюшечка – Андрюшик – Андрюшкин – Андрюшник* с исходной *Андрюш-*; *Андрейка – Андрейкин – Андрейчик – Андреюшка – Андреюшечка – Андреюшенька – Андреечка – Андреенька* с исходной *Андрей(к/ч/уш/ечк/еньк)-*; *Андрюня – Андрюнька – Андрюнечка – Андрюнюшка, Андрюнице – Андрюнина* с исходной *Андрюн'-*. Подобным же образом с *Андрус'-, Андрус'-, Андрёш-, Андряш-, Андрён'-, Андрон'-, Андряс'-* как исходными. Для конгрегатива цепочечные последовательности не свойственны, в представленном горизонтальном ряду его проявления имеют характер точечно-спорадический. Если аффилиатив, тем самым, имеет своего рода форму веера, распространяясь от центра по кругу последовательно-цепочечных и повторяющихся в формантах, в том числе и в семантике, образований, то конгрегатив представляет собой время от времени

проявляющиеся вкрапления разной силы и разной степени связи с его основной семантикой. Указанное различие отнюдь не случайно и может рассматриваться как типовой показатель одного и другого.

Сергей: *Серёжа, Серёжка, Серёженька, Серёжечка, Серёжик, Серёжушка, Серж, Сержик, Сергуня, Сергунька, Сергунечка, Сергунчик, Сергунькин, Сергунюшка, Сергунок, Сергуха, Сергаха, Сергуша, Сергушка, Сергушенька, Сергушик, Сергоня, Сергонька, Сергонечка, Сергонюшка, Серго, Серьго, Серёга, Серый, Серенький, Сергаиш, Сергаишник, Сергаишник, Серёня, Серёнька, Серёньчик, Серёнькин, Сергея, Сергеян, Сергейка, Сергейчик, Сергеечка, Сергеюшка, Сергеенька, Сергуля, Сергулька, Сергулечка, Сергуленька, Сергулик, Серьга, Серятина, Сера, Серя, Серик, Серька, Серечка, Серяга, Серганя, Серганька, Серганечка, Серяня, Сергоха, Сергошка, Сергошенька, Сергошечка, Серева, Серьё, Серьва, Серёля, Серёлька, Серёлечка, Серёленька, Серуля, Серулька, Серулечка, Серюлюшка, Серястый, Серьгастый, Сергастый, Серюля, Серюлька, Серюлечка, Серюленька, Серюлик, Серюльчик, Серюлюшка, Серюлькин, Сергоша, Сергошенька, Сергошечка, Сергошик.*

Первое, на что следовало бы обратить внимание и что естественным образом отражает особенности противоположения домашне-семейных и коммуникативно-средовых (компания сверстников) отношений, это на разный характер эмоционально-экспрессивной окраски форм, типичных для одних и других. Если домашне-семейные формы тяготеют, в первую очередь, к различным оттенкам ласкательной, уменьшительной, увеличительной эмоциональной окраски в системе традиционных помет, то средовые предполагают оттенки иного рода – пренебрежительные, насмешливые, иронические, шутливые. Ведущим тоном эмоциональности средовых форм могла бы быть определена фамильярность, как средство статусного снижения и выравнивания. Определяющим тоном домашне-семейных форм – участие, партитивность, эмпатия.

Указанная особенность не означает для форм невозможности перекрестного их употребления в нетипичной среде, ограничений подобного рода нет, поскольку обе сферы открыты, незамкнуты и взаимодействуют. В семейном кругу, равным образом как и в компании сверстников, возможно использование самых различных форм, в зависимости от коннотативных потребностей, контекста и желания говорящего. Не свойственное среде, но употребляемое в ней, будучи средством стилистической транспозитивности, вводит в круг ближайшего окружения компонент оценочно-

игрового смещения. Если мать называет сына *Серёга* или *Толян*, то, вольно или невольно, она говорит о нем как об участнике совершенно иных ролевых отношений – не как о ребенке и младшем в семье, а как об одном из подростков, парней в компании сверстников, определяя, тем самым, его предпочтения, желание независимости в семье, подростковость, взрослость и пр. Вместе с тем формы *Серёжик*, *Серёженька* в среде ровесников могут обозначать либо подчеркнуто равнодушное, любовное отношение к объекту (со стороны представительниц женского пола, скажем), усиливаемое в каком-то контексте просьбой, желанием понравиться или привлечь внимание к чему-то важному на данный момент (как средство эмоциональной актуализации), либо его, того, кого так называют, принадлежность не группе ровесников, а семье, как ребенка, младшего, маменькиного сынка. И в том и в другом случае средством такого обозначения становится ролевое смещение, точнее заимствование, транспозиция, перенос формы одного окружения в систему типовых отношений другого. На базе такого перемещения возникает и следует из него оценка и эмоционально окрашенное отношение говорящего к обладателю данного имени.

Для каждого, кто обратится к затрагиваемому вопросу, сказанное в предыдущем абзаце может показаться достаточно очевидным. Искомая нами проблема, однако, состояла в другом. В том, чтобы определить 1) имеются ли структурные и системные показатели средовой отнесенности формы имен и, если да, то в чем они состоят; 2) для всех ли имен или только для некоторых и, если для некоторых, то для каких, можно выявить подобные средовые предпочтения в отношении производных форм; каков характер таких имен, если он может быть выявлен и описан; 3) какими способами можно описывать средовую отмеченность формы имени и что это, собственно, за отмеченность, поскольку принятые наборы эмоционально-экспрессивных помет (ласк., уменьш., ирон., пренебр. и т.п.) ее характера не отражают и, наконец, 4) как связана эта отмеченность и ее экспрессивные, смысловые и коннотативные разновидности с системой ролевых и, тем самым, как следствие, типовых (в какой только мере?) отношений аффилиативной (домашне-семейной), конгрегативной (компании сверстников) и другой какой-то среды. Прежде чем приблизить для рассмотрения названные проблемы, которые в данной статье можно только наметить, представим возможные формы, для сопоставления, также двух женских имен и попытаемся подойти к вопросу с еще одной стороны – социально-

регистравой и ассоциативно-культурной отмеченности форм имени, а также самих имен.

Нина: *Нинка, Ниночка, Ни́нушка, Нинонька, Нинаха, Нинок, Ниночек, Нинель, Нинелька, Нинелечка, Нинелюшка, Нинон, Нинончик, Нинака, Нинока, Ниноха, Ниношка, Ниношенька, Ниношечка, Нинуха, Нинушенция, Нинаня, Нинанька, Нинанюшка, Нинуся, Нинуська, Нинусечка, Нинусюшка, Нинусик, Нинуля, Нинулья, Нинулька, Нинулечка, Нинуюшка, Нинуленька, Нинура, Нинурка, Нинурочка, Нинуронька, Нинурушка, Ниноля, Нинолька, Нинолечка, Ниноленька, Нинолюшка, Ниналя, Ниналька, Ниналечка, Ниналенька, Ниналюшка, Нинуша, Ниnúшка, Нинушечка, Нинушенька, Нинушушка, Нинуш, Нинушик, Нинушкин, Нинушок, Ниношочек, Нинчик, Ниник, Нуся, Нуська, Нусечка, Нусенька, Нусюшка, Нусик, Нусёк, Нусёчек, Ника, Ничка, Ниченька, Ничушка, Нита, Нитка, Ниточка, Нитонька, Нитушка, Нитуш, Нитушик, Нитушок, Нитошонок, Нима, Нимка, Нимочка, Нимок, Нимочек.*

Вера: *Верка, Верочка, Веронька, Верок, Верочек, Верик, Верчик, Веркин, Вероньчик, Веруньчик, Верунькин, Веронькин, Вéрушка, Веруся, Веруська, Верусечка, Верусенька, Верусюшка, Верусик, Веруськин, Верушенция, Веруля, Верулька, Верулечка, Веруленька, Веруюшка, Верулик, Верулёк, Верулёчек, Верулёнчик, Верулькин, Веруленция, Веруня, Верунья, Верунька, Верунечка, Верунюшка, Верунькин, Веруник, Веруха, Веруша, Веру́шка, Верушечка, Верушенька, Верушушка, Верушня, Верашня, Верошня, Вераха, Вераша, Верашка, Верашечка, Верашенька, Вероха, Верошка, Верошечка, Верошенька, Верошушка, Верошик, Вераня, Веранька, Веранечка, Веранюшка, Веранда, Вега, Вега, Верище, Верища, Вералище, Вералища, Веранище, Веранища, Руся, Руська, Русечка, Русенька, Руськин, Русик, Русёк, Руша, Рушка, Русечка, Русенька, Рушик, Рушок.*

Если аффилиативные формы женских имен от аналогичных мужских принципиальным образом не отличаются, отмечая позицию (младшего) члена в семье независимо от пола, то конгрегативные формы, даже при общности суффиксов (*Витёк* и *Нинок*, *Сергуха* и *Веруха*, к примеру), в экспрессивно-эмоциональном и семантическом отношениях, не совпадают, отмечая исходно неодинаковую ролевую позицию женского и мужского в социуме, что находит затем свое отражение в межличностных отношениях и позициях конгрегативных сред.

Социальная, шире позиционная и релятивная разной природы, ангажированность формы личного имени, а также ряда собственно личных

имен, явление культурно и исторически обусловленное. Так, суффиксы *-к-* и ударный *-ушк-* вплоть до начала XX века в отношении личных мужских имен отмечали позицию младшего и зависимого по отношению к старшему и господину или, как следствие, представителя социальных низов; в отношении женских – прислугу, девушку из простонародья (не бабу, поскольку в отношении женского имени не без значения был возраст и семейно-брачное положение). В челобитных, письмах проситель или младший по возрасту именовал себя формами *Федька, Васька, Гришка, Сидорка, Иванко, Степанко, Петрушка, Сергушко, Митрофашка*, в то время как старшего, того, к кому обращался, по имени-отчеству. Пётр I называл своего верного подданного, из простонародья, хотя и ставшего по его повелению князем, *Алексашка* Меньшиков. Помыкая выдвинутыми им людьми, Иван Грозный, по историческим данным, отображенным в художественной литературе, в минуты неудовольствия и желая указать им место, а часто и просто в духе, игриво, сам будучи не просто *Иваном*, но *Иоанном Васильевичем*, честил их простецки *Федькой* (Басманов), *Васькой* (Грязной), *Афонькой* (Нагой и Вяземский, хотя и князь, но свой), *Бориской* (Годунов) и при этом, хотя и высокомерно, *Михайла*, поскольку князь, но не свой (Воротынский) и ненавистные ему, также князья, Старицкий, Курбский остались в истории как *Владимир, Андрей*. И он же, Иоанн, детей своих и не своих, но как своих – *Иринушка* (дочь), *Борисушка* (о том же Годунове, но как о любимом зяте), *Максимушка* (Скуратов, сын Малюты) об убиенном царевиче – *Димитрий*.

Указанные различия последовательны и четки, вплоть до перехода в имена нарицательные. *Аленка, Машка, Дунька, Дашка, Парашка, Палашка, Танька, Катька* – девчонки, девки из простонародья, прислуга в господском доме; деревенские – *Ганка, Глашка, Аксютка, Марфушка, Лушка, Клушка. Ванька* – извозчик, *Васька* – мальчик на побегушках, слуга в трактире¹⁰¹. Исторические и полуисторические *Гришка* Отрепьев, поскольку самозванец и вор (*Лже-Димитрий*), *Стенька* Разин (крамольник), *Ванька* Каин (разбойник), *Ванька-Ключник* (преданный раб), *Васька* Шибанов (верный слуга своему господину); *Ванюха* Перстень (лесной молодчик, ставший затем *Иваном* Кольцо – в ватаге Ермака покоритель Сибири). *Петруха, Павлуха, Андрюха*, а также *Андрюшка, Павлушка, Ванюшка*,

¹⁰¹ На подобные переосмысления имен собственных с переходом их в экспрессивные слова нарицательного значения как на характерное для крепостнического обихода явление, что нашло свое отражение в русской литературе XVIII-XIX вв., обращает внимание, в частности, В.В. Виноградов (В.В. Виноградов: *История слов*. Москва 1999, с. 578-581).

Петрушка с ударным *-ушк-* – парни из простых; дядя *Митяй*, *Минай* (у Гоголя), *Федяй*, *Петряй*, *Петяй* – крестьяне, мужики, великовозрастные парни. Любимая дочка, внучка или ее роль – младшее по отношению к любящему старшему, опекуну, отсюда подчеркнуто ролевая форма (для окружения, для других) – *Аннушка*, *Любушка*, *Настасьюшка*, *Маринушка*, *Василисушка*, *Марьюшка*, *Варварушка*, *Натальюшка*, покровительственно-благожелательные в отношении мужских – *Филиппушка*, *Никитушка*, *Андреюшка*, *Сергеюшка*, *Васильюшка*, *Николушка*, *Фетисушка*, *Борисушка* или сочувствующие *Борюшка*, *Петьюшка*, *Ванюшка*, *Витюшка*, *Кольюшка* (совсем другое подчеркнуто свойские *Петюшка*, *Ванюшка*, *Витюшка* и неупотр. **Борюшка*, **Кольюшка*); и они же непосредственного участия, как ближайшее мое, без ролевой проекции – *Аннинька*, *Любинька* («Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина), *Машенька*, *Варенька*, *Лизанька*, *Настенька* или уменьшительно-умильные, преувеличенно-сочувствующие *Анечка*, *Любочка*, *Санечка*, *Ирочка*, *Светочка*, *Наташечка*, *Витечка* (ср. *Любочек*, *Санёчек*, *Ирочек*, *Светочек*, *Витёчек*, того же эмоционально-жалующего отношения, что *Дюймовочка*, *красоточка*, *касаточка*, *рыбочка*, *цветочек*, *василёчек*, *милочек*, *дружочек*, *ангелочек*) наряду с *Иронька*, *Светонька*, *Наташенька*, *Витенька*; просительно-заискивающие или заигрывающие и насмешливые *Витюнечка*, *Витянечка*, *Димунечка*, *Димулечка*, *Васюлечка*, *Витюлечка*, *Витюлик*. И совсем другое *Димуюшка*, *Витюлюшка* – заботливо-благожелательные, участливые.

Подчеркнуто домашними, семейными, в отношении своего, будут формы *Игнаша*, *Андрюша*, *Марьяша*, *Любаша*, *Илюша*, *Федяша*, *Ромаша*, с оттенками ближайшего участия *Катюша*, *Петюша*, *Федюша*, *Кирюша*, *Ксюша*, *Павлуша*, с переходом иногда в нарицательные и символные *Ванюша* (свой парень, добрый малый), *Алёша* (наивный, излишне добрый и простой), *Машиа* (любая, рядовая, всякая, простецкая, женщина, девушка, ср. *Маруха* в жаргоне ‘любовница’).

Отмеченными могут быть не только формы, но и некоторые имена, иногда целыми сериями, но при этом не все. Так, *Матвей*, *Тимофей*, *Герасим*, *Тихон*, *Проход*, *Герентий*, *Трифон*, *Сидор*, *Филипп*, *Федот*, *Дормидонт*, *Савелий* – крестьяне, купцы, представители низов; *Александр*, *Антон*, *Роман*, *Артемий*, *Аркадий*, *Ростислав*, *Игорь*, *Лазарь*, *Сергей*, *Лев*, *Борис*, *Андрей*, *Георгий*, *Герман*, *Аполлинарий* – представители иных сословий, что особенно заметно и отмечено для духовенства – *Филарет*, *Гермоген*, *Илларион*, *Епифаний*, *Агафон*, *Амвросий*, *Антонин*, *Арефий*,

Афиноген, Варлаам, Галактион, Ираклий, Памфилий, Прокофий, Порфирий, Феодосий, Феофан, Фотий, Ювеналий. Деревенские или городских низов *Домна, Дарья, Марья* (но совсем иное *Мария*), *Клавдия, Прасковья, Пелагея, Авдотья* (но нейтральное *Евдокия*), *Настасья* (но иное *Анастасия*), *Степанида, Анисья, Агафья, Лукерья, Марфа, Меланья.* И совсем иные *Аделаида, Альбина, Алевтина, Алла, Антонина, Берта, Борислава, Валерия, Вероника, Диана, Евгения, Инна, Людмила, Клара, Майя, Муза, Рената, Регина, Серафима, Стелла.*

Как и среди имен, так и среди их форм имеются также такие, которые трудно характеризовать как социально или узуально отмеченные. Не все имена, как показывает исследование, к тому же, имеют формы, четко воспринимаемые как домашние или средовые. Отмеченность эта во многом факультативна и проявляется в явном и недвусмысленном виде не для всех имен. Узус, традиция, предпочтения, обусловленность временем, актуальность, частотность имени, характер его культурных и исторических обусловленностей – все это сложным и неоднозначным образом, вплетаясь в систему имен, влияет на формы, нейтрализуя или меняя действие участвующих в социальной и узуальной дифференцированности формантов. Социальное, средовое и узуальное взаимодействует в форме имени и в форманте с эмоциональным и экспрессивным, в разных нередко долях, в зависимости от имени, контекста употребления и социального времени, давая проекции сочетаний того и другого. В одном ряде случаев преобладающим может быть узуально-средовое, в другом таком ряде преобладающим, а иногда и единственным, эмоциональное и экспрессивное, и тогда трудно, если вообще возможно, говорить о средовой или узуальной отмеченности формы имени и ее форманта. Последовательное определение и различение, по признакам, узуально-средовых и эмоционально-экспрессивных, часто выступающих совмещенно, форм и формантов имен требует подробного и обстоятельного изучения. На примере представленных форм – двух мужских и двух женских имен – можно было бы обратить внимание на некоторые закономерности, результат проявления которых, нивелируясь факторами культурной традиции и речевого употребления, в отношении других имен может иметь иной характер.

Существенную проблему для определения узуального вида формы составляет степень ее средовой отнесенности. Степень эта может быть разной, и формы имен, по-разному относясь к среде предпочтения, в одних случаях могут быть определены по отношению к ней как почти беспор-

ные, в других как возможные и тяготеющие, в третьих – как не релевантные. Скажем, формы *Андрюша*, *Андрюшка*, *Андрюшенька*, *Андрюшечка*, *Андрюшик*, *Андрюшкин*, *Андрюшник*, *Андрик*, *Андрейка*, *Андрейкин*, *Андрейчик*, *Андреюшка*, *Андреечка*, *Андреевка*, *Андря*, *Андрюня*. Можно ли все их рассматривать как формы домашне-семейного предпочтения? Что их как таковые объединяет, какие общие признаки, и что различает, и в каком отношении?

Отвлечемся от действия эмоционально-экспрессивного компонента окраски, существенного и несомненного в них, и обратимся к возможностям узуального предпочтения. Первое, на что следовало бы обратить внимание, это на то, что данные формы (регулируясь видом эмоциональной окраски, но это переместим на последующий план) проецируют разный характер и тон субъективного отношения к объекту. Таким отношением может быть тон нейтрально-приятельный (*Андрюша*), свойский (*Андрюшка*, *Андря*, *Андрюня*), подчеркнуто-теплый (*Андрюшенька*, *Андрюшик*), заботливо-благожелательный или искательный (*Андрюшечка*), игривый (*Андрюшкин*), игриво-насмешливый (*Андрюшник*).

Остальные формы можно было бы описать сочетаниями перечисленных отношений: свойский теплый (*Андрик*), нейтрально-приятельный заботливо-благожелательный (*Андрейка*), теплый игривый (*Андрейкин*, *Андрейчик*), заботливо-благожелательный подчеркнуто-теплый (*Андреюшка*); с обратным порядком акцентов – подчеркнуто-теплый заботливо-благожелательный (*Андреечка*), усиленно подчеркнуто-теплый заботливо-благожелательный или просительный (*Андреевка*).

Обозначенные характеристики могут быть и не единственными, и не точны. Цель состояла в другом. В демонстрации релевантности тонового определения формы личного имени как отражения, в каждом отдельном случае, типа отношения субъекта – того, кто использует данную форму имени или предпочитает ее, отмечая, тем самым, свое отношение к объекту – носителю имени. Каждый член семейного коллектива может, хотя и не обязательно, выбирать форму имени в обращении к его обладателю или в речи о нем, как единственную и предпочитаемую или как форму данного речевого использования или контекста. При этом выбор и форма – *Андрюша* или *Андрюшка*, *Андрюня*, *Андря*, *Андрейчик*, *Андреюшка* и т.п. – отмечают не только, точнее не столько, эмоцию говорящего и необходимую экспрессивность, сколько, через то и другое, регулятивный характер своей позиции и своего отношения к называемому так лицу, отражаемый в

тоне (см. перечисленные), имеющий не субъективно-неограниченный и неисчисляемый (хотя и такое возможно посредством окказиональных, оттеночных форм), а типологически обусловленный существующими формами и действующими в них формантами вид.

Указанную особенность – формирование на фоне и с помощью эмоциональной и экспрессивной окраски форманта и формы различных видов субъектного отношения к называемому лицу – следовало бы признать характерной, в первую очередь, для домашне-семейных форм. Формы коммуникативно-средовые, также предполагая проекцию вида субъектного отношения, в качестве основного, ведущего признака предполагают не различие типов и тонов, а профилирующий их характер с варьирующимися оттенками приближения / отдаления к главному, задающему виду, включающими в окраску употребления формы, как дополнительные и сопровождающие, регистры позиционного и экспрессивного отношений. Определяющими и различающими, помимо возможности выбора и числа, для домашне-семейных форм будут также наборы типов, существенно отличающихся по своему характеру от типологии коммуникативно-средовых (компанейских) форм.

Однако прежде чем названное отличие может быть показано на примерах, имеет смысл обратиться, для установления общего и различающего, к материалу домашне-семейных форм трех других из выбранных личных имен. С тем чтобы установить, действуют ли в них те же тоновые характеристики субъективного отношения, выражаемые теми же суффиксальными средствами, или их вид и наборы обуславливаются чем-то другим – скажем, индивидуальным характером и типологией имени.

Серёжа – основная сокращенная форма (от полной *Сергей*), являясь обиходно-нейтральной, не столько домашне-семейная, сколько общепотребительная неофициальной сферы общения. Тем самым, первая позиция нейтрально-приятной формы, к которой можно было бы ее отнести, имеет, в отличие от формы *Андрюша*, более широкое применение, не обусловленное сферой семьи. Формы *Сергоша*, *Сергуша*, как менее распространенные, но и не только вследствие этого, в тоновом отношении не нейтральны. Первая имеет оттенок насмешливой благожелательности, вторая – приятной снисходительности.

В связи с изначальным несовпадением основных сокращений (*Серёжа* – *Андрюша*), прочие формы, в том числе и домашне-семейного предпочтения, также выглядят в несколько ином оформлении. *Серёжка* – фор-

ма скорее общеупотребительная, неофициальной и разговорной сферы, равно возможная как в семейном, так и в другом окружении ближайшего взаимодействия, имеет оттенком фамильярную непосредственность намеренной близости и эмоционально-приподнятого участия.

Выделенные тоновые оттенки регистров на основе первого имени действуют также и в отношении форм второго, но как бы в ином экспрессивном поле, ином изначальном ключе. Тон, названный свойским, можно увидеть в формах *Серж, Сержик, Сергуня, Серго, Сергея*, но эти формы с трудом можно было бы определить как домашне-семейные, характер их проявления шире, это формы ближайшего окружения как такового. И в этом, пожалуй, определяющее отличие того и другого имени. Имя *Сергей* как бы в целом тяготеет к внешнему и окружению и как внешнее входит в семейный круг, включаясь своими формами в его тоновые регистры, определяющие позицию говорящего и его субъективное отношение к носителю имени как объекту речи. В то время как имя *Андрей*, с точки зрения форм, начинающих ряд от ведущей *Андрюша* (– *Андрюшка*), может быть определено в своем направлении как действующее от внутреннего, домашне-семейного, круга к внешнему и окружению. Интересно и показательно в этом отношении то, что форма *Андрюшка* в разговорной речи, используя как имя нарицательное, обозначает ребенка мужского пола. Или еще не родившегося (*Андрюшку тебе рожу*), либо же обобщенно, если имя его неизвестно или имени еще нет.

Подчеркнуто-теплый тон можно увидеть в формах *Серёженька, Серёжик* (*Андрюшенька, Андрюшик*), но, как и во всех других, указанных и не указанных, случаях, характер различающей направленности – внутрь извне для первой пары и изнутри вовне для второй – по-иному охватывает и действует в отношении семантико-экспрессивной заряженности данных форм. Последующие тоновые соотношения будут подчиняться, помимо обертоновых оттеночных включений, тому же, исходно регулирующему, действию направленности внутрь извне (в семейный круг из внешнего окружения): заботливо-благожелательный или искательный – *Серёжечка* (*Андрюшечка*), игривый – *Сергунькин* (*Андрюшкин*), игриво-насмешливый – *Сергунчик* (*Андрюшник*) и т.п.

Оставляя в стороне другие, также важные, различия и тонкости, можно было бы сказать, что регистровые и тоновые характеристики, регулирующие внутрисемейные позиции и отношения, действуют в целом независимо от форм, используя их, включая их при употреблении в себя.

При этом иногда по-разному применительно к формам и в не обязательно совпадающих сочетаниях, в зависимости от имени, его экспрессивно-семантической заряженности, обусловливаемой традицией связанных с именем представлений. Использование это, с проекцией форм имени к семейным тоновым регистрам, отчасти только может выглядеть индивидуально в отношении имени, в целом же оно, как таковое, определяется типологическими его свойствами. Равным образом как типовыми выглядят и сами тоны (индивидуальными, возможно, в сочетаниях и применительно к окказиональным формам, удовлетворяя внутреннему требованию персонифицированности: называемое лицо как индивидуальность и такое же персонифицирующее его обозначение формой). И та и другая типология, т.е. типология тоновых регистров внутрисемейных отношений и ассоциативно-экспрессивная типология имен, требуют основательного изучения, с тем чтобы впоследствии можно было их во взаимных отношениях рассматривать.

Что касается женских имен, то выразительно домашними, с точки зрения предпочтительности употребления, могли бы быть для выбранных такие формы: *Нинушка, Нинонька, Нинóшка, Нинóшенька, Нинóшечка, Нинанька, Нинанюшка, Нинуся, Нинуська, Нинусечка, Нинусюшка, Нинуша, Нину́шка, Нинушечка, Нинушенька, Нинушушка*, а также формы, образованные от *Нуся* (из *Нинуся*) – *Нуська, Нусечка, Нусенька, Нусюшка, Нусик*. Другие формы вторичного сокращения и фонематических замещений – *Нусёк, Нусёчек, Ника, Ничка, Нита, Нима* и производные от них, – являясь нередко формами игровых ассоциаций (*Нусёк – гусёк, Ника – Вика, Лика*), предполагают, в первую очередь, отношения равенства и фамильярности, т.е. симметрию, что для домашне-семейных форм не так характерно.

Для *Веры*, второго женского имени, такими формами могли бы быть: *Веронька, Вéрушка, Веруся, Веруська, Верусечка, Верусенька, Верусюшка, Веруня, Верунька, Верунечка, Верунюшка, Верунькин, Веруник, Веруша, Веру́шка, Верушечка, Верушенька, Верушушка, Верáнька, Веранечка, Веранюшка, Верище, Верища, Руся, Руська, Русечка, Русенька*.

Говоря об отличии выбора форм применительно к показателю «домашний» для женских и мужских, следовало бы отметить, возможно, несколько большую узость и большую привязанность женских форм, по крайней мере в отношении к двум выбранным, к структуре, выражаемой формантом. Вывод несколько предварительный и на широком материале

последовательно не апробированный, однако некая действующая тенденция в целом весьма ощутима. Женские имена, с одной стороны, отмечая традиционную позицию женского в русской народной культуре как, по самому своему назначению, сидящего дома (ср. у В. Даля: *Мужик да собака на дворе, баба да кошка в избе*¹⁰²) и вместе с тем, в отношении младшего, дочери, как своего для чужого (*Дочь, чужое сокровище. Холь да корми, учи да стереги, да в люди отдай*¹⁰³), в отличие от сына, парня (*Сын глядит в дом, а дочь глядит вон*¹⁰⁴), с другой же стороны, принимая нередко суффиксы типично мужского вида (-ок, -очек, -он, -ончик, -чик, -онок, -кин), создают в отношении проекции к семейному и домашнему именно ту отмеченную узость, для выразительности и определенности которой требуется необходимое суффиксальное сопровождение с помощью -онька, -ушка, -анька, а также -уша, -иша, -оша, -уся, – как морфов наиболее чистой домашне-семейной отнесенности. В отличие от таких, скажем, как -уля, -уня, -оня, -ечка, -уха, -оха, -ура, -ута и пр., воспринимаемых в первую очередь как морфы эмоционального отношения или оценки.

В отношении тоновых различающих регистров между женскими и мужскими формами также ощутимо отличие. Если женские формы более тяготеют к проявлениям заботливо-благожелательного и подчеркнуто-теплого отношений (в ряду представленных для форм от *Андрей*, хотя относительно женских проекций сами характеристики тонов будут выглядеть по-другому), в то время как нейтрально-приятные и свойские, а также искательные и просительные для них не типичны, то мужские, как раз напротив, проявляют тенденцию к этим последним. Показательно и то, что характерные для тех и других игривые и игриво-насмешливые по-разному, в разном количестве и с несовпадающими оттенками, проявляют себя для тех и других. Для женских имен в значительно большей мере типичны также и неожиданные игровые структурные образования, передаваемые соответствующими формантами: *Нинушенция, Нинака, Нинока, Нинулья, Нинура, Ниноля, Верушенция, Веруленция, Веранда, Вераня, Верашня, Верошня, Верага*. В группе женских подобные формы активнее и встречаются чаще, чем в группе мужских имен. Подробное и основательное определение различий и тоновых характеристик по группам и собственно именам требует системной последовательности с обращением к широкому материалу.

¹⁰² В. Даль: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва 1955, т. I, с. 32.

¹⁰³ Там же, с. 487.

¹⁰⁴ Там же, с. 487.

Говоря об отличии домашне-семейных (аффилиативных, по принятому нами определению) от коммуникативно-средовых (конгрегативных) форм, точнее было бы сказать, компанейских, если бы данное слово не обладало не подходящей для этого экспрессивностью, обратим внимание только на основное. Конгрегативы имеют четко выраженную и значимую структуру, причем их структура существенным образом отличается от структуры аффилиативов. В отличие от аффилиативов, конгрегативы, в регистрово-тоновом отношении менее вариативны и более референтно привязаны, репрезентантны и знаковы в отношении называемого формой лица.

Обратимся к примерам. **Андрей:** *Андра, Андрюха, Андрёха, Андряха, Андрястый, Андрея, Андреястый, Андрёня, Андроня, Андроха, Андрюхан, Андреян, Андрюка, Андряха, Андраха, Андрява; Сергей:* *Сергуха, Сергаха, Сергоня, Серёга, Серый, Серенький, Сергаиш, Серёня, Серёньчик, Сергея, Сергеян, Серьга, Серятина, Сергастый, Сера, Серя, Серик, Серяга, Серганя, Серяня, Серева, Серьё, Серьва, Серястый, Серьгастый, Сергастый; Нина:* *Нинаха, Нинок, Ниночек, Нинель, Нинон, Нинончик, Нинака, Нинока, Ниноха, Нинуха, Нинушенция, Нинаня, Нинуля, Нинура, Ниноля, Ниналя, Нинуш, Нитка, Нитуш, Нима; Вера:* *Верок, Верочек, Веруха, Вераня, Веранда, Вега, Вега.*

Конгрегативы могут быть образованы а) средствами нетипичного для данного имени усечения (*Андра, Серьга*, ср. типичные *Федя, Митя*) либо вариативно к общепринятой обиходно-нейтральной форме (*Серёга* вместо *Серёжа*, т.е. без чередования); б) от усеченных (*Андр-, Сер-*) или от полных (*Серг-, Нин-, Вер-*) основ с помощью суффиксальных морфов (как после мягких, так и после твердых согласных) *-уха, -оха, -аха, -оня, -ан, -ука, -ава, -аиш, -ага, -аня, -ьё, -ва*, в том числе сочлененных *-ухан, -еян*; при этом для женских возможны также образования «мужского» типа – суффиксальные морфы *-ок, -чик*, в том числе совмещенные (*-очек*), а также, видимо, в большей степени или же исключительно, *-ель, -ака, -ока, -ушенция, -уля, -ура, -оля, -аля, -уш* и заимствования типа *Нинон, Нитуш*; в) с помощью добавления флексии к полной основе (для мужских, по «женскому» типу) – *Андрея, Сергея*; г) с помощью суффиксального морфа *-аст(ый)* от усеченных (*Андр-, Сер-*) или полных основ (*Серг-, Серьг-, Андрей-*) по адъективному типу (прежде всего для мужских имен); д) по принципу совпадений со словом, нередко обыгрываемому как семантически, так и экспрессивно, возможно с последующими, учитывающими ис-

ходный смысл и окраску образованиями: *Серый, Серьга, Серятина, Сера, Серя, Серик, Серяга, Серева, Серё, Серястый; Нитка, Веранда, Вега, Ве-ха*. Типичным для конгрегативов является также способ снижающего образования, дающий фамильярно-пренебрежительный или насмешливо-подтрунивающий, с оттенком издевки, эффект и построенный на структурных аллюзиях, аналогиях: *Андра – выдра, Андрюха, Сергуха – братуха, Нинуха, Веруха – сеструха, Андрёха – тетёха, Андрюхан – брюхан, Андреян, Сергеян – Карапетян, Андрюка – гадюка, злюка, Андряха – растеряха, Андрява – шалава, Серяга – стилига, делега, бродяга, бодяга, Серьва – прост. форма стерьва, Нинушенция – старушенция, корпуленция, Нинулья – тулья, мантулья от мантулить жарг. ‘работать, вкалывать; бездельничать; избивать’.*

Количество конгрегативов по именам может быть различным. Для одних имен это довольно обширный ряд, для других ограниченный. Отношение «имя – структурная форма» следует признать не прямым, характер конгрегативного выбора, также как и для аффилиативов, обусловлен традицией употреблений. Тоновые регистры форм данной группы значительно менее разнообразны, колеблясь между фамильярно-нейтральным (*Андрюха, Серёга, Серёня*) и насмешливо-благожелательным показателями (*Андроня, Нинок, Верок*). Конгрегативные формы в основном оценочны и экспрессивны, не столько показывая и устанавливая позицию и реляцию говорящего по отношению к объекту, сколько являясь средством снижения значимости общего тона взаимодействия на основе формально-структурных аллюзий и языковой игры.

В группе конгрегативов можно выделить репрезентантные формы (*Серёга, Серый* как типичные; *Андрюха, Андрёня* – нетипичные; среди форм двух выбранных женских имен репрезентантных не наблюдается) и вариантные – экспрессивно отмеченные (*Андрёха, Андряха, Андря, Андрастый; Сергуха, Сергаха, Сергоня* и т.п.).

Конгрегативы способны также дифференцироваться по средовым предпочтениям. Такие формы, как *Андрюха, Андрёня, Серёня, Серёньчик, Серик, Серенький*, более характерны для школьной среды, *Андрястый, Андрява, Серый, Сергаиш, Серьга, Серястый, Серьгастый* – для компании дворовых подростков. Однако все эти, равно как и многие другие, связанные с затронутой темой особенности, требуют обстоятельного и системного рассмотрения. В настоящей статье можно было только наметить подходы к их изучению.

В заключение хотелось бы еще раз обратить внимание на ряд существенных для данного материала особенностей. Вид среды (семейного круга, компании сверстников) определяется общим признаком (аффилиатива, конгрегатива) и комплексом отношений, отмечающих место, позицию и реляцию говорящего в отношении объекта и проявляющих себя в наборе регистровых (тоновых) характеристик. Формы имен притягиваются к регистрам и служат средством их выражения в речи. Носителем и показателем тона становится форма имени в целом, в соединении корневого и суффиксальных морфов и коннотаций ассоциативно-культурного и узуального происхождений. Все это, равно как и прочее, затронутое в связи с данной проблемой и не затронутое, требует дальнейшей и основательной разработки и изучения.

2005 г.

РЕЧЕВАЯ ПОЗИЦИЯ НЕ-ПРИЯТИЯ

Речевая стратегия НЕ- и позиция говорящего в языке второй половины XX века

Отрицание в логике рассматривается как операция, связанная с противопоставлением двух высказываний (суждений), при котором “истинному высказыванию (суждению) противопоставляется неистинное высказывание (суждение) или ложному высказыванию (суждению) противопоставляется неложное высказывание (суждение). В результате этой операции вместо данного высказывания (напр., *A*) получается новое высказывание (*не-А*) или вместо *не-А* образуется *A*. Вновь образующиеся высказывания называются отрицанием исходных высказываний.”¹

Логически отрицание, тем самым, оперативно и процедурно, представляет собой процесс и, следовательно, внутренне динамично. Предполагает бинарность (участие двух суждений-высказываний, связываемых и соотносимых между собой по признаку противоположности). И предикативно, поскольку имеет исходное и образующееся, т.е. новое, утверждение, что, в свою очередь, дает основание анализировать отрицание также в терминах коммуникативного (актуального) членения, выделяя тему и рему, основу и предикацию.

Отрицание связывается к тому же, как следует из определения, с представлением об истинности и ложности, становясь одновременно утверждением о реальности, примыкая, тем самым, к категориям предикативности и модальности: “Отрицание в естественном языке – мыслительная операция, устанавливающая то обстоятельство, что связь между членами предложения реально не существует.”²

Как понятийная категория, отрицание рассматривается в ряду универсальных и основных³, связываясь с представлениями о реальной действительности в их выражении со стороны субъекта, составляя суть его речевой реакции на воспринимаемое им проявление другого субъекта, на иную систему ценностей, на существующее либо предлагаемое положение вещей⁴. Отрицание, таким образом, устанавливает отношение субъекта к кому-либо или к чему-либо и опирается на существующую в его сознании систему ценностей и представлений о мире. Отрицание, следовательно, относительно и аксиологично⁵. В языке оно проявляется и отражается в различных формах, разными средствами и на разных уровнях, от морфемного⁶ до

синтаксического, охватывая как сегментные, так и суперсегментные единицы – приставки, лексемы, свободные и устойчивые словосочетания, предложения, фрагменты текста, контекст, коммуникативную ситуацию, интонацию и т.п.

Категориальная природа отрицания как такового, следовательно, характеризуясь универсальностью и пронизывая собой различные составляющие языковой системы, обнаруживается в способности быть категорией семантической, словообразовательной, грамматической, предикативной, коммуникативной, что, впрочем, во многом является следствием ее свойства как категории понятийной⁷. Способность эта, воплощающаяся в семантической множественности выражаемых отношений⁸, предполагает условием связь отрицания как с внутренними, системно-языковыми, единицами и компонентами, так и с широким полем коммуникативности и языковой прагматики, выражаясь в соотношении с речевыми актами и речевой деятельностью в целом как таковой.

Указанная особенность позволяет рассматривать отрицание не только в его отношении к структуре слова и предложения и их семантике, но и в соотношении с такими явлениями, как речевая стратегия, позиция говорящего, речевой акт, оценочность, коннотации, связывая вербально отображаемые элементы (эксплицитное) с не прямыми⁹, имплицитными смыслами, находящими свое отображение в речи. Имплицитность неизбежно выводит категорию отрицания в сферу коммуникативного акта, коммуникативных и когнитивных моделей и ситуаций, сферу языкового и речевого сознания, связывая его с выражаемыми в речи и воплощаемыми языком представлениями о мире, миропониманием, мировосприятием, мироощущением, выходя, тем самым, в философию и психологию языка и его носителей.

Понимаемое как своего рода стратегия отрицание может стать явлением и знаком времени, общественно занимаемой позицией, способом выразить и отразить свое отношение к наблюдаемому, переживаемому, происходящему¹⁰. Как категория, уходящая в эксплицитно не отображаемые, но имплицитно воспринимаемые и понимаемые смыслы, отрицание связывается с мыслительной деятельностью слушающего¹¹, апеллируя к ней (апеллятивная функция) и отображая “фрагменты, для восстановления которых слушателю мало знать значения слова, а требуется приложить дополнительные умственные усилия.”¹²

К таким фрагментам Е.Г. Борисова относит 1) компоненты значения неденотативного характера (коннотативные, ассоциативные, эмотивные); 2) пресуппозицию (презумпцию); 3) коммуникативное значение, соотносящее значение лексемы (обычно служебной) с коммуникативными и текстовыми явлениями; 4) факультативную информацию, следующую из внутренней формы слова и фраземы, культурной ауры (происхождение, использование в прецедентных текстах и т.п.)¹³.

Выделенные четыре аспекта в условиях употребления способны соединяться и проявляться совместно. К примеру, во фразе *Ты мне не друг* для русского восприятия трудно увидеть только нейтральную констатацию факта отсутствия дружеских, близких, приятельских отношений у говорящего с собеседником. Мало этого, тот, к кому эта фраза обращена, может быть, денотативно, *другом*. Говорящий не столько определяет действительное положение вещей (реальный, фактический компонент значения), сколько высказывает свое субъективное негативное отношение (компонент оценочный, эмотивный), возможно, не столько к объекту речи, сколько к его поступку и поведению, имея в виду *Ты мне не друг после этого*.

Понять и правильно интерпретировать сказанное возможно с опорой на коммуникативную ситуацию, в которой фраза произнесена (предшествующее проявление-событие); на коннотативные, эмотивные и ассоциативные компоненты значения слова: *друг* – всегда *близкий, искренний, задушевный, испытанный, не подведет, не предаст, познается в беде, друг детства, до гроба, старый, проверенный, единственный, милый, любимый, сердечный*. Слово в очень значительной степени заряжено положительно вследствие также и информации, следующую из внутренней формы и происхождения (*друг* – это я *другой*, мое второе я, alter ego), использования в прецедентных текстах культуры (половицы и поговорки, художественная литература, кино, публицистика). Само отрицание фактически своим содержанием оказывается утверждением правила, социально-культурного стереотипа, нормы. Говорится не то, что данное лицо не является тем, что названо в предикате, а то, что *Настоящие друзья так не поступают*, отрицается не предметность и даже не предикат, а ценность некоего проявления-поступка, коннотируемая неким числом актуальных и значимых, социально-культурных, добавочных смыслов. В то же время во фразе *Он мне не друг* (но без *после этого* и подчеркнутых голосом интонаций) такого эмоционального сопровождения, скорее всего, не будет, называемое от-

ношение тяготеет со всей вероятностью к дескриптивному смыслу ‘мы с ним не в дружеских отношениях, я с ним только знаком’.

Другая, близкая фраза *Ты мне не приятель* возможна, скорее всего, как ответная реплика, реакция на замечание собеседника типа *Мы (же, ведь) с тобой приятели; Ты мой приятель; Мы, как приятели, ...* и т.п. Как самостоятельная или иницирующая она не типична в силу меньшей коннотативной, ассоциативной и эмотивной значимости слова *приятель* по сравнению со словом *друг* (*приятели* – люди просто знакомые, встречающиеся в общем кругу, вместе проводящие время), а также в силу дословного совпадения с *неприятель* (т.е. враг), что было бы в определяемом речевом контексте совсем не уместно (с *недруг* такого совпадения не происходит в силу различия в ударении).

На употребление отрицания, тем самым, могут влиять и системные отношения в лексике. И ситуативная, иногда исторически, временем обусловленная, соотношенность. Ср. в подобном ситуативном контексте фразу *Ты мне не товарищ*, которую в современных условиях можно интерпретировать в значении ‘у меня не может быть с тобой никаких общих дел, я на тебя не могу положиться, нас ничего не объединяет, ты плохой приятель, никудышный из тебя человек и друг’. В то время как несколько десятилетий назад ее можно было бы понять и в значении ‘мы с тобой не принадлежим к одной социальной и политической группе, ты мой классовый враг, ты человек неблагонадежный, опасный, общественно вредный’.

Из всего сказанного складывается системно-коммуникативная вертикаль и горизонталь, а также языковая синхрония и диахрония (историзм) анализируемой категории, позволяющая судить о природе отображаемых в языке смысловых явлений, связываемых с сознанием, эмоциями, поведением, знаниями и представлениями человека, т.е. со сферой субъекта речи и языка, субъекта как индивида и субъекта как социума.

Помимо указанных свойств и проекций, помимо различий в семантическом поле, в степени, эмоциональности и коннотативности выражаемых с помощью отрицания смыслов, возникает еще одна смысловая проблема – что отрицается. Отрицаться, как следует из примеров, может предметная и ценностная (системоценностная) составляющая обозначаемого в словоупотреблении. К примеру, *Это не человек*, в зависимости от обозначаемого, может предполагать отрицание по роду, если действительно определяет не человека, а, скажем, увиденное животное, и отрицание ценностных (моральных, духовных, поведенческих) качеств: плохой из не-

го человек, в нем нет ничего человеческого, он не добрый, жестокий, нечуткий, сухой, безвольный и пр., в зависимости от замысла и ситуации.

Вместе с тем, подобное проявление не составляет правила. Нельзя сказать, что любая такая конструкция, в зависимости от коммуникативных условий своего проявления, будет обозначать либо предметное, либо ценностное отрицание как свою конструктивную обусловленность. В отдельных случаях подобная обусловленность будет определяться природой лексического значения – что называется, признаковая, предметно-родовая, ролевая или другая какая-нибудь составляющая в обозначаемом. Но может быть также связана с тем, что не совсем ясно и неоднозначно определяется как ассоциативный компонент коннотаций у слова (1), как фоновые знания, или фоновая информация, общая для всей социальной группы (2) и как так называемый факультативный компонент значения (3), встречающийся не во всех употреблениях слова и потому не обязательный, обусловливаемый контекстом¹⁴.

Если в примере *Это не рыба* контекстом можно предположить отрицание по роду – не рыба, а что-то другое, кто-то другой, т.е. отрицание дефинитивного признака, или же отрицание ценности: плохая рыба, никуда не годная рыба, то во фразе *Это не кот* дефинитивное отрицание будет нормальным, в то время как ценностное вряд ли возможно. *Это не кот* не будет означать плохой, никуда не годный кот, но может быть эмоционально оценочным обозначением поведения животного, с оттенками возмущения, негодования (т.е. неприятия), либо, напротив, восторга и восхищения (одобрения), либо того и другого одновременно: *Это не кот, а обормот какой-то! Это не кот, а обжора! Это не кот, а обезьяна (мартышка) какая-то! Это не кот, а просто как человек! Это не кот, а нечистая сила! Это не кот, а волшебник!* Следствиями различия будут, по-видимому, ассоциативные и факультативные признаки: *рыба* – потенциальный продукт питания, который может оцениваться как хороший либо плохой, пригодный либо непригодный к употреблению¹⁵; *кот* – как животное близкое к человеку, подвижно активное, самостоятельное, и потому определяемое, прежде всего, в отношении поведения.

В примере другого рода, скажем, *Это не холостяк* отрицание предметного родового ‘взрослый неженатый мужчина’ в целом становится невозможным, отрицается только один его компонент – неженатый, воспринимаемый как пресуппозиционная часть¹⁶. В то время как в близкой фразе *Это не жених* значения, в зависимости от контекста употребления, могут

быть самые разные: *Это не жених (а другой, гость, приглашенный, дружка на свадьбе)* – предметно-денотативная обусловленность; *Это не жених (какой из него жених, совсем не жених, не годится на роль жениха)* – социально-ролевая и оценочная обусловленность; *Это не жених (еще не жених, потому что юн, или уже не жених, потому что стар)* – возрастная, темпоральная обусловленность; *Это не жених (а друг, брат, приятель, знакомый)* – релятивная обусловленность.

Указанные соотношения будут зависеть от оценки способностей, временной, пространственной или векторной соотнесенности субъекта – носителя социальной роли (*жених*), в отличие от субъекта – носителя классификационного признака (*холостяк*). Ср. аналогичные соотношения: *Это не отец* (отцом является другой, это плохой отец, это не твой, его, мой отец и т.п.), *Это не мать; Это не мужчина; Это не брат*, с одной стороны, и *Это не армянин; Это не старшина; Это не бригадир*, с другой.

Бинарность, двойственная природа отрицания, проявляющаяся в наличии соотношения с исходным и отрицаемым, обнаруживает себя, тем самым, также в способности, с одной стороны, определять и через противоположное идентифицировать (не *A*), а с другой, определяя, но не обязательно, субъективно оценивать, отрицая, отвергать или, напротив, в каких-то случаях одобрять.

Объектом анализа в настоящей работе были слова, содержащие в своем составе словарное *не-* (как префикс или словарно отмеченную частицу). Материал ограничивался позицией 'не новейшее, не последнего времени, не неология', с тем чтобы увидеть и пронаблюдать не столько быстро меняющиеся явления и процессы переживаемой современности, сколько освоенное и принятое языком в аспекте живого употребления в речи и сохранившееся в современности. Отсюда, с одной стороны, возникла известная временная ретроспектива – определялось то, что было уже свойственно языку во второй половине XX века. С другой, возникающий взгляд и с ним материал имел своего рода перфектный смысл – то, что было усвоено и, может, отчасти сформировалось, в недавнем, не полностью пережитом прошлом, и остается как результат в языке современности, отчасти переосмысляясь в нем, отчасти уходя или меняя актуальность, отчасти сохраняясь в нем без изменений. Известная стабилизированность анализируемого материала, словарно проверенная и в словарях отраженная, давала возможность видеть то, что было и есть, наблюдая явления в их реализации и определенности, а не в движении и неустойчивости. Новейший,

последнего времени материал, характеризующийся, как уже отмечалось, активностью негативирующих стратегий, будучи слишком активно и субъективно заряжен, не устоявшийся, часто сиюминутный, мешал бы видеть типичное и характерное. Одновременно с этим, негативирующие стратегии недавнего прошлого, может быть менее интенсивные и заостренные, дают возможность лучше понять и новейший, последнего времени, материал в его отношении к близкому и далеко еще не пережитому состоянию.

Для представления процедуры анализа речевых стратегий, отражаемых в материале образований с *не-*, и связанных с этим возможных позиций потенциального говорящего начнем с объяснения отличия семантики языковой, описываемой дефинициями толковых словарей, и той семантики, которая проявляет и актуализирует себя в речи, речевом употреблении, типичном для определенного времени и среды. Сразу следует оговорить, что это не отличие как таковое, поскольку между тем, что словарно, и тем, что принято в речевом использовании, наблюдаются соотношения другого рода. Их можно было бы интерпретировать как уточнение, профилирование, акцентуацию одних смысловых компонентов значения при нейтрализации других, определяя в представлении „чаще говорится так, обычно”¹⁷ используется в таком значении”, при этом *чаще*, *обычно* как раз и характеризуют фактор времени и/или среды, определяющей позицию говорящего, делающей возможной то или иное ее проявление.

Возьмем для примера прилагательное *неаккуратный*. Согласно „Большому толковому словарю” семантика данного слова трактуется следующим образом: «1. Не соблюдающий порядка, точности. *Н. плательщик, ученик, работник.* 2. Разг. Небрежно сделанный, неточно выполняемый или выполненный. *Н-ая работа. Н. чертёж.* 3. Небрежный в одежде, в отношении к своим вещам; неопрятный. *Н-ая хозяйка.*»¹⁸ Согласно тому же словарю семантика *не-* как приставки концентрируется вокруг четырех значений: «1. Вносит зн.: полная противоположность того, что выражает слово без этой приставки. *Недруг* (враг), *неправда* (ложь), *небольшой* (маленький), *невесёлый* (грустный), *недобрый* (злой), *невысокий* (низкий). 2. (при образовании прил. и полных прич., при которых нет пояснительных сл.). Вносит зн.: противоположность с оттенком умеренности, ограниченности признака, качества. *Невнимательный* (недостаточно внимательный), *неглупый* (достаточно умный), *немногий* (составляющий небольшую часть чего-л.), *неплохой* (достаточно хороший), *несильный* (недостаточно сильный). 3. Вносит зн.: отсутствие того, что выражает слово без приставки.

Необоснованность, необитаемость, неприязнь, неискренний, немзыкальный, ненаучный, нечестный. 4. Вносит зн.: лицо или предмет, не совершающие или неспособные совершить действие, обозначенное основой. *Неумеха, неуч, незнайка.»*¹⁹

Рассматриваемый случай (*неаккуратный*) относится, по всей видимости, к значению приставки *не-*, определяемому под цифрой 3, т.е. отсутствию признака, выражаемого прилагательным *аккуратный*. Интересно при этом то, что отображенная в трех значениях семантика слова *неаккуратный* обнаруживает симметрию, но неполную, переакцентированную, к семантике отрицаемых признаков в слове *аккуратный*: «1. Склонный к чистоте и порядку; чистоплотный, опрятный. *А-ая хозяйка. Мальчик подрос, стал аккуратнее.* || Содержащийся в порядке, тщательно сделанный. *А. домик. А-ая причёска. А-ая работа.* 2. Исполнительный, пунктуальный. *А. ученик. А. почтальон.* || Выполняемый регулярно, в установленные сроки. *А-ая уплата членских взносов. А-ая доставка заказов на дом.»*²⁰

При отрицании, следовательно, возможно перераспределение компонентов значений, факультативное или периферийное может стать основным, а основное отойти на второй план. 1-е значение *неаккуратный* (не соблюдающий точности и порядка) соответствует 2-му значению *аккуратный*, делая его при этом более общим, захватывая отчасти семы 1-го значения и его оттенка у *аккуратный*, связанные с ‘порядком’. 2-е значение *неаккуратный*, развиваясь из оттенка 1-го значения у *аккуратный*, акцентирует признак результата действия (*сделанный*), а не свойства действующего лица, как в значении, данном под цифрой 1 (*склонный*). 3-е значение у *неаккуратный* (небрежный в одежде, в отношении к своим вещам; неопрятный) соотносится с 1-м у *аккуратный*, выступая одновременно более частным его проявлением: не просто не склонный к чистоте и порядку, а в отношении к одежде, вещам.

В целом проявленная при отрицании в данном слове тенденция отмечает смещение в сторону от характеристики носителя свойства к его агентивности – характеристике субъекта как действователя (значение 1), привычного результата известного действия (значение 2), внешнего вида лица, являющегося следствием определенного поведения, привычек (значение 3).

Выявленная тенденция не может, однако, рассматриваться ни как всеобщая, ни как типичная, она характерна для рассмотренного случая, следуя из особенностей лексического значения слова. Важно отметить сам

факт очевидности смещения, перестановки и переориентации компонентов значения при отрицании. Исходное и образующееся из него с помощью *не* не обязательно и далеко не всегда симметричны, противоположны не прямо и развиваются и существуют нередко самостоятельно и не параллельно²¹.

Процессы и смещения, происходящие в лексической семантике при отрицании во многом оказываются сходны с тем, что наблюдается и описывается исследователями при оценке. Наличие сравнения, парность, асимметрия, модальностный и модусный характер свойственны и отрицанию, и оценке. Объединяет их еще одна особенность. Рассматривая сочетаемостные возможности частнооценочных слов, Е.М. Вольф на примере того же прилагательного *аккуратный*, называющего свойства, в картине мира оцениваемые как хорошие, выводит основание признака, общего у слов, способных вступать в сочетание с *аккуратный* как определяемым. Основание это, по ее словам, “представляет собой пропозициональный компонент глубинной структуры определяемого (класс свойств, действие с его актантами и сирконстантами).” Таким пропозициональным компонентом для *аккуратный* будет признак активного действия, направленного на получение определенного положительного результата, “который может иметь качественные характеристики, относящиеся к исполнению этого действия (как следует, в срок и т.п.). Эти слова могут именовать лицо (*мальчик*), деятеля по виду деятельности (*почтальон*), само действие (*исполнение, оформление*), результат действия (*запись*), а также предметы по внешнему виду (*одежда, садик* и др.)”²².

Показательно в данном случае то, что именно глубинная пропозициональная структура, имеющая отношение к роду и классу (классу свойств, определяющих действие с актантами и сирконстантами), а не поверхностная, обнаруживающая себя в устройстве лексического значения, проявляет себя в сочетаемостях, оценочном потенциале. И она же действует в условиях отрицания, предопределяя тип и характер негативирующего отношения. Отрицание, тем самым, определяется теми же правилами, что и оценка, а многие случаи и проявления отрицания (неприятие, противодействие, противоречие, враждебность, несоответствие) следовало бы характеризовать как разновидности оценки.

Из этого возможны два следствия для понимания речевой стратегии, проявляемой при отрицании: 1) стратегия может быть прямо не связана с семантикой мотивирующего слова без *не*; 2) стратегия может строиться и,

скорее всего, будет строиться на компонентах глубинной пропозициональной, а не поверхностной, структуры значения слова.

Прежде чем перейти к рассмотрению негативирующих стратегий и связанных с ними позиций говорящего, имеет смысл уточнить характер обуславливаемой ими речевой семантики, несколько смещенной по сравнению с отображаемой словарями. Семантика эта – семантика типичных контекстов и словоупотреблений, связанных с вербальными проявлениями во времени и в среде. Выбранное время второй половины XX века представляет картину весьма широкую и неоднородную. Однозначно определить среду тех или иных узуальных проявлений также не всегда возможно, поскольку коммуникативные среды взаимодействуют, пересекаются, не исключают друг друга. Реально, т.е. в действительном употреблении в речи, следовало бы говорить о вероятных выборах и предпочтениях, определяющих оба параметра – темпоральный и социальный, которые, как в случае с рассмотренным действием в поле отрицания, сочетаемости и оценки, могут быть выявлены и объяснены по принципу соотношения основного и дополнительного, факультативного и периферийного, нейтрализуемого и пропозиционального в семантике.

Возьмем для иллюстрации несколько отстоящий от рассматриваемого времени узуальный случай использования соотносимого с *неаккуратный* и семантически похожего прилагательного: «– Сильный ты, любят тебя, наверно, девки, только неосторожный, – она наклонилась над ним, заглянула в глаза, – рожу тебе черноглазенького, не боишься?» (А. Рыбаков, Дети Арбата). Узуальное речевое значение *неосторожный* в данном контексте и употреблении можно было бы определить как ‘не умеющий себя контролировать во время полового акта, не думающий о возможных последствиях (как правило, молодой) мужчина’. Автор вкладывает эти слова в уста молодой героини, девушки из деревни, недавно живущей в городе, простой, не имеющей образования, работницы. Изображаемое время – начало 30-х годов XX века. Речь и контекст подчеркнута простонародно типизированы: *сильный ты* (девушка о молодом человеке), *любят тебя девки, рожу тебе, черноглазенького, не боишься?* Типично показано и поведение, сопровождающее слова: *наклонилась над ним, заглянула в глаза*. Для языка второй половины XX века в подобном узуальном значении и аналогичном контексте слово *неосторожный* было бы не типично, привычнее было бы встретить *неаккуратный*. Семы ‘непредусмотрительный’, ‘несдержанный’, ‘не думающий о возможных последствиях’ (отнюдь не

случайные в контексте 30-х годов, времени всеобщей подозрительности и чисток) заменяются в языке второй половины XX столетия на ‘небрежный’, ‘не знающий порядка’, ‘неумело действующий’ (совсем иначе социально обозначенного), а речевая стратегия сочувствующей характеристики внутреннему, потенциально опасному для субъекта, несовершенству – на стратегию неодобрения, неприятия, раздражения по поводу нарушения нормы, незнания правил и признаваемого в данной среде норматива.

Рассмотренный интимный контекст и следующее из него значение, однако, выступает не как порождающий, а как проявляющий по отношению к более общему узуально-речевому смыслу. Социально обусловленные тенденции времени, отображающиеся в речевых контекстах и коммуникативных средах, имеют некое объединяющее их общее. Для интересующего нас слова такое значение, применительно к языку второй половины XX века, можно было бы определить примерно следующим образом: *неаккуратный, неаккуратно, неаккуратность* ‘своими действиями в отношении чего-л. дающий возможность обнаружить то, что желательно скрыть; неумело действующий, дающий возможность раскрыть скрываемое’.

Указанное значение проявляется во фразах, негативно заряженных и оценивающих, в первую очередь, поведенческую составляющую характеризуемого лица: *Какой Вы, право, неаккуратный! Нельзя быть таким неаккуратным. Он в отношениях с другими (начальством, сослуживцами, знакомыми) очень неаккуратен (бывает неаккуратен). Вести себя неаккуратно. Показать свою неаккуратность.* Аккуратность / неаккуратность становится показателем соблюдения / несоблюдения признаваемых правил и норм не выделяющегося, не нарушающего принятый распорядок общественного проявления. Неаккуратность не одобряется в силу возможности девуалирования, потенциально опасного для данной общественной группы или лица. Затрагиваемый аспект акцентирует сему ‘несоблюдения порядка при исполнении’, заложенную в 1-м значении слова *неаккуратный*, переводя ее в плоскость порядка негласных общественных установлений, социальной рутины, привычки, общественно принятого к исполнению, понимаемого как действие социальных пружин и инстинктов самосохранения среды. Признак активного действия, направленного на получение определенного положительного результата, имеющий характеристики, относящиеся к исполнению действия, выведенный Е.М. Вольф как пропозиционное основание в прилагательном *аккуратный* для оценки, обращается для отрицания (*неаккуратный*) в желаемый признак ‘не действия, направленного

на получение не положительного для среды результата с характеристиками, относящимися к исполнению действия'. *Неаккуратный*, тем самым, выступает в вербальной стратегии среды как потенциальный деуальтив с заложенной в нем оценкой несоответствия правилам приобщенного поведения.

Соответствующая тому или иному речевому словоупотреблению среда может быть определена по признакам характерных для нее системно-ценностных ориентиров. Рассмотренное в связи с речевым узуальным значением *неаккуратный* как потенциального деуальтива можно было бы по таким ориентирам, с известной долей определенности и по предпочтению, отнести к административно-функциональной среде, что не исключает, а во многом даже предполагает возможность использования данного слова в данном узуальном значении в контекстах иной коммуникативной природы в силу того, что указанная среда для языка второй половины XX века во многом играла роль доминирующей и задающей.

В связи с рассматриваемым материалом имеет смысл уточнить понятия речевой стратегии и позиции говорящего, активно используемые в последнее время в лингвистике, что вызвано повышенным интересом к проблемам языковой прагматики, теории речевых актов, коммуникативности, обучению и пониманию речи²³. Т.А. ван Дейк, одним из первых введший понятие стратегии в лингвистический обиход, связывал стратегию с когнитивными планами достижения цели, представляющими собой общую организацию некоторой последовательности действий²⁴, достигаемых (если говорить о речевой стратегии) в речи и диалоге. К стратегии применяется требование быть гибкой, предполагая возможность менять, в зависимости от обстоятельств, характер локальных ходов. Стратегия связана с обработкой в сознании говорящего поступающей и имеющейся у него информации “сразу на нескольких уровнях и из нескольких источников, таких, как интонация, синтаксис, интеракциональные особенности, пропозициональные значения, референция, акторечевые характеристики предыдущего хода, а также производимые выводы относительно намерений, социального положения или паравербального поведения говорящего в данный момент...”²⁵ В качестве примеров Т.А. ван Дейк приводит возможную стратегию быть добрым и вежливым, быть осторожным или честным – стратегия вежливости, позитивной самопрезентации и т.п.

Стратегии, таким образом, можно рассматривать как регуляторы речевого поведения говорящего, обусловленные его коммуникативной пози-

цией. Это динамический и оперативный компонент управления речи. Задача быть таким-то, как речевая стратегия, реализующееся в последовательности локальных шагов, названных ван Дейком семантическими (такими, как пресуппозиция, импликация, предположение, смягчение, преувеличение, расплывчатость, косвенный речевой акт, сдвиг, взваливание вины на другого, незнание, дистанция, очевидное противоречие и т.д.²⁶), дает представление о программе, проявляемой в речи в виде логических и смысловых операций субъекта, желающего в своем поведении при коммуникативном взаимодействии быть определенным образом интерпретированным и воспринятым собеседником (собеседниками). Стратегия, тем самым, есть программа субъекта, принимаемая им для себя самого как источника сообщаемой в процессе взаимодействия информации. И как такая, она непосредственно будет связана с его позицией, с ней соотносится, во многом из нее следовать и из нее вытекать.

Позицию говорящего можно воспринимать и интерпретировать самым различным образом. Не вдаваясь в терминологические подробности, требующие анализа когнитивных фрагментов, обильно рассыпанных в современной научной литературе, и изучения связанных с представлением о позиции классификационных параметров и систем интеракции, коммуникации и диалога, попробуем, ориентируясь на собственные исследовательские задачи, следующие из особенностей собранного негативирующего языкового материала, дать представление о позиции в связи с рассмотренным определением речевой стратегии и заявленным отношением объекта анализа ко времени и к среде. Как всякое сложное в понятийном отношении явление позицию говорящего можно рассматривать в снятом и обобщенном виде, т.е. вне применения к чему-либо и проявленности в той или иной связи, и, соответственно, в проявлениях, проекциях, модификациях к уровню, виду использования, характеру материала. Так, если стратегии у Т.А. ван Дейка могут быть речевые, текстовые, семантические, синтаксические, схематические, производства дискурса, контекстуальные, использования моделей, говорящего, ввода темы, понимания и т.п., то почему бы не быть различным, хотя и в ином отношении, позициям говорящего? Говоря о снятом и общем в определяемом понятии, позицию, следовало бы, по-видимому, соотносить с внутренним представлением (не обязательно осознаваемым) говорящего о себе как источнике речевого действия-проявления, в том числе и передаваемой, сообщаемой им информации.

И.Н. Борисова, давая представление о модели коммуникативной ситуации, относит *позиции в ходе общения* к субъективным и переменным признакам коммуникантов, выделяя позицию открытую – отстраненную – закрытую²⁷. К субъективным и переменным она также относит такие параметры, как *оценка коммуникантом типичности ситуации* (привычная – непривычная), *уровень коммуникативной компетенции* (знание правил и норм, регулирующих отношения участников в данном коммуникативном событии; умение эффективно воздействовать), *психологический ролевой статус коммуниканта* (советник, судья, утешитель, родитель, дитя), *включенность в коммуникацию* (поверхностная, глубокая), *эмоциональное состояние в момент речи*. Переменные признаки коммуникантов противопоставляются ею в классификации постоянным, а субъективные – объективным интегрирующим коммуникативного события.

Позиция говорящего, как можно представить из способов ее представления и подходов к ней²⁸, имея отношение к речевой и текстовой деятельности, параметр социально-психологический, связанный со способом ощущения субъекта речи в данном языковом и культурном социуме, данном коммуникативном и культурном пространстве и данной среде. Говорящий как источник и генератор высказывания себя каким-то определенным образом воспринимает и чувствует в этой роли в своем (либо, напротив, чужом) речевом и культурном социуме, речевой среде, в которой он как субъект говорения действует и себя проявляет. Не случайно, по видимому, Н.Г. Брагина связывает позицию говорящего с проблемой культурного узнавания, относя это к области “конвенционального имплицитного”, проявляющегося через культурные коннотации в культурных моделях²⁹. Как таковая, позиция говорящего, видимо, соотносится с семантической категорией *своего и чужого*³⁰, отражающейся в противопоставлениях типа *мы и они, мы и другие, мы и не-мы*³¹. Открытость, отстраненность, закрытость, тем самым, выделяемые И.Н. Борисовой для позиции коммуниканта в ходе общения, вполне подходит, как механизм, к ее проявлению.

Переходя от обобщенного представления рассматриваемого понятия к его проекции к материалу, хотелось бы обратить внимание на то, что негативность и отрицание, выражаясь в служебных и однозначных словах, также являются отображением своего рода позиции. Для того чтобы отрицать, надо иметь основание, надо знать другое, быть источником знания и иной информации, обладать мотивом и занимать позицию, допускающую такую возможность. В этом также находит свое отражение и под-

тверждение двойственная природа негации, ее бинарность. И отрицание, и позиция говорящего релятивны, определяясь через соотношение к другому – тому, что другое и что принимается либо, напротив, не принимается.

Стратегически *НЕ-* может действовать в плоскости номинатива, определяя, идентифицируя через структурное *не-* нечто другое (логическое и смысловое отношение пары – *A* и *не-A*): *неженатый, не замужем, незамужняя, недруг, невозвращенец, невыездной, невоенный, невоеннообязанный, небеленый*. В этой сфере своего проявления *не-*, как правило, безоценочно и служит средством ориентации в окружающем мире, раскладывая предметы, явления, состояния в две классификационные группы: тот, что женат и не женат, та, что (не) замужем, тот, кто далеко (не) друг, тот, кто (не) возвратился. Хотя заложенная бинарность (не тот, не такой), способная соединиться в сознании с упомянутой, также бинарной и так же устроенной, категорией *своего и чужого, мы и не-мы*, легко может переводить называемое в оценочную и идеологическую проекцию: *недруг* – это нехорошо; *невозвращенец* – значит, в контексте официального языка второй половины XX века, предатель; *невыездной* – оценка будет зависеть от социальной позиции говорящего: либо в силу того, что зарекомендовавший себя с не одобряемой властью и обществом стороны, и потому подозрительный, неблагонадежный, либо, в силу все тех же причин, не относящийся к роду послушных и одуроченных, что-то из себя представляющий, не потерявший достоинства, жертва режима и вынужденный внутренний эмигрант. Такими же, но уже в определенном контексте, и потому потенциально оценочными, оценка которых также будет зависеть от позиции говорящего, могут оказаться другие слова: *неженатый*, и это плохо или, наоборот, хорошо; *незамужняя* (пока еще или все еще, в силу чего оценка также будет различной), *невоенный* (и потому неопытный и не организованный или, напротив, гуманный, чуткий, не солдафон), *небеленый* (а надо бы побелить или, напротив, не надо, скажем, сдирать побелку).

НЕ- может действовать в плоскости утверждения несоответствия желаемому свойству (не такой, как надо, как хотелось бы, как желательно, не должный, не имеющий в себе того, что бы следовало, что было бы хорошо, и поэтому не одобряемый; логическое и смысловое отношение – *не-A* не пара к *A*, не соответствует *A*): *неаккуратный, неактивный, неактуальный, неаппетитный, недоимка, недоделка, не ахти, не без корысти*.

Слов с *НЕ-* подобного рода в языке второй половины XX века больше всего. Потенциальная оценочность их, обусловленная отрицанием по-

зitiva, проявляет себя в этом случае с наибольшей силой. Характер оценки, ее контекстуальная и узуальная определенности будут зависеть от занимаемой позиции говорящего. На примере слова *неаккуратный*, в речевом узуальном использовании которого в определенной среде, это была оценка 'несоответствия правилам приобщенного поведения'. В слове *неактивный*, (*неактивно, неактивность*), определяемом как 'не проявляющий интереса к общественно значимым видам деятельности, не инициативный; не действующий в нужном направлении, не мобилизующий, не участвующий', с проявлением стратегии, характеризуемой как социально-групповой департитив (*какой-то он неактивный; нельзя быть такой неактивной; вести себя неактивно*), – такой оценкой могла бы быть оценка 'несоответствия поддерживаемому общественному запросу'.

Такая же оценка, видимо, характеризует и слово *неактуальный*, *неактуально* 'не отвечающий требованию момента, ненужный, отодвигаемый; не подходящий, мешающий, нарушающий правильность принятой установки', с проявлением стратегии, определяемой как потенциальный оппозитив (*неактуальный вопрос; неактуальная тема; теперь это неактуально*).

Слово *неаппетитный*, *неаппетитно* 'не одобряемый в эстетическом отношении, способный вызвать реакцию неприятия, отторжения; нарушающий вкус', со стратегией эстетический дезакцептив (*неаппетитные разговоры; неаппетитный вид; выглядит неаппетитно; все это как-то неаппетитно*), дает представление об оценке 'несоответствия внутреннему запросу перцептора'.

В свою очередь, *не ахти*, как 'недостаточный в отношении полагаемой меры качества; не удовлетворяющий требованиям вероятного значимого проявления или действия', со стратегией апеллирующий департитив (*мужичонка-то он не ахти (какой); парень он (из него) не ахти; все это выглядит не ахти; как-то все это не ахти; дела идут не ахти*) проявляет оценку, которую можно было бы определить как оценку 'несоответствия внутреннему запросу потенциального (со)участника'.

Приближаясь к определению и представлению позиции говорящего на материале стратегических проявлений речевых узуальных значений с *НЕ-*, можно было бы увидеть эту позицию в отношении приобщенности к избираемой говорящим социальной (идеологической, коммуникативной) группе или среде, типажные характеристики которых для языка второй половины XX века необходимо впоследствии будет выявить и описать. При-

общенность эта может себя проявлять (и здесь мы выходим на уровень собственно определения позиции), в частности, на материале двух выделенных стратегических типов *НЕ-*, в идентифицировании, определении, классифицировании, приписывании значений – тот / не тот, такой / не такой, этот / не этот, свой / не свой и регуляции, установлении и формировании запросов, необходимого, должного, требуемого – в отношении меры, степени, вида, предела, порядка, нормы – участия, действия, проявления, состояния и т.п.

Отмеченная бинарность, как отличительная черта отрицания, проявляет себя в способности, наблюдаемой и выведенной на материале, к удвоенному расхождению исходного и полученного. В зависимости от характера мотивирующего (*A*) возможны, не два, а четыре номинативных и стратегических типа (точнее два типа и следующие из них и связанные с ними два подтипа, по одному при каждом, как их уточнения и расширения). Таким образом: 1) если *A* обозначает, получаем рассмотренный случай идентификации; 2) если *A* дает представление об обычном, привычном, *не-А* содержит определение исключительности; 3) если *A* называет желательный признак, *не-А* дает рассмотренный случай неодобрения, неприятия; 4) если же *A*, соответственно, называет нежелательный признак, то *не-А* будет предполагать допущение.

В соотношениях *A* и *не-А* это выглядит следующими образом: 1) *Не-А* (*НЕ* констатации); 2) *Не-обычный* (*НЕ* исключительности); 3) *Не-должный* (*НЕ* неприятия); 4) *Не-недолжный* (*НЕ* допущения). Соответственно: констатация положения, состояния (1) > исключительность (2); неодобрение, неприятие (3) > допущение, допустимость (4).

При этом, если идентифицирование (операция *A* и *не-А*) производится в паре, то связанное с ним отношение исключительности парность определяет применительно к множеству: не обычный, исключительный, сингулярный³², единственный в своем роде, *не как все*, не рядовой, выделяющийся из *множества*, не из множества, не из средних, неординарный: *небывалый, невиданный, невероятный, неслыханный, негодяй, недостижимый, незыблемый, необоримый, необратимый, неиссякаемый, неисчерпаемый*. Если неодобрение, неприятие устанавливается через несоответствие к желаемому свойству (*не-А* не пара к *A*, не соответствует *A*), то отношение допустимости определяется как допускаемый в свойстве, не отличающийся от других в худшую сторону, не хуже других, через отрицание несоответствия, возможный, не-недолжный, не совсем такой, как не

надо, имеющий в себе, содержащий в себе то, что может представлять интерес, давать повод, привлечь внимание: *небезнадежный, не без успеха, не без юмора, не без интереса, неброский, невредный, неглупый*.

Выделенная позиция идентифицирования, классификации, определения расширяется, тем самым, переходя в позицию прокламирования, заявления об исключительности, особенности, сингулярности определяемого, а позиция регуляции, установления и формирования требуемого переходит в позицию допущения и ограничения норм, возможности исключений из правил и норм желательного, не делающего его нежелательным, но сохраняющего в себе черты ничем особенным не выделяющегося, обыденного, простого, среднего, ординарного. Идентифицирование и регуляция, таким образом, подвергаются действию механизмов ограничения – в сторону не-ограниченности, превышения нормальных пределов и в сторону ограниченности, проявления в слабой степени, допустимого достижения малого, которое не хуже, не слишком меньше других, имеющего, содержащего в себе нечто и от желательного.

Интересно, что выделенные на основе анализа признаки полного и частичного, ограниченного отрицания, а также противоположности как способа идентифицирования и выражения неодобрения, неприятия заключены не прямым, имплицитным, неявным образом в семантике не- как морфемы. Ср. выделяемые в «Большом толковом словаре» при не- значения полной и умеренной, ограниченной противоположности, с одной стороны, и значение отсутствия (как способа идентифицировать, обозначить) или не совершения, неспособности совершения действия (как способа ограниченного соответствия), с другой. Все это, а также многое другое, чего не удалось разрешить и даже коснуться в данной статье, наводит на мысль о своего рода созвучном и соотносимом устройстве языкового и речевого, языкового и концептуального, логического и прагматического, внутрисистемного и социально-психологического в отношении к функционированию и использованию языка. Языковые, внутрисистемные, морфемно-структурные смысловые явления и компоненты в своем устройстве, организации, аранжировке можно было бы не без основания определять и рассматривать как своего рода исходные, задающие темы к ее исполнению, вариациям, модификациям и модуляциям в речи, употреблении, узуальных контекстах, применительно к говорящему, слушающему, коммуникативным условиям, моделям и ситуациям речи.

2005 г.

Примечания:

1. Кондаков Н.И.: *Логический словарь-справочник*. Москва, 1975, с. 421.
2. Там же, с. 423.
3. Бондаренко В.Н.: *Отрицание как логико-грамматическая категория*. Москва, 1983; Grzegorzczkova R.: *Filozoficzne aspekty kategorizacji*. [W:] *Językowa kategorizacja świata*. Red. R. Grzegorzczkova i A. Pajdzińska. Lublin, 1993; Taylor J.R.: *Kategoryzacja w języku naturalnym. Prototypy w teorii językoznawczej*. Tłum. A. Skucińska. Kraków, 2001.
4. Antas J.: *O mechanizmach negowania*. Kraków, 1991, s. 8.
5. Stróżewski W.: *Aksjologiczna wartość negacji*. [W:] Tegoż: *Istnienie i wartość*. Kraków, 1981.
6. Grzegorzczkova R., Szymanek B.: *Kategorie słowotwórcze w perspektywie kognitywnej*. [W:] *Encyklopedia kultury polskiej XX wieku, t. 2: Współczesny język polski*. Red. J. Bartmiński. Wrocław, 1993.
7. О различении соответствующих категориальных свойств, категорий понятийных и языковых см., напр.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Ред. В.Н. Ярцева. Москва 1990, с. 385, 215.
8. А. Пстыга, определяя негацию, в частности, как категорию словообразовательно-семантическую, подходит к понятию поля, охватывающего, по ее мнению, сетку пересекающихся семантических отношений, связанных своеобразным сходством и обладающих общими дефинитивными признаками. На основе анализа толкования словарных лексем она выделяет отображаемые в префиксах значения противоположности, отсутствия, противодействия, препятствия, противоречия, устранения, удаления, прекращения, противопоставления, обратности, а также враждебности, несоответствия, неодобрения, невозможности, несовершения. (Pstyga A.: *Z badań nad strukturą rosyjskich negatywów rzeczownikowych*. [W:] *Wokół struktury słowa*. Red. A. Pstyga. Gdańsk, 2003).
9. Ср. косвенные речевые акты, по Дж. Сёрлю, реальный практический смысл которых вытекает из ситуации речи (напр., *На улице дождь* = 'Возьми с собой зонтик'). Сёрль Дж.: *Косвенные речевые акты*. [W:] *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVII. Теория речевых актов. Москва, 1986.
10. Отрицание, будучи по своей природе двойственно и реактивно, выступает ответной реакцией на соответствующий стимул, подразумевая свое исходное, в ряде случаев способное восприниматься очень объемно и

широко, доходя до размеров опровержения социальных установлений, строя, отрицания самой действительности: явление русского нигилизма и анархизма второй половины XIX века, к примеру, ничевоки как литературное направление начала XX века, название и общественная позиция польского еженедельника „Nie”. Эмоциональная и концептуальная сила неприятия, непризнания может стать плакатной (лозунги типа *Нет! Прочь! Долой! Вон!*) и публицистической. Отражаясь в морфемной структуре слова, явлениях словообразования и неологии, отрицание становится языковой тенденцией, воплощающей тенденции переходного времени, времени неприятия и разочарований: „*Obserwacje słownictwa współczesnego języka rosyjskiego wykazują wzrost aktywności wykładników negacji oraz wartościowania negatywnego*”, – начинает свою статью А. Пстыга (Pstyga A.: *Z badań nad strukturą...*, s. 91) и, ссылаясь на обширную литературу предмета, так завершает затронутую проблему: „*na poziomie tekstu (wypowiedzi) równie widoczna staje się wyraźna negatywność, obserwowana m.in. w aktualnym dyskursie publicystycznym... która w określonym stopniu narzuca stosowanie negatywów oraz różnorodnych strategii negatywizujących.*” По замечанию И.Л. Муханова, анализирующего речепорождающие свойства пропозитивных ИС (имплицитных смыслов), “именно отрицание с наибольшей очевидностью проявляет скрытые смысловые элементы реплики-стимула.” (Муханов И.Л.: *О текстообразующей функции имплицитных смыслов высказывания (диалог)*. [В:] *Имплицитность в языке и речи*. Ред. Е.Г. Борисова и Ю.С. Мартемьянов. Москва, 1999, с. 89).

11. Авторы монографии по имплицитности в качестве определяющего критерия имплицитной информации, связанной с языковой системой и ее функционированием (семантика полнозначных и служебных слов, значение ряда грамматических категорий, значение синтаксических конструкций и интонации, семантика некоторых речевых формул и текстовых фрагментов) прямо указывают на речемыслительную деятельность слушателя: “имплицитная информация ... это та информация, для получения которой требуются усилия слушателя... Для определения сущности имплицитной информации следует представить понимание слушающим текста как речемыслительный процесс. ... такой процесс включает в себя сопоставление обнаруженных в речевом потоке единиц со словарем (или списком строевых средств языка) и установлением их значения, что ведет к созданию семантического представления у слушающего, т.е. к передаче ин-

формации от говорящего к слушающему.” (*Имплицитность в языке...*, с. 10).

12. Борисова Е.Г.: *Имплицитная информация в лексике*. [В:] *Имплицитность в языке...*, с. 31.

13. Там же.

14. Об этом см. подробнее: Там же, с. 34-36.

15. Как определяет в своей монографии Е.М. Вольф (*Функциональная семантика оценки*. Москва, 2002, с. 16-18) оценка зависит от характера называемого объекта и становится возможной, если предмет оказывается функционально значимым, при этом должны предполагаться и критерии, т.е. признаки, по которым выносятся оценочное суждение.

16. Пример взят из работы: Борисова Е.Г.: *Имплицитная информация в лексике*. [В:] *Имплицитность в языке...*, с. 33.

17. Об этом *обычно*, используемом нередко в словарных определениях, Е.Г. Борисова пишет как о показателе факультативного, нейтрализованного в употреблении, компонента лексического значения (Борисова Е.Г.: *Имплицитная информация...*, с. 36-37).

18. *Большой толковый словарь русского языка*. Ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 2000, с. 611.

19. Там же.

20. Там же, с. 32.

21. Асимметрию положительного и отрицательного при “хорошо / плохо” Е.М. Вольф определяет как особенность оценки в естественном языке, отмечая, что симметрия “+ / -” представляет в языке лишь частный случай (Вольф Е.М. *Функциональная семантика...*, с. 19).

22. Там же, с. 65-66.

23. Среди обширной литературы предмета назовем лишь некоторые работы, непосредственно связанные с изучением затронутой темы: Глаголев Н.В.: *Вычленение семантических элементов коммуникативной стратегии в тексте*. [В:] Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1985, № 2; Дейк Т.А. ван, Кинч В.: *Стратегии понимания связного текста*. [В:] Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Когнитивные аспекты языка. Москва, 1988; Верещагин Е.М.: *Коммуникативные тактики как поле взаимодействия языка и культуры*. [В:] *Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики*. Всесоюзная научная конференция. Доклады. Ч. 1. Москва, 1991; Борисова И.Н.: *Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге*. [В:] *Русская разговорная*

речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996; Иссерс О.С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Омск, 1999.

24. Дейк Т.А. ван: *Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений*. [В:] Его же: *Язык, познание, коммуникация*. Москва, 1989, с. 272.

25. Там же, с. 273.

26. Там же, с. 286.

27. Борисова И.Н.: *Русский разговорный диалог. Структура и динамика*. Москва, 2005, с. 44.

28. См., напр., Дридзе Т.М.: *Язык и социальная психология*. Москва, 1980; Дридзе Т.М.: *Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии*. Москва, 1984; Богомолова И.Н.: *Социальная психология печати, радио и телевидения*. Москва, 1991.

29. Брагина Н.Г.: *Имплицитная информация и стереотипы дискурса*. [В:] *Имплицитность в языке...*, с. 45.

30. Пеньковский А.Б.: *О семантической категории “чуждости” в русском языке*. [В:] Его же: *Очерки по русской семантике*. Москва, 2004.

31. Ср. МЫ-группа и ОНИ-группа у Т.А. ван Дейка, используемые им при изучении этнических предубеждений (Дейк Т.А. ван: *Когнитивные и речевые стратегии...*, с. 287).

32. Термин Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, определяемый ими как *идуций-вразрез-с-нашими-ожиданиями* и выводимый на основании семантики лат. *singularis* – “отличный (от обыкновенного)”, т.е. “необычный”, далее: “исключительный”, “чрезвычайный”, “небывалый”, “единственный (в своем роде)”, “достойный внимания” или “обращающий на себя внимание”, “замечательный”, “странный”, “из ряда вон выходящий” и даже “противоречащий ожиданиям”. Авторы предлагают при этом использовать термин *сингулярный* для сферы прагматической семантики при исследовании речевого поведения и исчислении рече-поведенческих тактик. (Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.: *В поисках новых путей развития лингвострановедения: сингулярные рече-поведенческие тактики*. Москва, 2000, с. 8-9.)

Узуальное *НЕ*- в языке XXI vs. XX века. Диалог коммуникативно-речевых состояний?

Лексемные, т.е. устойчивые образования с префиксом *не*- в русском языке интересующего периода, равно как и их значимые, своего рода символичные, употребления, в определенном и не случайном смысле, можно рассматривать как показатели времени в его отношении к общественным, идеологическим и системоценностным ориентирам. Вполне понятными и натуральными должны быть необходимые оговорки и ограничения для подобного утверждения, касающиеся не только и не исключительно выбранных образований с *не*-. Речь в этой связи и по причине краткости допускаемого объема может пойти лишь о самом малом отрывке, клочке тех проблем, которые при более полной возможности экспликации могли бы вписаться в широкий контекст отношения языка, в его темпоральном срезе, с характерными для этого выборами, предпочтениями и производством форм, к тому, что такой язык, в такой своей форме и состоянии, способен отражать, т.е. к тенденциям, ориентациям и оценкам социального времени, или, если иными словами, к своей «злобе дня».

Намерением было не отобразить, ибо это требует значительно большего места, а лишь указать на слова, подчеркнув их и выделив как узуальные формы отражения ориентиров времени, не случайных, с одной стороны, как таковые, и понятных, как они же, с другой, во всей системе подобных им, обусловленных социальным временем, отображений. Тремя фазами таких ориентиров (может, скорее, двумя, ибо второе, хотя и вполне оправданное, разделение предполагает более тонкую и подробную разработку) были бы вторая половина, конец XX и начало XXI века. В первом, более явном и очевидном, случае водораздел проходил бы между второй половиной, с одной стороны, и концом XX – началом XXI века, с другой. Второй, менее явный и очевидный, предполагал бы деление времени и его языка между концом XX и началом XXI века, на что мы в данном месте только укажем, не стремясь отображать.

Материалом такой иллюстрации, не всегда контрастированной, как можно было бы ожидать, будут некоторые, представлявшие показательными, употребления и образования с префиксом *не*-. Не обязательно и не всегда только новые для данного времени, но им выбираемые, отмечаемые, а потому для него типичные и характерные. Оправданием выбора именно данных образований в качестве демонстративных могли бы служить такие

свойства префиксального *не-*, как мобильность и реактивность, проявляющие себя, с одной стороны, в активной подвижности, легкости произведения лексем и в способности откликаться, семантикой отрицания, оценочно и характеризующе, на возникающие условия «злобы дня», с другой. Способность эта была замечена некоторыми исследователями, отметившими значительную активизацию подобных образований в связи с тенденциями русского языка конца XX века [9: 91].

Вполне понятно, что префиксальные образования с *не-* в своей совокупности, даже применительно к периоду бурных преобразований указанного периода (см., напр., [2: 3], [4: 67] [5: 8] [8: 3-4] и др.), не исчерпываются отношением к отмеченным двум сторонам, но 1) далеко не во всей своей совокупности подобные образования нас будут интересовать, а лишь такие, которые реактивны, и 2) мобильность их следовало бы отмечать как для них характерную на фоне других употреблений, образований и форм, для которых нечто такое же имеет место в меньшем объеме и меньшей концентрации.

Начнем с наглядного, представив образования с *не-*, типичные в своем употреблении для первого выделенного периода, т.е. для языка второй половины XX века, в том числе и в публичном его проявлении в средствах массовой информации, иными словами, идеологизированном, советизированном виде, отмеченном признаками, не всегда, впрочем, явными и далеко не только, новояза. Применительно к характеризуемому таким словом объекту (в рассматриваемом случае негативно) можно было бы выделить группы, укладываемые во внутренне оцениваемые с точки зрения идеологии времени (далеко не всегда официальной) и свойственной ей системы ценностей такие отношения:

1. Препятствующий, мешающий, нарушающий, дезорганизующий, потенциально опасный, т.е. потенциальный деструктор (деструктивы), возможные или реальные действия и проявления которого создают угрозу – вредоносный действователь (потенциально или реально).
2. Не способствующий, не инициативный, не мобилизуемый (дезинкорпоративы) – пассивный, в нужном направлении, отношении не действующий, разлагающий, т.е. не действователь.
3. Не одобряемый, отвергаемый (дезакцептивы) – не принимаемый, по внешним или внутренним качествам не подходящий, не годный – обладатель (носитель) нежелательных свойств.
4. Допускаемый (пермиссивы).

5. Ограничиваемый (лимитативы).

Отношения эти, как можно заметить из представленного, вписываются в некоторую последовательность, от наиболее нежелательного и осуждаемого, отрицаемого, через неодобряемое, не приветствуемое, к возможному, допускаемому, но ограниченному, не проявляемому в необходимо должной, а потому желательной мере.

К деструктивам можно было бы относить образования типа (в том числе и с *не* как частицей и с учетом соответствующим образом ангажированного, заряженного оценкой и идеологией, значения) *неаккуратный, неактуальный, небезопасный, невоздержанный, невыдержанный (на язык), невыдача (документов, паспорта, разрешения), невыполнение (плана), невыполненный (о задании), невыполнимый, невыход (на работу), недисциплинированный, недобитки, недовольный, недовольство* и т.п.

К дезинкорпоративам, соответственно, *неактивный, невзнос, невнесение, невнимание (к нуждам трудящихся), негостеприимный (о встрече), неграмотный, недалекий (человек), недеятельный, недобор, недобросовестный (подход, отношение, человек он недобросовестный), недоверие...*

К дезакцептивам – *неаппетитный, не ахти какой, небоеспособный невоздержанный, невозмутимый* (т.е. которого ничего не проймет, в своем поведении, непробиваемом спокойствии), *невообразимый (шум), невоспитанный, невосприимчивый, не впрок, неглубокий (подход, анализ), недалновидный, недовершенный, недoves, недovesивать, недovыполнение, недovыработка, незасеянный...*

К пермиссивам – *небезгрешный, небезнадёжный, не без основания (считать, судить, полагать, следовало бы признать), небезосновательный, недвусмысленный* (о положении)...

К лимитативам – *не безграничный* (о терпении, напр.), *неблестящий, негласный* (о мнении)...

На основе внутренних корреляций между представленными пятью соотношениями можно вывести схему троичного моделирующего устройства с осевым по центру, строевым компонентом, как регулирующим, устанавливающим, ведущим, вокруг которого все вращается, но который при этом отнюдь не нейтрален, как своего рода арбитр и противовес, и двумя от него, слева и справа, – как отрицаемым, не допускаемым, осуждаемым, удаляемым, отделяемым (слева) и допускаемым, хотя и не полностью одобря-

емым, т.е. допускаемым к поправке, работе, доработке и/или возможному исправлению (справа).

Смыслом оси была бы идея стального *ratio* применительно к желаемому участию и движению-развитию, сводимая к департитиву т.е. неучастию в нем. Основу составили бы дезинкорпоративы с включением пермиссивов и лимитативов, в зависимости от их отношения к смыслу оси. Смысл отрицаемого левого – идея стального сепаратива, поскольку приписываемого и неизменяемого и поскольку не допускаемого, отделяемого от присутствующей скрыто идеи оси. К этой части, в первую очередь, относились бы деструктивы. Смысл правого можно было бы объяснить с точки зрения потенциального интерактива, допускающего возможность (отсюда потенциальность) – скрытую или явную, в разной мере оцениваемую, в прошлом, а потому как упущенную (отсюда оценочность), либо в будущем, как указание, свернутое, но, как правило, осязаемое, – к исправлению имеющегося и отмечаемого как не желаемое, недостаточное, положение вещей через опять же возможное, действие или воздействие на него, интеракцию – вмешивающуюся, т.е. в своем желаемом результате в необходимую сторону изменяющее его. К этой части в основном относились бы дезакцептивы с возможным к ним подключением пермиссивов и лимитативов.

Сказанное можно представить в таблице рядом отдельных примеров, смещенное положение вправо некоторых единиц во второй и третьей колонке обозначало бы меньшую степень департитивного либо интерактивного как дезакцептивного признака в отношении осевого значения.

сепаративы	департитивы	интерактивы
<i>неаккуратный</i>	<i>неактивный</i>	<i>неаппетитный</i>
<i>неактуальный</i>	<i>небезгрешный</i>	<i>не ахти</i>
<i>небезопасный</i>	<i>не безграничный</i>	<i>небезнадёжный</i>
<i>небескорыстный</i>	<i>не без причины</i>	<i>не без основания</i>
<i>неблаговоспитанный</i>	<i>небезразличный</i>	<i>небезосновательный</i>
<i>неблагодарный</i>	<i>не без того</i>	<i>небезызвестный</i>
<i>неблагожелательный</i>	<i>небезупречный</i>	<i>небезуспешный</i>
<i>неблагонадёжный</i>	<i>небитый</i>	<i>небезынтересный</i>
<i>неблагопристойный</i>	<i>неблагополучие</i>	<i>небесполезный</i>
	<i>неблагополучный</i>	<i>неблаговидный</i>
		<i>неблагозвучие</i>
		<i>неблагозвучный</i>

Представленные схематично значения иллюстрируют некоторый фрагмент концептуально-оценочного, системоценностного устройства общественного сознания, проявляющего себя в единицах «своего» языка как узуального и типичного выразителя тенденций и веяний времени. Для большей их очевидности, в отношении русского языка второй половины XX века, можно было бы их отразить в своего рода словарном, лексикографическом описании типичного речевого употребления (приведем только некоторые примеры, без пояснений):

неаккура́тный, неаккура́тно, неаккура́тность. Своими действиями в отношении чего-л. дающий возможность обнаружить то, что желательно скрыть. Неумело действующий, дающий возможность раскрыть скрываемое (потенциальный девуальтив). = Оценка несоответствия правилам приобщенного поведения. *Какой Вы, право, неаккуратный! Вести себя неаккуратно. Показать свою неаккуратность.*

неактíвный, неактíвно, неактíвность. Не проявляющий интереса к общественно значимым видам деятельности, не инициативный. Не действующий в нужном направлении, не мобилизующий, не участвующий (социально-групповой департитив). *Какой-то он неактивный. Нельзя быть такой неактивной. Вести себя неактивно.*

неактуáльный, неактуáльно. Не отвечающий требованию момента, ненужный, отодвигаемый. Не подходящий, мешающий, нарушающий правильность принятой установки (потенциальный оппозитив). = Оценка несоответствия поддерживаемому общественному запросу. *Неактуальный вопрос. Неактуальная тема. Теперь это неактуально.*

неаппетíтный, неаппетíтно. Не одобряемый в эстетическом отношении, способный вызвать реакцию неприятия, отторжения. Нарушающий вкус (дезакцептив). = Оценка несоответствия внутреннему запросу перцептора. *Неаппетитные разговоры. Неаппетитный вид. Выглядеть неаппетитно. Все это как-то неаппетитно.*

не ахтí. Недостаточный в отношении полагаемой меры качества. Не удовлетворяющий требованиям вероятного значимого проявления или действия (департитив). = Оценка несоответствия внутреннему запросу потенциального (со)участника. *Мужичонка-то он не ахти (какой). Парень он не ахти. Все это выглядит не ахти. Как-то все это не ахти. Дела идут не ахти.*

не безграничный. Полагающий предел способности соучастия (внутренний департитив). = Оценка несоответствия нормам участника. *Мое терпение не безгранично.*

небезгрéшный, небезгрéшно. Допускаемый в своих недостатках, слабостях, несовершенствах (социально-групповой акцептив). *Я, конечно же, человек небезгрéшный. Да и кто теперь небезгрéшный. Вести себя небезгрéшно. Все небезгрéшны.*

небезнадéжный, небезнадéжно. Допускающий возможность изменения в нужную сторону (потенциальностный партитив). *Да нет, ты знаешь, он небезнадéжный, из него еще выйдет толк, если с ним поработать. Человек он небезнадéжный. Парень небезнадéжный, если с ним поработать.*

небезопáсный, небезопáсно. Своими высказываниями, действиями, поведением потенциально создающий угрозу со стороны контролирующих структур (средовой деструктив). *Такие рассуждения (разговоры) небезопасны. Все это мне кажется небезопасным.*

И сюда же, без объяснения значений, только в типичных употреблениях:

Не без основáния. *Ваши опасения не без основания. Он это сделал не без основания. Замечания не без основания. Мы его не приняли не без основания. Сказано не без основания.*

Небезосновáтельный: *Опасения (были) небезосновательны. Выводы небезосновательны. Замечание небезосновательно.*

Не без причíны: *Все это не без причины. Разозлился он не без причины. Неужели ты не понимаешь, что это не без причины. Влетело не без причины. Досталось не без причины.*

Небезразлíчный (как позитив): *Мне это все (совсем даже) безразлично. Человек он безразличный. Безразличное отношение к делу.*

Не без тогó: *Да уж, не без того. Все это не без того.*

Небезупрéчный: *Небезупречное поведение. Вести себя безупречно. Безупречное отношение к делу. Как руководитель он безупречен.*

Небезуспéшный (как позитив): *Старания были безуспешны. Безуспешные усилия.*

Небезызвéстный (с намеком и как сомнительный позитив): *Небезызвестные всем обстоятельства дела. Писатель он безызвестный. Интересы безызвестные.*

Небезынтересный (с намеком на обстоятельства, которые могут оказаться сомнительны): *Вам это будет небыинтересно. Небезынтересно узнать. Небезынтересный вопрос.*

Небескорыстный: *Человек он небескорыстный. Интерес у него был небескорыстный. Небескорыстное отношение к делу. Отношение самое что ни на есть небескорыстное.*

Небеспользньй: *Небеспользно было б узнать. Это вам было б небеспользно.*

Небитый: *Э, да ты еще, я вижу, небитый. За битого двух небитых дают.*

Неблаговидный: *Неблаговидное поведение. Неблаговидный поступок. Дела у вас тут делаются, я вижу, неблаговидные.*

Неблаговоспитанный: *Что за неблаговоспитанный человек!*

Неблагодарный: *Человек он неблагодарный. Нельзя быть таким неблагодарным! Какая ж ты неблагодарная! Неблагодарные дети. Работа неблагодарная.*

Неблагожелательный: *Неблагожелательное отношение.*

Что касается языка конца XX – начала XXI века, его концептуально-оценочные приоритеты существенным образом отличаются. Не вдаваясь в подробности и детали, требующие при обращении к неявному в языке обстоятельных рассуждений, покажем обрывочно, на наиболее ярких, типичных примерах, не претендующих ни на достаточность, ни на полноту, то, что можно считать тем актуальным и новым, что составляло бы этот возможный смысл.

Прежде всего стоит обратить внимание на обилие приставочных образований с *не-* в этот период по сравнению с предыдущим, встречаемых не только в средствах массовой информации, но и в словарях (в качестве источников были использованы, в частности, [1], [3], [5], [6]). Однако не это будет предметом нашего интереса (об другом интересе см. нашу работу [7]).

С одной стороны, появляются либо актуализируются единицы, и это вполне понятно, отсутствовавшие или не характерные для предыдущего состояния языка, в том числе и те, которые меняют смысл, а с ним оценочность (*негосударственный, незащищенный, непарламентский, неполитический, неполитизированный, непопулярный, нерекламный, неформальный,*

нерейтинговый, непереизбрание, нерыночный, несоветский, неправославный, нецерковный).

С другой, в единое лексемное целое оформляются те, которые раньше, не предполагая слитного написания с *не-*, не могли быть рассматриваемы и определяемы как функционально самостоятельные (*небелый, недемократ, нельготник, неидеологизированный, некрикливый, некрутой, ненаши, непроголосовавшие, нетелефонный, нефизический, неюридический*).

Учитывая указанные особенности, обратим внимание на другое, сделав это лишь в самом первом приближении, только чтобы наметить наблюдаемые черты. Выберем из составленного нами на основе словарей конца XX – начала XXI века списка приставочных образований с *не-* (около 1300 единиц) некоторые, небольшим числом, ощутимо имеющие отношение к данному времени бытования русского языка и отличающие их от состояния предыдущего. Выбрав, попробуем их в какие-то дифференцирующие коммуникативно-оценочные и системоценностные рамки уложить, с тем чтобы, если не сформулировать, то, по крайней мере, отметить отличие (а возможно, в чем-то и сходство) от прежних единиц. Отличие, равно как и сходство, не позволяющее при таком поверхностном подходе, но дающее основание в дальнейшем искать те, может скрытые, может блуждавшие, а может просто не официальные, публично не объявлявшие себя, признаки и основания в прошлом, которые оформили и объявили себя в настоящем, в таком столь разительном вдруг переходе, смене состояний. Отношение к ним, этим прежним, современных и нынешних, внешне, и это вполне понятно, учитывая измененный характер публичного проявления в СМИ, может выглядеть как не имеющее ничего общего (или очень мало что). Однако хотелось бы думать и говорить об укрытом, неявном, если не сходстве, то продуцирующем отношении и соотношении, ибо что-то, если не все, должно было быть в предыдущем языковом состоянии, что подготовило и дало возможность осуществить состоявшийся переход. Это важно и интересно понять, занимаясь вопросами языка и общественного сознания, в конечном счете вопросами временных состояний и эволюции языка.

Таковыми выбранными по указанному основанию могли бы быть слова, как имеющие отчасти свое отношение к прошлому и использовавшиеся в нем, может, не так активно, так и актуализировавшиеся или ставшие значимыми, воспринимаемые по-другому, в настоящем (конец XX – начало XXI века): *неафишируемый, небанальный, небелый* (о расе), *небеспроблем-*

ный, неблагонадёжный (подчеркиванием даются единицы, оценочно актуализируемые к советскому прошлому), невостребованный, невыездной, негосударственный, негражданин, недвижимость, негражданский, негражданственный, недемократ, недемократический, недемократичный, недогматический, недоноситель, недоносительство, независимый, незащищенность, незащищенный, неимущие, неинтеллигентность, некассовый, некоммерческий, неконвертируемый, некондиционность, неконкурентноспособный, неконституционный, некредитоспособность, некрутой, нелегал, нелегитимный, нелицензионный, нелояльность, нельготник, ненасилие, непарламентский, непатриотично, непатриотичность, непатриотичный, непереизбрание, неполитизированный, неполитический, неполноправие, непопулярный, непотопляемый, неправительственный, неправославный, непрестижный, неприватизированный, непризнание, неприкасаемые, непроголосовавшие, непрофессионал, непрофессионализм, непрофессионально, непрофессиональность, непрофессиональный, нереалистичный, нерейтинговый, нерыночный, несанкционированный, несвобода, несейсмичный, неславянский, несоциальный, нетелефонный, нетрадиционный, неуспешный, неуставной, нефизические (лица), неформал, неформальный, нехристианский, нецерковный, нецивилизованный, неэкологичный, неюридические (лица).

Всего, по подсчетам, свыше 160, т.е. приблизительно десятая часть приставочных образований с *не-*, отмечаемых словарями последних двух десятилетий. Список, тем самым, неполон, открыт и отрывочен. Однако на его основании можно отчасти судить об отличии приоритетов новейшего состояния от предыдущего.

Отметить в этой связи имело бы смысл следующее:

А) Просматриваемую трехчастность того же моделирующего устройства с осевой и двумя с ней связанными проекциями. При этом ось составлялась бы отношением к деятельности, но не совместного, инкорпоративного и потому партитивного, как в предыдущем виде, а, скорее, собственного (*actuositas*) характера. Правая часть представлялась бы в отношении не отделения в сепаративе, а разделения, различения в типах и видах деятельности, т.е. в сегрегативе. Левая – то, что содержит идею препятствования, неспособствования, представляя одновременно охватывание, окружение, расширение и распространение для оси.

Б) Трехчастность устройства также опирается на пяти проективных точках, уточнения смысла которых требует разработки и выдвигались бы в некотором отношении к идее преодоления, перешагивания либо отлучения, отхождения от общего, среднего, принятого, от норматива.

Приблизительное распределение по точкам и в схеме можно представить примерно следующим образом:

1. Различение, разделение, отделение форм: *негосударственный, недвижимость, негражданин, недемократ, некоммерческий, нельготник, неправославный, неприватизированный, несейсмичный, несоциальный, нефизические (лица), неформал, нехристианский, нецерковный, неюридические (лица).*

2. Поощрение, стимуляция, перешагивание, действие вопреки, невзирая на ограничения, нетипичность, неудобства: *недогматический, ненасилие, независимый, неполитизированный, неполитический, непопулярный, неправительственный, несанкционированный.*

3. Препятствование: *небеспроблемный, неинтеллигентность, неконвертируемый, некондиционность, неконкурентноспособный, неконституционный, некредитоспособность, нелояльность, непарламентский, непотопляемый, неприкасаемые, непроголосовавшие, непрофессионал, непрофессионализм, непрофессионально, непрофессиональность, непрофессиональный, нереалистичный, нерыночный, неуставной, нецивилизованный, неэкологичный.*

4. Пораженность: *неблагонадёжный, невостребованный, незащищенность, незащищенный, неимущие, нелегал, нелегитимный, нелицензионный, непатриотично, непатриотичность, непатриотичный, непереизбрание, неполноправие, непризнание, несвобода, неуспешный.*

5. Невписанность, отхождение от среднего либо желательного: *некассовый, некрутой, непрестижный, нерейтинговый, неславянский, нетелефонный, нетрадиционный, неформальный.*

сегрегативы	делимитативы	интермиссивы
<i>негосударственный</i>	<i>недогматический</i>	<i>неконвертируемый</i>
<i>некоммерческий</i>	<i>небеспроблемный</i>	<i>некондиционность</i>
<i>неприватизированный</i>	<i>невостребованный</i>	<i>незащищенность</i>
<i>несоциальный</i>	<i>независимый</i>	<i>неимущие</i>
<i>нефизические (лица)</i>	<i>несанкционированный</i>	<i>неуспешный</i>
<i>неформал</i>	<i>неправительственный</i>	<i>непарламентский</i>
<i>неюридические (лица)</i>	<i>некассовый</i>	<i>непрофессионал</i>

<i>нелюбимый</i>	<i>непрестижный</i>	<i>неуставной</i>
<i>негражданин</i>	<i>нетрадиционный</i>	<i>нелегитимный</i>
<i>недемократ</i>	<i>нерейтинговый</i>	<i>нетелефонный</i>
<i>несоциальный</i>		

Смещением в таблице в трех колонках, как и в предыдущем случае, показана неполнота ведущего значения, его проявление в меньшей степени по сравнению с основными.

Ведущей идеей сказанному могло бы быть утверждение о таком переходе, возможно замещении, концептуальных и валюативных парадигм, составляющих смысл и основу смены коммуникативно-речевых состояний при развитии языка в его отношении к социальному времени, который (переход) предполагает не столько отказ и не столько разборку, т.е. демонтаж, предшествующего, сколько его переориентацию, сдвиг, смещение в какую-то сторону, с наполнением содержанием, воспринимаемым поверхностно другим. Поверхностное и глубинное в данном случае должны рассматриваться отдельно, а затем соединяться. Коррелятивность точек и оснований, как между собой, для данного языкового состояния, так и в их отношении к точкам и основаниям состояния предыдущего, остается величиной постоянной, а тем самым, значимой, позволяющей изучать и рассматривать ее как показатель происходящих в общественном и языковом сознании перемен, о чем хотелось в статье заявить, высказав лишь как идею, объективный и полный показ отложив на перспективу, с необходимостью описания пристального и всестороннего.

2009 г.

Литература:

1. *Большой толковый словарь русского языка*. Ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург, 2000.
2. Валгина Н.С.: *Активные процессы в современном русском языке*. Москва, 2003.
3. Ефремова Т.Ф.: *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Т. 1-2. Москва, 2000.
4. Какорина Е.В.: *Трансформации лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет)*. // *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*. Москва, 2000.

5. *Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения.* Под ред. Г.Н. Складневской. Санкт-Петербург, 1998.

6. *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика.* Под ред. Г.Н. Складневской. Москва, 2008.

7. Червинский П.: *Образования с не- в контексте социально-политических изменений конца XX века.* // *Wschód – Zachód. Dialog kultur. Język rosyjski i literatura w perspektywie kulturowej.* Русский язык и литература в культурном пространстве. Pod red. G. Nefaginy. Słupsk, 2007.

8. Шапошников В.Н.: *Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении.* Москва, 2006.

9. Pstyga A., *Z badań nad strukturą rosyjskich negatywów rzeczownikowych.* // *Wokół struktury słowa.* Red. A. Pstyga. Gdańsk, 2003.

Образования с *не-* в контексте социально-политических изменений конца XX века

Образования с приставкой *не-* в современном русском языке следовало бы отнести, с учетом активно себя обнаруживших в последние два десятилетия процессов, к открытой и постоянно себя расширяющей группе. Динамика ее расширения обуславливается способностью к лексикализации любого члена из дихотомического в своей основе противоположения *А* и *не-А*, тем более легкой, что, будучи связано с утверждением и отрицанием, составляет одну из ведущих констант повседневного речевого взаимодействия. Сдерживающими факторами к безграничному по своим возможностям и результатам росту образований с *не-* до определенного времени были нормы правописания и регламентированного советским официозом письма, значительно пошатнувшиеся в своих позициях (первые) и рухнувшие или сменившиеся другими коммуникативными навыками и формами (вторые). Количественный рост потенциально существовавших в языковом ощущении образований, тем самым, был неизбежен, и он себя обнаружил в немалом числе появившихся и описанных новейшими словарями самостоятельных лексических единиц. По нашим подсчетам число таких единиц, не встречавшихся ранее, в частности в орфографических словарях, как наиболее полно отображающих лексику литературного языка, по сравнению с толковыми словарями конца XX – начала XXI века, достигает примерно двух тысяч. Это очень большая цифра, если учитывать то, что речь идет о (ново)образованиях лишь одного формального типа и только таких, которые отражены в словарях, т.е. определяются как общепринятые и узусальные, закрепленные в языке, лексемы, а встречающиеся в письменноречевом обиходе в гораздо большем числе аналогичные формы не входят в указанное количество.

Открытость и легкость рассматриваемых слово- и формообразований, высокая их активность, характерная для языка последнего времени¹⁰⁵, дают возможность увидеть на их примере как живые процессы языковой эволюции, связываемые с социальными изменениями, соотношение узуса и потенции в языке, так и особенности данного состояния, требования времени и, своего рода, идущий от общества «социальный заказ». Однако

¹⁰⁵ „Obserwacje słownictwa współczesnego języka rosyjskiego wykazują wzrost aktywności wykładników negacji oraz wartościowania negatywnego” (A. Pstyga, *Z badań nad strukturą rosyjskich negatywów rzeczownikowych*, [w] *Wokół struktury słowa*, red. A. Pstyga, Gdańsk 2003, s. 91)

прежде чем рассмотреть типичные для интересовавших нас единиц особенности того и другого, имеет смысл обратить внимание на механизм их появления, мобильность и легкость которого регулируется не только орфографическими причинами. Подавляющее большинство новейших образований с *не-* представляет собой приставочные лексемы, построенные по типу *большой > небольшой*. Рассмотрим некоторые аналогичные случаи и примеры, игнорируя частеречные свойства и признаки данной модели и обращаясь к семантике составляющих.

Всегда ли возможно, скажем, соотношение типа *друг – не друг – недруг; приятель – не приятель – неприятель; люди – не люди – нелюди*? При этом, если для первой пары возможно известное объяснение через подбор синонима *недруг – враг, неприятель – противник*, как для *небольшой – малый*, то для *нелюди*, т.е. плохие, жестокие люди¹⁰⁶, подобное соотношение будет иметь не такой однозначный характер, а для многих слов и весьма затруднительным (*небеленый, немаркий, неблагодарный, невезучий, неведение, недвижимость, неуч* и пр.). В то же время возможны такие соотношения с *не* и без *не*, которые не предполагают приставочных образований: *корова – не корова, животное – не животное, голова – не голова, рука – не рука, ребенок – не ребенок, старик – не старик* (при *старый – нестарый*), *мать – не мать, парень – не парень, красный – не красный* и др.

Чтобы понять возможности расширения и пополнения лексического состава современного языка за счет образований с *не-*, определим семантический механизм, действующий в структурах данного типа. Почему, скажем, есть *нелюди, нечеловеческий*, новое, отмеченное в словарях последнего времени¹⁰⁷ *нечеловечный*, наряду с *негуманный*, а *нечеловек*, возможное и допустимое, как *узального нет*? Также как нет *немужчина, неженщина* или *немуж, нежена, неподруга, небрат, нелюбовник, недети, недочь, несын* и т.п. при наличии, отмечаемых в тех же новейших источниках *немужской, неженский, детский*, а еще раньше *неженственный* при отсутствии рядом *немужественный* или *небратний, несыновний, небратский*.

¹⁰⁶ Хотя есть устойчивый оборот *не люди, а звери*, а также *звери, не люди, но звери* здесь употреблено переносно.

¹⁰⁷ *Большой толковый словарь русского языка*. Гл. ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург 2000; Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Т. 1-2. Москва 2000.

Определим механизм на примере соотношений *друг – не друг – недруг* и *люди – не люди – нелюди*. Отрицание при частице *не*, как можно легко заметить, дает представление (без контекста) о том, чем не есть называемое, но не о том, чем есть, т.е., иными словами, не референтно. Если *не друг* или *не люди*, то кто? На этот вопрос в семантике слов нет ответа: *не друг* не значит, что исключительно противоположное другу, равно как *не люди* неясно, какого именно рода иные живые, а может и не живые, предметности и существа, равно как и люди (плохие, т.е. *нелюди*). Образование с *не-* референтно и значимо как лексема, нередко смещающая или сужающая значение по сравнению со своим коррелятом без *не-*: *недруг* не просто не друг, но враг, недоброжелатель, противник; *нелюди*, как уже говорилось, плохие, жестокие люди, а не кто- или что-либо нечеловеческого рода.

Механизм, таким образом, сводится к двум, по меньшей мере, соединяемым характеристикам: наличию реально представимого референта с отрицаемым свойством и его осознанию, объективации, отвлечению, с последующими экспликацией и лексикализацией – отрицаемого свойства как утверждаемого референциального признака. К этому следовало бы добавить необходимую реализацию в узусе, поскольку потенциально возможное *не* всегда получает статус общеупотребительного и закрепленного языком. Таким образом, если частица *не* несет с собой отрицание типа *не А* не есть *А*, то образование с *не-* должно содержать утверждение: *неА* не простое *не А*, а некое новое *В* с соотносимыми с *А* в каком-то отношении признаками. Из этого следует невозможность в принципе форм типа *неголова*, *немужчина*, *непарень*, *некрасный*, *немуж* и т.п., поскольку не представимы, с одной стороны, вероятные их референты, а с другой, не определимы и не закреплённые как общепонятные и однозначные те признаки, которые можно бы было им приписать. *Не мужчина*, *не парень* – плохой мужчина, парень, еще не мужчина, уже не парень или что-то еще? Равно как *не муж* – простой знакомый, друг, другой какой родственник, сожитель, уже не муж или еще не муж, а может, плохой, недостойный муж? Не говоря о том, что *не голова* может быть чем угодно, похожим и не похожим на голову, а *не красный* совсем неизвестно, какого цвета и только ли цвета. Языковое представление носителя языка ни с чем конкретным в подобном ряду без контекста не соотносимо.

Наличие отрицаемого в создаваемом вновь утверждении признака должно, тем самым, иметь объективно осознаваемый и закрепленный ха-

ракти. В противном случае возможно окказиональное, но не узуальное слово. Новизна словарной фиксации употребляемого слова состоит, в связи с этим, для интересующего нас периода (конец XX века), в смещении внутреннего порога, границы между тем, что возможно и представляет область речевого употребления, и тем, что уже есть и является узусом языка. Речь идет фактически о свойствах и признаках нового (точнее было бы сказать, по-новому осмысливаемого) языкового состояния, новой его парадигме или, иначе если сказать, новой его формации.

Показательным в этой связи может быть одно лишь определение включенного в новейшие словари лексического состава интересующих нас образований, которое, для наглядности, можно было бы произвести в двух направлениях – тематическом и структурном, с точки зрения групп новой лексики и в отношении регулярности тех или иных словообразовательных типов. На базе того и другого в дальнейшем имело бы смысл рассмотреть набор и актуализацию тех семантических признаков, которые, в составе новоописанных слов, проявляют себя в механизме рассмотренных отрицания > утверждения при переходе от слова без *не-* к *не-*приставочному коррелятивному образованию. За неимением места наметим лишь некоторые подходы.

Определяющую роль в расширении интересующего нас состава играют общие тенденции, типичные для языка конца XX столетия и характеризующиеся как проявления его новизны. Одна из них – это тенденция к усилению функциональной мобильности языковых единиц¹⁰⁸, рассматриваемая как процесс, который «развертывается как по вертикали (от социолектов к общему просторечию и к литературному языку), так и по горизонтали (от периферийных участков языковой системы к ее центру или общему ядру).»¹⁰⁹ Тенденция эта связана с оживлением и расширением форм и тем общественного диалога, привлечению к нему разных по составу и речи участников, открытием для обсуждения ранее закрытых тем, специализацией и большей дифференциацией форм публичного выступления и т.п. В сферу активного взаимодействия, средства массовой информации, а тем самым, в язык входит лексика, ранее не актуальная, появившаяся и созданная либо актуализировавшаяся по социальному зову и на потребу дня. Это слова в первую очередь из таких тематических областей:

¹⁰⁸ Е.В. Какорина, *Трансформации лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет)*, [w:] *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*. Москва 2000, с. 67.

¹⁰⁹ А.Д. Швейцер, *Контрастивная стилистика*. Москва 1993, с. 54.

общественная жизнь – небезрасчетный, небиржевой, небудничный, невоскресный, негородской, недействующий, недовложение, недовоз, недовыпуск, недовыручить, недонакопление, недонаселенность, недооблагать, недообложение, недооборудовать, недопоставить, недопоставка, недопотребление, недопродажа, недопродать, незаложенный, незанятость, неземледельческий, неинтенсивность, неинтенсивный, неиспользование, некассовый, некоммерческий, неконвертируемый, неконкурентноспособный, неконструктивный, неконтролируемый, некоренной, некредитоспособность, нелегал, нелимитированный, неналаженный, неналоговой, необлагаемый, необлагаемость, необразование, неоприходованный, неоперативный, неотоваренный, неотработанный, неотрывной, неотъемный, непериодический, неподконтрольный, неподотчетный, непопулярный, непраздничный, непрестижный, неприватизированный, неприёмный, непроведение, непродуктивный, непродовольственный, непроектируемый, непроектирующий, неработающий, неразвитие, несбалансированный, нестабильный, неупотребление, неусовершенствованный, неуспешный, неустановившийся, неустоявшийся, неформал, неформальный, нецивилизованный, Нечерноземье, неэкстремальный;

межличностные отношения – неафишируемый, небанальный, небеспроблемный, неблистательный, неделание, недеятельность, недоказанность, недооценивание, недопонять, недружеский, недружественный, незащищенный, некритичность, некровный, немилосердие, ненарочно, ненашенский, неоригинальный, неосведомленность, неосведомленный, неосвоенность, неоткрытый, непедагогичный, неповерхностный, непозволенный, неположенный, непоявление, непризнание, неразъяснимый, нереалистический, нереалистичный, нерезкий, нерезонно, нерезонный, неродимый, неродовитый, неродственный, несемейный, нескучно, нескучный, неслабо, неслабый, неслаженный, несогласованный, нетелефонный, нетрафаретный, нетривиальный, нечиновный, нешаблонный;

политика – недемократичный, недогматический, ненасилие, ненасильственный, ненаши, непарламентский, непатриотично, непатриотичность, непатриотичный, непереизбрание, неполитический, неполноправие, непотопляемый, неправительственный, неправовой, неприменение, непроголосовавшие, непролетарский, несанкционированный;

БЫТ – *небытовой, невыжатый, невыпеченный, неглаженный, негреющий, недокуренный, недокурок, недолечить, недолечиться, недрожжевой, нежатый, нежженный, незакрытый, некомфортабельный, некомфортный, некрупный, некрытый, нелиняющий, немодно, немодный, немолотый, неношенный, необделанный, необитый, неосвещенность, неосвященный, неотложной, неочищенный, неошкуренный, неплотный, неплотно, неполированный, непортящийся, непорченный, неприручимый, непромытый, непросохший, непыльный, неразделанный, несерийный, нескладной, несносимый (об одежде), неснятой, неспелый, несрочный, нетоплёный, неуют, неходкий, нехолодный.*

В широкий обиход входят слова специальные и профессиональные: *неадаптированный, небелковый, невыделанный, невыезженный, недиссертабельный, недожный, недопаханный, недопахать, недубленный, незаливной, незаменяемый, незамерзаемый, незамерзаемость, незаседанный, незатемненный, неискусственный, неисследованность, неистинность, неистинный, неисторичный, неквантовый, нековкий, некондиционность, некондиция, нележкий, нелекарственный, нелицевой, неложный, немедикаментозный, немноговодный, ненадлежащий, необстроганность, необстроганный, необтесанность, неоседлый, неосёдланный, неосмысленный, неосмысленность, неостепененный, неосуществление, неосуществленный, непилотируемый, неплавкий, неполивной, непородистый, непородный, неправленный, непрограммируемый, непрямоугольный, нераспаханный, нерифмованный, несейсмичный, несинхронный, несловесный, несовершенство (преступления), несортовой, нестандарт, нестерильный, нестихотворный, несуществующий, неценничный, нетипичный, нетрадиционный, нетранспортабельный, нечистокровный, неэпидемический, неэффективный, неявный, неявственный, неядовитый.*

А также ранее относившиеся к области не обсуждаемых тем: *недоноситель, недоносительство, недопуск, недочеловек, непечатание, непечатный, неправославный, непроходной (напр., роман), неразглашение, несбывшийся, несвобода, неславянский, неуставной, нехристианский, нецерковный, неэкологичный, неэкономический.*

Экспрессия и оценочность, обращенность к внутреннему миру человека, стремление к определению признаков референта-лица способствуют появлению и распространению слов типа *небеззаботный, невзрослый, невзрослость, невыносливый, негнующийся, недоброхот, не-*

добычливый, нежалостливый, нежизнерадостный, незакомплексованный, незнающий, неизящный, неинициативный, неинициативность, неинтеллигентность, неисполнительность, неконфликтный, нелюбопытный, нелюбопытство, немзыкальный, ненаблюдательный, ненапряженный, ненарядный, необстрелянность, необутый, неодоухотворенный, неординарный, неординарно, неординарность, неосознанный, неостроумно, неостроумный, неотзывчивый, неотзывчиво, неотзывчивость, неохотный, неохочий, непокладистый, непокой, неполовозрелый, непонимающий, непонятый, непоэтичный, неправдивый, непредприимчивый, непредсказуемый, непредставительный, непредупредительный, непримечательный, непричесанный, непробиваемый, непробивной, непрогнозируемый, непрошибаемый, непрофессионал, непрофессионализм, непрофессиональный, непугливый, неработающий, нерадушие, нерадушно, нерадушный, неразвязный, нераспорядительный, несклонный, несловоохотливый, несобранный, нестареющий, нестарый, нестриженный, нестрогий, несуетливый, несуетливый, неталантливый, нетворческий, нетолстый, нетрусливый, неудовлетворение, не улыбочивый, неспокоенный, нецеремонный, неэнергичный.

Часть из них, в другом значении, может быть характеристикой сферы межличностных отношений¹¹⁰ (см. *небанальный, небеспроблемный, небеззащитный, неблистательный* и т.п.).

Возможны также слова не входящие в перечисленные тематические группы, хотя, возможно, с ними и соотносимые: *неосновной, неживотный, незаходящий, некрутой, неодноцветный, неорганичный, непараллельный, неполностью*.

Говоря о причинах, вызвавших широкое распространение в современных текстах слитных написаний с *не*, ранее писавшихся отдельно, с переходом этих слов, тем самым, в приставочные образования, поскольку именно с этим явлением в основном мы имеем дело, следовало бы обратить внимание на два ведущих и отчасти взаимосвязанных обстоятельства. Во-первых, отмеченный ранее сдвиг в семантике (референциальность отрицаемого и утверждение противоположного как нового и самостоятельного значения) и, во-вторых, во многих случаях фразеологизованность и

¹¹⁰ В зависимости от значения и употребления целый ряд слов можно было бы относить к разным тематическим группам. Представленное подразделение в известной мере условно и имело целью иллюстрацию реализуемой в узусе языковой потенции к расширению лексического состава.

конструктивная обусловленность этих значений, первоначально речевых употреблений. *Нескорый, нетелефонный разговор, несанкционированный митинг* на базе отрицаний *не скорый, не телефонный, не санкционированный*, т.е. не быстрый, не по телефону, не получивший разрешения, в сочетаниях развивают дополнительные оттенки значения и начинают писаться с *не* слитно: *нескорый* значит также обстоятельный, происходящей в способствующей к тому обстановке, *нетелефонный* – предполагающий информацию не для подслушивания, требующий времени и живого контакта, *несанкционированный* – предполагающий и допускающий вмешательство со стороны властей, возможность последствий. Что возникает раньше – слитность написания или дополнительный смысл, который затем отражается и закрепляется слитностью? Достаточно ли написать слитно что-либо, что еще так не пишется, чтобы получить какой-то оттенок значения?

Языку свойственна избирательность. Одно входит в него, им принимается, становится узуальным, другое, по всем признакам такое же, ничем не отличающееся, маячит где-то в потенции, на периферии, не реализуясь как элемент языкового узуса и не являясь общим. Механизм этот известен, и он же может стать тем средством, с помощью которого можно было бы исследовать то, как отражается в языке эпоха, общественное время, и еще то, что связывается с потребностью, востребованной необходимостью и следует из актуализации и обусловлено свойством, которое, применительно к языку, вращается в последнее время вокруг термина антропоцентризм, но которое по-настоящему следовало бы назвать центризмом субъекта языка, или субъектоцентризмом, проявляющим себя, по крайней мере в русском языке конца XX столетия, с особой интенсивностью.

В советский период были достаточно активными слова *немарксист, неподведомственный, некапиталистический* (путь развития) и ряд других, в новейших толковых словарях непоследовательно или совсем не отраженные¹¹¹. Что с ними стало? Ушли в пассив?

И в этой же связи – почему ни в прежних, ни в новейших словарях не зафиксировано слов им подобных, скажем, *недарвинист, неламаркист, непрудонист, несталинист* или *несоциалистический, несоветский, небанковский, некооперативный, непредпринимательский*? Их нет как узуаль-

¹¹¹ Все три слова имеются в орфографическом словаре (13-го и всех последующих изданий). В *Большом толковом словаре*... их нет, несмотря на то, что приставочные образования с *не-*, не только новейшие, в нем представлены весьма обстоятельно; в *Новом словаре русского языка*... из этих трех есть только *неподведомственный*.

ных? Они не используются в речи? Только возможны? Или невозможны? Проблема в языке, его законах, особенностях функционирования в какую-то эпоху или же в практике фиксации лексического материала словарями?

Поиск ответа на поставленный вопрос на следующих примерах. «Большой толковый словарь» фиксирует слово *небелый* в значении ‘не относящийся, не принадлежащий белой расе’. Все словари отражают слово *нерусский*. Но нет при этом слов *нецветной*, *нечерный* (о расе, коже) или *нефранцуз*, *неангличанин*, *неполяк*, *ненемецкий*. Появилось сочетание *лицо кавказской национальности*, но нет *лица некавказской национальности*. Последнее и, по крайней мере, первое из приведенных слов могли бы быть. При известных условиях, востребованности и как употребляемые, они имели бы возможность стать словами языка. Когда то обстоятельство, что человек не цветной, а белый, или то, что он не кавказец, приобрело бы для российской действительности какой-то особо значимый и актуальный смысл и получило бы статус дифференцирующего признака. Все прочие из приведенных слов можно представить в каких-то контекстных речевых употреблениях, но перспектива их вхождения в язык более, чем сомнительна. Причина все в том же субъектоцентризме как ведущей предпосылке перехода, при наличии прочих условий (актуализации, употребимости, развитии референциального значения), из сферы потенциального в сферу языкового узуса.

2005 г.

МАРГИНАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Современный сленг – кодовые снижения и экстремальности как средства экспрессии

Современная русская непринужденная речь характеризуется, по-видимому, некоторыми тенденциями, отличающими ее от предшествующих хронологических состояний [1], к числу которых следует отнести всё большее распространение жаргонных, блатных и вульгарных средств [2]. Явление, вызывающее объяснимое беспокойство в среде представителей русской культуры, но по-своему закономерное и неизбежное – как следствие определенных социальных причин, совокупность которых приводит, в конечном итоге, к тому, что то, что было сомнительным и не достаточно очевидным в 60-е, 70-е, отчасти в 80-е годы, то в 90-е можно признать, хотя не без основательных оговорок, как некую данность. Речь идет в данном случае о существовании сленга.

Гипотетически можно считать (чтобы не вдаваться в теоретические подробности), что начавший распространяться в 50-60-е годы современный русский речевой сленг к рубежу 80-90-х получил, по-видимому, достаточное распространение для того, чтобы стало можно о нем говорить как о существующей уже форме речи. Явление, кстати, нашедшее отражение в вышедшем в 1990 году “Лингвистическом энциклопедическом словаре”, отнесшего понятие сленга уже не только к англоязычным, как ранее странам, но и непосредственно к русскому языку и давшего определение сленгу как “совокупности жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи” [3] с преимущественным употреблением в условиях непринужденной речи.

Для понимания явления и процессов сленга важно то, что “С. состоит из слов и фразеологизмов, которые возникли и первоначально употреблялись в отд. социальных группах, и отражает ценностную ориентацию этих групп.” [3]. Что сленг – это сфера и форма общеупотребительного использования жаргонизмов и арготизмов, в которой они могут менять семантику и коннотацию, сохраняя при этом “следы” предыдущего состояния. Что сленг отличает типичный характер метафоры, лежащей в основе его номинаций и потому узнаваемый. И, наконец, то, что, будучи погра-

ничным явлением с просторечием, взаимодействующим с ним и не всегда легко от него отделяемым, сленг от него отличается происхождением своих средств, в социальных группах, иногда и очень широких (например, среди молодежи).

Сленг, таким образом, характеризуется специфическим видом экспрессии своих средств, обусловливаемой социальными ценностными ориентациями, – по-видимому, и составляющими его коммуникативную и языковую природу. В связи с чем не всякому состоянию “языкового” сознания общества будет свойственно явление сленга (в отличие от просторечия) и, наоборот и вместе с тем, существование и широкое распространение сленга отчасти будет влиять и собой обуславливать специфику речевой и коммуникативной перцепции для носителей языка, обуславливая, при этом и прежде всего, сферу межличностных отношений. Используя сленг, прибегая к сленгу, говорящий волей-неволей начинает иначе и относиться, и воспринимать коммуникативный объект своей речи – того, о ком (не о чем) говорит, – и объект, и себя самого, ставя в специфическую когнитивно-оценочную и ценностную позицию.

В какой мере, насколько распространен сленг в современной речи, как и насколько успел он “проесть”, захватить речевое сознание носителей языка и какие их группы – вопрос интересный, но, скорее, социологический. Предмет настоящего рассмотрения семантически: на материале средств современного сленга выяснить некоторые отличительные когнитивные категориальные признаки речевой экспрессии, не обязательно и не только, возможно, свойственные исключительно сленгу, но ему преимущественно и в первую очередь. Установление этих свойств позволит в дальнейшем исследовать и само явление сленга и смежные и не смежные с ним варианты и формы речи более концептуально и объективно.

Основу предпринятого анализа составило обобщение типичных для сленга: 1) номинативных метафоризаций и 2) композитных структур – устойчивых сочетаний и фразеологизмов.

Особенность “сленгового” восприятия мира, по данным проделанного исследования, состоит в специфическом противополжении категории внутреннего и внешнего (“я” и не-“я”). Совершаемое и / или происходящее во внешнем и с внешним (в том числе и с “я”, воспринимаемым как внешнее) интерпретируется в категориях предметно-инструментальных. Происходящее с “я” (воспринимаемым как внутреннее) интерпретируется в категориях энергетических – как внеобуславливаемое, не зависящее, не под-

дающееся воздействию и регулированию. Природа окружающего распределена следующим образом:

- предметы и элементы – объекты и/или орудия потенциального приложения сил – для внешнего;
- стихии – неуправляемого, “дикого” – для внутреннего.

Отсюда следствия, проявляющиеся в характере сленговой номинации: концентрации и экстремальности – как мотивирующее для внутреннего и кодовые снижения (метафорические переносы по признакам нечеловеческое и не человек) – для внешнего.

Проявление внешнего или внутреннего как парадигматических категорий не в полной мере будет зависеть от того, о себе или о ком-то другом говорит речевой субъект, это скорее позиция, исходная точка для говорящего – о себе внутри или о себе извне и со стороны. Также и равным образом, и о другом – о нем извне или о нем с точки зрения внутренней, как о себе самом, как бы будучи на его месте и входя (“сочувственно”) в его положение, принимая, оправдывая его, поскольку внешнее или внутреннее – это, прежде всего, способ оценки и оправдания, но оправдания не прямого, а концептологического, опять-таки позиционного.

Не прямо связано проявление внешнего и внутреннего также и с семантической дифференциацией: в каждой из выделяемых лексико-семантических групп возможно проявление для семантики слова как внешнего, так и внутреннего.

Покажем это на некоторых примерах. Так, сленговые глаголы можно подразделить на группы состояния, контакта и проявления (свойств). Те, в свою очередь, на подгруппы пребывания в состоянии, изменения состояния (перехода), нарушения (прерывания) состояния; установления контакта, воздействующего контакта и достижения контактной цели, получения чего-л. в результате контакта (финитно-результативные).

Пребывание в состоянии (и достижение обычного состояния): *торчать, веселиться, тащиться, обожраться (напиться, пресытиться), взбеситься, оторваться, оттянуться, завязать, нализаться, разговеться, отключиться, колотиться.*

Изменение состояния (переход): *удариться (во что-л.), убедить (‘повлиять на решение’), податься (‘открыть какое-нибудь дело’), попробовать (‘первый раз вступить в половое сношение’ – о “себе”, с точки зрения “я”), раскрутить (дело, магазин).*

Нарушение (прерывание) состояния: *сломаться* ('согласиться'), *обломиться* ('сдаться'), *осесть* ('потерять самообладание'), *упасть, падать* ('удивиться, удивляться').

Установление контакта (иметь контакт, находиться в каких-л. отношениях): *приставать, связываться, встречаться* ('находиться в интимных отношениях'), *подкатываться, стелиться, отвязываться* (от кого), *пилить* (кого – 'иметь сексуальную связь с кем-л. '), *вычислить* ('определить кто или где'), *попробовать* (кого – 'вступить в интимную связь с кем-л. '), *кинуть* ('поступить подло, нехорошо с кем-л. ').

Воздействующий контакт: *доставать, мочить, обижать, разжечь, завести, оторваться, вытряхивать, тряхнуть, возить, поковырять, поскрести, капать* (на кого – 'доносить'), *раскрутить* (кого на что).

Финитно-результативные: *трахать* (кого), *стрелять* (у кого), *залететь* (с кем).

Проявление свойств: *мелочиться, жаться, травить* (что).

Особенность семантики сленговых глаголов (как следствие жаргонной семантики) состоит в обобщенности, в неопределенности смысла вне контекста и конкретного употребления. Один и тот же глагол, в зависимости от того, с какими словами он сочетается и в каком контексте использован, может обозначать различное: *раскрутить* ('запустить, пришить') дело; *раскрутить* ('поставить') магазин и дело; *раскрутить* ('выбить показания'); *раскрутить* ('добиться чего-л.' – денег, каких-нибудь благ), *раскрутить* ('расшевелить'; 'развратить'; 'запустить в тираж'). Сленговые значения, по-видимому, необходимо рассматривать поэтому в составе конструкций: один и тот же глагол в различных валентностных реализациях может встречаться в различных лексико-семантических группах. Однако для целей предпринятого анализа конкретная лексическая семантика сленговых слов не существенна, важна мотивирующая основа с тяготением к лексико-семантической группе.

Мотивирующая основа представленных в группах глаголов отражает идею кодового снижения – проекции минерального, растительного (древесного), животного кода как внешних природных объектов и агентивно-инструментального и артефактного (как кода проекции и приложения сил) для человека, его состояний и действий. Либо идею валентностного расширения, без смещения кодовой ориентации. Первое и второе (кодовое

снижение и расширение) становятся средством выражения отношения и оценки: нечеловеческое и не человек (категория внешнего – не-“я” и “я” как не-“я”) и “я” не управляемое и смещенное, “дикое” и стихийное “я” (как форма объяснения “себе” и внутреннего оправдания разрешенной “себе” позиции, распушенности, волевой “освобожденности”).

Проекции минерального кода (камень, плотное, твердое, тяжелое, неподъемное, неподвижное), сюда же и действия с подобными элементами предполагают глаголы *торчат, тащиться, подкатываются, возить, переворачивать, отвалить, поковырять, податься, раскрутить, упасть, падать, поскрести, осесть, кинуть, залететь, трахать.*

Проекции растительного (древесного) кода, связанного с идеей роста, растягивания, тянущегося, выдвигающегося, липкого, клеящегося, а также действий с деревом и по дереву – глаголы *сломаться, обломиться, приставать, связываться, вязать, повязать, доставать, разжечь, оттянуться, сорваться, оторваться, завязать, стелиться, пилить, уколоться, колоться, прикалываться, тряхнуть, вытряхивать, стучать.*

Проекции животного кода – *обожраться, взбеситься, нализаться, жаться, травить.*

Глаголы агентивно-инструментального и артефактного вида (частично представлены в минеральном и растительном коде) – *отключиться, стрелять, взорваться, завести, (за)мочить, наезжать, вычислить.*

И наконец, глаголы валентностного расширения, обозначающие состояния и контактные проявления человека, но в другой проекции и смещенно: *веселиться, обижать, убедить, встречаться, мелочиться, разговеться, попробовать, удариться.*

Названные кодовые проекции затрагивают и часто встречающиеся отглагольные имена существительные: *залет, приколы, облом, ломка, разборка, раскрутка, отключка, приход, прикид, накипь.*

Что касается имен существительных не отглагольных либо утративших связи с глагольностью, то действие кодового снижения и валентностного расширения для них получают нередко более конкретизованный и более значимый в своей конкретизации смысл: *крыша* (‘голова, мозги’), *вывеска* (‘лицо, внешний вид’), *ворота* (‘ширинка’; ‘женский половой орган’) – человек = дом; *варежка* (‘рот’), *лопаты, грабли, крюки* (‘руки’),

будка, сарай, шкаф ('широкоплечий мужчина'), *ящик* ('большое лицо'), *обложка* ('лицо, внешний вид'), *товар* ('проститутка') – человек = хозяйство, его деятельность, артефакты; *обезьянник* ('общая камера предварительного заключения') – человек = животное; *пятая точка, жд квадрат* ('задница'), *квадрат* ('толстый мужчина'), *шар* ('круглое лицо') – человек = геометрическая фигура.

Снижение может работать и в обратную сторону: *бабки* (деньги), *сюрприз, подарочек* (о неприятной неожиданности, о том, что таковым отнюдь не является). Валентностные смещения могут обнаруживать тенденцию к внутрикодовому расширению – *авторитет, пахан, шеф, товар* (наркотик), *беспредел*. Либо также к снижению, но внутри одного кода по уровням: *тачка* ('машина, такси'), *точка* ('место, где проститутки'), *хата* ('квартира, любая, в том числе и хорошая').

Экстремальности, нередкие в сленге, затрагивают в первую очередь мотивируемые как не управляемые проявления силы стихийного "я", выступая обычно в составе конструкций с удвоением, повторением либо в составе устойчивых сочетаний, со значениями

- проявления свойств: *круто и дерзко* (пил), (я был) *борзый и наглый, молод и горяч, зверел и нагел* (все более, на глазах), *больно молодой еще, она у меня просто золотце, классно* (отдохнуть, двигаться), *начала истерически смеяться, тут я вообще взорвалась, вlepила хорошую пощечину, наехали, и очень плотно, сесть на иглу, и очень плотно, с ними делай все что угодно* (на все согласны), *меня все боялись, сумасшедшая логика, всего-то делов, трудиться особо не надо, острый приступ тоски* (по этому идиоту), *бросаться на всё, что движется, это была сказка, (просто) фантастика, было весело, это не деньги, это были деньги, всё при мне* (хорошо выгляжу), *здоровый лоб, навязчивое сходство, впечатление, найди себе получше* (а эта – гулящая, тебе не подходит), *сладкая идиотка, полная дура, полнейший маразм, непристойные предложения* (определенного свойства), *жуткий скандал, полный беспредел, крутой заработок*;

- проявления в действиях (со значением их характера): *разврат и беспредел, пьянки, гулянки, пошло-поехало, молод еще, накидаюь кирпичей, наводит боевой марафет, направляться строевым шагом, хорошо посидели* (т.е. погуляли и выпили), *выпустить пар* ('от-

вести душу, расслабиться'), *ее весь город перетягал* (о гулящей), *скитаться по* (чужим) *квартирам*;

- воздействующего контакта: *просил, умолял, разорвать (кого) в клочья, я соскучился, я хочу видеть тебя* (предложение полового контакта), *вправлять мозги*;

- установления контакта (установленного контакта): *в упор не видеть, не замечать, моя малышка, девочка моя* (в обращении и о ней), *вытянуть в соседнюю комнату* (для постели);

- пребывания в состоянии (степень ощущения состояния, степень его восприятия): *безумно любить, неслабо дружить, люблю тебя очень-очень, веселиться* (удивляться непониманию, наивности) *все сильнее и сильнее, жить красиво, боевой задор не пропал, нервы на пределе, задушили налогами, вдолбить себе в голову, крыша едет, крышу срывает, сносит, сушить мозги, едет планка*;

- нарушение, прерывание (привычного) состояния: *(резко) выпасть в осадок, спрыгнуть с иглы, соскочить с иглы, была в "ауте", удар ниже пояса*;

- изменение, переход к (новому) состоянию: *сесть (посадить) на иглу, начался отходняк*;

- дефинитно-результативные: *вылететь с треском* (из дома кого-л., от кого-л.), *меня ждал сюрприз, преподнести сюрприз, киндер-сюрприз, пройти обкатку, вышла в тираж*.

Уже само представление по группам позволяет увидеть характер частотности, неизменно отражаемый в связи с сочетаниями экстремальных значений: прежде всего, это группы оцениваемых свойств – в проявлениях, в действиях, в условиях взаимодействия (контакта). Свойств, интерпретируемых, воспринимаемых как не зависящие от “я”, такие, которые сильнее его.

Характер мотивирующей основы для слов с проявлением экстремальности может быть разным (одна из отличительных особенностей – валентностное расширение, сдвиг в сочетаемости, привычной для слова). Это могут быть внутрикодовые смещения: перенос с проявления внешнего на проявление во внутреннем (по ощущению) *круто повернуть – круто пить, дерзко ответить – дерзко пить, резко ударить – резко ответить – резко выпасть в осадок, плотно придавить – плотно пообедать – плотно сесть на иглу, плотно наехали*.

Это могут быть переносы с ощущения на свойство: *мне больно и молод_больно, больно горяч, стар он больно.*

Это возможны акцентировки, предполагающие оценку, мотивируемую состоянием аномальности, вне пределов обычного, нормы (экстремум психического): *биться в истерике, истерически смеяться, припадочный, отходняк, сумасшедшая логика, безумно любить, до безумия, это совершенная психопатия, острый приступ тоски.*

В связи с аномальностью для проявления сленга в непринужденной речи нередко можно встретить обратное – акцентуацию, подчеркивание обычного, нормы: *все как у людей, стать нормой, нормальное явление, законность притязаний, начать нормальную жизнь, нормальный, знакомое ощущение, чувство, привычные дела, обычное дело, заняться своим обычным делом, приступить к делу, продолжать делать свое дело* (нередко о том, что не всегда может считаться обычным, нормальным, а также делом).

Одна из отличительных черт оценки и интерпретации в сленге, как средство создания экстремальности (психологического экстремума, экстремума состояний), состоит, по-видимому, в переносах, смещениях в ощущениях (сенситивные переносы), с повышением регистра: *жуткий скандал, меня все просто боялись, страшно интересный, взять на испуг, сладкая идиотка.* А также – с понижением регистра, с целью актуализации в нарушенном восприятии и “доборе” при восприятии, возможно и как экстремального: *ты мне понравился* (‘ты меня возбуждаешь, я тебя хочу’), *меня это не смущает* (о чем-нибудь, способном вызвать более резкие чувства).

Другой такой чертой будет актуализация общего или значимого (нередко значимости пустой, мнимой, малой): *тут я вообще взорвалась, он буквально мне надоел своими приставаниями, трудиться особо не надо, это не деньги, тогда это были деньги, это что-то* (о чем-нибудь, на что хотят обратить внимание), *коню понятно, все при мне, полная дура, пошел отсчет времени* (с какого-то иногда мало значащего события), *начала новую жизнь.*

Средством создания подчеркнутого экстремума несоответствия могут быть деминутивы: *папик, золотице, годик, годков (так пятнадцать) будет, девчоночка, лапочка, зайчик.*

И от обратного – с кодовым повышением (как средство иронически уничижительного отношения): *устроить концерт* (скандал), *увы, мадам, я вас не хочу* (сексуальный отказ), *возвращаться с напутствием* (получить

отказ и услышать выговор), *выслушивать монологи* (рассказ с убеждением в чем-л.), *умение общаться с людьми* (о проституции), *обслуживание дам бальзаковского возраста* (о мужской проституции), *приятное ощущение* (о чем-нибудь неприятном), *поднимать руки* (о мордобое, битье), *подобное уже имело место пару лет назад*.

Картина современного речевого сленга довольно многообразна. Трудности в определении общего для него обусловлены самим характером происхождения его экспрессивных средств – из разных жаргонов, с их различными социальными ценностными ориентациями. Сленг явление не однородное, хотя узуально и не ограниченное, разные говорящие используют различные его средства: характерное для одних не типично и не встречается в речи других. Коммуникативный и функциональный анализ средств современного сленга, с определением возможных границ и отличия от форм похожих и смежных, жаргонов и просторечия прежде всего, необходимо должен предполагать изучение в том числе и категориальных свойств и особенностей его экспрессивных актуализаций.

1998 г.

Примечания:

1. Специально данной проблеме посвящена коллективная монография, там же и литература вопроса: *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*. Отв. ред. Е.А. Земская. Москва, 1996.

2. Так называемые процессы вульгаризации и “разгерметизации” жаргона. Елистратов В.С.: *Арго и культура*. [В:] Елистратов В.С.: *Словарь московского арго*. Москва, 1994, с. 635-637.

3. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990, с. 461.

Жаргоны и сленг в аспекте оформления лексического значения слова

Сфера находящегося за пределами литературно-письменного, стихийного бытования языка, вызывая у языковедов неоднозначные, сложные и не всегда позитивные чувства, до сих пор не получила достойного себе описания и представления. По вполне понятным и объяснимым причинам. Прежде всего, в силу своей неясности, подвижности и бегучести в отношении языкового материала, что не позволяет с достаточной достоверностью считать увиденное или услышанное фактом, фиксация которого не вызывает сомнений с точки зрения своей узуальности и закреплённости. Коренное, пожалуй, отличие взятых в качестве объектов для данного рассмотрения форм бытования языка от народных говоров-диалектов, также стоящих и себя проявляющих вне пределов литературного, состояло бы в их (этих форм) нестабильности, с точки зрения материала и глосс-границ. К этому следовало бы добавить городское по преимуществу обращение в кругу подобных и неподобных наддиалектных нелитературных форм, что существенным образом осложняет вычленение данного социолекта на фоне других, а постоянное и практически неизбежное взаимодействие с ними делает затруднительным определение используемого в нем материала в отношении принадлежности.

Трудности связаны не только с определением материала, хотя доказательством существования данного социолекта как формы национального языка должно бы быть, по идее, наличие материала, репрезентирующего его особенность. Трудности связываются также, далеко не в последнюю, если не в первую, очередь, с тем, что непросто определить, что собой представляют как формы эти самые внелитературные, городского по преимуществу бытования, языки. И здесь начинается движущаяся, перемещающаяся, перемежающаяся нередко, игра понятий и терминов, поиск критериев, оснований, признаков, свойств и средств. Мы не будем входить в условия и порядки этой, довольно давней, уже игры, знакомой каждому языковеду, имевшему дело со сферой внелитературного, подстандартного бытования языка – жаргон, арг, сленг, просторечие, социолект, диалект, наддиалект, интержаргон, тайный язык, условный язык, профессиональный язык и пр. Как они связываются между собой, чем отличаются, что их объединяет, делит, что отличает их в своей совокупности от прочих форм и т.п. Не будем не потому, что это не стоит, напротив, стоит, необходимо делать. Не будем в силу иных причин. Отчасти в силу того, что, как это

может ни показаться странным, вопрос этот языковедами в каком-то достаточном виде и смысле, по нашему представлению, в целом уже и решен. Критерии разграничения понятий и терминов, их обозначающих, необходимых для первого приближения к предмету, выявлены и в литературе отображены¹. И хотя едва ли не традицией стало начинать исследование, посвященное социолекту, с определения, точнее своего понимания, всё того же набора терминов, общий, словарно-терминологический порядок и вид формирующих их понятий и оснований, достаточный для обучения, ознакомления и использования в лингвистическом обиходе, в целом довольно ясен и, если и требует (здесь позволим себе подвергнуть сомнению устоявшийся взгляд) более полного определения и дальнейшего уточнения, то не в большей мере, чем все остальное имеющееся в лингвистике на сегодняшний день. То есть на данном этапе лингвистических знаний и в рамках сложившейся и не сменившей себя пока еще научной лингвистической парадигмы². Использование, понимание и трактовка терминов зависит от выбора объекта исследования, научной традиции, направления, характерных для них восприятий, интерпретаций, употреблений, не меняя существенным образом уже устоявшегося.

Однако, не то чтобы в ненарушение традиции, а из желания пойти дальше и посмотреть на объект с еще одной стороны, имеет смысл представить некоторые понятийно-терминологические ориентиры предлагаемого рассмотрения. Не для того, чтобы сказать что-то новое, предложить свое понимание, добавить к имеющемуся, объяснить, прояснить, а потому, что, поскольку в этом вопросе обнаруживает себя слишком явная разногласия, имеются кардинально бросающиеся в глаза разномнения и разночтения, представить более ясно ту позицию и тот взгляд, который созвучен и более близок. Может быть, потому что более отстоялся и уложился, по некотором размышлении, в голове. Ибо для того, чтобы что-то имеющееся переменить, недостаточно, видимо, только переходить с одной позиции на другую, переставляя что-то внутри, необходимо найти и увидеть в предмете то, что, составляя его природу и сущность, не было перед этим замечено и учтено при его описании. Или было замечено, но при описании не было учтено. Бывший предметом внимания в настоящей работе объект представляется именно таковым. Есть в нем нечто такое, что, будучи принято при описании, может существенным образом повлиять на его (описания) характер и вид, но это нечто в нем не было при описании учтено, хотя звучало, встречалось, чувствовалось у разных его исследователей.

Вернемся, однако же, к представлению ориентиров. Намеренно избегая подробных и обстоятельных рассуждений, важных и нужных для специально этому посвященного рассмотрения, наметим пунктирно, именно как ориентиры, лишь некоторые исходные основания. Не для знакомства с ними и новизны. Для порядка.

Прежде всего, те понятия, которые вынесены в заглавие – сленг и жаргон, точнее жаргоны и сленг, ибо это существенно. Без объяснения на данном этапе приписываемых им нами способов оформления значений, которые будут их, по нашему представлению, различать и которые были объектом данного интереса, но как понятия более или менее общепринятые. Далее близкое им, иногда замещаемое, нередко смешиваемое (но, может, не в этом дело и суть?), арг. И еще просторечие – как дающее возможность увидеть различия и сходства того и другого. Остальные понятия и термины, покрывающие область внелитературного и вне народных говоров бытования языка, такие, как социолект, диалект, интердиалект, наддиалект, койне, интержаргон, не говоря уже об оформленных словосочетаниями и потому как бы и уточненных, условный, тайный, профессиональный язык (жаргон, диалект, арг), нами рассматриваться не будут. Не потому, что они того не заслуживают, а потому, что не в представлении своего понимания различных форм языковой социовариантной системы состояла идея работы и ее смысл, а в поиске того основания, которое может как-то сущностным образом их различать. Основания не единственного, но имеющего значение, которое, при определенном интерпретирующем взгляде на изучаемый предмет, близком идее работы, можно было бы положить, как ведущее и вводящее, в вершину всего понятийного построения о том, что есть, что используется и фигурирует как социальные варианты, или «языки» подстандарта.

Итак, сленг будет восприниматься нами как такая форма современного бытования русского языка, которая имеет, по крайней мере для него, сравнительно непродолжительную историю. Оформляется сленг, как самостоятельная и очевидная форма, по-видимому, к концу 70-х – началу 80-х годов XX века, начиная складываться с середины 50-х и отражая в своем, мотивирующем этот процесс, проявлении отношение неприятия, как это принято определять, сложившихся, но не столько общественных, т.е. действительно существующих в данном обществе, сколько официально одобренных, навязываемых и пропагандируемых, т.е. изображаемых и представляемых как единственно возможные, допустимые и действительные,

социальных и политических, норм. Русский сленг тесно связан с сложившейся социально-психологической и не меняющейся на лучшее обстановкой, отражая фрустрирующий и неуклонно растущий процесс общественного неверия в какие бы то ни было идеалы, накапливаемых и не находящих выхода разочарований, обманутых бесплодных надежд, беспомощности, безнадежности, суетливого быта и постоянного бега в поисках необходимого, всепроникающей нищеты, переходящих в цинизм, ерничество, не сходящую с уст насмешку, (само)издевку, (само)иронию, переворачивание, пренебрежение, бесшабашное шутовство, скоморошество и ругательство над всем и над вся, в том числе над собой, в постоянный и неизменный раек, а с добавлением типично советского и постсоветского безразличия, равнодушия, профанирующего всё пренебрежения и жесткости, в так называемый стёб. Что, в своей совокупности, отражает внутренне глубоко упрятываемый, но раздражающий и ощущаемый, разлад, распад социально-психологических связей с другими, со своим окружением, с обществом, и служит одновременно формой ухода и формой защиты травмированного и пренебрегаемого „я”. Из этого следуют формы и механизмы русского сленга, на этом они построены и в этом, по-видимому, состоит, и необходимо искать поэтому, его суть. То есть, тем самым, русский современный сленг можно было бы определить как вербально-компенсаторную форму социального, переживаемого психологически, вытеснения – следствия невозможности несостоявшейся самореализации коллективного речевого субъекта.

С точки зрения языкового материала сленг, являясь системой открытой, взаимодействует с различными социовариантами. В условиях современного русского языка это, помимо его нормативного варианта, в первую очередь разговорной речи, также такие внелитературные формы, как просторечие, жаргоны, народные говоры, относясь к ним особым образом – как к материи, подвергающейся переработке. В начальной фазе своей, т.е. с середины 50-х годов, а во многом также впоследствии, с точки зрения языкового материала, сленг формируется под сильным влиянием лагерного и уголовных жаргонов, что не могло не сказаться на его эмоционально-коннотативном и психологическом облике. Едва ли не определяющей характеристикой сленга является его преобразующее генерирующее начало, связанное с переосмысливанием, переиначиванием, переворачиванием, языковой игрой, выполняющими функции измененного, эмоционально и экспрессивно заряженного, коллективного субъективно активно-

го отношения к действительности и предмету речи. По этой причине многое взятое и заимствованное в сленг из других речевых вариантов и форм выглядит в нем по-другому, будучи преобразовано, переделано, изменено.

К этому следовало бы добавить еще одну важную, как нам представляется, особенность. Особую роль современного русского сленга в отношении к литературному языку конца XX – начала XXI века. Роль, которую можно было бы определить понятием почвы обогащения. Живой литературный язык, как известно, в своем постоянном взаимодействии с другими формами и вариантами национального языка, влияя на них, развивается и обогащается, получая живой материал и динамический импульс от них. Некоторые из них, обычно одна как ведущая, выступают в качестве определяющих этот процесс, т.е. в качестве почвы обогащения. В XIX веке почвой такого обогащения для русского литературного языка, как полагают, были народные говоры. XX век, начиная с 20-х годов, полностью изменив социальную структуру общества, заменил, соответственно, и почву обогащения литературного языка. Ей становится просторечие, определяемое термином городское. Процессы конца предшествующего столетия, коснувшиеся в немалой степени и языка, позволяют судить об изменении не только публичной, официальной формы литературного языка, что можно бы признавать состоявшимся фактом на основании свидетельств большого числа исследователей современной языковой ситуации³, но и об изменении почвы обогащения литературного языка – от городского просторечия к современному русскому сленгу. В этом, как нам представляется, и состоит специфика происходящих в языке изменений рубежа веков. Сленг становится для русского литературного языка последнего времени тем тиглем, в котором, смешиваясь, перерабатываясь, проходят свою апробацию и предварительную обработку те, лексические и фразеологические в первую очередь, явления, которые затем попадают в разговорную речь как в нижний этаж литературного языка, а с этим в средства массовой информации, в публицистику, в современную беллетристику. Тем тиглем, роль которого в XX веке играло городское советское просторечие, а в XIX-м – народные говоры, т.е. крестьянская речь российской деревни.

Высказанное предположение требует серьезных обоснований и доказательств, на которые здесь нет ни возможности, ни достаточно места, впрочем, это и не было целью предпринятого рассмотрения. Ограничимся, пусть не доказанным, утверждением, следующим, однако, из наблюдений над материалом и осмысления литературы вопроса, с тем только, чтобы

представить позицию и показать, подчеркнуть ту роль, которая, как представляется, характерна в современной языковой ситуации для русского сленга.

Жаргон можно было бы интерпретировать в русле сказанного как такую форму бытования языка, которая, в отличие от сленга, связывается не только и даже не столько с позицией компенсаторного и замещенного отношения к прокламируемым, официально и пропагандистски оформленным общественным нормам, сколько со специфической, более или менее замкнутой, формой коллективного, группового существования и(ли) деятельности. Таким образом, если сленг представляет собой позицию, идеологию и эмоцию, переживание в рамках общего социально-общественного бытия, противясь ему и его переиначивая, но в этом своем противлении неизбежно его и приемлющего, иначе не было бы чему противиться, что переворачивать, от чего отказываться и что не принимать, то жаргон – не позиция в рамках общего, а свое, обведенное собственными границами, рамками бытие. Отсюда, в зависимости от характера этого бытия и связанной с этим деятельности, возможны различные для разных жаргонов (типов жаргонов) типы и виды позиций и отношений к обществу в целом, его институтам, отдельным слоям, представителям, группам, какому-то непосредственному и актуальному социальному окружению. От индифферентно-нейтральных (у представителей общественно одобряемых профессий) до изолирующих и сигнальных (скажем, у школьников, молодежи) и замкнуто-противопоставляемых, асоциальных форм (языки деклассированных).

С этим различием жаргонов связывается различное отношение, проявляющее себя в языковом материале. Как с точки зрения номинативной позиции, характера оформления значения, так и с точки зрения выбора, т.е. характера отбираемого материала. Объединяющим для всех жаргонов можно было бы считать позицию не преобразующего, как в сленге, а предцирующего отношения к номинативному материалу и, тем самым, к действительности. Предцирующего – в смысле устанавливаемого субъектно-активного, действующего, воздействующего (но не взаимодействующего), отношения к предметам речи, действительности и названия⁴. Но предцирующего по-разному, поскольку далее внутри жаргонов начинаются отличия, обусловленные типом и видом жаргонного проявления, характером бытования его носителей и их отношения к актуальному окружению и общественному бытию.

Арго как термин, необходимо оговориться, прежде чем как-то его определить, соотнеся с предыдущими, в данной работе не будет использоваться. В силу различных причин. Как в связи со своей смысловой разбросанностью и признаваемой рядом исследователей пейоративностью, традиционной связанностью с преимущественно уголовной средой, так и, самое главное, в связи с тем, что неясным видится в отношении к нему избранный нами в качестве предмета для рассмотрения объект – лексическое значение слова, характер его оформления. Дело в данном случае, конечно, не в термине, а в том, что за ним видеть и что ему приписать. Арго, в одном своем традиционном случае, понимается как социолект, социально-профессиональная форма существования языка, в противоположении, с одной стороны, литературной форме, с другой – диалектным формам, т.е. народным говорам. В другом, – как уголовная речь, речь деклассированных элементов. В первом своем понимании, но расширенно, напр. у В.С. Елистратова⁵, арго интерпретируется как всякая форма существования и бытования языка, имеющая своих носителей⁶, и как система-инвариант, порождающая из себя многочисленные варианты⁷. То есть как арго-инвариант и как арго-варианты, в их многообразных проекциях. Равняясь, тем самым, таким понятиям, как социолект, социальный вариант языка, жаргон, профессиональный жаргон.

Признавая возможность подобного толкования, можно было бы установить не полностью совпадающие, но соотносимые соотношения терминов *говор* и *диалект*, с одной стороны, *жаргон* и *арго*, с другой, представив себе, что *жаргон* как понятие так относится к понятию *арго*, как понятие *говор* к понятию *диалект*. Первое соотношение представляет проекцию социально-профессионального, а также возрастного и гендерного, второе – территориального (оба в пространстве и времени) состояния языка. В этом случае либо излишними становятся термины *жаргон* и *говор*, а существующие социально-профессиональные и территориальные речевые формы можно определять как такое-то арго (арго студентов, школьников, уголовное, музыкантов, железнодорожников и т.п.), согласно носителям⁸, и, соответственно, такой-то диалект (деревни Медведково, станицы Вешенской), либо, что, видимо, более обоснованно, а в отношении пары *диалект* – *говор* и принято (почему бы не перенести это и на пару *жаргон* – *арго*?), терминологически различать. *Жаргон* и *говор* использовать в отношении конкретной формы, проекции-варианта, *арго* и *диалект* – в отношении инвариантов, противопоставляемых общенародным,

скажем так, универсализирующим, объединяющим, национализирующим формам языкового существования, обозначаемым терминами койне, просторечие, интержаргон, интердиалект, наддиалект, и, наконец, разговорная речь, литературный язык. При такой постановке вопроса термины *арго*, *диалект* следовало бы понимать как слова, называющие понятия, но не явления, не феномены, не живые формы вариантного бытования языка.

В этом случае избранные нами в качестве рассмотрения жаргоны и сленг можно было бы интерпретировать как живые проекции аргосостояния как инварианта: сленг – как конкретную форму речевых проявлений носителей русского литературного языка, параллельную и одновременную к разговорной речи (литературному просторечию); жаргоны – в их общей, охарактеризованной ранее нами природе, ко множеству себя проявляющих групповых языков (как говоры). Сленг тогда можно было бы определять и рассматривать, с одной стороны, как арго современных носителей литературного разговорного языка, а с другой, как такой же, по сути, жаргон (= проекцию арго как инварианта). Но тогда бы терялась связь охарактеризованной нами пары *арго* – *жаргон* как социально-профессиональной (ин)вариантности и затиралась объединяющая, национализирующая природа и роль современного русского сленга. Терялась бы также и та особенность, которая станет предметом дальнейшего рассмотрения – различающий обе формы (жаргоны и сленг) способ оформления лексического значения, связанный с различием их внутренней организации, следующим из различия отношения к называемому, определенному нами как преобразующее для сленга и предизирующее в отношении жаргонов.

Просторечие не было объектом данного рассмотрения, однако есть смысл объяснить его понимание. Традиционно, и мы не будем от этого представления отступать, просторечие, с уточнением городское, определяется как речь городских низов, не являющихся носителями литературного языка. Со сленгом его, тем самым, объединяет универсализирующий и общенациональный характер, а также, во многом, характер негативированного (не всегда негативного) либо индифферентно-отдельного отношения к норме-стандарту, т.е. подстандартность, и материал, хотя и по-разному заряжаемый и обрабатываемый. Различает – характер и тип носителей, а также, что из этого и вслед за этим следует, совершенно различный способ коммуникативного взаимодействия и интересующего нас отношения, проявляемого в способе оформления значений слов. О просторечном характе-

ре подобного оформления мы говорить не будем, это особая тема, необходимо только сказать, что просторечие представляет не только понятие, но и обозначает явление¹⁰, определенный феномен существования и бытования языка, как сленг, как жаргоны, как говоры. То есть стоит в ряду этих понятий, а не таких, как арго или диалект.

Исходным критерием различения интересовавших нас жаргонов и сленга как форм современного бытования русского языка будет, как уже говорилось, способ оформления лексического значения слова, представляющийся различным для тех и другого в том отношении, которое следовало бы объяснить, показав это на материале. Речь идет в данном случае о жаргонах и сленге как о действующих системах порождения и восприятия смысла языковых единиц. Отношение к слову как средству обозначения объектов, явлений действительности и одновременно с этим как к способу передачи своего эмоционального представления о них в жаргонах и сленге не просто различны. Они являются следствием двух не соотносимым образом действующих позиций, охарактеризованных как преобразующая для сленга и предидирующая для жаргонов. Что, в свою очередь, является отражением принципиально различной природы взаимодействующего с действительностью и проявляющего себя своими действиями в ней, испытывающего обратное действие как воздействие с ее стороны, субъекта в жаргоне и наблюдающего, характеризующего, описывающего и оценивающего действительность и свое окружение субъекта сленга. Первое отношение можно было бы обозначить как партиципацию¹¹, второе – как обсервацию, применительно к позиции речевого субъекта. Слово в жаргонах и сленге, будучи не соотносимым образом оформляемой смысловой единицей, даже если оно имеет общее, совпадающее значение, называя одно и то же, представляя различные механизмы означивания, будет только по внешнему облику походить на себя. То же самое внешне значение как целое, как семантема, в составе своих оформляющих компонентов, представляет собой не одно и то же для сленга и в сленге, с одной стороны, и для жаргона, в жаргоне, с другой. Можно было бы это выразить различием сигнификативной и коннотативной сторон значения при совпадении денотативной, но, как нам представляется, денотативно-объектная сторона, попадая в пучки различного для себя оформления, также в немалой степени оказывается смещена.

Исследователи семантики жаргонного и сленгового слова отмечают его диффузность, неточность, конкретность, привязанность к ситуации,

многозначность, детализованность, синтетичность¹². В немалой степени это может быть связано с устной формой спонтанной, неподготовленной, поскольку неофициальной и непосредственной, речи – общего свойства таких проявлений, как просторечие, разговорный язык¹³, а не только жаргоны и сленг. Слово в речи спонтанного, непосредственного и неофициального контакта, несомненно, будет иметь нечто общее в характере смыслового своего оформления независимо от того, каким оно предстает – разговорным, просторечным, сленговым или жаргонным, поскольку это, прежде всего, слово в семантике употребления, не словаря. Однако не это было предметом данного рассмотрения, слово не употребления, а как раз словаря, в том условно отвлеченном и обобщенном виде, который словари представляют (жаргонов и сленга в данном случае). В этом, вместе с тем, нет нарушения смысловой природы интересующего нас слова и препятствия к рассмотрению того, о чем пойдет речь. Поскольку слово жаргонов и сленга будет интересовать не как слово употребленное, сказанное и обусловленное в своем значении ситуацией, коммуникативными обстоятельствами, а как смысл в его оформлении, с точки зрения порождения компонентов лексического значения как формы, носителя передаваемого и воспринимаемого смысла. То есть как слово, точнее его значение, препарированное, раскладываемое на составные части, мотивирующие его природу и объясняющие его особенности, проявляемые затем в употреблении.

Процесс этот, впрочем, возможно рассматривать в обе стороны. Употребление слова в речи не отображает исходно значение, существующее как словарное в голове, скорее, напротив, значение, представляемое как словарное, есть отражением некоторым образом интерпретируемого, признаваемого типичным употребления, размытость, диффузность, неточность которого признается свойством значения слов подстандарта. Любопытным и показательным в указанном отношении представляется приводимые В.С. Елистратовым примеры характерных для профессиональных аргослов, слов, которые «выражают некие «сквозные» смыслы, присущие понятийным системам всех групповых языков»¹⁴. В качестве иллюстрации он дает слово *чайник* «невыгодный посетитель в заведении» (у официантов), «начинающий плохой водитель» (у шоферов), «физкультурник-любитель» (у спортсменов), «графоман» (у издателей) и т.п., определяя на этой основе общую идею, передаваемую данным словом и, видимо, тем самым, каким-то образом в нем заложенную, – «не свой, не соответствующий необходимым требованиям». Вторым примером дается *рыба*, передающее идею «за-

готовка, шаблон, нечто, с чего можно начинать работу». «Отсюда в разных арготизмах такие значения, как «музыка, на которую нужно положить слова», «шпаргалка», «пустой бланк», «образец детали» и т.д.»¹⁵ Объясняет он это явление тем, что «профессиональные арготизмы совместно вырабатывают арготизмы, передающие ключевые смыслы»¹⁶, оговаривая, правда, перед этим, что многие подобные интерарготизмы имеют, в качестве общего и исходного в русской языковой ситуации, воровское происхождение¹⁷. В связи с чем остается открытым вопрос – 1) является ли эта особенность профессиональных жаргонов (мы будем использовать этот термин) тем, что они имеют, по его словам, «первоочередной задачей именно выработку чисто системного обслуживания речи подобными «сквозными» понятиями»¹⁸; 2) тем, что заимствуются из одного жаргона в другой, кочуя и переходя, на основе общегородского арготизма (т.е., в нашем понимании, для современной языковой ситуации, сленга) и происходят из общего «воровского» источника; 3) сочетанием того и другого, т.е. стремлением к выработке неких сквозных, ключевых понятий на основе общего для всех материала, или, возможно, 4) не исключая третьим действием некоторого общего механизма означивания, предполагающим первоначальное существование обобщенного, не до конца уточненного и определенного, диффузного синкретичного образа-смысла, способного к уточнению в реализациях, как то, что присутствует первоначально в свернутом виде, являясь неопределенным и общим, но способным в дальнейшем к развертыванию и уточнению.

Насколько это явление характерно только для профессиональных жаргонов, а насколько является общим всем прочим формам и в целом для языка, судить предварительно, без обращения к широкому материалу, трудно. Но для жаргонов и сленга оно характерно и отмечается в литературе вопроса как взаимодействие, заимствования и взаимовлияние этих форм языка. Попробуем подойти, однако, к данной проблеме с другой стороны, предположив не только взаимодействие и влияние, отрицать которые не было бы никаких оснований, но и наличие некоторого образно-смыслового ресурса, заряженного и динамичного, что допускало бы, помимо прямого заимствования, активизацию на основе индукции с выработкой внутри себя чего-то подобного, но своего, а также способность производить нечто собственное, совпадающее, по закону подобия действия в аналогичных системах, в своих реализациях-результатах. Во всяком случае, имеет смысл отвлечься от вопроса, связанного с определением, что от чего в том или ином жаргоне, а также в сленге взялось, посмотрев на про-

цесс означивания изнутри, полагая, что, если данное значение в данной системе имеет место, его наличие там мотивируется не только влияниями извне, но и природой самой системы.

Возьмем для примера и для начала некое общее для сленга и воровского жаргона слово (материал рассматривался на примерах этих форм современного языка). Скажем, *дятел*. В сленге это 1. Доносчик, стукач, ябеда. 2. Молодой солдат, обучающийся профессии связиста; связист. *Служить ~тлом*. 3. Дурак, тупица. *Полный ~*. 4. Тот, кто печатает на машинке, компьютере. 5. *Ирон.* обращение к любому человеку.¹⁹ В уголовном жаргоне 1. Жертва преступления, потерпевший. 2. Кляузник. 3. Осведомитель, доносчик. 4. Активный гомосексуалист. 5. Тяжкое оскорбление у блатных (см.), в ИТУ.²⁰

Если предположить заимствование в сленг из жаргона, что было бы и привычно, и общепринято, то следовало бы говорить об одном таком непосредственно перешедшем значении, может, двух – 3-м и 2-м, ставших единым и 1-м в сленге. Иными словами, то, что в жаргоне было не первое, становится, для данного случая, в сленге первым и основным. Мало этого, то, что в жаргоне воспринимается и фигурирует не совсем как одно и то же – осведомитель, доносчик и кляузник, то в сленге может не различаться – доносчик, стукач, ябеда. Явление, которое определяется как расширение значения, обобщение, депрофессионализация при переходе жаргонного слова в просторечие, разговорный язык или сленг как не специализированные и общие формы речи. 2-е значение в сленге определяется как заимствуемое из армейского лексикона (жаргона, аргю). 3-е сленговое можно интерпретировать как расширение 1-го уголовного, а можно, и, может быть, это будет вернее, как индуцированное этим в уголовном жаргоне 1-м и для него основным. Таким же индуцированным можно было бы рассматривать 5-е в сленге (под действием 5-го уголовного). И, наконец, 4-е в той и другой форме речи следовало бы, по-видимому, рассматривать как значения не соотносимые, по крайней мере достаточно отдаленные, даже если с некоторой натяжкой предположить объединяющее их эмоционально-воздействующее субъектное отношение.

Теперь посмотрим на все это с иной стороны, оттолкнувшись от общего представления, общего образа-впечатления, заключенного в мысленной форме (термин Л.С. Выготского²¹) *дятел*. По замечанию Д.С. Лихачева, воровской речи свойственно четкое эмоционально-экспрессивное групповое коллективное разграничение своего и чужого, с приподнятостью, пате-

тичностью в отношении своего и презрением, приниженностью для чужого²². Потенциальная жертва как объект преступления, согласно первобытным охотничьим представлениям, характерным для воровской психологии²³, всегда и объект презрения²⁴: *дятел* первого своего значения. Смыслы последующих четырех значений²⁵ не могут быть, с учетом единства эмоционально-психологического отношения и общего когнитивного образа, заряжены как-то иначе. О чем наиболее ярко свидетельствует последнее, 5-е, определяемое как тяжкое оскорбление у блатных, смысл которого, не зная конкретно, трудно установить, но можно было бы попытаться вывести или почувствовать на основе всего предшествующего. Диффузность, неточность воровского значения в данном случае не исключает подобного способа представления.

Для операции подобного рода можно было бы представить покрываемую область значений *дятла* как некое смысловое и эмоциональное целое, а проецируемые им пять значений – как проективные сферы, подобласти, обуславливаемые параметрами конкретизации. Интересующий нас процесс оформления, или формирования, порождения значений, тем самым, выглядел бы как наведение эмоционально-когнитивной области *дятла* на обозначаемые объекты действительности, в данном случае типы людей, как своего рода сигнальные представления-ориентиры²⁶. Все эти обозначаемые данным словом объекты следует определять в сфере презираемого не своего. Однако это слишком широкая сфера потенциально реализуемых представлений, чтобы быть свойственной понятийной области, определяемой словом. Необходимы дальнейшие уточнения. Первым таким уточнением было бы отношение к референтно-характеризующей части – тому, какого рода характеристику называемого субъекта-лица (субъектов) данное слово передает. Принимая в расчет предизирующую особенность воровского жаргона, можно бы было увидеть во всех 4-х значениях (также 5-м, с опорой на общее, однако 5-е не определено) такой характер действия, осуществляющего себя в отношении называемых лиц, который воспринимается как выводящий за рамки принятых в данной среде представлений о чести и воровском достоинстве, а потому делающий их презираемыми, избегаемыми, неприкасаемыми, своего рода объектом табу для во-ра²⁷.

Определялся бы этот характер действия 1) в отношении реализуемой или реализованной уже²⁸ направленности на характеризуемого им субъекта-лица как испытавшего соответствующее воздействие, воплощен-

ное в нем как в объекте и результате нанесения, причинения ему вреда, лишения того, что его, чем он обладает и что ему принадлежит (материально и нематериально²⁹), в связи с чем как в объекте совершенного над ним унижения, насилия, оскорбления, нарушения сферы его приватной цельности и неприкосновенности, – своего рода пробитый, отмеченный совершенным над ним, понижающим его в статусном его состоянии, действием объект (1-е знач. ‘жертва преступления, потерпевший’); 2) в отношении совершаемого субъектом и соответствующим образом характеризующего его действия как более или менее постоянно осуществляющего себя процесса, связанного с перенесением, передачей унижающей его в глазах воровской среды информации, да еще и по старшим и(ли) по начальству (2-е знач. ‘кляузник’), нарушающей замкнутость, непроницаемость для посторонних и тех, кого это прямым образом не касается, воровских ситуаций и обстоятельств, делающей из него, представляющей его как а) неспособную себя защитить, за себя постоять или покорно сносить, потенциальную или реальную жертву, объект унижения и насилия, либо б) агента не одобряемого, осуждаемого нарушения, пересечения, вынесения за пределы четко очерченных, замкнутых, не пересекаемых границ; 3) так же как и в предыдущем случае (но только для б) – в отношении совершаемого субъектом процесса перенесения, вынесения за пределы и передачи не подлежащей, не допустимой к этому информации, но к этому еще и процесса, актуализированного к источнику и результату – важно, что именно переносится, какого характера сведения, и то, что они до уха начальства доносятся, ему сообщаются, начальство об этом, в результате осуществляемого данным агентом действия, узнает (3-е знач. ‘осведомитель, доносчик’); 4) так же как и предыдущий, агент совершаемого действия, связываемого с нарушением сферы (см. 3), но сферы приватного, насилием, унижением (как в 1), оскорблением, понижающим (бесповоротно и неотвратно) статус того, над кем оно производится, действия, его самого при этом как бы, как жертву, и не унижающего, в силу того, что он его производит, а не над ним оно произведено, не переводящего его в положение пострадавшего, потерпевшего, с нарушенной цельностью и пробитого, но делающего его неприкасаемым и презираемым в силу иного сопровождающего совершаемое им действие представления – в силу марающего его приобщения к грязному, к низу, к тому, что и есть воплощенное *западло*, материализованная его в своем пачкающем, переходящем на при-

касающегося к нему начале, в самой его сути и очевидной субстанции (4-е знач. 'активный гомосексуалист').

В определенном смысле это 4-е можно было бы трактовать как воплощение основного значения того эмоционально-понятийного целого, которое характеризуется *дятлом*. Основного в том отношении, что представляет действующего, являющегося носителем избегаемых, неприемлемых, резко отвергаемых свойств, определяемых данным словом. Определяются эти свойства его отношением к закрытому, замкнуто-цельному, существующему в себе для себя, не пересекаемому и не нарушаемому. Нарушение, пересечение, вынесение из этого замкнутого и цельного делает действие, если оно направлено на объект вне своей воровской среды, заряженным как опасное и унижающее (последнее в отношении объекта) и марающим, пачкающим, в отношении совершающего его субъекта, если оно производится внутри воровской среды.

Дятел, как мотивирующий образ, заложенное в нем представление, связывается с такими соотносимыми представлениями-образами, но уже не только для воровского жаргона, как дерево (тело как человек, как объект), дупло, отверстие, дуло, дыра, поддувало (ср.: *закрой свое поддувало*, т.е. рот), долбить, долбила (тот, кто долбит), долото, влетать, вылетать, входить, исходить, пересекая границы через отверстие (как звук, слова изо рта, ветры, газы из заднего прохода, а также испражнения, кал, говно).

Дятел, тем самым, имея соотношение с низом тела, с тем, что выносятся из него, выходит наружу, но что также может, в неприглядном и презираемом ворами случае, внутрь него войти, становится в ряд с такими грубо-вульгарными представлениями, оформленными в словах, как *жопы* (о человеке негодном, гадком, бессовестном, неумелом, бездарном), *пердеть* (говорить, сообщать, доносить), *вонять* (в тех же значениях, а также вести себя недостойным, омерзительным образом), *испражняться* (говорить впустую и ни о чем, упражняться в краснобайстве и зубоскальстве), *долбать* кого (доводить до бесчувствия приставаниями, разговорами, надоедать, первоначально стуком, ударами обо что-нибудь, в воровском жаргоне – изучать, учиться; ругать, отчитывать; бить, избивать), *долбила* (занудливый, надоедливый, производящий однообразные раздражающие действия человек), *долбаться* (заниматься тупым, бесполезным, однообразным, выматывающим, прежде всего физически, делом, в воровском жаргоне – совершать акт мужеложства, а также ломиться, стучаться куда-нибудь), *долбанный* (эмоциональное восклицание по поводу чего-л. вызы-

вающего отрицательную эмоцию), *долбанутый* (чокнутый, не вполне нормальный), *дюбнуть* (клонуть и обокрасть), *дупло*, *очко* (отверстие в заднем проходе) и совсем неприличное *долбоёб*, с эвфемизмами *долбоклюв*, *долбонос*, в значении зануда, тупица, дурак, не понимающий, не реагирующий должным образом, делающий ненужное, увлеченный глупостями, производящий дурацкие непотребные действия, занятый этим без понимания обстановки, дупель, дупло, дебил, а также, в прямом значении, увлеченно и грубофизически занятый (занимающийся) сексуальными действиями (стучащий, как дятел по дереву), тупой любовник, насильник, эротоман, не реагирующий на возможные негативные знаки и неприятие со стороны окружения и своей партнерши, интересующийся одной только механической, кинетической стороной.

Не без значения, видимо, будут и элементы фонетических соотношений: *д-т-л* (в слове *дятел*) и *д-л-б* (*долбить*, *долбила*, *долбоёб*), *д-п-л* (*дупло*, *дуплить*, *дупель*), *д-б-л* (*дебил*), *д-л* (*дуло*), *д-б* (*дуб*, *дубье*, *дубина*), с дальнейшими, на периферии, но поддерживаемыми семантически *д-р-т* (*драть*, *дратва*), *д-р* (*дыра*, *дурень*, *дурь*, *дурье*, *дура*).

В итоге *дятел* может быть определен в пределах очерчиваемого им в воровском жаргоне смыслового и коннотативного круга как обозначающее того, кто испытал воздействие либо совершает действия (различие, важное для подобласти смысла, но не его как целого), делающие его нечистым, замаранным, приобщенным к презренному и избегаемому, т.е. тем, чем достойный вор, представитель своей среды, не может, не должен и не желал бы быть.

Различия между представленными четырьмя значениями (подобластями общего смысла) можно представить как векторные: действие на него (1 – ‘жертва преступления, потерпевший’), изнутри вовне (2 и 3 – ‘кляузник’ и ‘осведомитель, доносчик’, различающиеся далее в значениях процесса для 2 и источника – процесса – его результата для 3) и внутрь (4 – ‘активный гомосексуалист’).

Дятел, тем самым, воспринимается как носитель и переносчик марающего, пачкающего, отмеченного отработкой, переработкой (обработкой: *обработать* кого ‘обокрасть’), отходами, испражнениями, начала (в том числе как идея опорожнения, выделения, удаления, выбрасывания из себя также и в отношении самой воровской среды как своего рода биологического организма³⁰), которое следует избегать и которое к тому же еще и долбит, т.е. обладает способностью донимать, изводить, морочить (одно из

наиболее неприятных переживаний и нежелательных состояний у вора, сопровождаемое резко отрицательной, злобной и раздраженной эмоцией по поводу его источника и причины³¹).

Имея сходящиеся – расходящиеся векторы, представляемая область должна обладать также центром, вбирающим в себя и из себя испускающим реализованные и потенциальные смыслы. Сферическая подобласть центра может быть строго не определена – явление, по замечанию Д.С. Лихачева³², в целом свойственное воровскому жаргону. Но, будучи не четко, не строго, не явно определенным, он, этот центр, содержит в себе общий идейный и эмоциональный заряд, позволяющий говорить о сигнальной, ориентированной направленности и об отношении, типичном для представлений и психологии воровской среды. Подобным центром могло бы быть (для заключений иного рода оснований как бы и нет) значение, даваемое в словаре как 5-е – тяжкое оскорбление у блатных. Собственно говоря, не значение.

Что касается оскорблений и инвектив, то эта сфера не слишком ясно определяется и представляется в лексикографии в целом для языка, не только для воровского жаргона. Причем наименее четким и объяснимым характером, помимо резкого неодобрения, грубого оскорбления, унижения, пренебрежения, обладают наиболее сильные и вульгарные формы, часто не обозначая толком ничего другого, кроме желания оскорбить либо излить на кого-то злость, агрессивную, рвущуюся наружу эмоцию. Хотя изначально формы эти что-то обозначали, часто не полностью стертое, не совсем забытое для говорящих, не проявляющее себя безусловно и обязательно в употреблении, но и не совсем случайное с точки зрения передаваемого отношения для того, кто именно ту, а не какую-то, все равно какую, иную форму для передачи своей эмоции использует. Синонимичные, казалось бы, для русского языка *подлец*, *негодяй*, *мерзавец*, одно через другое объясняемые в словарях³³, далеко не всегда могут быть взаимозаменяемыми в речи. При этом причина будет не только в различном характере мотивирующего у каждого основания (*подлец* – *подлый*, *негодяй* – *негодный*, *мерзавец* – *мерзкий*), но и в характере обозначаемых ими свойств, следующих как обобщение для типичных для каждого из них поведения и соответствующих действий: *подлец* не так себя проявляет как *негодяй*, а тот в свою очередь, как *мерзавец*.

Переноса все это в сферу определяемого нами *дятла*, следовало бы сказать, что 5-е это его значение-оскорбление должно было бы обобщать

характерные признаки проявления (поведения, действий) *дятла*, типичные для него и отличающие его от чего-то другого. На основании выведенного и сказанного такими признаками предположительно³⁴ могли бы быть резко очерчиваемое несоответствие называемого этим словом субъекта воровской среде по причине его непосредственного (контагиозного, контактом зараженного) отношения к действиям марающего, унижающего характера, конкретно – к действиям неприкасаемого, имеющим отношение к тому, что *говно-запахло*, как в прямом, так и в переносном смысле.

Предсцирование как свойство воровского жаргона замещается в сленге, как отмечалось ранее, механизмом означивания иного типа. Для первого приближения названного преобразованием, с позицией не к проекции в действие, партиципированному взаимодействию, как в жаргоне, а к наблюдению (обсервации) и взаимодействию коммуникативному. Магическая функция первобытной охоты воровского жаргона, приписанная и убедительно показанная, в русле теоретических установок времени, Д.С. Лихачевым³⁵, в современном русском сленге заменяется на компенсирующую и защитную, но не в магическом, как оградительная³⁶, а в социально-психологическом смысле. Как то, что дает ощущение внутреннего, эмоционального равновесия в коммуникативной группе³⁷, среде, замещающей говорящему ощущаемый им как чуждый, дисконмуникативный и дисконтактный, возможно враждебный и неприязненный, общественный социум. Так приблизительно можно бы было, чтобы остаться в рамках общего представления для того и другого, определить основное отличие жаргонов и сленга как производящих значения, вербальных генеративных систем, прежде чем рассмотреть на примере, выбранном для сравнения, то, что отличает сленг от воровского (в нашем случае) жаргона.

Дятел в сленге, предполагая определенные ранее пять значений в их отношении к воровским, с учетом сленговых генеративных особенностей, видится совершенно иным. Прежде всего, это не тот, кто мажет и мажется (кого мажут и кто может пачкать), т.е. носитель свойств неприкасаемого. В сленге это не действующий либо испытывающий воздействие, но проявляющийся, ведущий себя не так. Выглядящий в этом своем проявлении, внутреннем ощущении говорящим и, тем самым, в его оценке (т.е. перцептивном образе) как выбивающийся из рамок нейтрально-незамечаемого, и потому не мешающего, в сторону раздражающего, создающего неудобства, вызывающего неприятности и трудности, поведения не управляемого к

тому же, не поддающегося регуляции, не корректируемого в своих проявлениях субъекта.

Для сленга в этом отношении важно как внешнее – вид, поведение, видимость, представление, ощущение от определяемого словом лица, предмета или явления, так и внутреннее – способность либо неспособность контактно-регулирующего, коммуникативного и управляющего взаимодействия с ним, т.е. его поддаваемость либо неподдаваемость приспособляющему для себя (под себя) воздействию (адаптивность / дезадаптивность) со стороны потенциально заинтересованного в этом субъекта.

Дятел в этом смысле являет собой пример очевидной и явной дезадаптивности. Внешние признаки мотивирующего и осознаваемого основания дятла-птицы – наличие выдающегося клюва, большего, чем у других наблюдаемых и знаковых для национальной культуры (не экзотических) птиц; необычное, выделяющее его на фоне других представителей птичьей фауны, поведение, проявляющееся в громких стуках по дереву, слышимых издали и определяемых словом *долбить* (длительно и упорно ударять, стучать), в сочетании с яркостью, пестротой окраски, характерных для некоторых видов дятла; а также дупло, как привычное место его обитания, – все это в сленге преобразуется в признаки бросающейся в глаза несуразности, представляющей называемый объект смешным, необычным, нелепым, дурацким. Вызывающее излишество, избыточность формы, размеров, вида, дисгармонирующая их величина становятся основанием внутреннего восприятия-ощущения (перцептивного образа), переходящего в оценку и представление наблюдаемых и приписываемых поведенческих свойств. Основу обозначения составляют при этом признаки избыточности (перебора) и дисконтакта, следующего из дезадаптивности, неподдаваемости регулирующему воздействию.

Избыточность и дисконтактность можно было бы выделить как определяющие основания в отношении обозначаемого референта в сленге, связываемые с позицией речевого субъекта и следующие из нее, охарактеризованные как обсервативность и коммуникативность. Избыточность проявляет себя не только как внешнее, связанное с восприятием и характеристикой формы и внешнего вида, но и как, преобразуемое из внешнего, основание внутреннее, обуславливаемое оценкой и ощущением поведения, черт характера, темперамента, свойств объекта, для неодушевленных предметов – его функциональных особенностей, проявляющихся во взаимодействии с ним. Дисконтактность обращается, так или иначе, вокруг не-

отзывчивости и замкнутости, отсутствия реактивности, вовлеченности, интровертном уходе в себя, не подстраиваемости и не настраиваемости, нерегулируемости, неспособности объекта к желаемому ответному действию и, тем самым, проявлению своей воли над ним с последующим его подчинением ей.

Таким образом, если принять лихачевское определение воровского слова либо как сигнала, задача которого указать на факт, либо как понукания, понуждения к действию, то слово в сленге также может быть определено как сигнал, но сигнал, не указывающий, а характеризующий – в отношении избыточности и дисконтактности, т.е. неподдаваемости приспособляющему под себя воздействию определяемого словом лица, объекта или явления.

Более основательное подтверждение данного положения требует обстоятельного и разностороннего рассмотрения материала, с подразделением дальнейших, производных, смежных и составляющих, признаков и оснований. Для иллюстрации покажем это на примере одного только слова с ярко выраженной сленговой характеристикой: *колбаситься* ‘проводить много времени в суете, заботах’; ‘валять дурака, бездельничать’; ‘вальжничать, манерничать, ломаться’; ‘получать удовольствие’³⁸. *Колбаситься* от *колбаса* – воспринимается как нечто большое, длинное, возможно толстое, громоздкое, нелепое и смешное – формой, способностью болтаться, качаться в стороны при несении, перемещении в пространстве (избыточность, перебор); внутренним ощущением самодовольства, самодостаточности, следующими из гладкости, сочности, блестящести ее среза и упаковки, а также довольстве того, кто ею обладает, ее раздобыл, достал, за ней съездил (в условиях советской и постсоветской действительности), ее имеет (в сленге одно из значений слова ‘любые продукты, пища’) – интровертная замкнутость, неподдаваемость приспособляющему воздействию, дисконтактность.

Первое значение *дятла* (доносчик, стукач), в русле сказанного, можно было бы воспринимать как сигнальное обозначение, характеристику того, кто способен своими действиями, своим занятием и своей вовлеченностью при его совершении, с беганием по начальству и суетой, доставлять беспокойство и неприятности, стуком передавать, сообщать те сведения, которые могут стать причиной неприятностей, вреда. При этом в занятии этом своим, в своих действиях и поведении он находится вне возможности регулируемого воздействия, подчинения, исправления им совершаемого,

т.е. действует и ведет себя как дисконтактный, не поддающийся, замкнутый интроверт.

Второе значение (молодой солдат, обучающийся профессии связиста; связист), армейское, передает типичное для этой среды восприятие признака 'молодой', т.е. неопытный, необученный, как такого, который еще соответствующим образом не обработан, не приспособлен к новой среде, не понимает негласных правил, позиций и расстановок армейской жизни, распорядка и этикета, царящих в ней. Кто еще не притерт, должным, мгновенным, образом, без лишних вопросов и препирательств, на желание старших (дедов) не реагирует, производя впечатление встрепанного, не подготовленного и потому как бы замкнутого в себе, не отзывчивого, увлеченного (как птица-дятел) собой и, как птица-дятел, поэтому дергающегося, вертящего своей дурной головой с не видящим ничего, кроме дерева перед собой, черным глазом. И второго признака, непосредственно связанного с производимым дурачки нелепым и раздражающим стуком (связист должен стучать, согласно существующему представлению-прототипу, аппаратом, передающим сигналы, морзянку), а также с занятостью, увлеченностью и вовлеченностью в свое стучащее, поскольку передающее сообщения, занятие-дело. Охарактеризованные проявления, тем самым, прямо связываются с признаками избыточности (перебора) и дисконтактности.

Третье значение (дурак, тупица) можно рассматривать, применительно к данному слову, как ведущее и основное для сленга, воплощающее в себе в наиболее полном и явном виде охарактеризованные ранее признаки птицы-дятла русского восприятия как упорного в своей увлеченности и несуразного, в том числе в своей птичьей занятости и отстраненности, существа – длинноносого, не реагирующего ни на что вокруг и не воспринимающего человеческих слов *долбили*. И снова избыточность и дисконтактность.

Четвертое значение проецирует доминанту занятия-действия как увлеченно-упорного стука, целиком поглощающего внимание того, кто его производит, в избыточности своей вызывающего неприязнь и раздражение со стороны субъекта, не способного на него, этот стук, и его производителя повлиять, скорректировать, отрегулировать в желаемом направлении его такое проявление.

Пятое (ирон. обращение к любому человеку) обнаруживает обобщенное представление о том, к кому обращаются либо о ком что-л. гово-

рят, как о носителе все тех же признаков перебора-избыточности, нелепости, несуразности и интровертного дисконтакта, вовлеченности, занятости собой, не реагируемости должным образом на говорящего и на других, что ведет, как следствие, к потенциальному причинению им неудобства, трудностей, нежелательных осложнений, возможного вреда³⁹. Включая признаки четырех предыдущих значений и, обобщением, нейтрализуя их, пятое может рассматриваться, как и в случае со словом *дятел* для воровского жаргона, центром возможной понятийно-эмоциональной области, связанной с рассматриваемым словом.

В силу сленговой пестроты, разнообразия перемежающегося в сленге и пропускаемого им через себя материала, трудно было бы говорить о приведенных пяти значениях как о реализациях тех позиций-мест, которые можно было бы выделить как валентности, векторы соответствующей понятийной области. Сказанное не означает, что такими понятийно-эмоциональными сферами сленг не обладает и что валентные векторы им не свойственны, – реализуемые в нем значения могут не быть прямыми и точными их отражениями, а их соотношения далеко не всегда представляют структуру, составные части которой связываются в стройную модель.

Понятийно-эмоциональная область-сфера в своих валентностях и, тем самым, в своем устройстве, выглядит в сленге иначе, чем в воровском жаргоне, в силу системных различий того и другого (о чем говорилось применительно к предцированию для жаргона и обсервации, коммуникативности для сленга). Попробуем выявить ее в отношении рассмотренной нами, определяемой *дятлом*, предметно-понятийной области, на основе охарактеризованных пяти значений, точнее признаков, свойственных им, не их самих, поскольку в сленге соотношение валентного места в схеме лексико-семантического оформления и реализуемое, точнее было бы говорить используемое, лексическое значение почти всегда отстоят друг от друга. Проекции этих валентностей можно было бы охарактеризовать по точкам в следующих отношениях: 1) тот, кто стучит 2) упорно и увлеченно, 3) не реагируя на окружение, и 4) стуком этим передает 5) то, что мешает, раздражает, вредит – наблюдателю, тому, к кому обращаются с речью как к такому же носителю сленга, представителю той же коммуникативной среды, одобряющему подобную постановку вопроса и принимающему подобное отношение, т.е. своему.

Первое, таким образом, передает позицию характеризуемого объекта как производителя действия, носителя свойства, выделяющего его из дру-

гих (дифференцирующий признак обозначаемого референта по основанию избыточности, возможно с примесью его дисконтактности). Второе – как уточняющий признак дифференцирующего признака или действия (детерминант по основанию избыточности, с более весомой примесью дисконтактности). Третье – как сопровождающий признак дифференцирующего с включением детерминанта (дисконтактность становится основным проявлением смысла). Четвертое – как признак-следствие из трех предыдущих, по-разному аранжируемых в его смысловой структуре (дисконтактность, избыточность, оставаясь базой, определяя три предыдущих, играют теперь роль маргинальную). И, наконец, пятое – как признак, воздействующий на субъектную сферу позиции наблюдателя.

Предпринятое исследование имело целью определить жаргоны и сленг как принципиально различным образом действующие языковые системы. Невозможно было в рамках одной статьи затронуть, даже самым беглым и ненаглядным образом, возможные направления и подходы подобного определения. Не хотелось также делать это исключительно теоретически и обобщенно. Поэтому мы ограничились представлением одной стороны – способом оформления значений, выбрав для этого (руководясь желанием в малом увидеть признаки большего) понятийно-эмоциональные области, отображаемые в воровском жаргоне и современном сленге, одним общим словом *дятел*. Перспективой возможного в будущем рассмотрения, которое позволило бы системно и в очевидный способ установить различие обеих форм (жаргонов и сленга), могло бы быть, в частности, выведение на основе признаков, характерных для каждой социовариантной формы понятийных, эмоционально заряженных сфер-областей, предполагающих, с одной стороны, проекцию типичных, исходных образов как мотивирующих обозначения представлений, а с другой, включение этих признаков и областей в систему наглядного, производящего эти значения, действия. Начала подобного описания, отдельные его элементы и наблюдения можно найти, при внимательном к ним подходе и рассмотрении, в работах как современных, так и им предшествующих исследователей (20-30-х годов XX века применительно к русскому языкознанию). Глубокое и всестороннее обращение к языковому материалу в сочетании с осмыслением теоретических наблюдений, имеющих в литературе, помогли бы восполнить тот замечаемый многими исследователями пробел, который испытывают на себе языки подстандарта.

2007 г.

Примечания:

1. Не вдаваясь в подробности и различия существующих дефиниций, поскольку эта тема специального рассмотрения, достаточным будет сослаться на определения, имеющиеся в *Лингвистическом энциклопедическом словаре* (Москва, 1990): «**Жаргón** (франц. jargon) – разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии (Ж. программистов), положения в обществе (Ж. рус. дворянства в 19 в.), интересов (Ж. филателистов) или возраста (молодежный Ж.)» и т.д. «**Сленг** (англ. slang) – 1) то же, что жаргон (в отечественной литературе преимущественно по отношению к англоязычным странам). 2) Совокупность жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи. ... С. состоит из слов и фразеологизмов, к-рые возникли и первоначально употреблялись в отд. социальных группах, и отражает ценностную ориентацию этих групп. Став общеупотребительными, эти слова часто сохраняют эмоционально-оценочный характер, хотя «знак» оценки может измениться...» Тем самым, сленг определяется в отношении разговорной речи, т.е. литературного языка, характеризуясь признаком общеупотребительности и специфической эмоциональной оценочности, следующей из ценностной ориентации отдельных социальных групп – носительниц соответствующих жаргонов. Достаточное для первого приближения определение различий того и другого.

2. О парадигмах знания применительно к мировоззренческим, в том числе и лингвистическим, представлениям, см., напр.: С. Гроф: *За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии*. Москва, 1993; Е.С. Кубрякова: *Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус*. [В:] „Известия РАН. Сер. лит. и яз.” 1994, № 2; Е.С. Кубрякова: *Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века: опыт парадигмального анализа*. [В:] Язык и наука конца XX века. Москва, 1995; А. Якимович: *Парадигмы XX века*. [В:] „Вопросы искусствознания”. 1997, № 2.

3. Достаточно вспомнить определяющую для данной темы работу *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*. Отв. ред. Е.А. Земская. Москва, 2000 (см. также литературу при ней).

4. Применительно к воровскому жаргону Д.С. Лихачев (1935 г.) определял это представлением о магической функции, противоположной

интеллектуальной, связывая ее с коллективной эмоцией, пронизывающей коллективные представления и отождествлением в сознании говорящего предмета и слова. (Д.С. Лихачев: *Черты первобытного примитивизма воровской речи*. [В:] Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов: *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Речевой и графический портрет советской тюрьмы*. Москва, 1992, с. 366) То есть, добавим от себя, своего рода заряженностью обозначаемого словом предмета реальной действительности субъектным (коллективно субъектным) к нему эмоционально-регулирующим и воздействующим отношением, определяя это представлением о воровском слове как об орудии (Там же, с. 361).

5. В.С. Елистратов: *Арго и культура*. [В:] Он же: *Словарь русского арго (материалы 1980-1990-х гг.)*. Москва, 2000.

6. От семьи, отдельного индивида, до профессиональных и социальных групп, в том числе и таких форм, как койне и литературный язык – «нормативное арго», «т.е. арго определенной части общества, взявшей на себя ответственность нормировать язык». (В.С. Елистратов: *Арго и культура...*, с. 581)

7. Как «инвариантную систему порождения многочисленных вариантов», трактуя арго как своего рода живой организм, «культуру в ее динамическом развитии. Арго – это язык людей, которые находятся в процессе творения культуры». (Там же, с. 581, 582)

8. См. подобное представление арго у В.С. Елистратова.

9. Существует также термин *литературное просторечие*, для обозначения сниженной формы литературного разговорного языка, как его нижний регистр (см. определение просторечия, с представлением также литературного, в *Лингвистическом энциклопедическом словаре...*).

10. О чем, вне всяких сомнений, свидетельствует литература вопроса, см., напр., специально этому посвященные разработки, а также литературу при них: *Литературная норма и просторечие*. Москва, 1977; Е.А. Земская: *Русское просторечие как лингвистический феномен*. [В:] „Československá rusistika”. 1983. Т. 28, № 5; *Городское просторечие: Проблемы изучения*. Москва, 1984; *Разновидности городской устной речи*. Москва, 1988; В.В. Колесов: *Язык города*. Москва, 1991.

11. О партиципации, партиципирующем, т.е. участвующем и анимистически заряжаемом, взаимодействии с объектами реальной действительности как свойстве первобытного, пралогического сознания, с определени-

ем данного термина, пишет в своем исследовании Л. Леви-Брюль: *Первобытное мышление*. Москва, 1930.

12. По замечанию Д.С. Лихачева, «воровское слово обширно по содержанию и бедно по объему... воровской язык представляет редкий образец совершенно не стабилизированной и диффузной семантики» (Д.С. Лихачев: *Черты первобытного примитивизма...*, с. 370). Говоря о значениях арготизмов, В.С. Елистратов отмечает такую особенность: «Арго – это ненормативный язык, и каждый арготирующий свободно вкладывает в слова и выражения свой смысл, свои оттенки. Отсюда – проблема разграничения окказионального и узуального, проблема более или менее «точного» толкования.» (В.С. Елистратов: *Арго и культура...*, с. 577)

13. Определяемых в польском языкознании термином *kategoria potoczności*. См. специально посвященную этой проблеме работу: J. Warchała: *Kategoria potoczności w języku*. Katowice, 2003, там же литературу предмета. А также такие монографические исследования, как *Русская разговорная речь*. Отв. ред. Е.А. Земская. Москва, 1973; *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. Москва, 1978.

14. В.С. Елистратов: *Арго и культура...*, с. 653.

15. Там же.

16. Там же.

17. Д.С. Лихачев нечто подобное отмечает и в отношении воровского жаргона: «Семантический распад, возврат к диффузному состоянию, к не стабилизированной семантике имеет своим результатом частые переходы слова от одного значения к другому.» (Д.С. Лихачев: *Черты первобытного примитивизма...*, с. 371) Объясняя это наличием очень конкретной первоначально, но впоследствии вытесняемой, забываемой связи (партиципирующего характера, если использовать термин Л. Леви-Брюля) и формирующегося на этой основе метонимического, связующего все эти значения, смысла, а также, возможно, и общего метафорического образа, сопровождаемого общей эмоцией. Множественность этих не очевидным и непонятным образом (в его неизвестной первоначальной конкретности) связываемых значений, как следует из его рассуждений, и порождает трудности их определения, разграничения и объяснения в их связях и мотивации.

18. В.С. Елистратов: *Арго и культура...*, с. 653.

19. В.С. Елистратов: *Словарь русского арго...*

20. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов: *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона...*

21. См.: Л.С. Выготский: *Мышление и речь*. [В:] Он же: *Избранные психологические исследования*. Москва, 1962.

22. «Эмоционально-экспрессивная форма воровской речи передает исключительно групповое коллективное отношение. Либо явление или предмет признается «своим» и, следовательно, заслуживающим одобрения, даже героическим, либо он признается чужим, опасным, и тогда экспрессия отрицательна.» (Д.С. Лихачев: *Черты первобытного примитивизма...*, с. 368) «Вор, как и первобытный человек, делит весь мир на две половины: «свою» – добрую и «чужую», «фраерскую» – злую ... для вора ... к борьбе «своего» и «чужого» сводятся все социальные взаимоотношения. В эту борьбу вор отчасти включает и неодушевленные предметы...» Соответственно и «Все слова своей речи вор делит на «свои» и «не свои». Об определенных вещах можно говорить только в определенных, принятых выражениях.» (Там же, с. 364)

23. Магическая сторона воровского сознания, отображаемая в особенностях устройства слова для Д.С. Лихачева.

24. Ср., к примеру, противоположно заряженные «...«кугут» – основное значение «крестьянин»; слово заключает в себе презрительное отношение к крестьянину, как бы указание на то, что такого человека легко обокрасть, имеет насмешливый оттенок; «жиган» – лихой вор, воровской герой, наделенный всеми «блатными» достоинствами; слово заключает в себе оттенок восхищения, одобрения. Почти все воровские слова обладают этой эмоциональной оценкой.» (Д.С. Лихачев: *Черты первобытного примитивизма...*, с. 365)

25. Не будем подвергать сомнению их различие, апеллируя к диффузности и синтетичности воровского слова, приняв, для возможности дальнейшего рассуждения подразделение, предлагаемое словарем.

26. О сигнальной функции воровской речи пишет и Д.С. Лихачев: «Связь, устанавливаемая воровским словом, всегда односторонняя: либо это сигнал, либо это в той или иной форме выраженное понуждение.» (Д.С. Лихачев: *Черты первобытного примитивизма...*, с. 361)

27. *Западло* на их языке.

28. Потенциально или реально – как жертва возможного или уже совершенного над ним преступления, т.е. как потерпевший, но, может быть, что не исключено, и как только второе, т.е. как уже совершенное действие, и словарь дает одно значение, с уточнением во второй части определения (1. Жертва преступления, потерпевший).

29. Воровство, преступные действия в отношении того, над кем они совершаются, не только и даже не столько лишают его материальных, украденных у него предметов в глазах воровской среды, сколько, с одной стороны, делают его тем, кто дал, дает себя обойти, обокрасть, т.е. доступным, объектом, охотничьей жертвой, а с другой, переводят его в статус «униженных и оскорбленных», тех, кого надлежит и кто заслуживает того, чтобы его обокрасть, побитых, подлежащих воровскому воздействию, обработке, положенных, а «положенных бьют», по армейской, замешанной на уголовной эмоции и психологии, поговорке.

30. Ср. архаичное представление тела социума с его физиологическим низом, находящее свое воплощение в средневековой, смеховой, так называемой карнавальной и раблезианской культуре (М.М. Бахтин: *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва, 1990), а также в скатологических формах брани, ругательств – В.И. Желвис: *Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира*. Москва, 1997.

31. Ср.: *комар долбит* ‘о похмелье’, *долбить кумор* ‘тяжело болеть’; ‘быть в состоянии наркотического голода’, в том же значении *долбота* (Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов: *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона...*).

32. «Воровская речь идет по пути ослабления связи между значением слова и его звуковой стороной. ... Некоторые слова воровской речи мы можем прямо назвать асемантическими. Таково, например, слово «же» ... Само по себе, взятое изолированно, слово «же» не имеет никакого значения, но приобретает любое значение в зависимости от контекста и от конкретной обстановки. ... «девчонка на жé» – хорошая; «это дело жé» – провалилось, не удалось; «ты кто – жé?»», т.е. свой – вор; «топай жé» – иди воровать и т.д.» (Д.С. Лихачев: *Черты первобытного примитивизма...*, с. 372)

33. См., напр., в *Русском семантическом словаре* (Том I, Москва, 1998): **ПОДЛГЕЦ** 1. Подлый человек, негодяй; вообще тот, кто ведёт себя подло (также бран.); **НЕГОД`ЯЙ** 1. Подлый, низкий человек; вообще тот, кто ведёт себя скверно (также груб. бран.); **МЕРЗ`АВЕЦ** (разг., также бран.) 1. Подлый, мерзкий человек, негодяй. *Он м.: способен на любую низость.* (с. 118, 119) Во всех трех случаях речь идет о подлости, низости, негодяйстве; подлом, скверном, низком поведении, по сути мало чем отличимым и, как правило, субъективно оцениваемым. В употреблении, одна-

ко, слова эти, связанные конструкциями, привычными сочетаниями, предпочтениями коммуникативной среды, позволяют также увидеть различие оценочно-смыслового характера, часто не безразличное для говорящих. Впрочем, это тема, выходящая за рамки данной работы, на данном примере хотелось только лишний раз подчеркнуть узуальное небезразличие смысла оценочно-характеризующего и бранного, инвективного слова.

34. Для более точного заключения необходимо быть носителем воровского жаргона.

35. «Своеобразные условия, в которые поставлена воровская среда: постоянное враждебное положение по отношению к «легальному» обществу, примитивно-охотничьи приемы деятельности, бродячая жизнь, огромная роль личных качеств и «естественных» условий при совершении краж, общее потребление и т.п., создают условия, при которых в речи и в мышлении возрождаются явления, аналогичные первобытным.» (Д.С. Лихачев: *Черты первобытного примитивизма...*, с. 359)

36. Предохранительная, апотропеическая, равно как и др. магические функции в системе обряда см., напр.: Е.Г. Кагаров: *Состав и происхождение свадебной обрядности*. [В:] „Сборник Музея антропологии и этнографии”. VIII, Ленинград, 1928.

37. Применительно к молодежному сленгу подобную функцию отмечает Н. Zgółkova: *Specyfika języka młodzieżowego w świadomości uczniów*. [W:] „Socjolingwistyka XI”. Kraków, 1991.

38. В.С. Елистратов: *Словарь русского арго...*

39. В этой связи представляет интерес постановка вопроса в работе: Л.А. Радзиховский, А.И. Мазурова: *Сленг как инструмент отстранения*. [В:] *Язык и когнитивная деятельность*. Москва, 1989.

Номинативы молодежного сленга: Коммуникация и предметный мир маргинального

Соотношение семантического и коммуникативного в языке создает изначальное противоречие, преодолеваемое обычно с большим или меньшим успехом непосредственно в условиях речевого контакта. Речевой опыт, а также общность или достаточная пересекаемость картин мира, совпадение когнитивных и концептуальных представлений у коммуникантов дают им возможность данное противоречие избежать. Однако далеко не во всяком случае и далеко не равным образом. Особые трудности возникают на переходах, в условиях взаимодействия представителей разных коммуникативных групп, – трудности понимания, то есть опять-таки коммуникативные трудности, источник которых, начало – в различии номинативно-предметных миров, в различии представлений о мире и характере называния его элементов.

Язык не случайно воспринимается и изучается в последнее время в языкознании, прежде всего, как способ классификации мира, как способ матричного представления о нем. Идеография, концептология, когнитивная лингвистика, развитие структурно-семантических методов и классификаций, составление соответствующих лексиконов и словарей – идеографических, полевых, понятийных, предметно-номинативных, ассоциативных, лексико-тематических, лексико-семантических, изучение лексики языка с точки зрения номинатора, с позиции „классификатора” – всё это следствие не разрешенного противоречия между семантикой и коммуникативностью, называемым в речи „предметом” и вербально-речевой его поведенческой „ролью” в составе и условиях коммуникативного речевого акта, – противоречия, осознаваемого едва ли не как основное в условиях самых различных по своему характеру интеркоммуникативных взаимодействий.

Само по себе утверждение отличий предметного мира – национальных, культурных, профессиональных, психологических, возрастных, социальных – по языкам, языковым вариантам, коммуникативно-речевым проявлениям, формам, мало что помогает увидеть в его коммуникативных (предметного мира) различиях. Неудача известного „академического” проекта преобразования языка на Лапуту у Дж. Свифта с тасканием за собой мешков с предметами для разговора „без языка”, объяснима не только всем очевидной тяжестью и неудобством чисто физического характера, и даже не только индивидуальными и групповыми различиями в существующих

представлениях о мире, сколько в особом роде, по-видимому, коммуникативной преобразованности, претворенности номинативов – слов как имен и названий предметов и отношений, воспринимаемых и конкретных, не говоря уже об отвлеченных и представляемых, воображаемых и мыслимых.

Поставленный перед необходимостью классифицировать, дифференцировать как-то свой коммуникативно-предметный мир, прежде чем начать говорить, чтоб быть правильно и адекватно понятым, коммуникант, говорящий наверняка оказался бы в положении не менее трудном, чем лапутянин с мешком, в растерянности решающий, что же в него положить, отправляясь в дорогу. Одна только номинативно-предметная классификация и различение, что есть что, составила бы немалую трудность, определение же коммуникативное и смысловое сказанного, того, что сказали, намереваемся, можем сказать, задача почти что не разрешимая.

Одна из трудностей заключается в проблеме коммуникативной саморефлексии. И дело не только в том, что непросто решить, что же мы говорим на самом деле, когда хотим то-то и то-то сказать, поскольку сразу же возникает вопрос, что действительно, что на самом деле хотим, и кто и что из того, что сказано, понимает, выносит, – сколько также и, едва ли не в первую очередь, в том, что мы из себя как говорящие представляем, какую коммуникативно-номинативную матрицу воплощаем своим речевым проявлением.

Затронутые проблемы отнюдь не случайно рассматривались на материале языковых маргинальностей – в условиях взаимодействия, стыка, на грани общего, как общеупотребительного, и ограниченного, маргинального, того, что уже за пределами общего и выступает как дополнительное по отношению к нему. На переходе от одного к другому, при восстанавливаемом, домысливаемом и взаимоотталкиваемом взаимодействии одного и другого, при внутреннем их, коммуникативно включенном контрасте, многое может быть очевиднее и понятнее, чем при независимом, изолированном, отделенном их существовании и использовании.

Молодежный сленг в этом отношении и для этих целей предоставляет удобный языковой материал, именно как материал маргинального, т.е. находящегося в отношении дополненности к своему основному, развивающегося к нему в параллель, взаимодействующего, с ним соотносящегося и соотносимого, но существующего вместе с тем как номинативно-коммуникативная самостоятельная отдельность.

Природа сленга, сочетающего в себе, в отличие от жаргона, территориального говора, черты некоей общей употребительности, распространенности, общезначимости, с чертами одновременно употребления ограниченного, поскольку это всё же не то, что общенациональный язык, понятный для всех носителей, – воплощающего, тем самым, в себе черты ограниченной универсальности, номинативной и коммуникативной двойственности, и есть, пожалуй, наиболее соответствующая понятию и природе самой маргинальности, как переходной коммуникативной сфере.

Природа молодежного сленга, теоретически (но вряд ли практически, по крайней мере, для русского языка и других славянских) отличимого от сленга как такового, сленга вообще (но что он такое, если не теоретическая абстракция?), – это природа, прежде всего, особой, собственной позиции номинатора и коммуникатора, природа особой лингвopsихологической коммуникативной системы мер, своей собственной исходной точки отсчета, природа особой классифицирующей матрицы и парадигмы ориентиров, оценок и координат.

Представим себе, что изучение языка, например языка иностранного, начиналось бы не с произношения, представления слов и грамматики, а с классификационных матриц, с представления номинативно-семантического языкового пространства. Допущение номинативно-семантической общности языков различной природы, фактически коммуникативная универсализация, значительно затрудняет задачу и искажает во многом смысл, понимание нами изучаемого языка, порождая и далее нелегко преодолеваемые при коммуникативном взаимодействии трудности.

Одновременно и вместе с тем, универсализация семантических представлений могла бы подействовать нивелирующе на образ мира затем у каждого, нейтрализовав в какой-то части его охраняемые индивидуальность и своеобразие. Возможно, боязнь такой коммуникативной саморефлексии и вызывается трудно достижимое затем понимание в условиях интерактивного, межъязыкового и межкультурного взаимодействия.

Предложенный способ порядка начального освоения коммуникативных систем вместе с тем легко представим и едва ли не единственно возможен, по-видимому, при гипотетическом изучении чего-нибудь принципиально иного – скажем, в условиях коммуникаций с системами „не человек” – животные, инопланетяне, пришельцы, умершие, духи, представители параллельных миров. Первое, видимо, с чего следует в этом случае

начинать – с определения действующих коммуникативно-номинативных матриц и парадигм, с „предметного мира”, а не со *слов* и *грамматики* „языка”. Пресуппозиции универсального образа мира наших представлений о той системе, каковой является *человек*, т.е. мы сами, не дают нам возможность увидеть различия там, где привычно хотелось бы видеть и видятся сходства.

Такой реальной, а не гипотетической иносистемой по отношению ко всем нам привычному языку оказывается коммуникативно-номинативный мир маргинального и, в частности, молодежного сленга. Подход к его изучению с точки зрения *слов* и *грамматики* мало что может дать в отношении коммуникативного смысла. В то время как выяснение того, чем отличается его образ мира, картина мира, даже просто сам его номинативно-предметный мир, от мира, освоенного и актуализированного в языке, языке для всех, возможно, давало бы больше, чем даже простое знание маргинальных слов, самого его лексикона.

Искомый образ номинативной картины мира для русского языка хорошо представляет „Русский семантический словарь” (РСС), в классификационных схемах последовательно, по уровням отражающий классы, множества, подмножества и затем лексико-семантические ряды существующих номинативов – слов как значений слов (семантем, семем).

Одно только сопоставление по группам и в целом отраженной в РСС картины предметного мира для языка с таковой молодежного сленга дало бы немало в отношении понимания номинативной и коммуникативной природы последнего. Не исключено, что в дальнейшем подобные сопоставления, равно как и не менее интересные и показательные сопоставления семасиологические по разным национальным языкам и внутри одного языка языковым вариантам и формам на основе чего-то универсального и различного, станут возможны.

Однако при подобных сопоставлениях следовало бы, по-видимому, предварительно для себя уяснить, что при этом с чем сравнивается, с точки зрения чьей позиции и на чьем поле оно происходит: с точки зрения какого языка по отношению к какому другому, сопоставляемому, языку. Ибо при этом возможны и неизбежны потери системного, коммуникативного, парадигматического характера для сравниваемого языка, ведущие не к пониманию его особенностей, устройства и свойств, а к определению несходств одного и другого. Сравнение двух предметов между собой, как известно,

мало что говорит о природе самих предметов, оно только помогает не смешивать их между собой в дальнейшем.

Поэтому более продуктивным и перспективным видится в этом отношении всё же первоначально иной подход, не исключающий возможности применения первого и отчасти включающий даже его в себя (поскольку сама дополнительность, корреляция к основному – особенность маргинального, свойство его). Смысл предлагаемого подхода заключается в определении исходной коммуникативной позиции, или позиций, если таковых оказывается более, чем одна, что весьма для маргинативов возможно, – выражающей, проявляющей, передающей себя в системе коммуникативно-номинативных значений и категорий, преобразующих, претворяющих номинативно-предметный и маргинальный по своему характеру мир.

И в этой связи маргинальное, понимаемое коммуникативно и широко, оказывается и предстает как коррелятивное, дополнительное, потому что оно компенсируемое и вытесненное. Сленг существует как форма коммуникативного проявления субкультуры, *суб-* – поскольку есть некое *нечто* в ней, что не может быть выражено в общей форме, не поддается универсальному выражению, не может быть принято, понято и даже воспринято всеми, поскольку коммуникативное общего не соответствует внутренней данности данного маргинального, не отвечает ей.

Изначально слова для сленга не то же, что те же слова в языке, поскольку иной предстает система, семантически их насыщающая. Стремление передать затрагиваемое отличие наблюдается, в частности, в тематической рубрикации, принятой в практике некоторых польскоязычных словарей не общего типа (SPP, SEP, SPPiW), первые два из которых тематический принцип избрали как основной, алфавитное расположение оставив для указателей (так же как в PCC).

Тематическое подразделение, по-видимому, может быть коммуникативно ориентированным для данного языка, его варианта, и, соответственно, коммуникативно не ориентированным, отражающим, передающим некоторый общепонятный и не оговариваемый специально порядок, отражающий так или иначе принятые в идеографических исследованиях подразделения и классификации.

Так, подразделения корпуса в SPP и SEP, например, по-разному, но антропоцентричны, – воплощая, тем самым, принцип, известный и принятый в идеографии. В SPP (для удобства сопоставления дадим в переводе на русский):

1. Человек: 1.1. Названия, определения человека; 1.2. Внешний вид человека – тело человека и его части; 1.3. Физические действия и состояния – физиологические действия: 1.3.1. Движение – нахождение в определенном месте;

1.3.2. Еда – питье ... 1.4. Психические действия, состояния, особенности ...

2. Человек и другие люди: 2.1. Национальность – социальный статус; 2.2. Общественные условия жизни человека: 2.2.1. Семья; 2.2.2. Работа – зарабатывание денег – финансы; 2.2.3. Школа – образование ... 2.3. Отношения между людьми: 2.3.1. Отношение к другим людям; 2.3.2. Действия во вред кому-либо; 2.3.3. Действия в чью-то пользу; 2.3.3. Товарищеские контакты – неформальные связи между людьми; 2.3.4. Любовь – эротика – сексуальная жизнь; 2.3.5. Говорение – вербальные формы контакта;

3. Человек и ситуации: 3.1. Способ совершения действия – характер событий; 3.2. Намерение в совершении действий, их развитие и завершение – невозможность действий...

4. Человек и ценности: 4.1. Занятие должности – оценка – ценность; 4.2. Бездеятельность – пассивность – незаинтересованность;

5. Физическое окружение человека: 5.1. Материальные предметы и их свойства: 5.1.1. Деньги; 5.1.2. Одежда; 5.1.3. Продукты питания; 5.1.4. Инструменты – приборы... 5.2. Натуральная среда и ее элементы ... 5.3. Место проживания ...

6. Время, пространство, мера

В SEP: 1. Физические черты человека: 1.1. Определения возраста; 1.2. Определения уродства; 1.3. Определения лысины; 1.4. Определения толщины...

2. Части тела: 2.1. Определения ягодиц; 2.2. Общие определения половых органов ... 2.6. Названия других частей тела;

3. Части гардероба; 4. Нагота; 5. Физиологические действия ... 6. Физиологические состояния женщины; 7. Сексуальная жизнь ... 8. Болезни; 9. Смерть и явления с ней связанные; 10. Отталкивающий вид или запах; 11. Недостатки, вредные привычки, пороки; 12. Нарушения и наказания... 13. Ругательства... 14. Религиозные верования; 15. Финансовое положение, деньги; 16. Политика... 17. Определения профессий, магазинов и пунктов обслуживания.

РСС преследует и отражает последовательно функциональный и грамматический принцип, отталкиваясь от частеречного, лексико-

грамматического и далее номинативно-семантического подразделения слов как лексических значений (основная единица лексикографического описания в словаре):

Слова указующие (местоимения); Слова именующие (имена существительные, прилагательные, числительные, наречия, предикативы, глаголы); Слова собственно связующие (союзы, предлоги и их аналоги); Слова собственно квалифицирующие (модальные слова и сочетания; частицы и междометия).

Слова именующие, подразделяясь далее на части речи, для имен существительных представляют такую картину:

Слова, именующие конкретный предмет: всё живое, вещь; Слова, именующие отвлеченное понятие: явление, ситуацию, событие; Слова, именующие как конкретный предмет, так и отвлеченное понятие – с дальнейшим впоследствии подразделением.

Как тематический принцип, характерный для SPP и SEP, так и функционально-номинативный и лексико-грамматический, принятый в PCC, представляются коммуникативно не ориентированными, по крайней мере, в двух отношениях, с двух последовательно связанных между собой сторон. В отношении коммуникативной заряженности предметного, номинативного мира, с точки зрения коммуникатора, говорящего, экспликативно-оценочно-ценностного ядра для описываемого словарем языка (1) и в отношении его коммуникативной позиционной категориальной лингвopsихологической насыщенности (2).

В отношении общенационального языка отражение первого (1), а тем более второго (2) представляется крайне сложной, если вообще, прежде всего для (2), каким-либо образом осуществимой задачей (отсюда, по-видимому, неприменимость чего-либо подобного для материала PCC).

В отношении языковых вариантов и коммуникативно-речевых форм, каковыми являются просторечие и разговорная речь (материал SPP и отчасти SEP) такое, по-видимому, с необходимыми подразделениями возможно, хотя и не так показательно, как в отношении, скажем, таких маргинальных и дополнительных форм, как жаргоны и сленг. Для них коммуникативно ориентированный к номинативно-лексическому материалу подход представляется крайне важным, по названным раньше причинам компенсаторности и вытеснения в противопоставляемый общему употреблению и общей понятности слой субкультуры и подсознания.

В отношении сленга, как, впрочем, по-видимому, и в отношении всякой другой языковой формы-варианта, существенным представляется определение его предметно-номинативного, релятивно-связующего и оценочного компонентов, каждый из которых для своей формы окажется специфичен, а связи, соотношения между всеми тремя не случайными, обусловленными коммуникативной природой формы.

Предметом настоящего изучения был первый, предметно-номинативный компонент молодежного сленга, оценочность и релятивность учитывалась при определении смысловых и коммуникативных особенностей этого первого компонента, который рассматривался при этом не в полном своем составе, представленном в словаре (Никитина, 1998), бывшем основным источником материала, а только в составе синонимических рядов (см. Указатель: Никитина, 1999: 543-579).

Обращение только к этой части, т.е. к словам, имеющим некую континуальную длительность, множественную семантическую представленность, не единичность в синонимическом ряду, дает возможность увидеть то, что репрезентативно в сленге, что актуально и значимо в нем.

Синонимические ряды были сгруппированы по группам, смысл которых определялся не столько темой, сколько характером релятивно-оценочной и функционально-предметной направленности входящих в ряд единиц. Итогом было определение не столько фрагментов предметного мира, актуальных и действенных в сленге, хотя и их также, сколько через них – векторов ориентации, проявления и функционирования, своего рода экзистенциальных валентностей номинативно-предметного мира. Для этих целей релевантными и представлялись синонимические ряды; одно-местные, единичные в своих смысловых и номинативно-коммуникативных позициях лексемы и семантемы не подходили.

Выделились примерно такие группы (примерно – поскольку избранный метод не предполагает единственности и жесткости в разрешении, порядок пока не существен, не отражая никакой номинативной последовательности):

- музыка-поп и всё, что с ней, так или иначе, связано – группы, певцы, любители, игра на музыкальных инструментах;
- учеба, работа, получение образования, экзамены, преподаватели, школа, вуз;
- семья, родители, ребенок, дети, жена;
- сексуальная сфера;

- наркомания и наркотики;
- средства передвижения, транспорт, общественный, свой;
- представители разных национальностей, иностранцы и инородцы (не русские);
- аксессуары, предметы одежды, внешность, вид;
- алкоголь и алкоголизм, спиртные напитки, пристрастие к ним, их питье;
- представители власти и взаимодействие с ними – милиция и таможня;
- общение, коммуникация, взаимодействие, говорение, контакты и связи, взаимоотношение между собой и внутри своей группы;
- лишенные, не имущие, не обладающие, униженные, деминутивы;
- бизнес и деньги, их зарабатывание, предпринимательство, предприниматели;
- ситуативные состояния внешнего по отношению к субъекту и деятельности;
- компьютеры, техника;
- физиология, физиологические отправления и проявления;
- психические отклонения и странности.

В количественном отношении группы отнюдь не равны. Наиболее представительной оказалась группа контактов и связей. Музыка-поп, учеба, наркотики, сексуальная сфера, питье алкоголя, ситуативные состояния, компьютеры, физиология – достаточно представительны. Все прочие группы в количественном отношении незначительны.

Активность и представительность группы, как показатель, косвенным образом может служить свидетельством ее отношения к коммуникативному актуальному в сленге, к значимому его ядру, обусловленному и связанному с характером компенсаторности-вытеснения – как внутреннего, мотивирующего механизма представленной формы речи.

Расположение групп в отношении главной, ведущей группы, определяемой как ядро, по показателю значимой их представимости и „компенсаторной” природы значения каждой группы по отношению к общему, дает картину валентостных замещений и восполняющих механизмов субъекта сленга. (Под субъектом сленга следует понимать потенциального говорящего как носителя определенных и характерных вербальных привычек, моделей, пристрастий и ценностей представителей данной ментальной и субкультурной среды.)

Активность и представительность группы «контакты и связи», по-видимому, отнюдь не случайна, однако прежде чем объявить или не объявить ее коммуникативным ядром (следует сразу оговорить, что не целостным, поскольку ее состав далеко не един и может быть далее дифференцирован), необходимо взглянуть на состав, значения и отношения групп друг к другу.

Группы коррелятивны, соотносимы между собой по внутренним показателям смысловых соответствий, и это одна из особенностей изучаемой парадигмосистемы. Коррелятивностью внутренней, неосознаваемой и часто весьма неожиданной для стороннего наблюдателя (позиция субъекта сленга не может и не могла бы при этом учитываться по целому ряду причин).

Определяемые в своем составе значения и отношения в группах выглядят следующим образом (при их выявлении учитывались номинативные, релятивные, оценочные и системоценностные, по возможности, показатели):

Музыка-поп. Дает проекцию системоценностных и поведенческих моделей, предоставляя возможность вхождения и социализации в молодежной среде, выступая, являясь средством ухода-противопоставления иносреде (родителей, старших, всех остальных). Отмечает в себе фамильярность, освоенность и непосредственность в отношении к называемым предметам, явлениям, возможен также налет неприятия чего-либо или кого-либо (из денотатов) для демонстрации собственной опытности, искусственности, наслышанности, пресыщения, информативной избыточности. Предполагает также демонстрацию близкого знакомства, способности дать оценку, осведомленности, ориентированности.

Представляет собой, тем самым, медиальность средового вхождения (включения) и может быть определена как *инкорпоративный ценностный медиатив* – как средство, способ реализации собственной средовой значимости (значимости в данной, своей среде, своей в ней необходимости и полноценности), будучи связана с категорией валоризации (как компенсация непризнания со стороны среды другого и общего – родителей, старших, общества).

К группе относятся, в частности, номинативы (даны в качестве иллюстрации, не полным списком): „АББА” /поп-группа/: баба, баобаб, жаба; АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ: Макар, Макар Андреевич; „БИТЛЗ”: — музыкант рок-группы „Битлз”: битл, битлак, битлюган, битлюк; „БОН ДЖОВИ”

/рок-группа/: бомжи, Бон Жёванный, Боржом; БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ /лидер рок-группы „Аквариум”/: БГ, Боб, Бог, Гребень; „ДЕТ ВОМИТ” /рок-группа DEATH VOMIT/: Дед вломит, Дед помер; „ИВАНУШКИ INTERNATIONAL” /поп-группа/: Болванушки International, Дубинушки International, Иванушки-дурачки, Иванцы, Кретиноушки International; МЕТАЛЛИСТ /любитель металлического рока/: металл, металлург, металлуга, пати; АККОРДЕОН: голенище, сапог; ГИТАРА: басуха /бас-гитара/, девушка, весло, доска /из цельного куска дерева/, лопата, обрубок /с укороченным грифом/; — акустическая: акустка, банка; ГРАМПЛАСТИНКА: винил, колесо, пласт, рекорд; ЗАПИСАТЬ / ЗАПИСЫВАТЬ /музыку/: нарулить, нарезать, писаться; ИГРА /на музыкальном инструменте/: лабёж, лабня, полив; - в ресторане по заказу: карась, парнас; — на гитаре: запил, чёс; и т.п.

Учеба, работа, образование Дает представление о локусе, месте среды, более или менее постоянном в отношении своей к ней проекции. Обусловливает, предполагает демонстрацию умения приспособливаться, освоенности, знания адекватных к ней ценностей, своего в ней умения ориентироваться.

Системная ориентация; *локально-системный ориентатив.*

АБИТУРИЕНТЫ: абита, абитень, абитура; БИБЛИОТЕКА: байбл, библио, библия, облбибл /областная/; ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА: воспитка, воспитуха, питка; ДВОЙКА /неудовлетворительная оценка/: бабан, банан, гусь, двойбан, двойной, кровать, напильник, параша, паяльник, утка, цара, цвайбан, цвайка, цыца, чекуша; ДИРЕКТОР /школы/: бабуля, дир, дирик, дирюга, дирюжник, диря, дуректор, дурик, хоз, хозяин, шеф; КОНТРОЛЬНАЯ РАБОТА: контра, контрабанда; ОТЛИЧНИК, зубрила /примерный ученик/: борода, ботан, ботаник, букварь, стилл, череп, чеснок; ПРОГУЛЯТЬ, пропустить урок; уйти с урока /без разрешения/: двигануть, загащить, задвинуть, закосить, свалить, сколоть, слинять, смочить, срыгнуть, срыть, давать ускорение, чухнуть; УЧИТЕЛЬСКАЯ /в школе/: дворянское гнездо, осиное гнездо, серпентарий; УЧИТЬ / ВЫУЧИТЬ УРОКИ /прилежно/: заниматься онанизмом головного мозга, ботанеть, ботать, букварить, терзать букварь, дрочить, зарепиться, грызть кочерыжку науки, мозги массировать (насиловать); ШКОЛА: зона, казёнка, скул; ШПАРГАЛКА: шпага, шпора; — виды шпаргалок: бомба, гармошка; ЭКЗАМЕН: запара, исповедь, экзема; и т.д.

Семья, родители: демонстрация независимой от них зависимости, своей от них отдельности и несвязанности, претенциозности с их стороны (ролевая заявка связи); родители – то, что надо иметь, чтобы быть от них отдельно; жена – обуза, ребенок – отдельное существо, существо-физиологема (воспринимаемый с точки зрения его физиологических потребностей и проявлений).

Предполагает утверждение самости, являясь проекцией *экзистенциального (ролевого) изолятива*.

МАТЬ: мазер, маман, матрёна, маха, махан, паханка, ханочка; **ЖЕНА**, супруга: вайф (вайфа), паранджа, швабра; **ОТЕЦ**: батинок, ботинок, батон, дад, падре, папахен, папик, папоротник, пахан, предок, фазер (фазёр), хан; **РЕБЁНОК**: бебс, бэби (бейби), бэбиёнок, бэбик, бэбис, грызун, кинд, киндер, киндер-сюрприз, паскударик, пиплёнок, пукёныш, спиногрыз, чилд (чайлд), чилдран (чилдрен), шнурёнок; **РОДИТЕЛИ**: кости, начальство, олды, папаны, папики, парента, предки, пэренты (пэренсы, пренты), родаки, родяки, соседи, старцы, фазер-мазер, ханы, черепа, шнурки, шнуры.

Сексуальность. Предполагает со стороны говорящего в употреблении подчеркнуто-отстраненную незаинтересованность, неангажированность, неучастие, с акцентом на внешнее, кинематику, двигательность (моторность) характерных для данной сферы действий и проявлений, представляя в своем значении и по отношению к субъекту *моторно-двигательный департитив*.

АБОРТ: разминирование, химчистка; **БЁДРА** /женские/: бедраж, корма, задний мост, окорока, станок; **БАБНИК**, любитель женщин: бабтист, клей, мальчик-колокольчик, трахальщик; **БЕРЕМЕННАЯ**: залётная, заряженная, женщина с бемолем; **БЮСТГАЛТЕР**: лифон, надгузник, наушники, шапочки для близнецов; **ГИНЕКОЛОГ** /врач/: ковырялка, работник органов; **ГОМОСЕКСУАЛИСТ**: голубарь, голубой, гома, гомик, гомусик, двустволка, половой демократ, додик, мужиковед, папа, педагог, педик, пэдэ, руслан, хали-гали, чебурашка /несовершеннолетний/; — активный: активист, Солидол Иванович, уважаемый; — пассивный, подвергшийся изнасилованию: обиженный, опущенный, петух, пидовка; **ГРУДЬ** /женская/: буфера /большая/, витрина, доки, литавры, логарифмы, сайзы, уши, шарик; **ГРУППОВОЙ СЕКС**: групповуха, хоровое пение, ромашка, фак-сейшен; **ДЕВСТВЕННОЦА**: агу, витамин „Ц”, запечатанная, целка, Клара Целкин, цилиндр необкатанный; и т.д.

Наркотики, наркомания. Отображают проекцию для носителя предметно-акционального мира, мира действий, предметов, состояний, в нем, для него и носителя актуальных (что делать, с чем делать и что испытывать, какие состояния переживать).

Группа представляет собой в этом отношении *акционально-предметный ориентатив*.

АБСТИНЕНТНЫЙ СИНДРОМ /наркотическое похмелье/: абстjak, кумар, ломка (ломки), отходняк; — испытывать **АБСТИНЕНТНЫЙ СИНДРОМ**: колбасит /кого/, быть на кумаре, кумарит /кого/, ломаться; **АМПУЛА**: стекло, стекляшка; **АНАША**: дурбала, морковка, хэш, шала, шмаль; **АПТЕКА**: драга, драгстер (драгстор), калечная, калька, калюжная; **ВЕНА**: венник, веняк, кишка; — вскрыть / вскрывать себе **ВЕНЫ**: коцаться / поцоцаться, полоскать (пописать) вены, попилиться, резаться; **ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ**: брюлики, галюн, глюк (глюки), глюкалово, мультики; **ГАЛЛЮЦИНИРОВАТЬ** /видеть галлюцинации/: видеть брюлики, ловить / поймать глюки, глюковать; **ГАШИШ**: гаш, мацанка, план, пластилин, челим; **ГЕРОИН**: „г”, гарри, гера, герасим, герыч, белый кайф, коричневый, китайский красный, белая леди, лошадь, мальчик, черный (коричневый) сахар; **ДЕЛИТЬСЯ / ПОДЕЛИТЬСЯ** /обычно — наркотиком/: греть / подогреть, попарить /кого/; **ДИМЕДРОЛ**: дима, димка; **ДОЗА** /наркотика/: вмазка, двига, дозняк; **ДОПОЛНИТЬ ОСНОВНУЮ ДОЗУ НАРКОТИКА**: догнаться, прибить, придавить; и т.д.

Средства передвижения, транспорт. Представляют собой функциональный и статусный дефинитив обладателя или пользователя, определяя его положение (что и кто – какое). Внешний вид, форма, характер, тип транспорта становятся средством распознавания и показателем, „лицом” своего владельца / пользователя, оболочкой, носителем его значимых и актуальных для говорящего (для среды молодежного сленга) свойств.

Функционально-статусный форматив.

АВТОБУС: буханка /ЛАЗ, УАЗ/, колбаса /двойной „Икарус”/, лоховоз, презерватив /„Мерседес” белого цвета/, сарай, скотовоз; **АВТОМАШИНА** /легковая/: кар, колёса, коробчонка, кулебяка, лайба, тачка, телега; — старая, плохая: летающий диван, пончик, чух-пух; — милицейская: воронок, канарейка, луноход, ментовка, мусоровоз, синеглазка, упаковка, раковая шейка; — транспорт медвытрезвителя: воронок, хмелеуборочная, хмелеуборщик, цементовоз; — отдельные марки автомашин: „Ауди-100” — сигара; „BMW” — бомба, бумер, бэмвер; „Запорожец” — запор, мыль-

ница, феррари; „Жигули” — жидули; „Мерседес” — мерс, мерзавец, мерин, мурзик; „Фольксваген” — коровка; АВТОСТОП /путешествие авто-стопом/: стоп, трасса, хич, хич-хайк (хитч-хайк); БИЛЕТ: вытирка, ксива, тикет; ЕХАТЬ /на автомашине/: колесовать, рулять; /на мотоцикле/: — быстро: коптить, давать тону, топить; — на заднем колесе: давать дыбаря, вставать на козу, козлить; МОТОЦИКЛ: гроб, козёл, корыто, макака, мотайка, мотас, мотыч, пила, самокат, тачанка, тачка, телега; МОТОЦИКЛИСТ: байкер, рокер, щеня /молодой, начинающий/; ТАКСИ: кар, таксо, тачка, электричка; ТАКСИСТ: драйвер, мастер; ТРОЛЛЕЙБУС: привязанный, рогатка, рогатый, сарай, трали-вали; ШЛЕМ /у рокеров-мотоциклистов/: гермак, горшок, шлемак; ШОФЁР: водила, дальнобойщик /на дальних рейсах/, драйвер, ездюк, мазурик, чиф; ЭЛЕКТРИЧКА /электропоезд/: бичевоз, бригантина, лайнер, окурок.

Иностранцы, представители других национальностей (не русские). Воспринимаются и предстают как разное странное, необычное и смешное, как предметы, игрушки, марионетки, предметы-картинки.

Предметно-развлекательный орнаментатив (колоризмы, функция homo ludens).

АЗИАТ /представитель народностей Средней Азии/: басмач, урюк, халат, чурка; АМЕРИКАНЕЦ /гражданин США/: америкос, стейс, штатник, юс; АМЕРИКАНСКИЙ: стейсовый, штатовский, штатский; ИНОСТРАНЕЦ: гамбургер, интура /собир./, турмалай, фирмач, фирмовой; ИТАЛЬЯНЕЦ: аллёрник, аллора, аллорец, аллорник, макарона, макаронина; КАВКАЗЕЦ: уголёк, хачик, чебурек, чернослив; НЕГР: черный болт, блэк, негатив, сажа, уголёк, чугуи; ФИИН: турмалай, финик, чухонец; ЮГОСЛАВ: юг, южок; ЯПОНЕЦ: джапан, джэп; ЯПОНСКИЙ: джапановский, джапанский, джапэновый, самурайский.

Предметы одежды и внешнего вида, признаки внешности. Воспринимаются и предстают нередко как нечто глупо-„ненужное” (на другом или себе-„другом”), как то, что существует отдельно от своего носителя и одновременно характеризует его, как средство отождествления или разотождествления с собой и собой-другим. Предполагают возможность позволить себе что-нибудь этакое, что-нибудь лишнее, обнаружить привязанности, пристрастия, повывставляться.

По своему значению группа может быть охарактеризована как *атрибутивно-оценочный (характеризующий) идентификатив*.

АКСЕССУАР /мелкий/ как украшение, деталь экипировки, сувенир: мультка, прибамбасы, прибамбасики, фенечка, фенька, феня, фишка, фусечка, фуська, фуся, цацка; БРАСЛЕТ /у металлистов/: наворот, напульсник; БОТИНКИ, туфли: банты, гады /высокие, массивные/, гомоцы /модные/, колёса, копыта /на высокой платформе/, коры, коцы, чешки, шуз (шузы), шузня, шузняк; БУМАЖНИК: котлета, лопата; КАМУФЛЯЖ /костюм/: зелёнка, комок; КЕПКА: аэродром, жириновка, плевок; КРОССОВКИ: бати, кроссы, сникерсы; ОДЕЖДА: дресс (дрессы), клозняк, клоуз, клосес, прикид, упаковка, шкура, шмотки, шмутё. ОЧКИ: айзы, подфарники, слепотники, спектра; ДЛИННОВОЛОСЫЙ: битл, битлак, битлюган, волосатый, патлатый, хайрастый, хайратый, хэйравый; КУДРЯВЫЙ: вава, пушкарик; КУЛЬТУРИСТ: арнольд, бивень, брусок, брю, дутыш, кач, качок, квадрат, мясо, навороченный, пельмень, пузырь, рама, шварц; ЛЫСЫЙ, бритоголовый: головочлен, золотой, кудрявый, лысик, муходром, широкий пробор, светловолосый, феликс; РАЗОДЕТЫЙ: навороченный, прикинутый, упакованный; и т.п.

Алкоголь, алкоголизм. Дает проекцию эмоциональной заинтересованности наблюдателя, его увлеченности, втянутости, участия и активности в действиях и состояниях другого, с оценкой и характеристикой проявлений того вовне; предполагает реакцию удовольствия наблюдать, подчеркивающего, актуализирующего некую зрительную и зрительскую витальность в субъекте.

Витально-эмоциональный наблюдательный агентив.

АЛКОГОЛИК: алик, бухларик, глюколов, дринкач, дринкер, изюм, политрук, политура, промокашка, синегал, синюга, синька, синяк, хроник; АЛКОГОЛИЧКА: буханка, синька, синячка; БЕЛАЯ ГОРЯЧКА: белка, белочка; БУТЫЛКА /спиртного/: банка, батл (баттл, ботл, боттл, ботла), баян, винт /с завинчивающейся пробкой/, лампочка, пузырь, снаряд, ствол, фаныч, штырь; — большая: огнетушитель, сабонис, фугас, фугаска, фуфырь; — литровая: бомбер, литрович; — поллитровая: бимбер, полбанки; — маленькая: малыш, райска, Чебурашка; — пустая: корочки, обложка, покойник, пушнина, хрусталь; ВИНО: белинский /белое/, краска, краснота /красное/; — сухое: сухарь, сухач, сушняк; — низкого качества: бардюхан, гнилушка, рассыпуха, чемергес, шмурдяк; ВОДКА: белинский, трудная вода, водяра, газировка, бычий кайф, коленвал /некачественная/, косорыловка, синька, сникерс, чиниво; ВЫПИТЬ /спиртного/: боднуть, съездить в Бухару, приколоться по синей воде, вдеть, вмазать, встебужить, выдрин-

каться, выдринчать, газануть, дринкануть, дрынкнуть, кинуть под жабры, забодать, задринчить, заинтересоваться, засосать, закинуть кир, на лоб принять, махнуть, раскатать, раскатить, расписать, треснуть, ужалиться; КО-НЬЯК: конина, конь; ПЬЯНЫЙ: под балдой, под банкой, бодун, бодунный, под бухом, горизонтальный, в состоянии готовальни, пьяный в душло, ёж, заинтересованный, кирной, пьяный в корягу, на кочерге, кривой, пьяный в мясо, в нажоре, совершенно никакой, в отключе (в отключке), пьяный в педаль, подкачанный, глаза в пучок, рубероид, пьяный в рубероид, синий, удринченный; СПИРТНОЕ: бух, бухалово, бухло, кир, кирок, синее.

Представители власти и взаимодействие с ними. Предполагают проекцию препятствия, опасности, неудобства; позицию силы и вредоносности, вызывая активно неприязненное к себе отношение со стороны субъекта – носителя сленга. Они – то, что следует избегать, куда не следует попадать, то, что обездвигивает, ограничивает, лишает свободы. Отношение (релятив) – настороженное, предупредительное, сигнальное, уныло констатирующее некую данную неизбежность.

Значение *интенционально-сигнального дезадектива*.

АРЕСТ: винт, винтилово, вяз, вязалово, попадалово; АРЕСТОВАТЬ / АРЕСТОВЫВАТЬ, задержать / задерживать кого-л.: винтить / повинтить, свинтить, винтануть, вязать / повязать, замести, брать в менты, упаковать, хомутать / захомутать; ДУБИНКА /милицейская/: черный болт, воспитатель, гуманизатор, демократизатор, наташка, татьяна; ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВАЯ КОЛОНИЯ: инкубатор, исправилровка; КГБ: комитет глубокого бурения, контора; МИЛИЦИОНЕР: бобмен, власть, гадмен, жаба, забрала (забрало), козлогвардеец, крокодил, мент, ментозавр, ментозаврик, ментура, мильтон, мусор, мусоргский, мусорок, полис, помидор, свисток, собачник, стервятник, хомут, хомутьё, цветной, шакал; МИЛИЦИЯ: контора, ментура, полис; — отделение милиции: берёза, легавка, ментура, мусарня, хомутская; ОБЛАВА: винт, винтилово, вязалово; ПОМЕЩЕНИЕ: — для задержанных в милиции: аквариум, обезьянник; РАБОТНИК ГАИ: гаишник: мастер (оператор) машинного доения, соловей; ТАМОЖЕННИК: стервятник, шмонала.

Коммуникация, взаимодействие, взаимные отношения, коммуникативные проекции и формы. Для них характерна высокая степень заинтересованности, участия и оценочности, активность, втянутость, значимость.

Значение данной группы можно определить как *акционально-ценностный (атрибутивно-оценочный) оператив*.

БОЛТАТЬ, пустословить: загружать, гнать (прогонять) телегу (телеги), митрофанить; БОЛТУН: тележник, Троцкий, шептоник, якубович; БИТЬ, избивать кого-л.: гасить, делать, колоть, маздать, метелить, мочить, отоваривать, рихтовать, товарить, фэйсовать; ВАЖНИЧАТЬ, зазнаться / зазнаваться: депутата корчить, забугрить, королиться, понты давить; ВАЖНЫЙ, высокого мнения о себе: выпендра, зю /о девушке/, пальцы верером, пендюк, сопли пузырем; ВЕСЕЛИТЬ /публику/: гнать веселуху, колбасить, корки (мочки) мочить; ВЕСЕЛЬЧАК: горбушник, кактус, оттяжник, пекарь, прехехе; ВЕЧЕРИНКА: буревестник, голливуд, гуделово, завис(ы), пати, разгуляево; ВЗДОР — ГОВОРИТЬ ВЗДОР, ерунду: давить косяка, гнать (нести) пургу, гнать туфту (фуфло, фуфел), мозги пудрить (парить); ВЛЮБИТЬСЯ: зависнуть /на ком/, запасть /на кого/, расцвести, съехать /на ком/; ВОЗРАЖАТЬ, выступать против кого-л.: быковать, бычиться, возбухать, вякать, говорить в синкопу, хлеб крошить; ВОСТОРГ: балдёж, улёт; — междометное выражение восторга: абзац, классман, кобзон, ништяк, обсад, отпад, убой, улёт, чума; ВОСТОРГАТЬСЯ чём-л.: затряхиваться, ходить кипятком, припереться, рубиться, входить в столбняк, тащиться, торчать, угорать, улетать, фанатеть, фигеть; ГРУППИРОВКА, группа, компания молодежи: база, кодла, кодляк, команда, мишпуха, сарафан, туса, тусовка, шара; — агрессивная: кодла, контора, моталка, шобла; ГУЛЯТЬ / ПРОГУЛЯТЬСЯ: бартыжать, проброситься, протусоваться, прошвырнуться, хилять, шариться, шмендрять; ДАТЬ, отдать кому-л. что-л.: отписать, отсвинярить, отслюнить, отстегнуть; и т.д.

Не обладающие, лишённые, униженные, деминутивы. Представляют проекцию отношения нежелательности, снисходительного пренебрежения либо чего-то далекого чуждого низкого (статусного табу).

Значение можно определить как *негативный модулятив*.

БЕДНЫЙ /малоимущий, плохо обеспеченный материально/: беспрайсовник, беспрайсовый, ноль, нулевой, пустой, убитый; БЕЗДОМНЫЙ: бич, голошмяк; БРОДЯЖНИЧАТЬ, не иметь дома: бичевать, бомжить; ДЕРЕВЕНСКИЙ ЖИТЕЛЬ: кантри (кантры), кантрушник; ПРОВИНЦИАЛ: кантри, кантрушник, плуг, чмо; ПРОВИНЦИЯ, глушь: зажопинск, пырловка, пындровка; ТОЛПА: аул, коган, лом; УНИЖЕННЫЙ, морально опустившийся человек: задрочка, задроченный, чмо, чмошник.

Бизнес, деньги. Дают проекцию заинтересованности и участия.

Значение выводится как *оперативно-акциональный ориентатив*.

ВАЛЮТА: география, грецкие орехи, фура, цветник; ДЕНЬГИ: ахча, бабашки, бабки, бабульки, башельки, башли, бобы, ветер, воздух(и), деревяшки, деревянные /о рублях/, дрожжи, капуста, колы, лавэ, лавэшки, лангуста, мани, манька, металл, прайс, пятаки, сара, слёзы, солома, сольди, таньга, тити-мити, тугрики, филки, финаги, фисташки /крупные/, шайбочки, шкарёнки; ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ: дичка, карась, красенькая, тэн, тэнок, чирик, черепаха (деноминированных); ДОЛЛАР(Ы) США: бакс, грин, грюник, долларь, зелёные, капуста, унка /один доллар/; ЗАРАБОТАТЬ / ЗАРАБАТЫВАТЬ /много/: стругать бабульки (башельки) /настругать башелек, стричь капусту / настричь капусты, снимать, срубить; ПЛАТИТЬ / ЗАПЛАТИТЬ кому-л.: башлять / забашлять, разбашляться; ПРЕУСПЕВАЮЩИЙ /бизнесмен/: бобёр, бык, крутой, пальцы веером; ПРОДАТЬ что-л. /по высокой цене/: впарить, втюхать, загнать, отшопить, толкнуть, фукнуть; ПЯТЬСОТ РУБЛЕЙ: полтонны, полштуки, пятак, пятихатка, пятихатник; РАЗБОГАТЕТЬ, получить прибыль: забуреть, навариться, (при)подняться; РЫНОК: барыка, туча; СТО рублей: горчичник, катька, рубль, стольник, стоха; ФАРЦЕВАТЬ: бомбить, утюжить; ФАРЦОВЩИК: мажор, утюг; ХОЗЯИН, частный предприниматель: балабуз, бык, пивовар; и т.д.

Состояния внешнего, ситуативы объектов. Выступают как активно оценочные, интенсивно включенные, проявляя значения меры, степени действия и/или значимости по отношению к субъекту, его проекциям, состояниям или действиям, как активно вторгающиеся, воздействующие на него релятивы.

Значение группы может быть определено как *ситуативно-квантитативный интерактив*.

БЕЗНАДЕЖНЫЙ: — безнадежное дело: безмазняк, глухарь; БЕЗРАЗЛИЧНО, всё равно кому-л.: до банки, по барабану, декаданс /кому/, монопенисуально, параллельно, по пистолету, пополам, по фигу (по фиг), по сараю, [сугубо] фиолетово; БЕСПОЛЕЗНЫЙ: безмазовый, без мазы; БЕСПЛАТНЫЙ: беспрайсовый, на халяву, халявный; ВЕЗЁТ / ПОВЕЗЛО кому-л.: масть идёт / пошла, пофартило; ВСЁ В ПОРЯДКЕ: ништяк, нормалёк, нормуль, ноу проблемз, всё пучок, в полном райте; ИНТЕНСИВНО: по полной программе, вчерняк; — делать / сделать что-л. ИНТЕНСИВНО, быстро: впиндюрить, закоцать, зафигачить / зафигачивать, менструячить; КРАХ: абзац, вилы, кончита, кранты, облом, оппаньки, палево, чума; — потерпеть КРАХ: обломаться, опуститься, прошариться; и т.п.

Компьютеры, техника. Обнаруживают и демонстративно подчеркивают знакомство, ориентированность, фамильярную осведомленность, привычность, искусственную опытность говорящего, предполагая снисходительную пренебрежительность по отношению к объектам номинативов. Данная группа себя проявляет как интенсивно компенсаторное средство, предполагая отмеченность приобщенности у говорящего, с обозначением 'свой человек в системе, избранный, на короткой ноге с общим идолом-божеством', большой знаток и эксперт в сложном деле, не всем доступном.

Значение может быть определено как *экспертно-ценностный медиатив.*

ВЕНТИЛЯТОР /в блоке питания компьютера/: жук, шуршун; ВИНДОУС /операционная система MS WINDOWS/: винды, виндюк, масдай (мастдай), мелкомягкие, окна, окноуз, окошки, ставни, стёкла, стекляшки, форточки; ВИДЕОСИСТЕМА: видак, видик, видюшник; ВИНЧЕСТЕР /жесткий диск компьютера/: веник, вентилятор, винт, жужулятор, хард; ВИРУС /компьютерный/: вирусяка, живность, жук, зверь; ИГРА /компьютерная/: бирюля, гама, гейма, груша, погамулька, цаца; — играбоевик: стрелялка, стрелялово; КЛАВИАТУРА: кея, клавиша; КЛАВИША, кнопка: батон, клавиша, педаль; — нажать / нажимать клавишу, кнопку: плюхнуться на кею, топтать (тискать) клавишу, клацнуть педалью; КОВРИК /для мыши/: крысодром, мышкодром, мышедром, подмышка, тряпка, тряпочка; КОМПЬЮТЕР /PC/: аппарат, бандура, банка, железка, комп, компик, компухтер, контупер, машина, писишка, писюк, псих, путер, тачка, цампутер; КСЕРОКОПИЯ — делать КСЕРОКОПИЮ:, ксерить, ксерачить /наксерачить, отксерачить; МАТЕРИНСКАЯ ПЛАТА /компьютера/: мамка, материнка, матрёшка; МЫШЬ /компьютерный манипулятор/: зверь, крыса, муся, мыша, мышатина, хвостатая; ПЕНТИУМ /компьютер IBM Pentium 586/: пентюх, пеньтюх, петух, петя; ПРИНТЕР: дрюкер, лазарь /лазерный/, печаталка, принтак, чепатор; СИ-ДИ РОМ /CD ROM/: сидивёртка, сидишник, сидюк, сидюшник; ФАЙЛ: файлец, файлос, филе; и т.д.

Физиология, физиологические проявления характеризуются, прежде всего, своей интенсивностью, для них характерны задействованность, включенность, полнота отдачи, активность участия в почти всегда интенсивном действии, переживаемом состоянии, состоянии, воспринимаемом и переживаемом нередко как действие.

Значение можно определить как *акционально-агентностный интенсив.*

ВОШЬ: бэтээр, машка, мустанг, шаршики /мн./; ДЕФЕКАЦИЯ, об акте ДЕФЕКАЦИИ: (с)бросить бомбу, отложить личинку, принять от шефа факс; ЕДА, пища: баклан, берло, жор, жральня, жрачка, питашка, поедуха, рубон, хавка, хавчик, чифан, шамовка; ЕСТЬ / СЪЕСТЬ что-л., поесть чего-л.: бакланить, берлять, бомбить холодильник, друшлять, загрузиться, зажевать, итать, ударить по кишке, поштекать, хавать / захавать, похавать, схавать, схомячить, точить / заточить, харчеваться, храпать; ЖАЖДА, о ЖАЖДЕ: жаба гложет, жабры горят, сушняк, трубы горят; ЗАД, ягодицы: антифэйс, буль, бэк, бэксайд, верзоха, гаубица, корма, ленинские места, станок, телевизор; НОГА, ноги: заготовки, кегли, клешня, клюшка, кособланки /кривые/, пики, шасси; рука: весло, кегля, клешня, присоска, хенд; СИНЯК: финик, фингал; СПАТЬ:дохнуть, давить на массу, кочумать, слипать, фазить, хорька давить; — хочется спать: плющит /кого/; СТОЛОВАЯ: бацилла, ништяковая, ништячка, ништячная, тошниловка; ТУАЛЕТ: виталик, дабл, джонсон, белое здание, Иван Иванович, нули, очко, рудник, северок /общественный/, сингл, междугородный телефон, толчок; — школьный: КПЗ, КПД, ромашка; и т.д.

И наконец, психические отклонения, умственные недостатки и странности можно определить как *акционально-воздействующий результатив*. Для них характерно отношение получения, следствия, действия со стороны, откуда-то, как стихия, независимое от воли переживаемое состояние.

ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА: дурка, креза (крэза), крезаторий, крезихауз, крезовник, крэйзер, крэзуха, скворечник; СОЙТИ / СХОДИТЬ С УМА: башню сорвало (снесло, отвернуло) /кому/, вальты прилетели (катят), двинуться, ехать / съехать, завернуться, клины ловить, крейза (крэза) катит, крезовать / крезануться, крыша съехала (поехала, течёт, потекла), кукушка поехала, лыжи не едут /у кого/, офигеть, припариться, шизануться, ширма поехала; СТРАННЫЙ: глючный, задвинутый, крезовый, сюрный, шизовый; — о человеке: с гусями, дурик, с задвигами, с кукушкой, с прибабахом, с прихватом, с тараканами в голове, фанат; — что-л. СТРАННОЕ: креза, шиза; СУМАСШЕДШИЙ: двинутый, дурик, задвинутый, крезанутый, креси /крэйзи/, крезовник, шиза, шизанутый, шизик, шизо.

Корреляции групп, парадигматические их связи и соотношения заключены, проявляют себя в обозначенных и выведенных категориальных значениях. Отношения в парах выстраиваются по типу взаимной соотносительной дополнительности, по типу дихотомии левого-правого, группиру-

ясь по видам компенсаторности-замещения от некоего скрытого, но осязаемого центра, который определяется, видимо, отношением, актуализируемым в группе музыка-поп и отчасти компьютеры и связанном с идеей признания / непризнания, утверждения собственной значимой ценности через внутренне отрицаемое, отвергаемое неприятие, отторжение, уход от другого.

Активность, представленность группы коммуникация и взаимоотношения, большое число и множественность оснований ее составляющих, можно рассматривать как следствие, результат ее деятельностной проективности в отношении „я” субъекта. Во взаимодействиях, в отношениях в группе, в своей среде реализует носитель сленга внутреннее ядро, свою ценность. Ядро его, тем самым, по своему характеру, коммуникативно, тем самым, не самодостаточно, не защищено, оно открыто и требует, ищет, предполагает поддержку со стороны, в своей среде и внутри среды, среди ее представителей, во взаимодействии и в отношениях с ними.

Группа коммуникация и взаимоотношения коррелирует с группой состояния внешнего, ситуативы по показателю, основанию *реализация / (не) способствование* к проявлению и проекции „я”-ядра, в отношении внутреннее, субъектное, и внешнее, или объектное, воздействующая и испытывающая воздействие сфера деятельности.

Парадигматична пара наркотики, наркомания и учеба, работа, образование: акционально-предметный и локально-системный ориентатив. Первое (наркомания и наркотики) – представляет поле активно направленной и ориентированно заместительной деятельности, едва ли не как основной. Второе (учеба, образование) – дает проекцию умения и способности к овладению социальным местом, ведущей функцией и внешне-внутренней, контагиозной, связанной с действиями и проявлениями субъекта в системе, становясь, тем самым, средством инициации и аттестации „я” в коллективе, средством проверки его умения и достоинств.

Группа поп-музыка коррелирует к группе семья, родители по показателю инкорпоратива / изолятива. Первое – то, что средство и медиатор вхождения, набор моделей и форм к подражанию, принятию и заимствованию. Второе – то, что должно быть и есть, но в чем находясь, необходимо противопоставлять себя этому, отрицать, демонстрировать свою независимость, отдельность и изолированность, активно не принимать навязываемые модели и формы.

По показателю внешнее и движение, моторика и форматив образуют пару группы сексуальная сфера и средства передвижения, транспорт. Пару по показателю эмоциональный департитив и заинтересованная эмоциональная витальность участника как наблюдателя образуют группы сексуальность и алкоголизм, питье алкоголя. Коррелативны группы предметы одежды, внешность и иностранцы и инородцы по показателю внешнее яркое, предметность, идентификатив. Соотносимы группы бизнес, деньги и деминутивы, лишённые, обнаруживая при этом одновременно связь, отношение к субъектной сфере – как внешнее, противопоставленное субъекту сленга и не свое. Соотносимы физиология и психические недостатки и отклонения – по показателям результата, акциональности и воздействия, интенсива участия и стихийности.

Простая схема взаимодействия групп, концентрирующихся вокруг своего ядра, коммуникативно-номинативного по своей формальной природе, могла бы выглядеть, без учета оттенков, следующим образом:

I. Сфера реализации (основная):

1. деятельностная самореализация:

родители и семья (значение начинательности и отделения-изолятива)

// поп-музыка (включение и реализация ценности) – компьютеры (отмеченность приобщения);

2. ориентированно деятельностная активность:

учеба, образование и работа (системные место и функции, инициация, проявление способностей, приспособляемость) // наркомания и наркотики (предметно-акциональный мир);

3. условия проявления:

коммуникация, взаимодействие и взаимные отношения в группе (значимый способ действия-проявления) – состояния внешнего и ситуативы объектов (сфера способствования / неспособствования и обстоятельств).

II. Сфера позиции наблюдателя-идентификатора, участника / неучастника:

1. эмоциональность, витальность / двигательная моторность:

алкоголизм и питье алкоголя // сексуальная сфера;

2. форма-статус; отождествление / разотождествление; колорит:

средства передвижения, транспорт – одежда и внешний вид – инородцы и иностранцы;

3. внешнее несвое: избегаемое, не принимаемое, невозможное либо не достижимое для себя:

не имеющие, лишённые (деминутивы); бизнес, деньги, предприниматели.

Ш. Сфера сменяемых напряженности / расслабления, смены тона, оттенков, фона, интенсивная и активно задеиствуемая:

физиология, физиологические отправления; психические отклонения и странности.

IV. Сигнальная сфера активного неприятия как ограничения и препятствия, сфера носителя вредоносной силы:

представители власти (милиция и таможня).

Представленная парадигмосистема не претендует на единичность, отражая, передавая, возможно, одну, внутри молодежного сленга, позицию. Позиционная множественность, как свойство любого сленга и всякого маргинального, при разностороннем и более пристальном к слову, его семантике, отношении позволит раскрыть некий подсознательный, неосознаваемый носителями (и неносителями) субкультурный слой, скрываеый во всяком акте коммуникации, как маргинальном, так и немаргинальном, в смысловом своем отношении, по-видимому, различный, но позиционном и компенсаторном, хотя и по-разному, почти всегда.

1999 г.

Литература:

Арутюнова Н.Д.: *Аномалии и язык (к проблеме „языковой картины мира“)* // Вопросы языкознания, № 3, 1987.

Арутюнова Н.Д.: *Типы языковых значений. Оценка, событие, факт.* Москва, 1988.

Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б.: *Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие* // Вопросы стилистики. Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 25. Проблемы культуры речи. Саратов, 1993.

Грачев М.А., Гуров А.И.: *Словарь молодежных сленгов.* Горький, 1989.

Демьянков В.З.: *Конвенции, правила и стратегии общения* // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 41, № 4, 1982.

Елистратов В.С.: *Арго и культура* // Елистратов В.С.: *Словарь московского арго.* Москва, 1984.

Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И.: *Слова, с которыми вы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона.* Москва, 1999.

Земская Е.А., Розина Р.И.: *О словаре современного русского жаргона* // Russistik, № 1-2, 1994.

Иванов Вяч. Вс.: *О языке как модели мира // Интеллектуальные процессы и их моделирование*. Москва, 1987, с. 142-153.

Караулов Ю.Н.: *Общая и русская идеография*. Москва, 1976.

Караулов Ю.Н.: *Русский язык и языковая личность*. Москва, 1987.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.: *Русский ассоциативный словарь*. Москва, 1994.

Кёстер-Тома З.: *Стандарт, субстандарт, нонстандарт // Русистика*, 1993, № 2.

Колшанский Г.В.: *Объективная картина мира в познании и в языке*. Москва, 1990.

Костомаров В.Г.: *Языковой вкус эпохи*. Москва, 1994.

Леонтьев А.А.: *Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: Парадоксальная рациональность*. Москва, 1993, с. 16-22.

Никитина Т.Г.: *Так говорит молодежь. Словарь молодежного сленга*. Санкт-Петербург, 1998.

Психолингвистические проблемы семантики. Москва, 1983.

Роль человеческого фактора в языке. Москва, 1988.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. (РСС) Т. I. Москва, 1998.

Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Под ред. Е.А. Земской. Москва, 1996.

Словарь молодежного жаргона. Под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 1992.

Хомяков В.А.: *Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия*. Вологда, 1971.

Цивьян Т.В.: *Лингвистические основы балканской модели мира*. Москва, 1990.

Язык и когнитивная деятельность. Москва, 1989.

Anusiewicz J., Skawiński J.: *Słownik polszczyzny potocznej*. (SPP) Warszawa – Wrocław, 1996.

Dąbrowska A.: *Słownik eufemizmów polskich*. (SEP) Warszawa, 1998.

Grochowski M.: *Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów*. (SPPiW) Warszawa, 1995.

Имплицитность и оценочность речевых словоупотреблений

Исследуемые речевые словоупотребления можно рассматривать как имплицитные оценочные высказывания. Названная особенность определяется общим свойством стремящегося к экономии средств и экспликативных ресурсов разговорного просторечия. Разговорности свойственна конденсированность, смысловая и структурная сжатость, емкость – сжатость смысловой структуры и емкость эксплицируемой формы. В употреблении, в речи, где все имеет тенденцию повторяться, где все, что используется, более или менее регулярно, известно, типично, многие смыслы, целые ситуации, образы и структуры, сворачиваясь до намека, до компонента (семы), присутствуют, проявляют себя в скрытом виде.

Имплицитна, свернута, конденсирована в подобных словоупотреблениях и оценка, социально значимая и закрепленная, как правило, понятная и известная всем участникам коммуникативного акта. Та оценка, которая, накладываясь на принятую, конвенциональную в данном обществе, в данной группе систему ценностей, проявляет, актуализирует тот или иной ее регулярный фрагмент. Само такое использование, сама такая проекция в речи оценочного фрагмента одновременно и подкрепляет, и эксплицирует социально значимую ценностную систему.

Оценочность, помимо функции экспрессивной, субъективно необходимой и говорящему и адресату, дает возможность коммуникантам заявить о своей социальной позиции, своем положении, статусе, социализированном отношении, о своей принадлежности группе, т.е., тем самым, себя проявить, при помощи закрепленных в речевом узусе единиц, имплицитно, сжато, нередко автоматически и подсознательно, - выразить, не стремясь выразить, не ставя перед собой такой коммуникативной задачи.

В отдельном словоупотреблении – лексической единице ментального речевого узуса – присутствует в свернутом и имплицитном виде довольно сложная, неоднородная структура оценки – социальной, эмоциональной, психологической, онтологической, ценностной, когнитивной и бытовой. Оценка, которая там уже есть, в этом словоупотреблении, в готовом и апробированном виде, и говорящему не надо заново ее создавать, придумывать, формируя индивидуально структуры, достаточно лишь использовать.

Кроме того, используя, говорящий освобождает себя от ответственности, опять-таки индивидуально, высказываясь, как-то себя исключи-

тельно и специфически проявлять, привлекая внимание, обращая его на себя как на некоторую отдельность, персону, лишь солидаризуясь, присоединяясь к какому-либо общему месту, к чему-либо общезначимому и известному, заявляя, тем самым, не о себе как себе таковом, как о "я", а о своей принадлежности к группе, избираемой им для себя. Говорящий, следовательно, в процессе коммуникативного акта осуществляет не столько самореализацию, не столько проецирует себя самого, сколько воспроизводит типическое, некий социальный стандарт, более или менее значимый и акцептированный стереотип, заявляя о своем выборе, а не об индивидуальности.

Актуализации речевого узуса в коммуникативном акте становятся средством имперсонального проявления и, как следствие, как результат, при однонаправленном и массивном воздействии речевой среды, средством деперсонализации и повышенной социализации ментального индивида. Таков во многом итог "массивизации" общественного и группового сознания в определенных условиях, с объявленными, приоритетными ценностями социоцентризма и этатизма. Таков итог коллективистского социального когнитивного предпочтения.

Речевой узус не виноват, он только дает возможность, предоставляя говорящему выбор использовать то или другое, предоставляя средства для самоидентификации, как для самовыражения, так и для отождествления себя с готовым, имеющимся, с группой, типом, статусом, авторитетами. Однако само наличие в нем и того и другого, и открытого выбора, и закрытого, ограниченного предпочтения, и свободы и несвободы, и персонификации, и имперсонификации, и деперсонификации, воплощение в нем определенных, устроенных не безразлично, нейтрально и равно, а приоритетно, шкалированно, по степеням частотности, регулярности, активности и предпочтения, моделей, структур и форм для данного времени в данном обществе, т.е. социотемпорально, – все это дает возможность и основание исследовать речевой узус в связи с его потенциями имплицитной оценки как социолингвистический и лингвопсихологический ментально-структурный объект, объект социокоммуникативной психосемантики.

Помимо названных и не названных функций речевых узуальных семем, ценностной, ситуативно характеризующей, иницирующей, самоидентификации, ролевой, сигнальной, имплицитно-матифестирующей, экспрессивной, конденсирующей, имперсонификации и пр., – есть смысл особо выделить еще одну, представляющуюся весьма существенной для

рассматриваемой предметной области, проявляющей себя в непрямых, опосредованных, метафорических, эвфемистических, вторичных и косвенных номинациях. Это функция дефинитивная, определяющая, или описывающая.

Сущность ее для такой, к примеру, предметной области, как "интимные отношения", заключается в том, что многое в отношении актуальных в данном предметном поле объектов, действий и ситуаций не может быть прямо названо. Как в силу накладываемых на подобную экспликацию социальных ограничений, так и в силу самой их предметной непредставимости, невозможности преподнести ее эксплицировано. По разным причинам, и не в последнюю очередь в силу все той же дефинитивной индивидуальной неспособности к этому среднего говорящего, в связи с чем прибегающего к готовым и ситуативно отмеченным коммуникативно-вербальным формам и формулам номинации, в подробном, ближайшем значении которых обычно не разбирающегося или, что, может быть, чаще, не отдающего себе в нем отчет.

По этим причинам более или менее подробная прорисовка, проявленность в дефиниции узуального словаря такого значения может дать представление о не всегда осознаваемых носителями компонентах (семах) узуально-речевого лексического значения, одновременно с этим предполагая возможность увидеть скрытые в образах внутренней формы слова, через проекцию ее структуры, предметные и понятийные смыслы, национально-специфическую когницию сексуальности, а вместе с ней социальное и типологическое в предметно-понятийных дефинитивных структурах.

Помимо ожидаемых и закономерных в подобных случаях метафор и метонимий, не требующих специального объяснения и введения, возможны также другие виды косвенной номинации, на двух из которых, как представляющих интерес (правда, по разным причинам), хотелось бы остановиться.

Первое – это то, что можно охарактеризовать как словоупотребление с контекстным семантическим расширением, сущность которого заключается в применении общего слова, с его общеизвестной семантикой практически в полном объеме, в сексуальном контекстном значении. Таких словоупотреблений (узуально акцептированных) довольно много. По виду они не метафоричны, не образны, не переносны и в определенном смысле не могут быть рассматриваемы как узуально-речевые семантические дериваты общеязыковых значений. Это собственно узуальные контекстные упо-

требления, использования с семантическим расширением языковых лексем и семем.

В качестве иллюстрации можно привести такие примеры: *подбитый ветром* – о легкомысленном, материально не обеспеченном, "воздушном", и потому не надежном партнере; *вживаться* – входить в роль партнера, молодой матери (или отца); *взаимность* – ответное и обоюдное отношение при устанавливающемся интимном и эмоциональном контакте. Только узуальная их закрепленность, регулярная употребимость в контекстах, предполагающая семантическое расширение состава семемы за счет компонентов, актуализируемых в данной предметной области и переходящих в состав семемы, пронизывающих его собой, позволяет говорить о соответствующей нагруженности данных словоупотреблений.

Второе – это слова, более или менее регулярно встречающиеся в подобного рода контекстах, но обычно только в составе образных, обладающих некоторой устойчивостью оборотов (нередко фразеологизованного характера, но далеко при этом не обязательно). Без соответствующего контекстного окружения, без других, поясняющих, слов их такое значение было бы непонятным. К примеру, *ведра* – в значении субъективного ощущения переполненности, налитости, распирающей тяжести, – встречаются только в составе образного сравнительного оборота или в ситуации, предполагающей такое сравнение: *груди как ведра, баллоны, вымя как у коровы*.

Среди метафорических употреблений можно встретить как общие, регулярные, всем известные. Такие, как *вещь, аппарат, банан* (эвфемизмы, называющие маскулинные черты у объекта речи), *ворота* (ирон. 'ширинка', напр., применительно к старому склеротику, в выражениях типа *Закрой ворота! Ворота распахнул* и т.п.). И малоупотребительные, редко встречающиеся и/или ограниченные: *абитуриент* (еще юный или вообще неопытный в половом отношении молодой человек), *ветеран* (напротив, с большим опытом и потому уважаемый в мужской компании), *акула* (сексуально агрессивная женщина, воспринимаемая как хищница). Их значимость часто не в том, что они означают, а в том, каким образом, по каким признакам и насколько дифференцированно.

Эти и другие аспекты сказанного дают представление о границах, объеме и корпусе речевого узуального словаря русского словоупотребления, объясняя специфику прорисовываемых, значительно более эксплицируемых и развернутых (по сравнению с устоявшимися и привычными в лексикографической практике различного типа и вида лингвистических

словарей), дефиниций, эмоциональной окраски, показателей экспрессивности, сферы употребления, коммуникативной среды.

Будучи более полно представлено, все это может в дальнейшем быть также использовано при постановке самых различных научных задач, послужить разрешению самых различных проблем и вопросов в сфере лингвистики, этнолингвистики, культурологии, социологии, психологии, антропологии и т.п.

1998 г.

Использование общеупотребительных лексем в интимных контекстах и речевых ситуациях

Исследование состава лексем, типично используемых в контекстах и ситуациях определенного типа, задача весьма трудоемкая. Непросто определить границы такого контекста и такой ситуации, поскольку и то и другое – явления открытые, взаимодействующие, пересекающиеся с иными коммуникативными проявлениями и легко переходящие в них. Не будет особым преувеличением сказать, что практически любая лексема потенциально может оказаться использована в контексте, не всегда отвечающем ее внутреннему существу. Запретов и ограничений нет, и речевой опыт того или иного языкового коллектива содержит в своей не исследованной протяженности самые разные оформления тех или иных тематически воображаемых контекстов.

Та же закономерность лежит в основании сложности тематического распределения лексического состава. И хотя исследователями идеографии было сделано в этом направлении немало¹, в том числе и в практическом отношении², как только из области внутреннего описания языковой системы, для познавательных и обучающих целей, мы переходим в сферу живого речевого употребления, начинает создаваться ощущение размытости, нежесткости, открытости и неопределенности. Вмешиваются критерии дискурса, речевого жанра, коммуникативной событийности, сценариев, или фреймов, речевой ситуации, предметно-понятийных областей, социальных и коммуникативных сред, тематических и семантических полей, индивидуальных, коллективных, социальных знаний, фонов и ассоциаций, – всего того, что, действуя по принципу притягивания, участвует, взаимодействуя, в использовании единиц, определяя их ситуативную семантику и узуальный выбор.

Антропоцентрический подход к языку и языковым явлениям, разделяемый в последние десятилетия очень многими³, сделав объектом языкознания человека, значительно расширил рамки всех предшествующих подходов, поставив, как нам кажется, тем самым, во главу угла очень сложную для лингвистического разрешения задачу соотнести и развести вербальную и когнитивную⁴ (психическую) стороны проявления человека.

Не вдаваясь в подробности решения задач, поставленных этим подходом, хотелось бы обратить внимание на необходимость обращения, при исследовании действия языка в узуальных контекстах⁵, не только к когни-

тивной, эмотивной, эмоциональной⁶, социальной, коммуникативно-контактной, фатической (говорящий – слушающий⁷, субъект – адресат), тимиологической⁸, аксиологической, гносеологической, герменевтической, исследуемых в последнее время лингвистической прагматикой, составляющих речевого субъекта, но и к еще одной, категориально близкой к представлению о субъектном существовании⁹. Ее можно было бы охарактеризовать как составляющую самоощущения и самовоплощения (самореализации), приближающуюся отчасти, если не во многом, к тому, что К.Г. Юнг определил как категорию Самости, центральную и регулирующую для индивидуального и коллективного сознания и подсознания¹⁰.

В настоящей статье не хотелось бы затрагивать многих непростых вопросов, связанных с характеристикой и объяснением данной составляющей как категории речевого, т.е. действующего в своей речи, субъекта, понимаемого и индивидуально, и не индивидуально. Задача виделась в том, чтобы на языковом материале показать ее выражающую способность, отражаемую в употреблениях отдельных лексем, не обязательно изначально отмеченных соответствующим контекстом. Все остальное, теоретическое и практическое, как следствия, будет получать по возможности свое объяснение по ходу аналитических рассуждений.

Со всей очевидностью, такие лексемные употребления могут быть самого разного, по характеру своего приближения к разбираемым контекстам, свойства. Разность эта может быть интерпретирована типологически и отчасти показана в степени. Одни единицы содержат ориентирующие их к соответствующему употреблению компоненты в самой семантике. Другие, в условиях определенных конструкций и сочетаемостей, на базе привычных употреблений и связей, развивают их как вторичные функции компонентов иного рода, изначально к такому контексту не ориентированных. Третьи под действием ситуативной сценарной схемы преобразуют свою семантику и начинают обозначать не то, что для них характерно и свойственно, а некую данность предметного мира использующего их контекста. В языкознании подобные семантические диффузии интерпретируются как фразеологически и конструктивно обусловленные значения, метафорические переносы, метонимические и другого рода смещения. Но не это нас будет в данном случае интересовать, точнее это, но с иной стороны, с точки зрения категории самоощущения речевого субъекта.

В этой связи, а также в связи с указанным подразделением лексемных употреблений большего или меньшего приближения к контексту,

необходимо указать на еще один вид различий. Одни лексемы в своем использовании обозначают нечто конкретно и точно, почти без каких-либо характеризующих и уточняющих добавлений соотносясь со своим референтом. Другие, обозначая, атрибутируют и коннотируют, причем атрибуция и коннотация их далеко не всегда референтны, будучи вызваны узуральной схемой (сюжетной, эмоциональной, ролевой, социальной, ритуальной, культурной), вне поддержки со стороны означаемого и соотношения с ним. Третьи обозначают размыто и неопределенно, двусмысленно или неоднозначно, возможно также только как жест-указание, т.е. дейктически. Иногда намеренно, иногда по отсутствию точных знаний, иногда как способ игры, иногда через обозначение-называние как таковое, без определения и уточнения признаков, т.е. фактически без идентификации, называемого. И, наконец, четвертые не называют и не указывают, будучи вне контекста употребления и вне означаемого как таковых, лишь отсылая, вызывая в сознании данную предметную область, отмечая ее присутствие в сообщаемом.

Общая схема использования слова в контексте, с предикацией к означаемому в момент говорения¹¹, в интимных употреблениях усложняется множественными культурными и традиционными наслоениями, запретами, ограничениями, искаженными представлениями, условностями, предубеждениями, предрассудками, установками и т.п. Всем тем, что принято определять понятием социальных знаний и что регулирует самым непосредственным образом и вербальный процесс, влияя на способ и форму реализации.

Рассмотрим пример, взятый из художественной литературы и касающийся способа представления некоторой интимной ситуации:

Отец не разрешал ему приводить в дом девушек... Старики относились к Лене сдержанно: ходит к Юрию девушка, и ладно, дело молодое, сойдутся характерами – поженятся, не сойдутся – разойдутся. ... пусть спасибо скажет, на таких, кто до свадьбы ложится в постель, не больно-то женятся. (А. Рыбаков. Дети Арбата)

Обратим внимание на выделенный подчеркиванием глагол *ходить*. Его семантика в данном контексте проявляет себя в соединении с предлогом *к* в конструкции, построенной по схеме *кто-то ходит к кому-то*, причем субъекты, как правило, представители противоположного пола. В общетолковых словарях объяснения соответствующего значения мы не

найдем, развивается оно из определяемого в “Большом толковом словаре” как “3. Направляться куда-л. с какой-л. целью; бывать где-л., посещать кого-л., что-л.” и способного встречаться в сочетании с различными предложениями: “*Х. по магазинам. Х. на охоту. Х. в гости. Х. в разведку, в атаку. Х. в школу, в театр, в библиотеку, в ресторан. Х. на лекции, на выставки, на экскурсии, на работу. Х. к врачу, по врачам. Х. за продуктами, за грибами, за ягодами. Х. на медведя, на кабана (охотиться на такого зверя). Х. на турка, на шведа, на басмача (устар.; принимать участие в военном походе против кого-л.)*”¹².

Отвлечемся на время от уточняющей семантики контекста художественного произведения и посмотрим на конструкцию как таковую. *Вася ходит к Гале. К ней ходят (всякие) мужчины. Иван Иванович ходит к Матрене Алексеевне. Дворник ходит к молочнице. Он ходит к подруге. Эта дама ходит к дантисту. Дедушка ходит к старушке. Студент ходит к учительнице музыки. Мальчик ходит к бабушке. Федя ходит к своей двоюродной сестре.*

Нетрудно заметить, что сама конструкция однозначно не предопределяет семантики употребления слова. Если первые две реализации сомнения не оставляют, то, начиная с третьей, появляется двусмысленность, а в последних трех значение интимной сферы практически нейтрализуется.

Ходить к кому-л. в значении ‘иметь, поддерживать с кем-л. отношения интимной близости’ предполагает, следовательно, не только компоненты ‘бывать у кого-л., посещать’ (вторая часть словарной дефиниции), но и заложенную в употреблении и недвусмысленную цель (компонент первой части) – с определенной интимной целью. Цель при этом, не называясь, восстанавливается из употребления, так же как это имеет место в других предложных конструкциях: зачем *ходят по магазинам, на охоту, в гости, в школу, в театр, к врачу*, с какой всем известной целью? Подобным образом и в данном случае – зачем *Вася ходит к Гале? К ней ходят (всякие) мужчины?* Ответ достаточно ясен.

И вместе с тем, не зная обстоятельств, можно неправильно понять, зачем *Иван Иванович ходит к Матрене Алексеевне*. Может, слушать музыку. Зачем *дворник ходит к молочнице?* Может, по каким-нибудь, связанным с обязанностями дворника или молочницы, делам. Зачем *он ходит к подруге?* Интимный контекст здесь вовсе не единственный и, в общем-то, не основной.

Зачем *эта дама ходит к дантисту*? К дантисту ходят лечить зубы, но конструкция двусмысленна, поскольку данный смысл привычно, во избежание неправильного понимания, носитель языка выразит, скорее всего, иначе: *ходит к этому дантисту, ходит (только) к своему дантисту, эта дама должна ходить к дантисту*, уже в силу того, что так об этом, как правило, не говорят.

Далее, если в конструкции *дедушка ходит к старушке*, интимное значение, скорее всего, обыгрывается (если специально не об этом речь), поскольку цель хождений без контекста не совсем ясна, непонятно, зачем дедушке ходить к какой-то там старушке, то для трех оставшихся – *Студент ходит к учительнице музыки. Мальчик ходит к бабушке. Федя ходит к своей двоюродной сестре*, – интимный смысл будет весьма значительным преувеличением и без специального сопровождения или намеков даже и невозможным.

Тем самым, для реализации интимного значения у данного глагола необходимыми оказываются не только конструктивный признак – предлог *к*, при возможных также, но с другой семантикой, *с* и *по*. Ср.: *Она с ним ходит уже давно. Мы перестали с ней ходить*¹³; *Ходить по девочкам, по девкам, по девушкам, по бабам, по проституткам*, но редко и специфически *по женщинам, по дамам, по красоткам, по любовницам, по подругам, по подружкам* и никак не *по мальчикам, по юношам, по мужчинам, по парням, по любовникам, по друзьям, по товарищам, по коллегам, по знакомым*.

Существенными для указанной реализации оказываются также признак сочетаемости и сценарного места – кто ходит к кому, представитель одного пола к представителю другого, при этом оба должны отвечать требованиям возраста (зрелый, не слишком старый) и вида отношения, которые должны быть между ними равными, партнерскими, не официальными, не профессиональными и пр. Регулироваться все это должно значением компонента цели – зачем?, не прямо следующего из семантики конструкции и требующего знания контекста или социальной роли (как в случае *Вася ходит к Гале* или *К ней ходят (всякие) мужчины*, дополнительных контекстных знаний не предполагающих). Таким образом, отношения между субъектами должны быть обусловленными интимно, что предполагает знание социальное, по роли¹⁴, либо определение его из ситуации. В первом случае такое знание будет исходным: *Вася* и *Галя*, например, в культурных представлениях русских, обычно молодые люди, пара, интим-

ность, фамильярность отношений к ним, со стороны говорящего, а потому и между ними, обуславливается уменьшительными формами имен и может усиливаться ассоциативными и прецедентными знаниями (гипертекстом¹⁵). *Мужчины к ней* – могут *ходить* только за одним единственным, потому что, в социальных представлениях, такова роль *мужчин* по отношению к *ней*, как женщине, тем более *всяких*.

Стоит обратить внимание также на известную неопределенность интимного употребления глагола *ходить*, проявляющую себя в намеренном неуточнении того, что именно при этом происходит и на какой стадии близости находятся отношения между участниками (также, нередко, и в неопределенности субъектов второй стороны, ср.: *Он ходит по девушкам* – по каким, что за девушки, кто такие? могут быть, любые, неважно кто и какие, важно, что девушки, – а *Он ходит только по знакомым девушкам* – конструкция не совсем обычная, подчеркивающая, предполагающая возражающий контекст). Также и *Вася ходит к Гале*, т.е. бывает у нее, посещает Галю, а зачем? Просто приходит и сидит, проводит время с ней или их связывает что-то более интимное и что – целуются они, обнимаются, ласкаются или между ними половая связь? Реально может быть любое из возможных предположений, глагол намеренно этого не обозначает и равно применим для каждого из трех, как и для четвертого – из которого ничего конкретного не следует. Глагол, тем самым, сам по себе, называет, отмечает факт связывающих пару отношений, не говоря ничего определенного об их характере.

Интересно, что художественный контекст отражает эту неопределенность. То, что *ходит* еще ничего не означает, мало ли кто к кому *ходит* и сколько их таких, которые ходят. *Отец не разрешил ему приводить в дом девушек*, т.е. были и другие, до нее и помимо нее, и не одна, а значит, могут быть и после; *ходит... и ладно, дело молодое, сойдутся... – поженятся, не сойдутся – разойдутся*.

В *ходить* начальной стадии возможных в своем продолжении отношений или случайно-периодической их форме нет связывающего, нет обязательств (*ходит*, а потом и перестанет, сегодня есть, а завтра нет, ср. выражение *приходящий муж*, который фактически не муж, а посетитель, гость, любовник, периодический исполнитель роли мужа).

Контекст использует и схему, фрейм, сценарий, заложенный в *ходить*: *ходить* – не жить совместно, не означает и любить, *ходить* – периодически, время от времени, от случая к случаю, свободно, не обязательно

присматриваясь друг к другу или пытаюсь найти связующее и общее (*сойдутся – разойдутся*), без взаимных обязательств и с возможным прерыванием в любой момент, встречаться, которое что, собственно, какие отношения между партнерами предполагает? Само по себе, вне контекстных обусловленностей, но и в них, ничего другого, как совместное проведение времени, и только. При этом, не случайно и даже важно для значения и то, что не он к ней *ходит*, а она к нему – нарушенное знание социальной роли ведущего и заинтересованного со стороны мужского, оправданное и используемое в романе.

Ходит также означает проявление намеренно поверхностное и внешнее, для наблюдающего окружения, потому что для него самого и его родителей, для дома, в котором они встречаются и проводят время, – она *приходит*. И, наблюдая, что она *ходит*, ничего определенного нельзя сказать, не зная, можно лишь предположить, домыслив, для чего.

В романе этому предшествовали сцены близости и дальнейший контекст их уточняет: *Старики относились к Лене сдержанно* (не то, не пара, легкомысленна, сама ходит к парню, не блюдет себя) и *на таких, кто до свадьбы ложится в постель, не больно-то женятся*.

Контекст, тем самым, в целом укладывается в схему определенного типа социально обусловленных интимных отношений. Неженатый парень, юноша *приводит в дом* девушек (период добрачных, не обязательно, но возможно, половых контактов с представительницами противоположного пола, обычно более или менее равными по возрасту, для знакомства, опыта, потенциального брачного выбора). Неженатый парень, юноша обычно *ходит к девушкам* или к одной девушке, в дом к ней (с позиции девушки – ее родители должны знать, с кем она проводит время). Знакомство и более или менее близкие интимные контакты парня с девушками до брака естественны, нормальны, предполагают выбор и приобретение опыта, сопровождают созревание (*дело молодое, поженятся* или *разойдутся*). Для девушки такая ситуация допустима и желательна с ограничением, поскольку может поставить ее в ситуацию без выбора (*пусть спасибо скажет, на таких, кто до свадьбы ложится в постель, не больно-то женятся*).

В структуре данной схемы, таким образом, *ходить к кому-л.* обозначает добрачный, не связывающий обязательствами, этап приобретения мужского, по предпочтению, опыта интимных отношений, не обязательно с объектом выбора и(ли) потенциальным партнером в будущем.

Использование глагола *ходить* в указанном отношении, применительно к фазам брачно-интимного становления человека, с отмеченным местом в общей схеме, закладываемым сценарием¹⁶, предполагающим реализацию соответствующих значения и коннотаций, а также притягивание отмеченных элементов контекста при глаголе представляются не случайными.

Каждый глагол и каждая другая подобная лексема имеет в сознании и подсознании владеющих языком некий внутренний образ, слепок, неясный, не до конца определенный импульсив¹⁷, вызывающий при выражении форму, соответствующую данному месту в модели кода¹⁸. Сгусток смысла, представляемый традиционно в языкознании как пучок семантических признаков, на каждом уровне порождения высказываний имеет форму. Одна из них связывается с той частью психического, которую можно представить как составляющую внутренней самопроекции субъекта, его сексуальным его. Тем самым, в интересующем нас аспекте, семантика употребляемых в интимных контекстах слов, одной своей стороной соотносится с общей моделью кода эротики, проявляемого в текстах, а другой – является воплощением и отражением в мыслеформах¹⁹ структуры внутреннего самоощущения субъекта, структуры категории Самости, как архетипа целостности и регулирующего центра личности, а также категорий его как центра сознания и разума, в данном случае воспринимаемого к проекции его сексуального²⁰.

Искомую форму внутреннего представления смысла, отображающего экзистенциальный, грамматико-бытийный, в трактовке В. Тэрнера, характер эротического самоощущения его (поскольку об этом речь, о таком представлении вербальной и семантической формы) можно было бы передать в категориях метафоры²¹. Не вдаваясь в теоретические подробности подобного понимания и интерпретации данного понятия, ограничимся представлением о том, что его мыслит, точнее ощущает, и выражает себя посредством таких метафор, как форм своего внутреннего бытия. Для нас это будут метафоры сексуального его, русского в данном случае, поскольку в вербальных проекциях они принимают формы национального языка.

На примере *ходить* основу такого, ориентированного к метафорике его, употребления лексемы можно увидеть в представлении образа совершаемого действия: ‘передвигаться, перемещаться в пространстве с помощью ног, осваивая его (категория освоения, посессивности, описанная, в связи с подчинением себе пространства В.Н. Топоровым²²), овладевая им,

двигаться туда и сюда в пространстве опыта, набираясь его, накапливая его в себе’.

С чем связан, применительно к сексуальному его, начальный, инициальный этап обретения сексуальной зрелости, фаза добрачных отношений. Ср.: *учиться ходить, да он еще ходить не умеет, (ребенок) уже ходит, под стол пешком ходить и снова учиться ходить, разучиться ходить, потерять способность ходить, начинать ходить* (вставая с постели), *с трудом ходить, еле-еле ходить* и т.п. – о ребенке и о взрослом, утратившем по каким-то причинам такую способность и начинающем ею овладевать, как начальная фаза физического развития и умений человека.

Отсюда для русского сексуального его, в рассмотренном случае, если *ходить к кому-л., к девушке, к женщине*, для молодого неженатого парня, вещь естественная, допустимая и отчасти желательная, в силу инициальности фазы в *ходить* (приобретение им сексуального опыта) и ориентированности на единичность выбираемого им объекта в предлоге *к* (к одной какой-то девушке), а *ходить по девкам, по девочкам, по бабам*, для него же, в силу количественной избыточности и несерьезности заложенных в *по* отношений (множественность и поверхностность), не одобряется, но снисходительно (*дело молодое, молодо-зелено, еще перебесится*), – то для немолодого, а тем более состоящего в браке, мужчины это же воспринимается и резко осуждается в нем как морально-психологическая неустойчивость и блуд. Фактически, если интерпретировать в представлениях его, – как остановка, задержка его на инициальной фазе сексуального развития, отсутствие продвижения, несоответствие возрастному этапу самореализации (ювенильная незрелость).

Рассмотрим пример употребления другого слова в соответствующем контексте:

Уж очень ей хотелось с мужем поладить. Соскучилась по нему и все не могла привыкнуть, что муж у нее как у всех и ничего в том особенного нет: живет в доме, ест да пьет, ходит на работу, когда дети заснут, то побалуует с полчаса и спать до утра. (Ф. Горенштейн. Улица Красных Зорь)

Ситуация типичных взаимоотношений в браке, подчеркнутая обыденность взаимодействий с мужем – *как у всех, ничего в том особенного нет* – расписана по порядку привычных для него поведенческих актов. Муж воспринимается как субъект, который (если он *как у всех*) *живет в*

доме, ест да пьет, ходит на работу и перед сном до утра – побалуует с полчасика, когда дети заснут.

Наше внимание должен привлечь глагол *побалуует* – как таковой, в своей интимной семантике, и в контексте показанных как типичные ролевых проявлений мужского половозрелого и брачного. Контекстное значение употребления глагола прозрачно и в особых комментариях не нуждается: речь идет о ежедневном выполнении мужем своих так называемых супружеских обязанностей, т.е. о половом сношении с женой перед сном. Вопрос и семантическая проблема в другом – почему для передачи этого смысла использован именно данный глагол, какой дополнительный, не референтный, а концептуально-оценочный смысл заложен (может быть, интуитивно) автором в контекст ситуации употреблением именно данного глагола.

Оттолкнемся от общей семантики слова. Интересующее нас значение *побаловать* имеет поддержку в обоих значениях данного глагола, отраженных в “Большом толковом словаре”: *Разг. 1. кого чем. Доставить удовольствие, радость; сделать приятное кому-л. П. детей новыми игрушками. П. домашними пирогами. П. себя безделушками. 2. Баловаться некоторое время; побаловаться (1 зн.). Любит п. во дворе. Побалуует с девчонкой и бросит. На даче кто-то побаловал: всю морковь протоптали.*

2-е значение отсылает к глаголу *баловаться*, три значения которого, в свою очередь, равно возможны при интересующей нас лексеме: 1. Шалить, озорничать, резвиться. *Во дворе баловались дети.* | О действиях животных. *Кони, балуясь, били копытами.* 2. (чем) Доставлять себе удовольствие, развлечение чем-л.; заниматься чем-л. не всерьёз, ради забавы. *Б. чайком, пивком. Б. охотой. Б. стихами.* 3. с кем. *Нар.-разг.* Позволять себе вольности в поведении, распутничать.

Интересующая нас семантика глагола складывается из компонентов ‘доставлять удовольствие, радость, делать приятное – кому-л. и себе’, ‘резвиться, озорничать, шалить’, ‘заниматься чем-л. ради забавы и не всерьёз’, ‘позволяя вольности’. Вписываем образ подобного представления в использующий его контекст. Муж – существует совместно, в пространстве внутреннего своего для женского половозрелого, со-бытует с ним (*живет в доме*), поддерживая в этом пространстве необходимое витальное состояние (*ест да пьет*) и проявляясь из него во внешнем и социуме (*ходит на работу*), перед восстановлением сил (*сон до утра*), соблюдая известную

норму общественно одобряемого поведения (*когда дети заснут*), доставляет себе и своей жене удовольствие, радость, ради забавы и не всерьёз непродолжительно вступая с ней в половое сношение (*побалуует с полчаса*).

Перед нами аспект экзистенционального и витально-энергетического проявления мужского половозрелого и брачного, в контексте сказанного представленного в трех проекциях своего бытия (со-бытия со своим женским): поддержки физического своего состояния (еда и питье, сон), проявления в деятельности (работа) и коитального, показанного как единственная, на данном фоне, форма гедонического самоудовлетворения. На фоне вынужденного потребностями существования (есть, пить, работать и спать), внешне выглядящая как не вынужденная, но ограничиваемая рамками социальной нормы (дети должны заснуть), непродолжительная и укрываемая (полчаса перед сном) форма выпадения из круга потребностей, их прерывание, нарушение – в забаве, получении удовольствия, шалости и озорстве, переключении и расслаблении, но, по сути, на этом фоне – еще одна, наряду с другими, потребность, входящая в общий круг витально-энергетического существования мужского.

Внутренний образ, сгусток смысла к проекции сексуального его для рассматриваемого контекстного употребления глагола определяется, тем самым, представлением коитального проявления состоящего в браке мужчины как несерьезной забавы, игры, отражением в нем стремления к состоянию детства, с его детскими радостями и удовольствиями (шалости, баловство, не случайны и ассоциативно притягиваемые в контексте *дети*, которые *когда заснут*, – когда заснут его дети в нем, то, что напоминает ему его взрослое и ответственное, когда станет возможным обращение к состоянию *дети* в себе).

Интересно и неслучайно для употребления слова в рассматриваемом контексте и то, что *баловать, баловаться, побаловаться, балун, баловень, баловство* отмечает в русском языковом сознании сексуальные проявления мужского *добрачного*, в том числе и, едва ли не в первую очередь, не зрелого, юношеского, мальчишеского и подросткового. При этом все эти проявления не обязательно предполагают реальность контакта с женским. Взятая вне общего контекста фраза – *побалуует с полчаса и спать до утра* – однозначно может быть интерпретирована как форма сексуального самоудовлетворения, подростковое занятие онанизмом, что дополнительно влияет и на весь рассмотренный контекст, давая направление к восприятию представляемого автором мужского типажа в его отношении к жен-

скому и своему, а тем самым, и к семье и браку. Женское, женщина, брак, семья – средства и формы подросткового сексуального самоудовлетворения для взрослого, состоящего в браке мужчины.

Сказанное находит свое отражение и в словарях. *Баловаться* 4. Иметь любовные отношения²³. Причем приводимый иллюстративный материал показывает эти отношения как несерьезные, не в браке, ни к чему не обязывающие, с девками, любовницами: *Мужьям любить некогда, а я – свободный человек. ... балуюсь с ними [бабами].* (М. Горький. Мои университеты); *Нюрка, соседская девка, с которой при случае Андрей и подшучивал и баловался* (М. Шолохов. Поднятая целина). *Баловать(ся). Просто-нар.* Позволять себе какие-л. вольности в поведении, отступление от общественных норм. 1) Распутничать. *Б. с девками.*²⁴ *Баловство* 1. Любовные утехы *По вечерам иногда к Семену Ивановичу приходила любовница, по прозвищу кнопка. После баловства она обыкновенно спорила, обижалась, шуришала, чтобы он на ней женился.* (А. Толстой. Похождения Невзорова). И тут же, в качестве значения 2. Что-л. пустое, несерьезное.²⁵ *Баловство. Снисх. разг.-сниж.* Какие-л. несерьезные или предосудительные занятия, забавы, прихоти.²⁶

Указанные значения, в просторечии, находят свое отражение и в названиях половых органов: *балун* жарг. Мужской половой орган. – *Жалко... Парень ты симпатичный, и балун у тебя вроде нормальный, а главного нет...; не балуйся* прост. шутл. Женские гениталии (*в короткой юбке ... по самое “не балуйся”*)²⁷; *по самое не балуй(ся), в зн. нареч.* Шутл. вульг. эвфем. До крайней степени, максимально (вплоть до неприличия, до запретных мест). Комический намек на гениталии, с которыми “неприлично баловаться”. *Штаны промокли по самое не балуй.* ... *Жанровые рамки раздвинуты по самое “не балуйся”, главные кинотабу благополучно нарушены.*²⁸ Перенос, и даже сама не совсем обычная форма повелительного наклонения глагола для обозначения предмета, произведены от известной поговорки-распевки *Вася, Вася, не балуй, оторву тебе я хуй.*

Семантика несерьезности, шалости, игры, баловства, относящие к состоянию освобождения от забот и обязанностей, состоянию безответственности и бесцельного времяпрепровождения с отсутствием какого-либо деятельностного результата очень типичны для многочисленных проявлений русского сексуального эго в фольклорных и художественных текстах, песнях, пословицах, поговорках, анекдотах, частушках, шутках, ходячих высказываниях и представлениях.

Семантика эта находит свое отражение, как можно было заметить, и на лексемном уровне: *балун, балунчик, баловство, баловать, не балуй, не балуйся, баловник, баловень, баловница, безделица, безделушка, безделка, бездельник, бездельники, побаловаться, играть, поиграть, забавиться, позабавиться, забавляться, игрун, игрец, игрище, игрища, игры, игра, игрушка, игрушечка, игрушки, игрунчик, игрунчики, игрунец, забава, забавник, шалун, шалунья, шалить, пошалить, расшалиться, шаль, шалый, шалость, шалости, шалунишка, шалишь, шаловливый, летун, порхать, развлечение, развлекаться, развлечься, отвлечься, оттянуться, расслабиться, утешаться, утехы, радости, посмеяться, смехи, смешки, смехуёчки* и т.п., – имеющие в сфере сексуального его соответствующие метафорические значения и проявления.

Необходимо при этом отметить, по крайней мере, две их стороны – для добрачного и для брачного состояния, каждая из которых имеет по два своих проявления. Добрачное предполагает 1) инициационную фазу юношеского неполнозрелого, подросткового состояния (занятия онанизмом) и 2) заместительную, тренировочно-подготавливающую, обретения опыта и снятия сексуального напряжения (игры, гуляния, игрища, распутство неженатых парней, то, что определяется и оправдывается представлением *дело молодое, еще перебесится*). Брачное, в свою очередь, 3) как проявление, продолжение второго добрачного в брачном – гуляние на сторону, забавы и снятие напряжения с любовницами (любовницей), девками и 4) как соединение второго и первого добрачного – заместительно-инициационные развлечения и забавы с женой. Ведущей особенностью всех четырех проявлений необходимо считать их подчеркнутую в контекстах бесплодность, безрезультатность, бездельность, некреативность. При таких играх, забавах речь не идет о потомстве, зачатии, продолжении рода.

Применительно к русскому сексуальному его имеет смысл обратить внимание на характер отображения в текстах и, соответственно, узуальной семантике четырех указанных форм. В текстах фольклора развиваются, прежде всего, значения 2 и 4²⁹. В текстах художественной литературы, в первую очередь, рубежа XIX-XX столетий – значение 3. Современное просторечие и городская разговорная речь в контекстах живого употребления предполагают, в качестве основного, проекцию значения 1.

На основе имевшегося в нашем распоряжении материала можно отметить такую тенденцию узуального распределения семантики игры-баловства: выделенное как 4-е значение характерно, прежде всего, для тек-

стов более ранних, связанных с ранней традицией и культурой; 2-е значение – для текстов и представлений народной культуры в самом широком ее понимании; 3-е значение – для текстов и представлений культуры мещанской и городской; 1-е – для современной культуры как таковой.

Необходимо в этом месте оговорить, что речь идет о наблюдаемых вербальных проекциях семантики соответственно с типами текстов, о регулярном и характерном для них, что не исключает возможности использования в них и других значений, в том числе и не различаемых в своих отдельностях, т.е. совмещенных.

В этом отношении не случайным представляется использование глаголов для передачи характера рассматриваемых здесь отношений в тексте Писания, как древнем и традиционном, отчасти подтверждающего отмеченную тенденцию в отношении забавы-игры. Правда, речь пойдет о глаголах в русском его переводе, это не оригинал, но для нашей задачи данное обстоятельство не будет иметь существенного значения, поскольку важно увидеть само движение и распределение смысла, отчасти имеющего универсальный характер, поэтому в сопоставительные языковые штудии мы вдаваться не будем. К тому же, что тоже не без значения, использование при переводе именно данных глаголов русского языка для передачи значений древнееврейских (греческих) слов отражает внутреннюю семантику именно русского сексуального его, о котором речь, вписывая их, тем самым, в контекст русской национальной традиции и русских вербальных значений и представлений.

Часто используемыми глаголами в текстах Писания в разбираемом смысле выступают *познать, войти, ввести и взять*:

Адам познал Еву, жену свою; и она зачала (Быт., 4:1); И познал Каин жену свою; и она зачала, и родила (Быт., 4:17); И познал Адам еще жену свою, и она родила сына (Быт., 4:25); сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и оне стали раждать им (Быт., 6:4); Он [Аврам] вошел к Агари, и она зачала. (Быт., 16:4); И ввел ее Исаак в шатер Сарры, матери своей; и взял [Исаак] Ревекку, и она сделалась ему женою (Быт., 24:67); И взял Авраам еще жену... Она родила ему (Быт., 25:1); И сказал Иаков Лавану: дай жену мою; потому что мне уже исполнилось время, чтобы войти к ней. (Быт., 29:21); Вечером же взял [Лаван] дочь свою Лию, и ввел ее к нему; и вошел к ней [Иаков]. (Быт., 29:23); [Иаков] вошел и к Рахили, и любил Рахиль больше, нежели Лию (Быт., 29:30); Она [Рахиль] сказала: вот

служанка моя Валла; войди к ней; пусть она родит на колена мои ... и вошел к ней Иаков (Быт., 30:3, 4) и т.п.

Семантика всех этих глаголов, так или иначе, связывается с идеей соединения, брачного и внебрачного, предполагающего получение потомства, рождение, продолжение рода. В этих же значениях, хотя несколько реже и часто с оттенком неодобрения, используются также глаголы *спать*, *лечь*, *лежать* (с кем-л.). Особое, едва ли не единичное, место в этом ряду занимает глагол *играть*, контекст употребления которого предполагает семантику, близкую к рассмотренной перед этим:

Исаак поселился в Гераре. Жители места того спросили о [Ревекке] жене его, и он сказал “это сестра моя” ... Но когда уже много времени он там прожил, Авимелех, царь Филистимский, посмотрев в окно, увидел, что Исаак играет с Ревеккою, женою своею. И призвал Авимелех Исаака, и сказал: вот, это жена твоя; как же ты сказал: “она сестра моя”? (Быт., 26:6-9)

Представленные глаголом *играть* действия не содержат смыслом соединение, предполагающее зачатие и рождение, продолжение рода, не имеют также инициальный характер, это не первое и не единичное, а привычное и повторяющееся (заместительно-инициационная функция представленного ранее значения 4).

Глагол *играть* в своей семантике здесь похож на *игрывали* из былины о Ставре Годиновиче (см. прим. 29). И там и здесь он отмечает мотив узнавания супругов. В одном случае это узнавание-напоминание, как совместное знание, своего рода опознавательный знак (сигнальная функция, в былине). В другом – узнавание-распознавание, получение знания наблюдающим (*посмотрев в окно, увидел* – функция когнитивная, в библейском тексте).

В связи со всем сказанным хотелось бы в данном месте вернуться к идее, высказанной в начале статьи и касающейся различий в степени и характере семантической связи используемых в контекстах лексем с тематической областью интимных взаимоотношений. Следует различать лексемы прямого и опосредованного обозначения. Одно дело, скажем, такие слова, как *хахаль*, *любовник*, *муж*, *супруг*, *родитель*, *отец* или *любовница*, *содержанка*, *жена*, *супруга*, к примеру. И другое дело – *парень*, *подруга*, *приятель*, *друг*, – для обозначения мужского (женского) в его ролевом отношении к другому. Для одних соответствующие обозначения будут пер-

вичными и основными, для других – вторичными, конструктивно и(ли) контекстно обусловленными и развивающимися на базе других, с сохранением оформляющих компонентов первичной семантики, нередко участвующих и проявляющих себя в употреблениях наряду со вторичными.

Контексты при этом могут быть неопределенны и даже двусмысленны, без обладания знанием действительного положения вещей не предполагающие однозначного понимания. Так, в контексте употребления, без дополнительных знаний о том, в какой степени близости находятся те, о ком говорится *Это его подруга (девушка); Это ее новый приятель (друг, парень)*, невозможно однозначно сказать, связывает ли их только знакомство, совместное времяпрепровождение, занятия, увлечения, беседы или их отношения предполагают интимность и сексуальный контакт. Контекст допускает и то, и другое, не определяя точно, что именно.

Тем самым, по отношению к тематической сфере интимности, данные обозначения неопределенны по самой своей природе, неопределенность, как следствие их вторичности, заложена в них самих. При этом степень неопределенности подобных лексем, равно как и их способность иметь соответствующие значения, т.е. изначально иметь отношение к семантике сферы интимности и употребляться в ее контекстах, не одинакова. Так, если глаголы типа *спать, переспать, дать, жить, быть, посулить, согласиться, взять, иметь, поиметь, брать, всадить, засадить, вставить, хотеть, завалить, обработать, путаться, спутаться, гулять, молотить, таскаться, шляться, распутничать* и проч. трудно представить в соответствующих употреблениях вне отношения к сексуальному взаимодействию, что отражается нередко и в словарях, не говоря уже о многочисленных использованиях в самых различных текстах³⁰, – то такие, как, скажем, *ходить, встречаться, договориться, пойти, тешиться, утешаться, развлекаться, шутить, играть, баловаться, шалить, любить, веселить(ся), оттянуться, расслабиться* и др. прямого указания на интимный контакт не содержат, но вполне допускают его, создавая нередко в контексте неопределенность и двойственность.

Как, например, трактовать, в связи со сказанным, такие контексты:

Они подошли к ее дому. – Зайдем, посидим? То, как просто произнесла она эти слова, поразило Юру. (А. Рыбаков. Дети Арбата);

Он взял из ее рук чашку и поставил на стол. Удивленно улыбаясь, она смотрела на него. (Там же)

Что могло его поразить? Отчего она смотрела на него, удивленно улыбаясь, если контекст в семантике передаваемых глаголами действий, никакого намека на сексуальность, не предполагает? Но далее следует продолжение:

И тогда с бесцеремонностью уличного парня, прямо глядя в ее испуганные глаза, он притянул ее к себе.

Ситуация все объясняет, но, применительно к нашим задачам, как трактовать в соответствующих употреблениях глаголы *подойти* (к чьему-то дому), с необходимым в этом случае уточнением – *поздно вечером, он и она вдвоем, не муж и жена, недавно (или только что в этот вечер) знакомы; зайти, посидеть* – та же самая ситуация, как приглашение с ее стороны; *взять – чашку из ее рук* (юноша у девушки, сидящей рядом, они вдвоем, поздним вечером, в ее доме, в котором, кроме них, никого), *поставить* – в той же ситуации *чашку на стол; притянуть* – в той же ситуации *ее к себе*, но с бесцеремонностью уличного парня и прямо глядя в ее испуганные глаза.

Возможно ли, однозначно в данных контекстах предположить дальнейший характер взаимодействия, до чего дошло и дошло ли указанное сближение? Данный контекст однозначности не предполагает, лишь намекая на очень большую его вероятность.

Однако вопрос о глагольных лексемах приобретает уже не контекстный, не конструктивно и тематически обусловленный (вторичной семантикой), а знаково ситуативный, сигнальный характер – *подойти* (к дому), *зайти, посидеть, взять (чашку из рук), поставить (на стол), прямо глядеть (в глаза), притянуть (ее к себе)*. Подобные употребления очень типичны для текстов художественной литературы, связанных с представлениями о так называемых национальных социокультурных стереотипах³¹.

Есть и другие контексты, стереотипами не обусловленные, а отмеченные, распознаваемые лексемы вторичной семантики явно не содержащие:

*Колени у меня ослабели, голова затуманилась, и уже смутно я услышал глухие, сдавленные стоны парочки.*³²

В данном контексте прямо ничего не указывает на состояние сексуального расслабления персонажа. Не будь последнего слова (*парочки*), трудно было бы без всего предыдущего и последующего по тексту что-либо определенное и предположить: *колени, ослабеть, голова, затуманиваться, смутно, услышать, глухие, сдавленные (стоны)*. Все эти лексемы,

взятые сами по себе, ни первично, ни во вторичной своей семантике, компонентов интимности не содержат и как соответствующие словарные значения (типа *спать, жить, встречаться, парень, подруга*) определяться не могут. Действительно, как описать по этому основанию *колени* – часть ноги, место сгиба, *голову* – верхнюю часть туловища человека или *смутно, услышать*?

Или, к примеру, такие слова, как *спектр, комбинация, фокусник, повременить, телепат* и др., в конструкциях типа *спектр его (сексуальных) способностей, действий, возможностей; освоить новые положения и комбинации* (в любовных позах, игре); *в постели он просто фокусник; ой, ты погоди еще, повремени* (в ситуации, предшествующей интимному соединению); *как ты узнал, чего я хочу – прям телепат!*

Считать ли их соответствующим образом тематически обозначенными или определять за пределами данной сферы, если их подобное употребление часто не просто возможно, но даже типично для определенного круга носителей и коммуникативной среды?

Есть, наконец, слова и контексты типичного замещения, дейктические, называющие через указывание, своего рода общекультурные вербальные жесты, которые, в зависимости от ситуации, могут относиться к чему угодно, в том числе не в последнюю очередь, и к сексуальной сфере: *Как вы относитесь к этому? Я на такие вопросы не намерена отвечать! Что мы об этом в школе и от родителей слышали, об отношениях об этих? Ничего он мне такого не сделал. У нас с ним ни до чего (такого) тогда не дошло. Скажи, было между вами что-нибудь или нет? Я тако-о-ое у него увидела, что прямо жуть! Я как увижу такое там всякое по телевизору, сразу переключаю. А, так вот это где! Так ты так, ну я тогда вот что тебе скажу... Нехорошо так с девушками поступать. Слушай ты, убери-ка эту свою! Ты с этим своим не очень-то, и побольше видали! Девушка, у вас есть в продаже... ну... это... вы меня понимаете. Да она известно какая, ну такая, которая туда и сюда. Направо-налево, что ли?*

Подобные употребления характерны и для текстов фольклора: “Ты скажи, Митрий, коммунизм, – он без всякого такого?” – “Без чего?” – “Ну, тебе, чай, лучше знать. Иль, может, скажешь – со всяким он, с таким-разэтаким...” – “Цыц, гражданин, ты что? Коммунизм – он без всякого!”³³

Для текстов фольклора, а также простонародной и шуточной речи характерны употребления в соответствующих значениях звукоподража-

тельных и даже не существующих слов: *И пустили обчий вздох да частый “ох”, ненасытный перепёх; слышно, как помахиваются, чучканье идет...*³⁴ *“Ждала мацки-цацки, чикалды-чаёпки, а дождусь заклёпки”*³⁵ ...что, супруг, – любитель-капризник? Был гон, а где фрики-фрики?³⁶

В тех же значениях возможны *тык-тык, бах-бах, шлёп, клац, бац, такыдлы-шебулды, тулды-чекулды, тюх-тюх-тюх перетюх, тулды-сюлды, стёб, хрёп, хряп-хряп, у-тю-тю, растютю, чуки-чуки, а(й)-ту-туй растутуй*, а также глагольные их соответствия, нередко имеющие смыслы, могущие быть достоверно описаны, – *жахнуть, жмакнуть, тыкнуть, бахнуть, забабакать, забубухать, шлёпнуть, клацнуть, бацнуть, бацать, забакать, утюхать, распетюхать, стёбнуть, стебануть, хряпнуть, шпокнуть, чпокнуть, чмокнуть, цмокнуть, цпокнуть, махнуть, подмахнуть, трахнуть, трахать* и пр.

Границы статьи не позволяют представить затронутый материал в сколько-нибудь достаточной полноте. Можно было только бегло наметить круг возникающих при лексикографическом его описании проблем. Отмеченная разность степени семантического оформления лексем, применительно к данной предметно-тематической области, укладывается, как представляется, в рамки четырех (речь идет о вторичных) смысловых проекций, которые условно можно было бы обозначить как 1) иницирующую, содержащую своего рода толчок, предполагающий нередко довосстановление, развитие и домысливание (*вьюн, баюн, баиньки, волчок, отъявленный, ухаживать, обхаживать, играть*); 2) симилятивную, представляющую структуру, подобие соответствующего в обозначаемом (*подкатываться, скакать, уезживать, безделушки, жарить, стручок, тычок, тростиночка, балун, буйный, дикий, вепрь*); 3) развертывающую, отмечающую значащие, знаковые проекции-обозначения (*обрабатывать, оборачиваться, вставить, перекачиваться, лечь, ложиться, спать*) и 4) охватывающую, объемлющую, более широкого и неоднозначно-неопределенного спектра (*ходить, встречаться, шалить, баловать, парень, подруга*). Каждая из этих проекций требует обстоятельного анализа и дальнейшего типологического различения на основе характера отношения к называемому, что составляло бы задачу отдельного рассмотрения.

Как своеобразный опыт лексикографического описания речевых узуальных лексем можно рассматривать создаваемый словарь «Метафоры русского сексуального эго», определяемый нами как *Лингвопсихологический словарь современного речевого словоупотребления*, первый том кото-

рого вышел в Германии в 2000 г.³⁷ Цель его состояла, в частности, в том, чтобы дать представление о типичном живом использовании в контекстах и речевых ситуациях лексем, встречающихся для обозначения того, что связано с сексуальной сферой. Термин *метафоры* в нашем случае отражает явления не столько речи и языка, сколько языкового и речевого сознания, явления коллективного и группового сексуального *его*. Психологическая структура речевого субъекта воспринимается как такая, которая обладает ценностной и когнитивной позицией, позицией *его* – реагирующего и вербально себя проявляющего. Сексуальное *его* – одна из его проекций, имеющая национальный (этнокультурный) и субкультурный уровни.

Помимо лексических единиц словарь включает фразеологические единицы, фразеологизованные и устойчивые словосочетания, а также привычные сочетания слов, нередко толкуемые самостоятельно³⁸. Толкованию подвергаются не лексические значения, а речевые словоупотребления, ситуативные смыслы, проявляющие себя в моделях типических речевых ситуаций. Как результат – дефиниция имеет более подробный и ситуативно привязанный вид. Словоупотребление предстает как свернутое высказывание, включающее в себя компоненты сюжетной схемы, своего рода сценарий события и его участников, с их социальной оценкой, передающей и раскрывающей смысл отношения к называемому, с точки зрения и с позиции говорящего.

Словарная статья содержит, помимо дефинитивной, иллюстративной, стилистической, коммуникативной, синонимической, ещё и психологическую характеристику, дающую представление о том, кто, в каких случаях, с какой вероятной целью и что говорит, используя данное слово в описанных речевых контекстах и ситуациях. С точки зрения языковой, его единицы можно определить как узуальные реализации типичных и характерных для сексуальных контекстов языковых лексем, ситуативно и контекстуально заряженные их речевые использования. С точки зрения коммуникативно-психологической, они представляют собой конвенциональные замещения, вербально реализуемые обозначения, номинации и образы сексуальной сферы, имеющие характер не индивидуальных, а средовых и типажных проекций.

Потенциальный набор единиц характеризуемого словаря достаточно представителен. Первоначально составленный указатель возможных лексем, предназначавшихся для описания и включения в словник, составил около 14 тыс., по мере работы всё более возрастающий. Возможно, таких

единиц, в результате, может быть двадцать, тридцать тысяч и даже более. По-видимому, это полный объем лексикона какой-либо тематической области и словаря подсистемы и варианта системы. Современные словари не общеупотребительной лексики дают возможность сделать подобное обобщение.

В заключение представим для иллюстрации две словарных статьи из вышедшего первого выпуска словаря:

АЛЬЯНС

Прочный партнёрский союз, либо просто союз мужчины и женщины (мальчика с девочкой), без отношений интимных и(ли) сексуальных, прочность которого является следствием необходимости достижения безопасности, совместного противодействия, сопротивления чему-либо.

- Что ты, у нас с ней не любовь, не секс, нас с ней связывает нечто большее, у нас альянс, мы вдвоём противостоим всем невзгодам и неприятностям мира, с детства так повелось.

- Нет, я, кажется, этот альянс разобью, видала, что вытворяют, сил никаких нет справляться.

- У них не просто брак, это альянс, союз огня и воды, иначе б они, наверное, и не выдержали.

старшее поколение, иногда среднее

книжно-разговорное, с оттенком устарелости; в среде людей образованных и начитанных, склонных бравировать литературностью своего языка

уважительно-ироническая либо недовольно-досадливая, раздражённая

Обычно предполагает в субъекте речи некрофильные установки.

Небольшая группа лиц (два-три человека), обычно парней, держащихся вместе и друг за друга и действующая совместно, “повязанная” нередко при этом между собой сексуально – общими девочками, совместным участием в *акциях* (изнасилование, сексуальные игрища, оргии, групповой секс), обычно и действующая в этих же направлениях.

- У вас что тут ещё за альянс, собрались тут втроём, а как же все остальные? нехорошо!

- Эти вот трое, смотри, это известный альянс, они отъявленные, с ними будь осторожна, не одну уже изнасиловали.

- А это братья, у них альянс, если заводит кто из них девочку, потом почти сразу вдвоём с ней живут, а какая начнёт артачиться, избыют и по рукам потом пустят.

среднее поколение

с оттенком демонстративной книжности и “красивости”

насторожённо-опасливая и неприязненная

Выдаёт некрофильные установки (деструктивную интенцию в отношении любого сексуального объекта) и садистские наклонности, скрывающиеся за позицией-маской “мужской коллективной ответственности”.

АМБА́Р

ЗАТАЩИТЬ В АМБАР

ВОЗИТЬСЯ В АМБАРЕ

ВЫСКОЧИТЬ ИЗ АМБАРА

НАВЕДЫВАТЬСЯ В АМБАР

ЦЕЛОВАТЬСЯ ЗА АМБАРОМ

Место для уединения пары деревенских любовников с целью заняться любовью; место сексуальных игр, возни молодёжи, совместного секса, лишения девственности и изнасилований.

- Мой-то первый в амбаре меня изнасиловал, затащил под каким-то предлогом, накинулся – и давай!

- Иду, слышу, кто-то в амбаре возится, заглянул, а это соседский парнишка на этот раз другую девчонку валяет, вот уж место облюбовал.

- Катька-то выскочила из амбара вся красная, встрёпанная, а тем охламонам и радостно, покатываются в амбаре, аж животы себе рвут, поразвлекались...

старшее и среднее поколения

заинтересованно-деловитая, выжидательная, любопытствующая

Садистские установки. Взгляд на потенциальных сексуальных партнёров исключительно как на жертвы насилия – грубого, откровенного и, по возможности, при свидетелях (которые должны “по достоинству” оценить проявления мужского напора и силы, т.е. признать их).

* *сарай, овин, хлев, сеновал*

Структура словарной статьи, таким образом, включает в себя: 1) заглавное слово с выделенным ударением; 2) необходимые производственные и грамматические варианты и формы, если они существуют и не влияют на узуальный смысл (в противном случае они даются отдельно, значением или словарной статьёй), с пометами *чаще, реже, обычно* и пр.; 3) структурно-словообразовательные производные и производящие данного слова, если они с ним связаны отношением живой деривации; 4) узуально

типичные и отмеченные сочетания заглавного слова с другими словами; 5) собственно толкование узуального речевого значения, иногда с комментарием фоновых знаний и пояснением, для речи кого (женщин, мужчин) подобное употребление слова типично; 6) иллюстративный материал из фраз, диалоговых реплик, высказываний из устной речи, иногда из других источников (песен, анекдотов, сентенций, стихов, речений, письменных книжных фрагментов как репрезентативных текстов, “гипертекста” культуры); 7) стилевые пометы – для речи каких поколений и какой среды характерно данное словоупотребление (если оно не общераспространено); 8) стилистические пометы – книжное, книжно-разговорное, разговорно-книжное, устарелое, специальное, какое специальное, какой формы и жанра письменной речи; 9) более или менее развернутую эмоциональную окраску, характер возможной оценки, экспрессии, с указанием иногда типажного социального и психологического отношения говорящего к объекту своей номинации, а также других проекций субъекта речи, аппеллятивных, модальных; 10) (пато)психологический комментарий типичных ситуаций контакта, с оценкой ролевых и поведенческих проекций речевого субъекта, объекта и возникающих отношений; 11) возможные для заглавного слова синонимы, эквивалентные и сходные употребления, также описываемые, как правило, в словаре.

Материал собирался отчасти с использованием свидетельств информантов, представителей разных коммуникативных групп, частично на основании проведенного в 1995-97 опроса, в ряде случаев (но незначительно) источником послужили тексты периодики. Словарь может представлять интерес для всех интересующихся состоянием современного массового речевого сознания в его русскоязычных проекциях.

Теория и практика лексикографического описания и представления данной предметно-тематической области, таким образом, как сферы проявления узуального и речевого, весьма не проста и требует нетривиальных решений и новых подходов, иначе, в ином представлении дающих возможность описывать лексическую семантику живого, но не случайного, типичного и закрепленного в сознании говорящих лексемного употребления.

2005 г.

Примечания:

1. См., к примеру, работы: В.В. Морковкин: *Идеографические словари*. Москва, 1970; Его же: *Опыт идеографического описания лексики (ана-*

лиз слов со значением времени в русском языке). Москва, 1977; Ю.Н. Караулов: *Общая и русская идеография*. Москва, 1976; Его же: *Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка*. Москва 1981 и др.

2. *Русский семантический словарь. Толковый систематизированный словарь по классам слов и значений*. Под общей редакцией Н.Ю. Шведовой. Т. I-III. Москва, 1998, 2000, 2002; *Лексическая основа русского языка. Комплексный учебный словарь*. Москва, 1984; Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова: *Иллюстрированный тематический словарь русского языка*. Москва, 1989; W. Grzybowska: *Polsko-rosyjski słownik tematyczny*. Warszawa, 1998; Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин: *Тематический словарь русского языка*. Под ред. В.В. Морковкина. Москва, 2000; Т.В. Козлова: *Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных*. Москва, 2001.

3. *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*. Под ред. Б.А. Серебренникова. Москва, 1988; А.А. Залевская: *Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование*. Воронеж, 1990; Н.И. Сукаленко: *Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира*. Киев, 1992; Н.Д. Арутюнова: *Язык и мир человека*. 2-е изд. Москва, 1999; Ю.Д. Апресян: *Образ человека по данным языка: попытка системного описания*. [В:] Он же: *Избранные труды, т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва, 1995, с. 348-388; Дж. Гринберг: *Антропологическая лингвистика. Вводный курс*. Перев. с англ. Москва, 2004 и др.

4. С появлением когнитивизма, бурно развивающегося в последнее время, эта извечная лингвистическая проблема приобрела особую актуальность и новый вид. См. ставшие классическими работы Р. Лангакера, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Э. Роша и др.: R. Langacker: *Foundations of Cognitive Grammar, vol. I*, Stanford, 1987; R. Langacker: *Foundations of Cognitive Grammar, vol. II, Descriptive Application*, Stanford, 1991; G. Lakoff, M. Johnson: *Metaphors we live by*. Chicago, 1980. О когнитивной лингвистике и когнитивной семантике написано много, достаточно упомянуть серию известных обзоров: Е.С. Кубрякова: *Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука*. [В:] „Вопросы языкознания”, № 4, 1994; А.А. Кибрик: *Когнитивные исследования по дискурсу*. [В:] „Вопросы языкознания”, № 5, 1994; Ю.С. Степанов: *Изменяемый образ языка в науке XX века*. [В:] *Язык и наука конца 20 века*. Под ред. Ю.С. Степанова. Москва, 1995; Е.В. Рахилина: *Когнитивная семанти-*

ка: *История. Персоналии. Идеи. Результаты*. [В:] „Семиотика и информатика”. Вып. 36. Москва, 1998.

5. См., напр., работу: И.Н. Борисова: *Русский разговорный диалог. Структура и динамика*. Москва, 2005 и многочисленную литературу при ней.

6. О различении эмоциональности и эмотивности (оценочности) как разграничиваемых понятий применительно к высказываниям субъекта см.: Е.М. Вольф: *Функциональная семантика оценки*. Москва, 2002, с. 37 и др.

7. О необходимости разграничения аспекта говорящего и аспекта слушающего в связи с типологическими различиями языков, связывая это с вопросами эффективности того или иного языка в процессе коммуникации писал Б.А. Успенский: *Проблемы лингвистической типологии в аспекте различения “говорящего” (адресанта) и “слушающего” (адресата)*. [В:] Его же: *Избранные труды*. Т. III. *Общее и славянское языкознание*. Москва, 1997, с. 6-33.

8. О тимиологическом принципе как разновидности аксиологического членения элементов мира, представляющего собой совокупность “закрепленных в национальном и общественном сознании, национальной культуре и психологии ценностных установок, предпочтений и оценок, получающих отражение и выражение в языке” см.: А.Б. Пеньковский: *Тезисы о тимиологии и тимиологических оценках*. [В:] Его же: *Очерки по русской семантике*. Москва, 2004, с. 50-60.

9. Применительно к обряду и ритуалу на африканском материале нечто подобное исследует В. Тэрнер (В. Тэрнер: *Символ и ритуал*. Москва, 1983), определяя это в понятиях экзистенциально переживаемой в момент совершения обряда грамматики бытия, элементы которой (символы) обретают смыслы исключительно в ритуальных контекстах.

10. Дж.А. Холл определяет юнговское понимание Самости как “архетип целостности и регулирующий центр личности”, которая “включает не только сознательное, но и бессознательное психическое бытие... Самость является центром суммативной личности, подобно тому как это есть центр сознательного разума... Самость является нашей жизненной целью, так как она есть завершенное выражение той роковой комбинации, которую мы называем индивидуальностью.” “Самость переживается как трансличностная сила, превосходящая эго, например Бог.” (Дж. А. Холл: *Юнгианское толкование сновидений*. Перев. на русск. яз. под общей ред. В. Зеленского. Санкт-Петербург, 1996, с. 162)

11. Отношения между различными видами знаний, передаваемыми в процессе коммуникации, исследует в своей недавно вышедшей на русском языке работе О. Йокояма: *Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов*. Перев. Г.Е. Крейдлина. Москва, 2005, с. 30-53. Предикационное знание (референциональное знание термов и знание области действия) определяется ею как одно из семи возможных, наряду с экзистенциональным, пропозициональным, специфицирующим, референциальным, знанием кода и знанием дискурсивной ситуации.

12. *Большой толковый словарь русского языка*. Гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 2000, с. 1448.

13. В.В. Химик (*Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Санкт-Петербург, 2004, с. 678) определяет *ходить с кем* как “*Жарг. подр. Ухаживать, встречаться, считать своим, своей (обычно в речи подростков, юношей о девочках, девушках). Раньше Сашка с ней ходил, а теперь Витька ходит. И давно ты с ней ходишь? В десять лет мне очень понравилась одна девчонка. Я сказал друзьям, что мы с ней “ходим” – на нашем сленге это обозначало “встречаемся”*”. АиФ 07.01”

14. О социальной роли применительно к фактам языка см.: Л.П. Крысин: *Речевое общение и социальные роли говорящих*. [В:] *Социально-лингвистические исследования*. Под ред. Л.П. Крысина и Д.Н. Шмелева. Москва, 1976, с. 42-52; Его же: *Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц*. [В:] „Семиотика и информатика”. Вып. 35. Москва, 1997, с. 299-318.

15. Ср., напр., известные русскоговорящим иронические представления о *Васе* как доверчивом, наивном, простодушном парне (*Эх ты, Вася. Вот уж Вася. Ну, ты и Вася.*), *Галочки, Галченка, Галочки-мигалочки* – подружки, легкомысленной, веселой и готовой к флирту, имеющую хождение фразу *Витя с Галочкой как винтик с гаечкой* и пр.

16. О сценарном подходе к описанию лексем, прежде всего в связи с необходимостью их лексикографического представления, см.: Ю.Д. Апресян: *Образ человека по данным языка...*, с. 367 и далее. Принцип этот последовательно используется авторами *Нового объяснительного словаря синонимов русского языка*. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Первый выпуск. Москва, 1997, 1999; Второй выпуск. Москва, 2000 и посл.

17. О символах как импульсах в обряде, механизмах пробуждения эмоций: В. Тэрнер: *Символ и ритуал...*, с. 135.

18. Кода эротики – см.: М.А. Надель-Червинская: *Фольклор славян – его семантика и структура*. [В:] М.А. Надель-Червинская, П.П. Червинский: *Энциклопедический мир Владимира Даля*. Книга вторая. *Дикие звери*. Ростов-на-Дону, 1996. Т. 2, с. 340-359; Ее же: *Миф и сказка. Реконструкция архетипического*. [В:] Там же. Книга третья. *Домашние животные*. Ростов-на-Дону, 1996. Т. 2, с. 413-415.

19. По терминологии Л.С. Выготского и др., принятой в психолингвистике, под мыслеформами понимаются вербально ориентированные образы речевого мышления индивида.

20. Психологическая структура речевого субъекта воспринимается как такая, которая обладает ценностной и когнитивной позицией, позицией *ego* – реагирующего и вербально себя проявляющего. Сексуальное *ego* – одна из его проекций, имеющей национальный (этнокультурный) и субкультурный уровни. Речевой субъект, в коммуникативной проекции своего сексуального *ego*, предстает как тип, вариантное проявление инварианта – национального, русского в данном случае, сексуального *ego*, опирающегося на ментальность и концепты этнического, социального, исторического и диахронического (в поколениях) характера.

21. Рассматриваемой в когнитивизме, вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, как ментальная операция, способ познания и объяснения мира.

22. В.Н. Топоров: *О некоторых предпосылках формирования категории посессивности*. [В:] *Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности*. Москва, 1986.

23. Д.И. Квеселевич: *Толковый словарь ненормативной лексики русского языка*. Москва, 2003, с. 26.

24. В.В. Химик: *Большой словарь русской разговорной...*, с. 35.

25. Д.И. Квеселевич: *Толковый словарь ненормативной...*, с. 26.

26. В.В. Химик: *Большой словарь русской разговорной...*, с. 35.

27. Д.И. Квеселевич: *Толковый словарь ненормативной...*, с. 26.

28. В.В. Химик: *Большой словарь русской разговорной...*, с. 35.

29. Заветные сказки из сборников А.Н. Афанасьева и Н.Е. Ончукова, многочисленные частушки дают в основном отражение значения 3. Значение 4 отражено, напр., в былинке о Ставре Годиновиче как мотив узнавания супругов, с использованием глагола *играть*, *игрывать*: – *А помнишь ли, Ставер да сын Годинович, А мы с тобою свачкой игрывали, А мое было колечко золоченое, Твоя то была свачка серебряна, Ты тут по-*

падывал всегда, всегда, А я попадывал тогда, всегда? (А.И. Никифоров: *Эротика в великорусской народной сказке*. [В:] *Секс и эротика в русской традиционной культуре*. Сост. А.Л. Топорков. Москва, 1996, с. 516-517.)

30. На этом нередко строится языковое обыгрывание и выразительные намеки и недомолвки в народных, и не только народных, песнях, частушках, сказках, художественной литературе: *Одолжила я Добра молодца... Золотой парчой, Взором ласковым. Сладко было мне, Как давала я... Целовать ему Очи ясные. Любо было мне, Как дожилаась я... Вспоминать о нем, Засыпаючи* и т.д. (Аноним: *Песня*. [В:] *Эротикон. Русская эротическая поэзия и проза*. Москва, 2000, с. 238) *Елка сухая, Топор не берет, Милка скупая, Никак не дает.* (*Русский эротический фольклор*. Сост. и научн. ред. А. Топорков. Москва, 1995, с. 476); – *Куда идешь, куда ведешь Девчонку молодехоньку? – В чисто поле полежать На травку зеленохоньку.* (Там же, с. 477); *Акулина и Демьян Завалилися в бурьян. Акулина Демьяну Посулила в бурьяну.* (Там же); *У матраса сто пружин, Давай, милый, полежим, Полежим, обнимемся, Потом за дело примемся.* (Там же); *Она пришла в лавку, он и говорит ей: – Согласись, – говорит, – со мной, так я тебе отпущу всё.* (*Заветные сказки из собр. Н.Е. Ончукова*. Москва, 1996, с. 190) – *Пойдем ко мне, погреемся. – Одна я сегодня. Он не пошел тогда, слишком намеренно она предложила это.* (А. Рыбаков. Дети Арбата)

31. Специально этому, в частности, посвящена работа: Ю.Е. Прохоров: *Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев*. Москва, 1997, 2003.

32. Аноним: *Галченок*. [В:] *Эротикон...*, с. 333-334.

33. *Как Митенька попался*. [В:] *Русский эротический сказ*. Собрал и обработал И. Гёргенгрёдер. Бендеры, 1993, с. 100.

34. Там же, с. 102.

35. Там же, с. 115.

36. Там же, с. 169.

37. А. Chervinsky, P. Czerwinski, M. Nadel-Czerwinska: *Metaphern des russischen sexuellen EGO. Ein linguopsychologisches Wörterbuch des aktuellen Sprachgebrauchs*. Buchstabe A. Herausg. und eingel. von J. Hartung. Hamburg, 2001, 342 s. Пять последующих томов (буквы Б) завершены. Позиции буквы В, Г, Д вчерне подготовлены; некоторые другие буквы (Е, Ж, К, П, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Э, Ю, Я) описаны пока лишь частично.

38. Примером могут служить современные просторечные выражения типа *опустить ниже плинтуса, под кого-то прогибаться, задирать шубу*

по самое не балуйся, трепать либо дергать гуся, а также такие, не учтенные словарями, устойчивые единицы и поговорки, как У каждого мужчины свои витамины; Кот кошку фигачит; Клизма – салют коммунизму! и пр.

Золотые нити серебряных струй: мотивационные основания одного маргинального номинатива ('мужское семя')

ДОЖДЬ, дождикъ, дожжъ, дожжикъ, дозжикъ

м. вода въ капляхъ или струями изъ облаковъ.

(Вл. Даль)

Всякое определение может быть внешним и внутренним, отражать впечатления разной природы и глубины. Отражаемое впечатление, воплощая типично распознаваемую картинную событийность, определяет в предмете, явлении то, что представляется не обязательно сущностным, но обязательно видимым и очевидным, то, по чему его можно узнать, отличив от другого.

Дождь в определении Даля передает впечатление, воплощаемое в трех обязательных и соединенных проекциях: 1) вода – 2) облака – 3) капли или струи, с указанием направления и характера, передаваемых, соответственно, предлогами *из* (облаков) и *в* (каплях или струях).

Отсутствие хотя бы одного из названных трех компонентов должно приводить к разрушению определяемого слова-явления. Просто вода в каплях или струях, но не из облаков, – не дождь. Не дождь и всё, что из облаков, но не вода и, тем самым, не в каплях и струях. Ср. в фольклорных текстах "наоборот": лягушки, падающие с неба, но, по-видимому, не из облаков, а также не в фольклорных – камни (камнепад), звезды (звездопад). Снег, град, лед, другие осадки – вода, из облаков и с неба, но не в каплях и не в струях.

Для определения многих сходных между собой явлений язык прибегает к способам, внешне противоположным, асимметричным, и не совсем логичным, на внешний рассудочный взгляд. Одно и то же, только разное в формах, разводится, называясь различно, с использованием не общих, не сходствующих номинативов. В то время как разное, по существу, на основании сходства, нередко внешнего, поверхностного и кажущегося, получает единое, общее наименование.

Дождем называют не обязательно то, что с неба, не обязательно то, что в каплях и(ли) струях, и даже не обязательно то, что *вода*.

Деньги (по)сыпались (золотым) дождем. Дождь камней. Астероидный дождь. Метеоритный дождь. Космический дождь. Дождь (бета-, гамма-) частиц. Дождь песка. Зерно подавалось дождем. Дождь вопросов (засыпать дождем вопросов), упреков. Росяной дождь (с ветки куста

осыпало росяным дождем). Дождь цветов. Дождь украшений. Дождь конфетти. Серпантинный дождь. Елочный (серебристый, серебряный) дождь. Стрелы сыпались на защитников плотным дождем. Дождь пуль. Дождь искр костра.

Вместе с тем не все, что из облаков в виде капель и струй воды, имеет название *дождь*, определяя нередко различные его виды и формы. См., например, у Даля: *ситничек* – самый мелкий дождь; *ливень* – проливной, самый сильный; *косохлёт, подстега* – косою дождь, по направлению ветра; *дряпня, хижа, чичер, лёпень* – снег с дождем; *сеногной* – дожди во время покоса; *морос, бус* – мельчайший дождь, еще мельче ситника. Сам дождь называют в народе и по-другому: *благословение (Б-жие), благодать, Б-жся милость*.

Для определения видов и форм дождя используется также модель с адъективом: дождь бывает *косою, слепой, проливной, частый, мелкий, крупный, весенний, осенний, летний*. У Даля – *грозный*, с грозой; и совсем уж странное и нелогичное – *мокрые дожди*, осенние, продолжительное ненастье – по характеру производимого результата, не просыхающая долго земля после них.

Номинативные и мотивирующие обстоятельства затронутого явления подводят к необходимости поставить вопрос о ядре значения, о том, без чего невозможно представить себе языковой, по характеру, образ *дождя*, и что, вместе с тем, должно появляться и возникать в сознании при всяком явлении с этим названием. Вопрос, иными словами, о том достаточном и необходимом, которые составляют, в своей обязательной очевидности, всякую суть и всяческое представление о сути.

Это поможет разобраться с другим явлением, не так очевидным, не так многогранно представленным, но связанным, ассоциативными, мотивирующими, концептуальными, мифологическими, а также другими нитями, с рассматриваемым *дождем*.

Дождь, с точки зрения такого ядра, предстает вовсе не как вода, не из облаков и даже не каплями или струями. Неважно, иными словами, что именно, еще менее важно откуда, но важно, оказывается, правда, не столько в виде чего (*капель, струй*), а как – что *дождем*. И это последнее в языке встречается и используется как отдельное слово (наречие).

Для понимания общего смысла и сути языкового (в языке отраженного и языком поддерживаемого впечатления) *дождя* важна, таким об-

разом, не предметная его составляющая, а предикатно-атрибутивная, наречно-признаковая, характера и образа действия-проявления.

Дождь в языке – это не столько собственно дождь (вода в каплях или струях из облаков), сколько, прежде всего, то, что *дождем* – падает, капает, моросит, льет, струит, кропит, крапает, идет, поливает, льется, течет, бьет, хлещет, брызжет, ударяет, лепит, гвоздит, молотит, лупит, полощет, сечет, барабанит, стучит, дробит, колотит, долбит, валит, валится и т.д. Отражая идею, передаваемую и в глаголе – *дождит*, но так, таким образом, что в ней, в этой идее, через *дождем*, *дождь* и *дождит*, *идет* (*дождь*), воплощается впечатление некоей нормы, чего-то среднего, чего может быть меньше, падая реже, мельче, – как *мелкий дождичек*, *ситничек* и *кропит*, *капает*, *крапает*, *моросит* и больше, сильнее, крупнее и интенсивнее – *ливень*, *проливень*, *как из ведра* (*льет*, *поливает*), и чего больше в глаголах – *разливается*, *лупит*, *хлещет*, *полощет*, *сечет*, *колотит*, *валит*, *валится*.

Среднее, норма, привычное для *дождя* в образуемом от него *дождем* приобретает значение интенсификации. *Дождем* означает ‘обильным потоком, во множестве’. А *дождь* переносно – ‘множество, большое количество чего-либо падающего, сыплющегося’, ‘множество, непрерывный поток, обилие чего-либо’. [13, с. 417]

В ядро представления 'дождь', таким образом, входит идея 'направленного движения' и 'парцеллируемая множественность', идея количественности, числа однородного либо ощущаемого как однородное. 'Дождь' содержит, включает в себя идею частиц – атомарности, – устремляющихся, идущих, летящих, движущихся в направлении *от – к; откуда – куда; из чего (кого) – на что (кого; во что, кого)*, при этом обычно сверху либо как ощущаемое сверху. Идею универсально-космическую и (мета)физическую, метаболическую (катаболическую), по своему существу, устанавливающую отношение субъектно-объектного взаимодействия, проявляющего значение креативного-деструктивного – (воз)действия со стороны одного на другое, результирующегося в преобразовании, изменении в (внутри) или на поверхности воспринимающего другого.

Дождь, таким образом, в мотивационной основе своего значения, может рассматриваться как то, что имеет непосредственное отношение к категории креатива, ее проекциям и моделям.

Перенесение с одного на другое, репрезентативность, характерные для языка, представляя то общее, что можно было бы отнести к универса-

лиям психофизической и ментальной природы любого языкового сознания, – эта репрезентативность, воплощаясь по-разному в разных ментальных традициях и этнокультурах, дает возможность (на материале дождя) определять различия этнокультурного воплощения креатива.

Есть нечто общее, универсальная психофизическая модель креатива, повторяющаяся для всех и(ли) различных ментальных традиций в примерах языкового *дождя*. И есть отличительное, типичное, характерное и особенное у каждой, по-разному представляющих *дождь* и его мотивационно-номинативные, концептуально с ним связанные языковые и речевые проекции.

Сопоставление двух, возможно более, подобных концепций *дождя* дало бы возможность представить различия в понимании креатива, увидеть акценты и образ – собственный этнокультурный образ *дождя* той или иной традиции.

Но не *дождь* будет предметом предпринятого рассмотрения. Точнее не собственно и не предметно *дождь*. *Дождь*, но, скорее, концептуально, собственно и предметно проявляемый, обнаруживаемый в другом. В том, что можно осмыслить, представить как внутреннее, психическое, как сенситив – ощущение дождя в себе, внутри себя и через себя, через собственное – макрокосм своего "я".

Ощущение дождя в себе и себя как дождь характерно для разных этнокультурных традиций.

‘Весенний дождь’, ‘дождь из облаков’ в китайских традиционных текстах – постоянный образ, передающий состояние высшего наслаждения в момент любовного слияния пары, мужчины и женщины, момент достижения ими оргазма, сопровождаемый извержением семени у обоих (семя имеется, по китайским традиционным понятиям, и у мужчин, и у женщин).

‘Союзом облаков и дождя’ обозначается гетеросексуальное половое сношение, а ‘Обращенными облаками’ и ‘Перевернутым дождем’ – мужское гомосексуальное, анальное, прежде всего. И опять-таки нет разделения на мужское и женское: облака и дождь в равной степени могут восприниматься сторонне как проявления мужского (активного) и "женского" (т.е. пассивного) принципа. Вода – это то, что вроде бы женское по характеру и природе своей, но здесь оказывается и предстает в мужском, исходит от мужского.

Облака – носители этих дождевых и струящихся, льющихся вод (ср. *облако в штанах* Вл. Маяковского). Но те же облака и, возможно, с тем же

дождем есть и в женщине, – поэтому союз облаков и дождя. Только если при гетеросексуальном союзе 'дождь' идет сверху вниз, то при гомосексуальном мужском направлении у него другая – 'обращенные облака', 'перевернутый дождь'.

Предметно мужчина и женщина – носители одновременно в себе и мужского и женского, только при согласованно-симметричном, гетеросексуальном, их соединении 'дождь' идет в них привычно и "правильно", а при асимметричном¹¹², гомосексуальном мужском, приобретает обратно направленный, непривычный характер и начинает идти снизу вверх.

Немаловажно для предмета предпринятых рассуждений то, что в связи с 'облаками', 'дождем' речь в китайской традиции идет о мужском гомосексуальном соединении, а не о женском, женское в таких категориях не определяется.

В греческой мифологии Зевс проникает к Данае, запертой в медном подземном тереме, в облике 'золотого дождя', воплощаясь в 'дожде', оплодотворяя ее (своим) 'золотым дождем'.

Литературно-мифологический ассоциативный образ "мужского" 'дождя', в любом случае провоцируемого мужским принципом, мужским в человеке началом 'дождя', можно считать, ощутимым, понятным, хотя далеко не типичным для русскоязычной этнокультурной традиции.

Он возможен как нечто глубинное, на уровне поверхностных мотиваций не осознаваемое, как некое отприродное ощущение трансцендентной отождествленной общности – у С. Есенина "Я пройду стороною, как косой дождь".

Или как явно вторичная литературная, под "Восток", аллюзия, – например, в современном тексте письма-признания: "А затем медленно мы слились воедино. ... Словно две соединенные в одно тело птицы, мы поднялись высоко над волшебными весенними садами сказочной страны ... И вот пронесся *нежный дождь*, в моем стоне затерялся ее стон. Медленно мы спустились вниз, в весенние сады. ... А потом пережитый ураган эротической нежности вновь повторился..." [4, с. 4]

'Дождь', 'ураган' воспринимаются как состояния, охватывающие обоих, но активность мужского начала обнаруживает себя в позиции – "в *мо-ем* стоне затерялся *ее* стон".

¹¹² Вопрос симметрии / асимметрии здесь следует понимать как сочетание мужского-женского с женским-мужским при гетеросексуальном соединении, и в том симметрия "зеркального" отображения, и мужского-женского с мужским-женским, а потому асимметричного, при гомосексуальном.

Ощущение себя, своих состояний, в связи с движением, продвижением, изменениями 'воды' проявляется довольно активно и значимо в идее переполнения и – *капель, чаши (сосуда): чаша (моего, его, ее) терпения переполнилась; (это была) последняя капля*, – нередко ассоциируясь с необходимостью выхода, выхлеста, говорения, речи – выговориться и (как) облегчиться, облегчить себе душу.

'Капли льются, падают в чашу и переполняют ее' – таково основание образа. 'Капли' – внешнее, то, что капает, попадает в чашу извне. 'Чаша' – ощущение внутреннего пространства, объема, емкости состояния, то, что наполняется и может быть переполненным – льющимся, капающим, падающим каплями, – некоего воздействия извне.

'Вода' и 'капли', следовательно, не просто подвижны и метаболичны для психофизического, приходят, уходят, входят внутрь, проникают и покидают внутреннее, в определенном смысле они ему инородны, эманативны и трансцендентны, принадлежат чему-то другому, тому, что вне. И если чашей является сам человек, то вода в нем и капли – то, что уже как бы и не его, не совсем его, он посредник, носитель этой воды, как 'облако для воды дождя'.

Однако границы того и другого оказываются настолько неощутимыми и относительными, что одно без другого как бы и не существует. Возможно ли 'облако', когда вся 'вода дождя' из него выходит? И чем, собственно, будет облако как не водой в каком-то своем состоянии?

Восприятие своего "я" и человеческой жизни как 'капли' типично для иудейской традиции: "(знай, помни,) из чего ты произошел? – из зловонной *капли*". *Капля* здесь как начало, исток, то, из чего происходят. И в русском языке ср. другое – *последняя капля переполняющегося терпения, от тебя (него) останется мокрое место. Капля, вода, мокрое* воспринимается для психофизического и человека здесь как то, что ближе к концу, завершению – переполнению, изливанию, переливанию, чем к началу, истоку, источнику, истечению.

Обыгрываемое поэтому в еврейском анекдоте *накапать, капнуть* в двух значениях 'донести' и 'оплодотворить' (сосед на соседа донес, и того посадили – тот, первый, капнул, жена первого забеременела – тот, второй, ей, в неё, ему, т.е. соседу, капнул), – будучи не случайным, вполне понятным и объяснимым с точки зрения еврейской ментальности, – для русского языка и в русскоязычном своем исполнении выглядит отстраненно-искусственно. Подобное восприятие для русскоязычной этнокультурной

традиции не типично. И если *капнуть* в значении ‘донести’ еще более или менее известно (хотя чаще в этом значении будет использоваться *стукнуть, стучать, настучать*, что тоже отнюдь не случайно), то второе значение, ‘оплодотворить’, неупотребительно, хотя в контексте понятно.

Поскольку *капать* воспринимается в сочетании с *на мозги*, определяя методическое, равномерное, занудное, не ослабевающее воздействие со стороны кого-то с целью заставить сделать что-либо, склонить к какой-либо мысли, поступку, идее, – капнуть, ничего хорошего не предвещая, подводя к чьему-то концу (поскольку капает тоже с конца), воспринимается не как начало и зарождение, появление информации, новых сведений (в голове, сознании у того, кому капнули, о том, на кого), а как *капание, падение капли (переполняющегося терпения) – ему на мозги*.

Движение, связываемое с течением и водой – в человеке и для человека, – далеко не всегда позитивно. Динамическое, противопоставляясь статичному, часто проигрывает, ценится меньше – как *серебро и золото*. *Сказанное (слово) серебро, не сказанное золото; (слово серебро,) молчание золото* – поговорка, не случайно чаще встречающаяся во второй своей, усеченной части, определяет в известном смысле само существо более ценного и предпочитаемого недеяния и статичности.

Серебро течения, струй, воды, речей, говорения, слов, становления и золото обладания, имения, сокровищ, дара, молчания, стояния, легко перекидывающиеся и переходящие, – У молодца не без золотца, у красной девушки не без серебреца (т.е. по идее, обычно, вроде бы как, может, и наоборот?), – претворяются в некое противопоставление – *Урал, золотое дно, серебряна покрывка* (о богатстве рыбы). Но что это такое, вряд ли носители русского языка, и даже филологи, специалисты, будут в состоянии объяснить.

Забытая традиция и неактуальность для современного языкового сознания, с одной стороны, а с другой, и в не меньшей, отсутствие в самой традиции сколько-нибудь очевидных и явных признаков ценности и оценивания креатива для человека, будут тому причиной. Русское языковое сознание ориентировано на другое.

Оценивание, приценивание, цена и ценность, идея купли-продажи, товара, денег и стоимости, хотя возможны, но мало свойственны рассматриваемому предмету и будут представлены, поданы скорее в какой-то другой связи. Что-нибудь вроде очень типичного в польском *klejnoty rodzinne*

(*familijne*) 'семейные драгоценности' (о мужских гениталиях) в русском языковом исполнении будет мало понятным и редким.

Хотя о редкости и нередкости очень не просто судить в данной сфере, поскольку забытое и маргинальное вовсе не означает редкое: сама рассматриваемая предметная область, сам разбираемый предмет в языке маргинален. Проводимая нами мысль состоит в утверждении (на основе анализа материала) категориальных различий моделей и парадигм креатива для этноязыковых и культурных традиций, находящихся в отношении общности языкового происхождения, при допускаемом и очевидном языковом генетическом сходстве, каковыми будут славянские, русская и польская в частности.

Разберем для начала на некоторых примерах затронутую идею непрямого оценивания, характерную для русской традиции и представляющую существенной для понимания дальнейшего.

Мотив торговли и выкупа присутствует в русском обряде свадьбы. Товар – невеста; купец, покупатель, через дружек своих, – жених. Достоинства жениха оцениваются в отношении, прежде всего, хозяйства и дома, сексуальной зрелости и умения. Всё у него есть, всем он богат, наделен, "есть свои магазины", нет только женского – "всё продает, кроме корзины".

Сексуальная зрелость его оценивается с точки зрения накопленного товара – тонкие и дорогие материи, "для княгини всё готово"; умения – шить без нитки ("иглой с плешинкой"), умения удовлетворить княгиню (сексуально удовлетворить); обладания – своим хозяйством, новым домом, есть кони (с пышными хвостами), коровы (все рогаты), "в доме всякие излишки"; способностей к врачеванию – есть лекарства, аптека, "такой порошок, что боль достанет до самых кишок", "свое натирание – ночное старание"; и, наконец, наготовленности, обилия угощений, кушаний, готовности к пиру – есть каша из крупы, "разные супы, ни горьки, ни сладки", пиво хмельное, "на закуску стручочки – молодые хуёчки", "пирожки есть варёны, напитки-налитушки, только нет одной пиздушки". [10, с. 91-93]

Ценностный смысл состоит в идее обилия без вмещения: есть всего много и всякого разного у жениха, только не во что положить, некуда складывать, некому предложить, нет корзины, не во что поместить и некого пока наготовленным угощать. Что и должно разрешиться, собственно, в обряде происходящего выкупа-сватания.

Необходимость и обязательность, неизбежность успешности предприятия не вызывает при этом сомнений. Всё происходит в положенный срок и в отведённое ему время – как только созреет. Будет одно – будет к нему непременно другое, поскольку это обмен, неизменный природный цикл, при котором одно вызывает к жизни другое, причинно-следственно и во времени связано с ним: *Будет дождичек, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузовок* (ср. подобное, также не без сексуального смысла, – *Была бы шея, хомут найдётся*).

Опять знакомое *дождичек*, но здесь как причина, источник, начало *грибков* (мужского), наличие, существование, *обилие* которых предполагает обязательность, неизбежность при них само собой появляющегося, самого себя находящего и обнаруживающего *кузовка* (необходимого женского для помещения, складывания мужского).

Ценность мужского приобретает свою полноту, завершение и смысл в соединении с женским, предстает обусловленной, связанной с ней. В старинной песне (не позднее XVII-XVIII вв.) встречаем:

Во хорошем во зеленом садочку
Гуляла душа красна девица.
Завидел удалой доброй молодец:
"Не моя ли-та *жемчуженка* катается?
Не моя ли-та *алмазная* катается?
А сам бы-та я тое *жемчуженку проалмазил*,
Посадил бы я на *золотой* свой спеченик,
Ко я хантам, двум камушкам, придвинул"¹¹³. [10, с. 44]

Жемчуженкой оказывается *алмазной* красна девица не просто, не сама собой, а – "не моя ли-та", т.е. применительно к мужскому, в связи с ним, в отношении к нему и вместе с ним, в соединении с ним. *Жемчуженку* эту еще надо *проалмазить* – освоить, обработать, приспособить, притереть. Тогда в соединении с *золотым* и *яхонтов* (старинное – рубин, сапфир) мужского, она составит с ним имеющее ценность украшение.

Встречающееся в тексте *золотой* и *яхонты*, как и довольно частый образ *золотые сережки в уши (с подвесочками)* – как дорогой подарок от парня девице, – смысл свой как драгоценности, по-видимому, и обретают в дарении. Они *золотые* и *яхонты* не сами собой, а в соединении, при соединении, с женским, в его обрамлении, для него и в нем.

¹¹³ Здесь и далее в цитируемых текстах выделено мною – П. Ч.

Золото, яхонты (рубины, сапфиры), как драгоценности, обладают способностью излучаться, светясь наружу, вовне, из себя, – блеском, сиянием, жаром, ярким горячим светом, лучом. Бледно-матовый, бело-прозрачный, голубоватый отблеск жемчуга, таинственного водной своей глубиной, скорее холоден и поглощающ.

Солнце льет свои золотые лучи на землю. Свет струится. Образы очень типичные для русскоязычного восприятия. Свет, лучи – льются, текут, струятся водой, потоками, каплями, нитями, струями. Солнце – золото, золотой источник. Луна – серебро, и ее лучи и течение серебристы. Солнце – привычно мужское, луна – вроде бы как привычно женское (но есть в языке и – месяц).

Вода может поглощать в себя свет, струящийся в нее сверху, но может и отражать, бликами, от своей поверхности. Свет ее может быть то глубок, идущий из глубины и в себя вбирающий, то слепяще-ярок, отсвечивающий, отбивающий зеркалом гладкой скатерти неподвижных вод. Драгоценные камни бывают различной *воды*. Различной, прежде всего, по характеру струящейся в них, из них идущей и в них поглощаемой глубины.

По-видимому, нет в этих образах постоянства, они переменны, изменчивы и могут включать не одно значение. *Золотом* (и *серебром*) может обозначаться и то, что привычно женское. Так, оценивая достоинства своей невесты, расхваливая ее, Петрушка (персонаж народного театра), хлопая невесту по груди, объявляет: *Вот тут и есть серебро*, а затем, опуская голову под подол и поднимая ей юбки, кричит: *А тут самое золото*. [10, с. 334]

Золотником в просторечии и говорах называется женская матка (ср. тогда в этой связи *Мал золотник, да дорог*). *Серебро* – холодный и мягкий свет, луны, молока, скопления звезд, Млечного пути, Небесной Коровы, – того, что питает, кормит, идет из груди и сама грудь. И *золото* – здесь как то, что всего дороже, что самая ценность, ядро, в глубине, что надо еще добыть, достать, намыть, обработать, темное и червонное, красное золото, с темным, вбирающим, мрачно-таинственным, поглощающим блеском.

Приводимые рассуждения отнюдь не претендуют на достоверность и полноту. Их смысл в другом: показать возможность категориально множественного мотивационного выбора, подвижность искомым в определениях величин. Язык допускает многое, но, допуская многое и полагаясь на универсальном, общем у него (для него) с другими, он что-то предпочитает, активизирует, а что-то нейтрализует и игнорирует, оставляя не выражен-

ным, не используемым и мало для себя характерным, вычерчивая, тем самым, свое для себя типическое.

Определение этого собственного и индивидуально типического возможно при сопоставлении. Для этого выбранный для русского языка материал, по характеру мотивирующих своих отношений, будет сопоставлен с польским языковым материалом. При базовой общности используемых корней и генетическом несомненном сходстве, языки эти концептуально различны, воплощают и отражают не совпадающую и часто даже не пересекающуюся ментальность, передавая и оформляя свои значения при помощи далеко не всегда согласующихся и не всегда сопоставленных категорий.

Предметом анализа будет, как было сказано, дождь человека, точнее то, что, будучи материализуемым основанием его креатива, как ни странно, а может, как раз и не странно, не имеет собственного названия, имени в выбранных языках. Речь о той жидкости, которая зарождает жизнь – о сперме, или (мужском) семени.

Почему о нем? Чем объяснить столь мало понятный поверхностно и сакраментально-курьёзный выбор?

Во многом и, прежде всего, – бросающимся в глаза и явным, "необъяснимым" почти, номинативным отсутствием едва ли не самого важного продуцирующего компонента в самых различных текстах, речевом узусе и языке. А также, с другой стороны, – неожиданно странной его мотивационной ориентированностью и категориальной оформленностью во что-то непродуктивное, но при этом различно – для одного языка и другого.

Язык субъектен и антропоцентричен в номинативной своей основе. Исследования в области семантики, семасиологии и идеографии последних десятилетий лишний раз подтверждают это давно известное положение.

Однако при всей его антропоцентрической очевидности в нем нередко не выражено, отсутствует именно то, что имеет прямое и непосредственное отношение к человеку.

Не выражено или может отсутствовать по разным причинам. Одно дело сфера эмоций и чувств или физических состояний и ощущений, выражать которые очень трудно в силу самой их невидимости, неочевидности, "неоформленности" и не материальности и которые выражаются потому в самых общем виде – хорошие или плохие, печальные или радостные, минор / мажор, но какой именно, далеко не всегда понятно.

Когда говорится "Я ее (его) люблю", что, кроме общего представления о предпочтении-выборе, можно сказать о характере самого отношения? Много необходимо бывает слов, объяснений и толкований, чтобы более или менее определенно представить характер чувства, его мотивацию, глубину, окраску и интенсивность. Иногда и сам говорящий не в силах всего представить и всё для себя понять.

Другое дело – сфера вроде бы очевидная, но по каким-то причинам не дифференцируемая, не называемая, избегаемая. Человек, его тело, фигура, в различии и многообразии его и ее (фигуры и тела) частей и видов. И причин тут тоже может быть несколько.

Во-первых, действует принцип номинативного общего. Нога, рука, голова – может быть любая, и только в случае особой необходимости будет определяться и уточняться *какая* – большая, длинная, круглая, толстая, мягкая, деревянная. И каждое такое определение при этом может быть также определением чего-то совсем другого, нет специального для ноги, руки, головы. Нет также отдельного слова, передающего некоторую идею типа 'толстой руки', 'большой головы', 'волосатой ноги'.

Во-вторых, вероятно и характерна вторичная номинация, обозначение одного через другое, номинативное замещение: *крюки, палки, жерди, грабли, котелок, арбуз, тыква* и пр. – для рук, ног, головы, особого рода и вида.

В-третьих, некоторые части тела, далеко не всегда при этом скромные, просто не принято специально обозначать, подчеркивать в их специфичности, выставлять или даже определять по виду. Какие бывают, к примеру, запястья, лодыжки, локти, ребра, виски, поясницы? Части связующие, не выставляющиеся, не бросающиеся в глаза, не выпячивающиеся, обычно не дифференцируются.

В-четвертых, и по вполне понятным причинам, есть части попросту избегаемые, – все то, что скатологично и сексуально, что относится к так называемому *низу* и продуктивной (туда же, в этом ряду, и выделительной) сфере. То, что интимно и, как интимное, неприятно и неуместно в публично-общественном, не фамильярном, не близком исполнении и выражении.

Избегается не везде, в целом ряде сфер, напротив, они очень частотны и предпочтительны, определяя собой сам характер подобного взаимодействия.

Не вдаваясь в подробности, совокупность подобных сфер можно было бы определить как подчеркнуто асоциальные и трансцендентные – те-

ургические, демиургические, выходящие, выламывающиеся за рамки социализации, установленного порядка. Такие, в которых говорящий начинает ощущать себя как бы и не человеком, существом и созданием над собою и сверху – над социальной своей, человеческой сущностью. Овладевшим, владеющим, созидающим и утверждающим самого себя, отцом, созидателем самого себя, демиургом, в категориальных пространствах которого нет противоположений, нет поэтому как бы и представления о собственном, своем *ниже*.

По отношению к социализированным и общественно адаптированным сферы такого взаимодействия маргинальны, а слова, в них использующиеся, по преимуществу маргинативны.

Выбранный нами номинативный объект (мужское семя, сперма) и маргинален, и избегаем, и номинативно вторичен также и в маргинальных сферах. И это его специфическая особенность и еще одна потому причина сопоставительного рассмотрения его мотивационных и номинативных свойств.

Не называемое или называемое *ad marginem* в каких-то контекстах может быть выражено, как известно, несобственным, переносным, метафорическим способом.

В ряду погодно-космического, креативного по своему характеру, избранного нами *дождя* и уже затрагивавшегося и по-своему креативного *солнца*, заслуживает внимания не слишком типичный, но показательный в русской фольклорной традиции образ, дающий намек, подсказку на то, каков может быть этот физический "макрокосм" человека, охватывающий, представляющий интересующие нас *солнце – дождь – облака*, в отношении их друг к другу и к телу антропопродуктивного "я" – человека как демиурга себя самого, воспроизводящегося (социального?) человеческого пространства-тела.

На святки, в период, связанный с прокреативной стимуляцией солнца, в который игры ряженных, производясь открыто, публично, имели подчас непристойный характер, существовала игра "Солнце всходит". Мужчину сажали со спущенными штанами на печку за занавеску. "Щас, – говорят, – и солнце взойдет" – и занавеска одергивалась, – "а у него задница-то голая! Потом: "Щас солнце спрячется". Хлоп яво ремнем по этой – понаволе спрячешься. Вот такие глупости были." [10, с. 202] Так заключает рассказчик.

Эти неудобопроизносимые глупости, будучи мифологичны в своей основе, дают возможность на первый взгляд легко и просто довосстановить отсутствующие связи и параллели *дождя*.

Словно бы в подтверждение этой верности на память приходит частушка, удивительным образом раскрывающая смысл и суть отношения к креативу: *Мы не сеем и не пашем, а валяем дурака, с колокольни хуем машем, разгоняем облака*¹¹⁴.

Чего бы, казалось, проще выстроить сам собой напрашивающийся ряд параллелей: *жопы* = *солнце*, *яйца* = *облака*, *сперма* = *дождь*. Однако мы все же воздержимся от таких обобщений, имеющийся вокруг всего этого материал показывает что-то совсем другое. Попросту он не о том. Простые мифологические и легко постигаемые неискушенным умом параллели и связи остались, по-видимому, уже в XIX веке.

В связи с текстом цитированной частушки интересным и показательным будет другое. *Пахота, сеяние* – известные в русскоязычной традиции как прокреационные, оплодотворяющие по своему характеру, действия со стороны мужчины в момент полового акта по отношению к женскому, – противоплагаются *маханию с колокольни* и *разгону облаков*.

Плевать я на всех (на тебя) хотел с высокой колокольни. Махать руками, махнуть рукой (на это, на всё). На кого ты машешь? Нечего тут руками махать. Не маши на животную счётами (из старинного анекдота про лошадь и машущего на нее бухгалтера). *Чёрт летит, крыльями машет* (о разгильдяе, неловком, несообразном, о растрейде). *Кричат с колокольни (во всю Ивановскую)*. *Упасть с колокольни* (о человеке со странностями, придурью, не знающем самых простых вещей, ничего всем известного не подозревающим, а также – одуреть, оглупеть, спятить, чокнуться). *Звонить с колокольни (на всю округу)*.

Колоколья – также ‘верзила, огромный парень, здоровый, несообразный и глупый, дурной при высоком росте’. *Отзвонил – и с колокольни долой* (о деле, производимом без всяких усилий, стараний, желаний, только чтоб поскорее отделаться).

Колоколья с колоколами на ней, звонить с колокольни – по представлениям в русской традиции дело глупое, не требующее ума, достаточно иметь здоровье и силу, чтоб за веревки дергать и колоколами качать. Царь Федор, сын Ивана IV, считался плохим царем, простоватым и даже придурковатым, но умел хорошо пономарить, был звонарем: *царь – не*

¹¹⁴ В эвфемистичном варианте-замене *палкой машем*.

царь – плохой царь – пономарь и звон, звонить, раззвонить (сообщить всем вокруг о чем-либо); *слышал звон, да не знает, где он* (не имеет понятия, о чем говорит, слышал, но толку не знает); *мудозвон* (глупый, дурак, импотент)¹¹⁵.

Гонять облака, воздух гонять (заниматься пустым, бесполезным делом) и *облакопрогонники* – кудесники, колдуны, взбравшиеся на башни и крепостные стены и оттуда передниками отгонявшие тучи, – дело сомнительное в своем течении, производстве и результате.

Всё сказанное неизбежно подводит к мысли о явном в русской традиции противопоставлении действия прокреативного, продуцирующего – пахота, сеяние, – непродуктивному и бесполезному, глупому занятию на колокольне и с колокольни – плеванью с колокольни "из облаков", разгону на ней облаков. Речь здесь, по-видимому, отчасти касается самоудовлетворения – мужского, достигшего зрелости, необходимого возраста, роста, величины, колокольни-верзилы, балбеса, балды.

Сперма, мужское семя, как уже отмечалось, в русском языке (как, впрочем, и польском) не имеет собственного названия. Использующиеся для ее обозначения слова вторичны, репрезентативны либо заимствованы. Мотивационные же основания по названным языкам различны.

Подобранный материал позволяет увидеть основное отличие едва ли не сразу в характере производимых и сопровождающих ее появления действий. Для русских номинативов это, прежде всего, действия бессмысленные, непродуктивные и дурацкие, предполагающие мастурбацию и онанизм. Для польских – загрузку, передачу в женское, выплату, запас и товар, – обусловленные идеей обладания и освобождения-перехода.

Не совпадают также позиции женского и мужского в отношении креатива. Если *беременность* в русском языке – от кого, то в польском это *być w ciąży – z kim*.

В первом случае – с осязаемой идеей воздействия, действия со стороны и извне. От внешнего, постороннего, побывавшего, поучаствовавшего и потом ушедшего (*как от ветра, воды, нанесло, надуло – откуда-де*

¹¹⁵ Ср. к этому дополнительно, о глупом, пустопорожном и незатейливом деле, занятии: *слону яйца качать*, а также *бубенцы, бубенчики* (на шапке у дурака, в подразумеваемом подтексте 'яйца') и *мальчик-колокольчик* (паинька, насмешливо) *из племени ням-ням*. Можно бы было также добавить не слишком, впрочем, известное выражение (*не*) *звенеть яйцами* в значении (*не*) 'выставляться, изображать, много о себе представлять, демонстрировать силу, сноровку, умение и т.п., хвастать', нередко также и перед женщинами (что может быть значимо, как в присловье из анекдота о детках, в устах малолетнего мальчика девочке: *А ты (зато) на стенку писать не умеешь!*).

оно и взялось-то?). С идеей подарка и дара (от кого это у тебя – кто тебя наградил, кто тебе подарил?). С идеей сверху, демиургически по отношению к плоду как результату.

Во втором – это идея совместности, сотрудничества, равенства, партнерства и общего, хотя далеко не всегда одобряемого – с кем была, с кем лежала, с кем делалось, с кем оно получилось, кто был с тобой?

Различны также и мотивируемые ощущения, передающие переживаемый острый момент. В русском языке, в норме, это *извержение* (семени), *семяизвержение* – выход изнутри, из глубин, на поверхность из недр, долго готовившийся и грозный (ср.: *извержение вулкана*). В польском – *wytrysk* – выбрызгивание, выплескивание, выхлест, прыскание (*tryskac*), наблюдаемое извне и со стороны и по характеру своему не серьезное. Медицинское *эякуляция* (букв. ‘выброс, выбрасывание’) как бы объединяет мотивацию первого и второго.

Состояние переполняющей невозможности для мужчины далее продолжать и(ли) сдерживаться, с подкатывающим желанием выходящей из-под контроля эякуляции, обозначаемое в польском типично глаголом *ekspłodować* (*ekspłoduje, zaraz ja ekspłoduje*) ‘взорваться’ и такое извержение семени – *eksplozja* ‘взрыв’, – в русском имеет выражением *лопнуть(ть)*, *брызнуть(ть)*, *кончу* (*кончить, кончатъ*) и *сейчас разольюсь* (*разлиться*), *разорвусь* (*разорваться*).

Взорвусь, взорваться, взрыв, хотя и возможны, в силу других, и более распространенных, значений, отмечающих эмоциональный выплеск и выхлест, – *взорваться гневом, негодованием, взрыв гнева, негодования*, – как то, что рвет, распирает и раздирает, взрывается изнутри, – будет мало типичным.

Само подобное состояние *eksplozji / взрыва* – в русском поэтому результативно и внешне (*брызнуть, разлиться, кончить*), в польском – с акцентом на силе и интенсивности, но без ощущения, производимого, вызываемого, проистекаемого изнутри: *eksplozja* и *ekspłodować* – не внутренний, эмоциональный, а внешний и наблюдаемый взрыв.

Типичное, характерное, тут же, в этом ряду *spuścić (się)* ‘эякулировать’, передавая идею освобождения, облегчения, в русском будет соответствовать словам *кончить, слить* и реже *спустить* – с большей, тем самым, акцентуацией результата и (изо)обильности.

Есть смысл, по-видимому, рассмотреть для начала принятые нейтральные обозначения из греческого – *sperma* / *сперма* и прямое ее соответствие *nasienie* / *семя*.

В греческом *sperma*, от *speiro*, что означает (также) ‘распространять’, ‘рассыпать’, ‘рассеивать’, связывается, тем самым, с идеей ветра и распыления, опыления, рассыпания – в пространстве, поле и по поверхности, – идея *сеятеля*, идущего с решетом (отсюда *диаспора* – ‘рассеяние, распыление’ и *спора*, *споры* – ‘семенники растений’).

В польском поэтому и отсюда – *zapylić (kogo)* ‘оплодотворить’ и весьма продуктивное и многозначное *pieprzyć* ‘вступать в сексуальный контакт’, букв. ‘перчить, сыпать перец, перцем’, от *pieprz*, соответственно, ‘перец’; сюда же, отчасти, по действию, *nadmuchać* и *napompować* ‘оплодотворить’, букв. ‘надуть’ (во втором случае насосом).

В русском утрачен и не активен образ сухого, по ветру, пыления-сеяния семенем и дутья. *Пылить, запылить, напылить* и *перчить, наперчить, переперчить* означают совсем иное, с оплодотворением и сексуальными действиями не связанное, а *опылять, опыление* – связывается в языковом сознании только с миром растений, с флорой, воспринимаясь как ботанически-огородное и садово-плодово-ягодное, ни к человеку, ни даже к животному миру отношения не имеющее. Само же *семя* присутствует как бы в двух параллельных, не пересекающихся своих ипостасях – сухое семя растений (во множественном и регулярнее, чаще поэтому, *семена*) и *семя мужское*, жидкость и жидкое, почти что, едва ли не омонимичное в языковом, речевом сознании к первому.

Что касается не типичного, не общепринятого, собственно маргинального – наблюдаемого в жаргонах, сленге, вульгарной речи, сюда же отчасти и тексты фольклорной традиции (для русского языка, польский язык с этой стороны не рассматривался), для современного языкового сознания застывшей, не актуализированной, – то здесь еще большая асимметрия, безэквивалентность и несовпадения в этих двух языках.

Есть смысл поэтому рассмотреть русский и польский собранный языковой материал отдельно, с тем чтобы сопоставить, сравнить потом один и другой на основании полученных результатов.

Наиболее характерным, частотным, распространенным и едва ли почти не единственным маргинально всеобщим просторечно-жаргонным, сленговым, вульгарно-псевдофольклорным и субкультурным номинативом ‘спермы’, ‘мужского семени’ в русском языке будет *молофья*, с варианта-

ми (?) *молофня́, малофья́, малосня́, молосня́, малофня́, малафья́, малахвья́, малахвैया́, малóфья.*

Происхождение (и мотивация, следовательно) данного слова загадочно. Флегон [16, с. 180-181] намекает на греческое происхождение даваемых в подборе слов: *молофья́, молофья́йка* – см. *малофейка*; затем *малофья́йка, малофья́* и *малафья́* – см. *молофья́* и рядом *малахвья́, малахвैया́* – см. *малакия́; малакия́* – онанизм (церк.), *малакья́йчик* – онанист (уст., церк.). *Онанист, онанизм* – т.е. *рукоблудие, рукоблуд* (калька с греческого), то, что выходит и получается, изливается в результате мужского (и осуждаемого церковью) самоудовлетворения.

Не отрицая такую весьма убедительную возможность и не ища другого происхождения, можно и допустимо предположить также фонетическую аттракцию в данном слове и тогда мотивацию и смысловую поддержку *молоком, мо́локой, мо́лками* и *молозивом* (с последним согласуется вариант *молосня*).

В пользу такого допущения говорит встречающееся в некоторых словарях как единственное написание *молофья́* (хотя и противоречащее фонематически русскому аканью). А также не редкое, все же, обозначение ‘спермы’, ‘мужского семени’ словами (*теплое*) *молочко, молоко*.

В употреблении слово обнаруживает устойчивую тенденцию представлять рассматриваемый объект как то, что *льется, течет*, что *спускают, сливают* при мастурбации, а также такого рода сексуальном контакте, который можно рассматривать как производимый с целью мужского (само)удовлетворения, т.е. опять-таки с целью *слить*.

Два этих признака – ‘истекаемость’ (текучесть, жидкое и вытекание из) и ‘спускание (сливание) с целью мужского (само)удовлетворения’, – по-видимому, и составляют то, что определяет мотивационное смысловое ядро разбираемого слова.

Другие возможные обстоятельства, влияющие на его мотивационное основание, сводимы к следующему. Флегон, объясняя его значение, на первое место ставит *поллюция* и через запятую, вторым, дает *сперма*. Из этого могут следовать, по крайней мере, четыре признака:

- 1) ‘пачкающее, пятнающее’;
- 2) ‘подростковое, юношеское, добрачное’, возможно связанное с началом, первыми сексуальными проявлениями-действиями, с инициацией, освоением, первыми признаками мужской сексуальной зрелости;

3) ‘натурально-естественное, природное’, как признак, неизбежное следствие мужской природы;

4) и, наконец, ‘(неизбежно само) прорывающееся, дающее о себе знать’, – как следствие нерегулярной, не налаженной половой жизни, редкости половых сношений и воздержания (отсутствие постоянной сексуальной партнёрши, холостое, небрачное состояние).

Фонетическая аттракция к *молоку* и *молозиву* предполагает признаки – ‘цвет’ и ‘то, что питает (что пьют, глотают, берут, принимают в рот)’, а также, в связи с *молозивом*, дополнительно, – ‘консистенция (густое, сседающееся)’ и ‘первое, то, что начинает идти’ (как признак зрелости у подростка, ср. признак (2) в связи с *поллюцией* у Флегона).

Аттракция к *моло́кам*, *моло́ке* предполагает признаки – ‘жидкое’ и ‘мужское самца’; ‘то, что мечут, чтобы оплодотворить’ (ср.: *метать икру* и *метать на икру*).

Все перечисленные и теоретически вероятные для рассматриваемого объекта (сперма, мужское семя) признаки в слове *моло́фня* и его вариантах не дают, однако, себя обнаружить. Употреблениями и контекстами актуализируются, поддерживаются другие – названные первые два: ‘истекаемость’ и ‘сливание с целью (само)удовлетворения’. При этом второй можно рассматривать как показатель, характеризующий, определяющий в системоценностном отношении исследуемую этноязыковую традицию.

Характеристика эта двусторонняя, точнее двуедина. Включает две части – утверждающую и оценивающую. И то и другое касается отношения к мужскому, его восприятия и интерпретации – интерпретирующего его восприятия.

Утверждение состоит в том, что мужчина всегда и везде стремится к (само)удовлетворению, только и ищет его. Оценка – в иронически-пренебрежительном и насмешливом отношении к мужчине как (потенциальному и постоянно себя соответствующим образом проявляющему) рукоблуду, – не столько и даже не только всегда мастурбирующему, сколько в более общем и универсальном смысле.

Рукоблудие понимается, воспринимается широко. Как мужская позиция, как деятельностная, поведенческая, коммуникативная, социальная и сексуально-интимная составляющая *мужского*, мужчины (в том числе и в его отношении к женщине). Основная, типичная и едва ли не полностью всё объясняющая и исчерпывающая, поскольку единственная.

Ущерб категории креатива, в мужском, активном его проявлении, для субкультурных и маргинальных сфер языкового сознания достаточно очевиден. Позитив иронически-пренебрежительного и насмешливого отношения к этому утешает, но не обнадеживает.

Мотивационные признаки, дающие себя обнаружить на основании других, используемых и встречающихся слов-наименований, имеющих отношение к рассматриваемому предмету, представляются следующими:

(1) 'получаемое в результате трясения, встряхивания, вытряхивания, а также др. подобных действий – по своему характеру праздных, а также глупых, дурацких, нелепых, мимоходных, совершаемых походя, просто так, иногда механически', – характер деятельности – 'нелепость и бесполезная праздность'; слова: *труханина, трухня, струхня, трухать* (эякулировать), *трухнуть на ляжки* (эякулировать вне влагалища, прерванное сношение), *трухануть, трухильо, трухач, затруха, спермодой* (онанист), *затрухать, затрухаться, затруханный* (испачканный спермой); *плевать, плюнуть, плевки, плевочки; семечки*;

(2) 'получаемое таким же образом, но с приложением определенного рода усилий', – 'интенсив акциональной пустопорожности': *дрочить, дрочиться, дрочка, суходрочка* (без извержения семени), *дрочила, дрочилово, дрочиловка, дроченье, выдрочить, подрочить, продрочить, вздрочить, вздрочка, между вздрочим* (от *между прочим*), *дрочун, соус дроче, сдрочить (на кого / что), дрючить, дрючка, дрючок, драчун* (мужской половой орган), *дрюченный, сдрюченный, дрюкнуть, дрюкануть; маслобой, маслобойщик* (онанист);

(3) 'пятнающее, пачкающее, неопрятное, оставляющее мокрые пятна – на одежде, постели', – 'воздействующая результативность, итог и последствие': *сопли, сопля, потекло соплей; солоп, сопливый* (половой член), *сопло, плакса, пачкун* (маленький член); *обрызгать, обляпать, наляпать, перепачкать; слюни, облюнуть*;

(4) 'физическое освобождение', – 'выделительная функция организма, физиологичность и организменность': *спускать, спустить, спущенка, спуск, обспускаться* (многократно в короткий период времени), *слить, сливать, сок спустить, сливки* (как то, что сливают, слито), *сливочки, сливон, излиться, разлиться, разливаться, пролить, проливать, проливаться, поливать (из шланга, регулярнее о моче), метнуть (метать икру), икряной, икрометный* (от *искромет-*

ный); *плеснуть, брызнуть, брызгануть, брызгать, брызги* (шампанского), *брызгун, брызгало, брызгала, брызгалка* (о половом члене, чаще в связи с мочой); *пулемет*; сюда же отчасти *чиз* (англ. 'сыр' как звукоподражание сливания);

(5) 'часть тела', – 'организменное как его часть': *плоть* (устар.), *хромосомы* (и то и другое – 'сперма'), *заряд* (как имеющееся, накопленное в теле на данный момент); *копилка* (мужской половой орган); *гены, генофонд*;

(6) 'живое, сырое, подвижное', – 'натуральность, природность, активность, необработанность, проявление жизненности, жизненного начала (в мужском)': *живчик, живчики* (сперматозоиды), *белок, сыроежка, живоглотка, лялька-живоглотка* (делающая минет), *глотать живчиков; головастики* (сперматозоиды);

(7) Особую группу составляют слова, предполагающие, вводящие акциональное участие женщины, женского или другого лица (женское ролевое и как его проявление – мужской пассивный гомосексуализм): 'требующее определенных усилий для добывания, извлечения со стороны партнёрши (партнёра)', – 'акциональный интенсив контрагента': *высасывать, отсасывать, отсосать, выдаивать, доить, выдоить, доярка* (о женщине), *доёный бык* (о мужчине в состоянии после минета), *дойный бычок* (мужчина как объект минета со стороны женщины), *насосываться, соска* (мужской половой орган и девушка), *сосок* (юноша, молодой человек), *соковыжималка, спермовыжималка* (о сексуально активной женщине);

(8) 'объект глотания, потребления', – 'консумптив': *майонез* (сперма), *сгущенка, сметана, сливки, сливочки, сыр, чиз, творог, творожок, кефир, кефирчик, ацидофилин, ацидофилинчик, масло, маслице, (молочный) крем, вафля* (мужской член как объект минета, то, что берут, отправляют в рот), *вафлист, вафлистка, вафлёр, вафлёрша, вафлить, дать вафлю, кифирить* (делать минет); *проглотилка* (минетчица); *семечки* (также и как семя, и как то, что делается, добывается, получается легко, без приложения усилий); *глотнуть, заглотнуть, наглотаться, захлебнуться, живчиков откушать* (заглотнуть); *кормушка* (мужской половой орган), *хава, хлебало, хлебальник* (влагалище);

(9) 'то, что должно нравится и доставлять удовольствие партнёрше, а также полезное и питательное для неё' (в основном как объ-

ект минета), – 'позитивно отмеченный консумптив': *тёплое молочко, питательное молочко, косметическое молочко, птичье молочко, женский эликсир* (сперма); *белок, эклер, питательный тюбик* (мужской половой член); *витамины* (сперма), *витамин «X»* (мужской половой орган), *леденец*;

(10) 'вводимое внутрь, в нее, вбрызгиваемое, вливаемое внутрь', – 'характер воздействующего проявления в контрагенте и трансдуктив': *впрыснуть, прыснуть (в прелки), влить, вливать, вбрызнуть, налить, впустить, (живчиков) напустить, залить (полный бак), заливать; ставить пистон, вставить пистон* (также и об извержении семени при половом акте), *пульнуть, впульнуть, забить пулю, заряд, зарядить* (также и в значении беременности), *заряженная, осеменить, обсеменить; партвзносы; (вложить) свой (посильный) вклад; копилка, касса* (влагалище)

(11) 'получаемое как итог в конце, а также как следствие, результат воздействующего на контрагента полового акта', – 'акциональный результатив': *кончина, кончита, харчо* (сперма), от *харить* (сношать).

Наиболее регулярными и частотными в современных маргинальных употреблениях представляются слова, актуализирующие признаки 1, 2, 4, 7, 8, 11. Прочие предполагают некую специфичность контекста (3, 6, 9, 10) либо достаточно редки (5).

В фольклоре, том, который принято называть эротическим, т.е. явном и непристойном, о другом фольклоре здесь речь не идет, в этом фольклоре частотность и признаковость перераспределяются. Здесь – либо общий, не попавший в приведенный перечень показатель 'текучего истекаемого', но без 'служащего к мужскому (само)удовлетворению', однако иначе представленный, либо что-либо из перечисленного, но в других предпочтениях.

Не претендуя на полноту, можно предполагать и бóльшую и значительную проявленность 3-го признака, едва ли не как основного.

Фольклорные русские тексты вообще избегают какого бы то ни было обозначения и названия спермы. Возможно, это сакральное и, как такое, предмет избегания и запрета. Возможно, по крайней мере, исходно, не до конца понимаемое, воспринимаемое и осознаваемое в своем креативе. Во всяком случае, то, что в них изредка можно встретить и отнести как

имеющее к этому отношение, одновременно может быть понято как вообще сексуальные выделения, нередко мужские и женские.

К числу типичных можно отнести хотя бы такой фрагмент:

Ох, горюна! Ох, горю хмелина!
Теща к зятю боса пришла,
Она в полог к зятю нага легла,
Попутру встала, сама мокра:
– Зять-злокоман, не ты ли пошутил?
Не ты ли пошутил, подол намочил?
– А и тешшинька ты, ты тешша ласковая!
Ко греху пришло, до *еиц* дошло. [10, с. 43]

Или похожий:

А и девушка у девушки спрашивала:
– А с кем ночесь, сестрица, ты ночевала?
– Одна-де ночесь я ночевала,
В полночь лишь приходил ко мне докука,
Засыкал белу рубашку до пука.
А девушка-та девушке припеняла:
– Зачем ты мне, сестрица, не сказала?
Я бы-де докуке досадила,
Всю ночь бы с себя я не спустила. [10, с. 44]

В ещё одном тексте встречаем: *Одна была рубашенка, И ту замарала, Под мужа попала* [10, с. 60].

Другую группу составляют тексты, интерпретирующие признак ‘текучести, истекаемости, натекаемости, жидкого’ как то, что течет, капает и течет просто так, потому что время пришло и так надо, такова природа (*кран, краник, крантик* ‘мужской половой орган’). Нередко – как то, что ненужное, лишнее, непригодное, доставляющее неудовольствие.

К примеру, в загадках (с двойным значением):

Круглое, горбатое, Кругом мохнатое: Время придет – Вода потечет.

По краям волоса, В середине чудеса: Как случится беда – Потечет вода.

Не знаю, какое местó Все шерстью заросло: Придет беда – Потечет вода. [10, с. 377] (во всех трех случаях отгадка – глаза).

Либо в песне, с подменой – то, что оттуда течет, уже не вода, а слезы, – мужской член // глаз:

"Не ходи, хуй, бос, хы да пы, Не роняй в манду слез, ха да пы". [10, с. 132]

А также такое, с подтекстом и прямо:

Через муньку – струйка. (ведро) [10, с. 381]

Дедка да бабка – тыр-ты-ры-ры, А белая пена идет из дыры. [10, с. 401]

Брат брата трет, Белая вода течет. [10, с. 402] (в обоих случаях – жернова)

У девицы-сиротки Загорелось в середке, А у парня-молодца Закапало с конца. (самовар) [10, с. 412]

У Афанасьева в "Заветных сказках" подобного рода действия, довольно редко встречающиеся, описываются обычно словами *плюнул, потекло соплей, натекло соплей, потоки текут*. Тем самым, как нечто гадкое и марающее, скатологичное.

"Поп и батрак" (вариант б): Поп и батрак идут молотить. На завтрак попадья дает три яйца. Попу два, батраку – одно. Они их съедают. Батрак бьет цепом один раз, когда поп два раза. Поп возмущен, батрак объясняет тем, что съел одно яйцо, а поп два. Поп отправляет его к попадье, чтоб она дала ему другое яйцо. Батрак говорит попадье, что поп велел, чтоб она дала (*поеть*). Попадья негодует, поп подтверждает:

– А ты еще не дала! – кричит ей поп. – Дай ему поскорее да отпусти: пусть молотить идет.

"– Ну, правда твоя! – говорит работнику и легла на лавку за столом. Батрак взлез на нее, живо отмахал, торопится уйти, чтобы поп-то не застал, и прямо с попадьи полез через стол, и тут с его хуя *натекло на стол соплей* таки порядочно. Вышел на двор и дал тягу от попа."

Поп приходит искать работника:

"– Где же батрак? – Как обработал – так сейчас и ушел. Поп думает, что попадья говорит об яйце, подошел к столу и видит, что на столе *нагажено*, и говорит жене: – Эка ты ему уважила! Верно, дала яйцо всмятку; ишь, *не мог он аккуратно* съесть, на стол *разлил*.

(Вариант: Подошел к столу, посмотрел и говорит: – Ишь ты, мать, с батраком яишницу ела да *разлила!* Взял соли, посолил да *слизал языком*.)

А попадя посмотрела на стол и говорит: – Эка подлец! Это как он с меня лез прямо через стол – верно, с его хуя и *натекли сопли; надо убрать.*"

Поп едет искать батрака, тот мажется *грязью*, чтоб тот его не узнал, они попадают в дом, где батрак угощает попа "колбасой" (отрезанным членом любовника хозяйки дома), потом *мочится* сверху ночью с полатей попу в рот, поп кричит "потоп" и т.д. [6, с. 113-116]

Значимые в тексте *яйцо – два яйца, одно яйцо, яйцо всмятку, яичница, есть яйца, яичницу; молотить, цеп; стол, на столе, на стол; посолить; колбаса* – как знаки продуктивного, "правильного", чистого и съедобного, – противопоставлены непродуктивному и поспешно-дурацкому (*еть попадю, взлез на нее, отмахал*), "неправильному", нечистому, несъедобному, – тому, что *нагажено, неаккуратно, натекло соплей, надо убрать; перемазаться грязью, отрезанный хуй, сверху насцать* (помочиться).

Однако то, что *соплей натекло*, как, впрочем, и все остальное, вовсе не обязательно сперма, во всяком случае, не только она. И это особенность, характерная для фольклорного ее представления, – называть не прямо и обобщенно смазанно, неопределенно, без разделения.

Также обобщенно-неопределенно представлен рассматриваемый номинативный объект по другим, менее характерным в фольклоре, признакам – консумптива (8) и праздно-нелепого действия (1):

(8) – консумптив: *Чайник синий, чай горячий, Кипяченая вода, Девки хрена захотели, Как парного молока!* – в песне [10, с. 146].

Ср. при этом тему горения, кипячения, (сексуального) жара и *тёплого молочка* – парного и от бычка (в пословицах, например, когда о глупости и бесполезности – *Как от козла молока; Молока из-под быка* – не достать, не получить, не добиться).

И *чайник*, с носиком – эквивалент мужчины, и важного, и мужского органа, ср., например, в уголовных жаргонах – (*Гражданин*) *начальничек, надень на хер чайничек!*

В этом ряду возможно, по-видимому, и восприятие *птичьего молока* (*молочка*) как того, что имеет какое-то отношение к рассматриваемому предмету. *Птичьего молока* – как чего-то необъяснимого, невозможного, несуществующего, причудливого, отмечающего, обычно бабий, каприз: *Ей только птичьего молока не хватает; В доме есть всё, дом у них (у нее) полная чаша – птичьего молока разве что одного не хватает.*

(Птичьим молоком, молочком, в молодежном жаргоне определяется сперма).

Птичьим молоком голуби кормят своих птенцов и голубиц – в брачный период и сидящих на яйцах. Мужской половой орган ассоциирован с птицей – в фольклоре, и не только в фольклоре: *белое перо, лебединое перо, пёрышко, петух, петушок, петел, кочет, кочеток, когут, птенец, птенчик, пенчик, пташка, птичка, попугай, пичуга, пичужка, соловей, соловушка, вор-воробей, воробей, воробышек, воробушек, (поймать воробушка), голубок, пырка, пырочка* (от глагола *пырять*, но также, возможно, и от индюка, индюшки – в говорах), *(сиз) селезень*.

Сюда же и общее *аист* – как продуцирующее мужское начало, *аист детей приносит*, – и персонификация мужского полового органа.

И, несомненно, птичье – *яйца, сидеть на гнезде, на яйцах, яйца греть, парить яйца* (просиживать место, сидеть без дела). В частушке: *У милашки под рубашкой Птичка гнездышко свила, А другая прилетела – Два яичка принесла*. [10, с. 466]

И – *щекотать, пощекотать пером; достать пером* (маргинально *помыть крылышки* ‘вступить в половой контакт, изнасиловать’ и *посадить на перо, на перо поставить* в уголовном жаргоне, двойного смысла, возможно, также не только ‘ножом пырнуть’); *перо как жар, горит как жар* – перо жар-птицы, горящее, освещающее тьму в ночи, птицы причудливой, странной, волшебной, которую за море едут достать, которая в золотой клетке, которую добывают, приманивая кормом и прячась, лежа под перевернутым кверху дном корытом, а везут под полой, не показывая, скрывая от посторонних.

Ср. (к жар-птице) – летящий огненный птица-змей – пышущий жаром и прилетающий к женам, женщинам по ночам, смущающий их, перекидывающийся, оплодотворяющий, и тоже как птица – с яйцами.

И финист-ясный сокол, сбрасывающий, прилетая к девице, свое (золотое) перо, – жених, добрый молодец, заколдованный принц, пятнающий кровью своей ее терем, раясь о выставленные сестрами-завистницами ножи.

Поскольку птица, по представлениям, когда-то была человеком, птица – душа и умерший, перекидывающееся, невидимое, загадочное и сакрализованно-скрытое, то появляющееся, то исчезающее, прилетающее и улетающее (прибывающее и убывающее – как месяц, вода, прилив), – почему бы не быть в ней птичьему молоку – как причудливо-прихотливому, недо-

стижимому и невозможно-обратному, несуществующему и нечеловечьему
человечьему?

(1) – праздно-нелепое действие. В загадке, противопоставление креативного, продуцирующего и значимого (в отгадке – земля, нива, поле, соха – пахота) глупому и дурацкому: *На пригорке, горке, горке Мужик бабу ёркал-ёркал: Вытащит, стряхнёт, снова запихнёт.* [10, с. 385]; (в отгадке – ткацкий станок, ткачество): *Брюхом мнёт, Ногами гудёт, Вытащит, отряхнёт И опять запихнёт.* [10, с. 417]; (в отгадке – кошелек, деньги): *Богу помолясь, Суну не боюсь. Выну, стряхну – Подальше пихну.* [10, с. 396]

Итак, для фольклорного представления рассматриваемого предмета в русскоязычной традиции характерны в первую очередь признаки ‘текущего – как ненужного, лишнего, неприятного’ и ‘марающего, мокрого, мочащего, пачкающего’.

Для маргинального – это, прежде всего, ‘истекаемость’ и ‘служащее мужскому (само)удовлетворению’, а также нелепо-акциональная праздность пустопорожнего интенсива; дающее облегчение и – требующее участия контрагента, усилий с его стороны, доставляющих и ему, в результате, своеобразно-сомнительное удовольствие и некоторый интерес (воздействующая контактивная коммуникабельность исследуемого объекта).

Польский материал, как было сказано, представляет категориально иную картину. Как и в русском, названий рассматриваемого объекта немного, а в ряде словарей они и не отражены. Маргинального общего, подобного русскому *молофья*, не встречается, а одна из особенностей некоторых используемых для этого номинативов состоит в одновременном нередко обозначении и эякуляции, и совершаемого мужчиной при этом сексуального действия – полового акта (например, глаголы *ładować, pakować, strzelać, skasować* могут обозначать и извержение семени, и совершаемый половой акт). Также как, одновременно, мужских (не только спермы) и женских выделений из влагалища.

Опираясь на выбранный из источников материал, представляется возможным выделить следующие мотивационные основания (активность либо пассивность единиц, их частотность, употребительность либо неупотребительность при этом не учитывались):

1) ‘груз, заряд’; ‘то, что грузят, чем наполняют, что отправляют, передают (получателю), что вкладывают’ и что вместе с тем может быть причиной нездоровья, заражения, последующих непри-

ятностей у контрагента – 'трансмиссив-трансгрессив' и, как разновидность, 'инфекционный трансгрессив': *ładunek, ładować, ładowanie; pakunek, pakować, pakowanie; toksoplazma, toksoplazmoza, truczizna, wirus, wirusek; ładunek* 'сперма', букв. 'груз, заряд' (*mieć ładunek w kieszeni* 'заряд (разряд) в кармане' – о наличии спермы внутри влагалища после акта); *ładować* 'извергать сперму' (во что, в кого), основные значения 'грузить, нагружать, класть, наполнять; взваливать; заряжать', в устойчивых словосочетаниях 'всаживать; пичкать, кормить'; *ładowanie* 'извержение семени' – 'погрузка, загрузка, наполнение; зарядка'; *pakunek* 'сперма' – 'сверток, узелок, пакет; набивка, прокладка, упаковка'; *pakować* 'паковать, укладывать; совать, пихать', в словосочетаниях 'отправлять, сажать, бросать кого-либо куда-либо – в тюрьму, в постель, в больницу; вкладывать (деньги); вбивать (в голову)'; *pakowanie* 'семяизвержение, выделение семени' – 'упаковка, упаковывание, укладывание; отправление, вкладывание';

2) 'накапливаемое, собирающееся, а также имеющееся в запасе, предлагаемый ресурс' – объект обладания-накапливания, – 'концентратив-резерв': *zapas, nabój, źródło mleczne* ('молочные ключи, родники, источники'), *zdrój; zapas* 'сперма' (*mój zapas jest aż nadto obfity, aby ją ukontentował* 'мой запас настолько обилен, что ее удовлетвит') – 'запас; запасная часть, вкладыш, патрон';

3) 'то, чем расплачиваются, при помощи чего совершают обменную операцию, чем и что выплачивают, что при обмене передают' – 'оператив-коммутатив, обменный оператив': *wypłata, towar; skasować, kasjer; wypłata* 'извержение семени' (действие) – 'выплата'; *dzień wypłaty* 'день выдачи зарплаты', *brać (kupować) na wypłatę* 'брать (покупать) в рассрочку (в кредит)'; *towar* 'сперма' (*cały towar władował jej w japę* 'весь товар всадил ей в рот') – 'товар', также как то, что грузят, сгружают; *skasować* 'взять, сексуально использовать, – удовлетворившись, разрешив вопрос соответствующим образом, иметь его, тем самым, уже за собой (имеется в виду при этом и извержение семени)' (*skasował mewkę i wytarł chuja o cholewkę* 'использовал девку и вытер хуй о голенище') – 'отменить, упразднить, ликвидировать; погасить, сделать недействительным (при каких-либо операциях, ср. в рус.: *выбить в кассе*)'; *kasjer*

‘пенис, мужской половой член’ – ‘кассир’ (то, что – тот, кто используется для действий *wyplata, skasował*);

4) ‘употребляемое в пищу’, а также на десерт, как лакомство, из удовольствия, то, что едят, лизут, облизывают, берут в рот и что при этом течет, мажет(ся) – ‘(рафинированный) консумптив’: (*kręcić*) *lody*; *galareta, galaretkę* ‘сперма’ (*rzucić galaretkę na apetyt* ‘совершить оральное сношение с извержением семени в рот’, букв. ‘бросить, кинуть желе, студня в рот’) – ‘заливное, студень; желе; студенистая масса, застывший желатиновый раствор’, *likier śmietankowy, majonez, mleczko, mleko, napitek, napój, nektar, nektaryna, sok, syrop, śmietana, śmietanka, twaróg*; (*kręcić*) *lody* ‘совершать минет, заниматься оральным сексом с женщиной’ – букв. ‘крутить (во рту) мороженое’; *lody* ‘оральный секс с женщиной’ – ‘мороженое’, но также *lód, lodu* ‘лёд’, мотивационно дающий образ ‘скользкого, гладкого, лёгкого, имеющегося в изобилии, движущегося, текучего’ и ‘ненадежного, предательского’, поддерживаемый словосочетаниями *lody puściły* ‘лёд тронулся’ (любопытно, что множественное число, не *lód*, а *lody*), *jak lodu* ‘сколько угодно, во множестве, в изобилии’, *jak po lodzie* ‘как по маслу, гладко, легко’, *zostać (osiąść) na lodzie* ‘сесть на мель, остаться (сидеть) на бобах’, *zostawić (osadzić) na lodzie* ‘посадить на мель, оставить ни с чем, оставить с носом, бросить на произвол судьбы’; (*stąpać*) *po cienkim lodzie* ‘ступать по тонкому льду’ (о рискованном мероприятии, грозящем неудачей, провалом, чаще при взаимодействии с кем-либо, от кого что-то зависит);

5) ‘освобождающее, облегчающее и расслабляющее, упорядочивающее’ (с выделением, истечением, выходом, применительно к мужской природе), предмет и средство необходимого физиологического выделения – ‘регулятив’: *laks, laksa, laksować, laksowanie, laksówa, laksówka*; *spuszczać (się), spuścić (się), gluty, lzy czule*, сюда же также, как чисто физиологические проявления, общеупотр. *nasienie, nasienie męskie* и *płyn sekrecyjny, posoka*; *laks* ‘сперма’, из немецкого, с корнем латинского происхождения: нем. *lax* ‘слабый, вялый; шаткий’, *Laxativ* ‘слабительное’, *laxieren* ‘очищать кишечник (слабительным); иметь понос’; лат. *laxus* ‘отпущенный (лук, оружие)’; поэт. ‘отворенный, открытый (вход, доступ, дверь)’, *laxo* ‘ослаблять, спускать, отпускать; отпирать; становиться вялым,

дряблым; освобождать’, *laxatio* ‘ослабление’, *laxitas* ‘спокойствие, хладнокровие’, *laxe* ‘свободно, вольно, не туго’; *laksować* ‘выделять сперму, извергать семя’ – фактически ‘освобождаться, спускать, испускать, расслабляться’ (нем. *laxieren* ‘освобождать, очищать кишечник (слабительным)’, т.е. жидко, отсюда ‘иметь понос’); *laksowanie* ‘выделение спермы, эякуляция’ (*rznąć bez laksowania* – о прерванном сношении, букв. ‘трахать без семяизвержения (внутри)’); *laksówa, laksówka* ‘пенис, мужской половой член’ – как то, что для этого предназначено, что это привычно делает (с оттенком пренебрежительности и иронии), любопытно, что женского рода (как клизма, жопа, то, что из себя выделяет, льет); *spuszczać (się), spuścić (się)* ‘иметь извержение семени’ – ‘спускать, отпустить; спускать, выпускать (жидкость); скидывать, убавлять, умерять; сплавлять’, в словосочетаниях ‘спустить’ (курок, петлю, собаку – с цепи, поводка); *gluty* вульг. ‘сперма и выделения из влагалища’ – *glut* разг. ‘выделение из носа’, перен. груб. ‘импотент’ [27, s. 61]

б) ‘выбрасываемое из себя и летящее, брызгающее, разбрызгиваемое, также пачкающее’ – ‘акциональный форматив’ (характер совершаемого действия): *pryskać, tryskać (trysnąć), wytrysk, rzut, strzelać (strzelić), kula* (‘сперма’ и ‘пуля, снаряд’), *lager, lagr* (груб. ‘сперма и выделения влагалища’ – устар. ‘осадок, гуща, отстой’ [27, s. 114]), *rozbryzg, superman* (‘супермен’, как показатель силы и фонетический ассоциатив-переделка от слова *сперма* [27, s. 238]); *pryskać* ‘брызгать, прыскать; лопаться, разлетаться (о стеклах, мыльных пузырях); развеиваться, исчезать (о надеждах, мечтах)’, в словосочетаниях *pryskać błotem (śliną)* ‘брызгать грязью (слюной)’, *iskry pryskają na wszystkie strony* ‘искры летят во все стороны’; *tryskać (trysnąć)* ‘бить струей; хлестать, извергаться; брызгать; пыхать’, в словосочетаниях и выражениях *krew tryska* ‘кровь хлещет’; *woda tryska* ‘вода бьет ключом’, *tryskać śliną* ‘брызгать слюной’, *iskry tryskają* ‘искры брызжут’; *(on) tryska energią (zdrowiem)* ‘он так и пышет энергией (здоровьем)’; *ogień z oczu tryska* ‘глаза сверкают огнём’; *wytrysk* ‘извержение; фонтан’; *wytrysk ropy naftowej* ‘фонтан нефти’; от *wytryskiwać* ‘брызгать, бить струей (фонтаном); извергаться, хлестать’; *rzut* ‘выплеск, порция спермы’ (*spuściłem się jej w smak, ale pierwszy rzut wypluła* ‘спустил ей в рот, но первый бросок

она выплюнула’) – ‘бросок, удар, метание’, в словосочетаниях *rzut karny* ‘штрафной удар’, *rzut rożny* ‘угловой удар’, *rzut wolny* ‘свободный удар’, *rzut granatem, dyskiem, oszczepem* ‘метание гранаты, диска, копья’; *rzut oka* ‘беглый взгляд’, *na pierwszy rzut oka* ‘на первый взгляд’; *strzelać (strzelić)* ‘стрелять; взлетать, взвиваться, возноситься, устремляться вверх; быстро расти, тянуться; хлестать, брызгать (струей); бить (по воротам), забрасывать (шайбу, мяч); взрывать, производить взрывные работы’, в словосочетаниях *strzelać oczyma* ‘стрелять глазами’, *strzelać z palców* ‘щелкать пальцами’, *strzelać z bata* ‘хлопать бичом’, *gniew strzela z oczu* ‘в глазах сверкает гнев’;

7) ‘получаемое в результате полового сношения; то, что с ним связано и его завершает’ – ‘результатив-комплетив’: *jebie, jebina, jebiny* ‘сперма’ (*niechajże ziemię moczę tymi jebinami* ‘да омочу я землю моими “семенами”’), а также *obłapka* ‘сперма и выделения влагалища’, от *obłapiać* ‘обнимать, стискивать кого-либо в эротическом запале’ [27, s. 147].

В особую группу стоит выделить, как внешнее мотивационное основание, параметризацию по виду и/или цвету:

8) ‘белое, бело-прозрачное, молочного цвета; жидкое, мокрое, мажущееся, кашицеобразное’: *białko, galak* (от греч. *galaktikos* ‘молочный’; в знач. ‘мужской половой член’, а также груб. ‘сперма’ и ‘выделения из влагалища’) [27, s. 59], *galas* (устар. ‘нарост на листьях растений, использовавшийся как краситель’ и ‘разваренные фрукты’) [Ibid.]; *kisiel, kisiel w majtkach, mokość, sapor* (от устар. ‘соус’), *smarowidło*, сюда же перечисленные в (4) *sok, syrop, twaróg; śluz, thustość, żywica* (‘смола, камедь’).

Представленные признаки в своей основе проявляют четыре значимых проекции: 1) ‘то, что течет, текучее и брызгает’; 2) ‘то, что накапливается, собирается, поступает и чем совершают “торгово-обменную, финансовую операцию”, что необходимо “погашать”, “кассировать”’; 3) ‘то, что, выделяясь, дает освобождение, облегчение, расслабление’; 4) ‘то, что представляет собой объект потребления’.

Ядро семантического отношения-мотивации обращается вокруг идеи обладания-накопительства и вкладывания (хотя и с иронической подкладкой, но в маргинативах, так или иначе, всё с насмешкой). *Torba* ‘сумка, мошна’, *wór (worek)* ‘большой куль, мешок’, используемые для обозначе-

ния мужских яиц, мошонки и не характерные для русскоязычных представлений¹¹⁶, хотя и отмечают большую величину определяемого, проецируют в себе ту же идею накопительства и складывания, обладания, с возможностью выплаты, расплаты с возможными партнёрами (партнёрами) и выдавания.

В том же ряду, по-видимому, следует рассматривать и глагол *butelkować się* ‘онанизировать’ – ‘сливать (?) в бутылку’, *butelkowanie* ‘мастурбация’, образованные от *butelka* (‘бутылка’) ‘вульва, женский половой орган’ – по форме, но, прежде всего, как то, куда можно слить, налить, поместить и в чем всё это держится и хранится.

Идею хранения переданного (передаваемого), положенного и/или привлекательного своим содержимым, идею содержащего можно отметить также в словах *szkatuła* ‘шкатулка, ларчик’, *szuflada* ‘ящик (выдвижной, напр., в столе, комод)’ для обозначения того же (вульвы, влагалища).

Для русскоязычной традиции идея накопления и финансово-торгового обмена мало типична и имеет иной оттенок. Так, ‘мошонка’, ‘яйца’ – *бубенцы, колокольчики, яблоки, помидоры, абрикосы* (звон, бестолковость, болтание, качание, дерганье и употребление в "еду", консумция). А также *аккумуляторы*, однако при этом в них важно не столько то, что они в себе что-то накапливают и содержат, сколько то, что *саждаются* (т.е. могут сесть, энергию растрачивают) и *разряжаются*, после чего их надо потом *зарядить, подзарядить* (напр., спиртным).

В приведенной раньше загадке *кошелёк*, то, что, казалось бы, самой своей идеей накопления, держания (денег, серебра) внутри и формой как нельзя более подходит для обозначения того же, мужских яиц, – на деле претворяет всё ту же бессмысленную, праздную и пустую активность: *суну, выну, стряхну – подальше тихну*. Сюда же и известная поговорка-присловье типично мужского отношения и понимания своей роли и дела: *Наше дело не рожать – сунул, вынул и бежать*.

Ни о каком накопительстве и передаче чего-либо здесь нет и речи. Действия имеют бестолково-быстрый и без последствий для производителя смысл и характер. Мужское умение ума не требует, оно, скорее, требует умения избежать (последствий, ответственности, тяжести и серьезности).

В другом присловье, обыгрывающем оригинальность китайских имен и фамилий, воплощается та же мужская позиция – сухого (не мокрого, на сухую, всухую, без мокрого груза) полового умения: *Вы Сунь Хуй –*

¹¹⁶ Рус. *мошонка* не связывается в современном представлении с мошной.

Сунь Хуй Вчай – Вынь Су Хим. Необходимо *сунуть* и *высунуть* и выйти при этом, остаться *сухим*.

Накопление и финансовость находят отчасти свое отражение в женском, в его применительном отношении к мужскому. Для женского полового органа в жаргонах можно встретить названия *копилка, касса, кошёлка, корыто, лохматый (мохнатый) сейф* (который, однако, обычно *вскрывают*) и сюда же *бюджет*, но это ‘влагалище и женские половые органы проститутки’ (т.е. общее, государственное, ничьё, все туда вкладывают и всем из него дают).

В фольклоре (в частушке) встречается *облигация*, опять-таки применительно к соответствующему мужскому и в отношении к нему: *У милашки под рубашкой Облигацию нашёл. Расстегнул свою ширинку – Сразу номер подошёл.* [10, с. 466]

И есть еще одно того же ряда название – *вексель* ‘мужской половой член’ (возможно, в связи с *выдать вексель*), но это слово обозначает также и ‘(женский) клитор’. К этому также можно добавить в том же значении мужского полового органа *ваучер*.

С идеей товара, торгового предложения и магазина связано в польском и слово *nabiał* ‘мужские яйца’, используемое также в значении ‘женские груди, грудь’ (но как второе, последующее значение).

Слово это обозначает ‘молочные продукты (в том числе также яйца)’ и часто используется как название, вывеска соответствующего магазина, лавки, лотка (молочных продуктов, молочной).

Слово *mleczarnia* ‘молочный завод, устар. молочная’, словосочетание *bar mleczny* ‘молочное кафе, кафе-молочная’, обозначая женскую грудь и связываясь с идеей переработки, выработки молочных продуктов, с кормлением ими, питанием и предложением, а не товара, запаса, приобретения и купли-продажи (как в слове *nabiał*), – в значении ‘мужские яйца’ не употребляются.

В польском, также как в русском, могут встречаться слова, отмечающие сперму как ‘то, что марают, пачкает, оставляет следы’: *plama* ‘пятно’, *plamy* ‘пятна’, *wilgotne plamy* ‘мокрые, влажные пятна’, *pobrudzić* ‘испачкать’, *kleista kałuża* ‘клейкая, липкая лужа’. Однако для сопоставления двух языков по этому основанию имеющегося материала было бы недостаточно.

Для обобщений по теме небезынтересным представляется также сравнение двух обратно направленных номинативов, используемых в русском и польском для обозначения мужских половых желёз, производящих

сперму. Обратное направлено потому, что, если в русском языке более регулярным, частотным и употребительным будет для обозначения этого слово *яйца*, а менее употребительным – *ядра*, то в польском, наоборот, употребительным и основным будет слово *jądra*, а *jaja*, *jajka* – вторым, специфическим, отмечаясь по словарям как единицы вульгарные и просторечные.

Учитывая семантическую и мотивационную общность корней, допустимо сделать ряд обобщений по данному основанию.

Слово *ядро* / *jądro* и в русском, и в польском определяется одинаково, из чего можно сделать вывод об общности их мотивационной основы: ‘внутренняя часть, съедобная сердцевина плода, заключенного в твердую оболочку’ – *ядро ореха*; ‘внутренняя, центральная часть чего-либо’ – *ядро древесины, клетки, Земли*; ‘сущность, основа чего-либо, главная его часть’ – *ядро значения, смысла*, ‘основа, костяк’ – *ядро коллектива*.

Расхождения наблюдаются по интересующему нас предмету: в польском – это словарное значение слова (анат. ‘мужское яичко’), в русском такого значения как словарного нет, зато есть *ядро* как ‘артиллерийский снаряд’, что в польском соответствует слову *kula*.

Прилагательные *ядрёный* / *jędrny* отмечают признаки твердости, плотной упругости, крепости, свежести, силы, здоровья и бодрости.

Яйцо / *jajo*, *jajko* – известный предмет овальной формы и в скорлупе у птиц и яйцеживородящих, используемый также как пищевой продукт; предмет, имеющий подобную форму, и – женская яйцеклетка (с пометой биол., т.е. как специальное слово).

В значении ‘мужская половая парная железа, вырабатывающая мужские половые клетки, а также орган внутренней секреции у человека или животных’ в русском языке словарно дается *яичко* (слово *яйцо* в этом значении разговорное), а в польском оно как словарное не дается, хотя разговорно и во фразеологии довольно активно и употребительно.

При равновозможном, казалось бы, выборе налицо предпочтения. Русский язык предпочел для себя и выбрал *яйцо* (*jajo*, *jajko*), польский – *jądro* (*ядро*). Хотя и второй вариант для каждого языка в определенных контекстах и случаях употребителен и вполне допустим. Вопрос только в том, всегда ли он симметричен. Тем любопытнее рассмотреть основания предпочтений и разность выборов.

Показателем мужественности, мужским определяющим и явным признаком, в большей мере, будет, конечно, *фаллос*. Вся европейская и

околоевропейская культура в целом фаллична, и *яйца* гораздо менее в ней популярны. Но в русском эта фалличность еще сильнее, по сравнению с европейской (насколько об этом можно примерно судить по характеру номинативов и их использования) и – по сравнению с польской.

Названий мужского полового члена неизмеримо больше, чем названий яиц, и употребляются, используются они гораздо активнее. Причем, как показывает собранный материал и данные речевого узуса, показатель этот выше в русском, чем в польском.

Помимо этого характерные и часто используемые в польском живом обиходе грубовато-фамильярные выражения *ktoś bez jaj* – о мужчине ‘безвольный, неэнергичный, малоподвижный, неприспособленный, неудачник, а также бесполой, сексуально непривлекательный’; *ktoś z jajami* ‘быстрый, подвижный, сообразительный, предприимчивый, темпераментный, ловкий’; *robić sobie z kogoś jaja* ‘насмехаться над кем-либо, делать из него объект для насмешек, вышучивать’; *zrobić kogoś w jajo* ‘надсмеяться, подшутить, обмануть, надуть, подвести кого-либо’; *(Ale) jaja!* ‘Вот это да! Ну дела!’ (о неожиданной, странной, смешной, анекдотической, глупой ситуации, таком же чьем-либо поведении); *dla jaj* ‘для смеху, для шутки, для развлечения, выставляясь, выпендриваясь’; *robić jaja* ‘выкидывать номера, вести себя странно, для смеха, шутить над кем-либо, чем-либо’; *jajcarz, jajarz* – о мужчине, который любит шутить, юморить, острить, балаганить; *robić komuś koło jaj* ‘скрыто, предательски, втихаря вредить кому-нибудь, интриговать, готовить ему неприятности’, – для русского речевого узуса подобные выражения совсем не типичны. И не типичны, прежде всего, в связи со значением и мотивирующим смыслом слова.

Возможными и типичными будут другие.

Баба с яйцами ‘энергичная и активная или мужеподобная женщина, ведущая себя как мужчина’ (в польском *baba z jajami* – это, прежде всего, ‘пассивный гомосексуалист’, хотя и указанное значение вовсе не исключается).

Яйца, следовательно, воспринимаются вроде бы как “положительнее”, как более неотъемлемый признак мужчины, чем половой член: *яйца* мужчиной делают, даже из бабы делают, в то время как в польском – природный мужчина, *z jajami*, – *baba*, если это пассивный гомосексуалист.

Данное различие объяснимо, поскольку в польском *jądro* – ведущий номинатив и физический показатель мужчины, а *jaja* – признак не столько мужчины как такового, сколько мужчины активного, деятельного,

подвижного, предприимчивого, энергичного, привлекательного сексуально, признак мужских достоинств его, а не показатель его естества и природы, как в русском. В этой связи стоит вспомнить насмешливо-ироническую припевку *Вышел Ванька на крыльцо Почесать свое яйцо, Сунул руку – нет яйца, Так и ёбнулся с крыльца.*

В связи со сказанным также и выражения *взять за яйца* ‘заставить, принудить к чему-либо, поставить в безвыходное положение, прижать, придавить’, *морочить яйца* ‘морочить голову’, *яйца чесать* ‘бездельничать, ничего не делать’, упомянутое ранее *слону яйца качать* ‘попусту тратить время, занимаясь ненужным и бесполезным делом’, – проявляют идею (сознательной) деятельности и поведенческих оснований. В то время как в польском – скорее, идею жизненных сил, привлекательности, благополучия, радости и высокого тонуса.

Слова *ядра / jądra* подобным образом, в выражениях, не используются, ни в русском, где это слово не основное как номинатив, ни в польском, где оно основное. Мотивационное основание внутреннего и сущности, "съедобного" и нутра, сердцевины *jądra / ядра* становится в польском определяющим в его представлении о мужском природном, мужском физическом, и, косвенно, для его креативной и продуктивной (мужского) текучей, в семени-сперме, сущности. (Определяющим для языкового сознания. Материал и его обобщение в связи со спермой согласуются с этим и подтверждают это.)

По-видимому, основание это представляется довольно серьёзным, чтобы не делать себе из него предмет для насмешливо-снисходительных шуток и речевой игры, почему и отсутствуют разговорно-фамильярные и скабрёзные выражения с этим словом. Для этого используется слово *jaja (яйца)* – в замещение и в параллель, с основанием иной природы: по внешнему признаку, форме и как ‘текущий’ и ‘растекающийся’, привычно съедобный и хорошо знакомый, "птичий" и "земноводный" по происхождению, "скорлупый" веселый предмет, поднимающий настроение, праздничный, доставляющий удовольствие, радость, смех лицемерием, манипуляциями с ним и игрой.

Основание это в русском становится главным, ведущим и основным. *Яйца* – первое и едва ли не самое характерное, почти единственное и распространенное слово-номинатив соответствующего мужского достоинства. Номинатив креатива. Другие слова (*кокошки, шулята* и пр.) достаточно редки и, будучи диалектными, малоупотребительны.

Перенос по внешнему, с точки зрения формы, "съедобности" и текучести, составляет в русском языковом сознании существенную мотивирующую особенность концептуального впечатления от предмета. Идея внутреннего и сущностного *ядра* номинативно им избегается. Как избегается, впрочем, и в польском, только иначе. Здесь она, отражая исходное и основное, служа впечатлению "главного" слова, представляет собой мотивирующее серьезного и ведущего, не повседневно смехового. В русском – возможно, как дополнительное, не основное, контекстуально и стилистически обусловленное.

По первому впечатлению можно решить, что *ядра* в русском используются, чтобы подчеркнуть, обозначить величину и особую плотную твердость предмета. Такой компонент значения вовсе не исключен, но он, пожалуй, вторичен.

Характер соотношения трех впечатлений, трех мотивирующих оснований, заключенных в русских *яйца, ядра, муде*, используемых для обозначения внешне одного и того же, подсказывает и закреплённая узуальность, и этимон значения, и однокоренные слова, и фразеология каждого слова. В сжатой форме, почти что формуле, отличие и характер трех представлений нашли свое отражение в фольклорной песне:

Транды, транды, трандушки,
Любют девки *ядрушки*,
Молодушки – *мудушки*,
Старые бабы – *яицы*. [10, с. 74]

Ядро, ядрить, ядрёный, ядрышки передают впечатление молодого и крепкого, активного, ярого, зрелого, насыщенного, плотного и насыщающего.

Нелитературные, подстандартные и вульгарные, с корнем *муд-*, *муди, муде, мудо* (яйца, яйцо); *мудило, мудила, муда* (грубо-неодобрительное – о бестолковом, глупом, вызывающем отвращение мужчине), *мудистый* (с большими запросами, надоедливый, ко всему цепляющийся и неприятный), *мудозвон* (болтун, пустомеля), *мудошлёт* (дурак, придурок, ограниченный человек, разиня, растяпа); *мудить* (морочить голову), *мудня* (чушь, чепуха), *разводить мудию* (тянуть, канителить, говорить ни о чем, вилять, заниматься тягучим и бестолковым делом); *мудохат* (бить, избивать), *мудохаться* (выкладываться, работать в поте лица; канителиться, копаться, возиться); сюда же и однокоренные – *мудрец, мудрило, мудрила, мудрить* и *мудрый*, нередко используемые с иронией и неприязненно (ср. *безмудый*

‘никчемный, жалкий, безвольный’, и – ‘идиот, безмозглый’, и – ‘импотент, кастрат, без яиц’; *мудистый, мудака, мудило, мудила* – с большими яйцами, вроде как взрослый и опытный, по внешним признакам на многое претендующий, но ни к чему не способный на деле, болван совершеннейший), – слова данного ряда обозначают, следовательно, хозяйственно-зрелое и умелое, опытное, достигшее статуса, положения, обладающее, имеющее (идея ‘мужик-хозяин, середовой, не мальчик, зрелый не только физически, но и социально, психологически, остепенившийся, приобретший, способный и обеспечивать и кормить, и свое дело знающий’).

Яйца (яицы), помимо значения общего и универсального, о котором уже говорилось раньше, содержат, в сопоставлении, подчеркивая, идею прочности основания, становления-старости (старости – как достижения полноты, от *ста-ть, ста-новиться, ста-лый*), совершенства и непреходящести, неизменности.

Ядра, ядрышки, ядрушки – хорошо, и приятно, и сладко, нутро, сердцевина, но хорошо в свое время и его еще надо уметь, расколов, добравшись, достать, вместе с тем оно преходяще, проходит, портится, перезревает (идея зрелости, созревания, роста мужского ядра).

Мудушки – двойственно и переменчиво, как всё, что делает взрослый мужчина и человек, что он умеет делать, чем обладает, имеет в себе как нажитое, хозяйство свое и имущество, как мудрость его и как знание, мудрость и знание нередко мнящего мудрым себя учёного, опытного дурака (*век живи, век учись, а дураком помрешь*), – пришло и ушло, есть и нет, видимое и сущее (идея опытности и человеческой деятельности, воплощённого человеческого на земле).

Яйца – сама природа в мужском, его естественное, чистая и совершенная форма, дающая жизнь и ею заряженная, космическое и птичье, модель вселенной-яйца, само воплощение жизни, энергии, жизненных сил (идея экзистенциальной непреходящести – *все живое из яйца*).

В польском, когда подчеркивается эта природность, когда приходит в голову универсальность, природность, космичность – “птичьего” и “земноводного” птицы-змеи, высиживающей свои “яйца в своем гнезде”, – ‘текуще-оплодотворяющего, сеющего, таинственного’ в мужчине мужского начала, также возможен образ и впечатление не *jadra / ядра*, а *jaj (jaja) / яиц (яйца)*. В одном фрагменте синонимия одного и другого может зависеть и обуславливается именно этой мотивационной семантикой впечатления.

В описании мужской гомосексуальной встречи-контакта, акцентирующем прелесть мужского органа, его достоинств, встречается следующий показательный в разбираемом отношении пассаж:

Pieściłem jego gniazdo, w którym olbrzymi aztecki ptak-wąż wysiadywał dwa jajka. (Я ласкал его гнездо, в котором огромный атекский птах-змея высиживал два яичка.) [20, с. 35]

Раньше, в иной связи, где подчеркивалась его же прелесть, но как молодого, крепкого, юного и активного, было:

Jego piękne, młode jądra muskały rytmicznie nasadę mojego ogona, co przechodziło w głośne, szalencze chlastanie. (Его красивые, молодые ядра ласкали ритмично основание моего хвоста (имеется в виду основание полового члена), что переходило в громкое, яростное хлестание.) [Там же]

Текущая сущность мужского таинственна, прячется как ядро, ее появление всегда неожиданно и шокирующе. Впечатление этого образа можно найти, обнаружить в таком фрагменте, описывающем таинство посвящения, первого опыта, через приобщение к "сакральному" гомосексуальной инициации, усиливаемое трижды повторяемым *pierwszy raz*, третий раз ИТОГОВЫМ:

Miałem pełny dostęp do jego ciała. Pierwszy raz widziałem, jak wygląda męski penis w całej okazałości i jakie są prawdziwe jądra, otoczone pięknymi, jak u niego ciemnymi włosami ... Pierwszy raz spermą mi twarz zalał, niespodziewanie. Dysząc przeproszał i swoją koszulką mnie wycierał. A ja byłem dumny: to jego sperma. Pierwszy raz zostałem dopuszczony do najwyższej męskiej tajemnicy! (Его тело было в полном моем распоряжении. Впервые я видел, как выглядит мужской пенис во всем его великолении и какковы настоящие ядра, окруженные красивыми, как у него, темными волосами ... Впервые он мне залил спермой лицо, так неожиданно. Тяжело дыша, извинялся и обтирал меня своей майкой. А я был горд: это его сперма. Впервые я был допущен (приобщен) к наивысшей мужской тайне.) [21, с. 54]

Культуры фаллические специфическим образом обнаруживают и проявляют мотивационно-номинативное отношение к сперме. Описывают и обнаруживают не с позиции женского в его отношении к мужскому, а с позиции мужского в его отношении к себе самому и (другому) мужскому,

– как познаваемому своему, но через другое, в другом, в проявлении у другого (мужчины), не у себя, и через него у себя.

Отсюда инициированная заряженность, познавательно-познающая когнитивность подобных фрагментов, фразеологии, паремиологии, текстов, нередко заряженных, как исходное, сакраментально и/или гомосексуально.

Отсюда экспликативная выраженность и манифестируемость, номинативность такой, маскулинной по смыслу, культуры, во многом и прежде всего, в ее "ритуально" отмеченных духом мужского союза и братства (тесной компании, группы, фамильярно-интимного отношения) контекстах (см. подробно об этом, в связи с основаниями маскулинных культур, у Herdt'a [19], Vangaard'a [24]).

Сравнивая основания различных культур и традиций, возможно выделить, обнаружить несколько проявлений, типичных и характерных, внутренне, многим из них, – отражаемых тонкими впечатлениями мотивирующих значений номинативов и образов.

Впечатление родовое – родового приобщения, общности, родовой жизненной силы и воплощения родового начала, характерное для первобытных и ранних культур. В рассматриваемых языках и их маргинальностях наиболее скрытое, спрятанное и имплицитное. Остатками впечатлений рассыпавшееся, неявно и заслонённо, вытесненно, в обрядах свадьбы и погребения.

Впечатление космическое, биоэнергетическое – во всей своей очевидности и полноте проявившееся в восточных традициях, с их идеями трансцендентальных связей, сообщений и выходов, "вращения" семьи как энергии и метаболического ею, при половом акте, обмена.

Впечатление свойств – мужественности и силы, зрелости и достоинства, опытности, обретения, мудрости, как проводящей и созидющей силы, силы, дающей жизнь, впечатление мозга и капли, частицы тела-души и – сознания, знания, как индивидуального, персонифицированного и персонифицирующего мужского начала, его креатива, так характерное для традиции иудейской с ее установкой на сохранение и нерастрачивание впустую, на разумную, взвешенную его передачу и сечение.

Впечатление активности-деятельности, акцентированное и проявленное в русских маргинативах со знаком "наоборот", как дурацкая, бесполезная и пустопорожняя деятельность.

Впечатление накапливающегося и расходуемого обладания, с возможностью передачи другому, женскому, и потому, как следствие, потенциально, впечатление растрачивания и (значимой) ценности для себя и того другого, которому передают; проявленное в позднейших и европейских традициях, переосмысленное, впечатление родового и свойств в основе: запреты и страх мастурбации, с одной как бы стороны, и – форма и средство расплаты-выплаты, обменный оператив, характерный для польских маргинативов, с другой.

Впечатление физическое – характера проявлений вовне, текучести, пачкающего, марающего; впечатление-знак осваиваемого и распознаваемого предметного и природного, знак вместе с тем инородно чужого, не своего, знак и признак чужого тела, того, что внешнее, вне меня.

Впечатление организменное, физиологическое – функционирования животных субстанций, впечатление нутряного физического, с идеей освобождения, облегчения, выделения из себя, приводящего к ослаблению и регуляции внутреннего.

И впечатление воздействующее, коммуникативно-контактное, агентное-контрагентное, конвенциональное, наделяющее, – связи и консумптива, обеспечивающее установление, завязывание и достижение необходимых, желаемых, гедонических и эго-значимых отношений аффилиатива и самореализации, – с противоположным себе (женским полом) либо с таким же своим другим.

Перечисленные основания, воплощаясь по-разному в разных этнокультурных традициях и маргинальных культурах, соединяясь и комбинируясь, в различных своих сочетаниях, проекциями своих категорий, дают представление сходного и различного, типологического, индивидуального и общего, для языкового сознания отдельного коллектива, – в сопоставлении служа пониманию их отталкивания, причин контрастности, невосприимчивости и несходств.

Этой цели и служили отчасти представленные заметки, на материале русских и польских маргинативов определявшие несовпадения внутреннего дождя-посева – 'мужского семени'.

1998 г.

Источники материала и словари:

1. *Большой польско-русский словарь в 2-х тт.* Москва – Варшава, 1980.
2. Быков В.: *Русская феня.* Смоленск, 1994.

3. Даль Вл.: *Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт.* Москва, 1955.
4. *Двое*, № 17 (246), 1997.
5. *Латинско-русский словарь*. Составили И.Х. Дворецкий и Д.Н. Корольков. Под ред. С.И. Соболевского. Москва, 1949.
6. *Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А.Н. Афанасьевым (1857-1862)*. Издание подготовили О.Б. Алексеева, В.И. Еремина, Е.А. Костюхин, Л.В. Бессмертных. Москва, 1997.
7. *Немецко-русский словарь*. Под ред. В.В. Рудаша. Москва, 1942.
8. Ник Дуглас и Пенни Слингер: *Тайны пола*. Минск, 1993.
9. *Русский мат*. Составитель Т.В. Ахметова. Москва, 1997.
10. *Русский эротический фольклор*. Составление и научное редактирование А. Топоркова. Москва, 1995.
11. Сидоров А.: *Словарь современного блатного и лагерного жаргона (южная феня)*. Ростов-на-Дону, 1992.
12. *Словарь воровского языка*. Тюмень, 1991.
13. *Словарь русского языка в 4-х тт.* Москва, 1981.
14. *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона*. Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. Москва, 1992.
15. *Толковый словарь уголовных жаргонов*. Под общей ред. Ю.П. Дубягина и А.Г. Бронникова. Москва, 1991.
16. Флегон А.: *За пределами русских словарей*. Лондон, 1973.
17. Anusiewicz J., Skawiński J.: *Słownik polszczyzny potocznej*. Warszawa – Wrocław, 1996.
18. Grochowski M.: *Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów*. Warszawa, 1995.
19. Herdt G.: *Guardians of the Flutes. Idioms of Masculinity. A study of Ritualized Homosexual Behavior*. N.Y., etc., 1981.
20. *Inaczej*, nr 3 (81), 1997.
21. *Nowy Men*, nr 3, 1997.
22. Stępniaк K.: *Słownik tajemnych gwar przestępczych*. Współpraca Z. Podgorzec. Londyn, 1993.
23. Urke Tuftanka: *Zakazane wyrazy. Słownik sprośności i wulgaryzmów*. Warszawa, 1993.
24. Vangaard T.: *Phallos. A Symbol and its History in the Male World*. N.Y., 1972.

Дополненные источники:

25. Никитина Т.Г.: *Молодежный сленг. Толковый словарь*. Москва, 2003.

26. Мокиенко В.М.: *Словарь русской брани*. Санкт-Петербург, 2004.

27. Lewinson J.: *Słownik seksualizmów polskich*. Warszawa, 1999.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДИДАКТИКИ

Обучение речи и языку: процесс как форма и коммуникативная типология говорящего

Процесс обучения, и в первую очередь обучения языку, в том числе иностранному или второму (возможно, и первому в условиях двуязычия), можно представить как коммуникативный процесс, т.е. процесс общения. Во всяком случае, он таковым, так или иначе, является и, будучи таковым, имеет все составляющие коммуникативного акта: участников (субъект → адресат), пресуппозицию, конситуацию, предмет разговора (тематический спектр), средство общения (язык как язык, изучаемое, и как метаязык, описывающее и вводящее), отображаемые во всей своей совокупности и находящие каждый свою позицию и место в некоем производимом тексте-дискурсе – вербализованной форме интересующего нас процесса.

Необходимость исследования психологических сторон процесса обучения языку и речи в условиях самой разной языковой аудитории следует признать весьма актуальной. Об этом свидетельствуют работы лингвистов¹ и психологов², пристальный интерес к проблемам коммуникативности, проблемам разговорной речи, ситуативной и речевой семантики³. Об этом свидетельствует появление новых форм и методов в преподавании языка, поиски новых путей контакта и воздействия на обучаемого, отражение в методике экспериментальных данных, упор на использование и развитие внутренних возможностей человека, его личностных свойств⁴. Это, прежде всего, суггестивный метод, интенсивные формы, приемы управления процессом усвоения знаний, метод автономного обучения, принятые за основу преподавания, в том числе и русского языка как иностранного, и ставшие, в связи с немалым количеством публикаций по данной теме, в своем теоретическом и отчасти практическом осуществлении довольно известными и привычными.

В последние десятилетия, в связи с изменившейся языковой ситуацией и изменением геополитических, политических и лингвосоциальных акцентов, предметом внимания и беспокойства стали вопросы мотивационного и контингентного состояния обучающихся языку, вопросы языкового окружения и речевой среды, вопросы культурной и языковой компетенции говорящего (= обучаемого)⁵, которые также, отчасти, можно было

бы отнести к определению параметров адресат – ситуация, т.е. параметров коммуникативной и психологической, по своему существу, природы.

В ряду проблем, связанных с обучением речи и языку, проблема психологии взаимодействия и особенностей речевого контакта с самим обучающимся ставится в последнее время в связи с обращением к индивидуальным особенностям, речевым поведенческим стратегиям обучающегося, его целям, мотивам, методам коммуникативного взаимодействия. При этом, однако, как представляется, типология восприятия и речевого проявления в условиях аудитории во внимание принимаются недостаточно, хотя проблемы речевого общения⁶, педагогического общения⁷, психологии взаимодействия лектор ↔ аудитория⁸ давно уже приобрели свою и теоретическую, и, отчасти, практическую определенность и значимость. Необходимость изучения коммуникативных типов, проявляющихся в речевой форме, конкретная направленность приемов преподавательского воздействия, корректируемость речевой формы воздействия в зависимости от речевых типов слушающих, упор на развитие и усложнение внутренней структуры личности в ее речевом компоненте, в части, обращенной к собеседнику, на механизмы общения и контакта, следовало бы определить как существенную и настоятельную необходимость обучения речи и языку в условиях как двуязычной, так и одноязычной языковой среды.

Предмет статьи далек от немедленного практического использования в учебной аудитории. Изучение коммуникативных типов говорящих предполагает исследование продолжительное, экспериментальное, разностороннее⁹. Задача состояла не в том, чтобы дать определенную и полную картину интересующих типов в коммуникативных их проявлениях с описанием разносторонних особенностей, стратегий и тактик, а в том, чтобы обратить внимание на необходимость известной направленной остроты – остроты восприятия речевой формы с возможностью необходимого акцентирования и организации этой формы в ее воздействующей, ориентированной, организуемой, осознаваемой подаче. Пристальный взгляд в себя, умение анализировать форму речевого проявления обучаемого, умение распознавать либо чувствовать субъективные, внутренние причины того или иного речевого индивидуального стратегического, тактического проявления, – что как не требование направленности и поступательности обучения средствами коммуникативного взаимодействия, речевой культуры, интериоризации обучения как речевого процесса? Обучение речи и языку, таким образом, становится в прямое соответствие обучению этике и куль-

туре общения, формированию общей внутренней коммуникативной культуры.

Речь, передавая особенности умственной, эмоциональной, мотивационной сферы, национальной, территориальной и социальной речевой среды, образования и воспитания индивида, не может быть для него не такой, как есть. Вот почему еще обучение речи должно отражать черты индивидуального, предполагать обращенность формы обучения на конкретного говорящего как субъекта.

Типологию индивидуальных форм речи, опираясь на достижения российской психолингвистики, можно интерпретировать как сложную систему взаимодействий механизмов и автоматизмов речи¹⁰, повлиять на которые возможно лишь при целенаправленном, регулярном, контролирующем воздействии с приемами обратной связи¹¹. Вопрос об управлении речевыми автоматизмами, в частности автоматизмами артикуляции, приобретший свою актуальность в связи с обучением произношению¹², можно вывести в сферу внутренне направляемого и организуемого субъектно-субъектного взаимодействия в условиях речевого коммуникативного акта.

Основываясь на теории учения и интериоризации¹³, предполагающей поэтапное усвоение знаний, постепенное включение и перевод внешних действий в сферу действий внутренних, авторы соответствующих, психолингвистических по своему духу и психолого-корректирующих, методик предлагают строить обучение на ориентировочно-исследовательской поэтапной деятельности учащихся, при которой обучаемый становится субъектом, а не объектом процесса, через введение в процесс учебных моделей, согласованных со структурой деятельности учения¹⁴. Все это может стать основой вербализованной организуемой обучающей формы как слепка, модели субъектно отмеченного, воздействующего, направленного речевого процесса, имеющего внутренний вектор движения от говорящего к адресату и от адресата на говорящего как его alter ego, или вторую и равную часть, участвующую в общем процессе.

Неизбежно встает при этом вопрос о возможном расширении и, тем самым и соответственно, углублении разрабатываемой в этих традициях и рамках методики. Возможно ли, иными словами, использование методики преподавания русского языка как иностранного при обучении языку и речи в русской или национально-русской двуязычной аудитории и среде? Конкретно-методически, видимо, не совсем и даже вряд ли возможно. Психологически – лишь отчасти. Структурно-стратегически – очень возможно.

Необходима разработка собственных, обуславливаемых методик, приемов и методов, опирающихся на общее (психологические условия интериоризации, этапность обучения, введение учебных моделей, согласованных со структурой деятельности и механизмами речи, опора на мотивацию обучаемого) и на специфическое, обращаемое в национальных, территориальных, социальных и психологических вариациях речевой формы.

Частным специфического представляются контактные и экспликативные типы говорящих, проявляющиеся в особенностях установления контакта, речевой направленности¹⁵, способе представления сообщаемого.

Форма речи отражает все признаки речевого типа. В просодии, особенностях звукопроизводства, звуковых сочетаниях, звуковой длительности, тембровой окраске, темповой характеристике, динамике воздушной струи, структуре фраз, ритмике, особенностях речевой реакции и строения высказывания, – можно обнаружить и вывести речевой коммуникативный тип говорящего. Соединением всех типологических характеристик представляется вполне возможным достичь описания речи индивида.

Для целей обучения знание коммуникативных типов необходимо, по-видимому, как средство, открывающее путь к методическим включениям форм и структур субъектной сферы в речевой процесс как формируемый, создаваемый в процессе учения вербальный дискурс. Весьма полезным и продуктивным может оказаться и общее представление о типах, умение распознавать их и ориентироваться на них в процессе обучающего общения. С подобной задачей, в первую очередь, позволяет справиться знание контактных и экспликативных типов.

Форма обучения, адекватная формам субъектной сферы, должна быть смежной им. Как умению говорить предшествует умение слушать и равенство одного и другого умений взаимообусловленна, симметрична и переходна, так и ответственность процесса обучения достижима при условии его контагиозности, соответствия сознанию воспринимающего. Обучение строится на включающем воздействии: форма воздействия становится эквивалентной по отношению к структурам и формам воспринимающего сознания и самого восприятия. Основу обучения при таких условиях составляют контакт и речевая форма воздействия. Это еще одна причина актуальности знания контактных и экспликативных типов – типов включения и типов формы.

Определить тип в условиях аудитории довольно сложно. Манифестирующие признаки, позволяющие распознавать тип, достоверны при

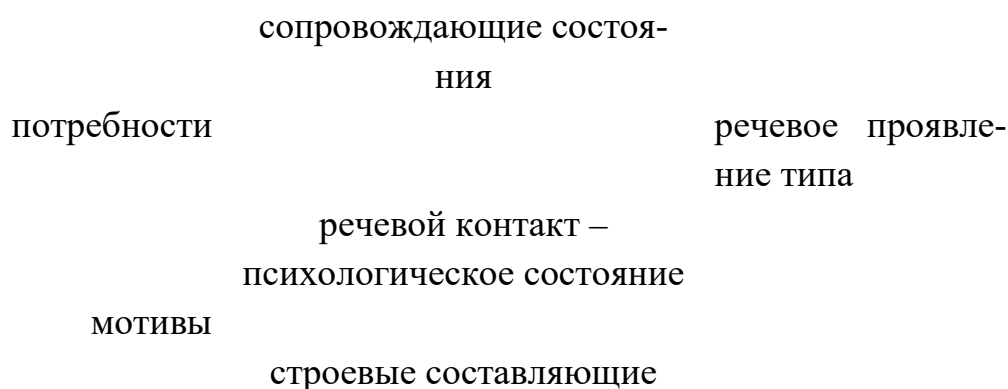
условии длительного наблюдения. Однако для достижения цели не всегда необходимо достоверная определенность, достаточно знание типов и соответствующая ориентация, "устроенность", организованность формы воздействия.

Психологическая форма обучения, приведенная в соответствие с психологической формой коммуникативного речевого типа, допускает воздействие на контактные стороны восприятия. Такое воздействие способно привести к развитию типа и, через воздействие на систему мотивов¹⁶, к формированию желаемых автоматизмов речи.

Применение методов суггестопедии, отражающих принципы функциональности языковых явлений¹⁷ и коммуникативности процесса обучения, в методике преподавания языка и речи обоснованно еще и тем, что, как для иностранной аудитории, так и для русской и двуязычной национально-русской, они предполагают обучение владению речи, хотя для разных целей и в разной степени. Если преподавание неносителям направлено на выработку соответствующих необходимых автоматизмов речевого производства, то обучение в условиях двуязычия и в одноязычной среде, – перестройку уже существующих, но недостоверных (либо же непрестижных и маргинальных, побочных, не акцептируемых автоматизмов), коррекцию и выработку механизмов контроля, навыков речевой диглоссии и стилистической дифференциации. Первое предполагает создание системы, второе – ее усложнение, придание ей подвижности, гибкости, структурированности, регистровости, трансдуктивной и трансформативной способности. Поскольку обучение языку и речи должно быть ориентировано не на подавление "неверных", ошибочных вариантов и замену их новыми, желательными и правильными, а на развитие процессов дифференциации, диглоссии и билингвизма¹⁸, необходим упор на развитие у обучаемого способности к различению, контрастированию, дескриптивности и управлению собственной формой речи, а также к определению, квалификации речи другого (других).

Поэтапность в обучении языку, в основе которой лежит представление о фазовой структуре речевого акта (Л.С. Выготский – А.А. Леонтьев¹⁹), в качестве начального этапа предполагает, очевидно, воздействие на систему мотивов, выработку установки на общение – фаза установления контакта.

Контакт предстает как психологическое состояние, имеющее начало (потребности, мотивы), вид – строевые составляющие, сопровождающие состояние и выход – речевое проявление типа:

Способ контакта, реализуемый в речевой форме, для осуществления воздействия, должен быть смежным способу проявления типа. Речевая форма существенна как показатель типа и, одновременно, как способ воздействия на него.

Смежность не предполагает сходства или совпадения. Сходство легко распознается как воздействие извне и отторгается. Совпадение не служит импульсом, поскольку не содержит нового. Контагиозность менее ощутимый, следовательно, более внутренний и активизирующий внутреннее способ.

Контакт должен содержать элемент видения для воспринимающего. Форма воздействия, будучи смежна форме типа, приближаясь к ней, одновременно от нее удалена, неявна в близости, – сообразуясь, сообщаясь с ней, ее отталкивает, побуждает в ней стремление к собственной активности.

Управляющее воздействие невозможно без опоры на показатели контактно-эмпативных типов, поскольку способ воздействия должен следовать в параллель, в связи со способом восприятия, взаимодействуя с ним и отражаясь в нем. Тип, проявляясь в речевой форме (манifestируясь), отраженно, средствами собственной формы, воспринимает воздействие извне. Смежность представляет собой воздействие по способу сообщающихся сосудов: давление извне в одной точке ведет к движению внутри по каналам, связанным с точкой восприятия. Управление движением становится в зависимость от знания типа и контагиозного наведения воздействия на него средствами речевой формы.

Рассмотрим представленное в связи с характеристикой связанных между собою параметров коммуникативных типов. Первым таким пара-

метром будет направленность. Это параметр адреса, мотивационной базы, ориентировки и инициативы контакта. В этом параметре необходимо учитывать вектор направленности (1), доминирующий мотив (2), способ проявления (3), постоянство (4) и степень силы(5).

1) Вектор может быть направленным либо в себя, либо вовне, либо к собеседнику. Каждый из названных признаков-проявлений равно возможен для говорящего и как его постоянное свойство, и как такой, который может быть обусловлен, т.е. ситуативен. Семантика вектора для говорящего может предопределяться как осознаваемой, так и неосознаваемой (не полностью осознаваемой) ценностью речевого контакта, доминирующим, определяющим мотивом. В зависимости от изменения условий, у подвижных, мобильных типов вектор способен меняться.

2) Доминирующим мотивом может быть стремление уйти от контакта, либо, напротив, себя проявить, либо в той или иной мере завладеть собеседником (его вниманием – как проекция и частный случай мотива). Избегание, или уход, может предполагать, в свою очередь, различные обусловленности: уйти от контакта, получив от него для себя то, что желательно и/ли необходимо, либо, напротив, уйти от контакта без желания что-либо получить, как форма защиты и/ли сохранения прежнего состояния либо равновесия его.

Цель и смысл проявления себя в ходе контакта также могут быть различны. Контакт способен выступать как средство удовлетворения различных потребностей: утверждение собственной ценности в своих глазах и в глазах окружающих; энергетическое восполнение либо энергетический и/ли эмоциональный выход, своего рода аффилиативный контакт; контакт – как средство развития, роста и как познавательный, информативный источник; контакт самоценный, как средство удовлетворения потребности в общении, т.е. в самом контакте.

Третий признак мотива (завладеть собеседником) может быть проявлением необходимости в доминировании, в отдаче, в самореализации, потребности в сочувствии либо опеке. Мотивация признака обуславливает протекание контакта, влияет на речевое поведение индивида и, в конечном счете, на успешность контакта, его результат.

3) Способ проявления может быть также трех видов: непосредственный, открытый, либо опосредованный, либо скрытый. При этом средства проявления могут быть одинаковыми для всех трех способов проявления. Способ устанавливается через соотношение внешнего, проявляющегося, и

того, что за этим стоит и что воспринимается как смысл способа проявления. Непосредственность (открытость) проявления предполагает большую или меньшую степень совпадения формы, т.е. эксплицированного, выраженного, с внутренним, подразумеваемым. Опосредованный способ непрямого проявления представляет собой экспликацию неоднозначную, намекающую, подводящую, дающую понять смысл через другое, через параллель и подобное. При таком способе всегда возможно отступление, говорящий защищен и, в случае неудовлетворительного для него контакта, всегда может скрыться под маской непонимания и видимого несовпадения, дисконтакта со своим собеседником на уровне смысла сказанного. Последний способ, скрытый, представляет собой намеренное упрятывание смысла, мотивы при этом могут быть самыми разными.

4) Параметр постоянства для различных экспликативных типов может проявлять себя либо как стабильный, константный (неподвижный), либо как подвижный, либо как ситуативно обусловленный. Степень подвижности – свойство развивающееся, зависящее от способности понимать собеседника, воспринимать изменения в речи и перестраиваться соответственно условиям контакта, его коммуникативно-речевой содержательности и общей направленности.

5) Степень силы в значительной мере свойство индивидуальное. Для удобства можно выделить три основные регистра степени – слабый, средний, высокий. Степень, как и все прочие признаки, может быть постоянным свойством типа, но может быть и меняющимся, обусловленным влияниями и действиями условий, показателем осознаваемой ценности речевого контакта, его соответствия либо несоответствия потребностям говорящего.

Направленность, таким образом, может быть определена как параметр сильный в своем отраженном влиянии на контакт и одновременно как параметр мобильный, подвижный – способный изменять направление и интенсивность в зависимости от условий контакта и внутренних характеристик типа. Тип "собирается", складывается по пяти рядам признаков, определяясь, в конечном итоге, ими, однако не каждый ряд и не каждый признак равно существен и активен в его определении. Отсутствие признака либо его подмена, т.е. присутствие видимое, также необходимо рассматривать как показатель типа.

Манифестирующие признаки речевой формы могут быть неявны, а истинные значения типа скрыты. Явность либо неявность типа зависит от

его типологических характеристик по рядам признаков. Тип с характеристикой "направленность в себя; доминирующий мотив – уйти от контакта; способ проявления – скрытый; параметр постоянства – неподвижный; слабой степени проявления силы", к примеру, склонен менее проявляться, как мало экспликативный, в контакте он не активен, невыразителен, мало явен, не очевиден, и потому с трудом поддается идентификации, определению, чем тип с противоположной характеристикой, внутренне склонный к манифестациям и проявлениям, предрасположенный к ним.

В условиях аудитории опознавательные признаки типа может содержать речевая заявка неудовлетворенности – проявление типа в сторону неприятия контакта, способ выражения несоответствия контакта базе мотива, внутренним поведенческим и речевым потребностям, общей ориентированности. Заявка неудовлетворенности проявляется в средствах усиления речевой формы (речевая напряженность), что обнаруживает себя в повышении тона, ощущаемой интенсивности воздушной струи, заметной вибрации голосовых связок, акцентировке согласных звуков – дополнительной, усиленной взрывности эксплозивных (взрывных), долготе, протянутости фрикативных в сильных позициях начала и середины фразы (динамизм звука), контрастности ритма, контрастах и перепадах темпа. Содержание сообщения при этом далеко не всегда свидетельствует о неудовлетворенности, не совпадая, не согласуясь с формой. Форма с осознанием и проявлением смысла могут быть разобщены.

Заявка неудовлетворенности представляет собой своеобразный сигнал неудачи контакта, требующий не столько сиюминутной реакции со стороны обучающего или ведущего речевой контакт, сколько анализа и внутренней коррекции воздействия в целом. Вместе с тем, заявка неудовлетворенности является проявлением задетого интереса к сказанному, неудовлетворенного, не вполне, может быть, осознанного, недостаточно ясного для речевого субъекта и/ли внутренне мотивированного. Отключение в безразличие, незаинтересованность, равнодушие наступает позже и в случае неизменения предложенной формы и/ли содержания речевого контакта – нескорректированности последующего воздействия (параметр постоянства в значении „неподвижный”).

Вторым источником опознавательных признаков типа будут используемые им средства привлечения внимания, разнонаправленные исходно, типологически и ситуативно. Говорящий может стремиться привлечь вни-

мание к себе, к речевой форме, к смыслу своего сообщения. В зависимости от этого способы и признаки манифестации могут оказаться различными.

Речевая форма привлечения внимания к себе сопровождается часто мимикой, жестикуляцией, позой. Собственно речевые средства выступают в этом случае скорее как сопровождение и поэтому могут быть менее акцентированы, второстепенны, аккомпаничны: аттрактивные модуляции голосом (певучая речь), подвижное, но ослабленное интонирование (перепады тона, не контрастные, но ощутимые), понижение силы голоса, малая интенсивность воздушной струи, заметная либо падающая слабость звукового производства, утрата согласными сильных признаков, требующих затрат – взрывными взрывного признака, что приводит к появлению фрикативных соответствий у 'б', 'п', 'д', 'т'; ослабление аффрикат, переход их во фрикативные; сдвигание заднеязычных в среднеязычное положение; вялость губных; оглушение сонорных 'р', 'л', 'м', 'н'; стирание различий между мягкими и твердыми, звонкими и глухими, появление полумягких и полувзвонких, что составляет признаки редукции согласных и полупшепота. Общей становится тенденция к ослаблению выразительности и контрастности речевой формы, к ее стертости, незапоминаемости, невыделенности, неяркости.

Бескинетические формы привлечения внимания к себе предполагают проявление особого модуляционного признака, что можно определить как своего рода говорение "на запятых", с интонацией фразовой незавершенности, с акцентом неактуальности и неактуализации, смазанности того, о чем и что говорится. Внимание слушающего невольно переводится в этом случае на говорящего.

Привлечение внимания к форме речи предполагает усиление ее особым, аранжированным и аттрактивным образом: за счет углубления тембровой окраски, ее густоты и гулкости, увеличения силы голоса, сопровождающей звук направленно ориентированной воздушной струи (поставленность звука), вариаций и перепадов темпа, интонационного подчеркивания, ритмического рельефа фразы.

Если заявка неудовлетворенности создается эмфатическими средствами, через усиление речевой формы, привлечение внимания к себе, напротив, ее ослаблением, акцент на форму – интонационным и голосовым подчеркиванием, то акцент на сообщаемое, на смысл реализуется, воспроизводится средствами логического и смыслового выделения. Акцент на смысл достигается, прежде всего, распределением фраз, их контактом,

распределением фрагментов темпа, их соотнесенностью, контрастом или параллелизмом, распределением пауз – их долготой, насыщенностью, местом; деятельностью органов речи – сменой напряжения и ослабления, соразмеренностью усилий со степенью важности эксплицируемого фрагмента. Работа органов речи направлена на устранение помех, снятие преграды между восприятием и содержанием говоримого. Речевая форма становится формой, несущей смысл (возможно, отчасти, интерпретирующей его). Вместе с тем ее назначение – в том, чтобы, растворяясь, не создавать ощущение формы, не оставаться, не звучать в сознании воспринимающего.

Безакцентные формы речи могут быть свидетельством неопределенности ориентировки, либо неактуальности контакта в отношении потребностей, признаком отключения. Они должныстораживать, поскольку, если это признак отсутствующего интереса, ухода от контакта, воздействие будет недейственным, мало эффективным.

Безакцентные формы возможны также как признак состояния рефлексии либо боязни, страха: неуверенности в себе, сомнения в собственных силах, опасения показаться смешным, недоверия, боязни несоответствия, отсюда маска, скорлупа, подмена состояний, упрятывание, беспомощность, неспособность к активным проявлениям и, как одно из следствий, немаркированность, сглаженность, безакцентность речевой формы.

Путем непрямого, контагиозного воздействия на систему предварительных установок можно добиться перераспределения интересов и появления акцента, предварив, тем самым, начало процесса обучения и усвоения.

Национальные и территориальные особенности проявления речевой формы, связанные с особенностями не только речевого, но и внутреннего поведения говорящих, обусловленного их системой ценностей, направленностью интересов, требованиями социальной оценки, представлениями о должном и норме, о правильном, принятом, среднем, низком, высоком, – все это, воплощаясь в формах проявления типов, должно корректировать форму воздействия и его приемы.

Безакцентность речевой формы может быть чертой территориально обусловленной. Речи сельского жителя, обитателя Поволжья, Севера, средней полосы в отличие от речи горожанина, Центра, Юга²⁰. Меньшая акцентность речевой формы отличает также жителей Кубани, Ставрополя от жителей Нижнего Дона, Нижней Волги, пограничных с Россией областей Украины. Вялость работы органов речи, слабость согласных, малая

дифференцированность гласных, меньшая модулированность, больший темп, равно как и другие признаки, могут рассматриваться, таким образом, в отношении их территориальной и национальной обусловленности и привязанности²¹. Достоверная и полная картина варьирования типологических признаков речевой формы могла бы быть достигнута на основании свидетельств ареальной лингвистики и лингвистического картографирования, расширивших в последнее время первоначальную область применения²² (ср. составление диалектологических атласов).

Территориальное, однако, далеко не всегда однородно и часто не предопределяет тип. Одни и те же признаки могут свидетельствовать о разном. Самоуглубленность, обращенность в себя, акцент на внутреннем, предполагая малоcontactные, либо бесcontactные типы, не способствуют силе, выразительности, рельефности речевой формы. И в данном случае это не территориальный, а индивидуально-психологический показатель. Воздействие же на такие типы, вследствие внутренней их активности, результативно. Показатели их речевой формы имеют следы заинтересованности, своего рода точечные, акупунктурные места проявления контакта: модули вопросительной интонации, слабое повышение тона, бóльшая смычность смычно-проходных, их интенсивность, замедленность темпа, особая ритмика фразового строения.

Фаза установления контакта должна создавать ситуацию наибольшего благоприятствования (основное требование суггестивного метода), снимать зажатость, предубеждение, настороженность. Раскрепощение необходимо, с одной стороны, для того чтобы создать у обучаемого устойчивую положительную ориентировку, способность, тем самым, к наибольшей реализации его внутренних возможностей. С другой, – для того чтобы независимо от типологических различий достичь единого и устойчивого центра взаимодействия, центра контакта с группой²³.

Объединение в центр – это опять-таки требование к речевой форме. Пространство контакта, создаваемое воздействием, должно включать собеседника, располагать его к контакту. Центр формируется способом подачи, голосом, речью: интонации ожидания ответной реплики, побеждающая смена тембра, ритмика фразы, система приемов речевого включения собеседника.

Следующим параметром, вслед за направленностью, будет способ представления сообщаемого. Это параметр речевого проявления типа. Как правило, это параметр сложившийся, постоянный и несменяе-

мый. Очень важный при установлении контакта, поскольку задает возможность и вид взаимодействия. Необходимо учитывать следующие его составляющие: степень подвижности (1), направленность (2), способность настройки (3) и корректировки (4), степень стилевой развитости (5).

1) В отношении подвижности параметр может быть неподвижным, со значениями принужденный либо непринужденный, или подвижным – ситуативно обусловливаемым.

2) С точки зрения направленности – направленным в себя, либо на объект (предмет речи), либо на способ своего представления (самоценный), либо на собеседника. Данный показатель следует отличать от направленности контакта. Направленность контакта – это общая ориентировка системы мотивов, устремленность говорящего, готовность к общению. Направленность способа представления – показатель внутренней экспликативной организованности, характерный, наиболее типичный путь проявления говорящего, адресованность сообщения.

3) В отношении способности настройки параметр может иметь значения: открытый, настраивающийся либо закрытый, ненастраивающийся.

4) В отношении способности к корректировке параметр может выглядеть как учитывающий возможность поправок на собеседника либо не допускающий подобных поправок; приспособляющийся к собеседнику либо включающий собеседника; учитывающий его характер либо ведущий и заявляющий, не чувствующий собеседника.

5) С точки зрения стилевой развитости параметр может выглядеть как стилистически и ситуативно дифференцируемый, либо дифференцируемый и развитый в малой степени, либо как стилистически унифицированный, т.е. недифференцируемый.

Способ представления сообщаемого не поддается прямому воздействию и изменению. Его развитие и переформирование происходит вслед за развитием и усложнением всей внутренней структуры личности, повышением уровня интеллектуальной культуры. Это совместный процесс: обогащение и усложнение форм речевого проявления ведет к развитию культуры мышления, культура мышления – к развитию новых форм. Создаются условия к формированию в способе представления подвижных, активных, контактных черт, что, как следствие, может вести к переформированию способа, переходу его в другой, более сложный регистр проявления.

Манифестирующими признаками речевой формы выступают, прежде всего, контактные речевые средства, т.е. средства обращения к собеседнику, способы помещения собеседника в пространство дискурса. Они способны проявляться в структуре высказывания, определяясь степенью его номинативной и семантической определенности для адресата (включением известного либо неизвестного для него, наличием и способами введения неизвестного); степенью информативной и/ли речевой избыточности либо, наоборот, недостаточности (повторы, объяснение известного, излишние подробности, погружение в детали, с одной стороны, и опущения, внутренний ассоциативный ход, непонятный слушателю, логический пропуск, недоговоренность, обрывы, с другой); в просодике (интонации речевого внимания к собеседнику – помещение его в пространство речи либо, наоборот, невнимание и игнорирование) и т.п.

Способ представления сообщаемого, обуславливая говорение, регулирует одновременно процессы восприятия и понимания²⁴. Воздействуя, необходимо учитывать характерный для слушателя способ интерпретации сообщения, поскольку контакт осуществляется, прежде всего, на его основе. Использование приемов контагиозного воздействия, т.е. смежных со способом средств речевой формы, способных быть включенными в "речевой способ восприятия", может оказаться в этом отношении весьма полезным.

Третьим параметром будет степень реагирующей активности. Это параметр установления и протекания контакта. Он столь же не легко поддается изменениям, как и способ представления сообщаемого, поскольку во многом зависит от него и определяется его показателями. Его признаки и показатели с неизбежностью обусловлены также степенью осознаваемой ценности речевого контакта, степенью его соответствия ощущаемым потребностям и мотивам. При описании параметра необходимо учитывать следующие его проявления-признаки: форму проявления (1), характер мотивационной базы (2), направленность (3), степень осознания (4).

1) Форма проявления по своим показателям может быть внешней, активной и скрытой, внутренней; контактной и бесконтактной; адекватной и неадекватной.

2) Мотивационная база может иметь характер смысловой (осознание, внутреннее саморазвитие, понимание), информативной (познавательной) либо эмоциональной.

3) Направленность, соответственно, исходить изнутри, от себя, от внутренних потребностей, либо от осознаваемой необходимости, либо от роли (привычной формы проявления в контакте).

4) Степень осознания – с определением ценности контакта и смыслового поля собеседника, либо без определения таковых, либо с отсутствующей, не осознаваемой, не актуализируемой, не существенной ценностью.

Умение слушать и воспринимать, характер участия во взаимодействии предопределяются во многом установившейся степенью реагирующей активности со стороны самого воспринимающего и слушающего.

Вид реакции, как правило, распознать нетрудно. В условиях контакта речевая форма реагирования прямо указывает на отсутствие, неадекватность, либо, напротив, соразмерность ответной реагирующей деятельности. Совокупность показателей речевой формы – интонационных, темповых, динамических, тембровых, артикуляционных – необходимо правильно интерпретировать.

Распознавание признаков формы, побуждая ответ, предлагает прежде определение мотива, побудившего именно данную реакцию. Сообразно с чем, ответ должен быть направлен в сторону мотива, а не реакции, и в сторону реакции только в том случае, когда она оказывается следствием и проявлением мотива. Таково требование контагиозного речевого воздействия.

Одна и та же форма может быть показателем признака, в большей или меньшей степени активного и постоянного, и состояния, временного и преходящего. Подверженность состояниям в условиях речевого общения можно рассматривать как черту типологическую, требующую корректировки со стороны самого воздействия.

Ролевая деятельность также отражается на условиях контакта, проявляясь в признаках речевой формы. Таким образом, не только национальное и территориальное, но и социальное сглаживает ее индивидуально-психологическую субъектную характерность.

Подвижность, приспособляемость речевой формы обуславливает ее способность отражать равным образом свое и чужое, постоянное и временное, ситуативно меняющееся и свойственное, без разграничений и отмеченности происхождения. При этой интерференции, диффузии речевой формы по признакам национального, территориального и социального способны обуславливать как внешние, поверхностные слои речевого типа,

так и, проникая вглубь, усваиваться и определять структуру внутреннего, влиять на постоянное в речевом проявлении субъекта, на его константу.

Определить несвое и освободиться от него человек, как правило, не в состоянии. Переформирование его внутренней структуры, происходящее под воздействием управляющего обучения, приводит к осложнению типа речевого проявления в сторону ситуативности, разнообразия форм и средств выражения. Происходит расслоение форм, в результате которого свое и несвое, заимствованное и собственное ощущаются в несовпадении, начинают различаться. Тем самым, появляются возможности дифференцированного, ситуативно обусловленного использования средств речевой формы, что неизбежно следует рассматривать как повышение уровня интеллектуальной и общей языковой культуры, ее развитие, этап продвинутого, все более активного и углубленного овладения речью и языком.

Процессы усвоения и воздействия, дополняя друг друга и коррелируя один в другом, равным образом отражаясь в коммуникативных типах, способны стать основой управляющего обучения, обучения с учетом показателей речевой формы и их ответным отражением в форме воздействия и его приемах. Обучение языку и речи может стать адресованным, конкретно направленным, психологически обоснованным, тем самым и одновременно, как закономерное следствие, более результативным.

1995 г.

Литература и примечания:

1. Верещагин Е.М.: *Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма)*. Москва, 1969; Виноградов В.А.: *Консонантизм и вокализм русского языка. Практическая фонология*. Москва, 1971; Артемов В.А.: *Психология речевой интонации*. Москва, 1976; Баранникова А.А.: *Роль наглядности при изучении фонологии и фонетики русского языка в национальной аудитории. Лингвистические основы преподавания языка*. Москва, 1983, с. 177-195; Юдакин А.П.: *Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли*. Москва, 1984.

2. Лурия А.Р.: *Язык и сознание*. Москва, 1979; Талызина Н.Ф.: *Управление процессом усвоения знаний*. Москва, 1984; Киселева Л.А.: *Вопросы речевого воздействия*. Ленинград, 1978.

3. *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*. Москва, 1983; *Теория и практика лингвистического описания разговорной речи*. Горький, 1984; *Проблемы коммуникативной лингвистики*. Москва, 1982; Колшанский Г.В.: *Коммуникативные основы адекватной*

интерпретации семантики текста. [В:] Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин, 1983, с. 15-21; *Язык и массовая коммуникация. Социолингвистические исследования*. Москва, 1984.

4. Wilczyńska W.: *Uczyć się czy być nauczanym? O autonomii w przyswajaniu języka obcego*. Warszawa – Poznań, 1999; Галка А.: *Автономное обучение иностранному языку и психологические особенности учащегося*. [В:] Актуальные вопросы изучения русской литературы и культуры, русского языка и методики его преподавания в европейском контексте. Под ред. Я. Генцеля и др. Краков, 2001, с. 480-484.

5. Все это, так или иначе, отчасти можно свести к понятию языкового статуса, см. в этой связи: *Язык, культура и образование: Статус русского языка в странах мира*. Москва – Вашингтон, 1997.

6. Парыгин Б.Д.: *Основы социально-психологического общения*. Москва, 1971; Бгажноков Б.Х.: *Психолингвистические проблемы речевого общения (лично и социально ориентированное речевое общение)*. Автореф. канд. дис. Москва, 1973; Леонтьев А.А.: *Психология общения*. Тарту, 1974; Соковнин В.М.: *О природе человеческого общения*. Москва, 1977; *Общение: структура и процесс*. Москва, 1982.

7. Леонтьев А.А.: *Педагогическое общение*. Москва, 1979; Зимняя И.А.: *Педагогическая психология*. Ростов-на-Дону, 1997.

8. Зимняя И.А. *Психологические особенности восприятия лекций в аудитории*. Москва, 1970; Леонтьев А.А.: *Психологические особенности деятельности лектора*. Москва, 1981; Бырлиба К.М.: *Элементы психологии в лекционной пропаганде*. Кишинев, 1972; Мехонцев Н.И., Михайлов Н.И., Ненашев М.Ф.: *Слушатель в аудитории*. Москва, 1983.

9. Исходным материалом для предлагаемого обобщения послужили магнитофонные записи речи лингафонного кабинета Ростовского университета (1980-е годы), целенаправленные наблюдения за речевой реакцией и речевым поведением говорящих в различных ситуациях аудиторного и не только аудиторного общения.

10. Жинкин Н.И.: *Механизмы речи*. Москва, 1958; Жинкин Н.И. *О кодовых переходах во внутренней речи*. [В:] „Вопросы языкознания”, 1964, № 6, с. 26-38; Бернштейн С.И.: *Вопросы обучения произношению (применительно к преподаванию русского языка иностранцам)*. [В:] Вопросы фонетики и обучения произношению. Москва, 1975, с. 5-61.

11. О процессах направленности, ориентировки, понимания личностных смыслов, вчувствовании, моделировании коммуникативно значи-

мых особенностях личности см. замечания в книге: Леонтьев А.А.: *Психология общения...*

12. Вовк П.С.: *Проблема управления артикуляцией при обучении русскому языку как иностранному*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1970; Вовк П.С.: *К проблеме управления речевой артикуляцией обучающегося*. [В:] Вопросы обучения русскому произношению. Москва, 1978, с. 3-22; Ильясов И.И., Рябова Г.В.: *Концепция управления усвоением и обучение иностранному языку*. [В:] Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. Москва, 1970, с. 5-26; Колосов К.М.: *Психологическая модель управления процессом усвоения фонетики*. [В:] „Иностранные языки в высшей школе”. Вып. 15. Москва, 1980, с. 49-55; Крылова Н.Г.: *Методика управления процессом формирования иноязычных артикуляций (на материале постановки русских щелевых согласных и аффрикат в иностранной аудитории)*. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 1982.

13. Гальперин П.Я.: *О законе поэтапного формирования умственных действий и понятий*. [В:] „Известия АПН РСФСР”. Вып. 45. Москва, 1953, с. 93-99; Гальперин П.Я.: *К учению об интериоризации*. [В:] „Вопросы психологии”. 1966, № 6, с. 25-32; Гальперин П.Я., Талызина Н.Ф.: *Современное состояние теории поэтапного формирования умственных действий*. [В:] „Вестник Московского университета”. Серия 14. Психология. 1979, № 4, с. 54-63.

14. Каспранский Р.Р.: *Понятие фонетической модели и его значение в практике обучения произношению иностранного языка*. [В:] Вопросы фонетики и обучения произношению. Москва, 1975, с. 62-76; Крылова Н.Г., Колосов К.М.: *Система постановки звуков русского языка на основе структуры познавательной деятельности*. [В:] „Русский язык за рубежом”. 1978, № 2, с. 71-74.

15. Леонтьев А.А.: *Психология общения...*, с. 136 – о направленности личности и процессах ориентировки.

16. Начальная фаза структуры речевого акта по А. А. Леонтьеву (Там же, с. 128).

17. См., в частности, посвященные этому материалы Всесоюзной научной конференции "Функциональное описание языка в целях преподавания" (Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 10-12 июня 1985).

18. Крысин Л.П.: *Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии*. [В:] Социально-лингвистические исследования. Москва, 1976, с. 62-69.

19. Леонтьев А.А.: *Психология общения...*, с. 128.

20. Интересное наблюдение за территориальной обусловленностью речевой формы в этой связи можно найти у Ю.С. Степанова: „По вызову учительницы один мальчик лет четырнадцати, с хриплым голосом ... с ростовским-на-Дону произношением, т.е. почти не разжимая рта на гласных, без всякого выражения – но более выразительного чтения я не слышал – прочел...” Степанов Ю.С.: *Константы: Словарь русской культуры*. Москва, 2001, с. 5.

21. Относительно речевых особенностей русского языка Литвы см., напр., статьи в сборнике „Русистика и современность. Языкознание”. Под ред. М. Бобрана. Жешув, 1999: Авина Н.Ю.: *Национальные тенденции в русском языке жителей Литвы*. С. 341-352; Буренина Л.М.: *Специфика функционирования и изучения русского языка как иностранного в Литве*. С. 363-368.

22. *Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос*. Ленинград, 1983.

23. Зимняя И.А.: *Психологические особенности восприятия лекции...*, с. 30.

24. О взаимосвязи говорения и слушания в процессе речи – Щерба Л.В.: *О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании*. [В:] Щерба Л.В.: *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград, 1974, с. 24-39.

Речевой русско-польский тезаурус: “Диалог” номинаций в учебных целях

Одна из наиболее сложно преодолеваемых трудностей при овладении языком, в том числе иностранным и близкородственным, связана, как известно, с употреблением слова в речи. Механизм речевого автоматизма, с одной стороны, инертно и бегло действующий в речевом пространстве своего языка, а с другой, не только отсутствие навыков, но и объективных условий для подключения такого же, параллельно, другого автоматизма, для изучаемого языка, не способствуют преодолению интерференции в сфере контекстной семантики и синтагматики речи. Речь становится в результате чужеродно распознаваемой, т.е. выражено акцентной¹, либо, напротив, нейтрализованно сглаженной, выразительно недостаточной, затушеванной и неполной, ограниченной в отношении средств и возможностей передачи оттенков смысла, нередко имеющих и представляющих коммуникативно существенный для говорящего смысл. Преодоление всего сказанного в более или менее полном объеме, сразу оговоримся, в стандартном случае вряд ли возможно и, может, не столь уж и важно. Дело не в том, чтобы так организовать приемы и формы обучения и овладения речью, в том числе и в основном на другом языке, а в том, чтобы восполнить отсутствующий в словарях, грамматиках и учебной литературе, необходимый, по нашему убеждению, материал, представляющий не только и не столько семантику слова, но и его речевую способность, узуальную ориентированность.

В двуязычном и в одноязычном толковом, т.е. объяснительном, словаре предоставляемая информация в отношении употребления слова отсутствует. Двуязычный словарь, даже самый полный и обстоятельный, так устроен, и это его природа, что в основном накладывает, предоставлением эквивалентов, слова одного языка, осваиваемого, на слова другого, осваивающего, давая возможность представить, с чем примерно, с каким кругом обозначаемого та или другая лексическая единица потенциально соотносима и чем может быть выражена, какой другой симметрической единицей в другом языке. Ее выражение при этом, т.е. само речевое использование, недостаточно ясно и из показываемых эквивалентов не следует, поскольку зависит от контекстуальных причин, которые двуязычный словарь не предвидит.

Толковый словарь дает более полное представление о слове, обращаясь при этом нередко к возможным контекстам через иллюстративный материал. Однако цели толкового словаря, концентрируемые на описании семантики, определяемой как лексическая, имеют скорее регистрирующий смысл – показать, что такое слово есть в языке, пишется так-то и означает то-то, а иллюстративный материал, подбираемый в основном из художественной литературы и публицистики, не столько ориентирован на типичность словоупотребления (критерий, которому очень трудно следовать), сколько на подтверждение отмечаемых словарем наличия и объективности данного слова для данного языка и конкретного его состояния. Отнюдь не секрет, поэтому, что доля информативности предоставляемого толковыми словарями материала (а привлечение и сопоставление разных подобных источников дает больше) будет существенно разной для специалиста, неспециалиста, но при этом носителя языка, и того, для которого данный язык родным не является. В последнем случае подобная доля может вообще оказаться настолько мало значительной, что, видимо, это одна из причин того, что к толковым словарям изучаемого иностранного языка обращаются редко и мало и в специфических целях, удовлетворяясь словарем двуязычным и полностью им обходясь.

Не замеченными и не актуализированными во всех этих случаях, при обращении к словарям, оказываются нелегко уловимые и с большим трудом определяемые оттенки несовпадения данной лексической единицы по сравнению с такими же единицами того же самого, т.е. своего, языка и, в особенности, не своего, т.е. другого. Теоретически языкознание², и прикладное языкознание³, к данной проблеме давно уже начало подходить. Практически, т.е. для целей преподавания, обучения и речевого использования, проблема слова как единицы контекстного и речевого употребления, в аспекте синтагматической и коммуникативной семантики, далеко не поставлена.

Поскольку всякому прагматическому разрешению вопроса (о чем впереди) необходимо должна предшествовать некая теоретическая идея, некий системный проект, предложим один из таких подходов. Та область узуальной семантики слова, о которой здесь речь, осуществляет и обнаруживает себя в контексте реально-потенциальных словоупотреблений, – имевших, имеющих место и тех, которые реально способны такое место иметь в реализациях у носителей данного языка. Выявление и определение репрезентативной массы подобных контекстов с целью последующего их

типологического представления и описания для слова – задача сама по себе трудоемкая и очень сложно организуемая. Как в отношении объема материала, так и его достаточных и необходимых границ. Одновременно с этим еще далеко не всё при решении объявляемой задачи способная разрешить, поскольку недостаточно объективирует узуальные признаки речевой семантики слова. Понятие речевого контекста накладывается неизбежно на теоретически недостаточно ясное понимание типа и вида контекста, необходимого и достаточного, ближайшего и дальнейшего, мини- и макроконтраста, используемых в научной литературе обычно при разрешении собственных прикладных задач.

При изучении языка и особенно при обучении языку другому как иностранному можно идти, как известно, двумя методическими путями. От него самого, от его природы, постигая его как отдельность, с одной стороны, и через сравнение, сопоставление, подчеркивая его отличие от другой речевой системы как системы коммуникативно-кодовой, знаковой, семантической, – с другой. Изолированно и конфронтативно, иными словами. Каждый подход и путь имеет свои особенности, достоинства и последствия, перебирать которые здесь не будем, важно лишь подчеркнуть, что в каждом таком подходе, по видимой форме и способам представления своего объекта различающимся и даже противоположным, присутствуют обязательно, явно или неявно, ощутимые признаки и того и другого, т.е. обоих таких подходов. Поскольку даже при изучении одного языка, своего, без другого, при овладении им одним, происходит взаимное перекодирование, интерпретирование одного через другое, одних значений и связей через другие, включаемого через уже имеющееся, с определением особого места каждому и в связи с таким же другим.

Подходя к изучению и освоению (либо проблеме только изучения и освоения) той или иной речевой лексической единицы, мы имеем дело, следовательно, в зависимости от глубины подхода и стоящих перед нами задач, прежде всего, со способом скрытой, упрямой в ней когнитивно-валентностной интерпретации, составляющей ее семантический узуальный потенциал. Когнитивно-валентностной интерпретации – поскольку ее далеко не всегда осознаваемые носителями и мотивируемые сознанием актанты значения действуют, обнаруживают себя в вероятных связях, в соединениях данного слова с другими, в контексте реализуемых речевых единиц.

Валентностные свойства значения слова отчасти себя проявляют в словарях сочетаемости⁴, на их основе могут быть поняты, усвоены, а в случае необходимости и объяснены. Однако интересующая нас речевая синтагматическая специфика номинативной лексической единицы, в валентностях и сочетаемостях себя обнаруживающая, вместе с тем валентными свойствами не исчерпывается и не сводится к ним⁵. Не может быть также с их позиции объяснена, поскольку валентность слова, его потенциальная сочетаемость представляет собой проекцию, следствие, а не мотив и причину искомых свойств.

При сопоставлении лексических эквивалентов, далеко не всегда, как известно, соотносимых и симметричных даже при первом, ограниченном словарем, подходе, с точки зрения их речевого использования и сочетаемости, неизбежно следуют и возникают вопросы объема лексического значения каждой из сопоставляемых единиц, вероятных и допустимых контекстов ее (в сопоставлении с такими же для эквивалентной) использования, допустимости, точнее разрешимости того либо иного организованного построения (речевой конструкции) с ней. Те вопросы, на которые ни один возможный словарь практически значимого ответа, как правило, не дает и не может дать в силу иного по характеру своего представления отражаемого в нем материала.

Помимо трех обозначенных нами параметров – объема лексического значения (семантической емкости), контекстной проекции и конструктивной (синтагматической) ориентированности, участвующих и действующих в поле речевой узуальности слова, возможен еще один, как показывает сопоставительный материал контекстов, не менее важный для речевого использования лексической единицы, параметр – его коммуникативно-ситуативная актуализированность. Это параметр коммуникативного выбора и предпочтения, показатель заряженности, повернутости к речевой ситуации слова, с одной стороны, и, вместе с тем, показатель самой речевой ситуации, с другой, ее восприятия, типичной интерпретации и проективности для носителей языка по отношению к предпочитаемо привычному к данной типично воспринимаемой ситуации слову (словам). Речь, иными словами, идет о характере, речевом механизме вербального оформления актуализированно выбираемых и предпочитаемых фрагментов действительности – о том, что можно бы было определить как явление привычного для сознания носителей данного языка референтивного интерпретатива. Последнее свойство себя проявляет, в частности, в ком-

муникативно типических построениях (выражениях, фразах), а также в характере их вербального оформления и типичного словоупотребления в этом виде контекстов.

К проблеме сопоставительного описания и представления лексической речевой узуальной семантики, т.е. такой характеристики слова, которая позволяла бы заключить не только о словарно-системной его семантике, но и о способности как речевого интерпретатива, характеризующего собой называемый словом фрагмент действительности, можно бы подходить по-разному. Разработанные в последнее время лексикографические подходы к описанию слова как элемента “наивной картины мира”⁶ дают достаточно прочный теоретический материал для обобщения и последующего использования и для контрастивного изучения его семантики.

Чем есть семантика слова, если над этим задуматься, с позиции подхода, определяющего различия либо оттенки различий, при сходствах? Подхода, равно присутствующего при описании его семантики как элемента класса, подкласса, разряда, понятийно-тематической, лексико-семантической группы⁷? Либо с позиции интегрального описания синонимов, семантика отличий между которыми определяется в терминах семантических оппозиций, набор и значения которых будут зависеть от лексикографических типов слов или группы типов⁸? Или с позиции, предполагающей определение различий лексических эквивалентов двух языков, в особенности языков близкородственных, пересекающихся и имеющих общее поле для сопоставления не только с точки зрения семантики, но также и структуры и формы?

Во всех трех случаях исследователь неизбежно сталкивается с проблемой смыслового и узуального контрастирования. С проблемой своеобразного номинативного концептуального “диалога” двух (и более) сопоставляемых единиц. Во всех трех случаях объект описания можно представить как лежащий вне слова когнитивный пучок обобщенных признаков, взаимно организуемых и один к другому притягиваемых по каким-то законам, работающим внутри языка, для которого слово дает возможность реализации и проявления в речи.

Если делается акцент на состав и признаки, определяющие пучок, получаем один тип анализа с возможностью в дальнейшем его лексикографического описания⁹. Если на связь того или иного пучка с насыщаемым им собою словом, без основательной прорисовки внутреннего состава, характера признаков, их оппозитивной системности и т.п., получаем

другой, наиболее принятый и распространенный в лингвистических словарях, определяемых как толковые. Если же сделать акцент на организации и притяжении признаков, с актуализацией внутренне незаметной идиоматичности типов притягивания, характеризующих номинативные и референтивные свойства данного языка, то получим аспект, сопряженный с валентностной речевой узуальностью и представляющий некую смысловую и когнитивную плоскость, которую принято определять как тезаурус – смысловую систему какой-либо когнитивной области, сферы.

Речевой и конфронтативный тезаурус, в нашем случае русско-польский, должен включать в себя, неизбежно и в силу своей природы, представительный материал сочетаемостей слова, возможно больший запас его словоупотреблений¹⁰, в реализациях типичных словосочетаний и привычных интерпретативных контекстов. Отправной позицией было само понимание семантики слова как лингвопсихологического концептуального интерпретатива – не столько единицы¹¹, сколько привычного способа интерпретации отображаемых в слове референциальных признаков. Способа, проявляющего себя в речевом тезаурусе данного языка и отличающегося от такого же способа для языка другого.

Изучаемое и описываемое нами слово, имеющее в другом языке свой лексический эквивалент (эквиваленты), с точки зрения смысла представляющее собой способ интерпретации воспринимаемых говорящим объективных и референциальных свойств, теоретически определяется нами как коммуникативно значимый тип психосубъектного отношения к называемому, точнее как одна из проекций такого типа. При далеко не полном пересечении объемов лексического значения эквивалентов двух сравниваемых языков, при вероятной симметрии их как типов, проекции способа интерпретации, заключенные в слове и проявляемые в словоупотреблениях и контекстах, не симметричны и овладение ими составляет особую трудность при изучении языка, трудность к тому же неясную и не проявленную.

Практическому решению этой задачи отчасти может помочь предлагаемый вниманию *Речевой русско-польский тезаурус*, определяемый как *Учебный словарь сочетаемостей и словоупотребления*. Основная цель словаря связана с демонстрацией особенностей словоупотребления в одном и другом языке для лексических эквивалентов, что неизбежно предполагает довольно пространное представление материала – в словосочета-

ниях, речевых ситуативных контекстах, фразеологии, паремиологии, возможных структурных и семантических дериватах слова.

В недостижимом пока что теоретическом идеале такой словарь, задуманный как своеобразная валентностная смысловая сеть одного языка, с характерными для него узлами, позициями, этажами и зонами, накладываемая на такую же сеть языка другого, третьего и т.д., давал бы возможность увидеть не только семантику слова, но и особенности его проявления и актуализации в речи, в контрасте и специфичности каждого привлекаемого языка, что потребовало бы независимо-ориентированной организации и проработки словарной статьи для каждого слова. Независимой – с точки зрения направленности на себя, как на единицу собственного словоупотребления, а ориентированной – с точки зрения повернутости в сторону сопоставления и контраста, с определением, в конечном итоге, через этот контраст, собственной, для своего языка, речевой специфики. Наложение двух (и более) разрабатываемых таким образом параллельных, но ориентированных друг на друга по парам сетей-систем происходило бы на дальнейших этапах.

В конечном итоге, на выходе, разработанная статья словаря представляла бы собой своеобразный, коммуникативно и узуально ориентированный, диалог номинаций – слов, словосочетаний на основе данного слова, типично возможных с ним в речи высказываний, фразеологических и паремиологических единиц, как соотносимых, так и не соотносимых по языкам. Диалог этот на каждом шаге должен, по замыслу, сопровождаться типологическими характеристиками данного слова в регистрах возможного словоупотребления, отличающими его от его соответствий сопоставляемого языка, с выведением в результате типичного и характерного для его узуального речевого и коммуникативного (контекстного и ситуативного) облика, с представлением, в конечном итоге, такого же облика для его лексемного типа – группы слов с подобными узуально-валентными признаками, являющимися проекцией общих психосубъектных свойств (общность места в модели мира).

Первый этап обработки и описания материала может быть ограничен выборочным представлением ряда лексем для учебных целей. В основе такого подхода, регулирующего и ограничивающего в противном случае неизбежно почти бесконечный объем, лежало несколько принципов. Во-первых – отбор тех лексем, которые представляют бóльшую трудность с точки зрения данной аудитории (носителей своего языка). Во-вторых –

не пересекающееся и взаимно не соотносимое, возможно даже иначе организованное, представление изучаемого языка, языка-объекта, и языка изучающего, языка-субъекта, являющегося своего рода концептуальной и семантической призмой, орудием для овладения языком-объектом. В-третьих – не полное и не последовательное представление и прорисовка типологических оснований несходств, скорее попутная, направляющая и подсказывающая. В-четвертых – неявная экспликация зон и уровней сочетаемости и ситуаций речевого контекста, без типологической их разработки.

В качестве иллюстрации приведем фрагмент одной словарной статьи польской части характеризуемого словаря¹²:

Amator любитель *чего-л.* (любителя, любителем; любители, любителейми); *разг.-прост. и чаще в устойчивых оборотах* охотник до *чего-л.* (напр., охотник до сказок) ‘miłośnik, zwolennik czegoś, zajmujący się czymś z upodobania’

amator (czego) любитель (чего) książek книг (*чаще* книголюб, *спец.* библиофил, но – *Он не любитель книг. Я не охотник до книг, до чтения.*); powieści fantastyczno-naukowych научной фантастики, powieści historycznych исторических романов (*чаще* любить / не любить (читать) научную фантастику, исторические романы)

[любитель балета, оперы, музыки, искусства, живописи, рисования, охоты, рыбной ловли, спорта – *возможно, но может иметь иронический оттенок, поэтому чаще используются глагольные образования*: любить балет, оперу, музыку, искусство, живопись, литературу, книги, рисование (рисовать), *либо формы типа* меломан, балетоман, театрал, оперный любитель, кинолюбитель, фотолубитель, *либо при отрицании, сомнениях*: Он не любитель балета, музыки, кино... Какой он любитель, какой из него любитель, он плохой любитель..., *либо усиленные формы с определением*: страстный, большой любитель театра, музыки, кино, живописи, искусства]

gry w karty, w szachy // заядлый картёжник, шахматист; карточный, шахматный любитель (но – *Я не любитель (не охотник до) карт, шахмат, карточных игр, карточной, шахматной игры*), polowania охоты, любить охоту, охотник-любитель, czynnego spędzania czasu wolnego любитель активного отдыха, сторонник деятельного отдыха, деятельного провождения времени, времяпрепровождения, активных форм досуга; piłki później любитель футбола, łyżwiarstwa конькобежного спорта, *чаще* любить / не любить коньки, wioślarstwa // любить греблю, гребной спорт [любитель гребного

спорта – *малоупотр.*; любитель гребли – *ирон.*], *wspinaczek górskich* любитель горного туризма, походов в горы, горных походов, скалолаз-любитель, *jeździectwa* конного спорта, лошадей, верховой езды, *kolarstwa* велосипедного спорта, велосипедист-любитель; *amator kolekcjonowania znaczków* // филателист, значкист, коллекционер марок, значков, (он) собирает (любит, коллекционирует) марки, значки, (страстный) собиратель марок, значков, коллекционер-любитель марок, значков, у него (хорошая) коллекция марок, значков, *starych monet* // нумизмат, коллекционер (старых) монет, собирает, коллекционирует (старые) монеты [*реже, хотя возможно*: любит, люблю (старые) монеты], у него коллекция монет, *starodruków* любитель антиквариата, антикварных книг, изданий; *pieszych wycieczek* пешеходных экскурсий, прогулок, *podróży w nieznane* путешествий в неизвестное (*но нетипично, малохарактерно*) [любитель приключений – *насмешл., ирон., о том, кто ищет неприятностей себе на голову; синоним* ~ любитель острых ощущений], *zimnej kąpieli* любитель холодной воды, любитель плавать в холодной воде [*но чаще* любить холодную воду, любить купаться в холодной воде (принимать холодную ванну, душ) *либо о таком человеке скажут*: он морж, она моржиха]; *kawy, herbaty, kuchni chińskiej, kuchni węgierskiej* любитель кофе, чая, китайской, венгерской кухни [*но чаще с отрицанием*: Я не любитель кофе, чая, китайской, венгерской кухни, *либо* страстный, большой любитель...], *более употребительно*: любить кофе, чай, китайскую, венгерскую кухню

żart. *amator blondynek, brunetek* // любить, предпочитать блондинок, брюнеток; мне (ему) больше нравятся блондинки, брюнетки [любитель блондинок, брюнеток – *возможно с оттенком осуждения, неприязни, неудовольствия*]

~ *entuzjasta, hobbista, fanatyk, obsesjonista, zapaleniec, zagorzalec, pasjonat* // страстный, горячий поклонник чего-л., болельщик, фанат, фан, помешанный на чём-л., увлечённый чем-л., у него это хобби, это его хобби, мания (ср. он футбольный, спортивный, телевизионный маньяк, телеманьяк), *pot. rożeracz* // он глотает книги, глотатель книг, книгоглотатель, *pies na coś* // зверь в каком-либо деле, *разг.* до чего-л. [*но более – об увлечённом своим делом умельце, мастере*: – Шахматы – его страсть, он в этом деле зверь! – Я зверь до карт, ты что, со мной лучше не связывайся!]

amator kwaśnych jabłek // чудака(-человек), чудной, причудливый, причудник, странный; странные (у кого) пристрастия, увлечения, занятия ‘*ktos o dziwnych upodobaniach, nie aprobowanych przez innych*’

– Moja sąsiadka jest amatorem kwaśnych jabłek, ma naturę samotnika, tygodniami nie wychodzi z domu. // Соседка у меня очень странная (женщина; удивительная, весьма причудливая особа), любит уединение (одиночество её не смущает, не пугает), неделями может из дома не выходить. – Mój znajomy jest od dwóch lat amatorem kwaśnych jabłek, hoduje w domu różne gatunki obrzydliwych pajaków. // У моего знакомого уже два года как очень странные увлечения, выращивает в доме каких-то противных (отвратительных) пауков. – Ktoś, kto hoduje w domu węża, jest amatorem kwaśnych jabłek. (por. nie jestem amatorem kwaśnych jabłek, wolę słodkie jabłka). // По-моему, тот, кто разводит в доме змей (держит в доме змею), мягко говоря, человек со странностями.

любитель, дилетант <... >: kaflarz amator // мастер-любитель, kierowca-amator шофёр-любитель ‘niezawodowy’, malarz-amator художник-любитель, pisarz-amator // (писатель-)графоман, poeta-amator // (поэт-)графоман

~ laik дилетант, профан, nieprofesjonalista не профессионал, niefachowiec, niespecjalista не специалист, nowicjusz новичок, złotodziób желторотый, молодой, (слишком) юный, молодняк, zielony, молокосос, малой, *grub.* сопляк, *pot. fryc, pot. fuks* новичок, *жарг.* салага, салажонок, *жарг.* фраер, *pot. fuszer* халтурщик, *разг.-жарг.* халявщик, *муз. жарг.* лабух, *partacz* бракодел, *портач, прост.* портачник, *obelż.* pisarzyna писака, графоман, писателишка, сочинитель, *роесина* поётишка, *wierszokleta* стихоплёт, *виршеплёт, gryzipiórek* <... > шелкопёр, борзописец, борзописака, писарь, писарчук, бумагомаратель, бумагописака, *grub.* пачкун (*также и о журналисте*), *malarzyna* ‘malarz-amator’ богомаз, художник-любитель, горе-художник, никчемный, некудышный художник, *dyletant* дилетант, *nieuk* недоучка, невежда

желающий, охотник <... >: – *Po długich poszukiwaniach znalazłem wreszcie amatora na nasz stary samochód. После долгих поисков я нашёл, наконец, охотника на нашу машину <... >.*

~ *reflektant* претендент, соискатель, искатель, *kandydat* кандидат, сватающийся (*жених*), *chętny* желающий, ищущий

amator na zdechłe ryby ‘podejrzany kontrahent’ // странный (необычный) любитель

przysł. Każda potwora znajdzie swego amatora. // На каждый товар есть свой купец. И на что только желающих нет!

любитель, непрофессионал <... >: – *Zagrał w drużynie piłkarskiej jako amator, ale już w pierwszej połowie zdobył dwie bramki. // И хотя он в футбол играл как любитель, уже в первом тайме ему удалось забить целых два гола (аж два гола).*

Amatorszczyk *pogard.* ‘amator, nieprofesjonalista w jakiejś dziedzinie’ // дилетант

w gwarze uczniowskiej ‘bardzo dobry uczeń’ любимчик

w gwarze przestępczej: ‘dokonujący po raz pierwszy przestępstwa, a także ten, kto kradnie małowartościowe rzeczy’ любитель, неспециалист, непрофессионал: – *Policja od razu zorientowała się, że włamania dokonali amatorzy: zabrali gotówkę (choć banknoty były numerowane), a zostawili чеки na okaziciela. Полиция сразу сообразила (установила, определила), что взлом был совершён неспециалистами (любителями; совершили любители): прихватили наличные (хотя банкноты были пронумерованы) и оставили (не тронули) чеки на предъявителя. – То amator, a nie złodziej kieszonkowy, nie odróżni, kto może posiadać przy sobie większą gotówkę. // Это какой-то любитель, а не карманник-профессионал, раз он не в состоянии сообразить (определить), у кого есть, а у кого нет при себе наличных (у кого больше денег).*

Amator любительница <... >

Amatorski любительский, непрофессиональный, самодеятельный <... >

Amatorsko по amatorsku // как любитель, любительно, непрофессионально... **Amatorskość** любительство, дилетантство, дилетантизм <... >

Amatorstwo увлечение, пристрастие, (любимое) занятие, любительство

Amatorszczyzna // непрофессионализм, самодеятельность <... > – *Jej pierwszy publiczny występ, to nie amatorstwo, to amatorszczyzna. // Её первое публичное выступление, это какая-то самодеятельность, полнейший непрофессионализм!*

2001 г.

Примечания:

1. На этом построено представление об акценте (лат. *accentus* ‘ударение, повышение голоса’) как совокупности фонетических признаков, выдающих речь того, для кого данный язык родным не является, что распространяется и на представление о его речевом построении в целом.

2. См., напр, работы: Гак В.Г.: *Сопоставительная лексикология*. Москва, 1977; Толстой Н.И.: *Из опытов типологического исследования*

славянского словарного состава. “Вопросы языкознания” 1963, № 1; 1966, № 5.

3. Арнольд И.В.: *Стилистика декодирования. Курс лекций*. Ленинград, 1974; Колшанский Г.В.: *Контекстная семантика*. Москва, 1980; Ярцева В.Н.: *Теория и практика сопоставительного изучения языков*. “Известия АН СССР. Серия литературы и языка” 1986, т. 45, № 6; и др.

4. *Словарь сочетаемости слов русского языка*. Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. Москва, 1983 (теоретически см. обобщение в работе: Морковкин В.В.: *Сочетаемостные свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации*. В кн.: Проблемы сочетаемости слов. Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Москва, 1979, вып. 145); *Rosyjski wyraz. Słownik naukowo-dydaktyczny*. Red. J. Lukszyn. Warszawa, 1988.

5. Словари сочетаемости дают лишь типичные направления связей данного слова с другими словами, не показывая объема возможных валентностей и их парадигм.

6. Один из теоретических принципов, используемых, в частности, в *Новом объяснительном словаре синонимов русского языка*. Под общим рук. Ю.Д. Апресяна. Москва, 1997; 2000.

7. Что характерно для *Русского семантического словаря*. Под общей ред. Н.Ю. Шведовой (определяемого в подзаголовке как *Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений*). Т. 1. Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). Москва, 1998; а также и для других идеографических и тематических словарей либо построенных по этому принципу.

8. Принцип, определяемый как принцип системности в *Новом объяснительном словаре...*

9. Подход, характерный в целом для названных *Русского семантического...* и *Нового объяснительного...* словарей.

10. В ряду известных латинских синонимов, принятых для обозначения словарей – *vocabularium, lexicon, index, thesaurus* – последний определяется именно как словарь словоупотребления.

11. В психолингвистическом ее понимании – см., напр., в работе: Леонтьев А.А.: *Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания*. Москва, 1969 (необходимым в данном случае представляется подчеркнуть отличие лингвопсихологического от психолингвистического подходов).

12. Польский языковой материал словарной статьи был подготовлен Ядвигой Ставницкой.

13. Словарь состоит из выбранных по указанным принципам лексем отдельно русской и отдельно польской части, ориентированных на польско-говорящих. В каждой части содержится контрастирующий материал другого языка (в русской – польского, в польской – русского), следующего за логикой описываемого материала.

14. Объем не позволяет обстоятельно остановиться на принципах организации и строения словарной статьи, которая приводится лишь в качестве практической иллюстрации заявляемых постулатов и в не полном виде, на что указывают пропуски материала <...>. Цель иллюстрации состояла в том, чтоб показать имеющиеся зоны представления лексем и невозможность в целом ряде случаев пословной передачи типовых контекстов, а иногда и отсутствие симметрических номинативных соответствий.

РАБОТЫ И ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ

Помещенные в книге:

Семантика узуальной лексемы: модели речевого словоупотребления, структуры типических ситуаций. [W:] Русистика и современность. Языкознание. Red. M. Bobran. Rzeszów 1999, с. 85-105.

Слова-сигналы в когнитивных моделях высказывания (коммуникативные предметно-тематические проекции). [W:] Śląskie studia lingwistyczne. Pod red. K. Kleszczowej i J. Sobczykowej. Katowice 2003, s. 89-95. // Творчество и коммуникативный процесс – Creativity & Communication Process. Вып. 5, том I (1999). (<http://www.nicomant.org>). 12 с.

Номинативные мотивационные коды и контрастивное изучение речевой узуальной семантики (польско-русские соответствия). [W:] Konfrontacja języków słowiańskich na poziomie leksyki, słowotwórstwa i składni. Red. P. Czerwiński, przy współpracy M. Borek. Katowice 2001, с. 22-31. // Творчество и коммуникативный процесс – Creativity & Communication Process. Вып. 4 (1999): Uniwersytet Śląski Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej. Konfrontacja języków słowiańskich na poziomie leksyki, słowotwórstwa i składni. Konferencja 21-22 maja 1999 roku w Sosnowcu, Poland. (<http://www.nicomant.org>). 15 с.

Концептуальные и речевые клише как мотивирующая основа знаково-лексем языкового сознания. [W:] Cuadernos de Rusística Española. Nr 1. Red. R.G. Tirado, E.Q. Gervilla, Granada, 2004, с. 189-198.

Суффиксальные образования как способ маркированной социально-оценочной характеристики. [W:] „Mówimy, jak mówimy...”. Komunikacja w języku potocznym: podejście interdyscyplinarne. Red. M. Grabska, Ż. Sładkiewicz. Gdańsk 2014, с. 149-168.

Суффиксальные формы субъективной оценочности в узуальном аспекте (тематическая группа родственных отношений). [W:] Folia Linguistica Rossica 4. Język i kultura. Red. J. Wierzbński. Łódź 2008, с. 23-37.

Суффиксы субъективной оценки как элементы структуры слова в контексте занятий по русскому языку. [W:] Русский язык в польской аудитории. Т. 2. Под ред. А. Зых. Katowice 2008, с. 127-141.

Однокоренные лексемные формы – суффиксальные образования и лексикализации. [W:] Studia Universitatis Babeş-Bolyai. Philologia, Vol. 54 (2009) No. 1. Red. C. Braga. Cluj-Napoca, с. 7-13.

Суффиксы субъективной оценки и социальный аспект экспрессивности в языке (в отношении лиц). [W:] Язык и общество. Отв. ред. И.Н. Тупицына. Т. 1. Москва 2006, с. 181-186.

Суффиксальные образования с -л(а) существительных как формы субъективирующего отображения лиц [W:] *Studia słowianoznawcze* 2018/15. Red. D. Mucha, 62 с.

Домашне-семейные и коммуникативно-средовые формы личных имен современного русского речевого узуса. [W:] *Rodzina, tradycja, regionalizm. Oświata i kultura na Podbeskidziu*. Т. IV. Pod red. D. Czubali i M. Miczki-Pajestki. Bielsko-Biała 2007, s. 100-116. // *Формы личных имен и их средовые предпочтения в современной речи.* [W:] *Европейская славистика сегодня. Международный научный симпозиум. Сборник докладов.* Ред. С. Мисирианцу. Румыния, Клуж-Напока, 8-9 декабря 2006 г. 2007, Изд-во Напока Стар, с. 26-42. // *Формы личных имен применительно к типологии коммуникативных сфер речевого узуса.* [W:] *Труды Ростовского государственного университета путей сообщения.* Гл. ред. В.И. Колесников. № 1 (5) 2008, Ростов-на-Дону, с. 103-113.

Речевая стратегия не- и позиция говорящего в языке второй половины XX века. [W:] *Известия УрГПУ. Лингвистика.* Вып. 9. Отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург 2006, с. 270-289.

Узуальное не- в языке XXI vs. XX века. Диалог коммуникативно-речевых состояний? [W:] *Simpozionul Internațional „Dialogul Slaviștilor la începutul secolului al XXI-lea”*, Cluj-Napoca 2011, 20 с.

Образования с не- в контексте социально-политических изменений конца XX века. [W:] *Wschód – Zachód. Dialog kultur. Język rosyjski i literatura w perspektywie kulturowej.* Русский язык и литература в культурном пространстве. Pod red. G. Nefaginy. Słupsk 2007, с. 296-301.

Кодовые снижения и экстремальности как средства экспрессии в современном сленге. [W:] *Problemy nauczania języka rosyjskiego, literatury i kultury Rosji u progu XXI wieku.* Red. K. Luciński. Kielce 1999, s. 105-113. // *Современный сленг – кодовые снижения и экстремальности как средства экспрессии.* [W:] *Творчество и коммуникативный процесс – Creativity & Communication Process* (<http://www.nicomant.org>). Вып. Четвертый. Т.1 (1999). 15 с.

Жаргоны и сленг в аспекте оформления лексического значения слова. [W:] *Лексика подстандарта. Том 2. Современные жаргоны и их описание.* Под ред. А. Зых и М. Надель-Червиньской. Katowice 2009, с. 21-45.

Номинативы молодежного сленга: коммуникация и предметный мир маргинального. [W:] Лингвокультурология, Вып. 5. Под ред. А.П. Чудинова, М.Б. Ворошиловой. Урал. гос. пед. ун-т, Екатеринбург 2011, с. 133-161. // *Коммуникация и предметный мир маргинального (на примере номинативов молодежного сленга).* [W:] Język w komunikacji. T. 2. Red. G. Habrajska. Łódź 2001, s. 239-254 // *Номинативы молодежного сленга – коммуникация и предметный мир маргинального.* [W:] Творчество и коммуникативный процесс – Creativity & Communication Process. Вып. 7, том I (1999). (<http://www.nicomant.org>). 38 с.

Использование общеупотребительных лексем в интимных контекстах и речевых ситуациях. [W:] Лексика подстандарта. Т. 1. Проблемы описания разговорной речи. Red. A. Zych i M. Nadel-Czerwińska. Katowice 2007, s. 13-39.

Золотые нити серебряных струй: мотивационные основания одного маргинального номинатива. // Творчество и коммуникативный процесс – Creativity & Communication Process. Т. 1, (1998)2. (<http://www.nicomant.org>). 62 с.

Обучение речи и языку: процесс как форма и коммуникативная типология говорящего. [W:] Respectus Philologicus. Red. B. Sinoczka, Vilnius-Kaunas, 2003, nr 3(8), s. 55-65. // *Коммуникативные типы говорящих в аспекте обучения речи.* [W:] Иностранные слова и словосочетания с ними. Ростов-на-Дону: Изд-во "Феникс", 1996. Ч. 2, с. 466-480.

Речевой русско-польский тезаурус: „диалог” номинаций в учебных целях. [W:] Studia i szkice slawistyczne, 5. Dialog w literaturach i językach słowiańskich. T. 2. Językoznawstwo. Red. S. Kochman, Cz. Lachur. Opole 2003, s. 85-92.

Некоторые другие работы и публикации:

Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные. Wyd. UŚ, Katowice, 2012, 204 s.

Модели коммуникативных структур и функциональная типология текстов. [W:] Речевое воздействие в текстах разной функциональной направленности. Проблемы речевого воздействия. Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 3. Ростов-на-Дону 1996, с. 4-6.

Суффиксы субъективной оценки как модификаторы речевого узуса. [W:] Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. №. 11. Гол. ред. Д.С. Ищенко. Одеса 2006, с. 304-309.

Имплицитная оценочная семантика современных речевых словоупотреблений: реликты родовых отношений в коллективном сознании русскоязычных. [W:] Język rosyjski w konfrontacji z językami Europy w aspekcie lingwokulturoznawczym. Red. P. Czerwiński, H. Fontański, Katowice 2004, s. 15-21. // *Реликты родовых отношений в коллективном сознании русскоязычных (имплицитная оценочная семантика современных речевых словоупотреблений)* // Творчество и коммуникативный процесс – Creativity & Communication Process. Вып. 4, т. 2 (1999). (<http://www.nicomant.org>). 10 с.

Структура словарных значений лексемы в аспекте прагматики. [W:] Pragmatyczne aspekty opisu języków wschodniosłowiańskich. Pod red. P. Czerwińskiego, przy współpracy A. Charciarka. Katowice 2003, s. 21-27

Сигнальные функции слова в аутоэксplikативном тексте. [W:] Słowo w tekście, przekładzie i słowniku. Red. K. Bajor, J. Wierzbinski: Peter Lang, Frankfurt am Main – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien 2002, s. 477-493.

Русский язык новейшего времени в его отношении к лексике предыдущего состояния. // Dialogul slaviștilor la începutul secolului al XXI-lea. Anul II, nr. 1/2013. Red. K. Balázs, I. Herbil. Casa Cărții de Știință, Cluj-Napoca, 2013. – С. 56-68.

Концептуальные парадигмы русского речевого сознания в их отношении к изучению языка. [W:] Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка. Ред. Н.П. Исаев, Е.В. Исаева, Т. Медзиньски. Варшава 2000, с. 337-342.

Этимон как значимый компонент узуальной лексемы. [W:] Słowotwórstwo, semantyka i składnia języków słowiańskich. T. 2. Red. M. Blicharski, przy współudziale J. Lubochy-Kruglik. Prace naukowe Un-tu Śląskiego nr 1932. Katowice 2000, s. 90-97. // *Этимон: личностные идентификации как значимый компонент речевой узуальной лексемы* // Творчество и коммуникативный процесс – Creativity & Communication Process. Вып. 6, том II (1999). (<http://www.nicomant.org>). 11 с.

Ассоциативно-сигнальные элементы нарративно-обыденного высказывания (исследование современной речи). [W:] SLAVICA QUINQUEECCLESIENSIA VI. Linguistica. Translatologia. Red. Lendvai E. Pécs 2000, s. 252-258.

Коммуникативно-ролевая идентификация говорящего и восприятие речи. [W:] Русистика и современность. Глоттодидактика. Red. A. Paliński. Rzeszów 1999, s. 117-133 // Творчество и коммуникативный процесс –

Creativity & Communication Process (<http://www.nicomant.org>). Вып. Третий. Т. 2 (1999). 24 с.

Типажные экспрессивы как средство самооценки в высказывании. [W:] IX Международный конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. I. Братислава, 16-21 августа 1999 г. Тезисы докладов и сообщений. Братислава 1999, с. 177-178. // *Типажные экспрессивы (вербальное средство самооценки)* // Творчество и коммуникативный процесс – Creativity & Communication Process. Вып. 7, том II (1999). (<http://www.nicomant.org>). 2 с.

Семантика узуальной лексемы: модели речевого словоупотребления, структуры типических отношений в языке политики. [W:] Slavica quinqueecclesiensia IV. 1998. Linguistica Translatologia Cultura. Red. Lendvai E., Hajzer L. Pécs 1998, с. 257-267. // *Семантика узуальной лексемы: модели речевого словоупотребления, структуры типических ситуаций.* // Творчество и коммуникативный процесс – Creativity & Communication Process (<http://www.nicomant.org>). Вып. Пятый. Т. 2 (1999). 29 с.

Словарь современного речевого словоупотребления как форма представления узуальных значений. [W:] Функционирование языка в различных речевых жанрах. Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 1. Ростов-на-Дону 1997, с. 14-15 (Соавт.: М.А. Червинская, А.А. Шульга).

Узуальные значения. Словарь современного речевого словоупотребления (первоначальная концепция словаря Сексуального Ego) [W:] Творчество и коммуникативный процесс – Creativity & Communication Process (<http://www.nicomant.org>). Вып. Четвертый. Т.1 (1999). 45 с. Соавт.: М. Nadel-Czerwinska, A. Shulga.

Метафоры русского сексуального ЭГО. Словарь современного речевого словоупотребления. Буква А (Вторая версия словаря). [W:] Russian Mentality Yesterday and Today. (<http://www.fortunecity.com/victorian/twain/309/m/>). 126 с.

Русское сексуальное Ego: словарный материал к букве В (взлёт – взмочить). [W:] Творчество и коммуникативный процесс – Creativity & Communication Process. Вып. 6, том I (1999). (<http://www.nicomant.org>). 13 с.

Русское сексуальное Ego: словарный материал к букве В (взмывать – вишь). [W:] Творчество и коммуникативный процесс – Creativity & Communication Process. Вып. 8, том I (1999). (<http://www.nicomant.org>). 30 с. Соавт.: М. Nadel-Czerwinska.

Научное издание

Пётр Червинский

РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ УЗУС

Дизайн обкладинки, верстання та макет: Юрій Завадський.

Мова видання: російська.

Підписано до друку 22.11.2018. Папір офсетний.

Обліково-видавничих аркушів 24,9.

Тираж 500 примірників.

Видавництво «Крок»

Свідоцтво ДК No.3538 від 30.07.2009 року

вул. Гайова, 56, Тернопіль, Україна, 46006

тел. +38 0352 248436

info@krokbooks.com

KrokBooks.com

...еящ...
...ота. Контра...
...ейтенантъ; адмирал...
...ная бабочка аталанта, чер...
...рава. Адмираловы очки, адмирал...
...Адмиральскій жезлъ. Адмиральство, адмиральство,
...работы флота; тутъ верфи, элнги, доки, мастер-
...огда и самое управленіе; — **тейскій**, къ нему
...и, относящ. Адмиралтействъ-советъ, при мор-
...е, для обсужденія дѣлъ по морской военной части.
...и. Господь-Сый, одно изъ именъ Всевышняго.
...растеніе стародубка, изъ сем. лютиковыхъ, Adonis.
...ескій-стихъ, состоящій изъ дактиля и спондея:
...наприм. помятая воля; ирѣшная боля.
...ть, адресовывать что, кого, куда; къ кому; на чье имя;
...адресъ, надпись; насылать, надписывать; — **ся**, быть
...насылаему, насылаему; // обращаться, адресовка ж. **адресъ** м. об-
...къ. **Адресованіе** ср. ок. **адресовка** ж. **адресъ** м. об-
...къ. **Адресъ**, именная надпись на чемъ, кому пис-
...и или вещь слѣдуетъ, иногда съ указаніемъ жителя и
...насылъ, насылка. **Пиши** письмо, посылать для отысканія
... // словесное указаніе для записки, ерлыкъ для отысканія
... // прошение въ вексель того, благодар...
... // прошение; // вещь на...
... **Адресный** ...
... // место, кото...
... // и выдаетъ отъ...
... // именная ... списокъ
... пр. **Адр**...
... — **щидъ**

ISBN 978-617-692-505-7

9 786176 925057 >